

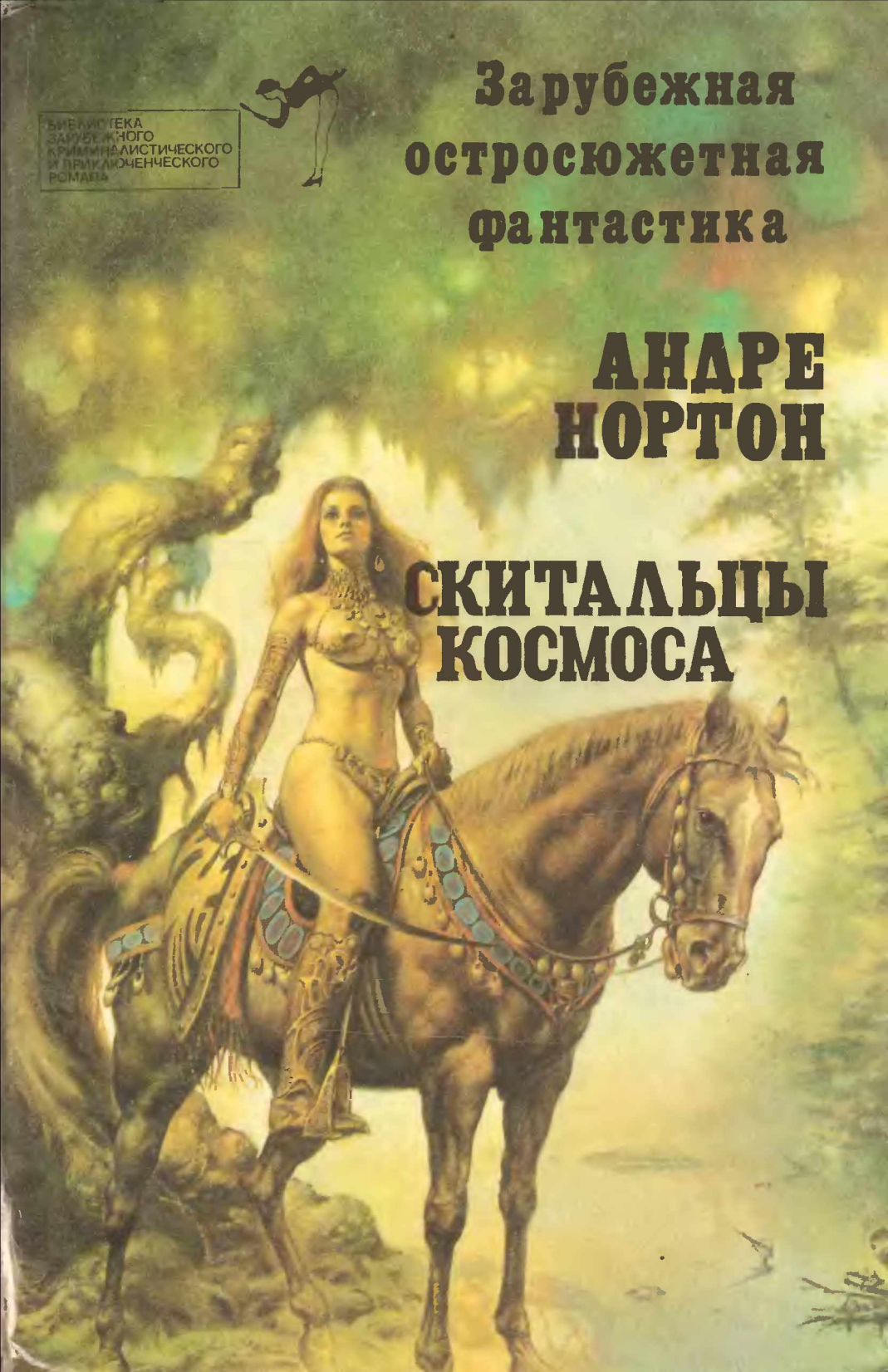
БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

**АНДРЕ
НОРТОН**

**СКИТАЛЬЦЫ
КОСМОСА**

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежный
остросюжетный
детектив**

**АНДРЕ
НОРТОН**

**СКИТАЛЬЦЫ
КОСМОСА**

ТАЛЛИНН «БИБЛИОТЕКА «ЛООМИНГ» 1992

ANDREW NORTON
"SARGASSO OF SPACE"
NEW YORK — ACE BOOKS — 1957

Составитель А. САЯПИН
Перевод с англ. А. СНЕЖКО
Художеств. оформ. В. ЗАВЬЯЛОВ

А. Нортон

«Скитальцы космоса». Перевод с англ. А. Снежко. Составитель А. Саяпин.—
Таллинн: «Библиотека «Лооминг». 1991.— 400 с. ил. /«Библиотека зарубежн. кримин. и
прикл. романа». Выпуск 5/

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-7979-0438-1

В пятом сборнике предлагаем Вашему вниманию серию романов знаменитой американской писательницы Андре Нортон. Все пять романов продолжают друг друга и объединены едиными героями в одну большую книгу, получившую название «Скитальцы космоса». С первых же глав романа «Саргассы в космосе», открывающего эту книгу, Вы вместе с Дэйном Торсоном, назначенным помощником суперкарга, попадаете на борт «Королевы Солнца». Вместе с экипажем этого космического корабля, являющегося вольным торговцем, Вы сразу же попадаете в самые невероятные и захватывающие дух приключения. Это и схватка с космическими пиратами, и разгадка тайн Предтеч, и поиски алмазов на планете Саргол, и многие-многие другие похождения героев сериала...

Думаем, что читатель не останется равнодушным ни к Дэйну Торсону, ни к его отважным друзьям. Предлагаемые Вашему вниманию все пять романов А. Нортон сведены в одну книгу впервые.

Н 4703010100—15
904(15)—91

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-7979-0438-1

© «Библиотека «Лооминг», 1991

САРГАССЫ В КОСМОСЕ

«КОРОЛЕВА СОЛНЦА»

Худощавый, очень молодой человек в необмятой форме Торгового флота попытался вытянуть затекшие ноги. «На кого они рассчитывали, когда проектировали эти вагоны? — с некоторым раздражением подумал он. — Они, верно, воображали, будто в их межконтинентальных подземках станут ездить одни карлики». В который уж раз он пожалел, что не смог позволить себе взять место на самолете. Но ему стоило только ощупать свой тощий кошелек, чтобы вспомнить, кто он и что он: Дэйн Торсон, новичок в Космофлоте, без корабля и без протекции.

В кошельке были подъемные, положенные выпускнику Школы, и жиденькая пачка мятых кредиток — все, что удалось выручить за вещи, которые не берут с собой в космос. Остался у него только небольшой чемодан, вмещавший все его пожитки, и еще тонкая металлическая бляха, на которой вырезаны и выбиты непонятные ему значки. Эта бляха была его пропуском в будущее, в светлое будущее, как твердо решил Дэйн.

Впрочем, не забывай, что до сих пор тебе тоже везло. Все-таки не каждый мальчишка из федерального приюта получает путевку в Школу и десять лет спустя становится помощником суперкарго, готовым к назначению на космический корабль. Тут он вспомнил о последних неделях в Школе, о свирепых экзаменах и содрогнулся. Основы механики, введение в астрогацию, а потом — экзамены по специальности: обработка грузов для перевозок, техника погрузки, торговые операции, галактические рынки, внеземная психология и прочее, и прочее... Все это он втискивал в свой мозг, и временами ему казалось, что в голове у него ничего нет, кроме каких-то кусочков и обрывков, которые он уже никогда больше не сможет увязать в разумное целое. Мало того, что учиться было трудно, — угнетали также эти новые веяния в системе распределения выпускников.

Дэйн хмуро уставился на спинку сиденья перед собой. Большинство курсантов принадлежали к семьям работников Торгового флота, они уходили в него корнями. Похоже, что работники Торгового флота превращаются в закрытую касту. Сыновья уходят в Космофлот вслед за отцами и братьями, и человеку без связей все труднее становится получить путевку в Школу. Ему повезло...

Взять, например, Сэндза. У него все служат в «Интерсолар» — два старших брата, дядя, двоюродный брат. И он никогда и никому не дает забыть об этом. А ведь стоит выпускнику получить назначение на корабль большой компании вроде «Интерсолар», и он обеспечен до конца дней своих. Компании держат в руках все регулярные рейсы между планетными системами. Их кос-

молетчики всегда спокойны за свое место, им дают возможность приобрести акции своей компании, а когда приходит пора оставить космос, обеспечивают пенсией или предоставляют административную должность, если они хоть как-то проявили себя. Ребятам вроде Сэндза достаются самые сливки Торгового флота — «Интерсолар», «Комбайн», «Денеб-Галактик», «Фолворт-Игнести»...

В дальнем конце обтекаемого вагона телевизионная реклама восхваляла импортные товары «Фолворт-Игнести». Дэйн, помаргивая, глядел на экран, но ничего не видел и не слышал. Все решит Психолог. Дэйн снова пощупал кошелек: опознавательный жетон в потайном кармашке был в целости и сохранности.

Реклама потускнела и сменилась красной надписью. Дэйн дождался легкого толчка, возвестившего об окончании двухчасового пути, и поднялся. Он с облегчением выбрался наружу и извлек свой чемодан из груды багажа в багажном вагоне.

Большинство пассажиров было из Торгового флота, но лишь немногие щеголяли эмблемами больших компаний. В основном это были бичкомеры, или вольные торговцы, люди, которые по вздорности характера или по каким-либо иным причинам не прижились в мощных организациях и кочевали с одного корабля-аутсайдера на другой, люди, стоящие на самой нижней ступени иерархии Торгового флота.

Бросив чемодан на плечо, Дэйн поднялся в лифте и вышел под палящее южное солнце. На бетонной полосе, огораживающей изрытое и обожженное взлетное поле, он задержался, разглядывая ряды стартовых установок. Тупоносые межпланетные торговцы, совершающие рейсы на Марс и в пояс астероидов, а также корабли для полетов на спутники Сатурна и Юпитера его интересовали мало. Звездолеты — вот что ему было нужно. Они возвышались вдали, их гладкие бока лоснились от предохранительной смазки, и пыль чужих миров еще лежала, быть может, на их опорных стабилизаторах...

— Ба, да это Викинг! Что, Дэйн, высматриваешь себе кораблик получше?

Дэйн стиснул зубы, но когда он повернулся, лицо его вновь было спокойным и непроницаемым.

Артур Сэндз явно строил из себя старого космического волка, и это, как с удовольствием отметил Дэйн, выглядело весьма забавно в сочетании с его сверкающими ботинками и новенькой формой. Но все же манеры Сэндза, как всегда, возбудили в нем скрытое раздражение. Вдобавок с Артуром были его обычные подпевалы — Рики Уорэн и Хэнлаф Баута.

— Только что прибыл, Викинг? Надо понимать, судьбы ты еще не пытал? Мы тоже. Пошли погибать вместе.

Дэйн колебался. Менее всего ему улыбалось предстать перед Психологом в компании с Артуром Сэндзом. Снисходительная самоуверенность этого типа действовала ему на нервы. Сэндз явно рассчитывал на самый лучший кусок, а школьный опыт показал, что Сэндз всегда получает то, на что рассчитывает. Дэйн же давно привык сомневаться в своем будущем. И если сейчас ему выпадет незавидный жребий, то лучше пусть это произойдет без свидетелей. Однако он понимал, что отделаться от Артура невозможно, и покорно отправился сдавать чемодан в камеру хранения.

Они, конечно, прибыли самолетом, подумал он. Артур со своими присными не привык себе в чем-нибудь отказывать. А интересно, почему это они

до сих пор не были у Психолога? Что они здесь делали целый час? Решили истратить свое последнее свободное время на прогулочку? Неужели... Дэйн ощутил легкое замирание сердца. Неужели им тоже не по себе, неужели они тоже боятся ответа машины?

Впрочем, от этой мысли ему тотчас пришлось отказаться: когда он снова присоединился к ним, Артур разглагольствовал на свою излюбленную тему.

— Машина, видите ли, беспристрастна! Все это детские сказки, которыми пичкают в Школе. Слыхали мы эту болтовню — человек, мол, назначается на должность, которая соответствует его характеру и его таланту, корабль-де должен обслуживаться идеально притертым экипажем... Все это мыльные пузыри! Если «Интерсолар» хочет заполучить себе парня, она его получит, и никакой Психолог не сможет всучить ей того, кого она не хочет! А это все разговоры для сопляков, не знающих, где у корабля нос и где корма... или для тех, у кого ума не хватает подыскать себе хорошее местечко. Меня вот не засунут на край света, на какой-нибудь заморенный торговец...

Рики и Хэнлаф с восторгом внимали каждому его слову. Но Дэйн не желал слушать такие разговоры. Вера в неподкупность Психолога была единственным, за что он цеплялся последние дни, когда Артур и ему подобные важно расхаживали по Школе, совершенно убежденные, что быстрое продвижение им обеспечено.

Он всегда предпочитал верить официальному утверждению, что реле и импульсы машины не подвержены воздействию извне, что судьба всякого, кто обращается к машине за назначением, решается совершенно объективно. Ему хотелось верить, что, когда он бросит в машину свой опознавательный жетон, электронному Психологу будет безразлично, что он сирота, что у него нет родственников в Торговом флоте, что кошелек его тощ и не может повлиять на его судьбу, и решение будет зависеть только от его знаний, от школьной характеристики, от его характера и способностей.

Но семена сомнений были брошены, неуверенность росла, и по мере приближения к залу назначений он шагал все медленней и медленней. Впрочем, он ни за что на свете не дал бы заметить свое беспокойство Артуру и его прихвостням.

Упрямая гордость толкнула его вперед, и он первым из четверых сунул свой жетон в щель машины. Пальцы его непроизвольно дернулись вдогонку, но жетон уже исчез, и Дэйн, справившись с собой, уступил место Артуру.

Электронный Психолог представлял собой всего-навсего ящик, куб сплошного металла — таким он по крайней мере казался сейчас выпускникам. «Насколько легче было бы ждать, — подумал Дэйн, — если бы мы своими глазами могли наблюдать, что происходит внутри этого сундука, как машина оценивает, сравнивает, комбинирует значки и насечки на наших жетонах, пока не подберет нам подходящие корабли из тех, что прибыли сюда в порт и подали заявки на помощников суперкарго».

Длительные перелеты, когда маленький экипаж закупорен в звездолете, почти без отдыха и без развлечений, приводили в прошлом к страшным трагедиям. На лекциях по истории Торгового флота, которые читались в Школе, рассказывали о таких случаях. Потом появился Психолог и стал с беспристрастной объективностью распределять нужных людей на нужные корабли в соответствии с их профессиональной подготовкой и составом экипажа, так чтобы их деятельность протекала с наибольшей отдачей и в наиболее

благоприятной обстановке. В Школе никто не рассказывал курсантам, как работает Психолог, как он читает значки на жетонах, но известно было, что решение машины фиксируется на жетонах, что оно окончательное и обжалованию не подлежит.

«Так нас учили,— думал Дэйн,— в это я всегда верил, и разве это может быть неправдой?»

Мысли его были прерваны медным звоном в недрах машины — это вернулся один из жетонов, на его поверхности появилась новая надпись. Артур схватил его и мгновение спустя торжествующе заорал:

— «Звездный скороход!» «Интерсолар»!.. Я знал, малыш, ты не подведешь старину Артура! — Он покровительственно похлопал машину по плоской крышке.— Ну, ребята, говорил я вам, что для меня он постарается?

Рики энергично закивал, а Хэнлаф даже позволил себе шлепнуть Артура по спине. Волшебник Сэндз вновь сотворил чудо.

Следующие два медных удара раздались почти одновременно, и два жетона, звякнув, выпали из машины один на другой. Рики и Хэнлаф схватили их. Лицо Рики разочарованно вытянулось.

— «Марс — Земля инкорпорэйтед»... — прочитал он вслух. — «Искатель приключений»...

Дэйн видел, как дрожат его пальцы, запикивающие жетон в кармашек на поясе. Не будет у Рики ни дальних звезд, ни великих подвигов, а уготовано ему незавидное местечко в системе околосолнечных сообщений, где так много конкурентов и так мало надежд на славу и богатство.

Зато Хэнлаф был в восторге.

— «Воин Денеба»! «Комбайн»! — вскричал он, не слушая несчастного Рики.

Артур, ослабившись, протянул ему руку.

— Давай пять, враг мой! — сказал он. Он тоже не обращал внимания на Рики, словно его бывший приятель перестал существовать.

— Держи, конкурент! — отвечивал Хэнлаф. Его обычного раболепия как не бывало.

Ему поразительно повезло. «Комбайн» был мощной компанией, настолько мощной, что последние два года она с успехом бросала вызов самой «Интерсолар». Она выхватила их-под носа у «И-С» правительственный контракт на почтовые перевозки и сумела завладеть концессией на эксплуатацию рейсов в одной из планетных систем. Вполне вероятно, что отныне Артур и его бывший подпевала никогда больше не встретятся по-приятельски, но сейчас главным для них была их общая удача, а все прочее пока не имело никакого значения.

А Дэйн все ждал. Может, жетон там где-нибудь заело? Может, пойти поискать кого-нибудь из администрации и спросить, что делать? Ведь он бросил жетон первым, а тот все не возвращается. Вот и Артур это заметил...

— Так-так, а для Викинга кораблика-то все нет! Видно, не просто подобрать корыто по твоим редкостным талантам...

«А может, это и на самом деле так? — несмело подумал Дэйн.— Может, сейчас в порту нет корабля, который нуждался бы в специалисте моего типа? Тогда что же — мне придется торчать здесь и ждать, пока такой корабль прибудет?»

Артур словно читал его мысли. Его торжествующая ухмылка превра-

тилась в издевательский оскал.

— Что я вам говорил, ребята? — провозгласил он. — У Викинга не нашлось нужных людей. А не сходить ли тебе за чемоданчиком, парень? Устроишься здесь где-нибудь в уголке и подождешь денек-другой, пока Психолог не разродится.

Хэнлаф нетерпеливо дернулся. Теперь он чувствовал себя совершенно независимым, и Артур ему был не указ.

— Я подыхаю с голоду, — объявил он. — Пошли пожрем... а потом поищем свои корабли...

Артур помотал головой.

— Подождем еще минутку. Я хочу посмотреть, достанется ли ему какой-нибудь кораблик... или такого вообще нет в порту?..

Дэйн терпел. Только это ему и оставалось — делать вид, будто ничего особенного не происходит, а на Артура и его банду ему наплевать. Но что все-таки случилось? Работает машина или жетон просто затерялся где-то в ее таинственных потрохах? Если бы не Артур с его подлыми шуточками, он бы давно побежал за помощью.

Рики был уже в дверях, он словно чувствовал, что теперь в этой компании ему не место, что несчастливое назначение навсегда превратило его в парию. Хэнлаф тоже повернулся, чтобы уходить, но тут медный удар прозвучал в четвертый раз. Дэйн ринулся к машине одновременно с Артуром, но оказался быстрее. Он выхватил жетон из-под самых пальцев наглого счастливчика.

Светящегося значка — символа крупной компании — на жетоне не было, это Дэйн увидел сразу же. Значит... значит, он обречен всю жизнь прозябать в солнечной системе... та же унылая судьба, что у Рики?

Нет, здесь есть звездочка, она дарует Галактику... а вот и название звездолета... не компании, правда, но все-таки звездолета... «Королева Солнца». Никогда прежде Дэйн не считал себя тугодумом, но сейчас он не сразу понял, что произошло.

Если названия компании нет, а есть только название корабля, значит... Вольный торговец! Один из бродяг и гончих псов космоса, что рыщут по звездным тропинкам, которыми большие компании пренебрегают, ибо тропинки эти слишком новые, слишком опасные и не сулят верной прибыли. Да, это тоже отряд Торгового флота, и непосвященные находят в них некую романтику. Но у Дэйна на миг упало сердце. Для честолюбивого человека вольная торговля — это почти наверняка тупик. Даже преподаватели в Школе, говоря об этом предмете, старались ограничиться лишь самыми необходимыми сведениями. Слишком часто вольная торговля оборачивалась игрой со смертью, гибелью от страшных болезней, войнами с чужими враждебными племенами. Слишком часто вольные торговцы рисковали не только прибылью и кораблем, но и головой. Вот почему в иерархии Космофлота эта профессия считалась самой незавидной. Да что там говорить, любой выпускник с радостью предпочел бы судьбу Рики назначению на вольный торговец!

Дэйн был ошеломлен и потому забыл об осторожности. Рука Артура протянулась через его плечо и выхватила жетон.

— Вольный торговец! — проорал Сэндз на весь порт.

Рики остановился в дверях и обернулся. Хэнлаф коротко заржал, Артур залился смехом.

— Так вот ты у нас каков, Викинг? Ты будешь космическим викингом... Колумбом звездных дорог... бродягой далеких пространств! А умеешь ли ты обращаться с бластером, приятель? Не пойти ли тебе подзубрить правила контакта с внеземными племенами? Ведь с земными племенами вольные торговцы встречаются нечасто.— Он повернулся к Хэнлафу и Рики.— Пошли, ребята! Закатим Викингу роскошный обед, ведь он, бедняга, до конца жизни обречен теперь сидеть на концентратах.

Он ухватил Дэйна за руку. Вырваться ничего бы не стоило, но надо было сохранить лицо и не утратить достоинства, и Дэйн пошел за ним, подавив ярость.

Шуточки Артура вызвали у него упрямое стремление отыскать в своем положении что-нибудь хорошее. В первую секунду, когда он прочел на жетоне свою судьбу, он был совершенно подавлен, но теперь настроение его вновь поднялось. Пусть вольный торговец не считается фигурой в Космофлоте, пусть лишь немногие из них гордо расхаживают по крупным портам, где гораздо чаще можно увидеть служащих крупных компаний. Но никто не станет отрицать, что на окраинах космоса сколочено немало состояний и что вольные торговцы не из тех, кто теряется.

В Торговом флоте не было строгих кастовых разграничений, космолетчики различались не по рангам, а по месту службы. Огромная столовая в порту была открыта для любого посетителя в форме Космофлота. Большие компании имели здесь собственные залы, где их служащие расплачивались талонами. Транзитники же и новички, не приписанные еще к определенному кораблю, устраивались обычно за столиками поблизости от входа.

Дэйн первым сел за свободный столик и сразу нажал на клавишу автокассы. Хоть он и вольный торговец, но дает этот банкет он, и даже если этот шикарный жест будет стоить ему половины всех его капиталов, это лучше, чем съесть хоть один кусок, оплаченный Артуром.

Они набрали на диске заказ и посидели, озираясь по сторонам. Из-за столика неподалеку поднялся человек с молнией инженера-связиста в петлице. Два его сотрапезника продолжали методично жевать, а он направился к выходу. У него было лицо восточного типа, но чрезмерно широкая грудная клетка выдавала в нем марсианского колониста второго или третьего поколения.

Те двое, что остались за столом, были в ранге помощников. Один носил значок штурмана, у другого в петлице красовалась шестеренка механика. Это и привлек внимание Дэйна.

Помощник суперкарго подумал, что никогда ему не приходилось видеть такой дерзкой красивой физиономии. Жесткие черные волосы были подстрижены коротко, но заметно было, что они выются. Тонко очерченное лицо покрыто космическим загаром, темные глаза прикрыты тяжелыми веками, а углы слишком ярких для мужчины губ искривлены едва заметной цинично-веселой усмешкой. Это был типичный телевизионный герой-космопроходец, и он сразу не понравился Дэйну.

Зато сосед этого красавца, негр, был скроен грубо, словно вытесан из гранитной глыбы. Он что-то оживленно рассказывал, между тем как механик вяло отвечал ему односложными словами.

Вскоре Дэйн отвлекся от них, потому что Артур вновь выпустил свое ядовитое жало.

— «Королева Солнца»! — провозгласил он, излишне громко, по мнению Дэйна. — Вольный торговец! Да, Викинг, нюхнешь ты жизни, это уж точно. Одно утешение — нам можно будет общаться с тобой по-прежнему... конкурент из тебя, сам понимаешь...

Дэйну удалось выжать из себя подобие улыбки.

— Какой ты добрый, Сэндз! Теперь мне не на что жаловаться — до меня снизошел служащий «Интерсолар»...

Рики прервал его.

— А ведь это опасно — вольная торговля, — произнес он.

Артур нахмурился. Опасности всегда присуще некое очарование. Он поспешил возразить:

— Брось, Рики! Неужели ты воображаешь, будто все эти вольные непременно имеют дело с новыми мирами? Многие сидят на регулярных рейсах между планетками победнее, где большим компаниям делать нечего. Вот увидишь, придется нашему Дэйну мотаться взад-вперед между двумя городишками под куполами... там ему даже нос из скафандра нельзя будет высунуть...

«А тебе этого, видно, очень хочется, — сказал Дэйн про себя. — Того, что со мной уже случилось, тебе недостаточно». Несколько секунд он размышлял, почему это Сэндзу доставляет такое удовольствие жалить его.

— Да, ты прав... — поспешно согласился Рики. Но Дэйн перехватил его взгляд и заметил в глазах у Рики какую-то тоску.

Артур театральным жестом поднял кружку.

— За Торговый флот! — провозгласил он. — Да сопутствует удача «Королеве Солнца»! Ведь удача тебе ох как пригодится, Викинг!

Дэйн вновь почувствовал себя уязвленным.

— Не знаю, не знаю, Сэндз, — возразил он. — Бывало, что вольные торговцы делали большие дела. А риск...

— Вот то-то и оно, старик, риск! А кости падают то так, то эдак. На одного вольного торговца, который чего-то добился, приходится сотня таких, которым нечем оплатить стоянку в порту. Да, старик, жалко, что ты не обзавелся знакомствами среди сильных мира сего.

И тут Дэйн решил, что с него хватит. Он откинулся на спинку стула и поглядел на Артура в упор.

— Я отправлюсь туда, куда меня назначил Психолог, — сказал он ровным голосом. — Все эти разговоры насчет ужасов вольной торговли ничего не стоят. Походим сначала годик в космосе, Сэндз, а потом поговорим...

Артур расхохотался.

— Точно! Я — годик в «Интерсолар», ты — годик на своем разбитом корыте. Ставлю десять против одного, Викинг, что, когда мы встретимся в следующий раз, у тебя не будет ни гроша и мне придется заплатить за твой обед. А теперь, — он поглядел на часы, — теперь я намерен взглянуть на свой «Звездный скорострел». Кто со мной?

Очевидно, послушные Рики и Хэнлаф. Во всяком случае, ушли они все вместе. А Дэйн остался сидеть за столиком, приканчивая отличный обед, уверенный, что пройдет много времени, прежде чем ему доведется снова попробовать что-либо подобное. Он надеялся, что вел себя достойно, хотя Сэндз безмерно надоел ему. Но он недолго оставался в одиночестве. Кто-то придвинул стул Рики и сел напротив.

— Ты на «Королеву Солнца», приятель?

Дэйн резко поднял голову. Опять Артуровы шуточки? Но перед ним сидел негр, помощник штурмана с соседнего столика, и при виде его открытого лица Дэйн немного оттаял.

— Только что назначен,— сказал он и протянул через стол свой жетон.

— Дэйн Торсон,— прочитал вслух помощник штурмана.— А меня зовут Рип Шэннон... Рипли Шэннон, если тебе угодно, чтобы я представился по всей форме. А это,— он поманил телевизионного героя,— это Али Камил. Мы оба с «Королевы». Ты, значит, помощник суперкарго,— заключил он полувопросительно.

Дэйн кивнул и поздоровался с Камилем, надеясь, что скованность, которую он ощущал, не очень заметна на его лице и в голосе. Ему показалось, что Камил смотрит на него откровенно оценивающим взглядом и при этом, кажется, думает, что Дэйн — не находка.

— Мы как раз собираемся на корабль,— сказал Рип.— Пойдешь с нами?

От него веяло такой дружеской простотой, что Дэйн тут же согласился. Они вышли из столовой, уселись в кар и покатали через взлетное поле к стартовым установкам звездолетов, маячившим вдали. Рип болтал без умолку, этот здоровяк нравился Дэйну все больше и больше. Шэннон был старше, в скором времени ему предстояло, вероятно, перейти на самостоятельную работу; он рассказал Дэйну кое-что о «Королеве» и ее экипаже, и Дэйн был искренне благодарен ему.

По сравнению с гигантскими суперкосмолетами компаний «Королева» была сущим лилипутом. Экипаж ее состоял всего из двенадцати человек, и каждому приходилось выполнять больше одной обязанности — жесткой специализации на борту вольного торговца не бывает.

— Сегодня мы уходим с грузом к Наксосу,— пояснил Рип.— А оттуда...— он пожал плечами.— Кто знает — куда?

— Во всяком случае, не к Земле,— сухо вставил Камил.— Так что попрощайтесь с домом надолго, Торсон. На эту дорожку мы попадем теперь нескоро. Мы и сейчас-то здесь только потому, что подвернулся особый груз, такое случается раз в десять лет.

Дэйну показалось, что красавчик старается запугать его.

Кар обогнул первую из исполинских стартовых башен. Вот они, корабли компаний, в собственных доках — иглоподобные носы вонзаются в небо, вокруг кишат люди, идет погрузка. Дэйн не мог оторвать глаз от этих гигантов, но он не повернул головы, когда кар свернул влево и покатился к другому ряду стартовых установок. Кораблей здесь было мало, всего полдюжины, и они были гораздо меньше по размерам — вольные торговцы, готовые к взлету. И Дэйн не очень удивился, когда кар затормозил возле трапа самого потрепанного из них.

Но была в голосе Рипа любовь и неподдельная гордость, когда он объявил:

— Вот она, приятель, «Королева Солнца», лучший торговец на звездных трассах. Она настоящая леди, наша «Королева»!

РАСПРОДАЖА МИРОВ

Дэйн вошел в служебную каюту суперкарго. Здесь, в окружении кассет с микропленкой, проекторов и прочей аппаратуры, необходимой каждому опытному торговцу, восседал за столом человек, совершенно непохожий на суперкарго, каким представлял его себе Дэйн. Преподаватели, читавшие в Школе лекции по торговому делу, были людьми гладкими, холеными и внешне мало отличались от преуспевающих земных администраторов. В них не было ничего от космоса.

Что же касается суперкарго Дж. Ван Райка, то о принадлежности его к Космофлоту говорила не только форменная одежда. Это был огромный мужчина, не жирный, но чрезвычайно плотный. У него были белесые редкие волосы и широкое лицо, скорее красное, чем загорелое. Заполняя каждый дюйм своего мягкого кресла, он глядел на Дэйна с сонным безразличием, и с таким же сонным безразличием разглядывал Дэйна большущий полосатый кот, развалившийся тут же на столе.

Дэйн отдал честь.

— Помощник суперкарго Торсон прибыл на борт, сэр! — отчеканил он лихо, как учили в Школе, и положил на стол свой опознавательный жетон.

Однако его новый начальник не шевельнулся.

— Торсон... — прогудел он глубоким басом, исходившим, казалось, из самых недр его огромного туловища. — Первый рейс?

— Да, сэр.

Кот сощурился и зевнул, а Ван Райк все глядел на Дэйна оценивающим взглядом.

— Явитесь к капитану, он вас зачислит, — сказал он наконец.

И это было все. Несколько ошарашенный, Дэйн поднялся в секцию управления. В узком коридоре его нагнал какой-то офицер, и ему пришлось прижаться к стене, чтобы освободить проход. Это был тот самый инженер-связист, который обедал за одним столиком с Рипом и Камиллом.

— Новенький? — коротко бросил он на ходу.

— Да, сэр. Я должен...

— Каюта капитана выше, — сказал связист и скрылся.

Дэйн, не торопясь, пошел следом. «Королеву» действительно не назовешь гигантом межзвездных трасс — на ней не было того комфорта и разных новейших приспособлений, которыми славились корабли компаний. Но даже новичок заметил бы, что на борту «Королевы» царит идеальный порядок. Да, у нее обшарпанные борта, и снаружи она выглядела потрепанной и несколько помятой, но зато внутри придраться было не к чему: сразу видно, что корабль находится в хороших руках. Дэйн поднялся на следующую палубу и постучал в полуоткрытую дверь. Нетерпеливый голос приказал войти, и он вошел.

На мгновение он растерялся — ему почудилось, что он попал в музей космозоологии. Стены тесной каюты были увешаны огромными фотографиями. И чего только не было на этих фотографиях! Внеземные животные, которых он видел и о которых только слышал, перемежались здесь с чудищами, словно бы выскочившими из тяжелых кошмаров. А в небольшой клетке, которая покачивалась под низким потолком, сидело голубое существо — немыслимая помесь попугая и жабы, если только бывают жабы о шести ногах, две из

которых с клешнями. Когда Дэйн вошел, существо просунуло голову между прутьями клетки и хладнокровно плюнуло в него.

Потрясенный Дэйн стоял столбом, пока его не привел в себя скрипучий окрик:

— Ну, в чем дело?

Дэйн поспешно отвел взгляд от голубого чудища и увидел сидящего под клеткой человека. Грубое лицо капитана Джелико было изуродовано шрамом, идущим через щеку. Такие шрамы остаются после ожога от бластера. Из-под фуражки с капитанской кокардой торчали сальные волосы, а глаза были такие же холодные и властные, как выпученные глазки обитателя клетки.

Дэйн опомнился.

— Помощник суперкарга Торсон прибыл на борт, сэр! — доложил он и снова предъявил свой жетон.

Капитан нетерпеливо выхватил жетон у него из пальцев и спросил:

— Первый рейс?

Дэйн вновь был вынужден ответить утвердительно, хотя ему очень хотелось бы сказать: «Десятый!»

В этот момент голубое животное испустило душераздирающий вопль, и капитан, откинувшись в кресле, звонко шлепнул ладонью по дну клетки. Животное замолчало и принялось плевать. Капитан бросил жетон в рекордер бортжурнала и нажал кнопку. Официальное зачисление состоялось. Дэйн позволил себе немного расслабиться. Теперь он был членом экипажа «Королевы», теперь уж его не вышвырнут.

— Старт в восемнадцать ноль-ноль, — сказал капитан. — Идите устраивайтесь.

— Слушаю, сэр, — сказал Дэйн.

Справедливо полагая, что приказ быть свободным получен, он отдал честь и с радостью покинул зверинец капитана Джелико — хоть там был всего один живой экспонат.

Спускаясь в грузовой отсек, он размышлял, откуда, из какого странного мира взялось это голубое существо и чем оно могло полюбить капитана — настолько, что тот всюду таскает его за собой. По мнению Дэйна, в этой твари решительно не было ничего такого, что могло бы вызвать симпатию.

Груз, который «Королеве» предстояло доставить на Наксос, был уже на борту: проходя мимо трюма, Дэйн заметил, что грузовой люк опечатан. Таким образом, служебных обязанностей в этом порту у Дэйна больше не было. Он направился в маленькую каютку, которую указал ему Рип Шэннон, и переложил свои нехитрые пожитки в шкаф.

Новое жилище показалось ему роскошным, он никогда не имел такого. В Школе у него были только подвесная койка и шкафчик. Так что, когда прозвучал сигнал приготовиться к старту, Дэйн был совершенно доволен жизнью, и никакие артуры сэндзы не могли бы испортить ему настроение.

С остальными членами экипажа Дэйн познакомился уже в космосе. В рубке управления, помимо капитана, нес вахту Стин Вилкоккс, тощий шотландец лет тридцати с небольшим. Он был штурманом «Королевы», а до поступления в Торговый флот работал помощником штурмана в Службе изысканий. Кроме того, в секцию управления входили инженер-связист марсианин Тан Я и помощник Вилкоккса Рип.

Инженерная секция тоже состояла из четырех человек. Начальником там был Иоганн Штоц, молчаливый молодой человек, ничем, видимо, не интересовавшийся кроме своих двигателей. Из рассказов Рипа Дэйн заключил, что Штоц был своего рода гениальным механиком и мог бы подыскать себе место получше, чем стареющая «Королева», но предпочел остаться и принять вызов, который она бросала его искусству. Помощником у Штоца был элегантный, даже фатоватый Камил. Впрочем, при всем его зазнайстве и напускной небрежности Камилу под таким начальником, как Штоц, вполне удавалось справляться со своими обязанностями — «Королева» не несла мертвого груза. Остальные двое в штате инженерной секции представляли собой нечто вроде звездной пары гигант — карлик.

Впечатление они производили поразительное. В роли гиганта выступал Карл Кости, громоздкий, похожий на медведя мужчина, неуклюжий на вид, но в работе точный и надежный, как узел прекрасно налаженного механизма. Вокруг него, словно муха вокруг быка, вертелся малорослый Джаспер Виск. Лицо у него было худое и настолько выбеленное венерианскими сумерками, что даже космическое излучение не могло придать ему естественный коричневатый цвет.

Коллеги Дэйна располагались на грузовой палубе и являли собой весьма разношерстную компанию. Во-первых, здесь обитал сам Ван Райк, начальник, столь компетентный в делах своей секции, что временами казался Дэйну не человеком, а вычислительной машиной. Дэйн пребывал в состоянии постоянного благоговения перед ним, ибо, по-видимому, не было на свете таких тонкостей вольной торговли, которых бы Ван Райк не изучил в совершенстве, а любое новое сведение, достигавшее его ушей, навсегда оставалось в непостижимой кладовой его памяти. Было у него и слабое место — горделивая уверенность в том, что он, Ван Райк, ведет свой род из глубин веков, из тех времен, когда корабли бороздили только воды и только одной планеты, и что он принадлежит к фамилии, все представители которой занимались торговлей от дней паруса до дней звездолетов.

В штате секции состояли еще два человека, имевшие к грузам лишь косвенное отношение: врач Крэйг Тау и кок-стюард Фрэнк Мюра. С врачом Дэйн иногда встречался во время работы, а Мюра был так занят у себя на камбузе, что экипаж редко его видел.

У нового помощника суперкарго работы оказалось выше головы. Скорчившись на крошечном пятачке, отведенном ему в служебной каюте грузового отсека, он трудился по многу часов в день, изучая документацию. Время от времени Ван Райк учинял ему неофициальные, но безжалостные экзамены, и каждый раз Дэйн с ужасом обнаруживал в своих познаниях зияющие провалы. Через несколько дней он уже только робко удивлялся, почему это капитан Джелико вообще пустил его на борт, согласившись с решением Психолога. Было ясно, что сейчас от него, Дэйна, при его потрясающем невежестве пользы гораздо меньше, чем хлопот.

Впрочем, Ван Райк был не только машиной, перерабатывающей сведения и цифры. Он был еще знатоком легенд и великолепным рассказчиком, и, когда он принимался излагать в кают-компании очередную историю, все слушали его как зачарованные. Например, только от него можно было во всех подробностях услышать жуткую легенду о «Новой Надежде». Этот корабль, набитый беженцами, стартовал с Марса во время восстания и был

замечен в космосе только столетие спустя. «Новая Надежда» вечно падает в пустоту, ее мертвые носовые огни зловещи и багровы, наглухо задраены аварийные люки... Никто не пытался подняться на борт «Новой Надежды», никто не пытался отвести ее в порт, потому что видели ее только те корабли, которые сами терпели бедствие, и выражение «увидеть „Новую Надежду“» стало синонимом несчастья.

Еще были «шепчущие», о них существовало множество легенд. Их призывные голоса слышат космонавты, которые слишком долго скитаются в пространстве... Знал Ван Райк и всех героев звездных троп. Так, он рассказывал о Сэнфорде Джонсе, первом человеке, решившемся на межзвездный перелет. Его исчезнувший корабль внезапно вынырнул из гиперпространства неподалеку от Сириуса через триста лет после старта с Земли. Пилот, высохший в мумию, еще сидел перед покрытой изморозью панелью управления. А теперь Сэнфорд Джонс принимает на борт своей призрачной «Кометы» всех космонавтов, погибших на посту... Да, немало нового из истории космических полетов узнал Дэйн от своего начальника!

Полет к Наксосу был самым обычным. Да и сама эта окраинная планета была слишком похожа на Землю, чтобы возбудить любопытство. Впрочем, увольнительной Дэйн все равно не получил. Ван Райк поставил его старшим на разгрузку, и вот тут-то оказалось, что Дэйн не зря столько времени корпел над грузовой документацией: найти любой груз в трюме ему теперь ничего не стоило.

Ван Райк с капитаном уехали в город. От их нюха, от их умения заключать сделки зависел очередной рейс «Королевы». Корабли вольных торговцев не мешкают в портах дольше, нежели необходимо для того, чтобы разгрузиться и найти новый груз.

На следующий день после обеда Дэйн оказался без дела. Чтобы хоть как-то скоротать время до старта, он в компании Кости слонялся у входного люка. За взлетным полем раскинулся провинциальный городок, окруженный с трех сторон рядами деревьев с густой красно-желтой листвой. В городок никто не пошел — погрузку могли объявить в любую минуту, а портовые грузчики сегодня не работали, отмечали какой-то местный праздник. Поэтому Дэйн и Кости одновременно увидели наемный кар, который на полной скорости мчался через ракетодром прямо к «Королеве».

Подлетев к кораблю, машина затормозила, подняла тучу пыли, пошла юзом и остановилась в метре от трапа. Ван Райк еще не успел выбраться из-за руля, а капитан Джелико уже взбежал по трапу и оказался перед люком.

— Всем собраться в кают-компанию! — бросил он Кости.

Дэйн быстро оглядел поле, готовый увидеть по крайней мере целый полицейский отряд: так возвращаются, когда необходимо срочно удирать. Однако на поле ничего примечательного по-прежнему не было, а его шеф поднимался по трапу со своим обычным достоинством. При этом он насвистывал какой-то мотивчик — верный признак того, как уже было известно Дэйну, что, с точки зрения Ван Райка, все обстоит прекрасно. Какие бы новости ни собирался сообщить капитан, суперкарга явно считал эти новости добрыми.

Несколько минут спустя Дэйн втиснулся в кают-компанию и, как самый младший и новичок, скромно пристроился у дверей. Собрались все, от врача Тау до обычно отсутствующего Муры. Все внимательно смотрели на капи-

тана, который сидел во главе стола, нетерпеливо поглаживая кончиками пальцев шрам на щеке.

— Ну, капитан, какое сокровище плывет нам в руки на этот раз?

Это Стин Вилкоккс задал вопрос, вертевшийся у всех на языке.

— Аукцион! — выпалил Джелико, словно не в силах более сдерживать себя.

Кто-то присвистнул, кто-то шумно перевел дух. Дэйн заморгал. Он был еще слишком зелен, чтобы понять сразу, о чем идет речь. Но когда смысл происходящего дошел и до него, его охватило горячее возбуждение. Аукцион Службы изысканий!.. Вольному торговцу такой случай выпадает, быть может, только раз в жизни, на таких-то аукционах и сколачиваются состояния.

— Кто будет участвовать? — спросил механик Штоц. Сузив глаза, он в упор глядел на Джелико с видом прокурора.

Капитан пожал плечами.

— Те же, кто всегда. Но в распродажу идут четыре планеты класса «дельта»...

Дэйн быстро прикинул в уме. Большие компании автоматически закупают классы «альфа» и «бета»... За класс «гамма» будет драка... А вот четыре штуки класса «дельта»... четыре новооткрытые планеты... Обычно федеральные цены на такие планеты вольному торговцу по карману. Полная монополия на право торговли в течение пяти или десяти лет — мы сможем стать богачами, если нам повезет... Вот только сумеет ли «Королева» наскрести нужную сумму?

— Сколько у нас в сейфе? — спросил Тау, обращаясь к Ван Райку.

— Когда мы получим чек за последний груз, — ответил тот, — и оплатим стоянку, у нас будет... Да, а как у нас с провиантом, Фрэнк?

Некоторое время маленький стюард что-то подсчитывал, шевеля губами. Потом он сказал:

— Мне нужна тысяча... тогда будет прочный запас... если рейс не на самую окраину...

— Ну, Ван, — сказал Джелико, — откиньте эту тысячу. Сколько мы тогда потянем?

Суперкарго не нуждался в grossбухе, чтобы ответить на этот вопрос. Все цифры, в том числе и эти, он хранил в своей удивительной памяти.

— Двадцать пять тысяч, — сказал он. — Может, наскребу еще сотен шесть...

Наступило молчание. Да, соваться на аукцион с такой суммой не имело смысла. Тишину нарушил Вилкоккс.

— А чего ради они проводят аукцион здесь? Ведь Наксос — не административный центр.

Действительно странно, подумал Дэйн. Никогда раньше он не слышал, чтобы аукцион устраивали на планете, которая не является столицей хотя бы сектора.

— История простая, — объяснил капитан Джелико. — Пропал изыскатель «Римболд». Все корабли Службы изысканий получили приказ немедленно свернуть дела и выйти на поиски. «Гризволд» шел куда-то проводить аукцион и, получив приказ, направился сюда. Просто Наксос оказался к нему ближе всего... Так что в смысле законности тут все в порядке.

Короткие толстые пальцы Ван Райка забарабанили по столу.

— Здесь есть агенты больших компаний,— сообщил он.— А вот вольных торговцев всего два, кроме нас. Если до шестнадцати часов не прибудет еще кто-нибудь, на нас троих придется четыре планеты. Компаниям класс «дельта» не нужен — их агенты имеют четкий приказ не торговаться за него.

— Послушайте, сэр,— сказал Рип.— Эти двадцать пять тысяч... Сюда входит наше жалованье?

Ван Райк отрицательно покачал головой, и тут до Дэйна дошло, что имеет в виду Рип. На мгновение он испугался. Поставить на кон жалованье за целый рейс — да разве так можно? С другой стороны, у него, конечно, не хватит смелости голосовать против...

— Сколько же получится вместе с жалованьем? — тихо и без выражения спросил Тау.

— Около тридцати восьми тысяч.

— Все равно не густо,— заметил Вилкокс с сомнением.

— А вдруг повезет? — возразил Тан Я.— По-моему, надо попробовать. Не получится — останемся при своих...

Провели голосование и единогласно решили, что экипаж «Королевы» присоединяет свое жалованье к основному капиталу, а предполагаемая прибыль будет поделена пропорционально вкладу, который делает каждый. Ван Райк при всеобщем одобрении был назначен покупщиком. Но оставаться в стороне от событий никто не пожелал. Капитан Джелико согласился нанять сторожа для корабля, и весь экипаж в полном составе отправился пытаться судьбу.

Сумерки здесь наступали рано. В городе, вдали от взлетного поля, пропахшего испарениями горючего, воздух был напоен ароматом цветущих растений, даже слишком сильным для обоняния землянина. Город был типичным поселением окраинного мира и весь светился яркими огнями площади, где должен был происходить аукцион.

Там, на шаткой платформе из пустых ящиков, уже стояли несколько человек — двое в сине-зеленой форме Службы изысканий, один местный горожанин в куртке из грубой кожи и один в черном с серебром мундире Космической полиции. Наксос был всего-навсего малонаселенным окраинным городком, но формальности соблюдались здесь строжайшим образом.

Перед платформой гудела толпа. Далеко не все были в желтой форме Торгового флота, был кое-кто и из горожан, пришедших поглазеть на редкое зрелище. Переносные фонари давали мало света, и Дэйну пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть опознавательные значки соперников. Да, здесь был агент «Интерсолар», а немного левее поблескивало тройное кольцо эмблемы «Комбайн».

В первую очередь в распродажу шли планеты класса «альфа» и «бета». Эти миры тоже были только недавно открыты Службой изысканий, но уровень цивилизации на них был высок, и они, возможно, сами уже занимались торговыми операциями в своих планетных системах. Большие компании стремились иметь дело именно с такими планетами. Планеты класса «гамма» — с более отсталыми цивилизациями — представляли для космической торговли больше риска, и компании дрались за них с меньшим азартом. Что же касается класса «дельта» — миров с самым примитивным уровнем разумной жизни или вообще лишенных разумной жизни, то компании не

интересовались им вовсе, и это оставляло известные возможности для «Королевы».

— Коуфорт здесь...— услышал Дэйн слова Вилкокса, обращенные к капитану, и уловил досадливое восклицание в ответ.

Дэйн вгляделся в шумную толпу. Кто-то из этих людей без всяких значков и нашивок был легендарным Коуфортом, князем вольных торговцев, которому баснословно везло во всем — настолько, что имя его стало притчей во языцах на звездных трассах.

Один из офицеров Службы изысканий подошел к краю платформы, и толпа затихла. Все взгляды были устремлены на плоский ящик, где лежали опечатанные пакеты; в каждом пакете — микрофильм с координатами и описанием новооткрытой планеты.

Пошел класс «альфа». Таких планет было всего три, и агент «Комбайна» вырвал у «Интерсолар» две из них. Однако «Интерсолар» взял реванш на классе «бета» — их было две, и обе достались ему. «Денеб-Галактик», специализирующаяся на отсталых мирах, завладела четырьмя планетами класса «гамма». И тогда объявили класс «дельта»...

Экипаж «Королевы» протиснулся в первые ряды и теперь стоял под самой платформой рядом с экипажами других вольных торговцев.

Рип ткнул Дэйна пальцем под ребро и одними губами прошептал: «Коуфорт!»

Знаменитый вольный торговец оказался на удивление молодым. Он был больше похож на молодцеватого офицера Космической полиции, чем на торговца; Дэйн отметил, что он носит при себе бластер, и бластер этот так ловко прилажен к его бедру, словно Коуфорт никогда с ним не расстается. В остальном же, хоть молва и приписывала ему несметные богатства, он ничем внешне не отличался от прочих вольных торговцев. Он не щеголял ни браслетами, ни кольцами, ни серьгой в ухе, как это делают иные преуспевающие любители внешнего эффекта, а куртка его была такой же затрапезной и поношенной, как у капитана Джелико.

— Четыре планеты класса «дельта»...— голос офицера вернул Дэйна к происходящему.— Номер первый. Минимальная цена Федерации — двадцать тысяч...

Экипаж «Королевы» дружно вздохнул. Тут и пытаться не стоило. При такой высокой минимальной цене они вылетели бы из игры, едва успев начать. К удивлению Дэйна, Коуфорт тоже не стал повышать, и номер первый достался какому-то торговцу за пятьдесят тысяч.

Однако, когда объявили номер второй, Коуфорт точно проснулся и стремительно оторвался от конкурентов, повысив цену почти сразу до ста тысяч. Считалось, что содержимое пакетов заранее узнать невозможно, но тут многим пришло в голову: не получил ли Коуфорт какого-либо доброго совета?..

— Номер третий, класс «дельта», минимальная цена Федерации — пятнадцать тысяч...

Вот это уже похоже на дело! Дэйн был уверен, что Ван Райк станет повышать. И Ван Райк действительно повышал до тех пор, пока Коуфорт не перекрыл его одним прыжком, подняв цену с тридцати до пятидесяти тысяч. Теперь оставался один-единственный шанс. Экипаж «Королевы» сбился в плотную кучку за спиной Ван Райка, словно подпирая его в последней схватке не на жизнь, а на смерть.

— Номер четвертый, класс «дельта», минимальная цена Федерации — четырнадцать тысяч...

— Шестнадцать! — взревел Ван Райк, заглушив последние слова офицера.

— Двадцать... — это был не Коуфорт, а какой-то незнакомый темнолицый человек.

— Двадцать пять... — Ван Райк наступал.

— Тридцать... — быстро отозвался темнолицый.

— Тридцать пять! — провозгласил Ван Райк с такой уверенностью, будто в его распоряжении были капиталы Коуфорта.

Темнолицый уже не торопился с ответом.

— Тридцать шесть... — осторожно сказал он.

— Тридцать восемь!

Это было последнее, что мог предложить Ван Райк, но ответа не последовало. Мельком Дэйн заметил, как Коуфорт передает чек и получает свои два пакета. Офицер повернулся к темнолицему, но тот помотал головой. Наша взяла!

Несколько секунд экипаж «Королевы» еще не верил в свою удачу. Потом Камил испустил радостный вопль, а степенный Вилкокс принялся в восторге лупить по спине капитана Джелико. Ван Райк выступил вперед и принял покупку. Они пробрались сквозь толпу, втиснулись в кар, и у всех на уме было одно — скорее добраться до «Королевы» и узнать, что же они купили.

КОТ В МЕШКЕ

И вот они снова в кают-компании, в единственном помещении корабля, где экипаж мог собраться вместе. Тан Я установил на столе проектор, а капитан Джелико вскрыл пакет и извлек из него крошечный ролик микропленки. Ролик вставили в проектор, изображение отфокусировали прямо на стене, потому что экрана не было, а экипаж ждал, и казалось, все перестали дышать.

— Планета Лимбо, — загудел в кают-компании ровный голос какого-то усталого чиновника Службы изысканий, — единственная годная для обитания из трех планет системы желтой звезды...

На стене появилось плоское изображение — схема планетной системы с солнцем в центре. Солнце было желтое — возможно, на планете такой же климат, как на Земле! Дэйн обрадовался. Может быть, повезло — по-настоящему повезло. Рип, сидевший рядом, заерзал.

— Лимбо... — пробормотал он. — Ох, ребята, несчастливое это название, чует мое сердце...

Дэйн не понял его. Слово «лимбо»* ничего ему не говорило. Многие планеты на торговых путях носили диковинные имена — любые, какие взбрели на ум работникам Службы изысканий.

— Координаты... — голос принялся сыпать цифрами, которые Вилкокс поспешно записывал. Прокладывать курс к Лимбо предстоит ему.

* Лимбо (англ.) — преддверие ада. — Прим. перев.

— Климат сходен с климатом средних широт Земли. Атмосфера... — снова ряд цифр, которые на сей раз касались Тау. Дэйн уловил только, что атмосфера пригодна для дыхания.

Изображение на экране сменилось. Теперь они как бы повисли над Лимбо и разглядывали планету через иллюминаторы корабля. И при виде этого зрелища кто-то вскрикнул от возмущения и ужаса.

Ни с чем нельзя было спутать эти серо-коричневые язвы, изуродовавшие материки планеты. Это была проказа войны — войны столь разрушительной и страшной, что никто из землян не смог бы представить ее себе в подробностях.

— Планета-пепелище! — прошептал Тау, а капитан в ярости закричал:

— Это подлое жульничество!

— Пойдите! — гаркнул Ван Райк, заглушив их обоих. Его огромная лапа протянулась к верньерам проектора. — Надо посмотреть поближе. Вот здесь, чуть к северу...

Шар на экране стремительно надвинулся, края его исчезли, как будто корабль пошел на посадку. Было очевидно, что давняя война обратила материки в пустыню, почва была выжжена и переплавлена в шлак, возможно, до сих пор ядовитый и радиоактивный. Но суперкарго не ошибся: на севере, среди чудовищных рубцов тянулась зеленая, со странным оттенком полоса. Это могла быть только растительность. Ван Райк с облегчением перевел дух.

— Кое-что еще сохранилось, — объявил он.

— Да, кое-что, — с горечью отозвался капитан Джелико. — Ровно столько, сколько нужно, чтобы мы не могли обвинить их в жульничестве и потребовать наши деньги назад.

— Может, там что-нибудь осталось от Предтеч? — робко, словно боясь, что его засмеют, предположил Рип.

Капитан пожал плечами.

— Мы не археологи, — сказал он резко. — Чтобы заключить с археологами контракт, нужно куда-то лететь, на Наксосе их нет. А лететь мы никуда не можем, потому что у нас нет денег, чтобы внести залог за новый груз...

Он очень точно сформулировал всю безнадежность их положения. Они получили право на торговлю с планетой, где не с кем было торговать. Они заплатили за это право деньгами, которые были необходимы для закупки груза. Теперь им некуда было податься с Наксоса. Они поставили все на кон, как и полагается вольным торговцам. Они рискнули — и проиграли.

Только суперкарго сохранял хладнокровие. Он все еще тщательно изучал изображение Лимбо.

— Не будем вешать нос, — спокойно предложил он. — Служба изысканий не продает планет, которые непригодны для эксплуатации...

— Большим компаниям, конечно, не продает, — заметил Вилкокс. — Но кто будет слушать жалобы вольного торговца... если это не Коуфорт?

— И все-таки я повторяю, — продолжал Ван Райк тем же ровным голосом, — нам надо познакомиться с нею поближе...

— Вот как? — в глазах капитана тлели огоньки затаенной злости. — Вы хотите, чтобы мы отправились туда и сели там на мель? Планета сожжена дотла... нам остается наплевать на нее и забыть. Вы отлично знаете, что на планетах, где дрались Предтечи, никогда не бывает жизни...

— Да, — согласился Ван Райк. — Большинство таких планет — просто го-

лый камень. Но Лимбо как будто получила неполную порцию. В конце концов, что мы знаем о Предтечах? Почти ничего! Они исчезли за сотни, а может, и за тысячи лет до того, как мы выбились в космос. Это была великая раса, они владели многими планетными системами и погибли в войне, оставив после себя мертвые планеты и мертвые солнца. Все это я знаю. Но, возможно, Лимбо попала под удар уже в самом конце войны, когда их мощь была на исходе. Мне приходилось видеть другие сожженные планеты — Гадес и Ад, Содом и Сатану — это просто груды пепла. А на Лимбо вот сохранилась растительность. И раз ей попало меньше, чем прочим, есть надежда что-нибудь там найти...

«Убедил, — подумал Дэйн, увидев, как изменилось выражение лиц у собравшихся вокруг стола. — Быть может, это потому, что все мы не хотим верить в свою неудачу, хотим надеяться, что еще сумеем отыграться».

Один лишь капитан Джелико упорно стоял на своем.

— Нам больше нельзя рисковать, — сказал он. — Мы можем заправить корабль горючим только на один рейс — на один-единственный рейс. Если это будет рейс к Лимбо, а товара там не окажется... — Он хлопнул ладонью по столу. — Сами понимаете, что это значит для нас. Конец тогда нашим полетам.

Стин Вилкокс хрипло откашлялся, и все посмотрели на него.

— Может быть, удастся как-то уладить дело со Службой изысканий? Камил с горечью рассмеялся.

— Где это видано, чтобы Федерация возвращала деньги, на которые уже наложила лапу?

Никто не ответил. Потом капитан Джелико поднялся из-за стола — тяжело, словно его крепкое тело утратило упругость.

— Завтра утром мы с ними поговорим, — сказал он. — Пойдете со мной, Ван?

Суперкарго пожал плечами.

— Ладно. Только я не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

— Черт бы их побрал, — выругался Камил. — Теперь все пропало...

Дэйн снова стоял у входного люка. Снаружи была ночь, слишком, пожалуй, светлая, потому что у Наксоса было две луны. Он знал, что Камил обращается не к нему. И действительно, через секунду отозвался Рип.

— Я, приятель, никогда не считая, что дело — дрянь, пока не вляпаюсь по самые уши. Ван правильно говорит — на этой планете кое-что уцелело. Ты же видал снимки Ада и Содома. Груды пепла, как говорит Ван. Теперь возьми эту Лимбо: там все-таки есть зелень... А вдруг мы наткнулись бы там на какое-нибудь барахло Предтеч, представляешь?

— Гм... — Али задумался. — И такая находка принадлежала бы нам?

— Это должен знать Ван, это по его части. Погоди-ка... — Тут Рип заметил Дэйна. — Вот у Торсона спросим. Слушай, Дэйн, если бы мы нашли какое-нибудь оборудование Предтеч, могли бы мы претендовать на него по закону?

Дэйн был вынужден признаться, что не знает. Впрочем, ответ на этот вопрос можно будет поискать в фильмотеке суперкарго, где собраны все законы и правила.

— Только я не думаю, чтобы такой вопрос когда-нибудь поднимался. Ведь от Предтеч никогда ничего не оставалось, кроме пустых развалин... Планеты, где должны были стоять их крупные сооружения, сожжены начисто...

Камил прислонился к краю люка и уставился на мигающие огоньки города.

— Интересно, на что они были похожи? — проговорил он. — Все гуманоиды, с которыми мы до сих пор сталкивались, были потомками земных колонистов. А негуманоиды так же мало знают о Предтечах, как и мы. Если потомки Предтеч и существуют, мы пока их не встретили. И потом... — Он помолчал. — Возможно, это и к лучшему, что мы ничего не нашли из их оборудования. Ведь всего десять лет, как кончилась война в кратерах...

Наступила тягостная пауза. Дэйн понял, что имел в виду Камил. Земляне сражались, сражались яростно, беспощадно. Марсианская война в кратерах была лишь последней вспышкой бесконечной борьбы, которую Земля вела со своими колониями в космосе. Федерация с трудом удерживала состояние мира, работники Торгового флота из сил выбивались, чтобы сохранить это состояние навечно и не дать разразиться новому, еще более убийственному конфликту, который грозил истребить Космофлот и, возможно, вообще положить конец нынешней непрочной цивилизации.

И если бы в этой последней схватке было пущено в ход оружие Предтеч — или даже только сведения о таком оружии попали бы в злые руки, — может быть, и Солнце превратилось бы тогда в мертвую звезду, вокруг которой кружились бы выжженные до шлака миры...

— Да, если бы мы нашли их оружие, была бы беда, — сказал Рип, словно отвечая на его мысли. — Но ведь у Предтеч было не только оружие. И, быть может, именно на Лимбо...

Камил выпрямился.

— ...именно на Лимбо они оставили тебе целый склад, набитый торкскими алмазами и ламгримскими шелками... или чем-либо в этом роде. Не думаю я, чтобы капитан горел желанием слетать и поискать его. Нас двенадцать человек, и у нас один звездолет. Как ты полагаешь, сколько времени нам понадобится, чтобы прочесать всю планету? А ты не забыл, что наши флиттеры тоже жрут горючее? Может, тебе улыбается застрять на какой-нибудь планетке вроде этого Наксоса и заделаться фермером, чтобы добывать себе хлеб насущный? Вряд ли тебе это по нраву!

Дэйн внутренне согласился, что ему это уж во всяком случае не по нраву. Ведь если «Королева» действительно надолго застрянет в порту, ему даже не выплатят жалованья, на которое он смог бы продержаться, пока не устроится на другой корабль. И весь экипаж в таком положении.

Потом Дэйн лежал без сна на своей узкой койке и размышлял о том, как быстро рухнули все надежды. Эх, если бы только Лимбо не была планетой-пепелищем... или хотя бы средств у них хватило слетать туда и посмотреть... Дэйн вдруг вскинулся. Ведь остается еще тот торговец, который повышал против Ван Райка на аукционе! Может, удастся уговорить его взять Лимбо с хорошей скидкой?

Только вряд ли... Вряд ли он захочет взять планету-пепелище даже за полцены. Слишком уж велик риск. Кому захочется затевать дело при таких шансах? Разве что у человека есть резервный капитал, как у Коуфорта,

например... Но Коуфорт этой планетой не интересовался...

Утром угрюмый экипаж потянулся по одному в кают-компанию. Никто не смотрел в конец стола, где мрачный капитан Джелико прихлебывал из чашки особый напиток, который Мура обычно готовил лишь в торжественных случаях. Сейчас никакого торжественного случая не было, но стюард, по видимому, решил, что команду следует подбодрить.

Появился готовый к визиту в город Ван Райк — облегающий мундир, застегнутый до подбородка, на голове офицерская фуражка с кокардой. Джелико крикнул и поднялся, оттолкнув свою чашку. При этом он глядел столь сурово, что никто из присутствующих не рискнул пожелать ему успеха.

Дэйн спустился в пустой трюм и произвел кое-какие измерения. Он решил приготовиться на тот случай, если им повезет и «Королеву» зафрахтуют. Трюм состоял из двух отделений — огромного помещения, занимавшего треть корабля, и маленькой кладовой, расположенной палубой выше и предназначенной для хранения особо ценных и нестандартных грузов.

Кроме того, была еще крошечная каморка, где на стеллажах и в ящиках хранились «товары для контакта»: небольшие безделушки, заводные куклы, украшения из стекла, проволоки из никелированного металла — все для привлечения дикарей и наивных туземцев. Тренируясь в знании товарного каталога, Дэйн полез по стеллажам. Ван Райк уже дважды водил его сюда, но Дэйн все еще не утратил первоначального чувства изумления перед разнообразием и качеством этих товаров, знаниями и воображением суперкарга, собравшего всю эту коллекцию. Здесь были подарки для вождей и царьков, были и диковинки, поглазеть на которые наверняка сбежится от мала до велика все население любой туземной деревушки. Конечно, запасы такого товара были строго ограничены, но вещицы были подобраны с такой тщательностью, с таким глубоким пониманием психологии — как человеческой, так и негуманоидной, что покупатели у «Королевы» были обеспечены на любой отсталой планете.

Впрочем, на Лимбо все это было бы ни к чему. На таком пепелище не могла уцелеть никакая разумная жизнь. Если бы там хоть кто-нибудь уцелел, изыскатели сообщили бы об этом, цена планеты возросла бы... а возможно, ее и вовсе сняли бы с торгов до тех пор, пока правительственные служащие не изучат ее основательнее.

Стараясь отогнать неприятные мысли, Дэйн заставил себя углубиться в осмотр «товаров для контакта». Из терпеливых разъяснений Ван Райка, подкрепленных практическими примерами, Дэйн уже знал, в каких случаях предлагаются те или иные товары. Насколько он понял, зачастую в ход шли и вещицы, изготовленные членами экипажа.

Жизнь на корабле во время длительных перелетов однообразна — управление переключается на автоматику и обязанности команды сведены к минимуму. Скука и безделье вызывают космические мании, и труженики галактических трасс быстро поняли, что спастись можно, лишь заняв каким-нибудь делом голову и руки. Спасение было в хобби, в любом хобби.

Капитан Джелико, например, увлекался ксенобиологией, причем это его увлечение было далеко не любительским. Он не имел возможности держать свои коллекции на борту (исключение делалось только для любимцев вроде голубого Хубата, обитавшего в клетке в капитанской каюте), но стереофото, которые он делал, наблюдая жизнь на иных мирах, принесли ему определен-

ную известность среди натуралистов-профессионалов. Стин Вилкокс, чьи дни проходили в возне с однообразными математическими вычислениями, пытался переводить свои формулы на язык музыки. Но самое странное хобби было у врача Тау. Тау коллекционировал магические приемы лекарей и знахарей отсталых племен и пытался найти рациональное зерно, лежащее в основе инопланетных мумбо-юмбо.

Дэйн взял в руки одно из творений Муры — стеклопластовый шар, в котором плавало какое-то странное насекомое с радужными крыльями, совсем живое на вид. Внезапно скользнувшая по обшивке тень заставила его вздрогнуть. Это был Синбад, корабельный кот. Он мягко вскочил на ящик и уселся там, разглядывая помощника суперкарго.

Из всех земных животных чаще всего сопровождали человека в космосе кошки. Они переносили ускорения, невесомость и прочие неудобства перелетов с такой легкостью, что это вызвало появление довольно странных легенд. Согласно одной из них, *Domestica felinus* не является аборигеном Земли, кошачье племя — это все, что осталось от давно забытого вторжения на Землю из космоса, и теперь на звездолетах оно возвращается в свой золотой век.

Впрочем, Синбад и его собратья на других кораблях не даром ели свой хлеб. Зачастую вместе с грузом на борт проникали грызуны, причем не только земные мыши и крысы, но и странные твари с чужих планет. Неделями и даже месяцами они не давали о себе знать, а потом вдруг принимались хозяйничать в каком-нибудь укромном уголке трюма. Вот тут-то за них и принимался Синбад. Где и как он их ловил — оставалось неизвестным, но тела убитых он регулярно представлял на рассмотрение Ван Райку, и надо сказать, тела эти зачастую выглядели весьма жутко.

Дэйн протянул руку. Синбад лениво обнюхал его пальцы и мигнул. Он уже признал этого нового человека. Все было правильно, Дэйн находился здесь по праву. Синбад потянулся, легко соскочил с ящика и отправился вокруг комнаты с очередным обходом. У одного из тюков он остановился и принялся обнюхивать его столь проникновенно, что у Дэйна возникла мысль: а не вскрыть ли этот тюк и не дать ли коту проинспектировать его поосновательнее. Но тут далекий удар гонга заставил обоих насторожиться, и Синбад, никогда не пропускавший мимо ушей призывы к трапезе, торопливо выскользнул из комнаты, предоставив Дэйну следовать за собой более степенным шагом.

Ни капитан, ни суперкарго еще не возвращались, и атмосфера в кают-компании оставалась напряженной. Все вздрогнули, когда над дверью мигнула сигнальная лампа, связанная с входным люком. Кто-то чужой ступил на трап. Если в порту, кроме вас, стоят еще два вольных торговца, всякий фрахт надлежит считать даром небес.

Поэтому Стин Вилкокс мгновенно вылетел в коридор, а Дэйн отстал от него всего на секунду. В отсутствие Джелико и Ван Райка Вилкокс замещал капитана «Королевы», а Дэйн исполнял обязанности суперкарго.

В метре от трапа стоял кар. Водитель оставался за рулем, а какой-то высокий, тощий, загорелый до черноты человек уверенно поднимался по трапу к входному люку.

На нем была потертая куртка грубой кожи, фрабкордовые брюки и высокие сапоги — обычное обмундирование пионера на новооткрытой планете.

Однако вместо широкополой шляпы, какую носят пионеры, на голове у него был метапластовый шлем со съёмным козырьком и с наушниками коротковолнового радиотелефона. Такие шлемы носят работники Службы изысканий.

— Капитан Джелико? — Голос у незнакомца был жесткий, начальственный — голос человека, привыкшего отдавать приказы, которым повинуются без рассуждений.

Штурман покачал головой.

— Капитан в городе, сэр.

Незнакомец остановился и принялся барабанить пальцами по своему широкому, с карманами поясу. Ясно было, что отсутствие капитана на борту «Королевы» рассердило его.

— Когда он будет?

— Не знаю, — холодно сказал Вилкокс. Видимо, незнакомец ему не понравился.

— Свободны для фрахта? — внезапно спросил тот.

— Вам лучше поговорить с капитаном, — уже совсем холодно отозвался Вилкокс.

Пальцы принялись отбивать дробь на поясе еще быстрее.

— Прекрасно. Я поговорю с вашим капитаном. Где он? Это вы мне можете сказать?

К «Королеве» приближался еще один кар. Это возвращался Ван Райк. Вилкокс тоже его увидел.

— Вы узнаете это через минуту. Вот наш суперкарго...

— Так... — Незнакомец быстро повернулся. Движения его были легкие и отточенные.

Дэйн следил за ним с нарастающим интересом. Этот человек представлял для него загадку. У него была одежда пионера и движения тренированного бойца. В памяти Дэйна всплыла картина: Школа, спортивная площадка, жаркий летний полдень... подсекающий взмах руки, характерный наклон плеча... Да ведь этот тип — форсблейдер! И притом — опытный форсблейдер! Но как же так... это же нарушение закона, частным лицам не разрешается обучаться форсблейду...

Ван Райк обогнул кар незнакомца, вылез из-за руля и обычным своим тяжелым шагом стал подниматься по трапу.

— Кого-нибудь ищите? — осведомился он у незнакомца.

— Ваш корабль свободен для фрахта? — снова спросил тот.

Лохматые брови Ван Райка дрогнули.

— Для хорошего фрахта свободен любой торговец, — спокойно ответил он и, словно не замечая нетерпения незнакомца, повернулся к Дэйну. — Торсон, — сказал он. — Поезжайте в «Зеленую птичку» и попросите капитана Джелико вернуться на корабль.

Дэйн сбежал по трапу и уселся в кар, на котором приехал Ван Райк. Включив сцепление, он оглянулся. Незнакомец вслед за Ван Райком вступил на борт «Королевы».

«Зеленая птичка» оказалась не то кафе, не то рестораном. Капитан Джелико сидел за столиком у дверей и беседовал с тем самым темнолицым, который торговался с ними за Лимбо на аукционе. Разговор, видимо, шел к концу. Когда Дэйн вошел в сумрачный зал, темнолицый решительно по-

качал головой и встал. Капитан не сделал попытки удержать его. Он только медленно передвинул вправо свою пивную кружку, осторожно и задумчиво, словно это было бог весть какое ответственное дело.

— Сэр... — Чтобы привлечь внимание капитана, Дэйн осмелился положить руку на стол.

Капитан Джелико поднял на него угрюмые холодные глаза.

— Да?

— На «Королеву» явился какой-то человек, сэр. Он справляется о фрахте. Мистер Ван Райк послал меня за вами...

— Фрахт!

Пивная кружка опрокинулась и со стуком упала на пол. Капитан Джелико швырнул на стол местную монетку и бросился к выходу. Дэйн устремился следом.

Усевшись за руль, Джелико с места взял сумасшедшую скорость. Но в конце улицы он сбросил газ, и, когда кар подкатил к «Королеве», никакой посторонний наблюдатель не смог бы догадаться, что водитель спешит.

Через два часа экипаж снова собрался в кают-компании послушать новости. Капитан говорил, а незнакомец сидел рядом с ним во главе стола.

— Это доктор Салзар Рич, археолог, один из федеральных специалистов по Предтечам. Оказывается, ребята, Лимбо сгорела не дотла. Доктор сообщил мне, что в северном полушарии изыскатели обнаружили какие-то довольно обширные развалины. Он фрахтует «Королеву», чтобы переправить туда свою экспедицию...

— И это никоим образом не ущемляет наших прав,— сказал Ван Райк, добродушно улыбаясь.— Так что у нас тоже будет возможность поработать.

— Когда старт? — осведомился Иоганн Штоц.

Джелико повернулся к археологу.

— Когда вы будете готовы, доктор Рич?

— Как только вы разместите мое оборудование и моих людей, капитан. Доставить сюда снаряжение я могу немедленно.

Ван Райк поднялся.

— Торсон,— позвал он.— Пойдемте готовиться к погрузке... Можете везти свое снаряжение, доктор!

ВЫСАДКА НА ЛИМБО

За последующие несколько часов Дэйн узнал об укладке грузов больше, чем за все время обучения в Школе. Кроме того, выяснилось, что на корабле надо еще найти место не только для Рича, но и для трех его помощников.

Снаряжение пошло в большой грузовой трюм. Всю эту работу взяли на себя сотрудники Рича: доктор объявил, что в его грузе находятся тонкие и хрупкие инструменты и он ни в коем случае не позволит швырять их как попало наемным портовым грузчикам.

Однако, когда дело дошло до размещения груза в трюме, Ван Райк без обиняков дал доктору понять, что этим будет заниматься команда и что команда способна управиться без посторонней помощи. Так что Дэйн вместе с Кости потели, чертыхались и таскали, а Ван Райк руководил ими и сам не упустил случая подставить плечо, пока весь груз не был размещен в строгом

соответствии с механикой распределения веса при взлете. Затем люк был задраен до прибытия на Лимбо.

Выбравшись из трюма, они обнаружили в малом грузовом отсеке Муру, который прилаживал там подвесные койки для помощников Рича. Удобств никаких не было, но археолога еще до подписания контракта уведомили, что на «Королеве» нет специальных кают для пассажиров. Впрочем, никто из вновь прибывших не жаловался.

Эти люди, как и их руководитель, являли собой тип людей, совершенно новый для Дэйна. Все они на вид были крепкие и выносливые, какими и надлежало быть, по представлениям Дэйна, людям, которые занимаются поисками следов исчезнувших цивилизаций на иных мирах. Один из них даже не был, собственно, человеком — зеленоватая кожа и голый череп выдавали в нем ригелианина. У него было странное, не по-человечески гибкое тело, но одет он был совершенно так же, как и прочие. Дэйн всячески старался не слишком на него таращиться, но удержаться было трудно.

Кто-то тронул его за руку. Он обернулся и увидел Муру.

— Доктор Рич поместился в вашей каюте, — сказал стюард. — Вам придется перебраться в кладовую... Пойдемте!

Слегка уязвленный тем, что его так бесцеремонно выселили, Дэйн последовал за Мурой в свое новое обиталище, которое располагалось во владениях кока-стюарда. Эти владения состояли из камбуза, холодильных камер, а также гидропонической оранжереи, предмета забот не только Муры, но и врача Тау, отвечающего за внутреннюю атмосферу корабля.

— Доктор Рич пожелал быть рядом со своими людьми, — объяснял на ходу Мура. — Он специально это оговорил...

Дэйн покосился на маленького стюарда. Ему показалось, что в последней фразе Муры содержится какой-то намек.

Любопытный человек этот Мура. Он был японец, а Дэйн еще со школьных времен помнил, какая страшная судьба постигла Японские острова много лет назад. Вулканические извержения, сопровождавшиеся приливной волной огромной силы, за два дня и одну ночь уничтожили целый народ, так что Япония, стертая с лица земли, просто перестала существовать.

— Сюда, — сказал Мура. Они дошли до конца коридора, и Мура движением руки пригласил Дэйна войти.

Стюард не пытался как-нибудь украсить свое жилище, поэтому его идеально чистая каюта производила несколько унылое впечатление. Впрочем, на откидном столике покоился шар из стеклопласта, и в самом центре его, удерживаемая какой-то волшебной силой, висела земная бабочка. Крылья ее, словно инкрустированные драгоценными камнями, были распростерты, и она казалась на удивление живой.

Перехватив взгляд Дэйна, Мура наклонился и легонько постучал ногтем по верхушке шара. И как бы в ответ на это яркие крылышки дрогнули — мертвая красавица ожила и чуть сдвинулась с места.

Дэйн перевел дух. Он уже видел один такой шар на складе и знал, что Мура собирает и заключает в шары насекомых сотен миров. Еще один шар занимал почетное место в каюте Ван Райка. Он изображал сценку из жизни подводного мира: стайка сверкающих точно самоцветы рыб-мух укрывалась в зарослях вьющихся водорослей, а к ней подкрадывалось странное существо с двумя ногами и двумя руками, да еще с крыловидными плавниками и длин-

ным зловещим жалом. А инженер-связист был счастливым обладателем шара с городом эльфов — вереница серебристых башен, между которыми порхают призрачные жемчужные существа.

— Всякому свое, верно? — Мура пожал плечами. — Способ занять время. Как всякий другой.

Он взял шар, завернул его в кусок материи и спрятал в ящичек с перегородками, выстланными ватой. Затем откатил дверь в следующее помещение и показал Дэйну его новое жилище.

Это была вспомогательная кладовая, которую Мура освободил от припасов и оборудования подвесной койкой и рундучком. Здесь было не так удобно, как в собственной каюте, но и не хуже, чем в тех каморках, где Дэйну приходилось ютиться во время учебных полетов на Марс и на Луну.

Измотанный Дэйн сразу улегся спать и старта не слышал. Когда он проснулся, корабль находился в космосе. Он спустился в кают-компанию, и там его настиг предупреждающий сигнал. Дэйн вцепился в стол, мучительно глотая слюну, борясь с приступом головокружения, которое всегда поражает людей в момент перехода в гиперпространство. Наверху, в рубке управления, Вилкокс, капитан и Рип должны были чувствовать то же самое, но они не могли оставить свой пост до тех пор, пока переход не завершится.

Ни за что на свете не стал бы штурманом, в сотый раз подумал Дэйн. Ни за какие коврижки. Конечно, основную работу выполняют бортовые вычислительные машины, но ведь одна ничтожная ошибка в расчетах — и корабль может занести неизвестно куда или даже выбросить из гиперпространства не рядом с планетой-целью, а внутрь ее. Дэйн знал теорию гиперперехода, он мог бы проложить курс, но, честно говоря, сомневался, что ему хватило бы мужества ввести корабль в гиперпространство и вывести обратно.

Он все еще хмуро глядел в стену, погруженный в не слишком лестные для себя мысли, когда появился Рип.

— Ну, парень... — помощник штурмана с глубоким вздохом повалился на стул. — Вот мы и снова прорвались, и снова не рассыпались на кусочки!

Дэйн изумился. Сам-то он не был штурманом, ему-то позволительно было сомневаться. Но почему у Рипа такой вид, словно у него гора с плеч свалилась? Может, что-нибудь было не в порядке?

— Что произошло? — спросил он.

Рип махнул рукой.

— Да ничего не произошло. Просто на душе всегда легче, когда переход позади. — Он засмеялся. — Эх, парень, ты думаешь, нам там не страшно? Да мы боимся этой штуки побольше, чем ты. Тебе-то хорошо, лети себе, пока не сядем, и никаких забот...

Дэйн немедленно ошетинился.

— То есть как это — никаких забот? А наблюдение за грузом, а продовольствие, а вода?.. Что толку от твоего перехода, если произойдет отравление воздуха?..

Рип кивнул.

— Верно, верно, все мы не зря деньги получаем. Но должен тебе сказать... — Он вдруг замолчал и оглянулся через плечо, чем очень удивил Дэйна. — Слушай, Дэйн, тебе когда-нибудь раньше доводилось видеть археологов?

Дэйн помотал головой.

— Откуда? Это же мой первый рейс. А в Школе нам почти ничего не говорили об истории... разве только об истории Торгового флота...

Рип нагнулся через стол к Дэйну и понизил голос почти до шепота.

— Понимаешь, меня всегда интересовали Предтечи,— сказал он.— Я разобрался в Хаверсоновских «Путешествиях» и одолел «Службу изысканий» Кэйгеля. Это, между прочим, две самые фундаментальные работы на эту тему. И вот сегодня я завтракал вместе с доктором Ричем и могу поклясться, что он никогда ничего не слышал о Башнях-близнецах!

Дэйн тоже никогда ничего не слышал о Башнях-близнецах и не понял, почему это так волнует Рипа. Видимо, озадаченное выражение лица выдало его, и Рип поспешил объяснить:

— Понимаешь, Башни-близнецы — это самый значительный след Предтеч из всех, обнаруженных до сих пор Службой изысканий. Находятся они на Корво, стоят посреди кремниевой пустыни, похожи на два гигантских, высотой в двести футов пальца, указывающих в небо. Насколько удалось установить специалистам, пальцы эти литые и сделаны из какого-то материала, очень прочного, но не из камня и не из металла... Рич очень ловко увильнул, но я совершенно уверен, что он никогда об этом не слышал.

— Но если это такая знаменитая штука... — начал было Дэйн, и тут вдруг до него дошло, что может означать невежество доктора Рича.

— Да-да, почему наш доктор понятия не имеет о самой важной находке по его специальности? Тут возникают кое-какие вопросы, не так ли? Хотел бы я знать, навел ли капитан о нем справки, прежде чем заключить контракт...

На этот вопрос Дэйн ответить мог.

— Документы у него в порядке,— сказал он.— Мы носили их в Космическую полицию. Они дали разрешение на экспедицию, иначе нас бы просто не выпустили из Наксоса...

Рип признал, что это верно — не выпустили бы. Правила работы ракетодромов на планетах Федерации были достаточно строги и обеспечивали по крайней мере девяностопроцентную уверенность в том, что лица, прошедшие процедуру проверки, располагают подлинными удостоверениями и действительно имеют разрешение на вылет. А на периферийных планетах, особенно привлекательных для браконьеров и преступников, Космическая полиция удваивала свою бдительность.

— И все-таки о Башнях-близнецах он ничего не знает,— упрямо повторил помощник штурмана.

С точки зрения Дэйна, эти слова звучали достаточно веско. Ведь невозможно служить с человеком на одном звездолете и при этом не узнать его так близко, как никогда не способны узнать друг друга люди, обитающие в обычных условиях цивилизации. Если уж Рип утверждает, что доктор Рич — не тот, за кого себя выдает, значит, он в этом действительно убежден, и Дэйн верил ему полностью.

— А что говорится в законах относительно следов Предтеч? — спросил Шэннон после паузы.

— Очень мало. Торговцы никогда еще не находили ничего существенного и не заявляли прав на свои находки...

— Значит, если мы найдем что-нибудь стоящее, нам не на что будет сослаться как на прецедент?

— Видишь ли,— сказал Дэйн,— отсутствие прецедента — это палка о двух концах. Изыскатели пустили Лимбо на продажу, так? Значит, можно считать, что Федерация утратила права на эту планету... Здесь, понимаешь, получается такая юридическая путаница...

— Отменнейший казус,— прогудел над их головами Ван Райк.— Тот самый казус, о котором мечтает половина всех законников в мире. Процесс по такому казусу тянулся бы годами, тянулся бы до тех пор, пока обеим сторонам все это не осточертело или они не почили бы в бозе. И вот именно поэтому мы совершаем наш перелет с федеральным открытым листом в сейфе.

Дэйн усмехнулся. Он мог бы догадаться, что такой матерый волк в торговле, как его шеф, конечно же, предусмотрел все, что лежит в пределах человеческих возможностей. Открытый лист на любые находки! Все, что они найдут на Лимбо, принадлежит им и только им!

Однако Рипа все еще одолевала сомнения.

— А на какой срок открытый лист? — спросил он.

— Как обычно — год и один день. Надо полагать, изыскатели не так уверены в возможности что-нибудь там обнаружить, как наши пассажиры.

— А вы сами как думаете, сэр? — спросил Дэйн. — Найдем мы там что-нибудь?

— Я никогда не загадываю наперед, когда речь идет о новой планете,— невозмутимо ответил Ван Райк.— В нашем деле полным-полно ловушек. И если человек возвращается домой с целой шкурой, звездолет у него в порядке, а в кармане — кое-какая прибыль, значит, боги глубокого космоса были добры к нему. О большем мечтать не стоит.

Во время перелета сотрудники Рича держались обособленно, питались они собственными продуктами, из тесного своего помещения почти не выходили, да и к себе никого не приглашали. Мура сообщал, что они только и делают, что либо спят, либо играют в какую-то сложную азартную игру, которой их обучил ригелианин.

Доктор Рич столовался вместе с командой «Королевы» и появлялся в кают-компании, когда народу там было немного, причем эти немногие всегда оказывались работниками инженерной секции, и непонятно было, случайно так получалось или доктор намеренно выбрал себе в сотрапезники инженеров. Под предлогом необходимости изучить будущую арену своих действий он попросил в свое распоряжение микрофильм о Лимбо. Пользоваться микрофильмом ему разрешили, однако всякий раз, когда он располагался с проектором, рядом оказывался суперкарго, а суперкарго, по глубокому убеждению Дэйна, видел и замечал все, каким бы рассеянным и задумчивым он ни казался.

Как и было рассчитано, «Королева» вышла в обычное пространство неподалеку от Лимбо. Орбита Лимбо имела размер орбиты Марса, а две другие планеты этой системы располагались так далеко от местного солнца, от зоны тепла и света, что представляли собой ледяные, совершенно безжизненные миры. Когда «Королева» вышла на посадочную орбиту, проходящую через атмосферу, где корабль должен был погасить скорость до скорости посадки, инженер-связист включил все обзорные экраны. И те, кто не стоял на вахте, увидели смутные очертания нового мира.

Сначала были видны только уродливые серо-коричневые шрамы ожогов на лице планеты, но корабль, опускаясь под углом, пробивал все новые слои

атмосферы, и вот на экранах появились зеленые полосы растительности, маленькие моря — или, быть может, большие озера — доказательства того, что планета-пепелище не совсем мертва.

День сменился ночью, затем снова наступил день. Если бы Лимбо была обычной отсталой планетой, они в соответствии с инструкцией избрали бы для посадки какую-нибудь пустынную местность, произвели бы тайную разведку на флиттерах и только после этого вступили бы в открытый контакт с обитателями планеты. Но на Лимбо, по-видимому, не было разумной жизни, так что для посадки можно было выбирать любое удобное место.

Через гиперпространство корабль провел Вилкокс, посадку же на поверхность планеты должен был осуществить сам капитан Джелико. И теперь он маневрировал, отыскивая посадочную площадку с таким расчетом, чтобы опустить корабль на самом краю выжженной пустыни в непосредственной близости от покрытой зеленью полосы.

Это была хитрая посадка, не из тех, на какие способен любой новичок — на чистый ракетодром по лучу локатора. Но «Королеве» не впервой было совершать сложные посадки, и Джелико осторожно опускал ее, управляя огненными струями, пока она не встала на грунт с хрустом и скрежетом, не столь уж громкими, как можно было бы ожидать.

— На грунте! — прозвучал в репродукторах сиплый голос капитана.

И сейчас же Штоц откликнулся:

— Двигатели в норме!

— Распорядок прибытия стандартный! — объявил капитан. Голос его обретал обычную силу.

Дэйн отстегнул ремни и отправился за приказаниями к Ван Райку. Однако в дверях служебной каюты суперкарго уже стоял доктор Рич.

— Когда можно будет выгрузить оборудование? — нетерпеливо спросил он.

Ван Райк еще только остегивал предохранительные ремни. Он с удивлением воззрился на археолога.

— Вы собираетесь разгружаться?

— Разумеется. Как только вы раздراите люки...

Суперкарго водрузил на голову форменную фуражку.

— Не так быстро, доктор, — сказал он. — Мы — на новой планете.

— Но здесь же нет туземцев. И изыскатели не обнаружили здесь ничего опасного...

Нетерпение доктора быстро превращалось в откровенное раздражение. Похоже было, что за время перелета он так разжег в себе жажду деятельности, что теперь боялся упустить хоть мгновение.

— Спокойно, спокойно, доктор, — невозмутимо отозвался суперкарго. — Мы здесь действуем по приказу капитана. Да и рисковать не стоит — что бы там ни утверждали изыскатели.

Он локтем нажал вызов интеркома.

— Рубка слушает, — отозвался голос Тана.

— Суперкарго — рубке. Что снаружи?

— Обзор не закончен, — ответил Тан. — Коллектор еще в работе.

Доктор Рич стукнул кулаком по косяку.

— Коллектор! — рявкнул он. — У вас же есть отчет Службы изысканий! Что вы возитесь с коллектором?

— Именно поэтому все мы живы-здоровы,— заметил Ван Райк.— В нашем деле бывает риск разумный и риск неразумный. Так вот, мы предпочитаем рисковать разумно.

Он опустил в кресло, а Дэйн прислонился к стене. Ясно было, что спешить с разгрузкой не придется. Доктор Рич, сделавшись похожим на капитанова голубого Хубата — он только что не плевался, зарычал и умчался к своим людям.

— Да,— проговорил Ван Райк и щелкнул пальцем по обзорному экрану.— Не очень-то приятная картина...

Вдали виднелась иззубренная гряда серо-коричневых скал, кое-где вершины были покрыты снегом. Подножие гряды напоминало рваное полотнище — так оно было изрыто узкими извилистыми лощинами, поросшими бледной, чахлой зеленью. Даже при солнечном свете эти места выглядели тоскливо. Словно в дурном сне, подумал Дэйн.

— Вывод коллектора: условия снаружи пригодны для жизни,— объявил вдруг голос из репродуктора.

Ван Райк снова нажал клавишу.

— Суперкарго — капитану. Прикажете готовиться к разведке?

Ответа он не услышал, потому что в каюту вновь ворвался доктор Рич и, оттолкнув его, заорал в микрофон:

— Капитан Джелико, говорит Салзар Рич! Я требую, чтобы мое оборудование было выгружено немедленно, сэр! Немедленно!

Наступила тишина. Дэйн в благоговейном ужасе подумал даже, что капитан от негодования лишился дара речи. Никому не дано «требовать» чего-либо от капитана звездолета, даже Космическая полиция может всего лишь «просить».

— А по какой причине, доктор Рич? — К изумлению Дэйна, капитан говорил совершенно спокойно и невозмутимо.

— По какой причине?! — Рич, навалившись животом на стол суперкарго, шипел и плевался в микрофон.— Да по той простой причине, что только в этом случае я успею разбить лагерь до темноты!..

— На западе — развалины,— прервал его размеренный голос Тана.

Все трое взглянули на экран. Инженер-связист, завершая круговой обзор, перевел детектор на запад, и теперь они видели перед собой сожженную равнину, в которой неведомое оружие Предтеч прорубило страшные шрамы до самого скального основания. Шрамы эти были наполнены застывшим стекловидным шлаком, и солнце отражалось в нем неподвижными слепящими бликами. А у самого горизонта громоздился хаос каких-то строений, уходящий краем в нетронутую полосу зелени.

На унылом, однообразном фоне развалины эти казались единственным цветным пятном, россыпью ярко-красного, желтого, пронзительно-зеленого и голубого. До них было миль двадцать, они выглядели необычайно эффектно, и все трое смотрели на них не отрываясь. Доктор Рич заговорил первым — потому, наверное, что почувствовал себя в своей стихии.

— Там! — он нетерпеливо ткнул пальцем в экран.— Мой лагерь будет там! — Он резко повернулся к микрофону.— Капитан Джелико! Я хочу разбить лагерь около этих развалин! Как только ваш суперкарго соблаговолит начать разгрузку...

Он все-таки добился своего — через несколько минут Ван Райк уже снимал

пломбы с грузового люка. Доктор нетерпеливо топтался рядом, а в коридоре позади него собрались остальные археологи.

— Теперь мы управимся сами, Ван Райк,— сказал он, но суперкарго легонько отстранил его плечом.

— Нет, доктор, благодарю вас. «Королева» разгружается только под надзором моей секции!

И Ричу пришлось уступить, хотя он так и шипел от злости, пока Дэйн при помощи крана извлекал из недр «Королевы» и опускал на грунт краулер с радарным управлением. Затем под надзором Дэйна началась разгрузка. Ригелианин забрался в краулер и, переключив его на ручное управление, повез первую партию груза к развалинам. Оттуда машина вернулась за второй партией сама, по лучу корабельного радара.

Рич с двумя археологами отправился вторым рейсом, и Дэйн остался с последним членом экспедиции, угрюмым молчаливым человеком. Несмотря на откровенное неудовольствие этого субъекта, Дэйн принялся складывать чемоданы и саквояжи — по-видимому, личный багаж археологов — в одну груду, чтобы потом их было удобнее грузить на краулер. В том, что произошло дальше, виноват был не он. Археолог сам уронил свой потрепанный чемодан. Чемодан грохнулся, зацепился замком о камень и раскрылся.

С приглушенным воплем археолог бросился запихивать обратно вывалившиеся вещи. Он действовал очень проворно, но Дэйн успел заметить толстую книгу, которая выпала из стопки белья.

Знакомая книга! Солнце слепило глаза, и Дэйн прищурился, всматриваясь. Но было поздно — археолог уже затягивал чемодан ремнем. И все-таки Дэйна не покидала уверенность, что точно такую же книгу он уже видел однажды в рубке управления, на столе у Вилкокса. «Странно, — подумал он. — Зачем археологу таскать с собой свод программ для бортовой вычислительной машины?»

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Сумерки на Лимбо были необычайно плотные, словно тьма здесь обладала осязаемой материальностью. Дэйн старательно задраил внешний грузовой люк. Пустой краулер, вернувшийся из последнего рейса, он оставил под открытым небом на выжженной земле рядом со стабилизаторами «Королевы». Экипаж принял все меры предосторожности, необходимые на неизвестной планете: трап был втянут, шлюзовые люки наглухо задраены. Теперь экипаж был огражден от чужого мира гладкой непроницаемой броней, пробить которую могло разве что самое совершенное и современное оружие. Любой корабль Торгового флота мог при необходимости превратиться в неприступную крепость.

Погруженный в свои мысли Дэйн поднимался с палубы на палубу, пока не добрался до каюты Рипа в секции управления. Помощник штурмана сидел, сгорбившись, на откидном стуле с Т-камерой в руках.

— Я нащелкал полную пленку этих развалин,— возбужденно сказал он Дэйну, остановившемуся в дверях.— А этот Рич — настоящая крыса, можешь мне поверить. Прямо удивительно, как это Синбад упустил его...

— Что он еще натворил?

— Понимаешь, эти развалины,— Рип ткнул пальцем в стену,— это самая крупная находка за всю историю поисков Предтеч. Так он подгрёб их под себя, будто это его собственность. Он, понимаешь, объявил капитану, что запрещает нам даже близко подходить к развалинам... мол, вторжение неспециалистов слишком часто приводило к гибели ценных находок!.. Неспециалисты, видишь ли! — Рип чуть не рычал от ярости, и Дэйн впервые за их знакомство увидел, что это, такое — разозленный Рип.

— Ну и пусть его,— рассудительно сказал Дэйн.— Их ведь всего четверо, не смогут же они подгрести под себя всю планету. А мы сейчас начнем регулярную разведку, правильно я говорю? Кто нам не велит самим найти классные развалины? Не может быть, чтобы здесь ничего не осталось, кроме этого города. А по закону никто не помешает нам копать в развалинах, которые мы сами найдем.

Лицо Рипа просветлело.

— Правильно, дружище! — сказал он и отложил Т-камеру.

— Во всяком случае,— произнес Камил из коридора за спиной Дэйна,— нашего милого доктора не упрекнешь в бездеятельности! Он так устремился к своим развалинам, словно боялся, как бы кто-нибудь не опередил его в последнюю секунду. Довольно странная фигура наш милый доктор, а?

Рип тут же поделился своими подозрениями:

— Он ничего не знает о Башнях-близнецах...

— А его рыжий ассистент,— добавил Дэйн,— таскает в чемодане свод программ для вычислителя.

Дэйн был очень рад, что и у него есть что сказать, а тем более — в присутствии Камилы. Тишина, наступившая после его сообщения, польстила его самолюбию. Но Камил, как всегда, не упустил случая подколоть его.

— И каким же образом сей поразительный факт дошел до вашего сведения? — осведомился он.

Дэйн решил пренебречь слабым, но достаточно неприятным ударением на слове «вашего».

— Он уронил чемодан, книга вывалилась, и он в панике принялся засовывать ее обратно.

Рип потянулся к шкафчику и извлек из него толстый том в водонепроницаемом переплете.

— Такая?

Дэйн покачал головой.

— Нет. У той обложка была с красной полосой. Такая, как в рубке у Вилкокса.

Камил тихонько свистнул, а у Рипа широко раскрылись глаза.

— Но ведь это же полный свод! — воскликнул он.— Такой свод может быть только у штурмана. А когда штурман увольняется, книга хранится в сейфе у капитана, пока не подпишет контракт новый штурман. По федеральным законам на корабле может быть только один экземпляр такого свода. Когда корабль списывают, полный свод подлежит уничтожению.

Камил засмеялся.

— Не будь таким наивным, друг мой. Как же тогда по-твоему летают браконьеры и контрабандисты? Высасывают программы из пальца? Я ничуть не сомневаюсь, что этими сводами, которые считаются давно сожженными, всю торговлю на черном рынке.

Рип помотал головой.

— Нет-нет. Им бы негде было взять новые программы. Мы такие программы получаем на каждой планете, когда регистрируем прибытие. Как по-твоему, зачем Вилкокс тащит свой том в портовую регистратуру всякий раз, когда мы куда-нибудь прибываем? Эту книгу посылают прямо в местное отделение Службы изысканий, и там в нее впечатывается новая информация. А подсунуть какую-нибудь другую книгу вместо законной не удастся — они это мигом засекут!

— Мой бедный наивный ребенок, — насмешливо растягивая слова, проговорил Камил. — Каждый раз, когда Федерация в своем идеалистическом вакууме вырабатывает новый закон, на сцене немедленно появляется какой-нибудь ловкач, который будет день и ночь ломать голову, как бы этот закон обойти. Я не знаю, как именно это делается, но ставлю свою долю в нашей нынешней аванюре, что это так. Раз Торсон видел книгу с красной полосой у того парня, значит, это делается и сейчас, здесь, на Лимбо.

Рип вскочил.

— Надо сказать Стину...

— Что сказать? Что Торсон видел, как из сундука этого землекопа вывалилась книга, похожая на свод программ?.. Вы ведь не подобрали ее, Торсон, не листали ее?

Дэйн был вынужден признать, что нет, не подобрал и не листал. Тогда Камил взялся за него как следует. Какие у него доказательства, что у сотрудника экспедиции был именно запретный свод программ? Стин Вилкокс болтовни не терпит, ему подавай факты. Книги у Дэйна на руках нет, предъявить ее он не может, и Вилкокс ему, конечно, просто не поверит.

— Так что, милый мой, — Камил снова повернулся к Рипу, — нечего нам играть в отважных федеральных агентов и юных космических полицейских и приставать к старшим, пока в наших чумазах ручках не будет доказательств поувесистее.

Рип снова уселся. Его убедили. Дэйна тоже.

— Ну, хорошо, — сказал Рип, поразмыслив. — Но ты вот говоришь: «Пока не будет доказательств поувесистее». Значит, ты все-таки и сам считаешь, что с доктором Ричем не все в порядке?

Камил пожал плечами.

— На мой взгляд, он самый настоящий мошенник. Но это лишь мое личное мнение, и я намерен держать язык за своими прекрасными белыми зубками до тех пор, пока не почувствую, что действительно могу убедить власть предержащих. А сейчас у нас будет своих дел по горло. Через час нам предстоит тянуть жребий, кто с кем полетит на разведку.

«Королева» несла на себе два разведывательных флиттера. Это были маленькие летательные аппараты, рассчитанные на экипаж из двух, а если потесниться — то из трех человек. Пока Дэйн занимался выгрузкой экспедиционного оборудования, работники инженерной секции тщательно подготовили обе машины, чтобы завтра, прямо с утра две разведывательные группы могли приступить к работе.

Ни один огонек не мерцал в угрюмом мраке лимбеанской ночи, так что экипаж «Королевы» вскоре потерял интерес к пустым обзорным экранам, которые связывали корабль с внешним миром. Сразу после ужина была устроена жеребьевка. Состав групп определялся тройственной структурой эки-

пажа: в каждую группу должен был войти один человек из инженерной секции, один из рубки управления и один из разношерстной команды Ван Райка.

Будь у него выбор, Дэйн попросился бы в одну группу с Рипом. Но судьба рассудила иначе, и Дэйн получил как раз то, чего желал меньше всего. Вытащив свой билетик, он обнаружил, что его товарищами по группе будут Камил и Тан. Командиром группы выпало быть инженеру-связисту, но капитан Джелико по каким-то своим соображениям оставил его на «Королеве» и заменил врачом Тау.

Весьма расстроенный этой неудачей, Дэйн вернулся в свою прежнюю каюту. Из любопытства он наскоро в ней пошарил в надежде обнаружить что-нибудь забытое загадочным доктором. В телевизионном боевике неустрашимый герой Дэйн непременно нашел бы секретные планы... чего? Он понятия не имел — чего, и ему вдруг вспомнились исполненные здравого смысла рассуждения Камилы.

Тогда он принялся думать о Камиле, стараясь понять, откуда у него такая неприязнь к помощнику механика. В какой-то степени эта неприязнь была вызвана броской внешностью и изысканными манерами Камилы. Сам Дэйн еще не вышел из того возраста, когда не знают, куда девать руки, и натыкаются на мебель. В Школе на плацу инструкторы всегда приводили его в пример, рассказывая, как не следует выполнять строевые упражнения. Он заглянул в зеркальце на стене каюты и не обнаружил в своей физиономии ничего чарующего. Да, физически Камил был одарен всем, чего был лишен Дэйн.

Вдобавок помощник суперкарго сильно подозревал, что и по остроте ума Камил тоже оставляет его далеко позади. Он, Дэйн, был похож на бульдога, действующего медленно, но верно. А Камил скакал легко и быстро, как кузнечик. «И всегда по верному пути — вот в чем вся беда, — подумал Дэйн с невеселой усмешкой. — Он бы нравился мне гораздо больше, если бы хоть разок дал маху. А то ведь всегда и во всем он до отвращения прав. Ладно. Психолог решил, что я больше всего подхожу именно этому кораблю и именно этому экипажу. Но это вовсе не значит, что мне должен нравиться каждый член команды. Машина тоже не всемогуща. Во всяком случае, с большинством людей я могу поладить, об этом я догадался еще в Школе».

В конце концов, придя к выводу, что утро вечера мудренее, Дэйн заснул. А проснувшись рано утром, он думал уже только о том, как это здорово, что он сейчас полетит в разведку.

Капитан Джелико настолько пошел навстречу пожеланиям доктора Рича, что даже исключил из задач разведки обследование района развалин. Но, с другой стороны, он дал обеим группам самые недвусмысленные инструкции: в случае обнаружения новых следов Предтеч доложить об этом ему, капитану, лично и ни в коем случае не по радио, потому что радиопередача может быть перехвачена в лагере Рича.

Дэйн надел на голову шлем с коротковолновым радиотелефоном и затянул на поясе широкий ремень, к которому были прицеплены моток тонкого, но прочного троса, фонарик и сумка с набором полевых инструментов. Они не думали, что покидают «Королеву» надолго, однако под сиденья флиттеров уложили пакеты концентратов, полевые аптечки, полные фляги, а также ящики с «товарами для контакта», хотя, по мнению Дэйна, вряд ли эти товары могли здесь пригодиться.

Камил сел за пульт управления, а Дэйн и Тау втиснулись на одно сиденье у него за спиной. Помощник механика нажал кнопку на пульте, и гнутый колпак обтекателя надвинулся, закрыл кабину. Флиттер мягко снялся с борта «Королевы» и взял круто к северу по курсу, проложенному для них капитаном Джелико и Ван Райком.

Солнце было уже высоко. Лучи его высекали блики в реках стеклянного шлака и пробуждали к жизни чахлую зелень, рваной бахромой выстилавшую лощины у подножия скалистого хребта. Дэйн включил автоматическую кинокамеру.

Когда флиттер достиг зеленой полосы и внизу потянулись редкие скопления кустарника, Камил для удобства наблюдения снизился и уменьшил скорость. Но нигде не было видно никаких признаков жизни — ни на земле, ни в воздухе.

Они пролетели до конца первой лощины, затем Али свернул вправо и свечой взмыл над зубчатым гребнем голой черной скалы в поисках нового клочка плодородной почвы. Они обследовали вторую лощину и опять не увидели ничего, кроме редкого кустарника и разбросанных островков зеленой травы.

Третья лощина оказалась интереснее. По дну ее струился извивающийся ручей, растительность здесь была не только гуще, но и темнее — не такая чахлая и бледная. И там было еще что-то. Дэйн и Тау одновременно закричали:

— Снижайся!

— Вон там!

Камил с ходу проскочил это место, но тут же сбросил скорость и по дуге вернулся обратно. Дэйн и Тау, прижавшись лицами к прозрачному пластику обтекателя, жадно смотрели вниз, ища глазами это необычное пятно среди кустарника.

Вот оно! Дэйн понял, что не ошибся. Это было возделанное поле — крошечный огороженный участок правильной формы. Собственно, его даже нельзя было назвать полем. Ограда из камешков и прутьев обрамляла каких-нибудь четыре квадратных фута почвы.

Крохотные растеньица были высажены на этом участке прямыми рядами. Их желтые папоротникоподобные листья непрерывно трепетали как бы от порывов ветра, хотя на кустарнике рядом не дрожал ни единый листок.

Камил дважды облетел вокруг этого «поля», а потом, выключив двигатель, перешел в планирование вдоль лощины в сторону выжженной равнины. Они миновали еще три таких поля, довольно далеко отстоящих друг от друга, а затем пролетели над местом, где лощина расширялась и три или четыре поля располагались рядом. Все они были заключены в ограды и казались тщательно ухоженными, но нигде не было видно ни тропинок, ни строений, ни следов тех, кто сеял, возделывал и будет собирать урожай.

— Возможно, конечно, — проговорил Тау, нарушая молчание, — мы имеем здесь дело с флоральной, а не фаунальной цивилизацией...

— То есть, по-твоему, эта морковка сама себе построила ограду и сама себя высеяла... — начал Али.

Но у Дэйна уже был готовый ответ. Как-никак он был специалистом по контактам, и в него достаточно крепко вколотили идею о том, что, когда

имеешь дело с внеземной цивилизацией, мыслить надлежит широко и свободно, не отвергая без тщательного рассмотрения никаких, даже самых диких гипотез.

— Может, это своего рода детские ясли,— проговорил он.— Может, взрослые особи посеяли здесь свои семена...

Али только презрительно фыркнул, но Дэйн решил не раздражаться.

— Нельзя ли нам сесть? — спросил он.— Надо бы поглядеть на это вблизи... Только сесть надо подальше от полей,— добавил он на всякий случай.

— Слушайте, вы, торговец стекляшками,— произнес Али сквозь зубы.— Я вам не новичок зеленый и не кретин...

«Поделом мне,— честно признал Дэйн.— У Камила есть опыт, а я впервые в разведке. Черт меня дернул соваться куда не следует...» Он прикусил язык и молчал все время, пока Али вел флиттер, снижаясь по спирали к голой скалистой площадке, расположенной достаточно далеко и от ручья, и от полей.

Тау связался с «Королевой» и сообщил о сделанном открытии. В ответ последовал приказ осторожно осмотреть долину и поискать еще какие-нибудь признаки разумной жизни.

Врач оглядел утесы, окружавшие место посадки, и сказал:

— Может быть, в пещерах...

Но пока они пешком пробирались к ложине вдоль голых черных скал, они не обнаружили ни одной трещины, ни одной щели, достаточно глубокой, чтобы там могло укрыться животное размером хотя бы с Синбада.

— Они могли спрятаться, увидев флиттер,— заметил Али.— Возможно, они даже сейчас следят за нами.

Дэйн настороженно огляделся вокруг, всматриваясь в стены утесов, в скопления кустарника, в заросли высокой жесткой травы.

— Они должны быть маленькие,— пробормотал он вполголоса.— Уж очень маленькие у них поля.

— Все-таки это, наверное, растения,— отозвался Тау. Но Дэйну не хотелось с ним соглашаться.

— До сих пор,— медленно проговорил он,— мы вошли в контакт с восемью негуманоидными расами. Слиты — пресмыкающиеся, арвасы — что-то вроде кошек, фиффтоки — моллюски, из прочих три отличны от нас химически, а канддойды и мимсисы — насекомые. Но разумные растения...

— ...вполне возможны,— закончил за него Тау.

Они очень тщательно обследовали ближайшее поле. Растеньица достигали в высоту двух футов, кружевная листва их непрерывно трепетала. Они были старательно прорежены, и между ними не было ни стебелька сорной травы. Ни плодов, ни семян разведчики не обнаружили, а когда наклонились, чтобы рассмотреть растения вблизи, то почувствовали сильный пряный запах. Али принюхался.

— Гвоздика?.. Корица?.. Может быть, это плантация лечебных трав?

— Почему же именно лечебных?

Дэйн присел на корточки. Странно. Эти миниатюрные плантации были заботливо обработаны, но не было между ними никаких тропинок, и непонятно было, как неизвестные фермеры к ним подходят. Подходят?.. Быть может, в этом-то все и дело... Может, они крылатые? Он произнес это вслух.

— Ну, разумеется,— сказал Али с обычным ехидством.— Племя летучих

мышей. И выходят они наружу только ночью. Именно поэтому нас не встречает здесь торжественная делегация...

«Ночной образ жизни? Что ж, это вполне возможно,— подумал Дэйн.— Значит, надо установить здесь пост и оставить на ночь наблюдателя. Впрочем, если фермеры выходят на работу в полной темноте, наблюдать их будет очень трудно. Сейчас мы можем сделать только одно: укрыться где-нибудь поблизости и подождать до вечера. Возможно, они действительно не показываются только потому, что испугались нас и прячутся».

Дэйн и Тау залегли в тени высокой скалы, а Камил увел флиттер на вершину утеса, так что снизу его видно не было. Однако шли часы, а в лощине ничего не менялось. Душистые растения продолжали трепетать, а их дикие братья неподвижно кучились вдоль ручья.

Животный мир Лимбо не отличался ни разнообразием, ни обилием. Кроме пробы воды и образцов растительности, Тау удалось заполучить лишь окрашенное под цвет почвы насекомое, похожее на земного жука. Он упрятал его в коробку, чтобы отвезти на «Королеву» для основательного исследования. Спустя час еще одно насекомое с тусклыми крупными крыльями пронеслось над водой. А животные, птицы и пресмыкающиеся так и не появились.

— На этом пепелище,— вполголоса пояснил Тау,— могли уцелеть только самые низшие существа...

— А как же плантации? — возразил Дэйн. Все это время он ломал голову, чем можно соблазнить таинственных лимбеанцев, если они вообще когда-нибудь появятся. Задача не из легких тем более что он понятия не имел об их природе. Например, если их зрение отличается от человеческого, то для них не годятся ярко раскрашенные безделушки, которые пользуются таким успехом у примитивных гуманоидных племен. А если у них иная область слуховой чувствительности, бесполезными окажутся музыкальные ящики, так хорошо зарекомендовавшие себя при установлении контакта с канддойдами... Дэйн был склонен принять за отправную точку обоняние. Растения на плантациях пахли, причем, пожалуй, слишком сильно даже для человеческого носа с его слабой чувствительностью. Единственное, что сейчас можно было с уверенностью сказать о коренных обитателях планеты,— это то, что они не лишены обоняния. Попробовать в качестве приманки запахи, пряные запахи... Это может сработать. Он сказал Тау:

— Эти растения сильно пахнут. Нет ли у вас в аптеке чего-нибудь с таким же запахом? У нас есть душистое мыло с Гаратоля, но оно вряд ли подойдет...

Тау улыбнулся.

— Ищете приманку? Да, запах, возможно, их приманит. Только лучше пошарить не в аптеке, а в кладовых у Муры. Взять у него по щепотке разных пряностей...

Дэйн прислонился спиной к скале. Как это он об этом не подумал? Пряности употребляются в кулинарии — разумеется, у Муры найдется что-нибудь подходящее для народца, который выращивает эти пахучие травы. Значит, придется вернуться на «Королеву»...

— И вот что,— продолжал Тау.— Сегодня, надо думать, с контактом у нас ничего не получится. По-видимому, они ведут ночной образ жизни, и наблюдательный пост надо оборудовать соответственно. А пока — пойдемте...

Тау был командиром группы, и решения принимал он. Дэйн обрадовался, ему хотелось поскорее заняться подготовкой к контакту. Они помахали Ка-

милу, чтобы он спустил флиттер, связались по радио с «Королевой» и получили приказ возвращаться.

Капитан и суперкарго приняли их в рубке, выслушали Тау и позволили Дэйну высказаться по поводу пряностей. Когда Дэйн закончил свою вдохновенную речь, капитан повернулся к Ван Райку.

— Что скажете, Ван? Вы когда-нибудь пользовались пряностями для контакта?

Суперкарго пожал плечами.

— Для контакта годится что угодно, лишь бы оно привлекло туземцев. Можно попробовать и пряности — наряду с обычным набором.

Джелико сказал в микрофон:

— Фрэнк, поднимитесь ко мне. Захватите образцы всех пряностей, какие у вас есть. Образцы всего, что сильно и хорошо пахнет.

Два часа спустя Дэйн уже оценивал дело рук своих, стараясь по возможности быть строго объективным. Он нашел широкий плоский камень на полпути между двумя плантациями. На камне разложил образцы товаров — украшения, маленькие игрушки, поделки из металла, сразу бросающиеся в глаза, музыкальный ящик, устроенный так, что, если взять его в руки, он начинает играть. И наконец, он поставил на камень три пластиковые чашки с пряными смесями, накрытые легкой тканью.

В кустах неподалеку был замаскирован нацеленный на камень телепередатчик. Дэйну, Тау и Камилу предстояло провести ночь перед экраном во флиттере на вершине утеса.

Дэйн все еще немного недоумевал, как это ему доверили такое важное дело. Но он уже понимал справедливость закона «Королевы»: ты задумал — ты и выполняй. Успех или провал всецело зависит от тебя. И Дэйну было немного не по себе, когда он забирался во флиттер, чтобы подняться на вершину утеса.

ЗЛОВЕЩАЯ ЛОЩИНА

Снова на них навалился плотный мрак лимбеанской ночи. У этой планеты не было спутника, а холодные иголки звезд не способны были сделать ночь сколько-нибудь светлее. Даже на экране тьма казалась непроглядной, хотя телекамера внизу была оборудована сверхсветосильной оптикой.

Тау потянулся, нечаянно задев Дэйна. Они были одеты в двойные зимние куртки, температура в закрытом флиттере была почти комнатная, и все-таки холод снаружи добирался до них. Они поделили ночь на три вахты, так что двое, свободные от дежурства, могли попытаться вздремнуть. Впрочем, Дэйну было не до сна. Он таращил глаза во тьму, окутывающую флиттер непроницаемым покрывалом.

Он не догадался засечь время, когда увидел первую вспышку — острый огненный луч, прорезавший небо на западе. Он вскрикнул. Дежуривший у экрана Али вскинул глаза, проснулся Тау.

— Вон там, глядите! — крикнул Дэйн. — Вон там!

Они не могли разглядеть его руки, но в этом уже не было нужды. Тьму озарила новая вспышка, потом еще одна, потом сразу несколько, а потом все исчезло, и ночь сделалась еще темнее, чем прежде.

— Палят из бластеров,— проговорил Али. Он уже включил передатчик и отстукивал сообщение на «Королеву».

На мгновение Дэйна охватила паника. Но он тут же сообразил, что стреляют далеко к западу от того места, где стоит «Королева», так что это не нападение на их корабль.

Али доложил капитану, что они только что наблюдали, видимо, какое-то далекое сражение. С корабля вспышек не заметили, все было спокойно вокруг «Королевы», в том числе и в развалинах за пустошью, где располагался лагерь Рича.

— Нам оставаться здесь? — спросил Али напоследок.

Ответ последовал немедленно: да, оставаться, если только на них не нападут. Теперь особенно важно выяснить, что же все-таки представляют собой аборигены Лимбо.

Но на экране телевизора по-прежнему смутно виднелся камень с разложенными на нем товарами, и больше ничего.

Теперь они несли вахту по двое: один следил за экраном, другой — за западным горизонтом. Но вспышки больше не разрывали ночи. Если там и происходил бой, то он уже кончился.

Была очередь Дэйна дежурить перед экраном, и, по его расчетам, уже близился рассвет, когда что-то впервые шевельнулось возле камня. Это движение было едва заметным, и в первый момент Дэйн решил, что ошибся. Но вот на черном фоне кустарника справа от камня возникло нечто такое странное, что Дэйн не поверил глазам. Совершенно машинально он включил регистрирующий киноаппарат.

И вовремя. Удивительное существо было не только почти бестелесно, оно передвигалось с поразительной быстротой, искажавшей его и без того жуткие очертания. Дэйн что-то видел, в этом он был вполне уверен. Но он хоть убей не мог бы сказать, что это было или на что оно было похоже.

Тау и Камил дышали ему в затылок, а сам он вперился в экран, подстерегая малейший намек на движение там, внизу. Но вот наступил рассвет, тьма быстро редела, а они так ничего и не увидели больше, кроме листвы кустарника, колеблемой утренним ветром. То, что прошло мимо камня, не заинтересовалось выставкой товаров. Оставалось положиться на пленку киноаппарата.

Солнце Лимбо поднялось над горизонтом. Иней, покрывший за ночь вершины утесов, быстро исчезал. Но лощина оставалась пустынной — ночной гость больше не появлялся.

Прибыл второй флиттер со сменой. Рип подошел поговорить с зевающими во весь рот товарищами.

— Удалось что-нибудь? — спросил он.

— Да, что-то, кажется, засняли на пленку,— отозвался Дэйн.

Он чувствовал, что радоваться, пожалуй, пока еще рано. Этот неясный призрак мог и не быть владельцем плантации. Возможно, просто какое-нибудь животное случайно проскользнуло мимо.

— Капитан приказал вам перед возвращением обследовать район, где стреляли,— сообщил Рип, обращаясь к Тау.— Решения принимайте сами, только не впутайтесь во что-нибудь серьезное.

Врач кивнул. Али включил двигатель, и они поднялись в воздух. Внизу раскинулся уже знакомый пейзаж — узкие лощины, кое-где крошечные квадра-

тики плантаций. Флиттер, завывая, шел совсем низко, но никаких признаков жизни, кроме растительности, видно не было. Они пролетели к западу миль пять, и вдруг перед ними открылась ужасная картина.

Над тлеющим кустарником еще поднимался дым, огненные удары высоковольтных бластеров исхлестали землю и камень, прорубили черные просеки в густой зелени, но не это было самым страшным.

Трупы...

Три обгоревших трупа скрючились в расселине, словно в попытке спрятаться от ударов оружия, которого эти существа не понимали. Да, совсем недавно это были живые существа, хотя теперь они походили на уродливые обуглевшиеся головешки.

Али пролетел еще немного вперед над ложиной. Ничего живого. Тогда он развернулся, чтобы сесть рядом с расселиной. Выскочив из флиттера, они двинулись через каменную россыпь и тут же наткнулись на четвертую жертву.

Этот тоже был настигнут огнем, но умер не сразу. Смертельно изувеченный, он еще пытался бороться за жизнь, заполз в узкую трещину между скал и там цеплялся за стенки, пытаясь вскарабкаться наверх, но смерть настигла его, и бессильное тело выкатилось наружу.

Тау опустился на колени рядом со скорченным трупом. А Дэйн глянул только один раз и тут же зажмурился. Его замутило. Воздух был наполнен отвратительным смрадом, и это был не только запаз горелой зелени. Впрочем, главное Дэйн успел заметить.

Это был не человек. Ничего подобного Дэйн никогда не видел и ни о чем подобном не слышал. Это существо — оно было нереально, невозможно! Дэйн огромным усилием воли заставил себя вновь открыть глаза и смотреть.

Существо это было жуткое, как порождение болезненного бреда. Тело его, изуродованное ожогами, состояло из двух шарообразных образований, одно вдвое меньше другого. Чего-нибудь похожего на голову не было вовсе. От большого шара тянулись две пары тонких четырехсуставчатых отростков, вероятно очень гибких. Из меньшего шара торчала еще пара отростков. Второй сустав каждого оканчивался щупальцами, а щупальца переходили в пучки тонких, словно волосы, нитей. Шары соединялись между собой столь же тонкой, прямо осиной талией. Дэйн так и не смог заставить себя принять участие в детальном обследовании, которым немедленно занялся Тау, но, во всяком случае, он не заметил у существа ни глаз, ни ушей, ни рта.

Особенно странно выглядели шары, из которых состояло тело. Они были серовато-белого цвета и полупрозрачные. Сквозь поверхность отчетливо просвечивала красноватая структура, служившая существу чем-то вроде скелета, и другие органы, к которым Дэйн не захотел присматриваться.

— Великий Космос! — вскричал Али. — Да его же видно насквозь!

Он преувеличивал, но не слишком. Лимбеанцы — если это был лимбеанец — были прозрачнее любого существа, с которым землянам приходилось встречаться раньше. Теперь Дэйн был уверен, что на пленке, отснятой ночью, окажется точно такое же полупрозрачное существо.

Али обошел тело, разглядывая след огненных ударов, загнавших существо в трещину. Затем он осторожно прикоснулся пальцем к черному маслянистому пятну на скале и поднес палец к носу.

— Да, это бластер.

— Думаете — Рич?..

Али, прищурясь, смотрел вдоль лощины. Лощина эта, как и все остальные, начиналась у подножия гор и должна была проходить не слишком далеко от развалин, где расположились археологи.

— Но... почему? — снова спросил Дэйи, не дождавшись ответа.

Может быть, лимбеанцы напали на Рича и его людей? Дэйи никак не мог в это поверить. Изувеченное тело, над которым сейчас трудился Тау, выглядело таким жалким, таким беззащитным. В нем не было и намека на угрозу.

— В этом-то и вопрос, — сказал Али.

Тяжело ступая, он миновал расселину, где лежали остальные обгорелые трупы, и спустился к берегу ручья: по этой лощине тоже протекал ручей, и вдоль него тоже тянулись маленькие плантации.

И тут на мягкой почве Дэйи увидел следы. Это были не следы ног, а две глубокие параллельные борозды, безжалостно разворотившие маленькие «поля». Дэйи остановился как вкопанный.

— Краулер! — сказал он. — Но ведь наши краулеры...

— ...находятся там, где им положено, — закончил Али. — Один стоит под «Королевой», другой — в трюме. А поскольку Рич не мог провезти сюда собственный краулер в своем чемоданчике, приходится допустить, что Лимбо совсем не так уж безжизненна, как нас уверяют изыскатели. — Он постоял на берегу ручья, затем присел на корточки, рассматривал борозды в грязи. — Странные у него борозды...

Дэйи тоже наклонился, всматриваясь. Гусеницы оставили ясные отпечатки шириной около четырех дюймов. Дэйи умел управляться с краулерами, это ему полагалось по долгу службы. Если понадобится, он сумеет даже произвести небольшой ремонт. Но отличить одну машину от другой по отпечаткам гусениц он не смог бы. Тут он полностью полагался на Али.

Последующие действия помощника механика показались Дэйи совершенно загадочными. Стоя на коленях, Камил извлек из сумки рулетку и принялся измерять расстояние между колеями. Некоторое время Дэйи молча наблюдал за ним, потом не вытерпел.

— Что-нибудь не то? — спросил он.

Сначала ему показалось, что Али не намерен отвечать. Но тот присел на корточки, стер грязь с рулетки и посмотрел на Дэйи снизу вверх.

— У стандартного краулера должно быть четыре — два — восемь, — сказал он наставительно. — У ракетного кара — три — семь — восемь. У броневика — пять — семь — двенадцать.

Сами по себе эти числа мало что говорили Дэйи, но он понял, что имеет в виду Камил. Весь машинный парк в пределах Федерации был полностью стандартизован. Это позволяло унифицировать запасные части в ремонтных мастерских на разных планетах. Али назвал параметры трех главных типов наземных механизмов, которые использовались на большинстве планет, входящих в Федерацию. Впрочем, броневик, оборудованный лучеметом, был боевой машиной и применялся, как правило, только военными и полицией, если не считать первооткрывателей, которые использовали лучемет, чтобы пробивать просеки в непроходимых лесах или зарослях джунглей.

— А здесь, значит, ни то, ни другое и ни третье? — догадался Дэйи.

— Вот именно. Здесь — три — два — четыре. И это тяжелая машина... или перегруженная. Ракетный кар или краулер без груза не оставляют такой колеи.

Али был инженером, ему и карты в руки.

— Так что же это за машина? — спросил Дэйн.

Али пожал плечами.

— Не стандарт. Низкая, узкая, иначе она не прошла бы здесь, может нести изрядный груз. Но у нас такой машины нет.

Дэйн оглядел утесы, громоздящиеся по сторонам лощины.

— Она могла уйти только вдоль ручья, — проговорил он. — Либо вверх, либо вниз.

Али поднялся на ноги.

— Я пойду вниз, — объявил он. Затем взглянул на Тау, поглощенного своей работой над трупом. — Его теперь за уши не оттянешь, пока не закончит. — Он передернулся от отвращения — то ли показного, то ли истинного. — Вообще мне кажется, что не следует торчать здесь слишком долго. В разведке надо пошевеливаться.

Дэйн повернулся.

— Я пойду вверх по ручью, — твердо сказал он. Нечего Камилу командовать, тут они на равных. И он, не оглядываясь, двинулся в путь, шагая между колеями.

Дэйн настолько увлекся, отстаивая перед всем миром свое право на самостоятельные действия, что совершил ошибку, непростительную для любого разведчика. Он начисто забыл включить радиотелефон в своем шлеме и шел навстречу неизвестности, не имея никакой связи с остальными членами группы.

Сейчас он думал только о колеях, которые вели его вверх по ручью к подножию горного хребта. Лощина постепенно сужалась, вершины утесов все чаще загораживали солнце, отбрасывая пурпурные тени.

Два больших насекомых с кружевными крыльями пронеслись низко над ручьем и взмыли в холодное небо.

Растительность стала чахлой и редкой, плантации больше не попадались. Дно лощины под ногами стало ощутимо наклонным. Лощина превратилась в ущелье, извивающееся между скалистыми стенами, и Дэйн шел очень осторожно. Ему нисколько не улыбалось, обогнув какой-нибудь выступ, столкнуться лицом к лицу с обладателем бластера.

Он был убежден, что доктор Рич имеет ко всему этому какое-то отношение. Но откуда у него взялся краулер? Может, доктор бывал на Лимбо раньше? Или, быть может, он здесь нашел и разграбил аварийный склад изыскателей? Но ведь Али говорил, что эта машина не относится к стандартному типу.

Колея оборвалась внезапно, и Дэйн остановился как вкопанный, не веря своим глазам. Она уходила прямо в глухую скалу, исчезая у ее подножия, как если бы машина прошла сквозь камень.

Дэйн быстро напомнил себе, что самый поразительный факт должен иметь некое логическое объяснение, причем вовсе не обязательно из области телевизионных «силовых стен» и прочих фантастических штучек. Колеи уходят в скалу — это либо обман зрения, либо открытие, и остается только выяснить, какое именно.

Скрипя каблуками по песку и гравиям, Дэйн подошел к каменной преграде на расстояние вытянутой руки. И тогда, еще не сознавая, что происходит, он ощутил что-то странное, какую-то дрожь. Здесь было очень тихо, в

этом каменном тупике, замыкавшем лощину, не было ветра, не шуршали кусты. И тем не менее в воздухе ощущалось некое беспокойство, какая-то еле уловимая вибрация на самом пороге человеческой способности воспринимать звуки и движение.

Повинуясь импульсу, он приложил ладони к каменной стене и сразу ощутил э т о — через его ладони в мускулы и кости полились пульсирующие толчки, словно исходящие из самого тела планеты. Тогда он принялся шарить пальцами по шероховатой поверхности, внимательно обследуя каждый ее дюйм, но не нашел ни малейшей трещинки, никаких следов двери, никакого источника этого тяжелого тап-тап-тап, которое било его по нервам. Пульсация была неприятной, в ней таилась угроза, и Дэйн вдруг резко отдернул руки, испугавшись, что попадет под гипноз этого тупого ритма. Теперь он окончательно уверился в том, что Лимбо — не безжизненный, мертвый мир, как это казалось на первый взгляд.

Тут он впервые вспомнил, что у него нет связи с другими членами группы, и поспешно включил радиотелефон. И сразу же в наушниках зазвенел голос Тау:

— Вызываю Али... Вызываю Торсона... Отвечайте... Отвечайте!..

В голосе врача была такая тревога, что Дэйн сейчас же бросился прочь от стены, крича на ходу:

— Я Торсон, нахожусь в конце лощины! Имею доложить...

Но врач нетерпеливо перебил его:

— Возвращайтесь к флиттеру! Али, Торсон, возвращайтесь к флиттеру!

— Торсон возвращается,— крикнул Дэйн и со всех ног побежал вниз по лощине. И пока он спешил, оскользаясь на камнях и щебне, голос Тау продолжал звать Али, а помощник механика все не откликался.

Тяжело дыша, Дэйн наконец добежал до места, где они расстались с Камиллом. Врач, увидев его, замахал рукой, подзывая к флиттеру. «Где Али?», «Где Камил?»,— крикнули они одновременно и уставились друг на друга.

Дэйн ответил первым.

— Он сказал, что пойдет вниз по ручью... по следам этих гусениц... Я пошел вверх...

— Значит, это был он... — Тау нахмурился, повернулся на пятках и оглядел лощину. Здесь, у воды, зелень разрослась особенно густо, кустарник стоял стеной, в которой ручей пробил нечто вроде туннеля.

— А что случилось? — спросил Дэйн.

— Кто-то окликнул меня по радиотелефону, окликнул и сразу же замолчал...

— Не я. Мой радиотелефон был выключен,— ляпнул Дэйн, не подумав. Он тут же прикусил язык, сообразив, что наделал. Разведчик не имеет права выключать радиотелефон, это знает любой приготовишка. А он, Дэйн, нарушил это правило в первой же своей разведке! Дэйн почувствовал, что щеки его загорелись, но не стал ни извиняться, ни объясняться. Он совершил проступок и готов был понести наказание.

— С Али что-то случилось,— сказал Тау. Не произнеся больше ни слова, он забрался в кабину флиттера. Притихший Дэйн последовал за ним.

Флиттер рывков взвился в воздух — Тау был не таким искусным пилотом, как Камил. Флиттер пошел над лощиной очень низко и на самой малой

скорости. Дэйн и Тау напряженно всматривались, но не видели ничего, кроме выжженных полос, оставленных бластером, густой зелени, россыпей щебня и торчащих скал.

Следы краулера тоже были видны, и Дэйн коротко рассказал все, что ему удалось узнать. Лицо Тау было угрюмо.

— Если мы не найдем Али,— сказал он,— придется сообщить на «Королеву».

До Дэйна вдруг дошло, что ему страшно не хочется сознаться перед собой еще в одном упущении. Упущение это было гораздо серьезнее, чем промах с радиотелефоном. Он должен был настоять на том, чтобы держаться вместе, не разбредаться в разные стороны, хоть лощина и казалась такой пустынной и безопасной.

— Здесь происходит что-то очень скверное,— продолжал Тау.— Из бластеров стреляли преступники...

Дэйн хорошо знал, как беспощадны законы Федерации, когда речь идет о контактах с аборигенами иных миров. В Школе ему пришлось зазубривать на память соответствующие параграфы из Свода законов. Защищаться от нападений инопланетян не возбранялось, но только защищая свою жизнь торговец имел право применить против негуманоида бластер или какое-нибудь другое оружие. Только защищая свою жизнь... Не одобрялось даже применение гипноизлучателей, хотя, как правило, торговцы вооружались ими, отправляясь на неисследованные планеты, населенные варварскими племенами.

Экипаж «Королевы» ступил на землю Лимбо без оружия, и должен был оставаться безоружным до тех пор, пока их жизнь или их корабль не окажутся под угрозой. А здесь, в лощине, кто-то бил из бластера по живым существам просто из гнусной прихоти, утоляя какую-то садистскую ненависть к инородцам.

— Ведь не может быть, чтобы напали они, эти шарообразные...

Тау покачал головой, его загорелое лицо стало жестким.

— У них вообще нет оружия. По всему видно, что на них напали без предупреждения, просто взяли и скосили их... чтобы позабавиться.

Тау запнулся и не стал продолжать. Картина, которую он нарисовал, была слишком отвратительна для человека, воспитанного в традициях Торгового флота.

Лощина под ними расширилась и широким веером влилась в равнину. Али нигде не было. Он исчез, словно прошел сквозь каменные стены утесов. Каменные стены!.. Дэйн вспомнил стену, в которую ушел след краулера, и прилип к ветровому стеклу, вглядываясь в скалистые обрывы. Но нет, там не было никаких следов.

Флиттер пошел на снижение и сел.

— Надо доложить на «Королеву»,— сказал Тау. Не вставая с места, он потянулся к ключу бортового передатчика.

ЕЩЕ ОДИН КОРАБЛЬ

Тау начал выстукивать вызов, когда скрежещущий вой, грозный и странно знакомый, поднял их на ноги. Это был не ураган — здесь, на краю выжженной пустыни, не происходило ничего, что могло бы нарушить извечное молчание мертвой планеты. Более опытный Тау первым понял, что это такое.

— Звездолет! — крикнул он.

Дэйн был новичком в Космофлоте, но и ему было понятно: если корабль идет на посадку с таким раздирающим ревом, значит, дело его плохо. Он схватил Тау за плечо.

— Что с ним?

Лицо врача побелело под загаром. Прикусив нижнюю губу, он как зачарованный глядел в небо. Сквозь нарастающий свист и скрежет он прокричал на ухо Дэйну:

— Спускается слишком быстро!.. Не может затормозить!..

И тут они его увидели. Темное пятно стремительно прорезало утреннее небо и исчезло за зубчатым хребтом на северном горизонте.

Вой затих. Наступила тишина. Тау медленно покачал головой.

— Разбился. Не сумел погасить скорость.

— Что это за корабль? — спросил потрясенный Дэйн. Темное пятно пронеслось так быстро, что он не различил силуэта.

— Слава богу, для пассажирского лайнера он слишком мал. По крайней мере я надеюсь, что это был не лайнер...

Да, крушение пассажирского лайнера было бы сущим кошмаром. Дэйн отлично это понимал.

— Какой-нибудь грузовой корабль... — Тау снова сел и застучал ключом. — Должно быть, потерял управление, когда вошел в атмосферу...

Он связался с «Королевой» и доложил обо всем случившемся. Ответ последовал незамедлительно. Им было приказано оставаться на месте и дожидаться второго флиттера, который прибудет с оборудованием для полевого госпиталя. Затем второй флиттер, взяв на борт Тау, отправится в горы и попытается отыскать место аварии, чтобы оказать помощь, если кто-нибудь там остался в живых. Дэйн, Мура и Кости займутся поисками Камила.

Второй флиттер появился через несколько минут. Мура и Кости выскочили из него, едва он коснулся грунта, а Тау поспешно вскарабкался на их место. Флиттер сейчас же по спирали взмыл в небо и лег на курс к иззубренному хребту, за который упал звездолет.

— Вы видели, как он падал? — спросил Дэйн.

Мура покачал головой.

— Не видели. Только слышали. Потерял управление.

Широкое лицо Кости сочувственно сморщилось.

— Они, должно быть, здорово треснулись. Такой удар — наверное, никого в живых не осталось. Однажды на Джуно я видел примерно такую же посадку — дрянь дело, все погибли. А этот, должно быть, потерял управление еще раньше, чем пошел на посадку. Он даже не пытался тормозить, падал точно кусок железа.

Мура тихонько присвистнул.

— Может, чумной корабль.

Дэйн вздрогнул. Чумной корабль... Жуткий призрак на космических трас-

сах. Блуждающий склеп с мертвым экипажем, заразившимся неизвестной болезнью на неведомой планете и избравшим смерть в отдаленных пустынях космоса, чтобы не занести инфекцию на обитаемые миры. Перед Службой охраны солнечной системы стояла незавидная задача перехватывать эту дрейфующую смерть и либо посылать ее в очищающие недра звезд, либо уничтожать каким-либо другим способом. А здесь, за пределами цивилизованного мира, такой блуждающий склеп мог носиться в пространстве годами и даже столетиями, прежде чем игра случая не бросит его в сферу притяжения какой-нибудь планеты и не разобьет о ее поверхность.

Впрочем, люди «Королевы» знали, что к чему, они не полезут в разбитый корабль очертя голову. И вообще место крушения могло оказаться в тысяче миль отсюда, далеко за пределами радиуса действия флиттера. И там будет Тау — кто-кто, а уж он-то знает, что с чумой шутки плохи.

— А как Али? Он пропал? — спросил Кости.

Дэйн подробно рассказал о том, что произошло в лощине, не утаив и собственной оплошности. К его огромному облегчению, ни Мура, ни Кости не стали тратить время на упреки, а сразу приступили к делу. Мура предложил план.

— Пусть Кости поднимется на флиттере и летает над нами. Мы с вами пойдем пешком. Может быть, есть следы, которые вы не заметили с воздуха.

Так они и сделали. Флиттер на самой малой скорости кружил над их головами, а Дэйн и Мура двигались по зловещей лощине пешком, прорубаясь ножами сквозь густые заросли. Они обнаружили место, где гусеницы краулера соскользнули со скалистого выжженного массива и впервые врезались в рыхлую почву плодородной полосы.

Здесь Мура остановился и оглядел равнину. Пестрых развалин отсюда видно не было, но краулер, несомненно, появился с той стороны, затем с неизвестной целью прошел по лощине к горам и... исчез там, пройдя сквозь сплошную каменную стену.

— Из лагеря Рича?.. — предположил Дэйн.

— Может — да, может — нет, — уклончиво ответил Мура. — Вы говорили, по мнению Али, это была нестандартная машина?

— Но... — Дэйн разинул рот. — Не может же быть, что это сами Предтечи... Мура засмеялся.

— Говорят, в космосе все возможно, верно? Нет, я не думаю, чтобы древние владыки космоса оставили здесь своих потомков. Но они могли оставить здесь другое — и это другое кто-то здесь использует. Хотел бы я знать побольше о развалинах...

Что ж, возможно, Рип был недалек от истины, когда несколько дней назад утверждал, будто на какой-нибудь планете могло сохраниться оборудование легендарных Предтеч. И, быть может, кто-то наткнулся здесь, на Лимбо, на склад этого оборудования? Но тогда обретало силу мрачное предостережение Али — о том, что оборудование Предтеч в руках землян может стать угрозой всему человечеству.

Они старательно обыскивали устье лощины, а флиттер все кружил над их головами. Дэйн на ходу вскрыл пакет с полевым рационом и принялся жевать безвкусную каучуковую массу, которая по идее должна была снабдить его молодой организм всеми необходимыми калориями и витаминами, такую неаппетитную и совсем не похожую на настоящую еду.

Он прорубался сквозь колючие кусты, продирался через путаницу ветвей и вдруг очутился на крошечной полянке, со всех сторон окруженной шипастой растительностью. Под ногами был толстый слой опавшей листвы.

Дэйн замер. Грязный коричневый ковер был местами продран. Из-под разворошенных листьев выглядывала отвратительная зеленая слизь, и от нее поднималась нездоровая гнилостная вонь.

Дэйн опустился на четвереньки. Он не был следопытом, но даже ему было ясно, что здесь происходила какая-то драка — и притом совсем еще недавно, потому что грязь даже не успела подсохнуть. Дэйн огляделся. Да, идеальное место для засады. И если Камил вышел отсюда... и пошел туда...

Стараясь не наступать на следы, Дэйн пересек поляну. Так и есть. На кустарнике виднелись следы ножа, многие ветки были обрублены. Здесь прошел человек, вооруженный обычным походным ножом.

Прошел здесь... а здесь его поджидал кто-то... или что-то.

Лимбеанцы? Или хозяева странного краулера, которые жгли лимбеанцев из бластера?

В одном Дэйн был уверен: на Камилу напали именно здесь — напали, скрутили и уволокли. Куда? Он тщательно оглядел кустарник, но нигде больше не обнаружил никаких следов. Все выглядело так, словно охотник, овладев добычей, испарился вместе с нею.

В кустарнике затрещало, и Дэйн резко обернулся, выхватив гипноизлучатель. Но это был Мура — его славное загорелое лицо появилось среди листвы. Дэйн махнул ему рукой, и Мура вышел на поляну. Объяснять ему ничего не пришлось, он сам все понял с первого взгляда.

— Они сцапали его здесь, — сказал Дэйн уверенно.

— Да, но кто или что такое эти «они»? — возразил Мура и тут же задал вопрос, на который невозможно было ответить: — И как они отсюда ушли?

— Их краулер, например, прошел прямо через скалу...

Мура поворошил ногой слой опавшей листвы.

— Ничего похожего на люк, — объявил он серьезно, как будто ожидал все-таки обнаружить что-либо в этом роде. — Остается одно... — Он ткнул пальцем в небо, где нарастал рокот флиттера: Кости сделал круг и возвращался к ним.

— Но мы бы увидели... услышали... — запротестовал было Дэйн, но тут же усомнился в собственных словах. Ведь если Али попытался звать на помощь, сам он был на другом конце лощины, да и до Тау отсюда было по крайней мере две мили поворотов, выступов и густого кустарника.

— Что-нибудь поменьше наших флиттеров, — размышлял вслух Мура. — Вполне возможно. Ясно одно: Камилу они утащили, и, чтобы отбить его, мы должны узнать, кто они и где находятся.

Он снова стал продираться сквозь кустарник, и Дэйн последовал за ним. Они вышли на открытую скалистую площадку и помахали флиттеру. Кости посадил машину и сразу же спросил:

— Нашли?

— Нашли место, где его захватили, — ответил Мура, усаживаясь перед радиопередатчиком.

Дэйн обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на эту зловещую лощину. Но то, что он увидел у горизонта, сразу заставило его забыть и о лощине, и об

утесах, обступивших ее. Оказывается, пока они шарили в кустарнике, солнце скрылось. Небо затягивало облаками — и не только облаками. Не стало больше видно и голых, покрытых снегом горных пиков, которые совсем недавно вырисовывались на фоне бледного неба. Словно оно обвалилось, это белесое выцветшее небо, и закрыло собой горизонт. Там, где были горы, теперь клубился туман, такой плотный, что ничего не было видно, как будто художник замазал белой краской неудавшийся пейзаж. Дэйн никогда не видел ничего подобного. И туман надвигался с необычайной быстротой, на глазах пожирал милю за милей. Не хватало еще затеряться в этом молоке!..

— Смотрите! — Он подбежал к флиттеру и схватил Муру за руку. — Посмотрите, что делается!

Кости сдавленно выругался по-венериански, а Мура только послушно поднял глаза. Вся местность к северу от лощины уже скрылась в тумане. Более того — от вершин утесов, обступивших лощину, клубами поднимался серовато-желтый пар, он полз по каменным склонам, размывая очертания скал. И земляне непроизвольно сбились в кучку, ощущая озноб и от этого зрелища, и от холода, наступившего с исчезновением солнца.

Писк рации заставил их опомниться. На «Королеве» заметили туман и предлагали обоим флиттерам немедленно возвращаться.

А туман сгущался все быстрее. Клубы пара над лощиной сливались, образовывали гряды облаков, и облака эти начали опускаться, затрудняя всякую видимость.

Кости обеспокоенно произнес:

— Плохо дело, эта штука надвигается слишком быстро. Можно, конечно, идти по радару, но я предпочел бы обойтись без этого...

К тому времени, когда они поднялись в воздух, туман уже залил лощину и грозно выбросил первые щупальца на изрытую поверхность выжженной равнины. В этом было что-то зловещее, твердь исчезла, ее заливали грязные крутящиеся волны, и вот уже ничего не было видно внизу, кроме неясного, грозного движения бесформенных клубов.

Кости уводил флиттер на полной скорости, но они не пролетели и мили, как он вынужден был убавить скорость. Туман встал стеной, он оседал липкими каплями на ветровом стекле, становился все плотнее.

Правда, они не рисковали заблудиться. Флиттер шел по пеленгу с «Королевы». Но теперь вокруг кипело сплошное море тумана. Они не видели ничего, и только жужжание радарной системы связывало их с родным кораблем.

— Надеюсь, наши ребята успели выбраться, — проговорил Кости.

— Если не успели, — отозвался Мура, — им лучше сесть и переждать.

Жужжание радара становилось все громче, и Кости снова убавил скорость.

— Как бы нам не врезаться в нашу старушку, — пробормотал он.

В этом тумане не было ни расстояний, ни направлений. Может, они летели сейчас на высоте десять тысяч футов, а может, скользили в каком-нибудь ярде над поверхностью скалистой равнины. Кости сгорбился над панелью управления, обычно добродушное лицо его было искажено, глаза перебежали с циферблатов на ветровое стекло и обратно...

Потом они увидели корабль — темную тень, возникшую из белесой мглы. Кости повел флиттер на снижение и с мастерской точностью посадил его на хрустнувший щебень. Все кончилось, но он не торопился вылезать. Сна-

чала он вытер лицо тыльной стороной ладони. Мура наклонился вперед и похлопал великана по плечу.

— Отличная работа, — сказал он.

— А как же иначе! — ухмыльнулся Кости.

Они выбрались из флиттера и, прежде чем направиться к смутной громаде «Королевы», повинувшись какому-то внутреннему чувству, взялись за руки. Рука товарища в твоей руке — это было нужно не только для того, чтобы не потеряться в тумане, это давало ощущение безопасности и уверенности, в котором так нуждался каждый из них. Грозный враждебный туман подавлял их. Пока они шли, жирная влага оседала на шлемах и стекала крупными каплями на лица и плечи.

Они поднялись по трапу, перешагнули порог люка и остановились, охваченные блаженным теплом ярко освещенного шлюзового отсека. К ним кинулся бледный и встревоженный Джаспер Викс.

— А, это вы... — разочарованно произнес он.

Кости захохотал.

— А кого ты ждал, малыш? Мистера дракона с такой вот пастью? Конечно, это мы, и мы очень рады, что это мы...

— Что-нибудь случилось? — прервал его Мура.

Викс подошел к открытому люку, выглянул.

— Второй флиттер... — сказал он. — Он не отзывается уже целый час. Капитан приказал им возвращаться, как только мы заметили туман... В отчете изыскателей сказано, что эти туманы могут стоять несколько дней... но в это время года их обычно не бывает.

Кости присвистнул, а Мура, прислонившись спиной к стене, принялся отстегивать шлем.

— Несколько дней...

Дэйн почесал в затылке. Несколько дней в этом супе! Тут уж остается одно — сидеть и надеяться на лучшее. А если им еще пришлось совершить в горах вынужденную посадку... Теперь он понимал, почему Викс так мается у люка. Да, полет над плоской равниной — легкая прогулка по сравнению с испытаниями, которые выпали на долю экипажа второго флиттера.

Они поднялись в рубку, чтобы доложить капитану. Но капитан слушал их вполуха. Он то и дело посматривал на Тан Я, который сидел за пультом бортовой радиостанции, напряженно вслушиваясь в эфир, готовый в любой момент выйти на связь. Капитана тоже можно было понять. Где-то там, в таинственных просторах Лимбо, затерялся уже не только Али — затерялись Рип, Тау и Стин Вилкокс — треть экипажа «Королевы».

— Опять! — с досадой проговорил Тан. Он сморщился и обеими руками оттянул от ушей наушники. И сейчас же в рубке стал слышен шум, рвущийся через мембраны. Поначалу его можно было принять за жужжание пеленгатора, но тон его все повышался, пока не перешел в визг, от которого заныло в ушах.

Дэйн вслушивался в этот визг и вдруг уловил в нем что-то знакомое, какую-то скрытую пульсацию, знакомый ритм... да-да, тот самый ритм, который он ощутил, приложив ладони к шершавой стене в зловещей лощине. Значит, есть некая связь между этим шумом в эфире и вибрацией далекой скалы!

Визг оборвался так же внезапно, как и начался. Тан вновь надвинул

наушники и стал ждать вызова — либо рации пропавшего флиттера, либо радиотелефона Али.

— Что это было? — спросил Мура.

Капитан Джелико пожал плечами.

— Мы знаем не больше вас. Возможно, какой-то сигнал... он повторяется весь день через равные промежутки времени.

— Приходится признать, — пробасил Ван Райк, остановившись в дверях рубки, — что мы на Лимбо не одни. И вообще на Лимбо много такого, чего сразу не заметишь.

Тут Дэйн решил поделиться своими подозрениями.

— Археологи... — начал было он, но капитан бросил на него выразительный взгляд, и помощник суперкарга замолчал на полуслове.

— Пока нам ничего не известно, — холодно сказал капитан. — Ступайте, ребята, поешьте и отдохните...

Глубоко уязвленный Дэйн поплелся вслед за Мурой и Кости вниз, в кают-компанию. По дороге они прошли мимо каюты капитана. Из-за двери было слышно, как дико визжит в своей клетке Хубат. «Мне сейчас самому в пору так визжать», — подумал Дэйн с горечью. И даже горячая еда, ничуть не похожая на резиновую жвачку, которой он питался накануне, не могла поднять его настроение.

Однако та же еда оказала самое благоприятное влияние на настроение Кости.

— Плохо вы знаете Рипа! — восклицал он во всеуслышание. — Это же головастый парень! И мистер Вилкокс тоже знает, что к чему. Наверняка они где-нибудь уютненько устроились, сидят себе и ждут, пока эта штука не рассеется. Кому же придет в голову вылезать в такой туманище?..

«Хорошо бы, если так, — подумал Дэйн. — А вдруг на Лимбо живут люди, которые знают все причуды местного климата, знают эти туманы и умеют ими пользоваться... например как прикрытием... А этот радиошум... может, это пеленг, и по этому пеленгу их отряды крадутся сейчас сквозь мглу... и направляются эти отряды сюда, к «Королеве»!

ПЛЕННИКИ ТУМАНА

После обеда все свободные члены экипажа собрались у входного люка. Они, конечно, предпочли бы находиться где-нибудь поближе к рубке управления и бортовой радиостанции, но присутствие там капитана совершенно исключало такую возможность. Поэтому лучшее, что им оставалось, это торчать у открытого люка, таращить глаза в затянутое серой мглой пространство и напряженно прислушиваться, не раздастся ли наконец урчание моторов флиттера.

— Они же толковые ребята, — в двадцатый раз повторял Кости. — Не станут они рисковать своей головой, пробираясь через это дерьмо. Вот Али — другое дело. Его сцапали раньше, чем все это началось.

— Может быть, это браконьеры? — предположил Виск.

Великан задумался.

— Браконьеры? М-да... Но что браконьерам делать на Лимбо, скажи, пожалуйста. Что-то я не видел здесь мехов и драгоценных камней. — Он по-

вернулся к Дэйну: — Как насчет этих мертвых тварей в лощине, Торсон? Могут браконьеры у них чем-нибудь поживиться?

— Оружия у них не было... и одежды тоже, насколько я мог судить, — сказал Дэйн рассеянно. — А на плантациях у них растут пряности; я таких раньше никогда не видел...

— А это не наркотики? — спросил Викс.

— Если и наркотики, то это что-то новое. Тау их тоже не знает... — Дэйн поднял голову и прислушался. Он был почти уверен... ага, вот снова! — Тише! — Он схватил за рукав Кости и подтащил к люку. — Прислушайся... Слышишь? А теперь?

Туман был настолько плотен, что казалось, будто наступила ночь. Даже сигнальный огонь на носу «Королевы» не мог рассеять эту тьму. Туман странно искажал звуки, дробил и множил урчание моторов, и можно было подумать, что целая армада флиттеров приближается к «Королеве» одновременно со всех сторон.

Дэйн стремительно повернулся и, рванув рубильник, включил огни вдоль трапа. Даже самое слабое мерцание могло помочь блуждающему в тумане флиттеру определить место посадки. Викс исчез. Было слышно, как он гремит каблуками по коридору, спеша сообщить новости в рубку управления. В ту же минуту туман вокруг «Королевы» осветился. Это вспыхнул сверхмощный прожектор — маяк, который невозможно было не заметить с флиттера.

Темное тело пронеслось рядом с кораблем — так близко, что Дэйн отпрыгнул, уверенный, что оно врежется в трап. Урчание мотора слабело, удаляясь, потом вновь стало нарастать, превратилось в рокот, и темный силуэт вновь вынырнул из тумана, теперь уже совсем низко.

Флиттер сел со страшным скрежетом. Видимо, туман все же помешал пилоту правильно определить высоту. У подножия трапа появились три фигуры, смутные и размытые в тумане. Никого нельзя было узнать, пока они поднимались к люку, и вдруг раздался знакомый сочный басок Рипа:

— Ах, черт меня побери! — Он задержался перед порогом и ласково похлопал ладонью по обшивке корабля. — До чего же славно снова увидеть нашу старушку!.. Бог ты мой, как славно!

— Как же это вам удалось добраться? — спросил Дэйн.

— А что было делать? — отозвался помощник штурмана. — В горах не сядешь. Эти горы — сплошные вершины и пропасти... так, во всяком случае, они выглядят. Мы вышли на пеленг, но тут... Слушайте, что это здесь за помехи? Мы дважды теряли пеленг, никак не могли настроиться...

Стин Вилкоккс и Тау медленно шли следом. Врач едва держался на ногах, волоча за собой походную аптечку. Вилкоккс только крикнул в ответ на приветствия, растолкал встречающих и направился прямо в рубку управления. А Рип задержался.

— Что с Али? — спросил он.

Дэйн рассказал ему про полянку в кустарнике.

— Но как же они?..

— Непонятно. Разве что взмыли прямо в небо. Флиттер посадить там негде. Но ведь краулер-то прошел сквозь скалу! Нет, Рип, на этой планете что-то не так...

— От развалин лощина далеко? — помощник штурмана произнес это жестким, резким тоном.

— Ближе, чем от «Королевы». Мы их не видели из-за тумана, но, возможно, пролетели над ними...

— А с Али вам так и не удалось связаться?

— Тан все время пытается. Да и мы не отключались, пока не вернулись сюда.

— Вероятно, они сразу же отобрали у него шлем,— сказал Рип.— Я бы на их месте сделал то же. Иначе он бы помог нам запеленговать их...

Дэйн вдруг увидел некую возможность.

— Слушай, а нельзя запеленговать сам радиотелефон? Если он не выключен, конечно...

— Не знаю. Только расстояние, наверное, очень уж велико. Надо спросить у Тана... — И Рип побежал вверх, в рубку управления.

Дэйн взглянул на часы и быстро пересчитал корабельное время на время Лимбо. Была ночь. Ночь и туман. Даже если Тан сумеет поймать шум радиотелефона Али, все равно сейчас нельзя высунуть носа из корабля.

Инженер-связист был не один. В рубке собрались все офицеры «Королевы», а сам Тан опять сидел, отведя от ушей наушники. И в рубке снова звучал визг — снова где-то за пеленой тумана работала какая-то гигантская радиопомеха.

Когда вошли Рип и Дэйн, Вилкокс рассказывал:

— Вот это самое. В точности на нашей рабочей частоте. Я взял два пеленга. Но понимаете,— он пожал плечами,— тут атмосферные помехи, да и определиться было трудно в тумане... Точно ли — не знаю. Могу сказать только, что источник находится где-то в горах...

— А это не статические разряды? — спросил капитан Джелико.

— Наверняка нет! И я уверен, что не радиопередатчик. Возможно, чей-то пеленг. А больше всего похоже на помехи от крупной работающей установки...

— И что это может быть за установка? — спросил Ван Райк.

Тан снял наушники и положил их на пульт рядом с собой.

— Очень большая,— сказал он.— Что-нибудь вроде Центрального Мозга у нас на Земле.

Все ошеломленно замолчали. Установка типа ЦМ на этой опустошенной планетке! Такое не сразу переваришь. Впрочем, Дэйн заметил, что в осведомленности Тана никто не усомнился.

— Что ей здесь делать? — спросил изумленный Ван Райк.— Как ее здесь можно использовать?

— Давайте лучше думать, кто ее использует,— возразил Тан.— Не забывайте, они захватили Камила. Так что они, наверное, многое знают о нас, а вот мы о них не знаем ничего.

— Браконьеры... — произнес Джелико, однако по тону его было ясно, что он сам этому не верит.

— Браконьеры с установкой типа ЦМ? Может быть, конечно... — откликнулся Ван Райк, и в голосе его чувствовалось сомнение.— Но все равно мы не можем выйти на развездку, пока туман не рассеется...

Трап втянули, и корабль снова перешел на обычный распорядок. Но Дэйн не верил, чтобы кто-нибудь спал в эту ночь. Он думал, что и сам не заснет, однако усталость, накопившаяся за последние двадцать четыре часа, в конце

концов сморила его и понесла от одного сна к другому: он все время догонял Али, сначала по извилистым лощинам, а потом между огромными, как башни, узлами ЦМ, и все никак не мог догнать убегающего помощника механика.

На его часах было девять, когда он утром спустился в шлюзовую камеру. Люк снова был открыт настежь. Снаружи было по-прежнему темно, словно стояла глубокая ночь, может быть, лишь чуть-чуть светлее. Густой туман все еще окутывал корабль.

Внизу на трапе стоял Рип. Он машинально взялся за поручень, но сейчас же отдернул руку и принялся вытирать ладонь о штанину — по поручню крупными маслянистыми каплями стекала осевшая влага. Дэйн спустился по скользким ступенькам и встал рядом с ним.

— И не думает проясняться, — заметил он.

— Кажется, Тан поймал пеленг! — выпалил Шэннон. — Рацию Али! — Он снова схватился за поручень и жадно уставился в сторону развалин, словно пытался усилием воли пробуравить взглядом груды серой ваты, завалившей все вокруг.

— С какого направления? — спросил Дэйн. — С севера?

— Нет! С запада!

Значит, все-таки с запада... где развалины, где лагерь Рича... Значит, все правильно — Рич и впрямь имеет какое-то отношение к тайнам Лимбо.

— Сегодня рано утром, — продолжал Рип, — помехи исчезли и слышимость минут на десять сделалась хорошей. Тан присягать бы не стал, но уверен, что поймал жужжание включенного радиотелефона.

— Далековато все-таки... до развалин, — пробормотал Дэйн. Но он знал, что, если уж инженер-связист что-нибудь сказал, значит, так оно и есть. Тан Я никогда не фантазировал.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Дэйн.

Огромные лапы Рипа сжали поручень.

— А что мы можем сделать? — сказал он беспомощно. — Не брести же наудачу — авось выйдем на развалины... Вот если бы они включили передатчик...

— А они что, не включают? Они же должны держать с нами связь... Мог бы ты вести флиттер по пеленгу их передатчика?

— Мог бы, — сказал Рип. — Если бы они нам что-нибудь сообщали. Но они не выходят в эфир. Всю ночь Тан вызывал их через каждые десять минут. Нарочно вызывал на аварийной частоте, чтобы они точно знали, что это мы, а не кто-нибудь другой. Но они так и не отзывались.

Да, без пеленга флиттер до развалин не доведешь. И все же какую-то рацию там засекли — возможно, рацию Али — и совсем недавно.

— Я попробовал выйти, — сказал Рип, указывая в туман. — Хорошо, что догадался привязаться тросом, а то бы заблудился через несколько шагов...

Дэйн в этом не сомневался. Но лихорадочное нетерпение, мучившее Рипа, передалось и ему. Невозможно же сидеть, сложа руки, когда появилась наконец какая-то надежда выручить Али! С ума можно сойти... Он спустился по скользкому трапу, нашел трос, который Рип привязал к поручню, и, крепко взявшись за него, двинулся в серую мглу.

Туман каплями оседал на его куртке, стекал по лицу, оставляя на губах странный металлический привкус. Дэйн осторожно, шаг за шагом продвигался вперед.

И вдруг впереди замаячил какой-то темный силуэт. Дэйн, крадучись, приблизился и смущенно хихикнул, обнаружив, что это всего лишь краулер — тот самый, который проделал несколько рейсов к развалинам и обратно, перевозя оборудование Рича.

К развалинам и обратно!

Дэйн стиснул трос в кулаке. А что если...

Быстро перебирая руками по тросу и поминутно спотыкаясь — так торопился, — он вернулся к трапу. Если его надежда оправдается, проблема решена. Можно будет найти лагерь и застать археологов врасплох. Они, конечно, ничего подобного сейчас не ожидают.

Рип ждал его на трапе. По лицу Дэйна он сразу понял, что у того есть какая-то идея, но вопросов задавать не стал, а просто поспешил за ним по пятам.

— Где Ван Райк? — спросил Дэйн на ходу. — Или капитан?

— Капитан спит, — ответил Рип. — Тау заставил его прилечь. А Ван Райк, наверное, у себя в каюте.

Дэйн устремился на грузовую палубу. «Ах, если бы все получилось так, как я задумал! Это была бы настоящая удача — первая удача с тех пор, как мы связались с этой проклятой планетой...»

Суперкарго возлежал на своей койке, заложив руки за голову. Дэйн в нерешительности остановился на пороге, но голубые глаза Ван Райка были открыты и тотчас же уставились на него. Дэйн начал с места в карьер:

— Кто-нибудь пользовался краулером последние два дня, сэр?

— Насколько мне известно, нет, — ответил суперкарго. — А что такое?

— Значит, — дрожа от возбуждения, произнес Дэйн, — значит, им пользовались здесь только для перевозки оборудования доктора Рича?

Ван Райк сел. Он не только сел, но потянулся за ботинками и обулся.

— Так ты полагаешь, автонастройка у него сохранилась? Возможно, сынок, вполне возможно!

Он уже натягивал куртку. Тут до Рипа дошло.

— Проводник до самого лагеря! — с восторгом вскричал он.

— Будем надеяться, — сдержанно произнес Ван Райк.

Снова вернулись к краулеру — на этот раз во главе с самим суперкарго. Приземистый грузовоз по-прежнему стоял между стабилизаторами «Королевы» в том же положении, в каком его оставил Дэйн, — уставив тупой нос на запад. Да, автонастройка на лагерь, видимо, сохранилась. Когда двигатель включили, краулер медленно пополз по своим старым следам, и, если бы Дэйн, нагнав его, не заглушил мотор, он так полз бы и полз, невзирая ни на какие туманы, через выжженную пустошь до того места, где Рич выгрузил свое оборудование. Это был идеальный проводник. Людям «Королевы» оставалось лишь следовать за ним.

Суперкарго не сказал ни слова. Он только повернулся и пошел обратно к «Королеве». Шагая следом за ним, Дэйн пробормотал:

— Эх, нам бы хоть один ручной луче́мет...

— Тогда уж лучше резонатор, — возразил Рип.

Дэйн испуганно покосился на него. Луче́метом не обязательно убивать —

им можно пригрозить или проломить стену укрепления. Но резонатор... Акустические волны невидимы, от них нет защиты, и они буквально разрывают людей на части. И если Рип заговорил о резонаторе, значит, он считает, что настоящее сражение неизбежно. Впрочем, все это пустые разговоры. «Королева» — послушный закону торговый корабль, на ней нет ни лучеметов, ни резонаторов.

Ван Райк поднялся в секцию управления и постучал в дверь капитанской каюты, из-за которой доносились пронзительные вопли Хубата. Джелико откатил дверь. Лицо у него было усталое и хмурое. Он раздраженно стукнул по клетке голубого чудища и поздоровался с суперкарго. Однако на этот раз встряска не оказала обычного действия — Хубат завизжал еще громче.

Суперкарго спросил, разглядывая его:

— Давно он у вас так бесится, капитан?

Джелико бросил на своего любимца яростный взгляд и вышел в коридор подальше от шума.

— Почти всю ночь. — Он задвинул дверь, стало тише. — По-моему, он сошел с ума. Не понимаю, что с ним стряслось?

— У него слуховой порог, кажется, выше ультразвука?

— Значительно. А почему... — Капитан проглотил свое «почему». Глаза его сузились. — Вы имеете в виду эти чертовы радиопомехи? Полагаете, они связаны с акустикой?

— Не исключено. Он орет, когда помехи прекращаются?

— Это можно проверить. — Джелико сделал было движение, чтобы вернуться в каюту, но Ван Райк остановил его.

— Сейчас есть дело поважнее, капитан.

— А именно?

— Мы знаем, как добраться до лагеря Рича.

И Ван Райк принялся рассказывать капитану о краулере. Джелико внимательно слушал, прислонившись к стене, лицо его было бесстрастно, словно Ван Райк зачитывал ему список принятых на борт грузов. Когда суперкарго закончил, капитан только проговорил неторопливо:

— Ну что ж, может быть, и получится...

Снова экипаж собрался в кают-компанию. Отсутствовал только Тан, оставшийся в радиорубке. В руке у капитана Джелико был серебряный стерженок, прикрепленный к поясу длинной цепочкой.

— Мы обнаружили, — начал он без всякого вступления, — что управление грузового краулера по-прежнему настроено на лагерь Рича. Таким образом, краулером можно воспользоваться как проводником...

Это заявление было встречено общим шумом, в котором можно было разобрать вопрос: когда начнем? Джелико постучал стерженьком по столу, и шум прекратился.

— Жребий, — сказал он.

Мура уже приготовил все для жребия — нарезал соломку, сложил в кружку и встряхнул.

— Тан останется на рации, — объявил капитан. — Жребий будут тянуть десять человек. Пойдут пятеро, — те, кто вытащит короткие соломинки...

Стюард пошел по кругу, держа кружку выше уровня глаз сидящих людей. Каждый вытаскивал соломинку и не глядя зажимал ее в кулаке. Потом все одновременно раскрыли ладони.

Короткая! Дэйна бросило в жар — то ли от радости, то ли от волнения. А кто еще? Он оглядел стол. Рип! У Рипа тоже короткая! И в замасленных пальцах Кости тоже зажата короткая соломинка. Четвертую показал Стин Вилкоккс, а пятую и последнюю — Мура.

Командиром будет Вилкоккс — это хорошо. На молчаливого штурмана можно положиться полностью. И надо же, как странно распорядась судьба. Короткие соломинки достались как раз тем, без кого «Королева» на крайний случай может обойтись. Если мы все пропадем, корабль и без нас сумеет уйти с Лимбо. Дэйн постарался отогнать от себя мрачные мысли.

Капитан Джелико недовольно фыркнул, обнаружив, что сам он в экспедицию не попал. Он поднялся, подошел к стене справа от себя и вставил серебряный стержень в какое-то отверстие. Дверца секретного сейфа со скрежетом распахнулась. Видно, ее давно не открывали.

Внутри на подставке стояли бластеры — целая шеренга ручных бластеров! Под ними висели кобуры и зловеще поблескивали полные обоймы. Это был арсенал «Королевы», вскрыть его мог только капитан и только тогда, когда считал положение чрезвычайно серьезным.

Один за другим Джелико извлекал бластеры и передавал Штоцу. Тот тщательно осматривал каждый бластер, щелкал разрядником и клал перед собой на стол. Пять бластеров, пять кобур, пять патронташей с комплектом обойм. Затем капитан закрыл сейф и запер его серебряным стерженьком, с которым — по законам Федерации — не имел права расставаться ни днем ни ночью. Он вернулся к столу и оглядел пятерых избранных судьбы. Каждый из них умел пользоваться бластером, как и всякий вольный торговец, так что объяснять было нечего. Капитан сделал приглашающий жест.

— Разбирайте, ребята, — сказал он. — Это все ваше!

Он ничего больше не добавил — и без того было ясно, что, по его мнению, дело им предстояло опасное.

ОХОТА ВСЛЕПУЮ

Снова Дэйн облачился в полевое обмундирование. Застегивая шлем, он дал себе торжественную клятву впредь ни при каких обстоятельствах не выключать радиотелефон. Никто так и не упрекнул его за оплошность в лошине, а ведь он думал, что отныне его будут держать подальше от настоящего дела. И вот, пожалуйста, никто не оспаривал его права идти в поход, ему предоставили новую возможность отличиться — просто потому, что он вытащил короткую соломинку. Что ж, он приложит все силы, чтобы оправдать доверие.

За бортом по-прежнему не было ни дня, ни ночи. Был только туман. Они плотно поели и спустились по трапу в серые сумерки, которые, судя по показаниям часов, следовало называть полуденными.

Рип шагал впереди. Ощущая у бедра непривычную тяжесть бластера, Дэйн шел вслед за Вилкоксом. Кости и Мура уже хлопотали у краулера.

На плоской платформе маленькой машины было место только для одного человека, от силы для двух. Бортов у платформы не было вовсе, держаться на ее скользкой поверхности было не за что, а потому решили, что все пойдут пешком, привязавшись тросами к корме.

Кости запустил двигатель, и крайлер пополз вперед, дробя гусеницами гравий и обломки пористого камня. Двигался он со скоростью пешехода, и поспевать за ним не составляло труда.

Дэйн оглянулся. «Королевы» уже не было видно. Только слабое сияние еще мерцало где-то вверху — это был прожектор, который в обычных условиях виден на расстоянии многих миль. Вот тогда-то Дэйн по-настоящему понял, что значит сейчас потеряться, и ухватился за трос, проверяя, хорошо ли он привязан.

Человек, который вел краулер через пустошь в первый раз, выбирал самый удобный путь. Дорога под ногами была достаточно ровной, только раз они попали на реку застывшего шлака, где было очень скользко, и пришлось основательно попотеть.

Однако довольно скоро они обнаружили еще одну особенность тумана. Звуки! Они так и не смогли понять, что это за звуки. То ли многократное и усиленное эхо их собственных шагов и хруста гусениц, то ли какие-то другие, естественные шумы. Несколько раз Кости внезапно глушил двигатель, и они замирали, прислушиваясь. Им казалось, что они окружены, что какой-то другой отряд скрыто следует за ними во мраке, готовясь напасть. Но стоило им остановиться, как звуки исчезали, так что в конце концов по общему молчаливому согласию они решили пренебречь этими слуховыми галлюцинациями и двинулись вперед уже без остановок, видя лишь несколько дюймов грунта у себя под ногами да смутную тень на месте ближайшего соседа.

Влага, стекающая по шлемам, пропитывала одежду. Она неприятно пахла, и собственная кожа казалась Дэйну липкой и нечистой. Он попытался вытереть лицо, но только размазал маслянистую жидкость еще сильнее.

В остальном же все шло хорошо. Краулер уверенно и беспрепятственно двигался вперед. Его электронная память работала безотказно. Так они оставили позади уже три четверти пути через пустошь, когда в тумане вдруг послышался новый звук, и звук этот явно не был эхом их собственного движения.

Топот! Кто-то бежал во мгле, совсем недалеко.

Очень странный топот, подумал Дэйн. Какой-то дробный. Как будто у бегущего больше двух ног. Он стал медленно поворачивать голову, стараясь определить, с какой стороны доносится топот. Но определить направление было невозможно. Непонятно было даже, догоняют их эти шаги или, наоборот, убегают от них. Тут трос подергали, и приглушенный голос Рипа спросил:

— Что это там?

— Не знаю, — отозвался Дэйн. Топот затих. Может, это был шаровидный лимбеанец?

Из тумана впереди выступило какое-то обширное темное пятно, и сейчас же раздался чей-то крик. Дэйн вздрогнул. Башмаки его съехали с гравия и песка на что-то гладкое. Теперь он стоял на плите мостовой, а темное пятно оказалось обвалившейся стеной древнего строения. Пустошь кончилась. Они достигли развалин.

— Торсон! Дэйн!

Это кричал Рип, и Дэйн поспешил откликнуться. Трос больше не натя-

гивался — значит, краулер стоял. Дэйн осторожно двинулся вперед и наткнулся на Рипа. Рип стоял, склонившись над лежащим Вилкоксом.

Оказывается, Вилкокс оступился и попал ногой в трещину. Перелома не случилось, но острый камень пропорол ему икру, а нога застряла.

Вчетвером они подняли штурмана, посадили на платформу краулера и перевязали рваную рану, из которой хлестала кровь. Идти Вилкокс больше не мог, а потому остался на платформе возле пульта управления.

Прошло полчаса, прежде чем они снова двинулись в путь. Вилкокс сидел с бластером наготове, а остальные шагали рядом с краулером, по обе стороны от него. Вокруг вырастали стены, целые кварталы каких-то диковинных строений, но никаких следов лагеря землян видно не было.

Здесь, среди руин древней и чуждой жизни, у Дэйна снова появилось ощущение, будто кто-то следит за ними из тумана, чьи-то глаза, для которых эти неверные сумерки не помеха. Гусеницы краулера больше не хрустели по щебню, стояла жутковатая тишина. По гладким стенам стекала вода, там и тут она скапливалась в большие лужи. Жидкость в этих лужах была гнилая, скверная, от нее тянуло дурным металлическим запахом.

Вскоре они достигли места, где здания, видимо, не пострадали. Крыши и стены охраняли вечный мрак внутри, и становилось страшно при одной только мысли заглянуть в эти зловонные склепы.

Поскрипывая гусеницами по осевшим плитам мостовой, краулер продолжал бодро двигаться вдоль улицы. По-видимому, стены как-то задерживали туман: Дэйн обнаружил, что различает уже не только фигуры своих товарищей, но и их лица. И еще он заметил, что все они то и дело опасливо оглядываются и косятся на черные провалы.

Рип вдруг вытащил фонарик и включил его. Луч света упал на темное пятно у ближайшей стены. Вилкокс остановил краулер. Рип нагнулся над своей находкой, и Дэйн подошел к нему.

Рип принялся, посапывая словно ищейка, разбирающая запутанный след.

— Что тут у тебя? — спросил Дэйн. Пятно как пятно, ничего особенного.

Луч фонарика заскользил по мостовой, как будто Рип искал еще что-то. В круге света появился какой-то желтоватый комочек. Рип рассматривал его очень внимательно, но рукой не касался. Дэйн нагнулся.

— Крэкс... — произнес Рип.

Дэйн отшатнулся.

— Ну да?

— Понюхай, — посоветовал Рип.

Но Дэйн не стал следовать этому совету. Чем меньше имеешь дело с крэксом, тем лучше.

Рип выпрямился и подошел к краулеру.

— Кто-то здесь выплюнул жвачку крэкса, — сообщил он. — Совсем недавно... возможно, сегодня утром.

— Я же говорил — браконьеры! — сказал Кости.

— Так... — Вилкокс стиснул рукоять бластера. Крэкс был наркотиком, объявленным вне закона по всей Галактике. Человек, жующий крэкс, обретал — ненадолго — невероятно быструю реакцию, сверхчеловеческую способность владеть собой, необычайную ясность мышления. Потом следовала жестокая расплата. Но под действием наркотика человек становился вдвое

хитрее, вдвое быстрее, вдвое сильнее любого нормального человека. Встретиться с таким противником было бы страшно.

Они тщательно обыскиали все вокруг, но, кроме выплюнутой жвачки, не нашли никаких следов. Словно никто до них не ходил этим путем с тех пор, как забытая война разрушила город. Если доктор Рич и начал свои раскопки, то место его работ еще предстояло отыскать.

Вилкокс пустил краулер малым ходом, и группа двинулась дальше. Теперь все держали бластеры наготове.

— Интересно... — Дэйн взгляделся в изломанную линию крыш. — Тебе не кажется, что туман редееет? — спросил он Рипа.

— Да, уже давно. И это очень неплохо... Гляди-ка, гляди!

Мостовую пересекала глубокая расселина, и будь туман погуще, из нее получилась бы настоящая яма-ловушка. Она могла бы с легкостью поглотить и краулер и всех, кто его сопровождал. Впрочем, краулер помнил о ней. Он неторопливо повернул и полез в обход через гору щебня, так что Вилкоксу пришлось засунуть бластер в кобуру и обеими руками вцепиться в пульт управления, чтобы не упасть. Краулер вскарабкался на вершину груды и стал сползать по противоположному склону в лавине потревоженного щебня.

Шум при этом стоял такой, что люди Рича не могли не услышать его. Вилкокс остановил краулер, и все бросились в укрытия. Некоторое время они ждали, но тянулись минуты, а ничего не происходило. Вилкокс приказал двигаться дальше.

— Да нет их здесь, — заявил Кости, вылезая из укрытия.

— И, наверное, довольно давно, — согласился Рип. — Я так и знал, что он не археолог.

— А как же насчет рации Али? — спросил Дэйн. Все-таки Тан принял этот слабый пеленг именно со стороны развалин. Впрочем, может быть, только с направления на развалины.

Краулер дополз до места, где расселина была до краев заполнена обломками, образовавшими нечто вроде моста. Прочность этого моста вызывала сомнение, но краулер уже проходил здесь, и не один раз, так что имело смысл рискнуть.

Штурман включил двигатель и железными пальцами вцепился в пульт. Краулер, приседая и раскачиваясь, пополз по обломкам. Был момент, когда его гусеница сорвалась в рытвину и он сильно накренился на левый борт, едва не сбросив Вилкокса в пропасть, но все обошлось.

Когда машина переползла на ту сторону, пошел Кости. Держась обеими руками за трос, он мелкими шажками двигался по самой середине насыпи, и пот стекал у него из-под шлема, смывая со щек слизь осевшего тумана. Остальные медленно пробирались следом, проверяя каждый свой шаг. Идти было особенно неприятно потому, что дна пропасти ни справа, ни слева видно не было.

Когда опасное место осталось позади, краулер снова набрал скорость и вывернул на свой изначальный курс. Туман явно редел, и, хотя он не исчез совсем, видимость значительно улучшилась. Теперь они видели все вокруг по крайней мере на полквартала.

— У них были надувные палатки, — задумчиво сказал Дэйн. — И полевая энергостанция.

— Ну? — сказал Рип раздраженно. — Где же все это?

С того момента, как он нашел жвачку крэкса, его хорошее настроение испарилось.

— Лагерь они разбили не в городе, — уверенно сказал Дэйн.

Здесь, среди развалин, было нехорошо. Все здесь было чужое, жуткое, давящее. Дэйн никогда не считал себя особенно чувствительным человеком, но эти развалины его угнетали. Остальные, по-видимому, чувствовали себя не лучше. Маленький Мура не произнес ни слова с тех пор, как они вступили в город. Он брел за краулером, держась за свой трос, и все время озирался, словно ожидая, что вот-вот нечто бесформенное и ужасное ринется на них из тумана. Да кто же решится разбить здесь палатку, спать здесь, есть, работать, жить среди запахов, пропитывающих эти спаленные, разрушенные здания — здания, в которых, наверное, никогда не обитало ни одно человекоподобное существо?

Краулер вел их сквозь лабиринт строений, а потом уцелевшие кварталы остались позади и по сторонам вновь потянулись полуразрушенные стены, груды земли, щебня и обломков.

Вдруг Вилкокс торопливым ударом по клавише остановил его. Это движение штурмана было столь красноречиво резким, что все мгновенно, не дожидаясь приказа, залегли.

Впереди, за пеленой тумана, виднелась надувная палатка. Ее гладкие вздутые стены блестели от осевшей влаги. Вот он, наконец, лагерь Рича!

Но Вилкокс не спешил приближаться к нему. Хотя ничто, кроме некоторых косвенных подозрений, не говорило против археолога, штурман вел себя так, словно находится перед лицом противника.

Он приладил ларингофон и подтянул ремень шлема. Но не голосом, а жестом он приказал окружить палатку. Дэйн с Рипом поползли вправо, прячась за обломками и кучами щебня.

Когда они проползли примерно четверть окружности, Рип схватил Дэйна за руку и знаком велел остановиться, а сам пополз дальше, заходя противнику в тыл.

Дэйн осторожно приподнял голову. Палатка стояла посередине довольно обширного пространства, тщательно расчищенного от щебня и мусора. Можно было подумать, что археологи подготовили здесь стоянку для флиттеров или для краулеров. Но не видно было никаких следов археологических раскопок. Дэйн плохо представлял себе археологические работы — только по кино и по рассказам Рипа, но одно было ясно: то, что было перед ним, более всего напоминало не научную станцию, а полевой штаб крупного отряда первопроходцев или изыскателей. Может быть, палатка действительно оставлена изыскателями?

Затем в поле его зрения появился краулер. Вилкокс восседал на платформе в такой позе, что посторонний наблюдатель никак не заподозрил бы в нем раненого. Краулер с хрустом двигался прямо к палатке, но там по-прежнему никто не подавал никаких признаков жизни.

Дэйн — да и Вилкокс, судя по выражению его лица, — никак не ожидали, что краулер не остановится перед палаткой, а обогнет ее и устремится куда-то дальше. Тогда Вилкокс остановил машину, и в наушниках Дэйна прошелестел его шепот:

— Вперед, но осторожно...

Они с четырех сторон двинулись к палатке, перебегая от укрытия к укрытию. Из палатки не доносилось ни звука. Мура добежал первым, и его ловкие пальцы быстро нащупали входной клапан. Клапан откинулся, открылся вход, и они заглянули внутрь.

Палатка оказалась всего лишь пустой скорлупой. В ней не было даже внутренних перегородок, даже пол из тиловолокна не уложен — надутые воздухом стены стояли прямо на грунте. И не было в ней ни одного мешка, ни одного ящика из грузов, доставленных «Королевой».

— Фальшивка! — прошипел Кости. — Ее поставили, только чтобы мы...

— Чтобы мы думали, что их лагерь здесь, — закончил за него Вилкоккс. — Похоже на то.

— Да, — пробормотал Рип. — Если бы мы смотрели на эту штуку с флиттера, мы бы решили, что здесь все как надо... Куда же они девались?

Мура снова закрыл клапан.

— Здесь их нет, — объявил он таким тоном, будто сделал открытие. — Но, мистер Вилкоккс, краулер, кажется, порывался двигаться куда-то дальше. Возможно, он знает больше, чем мы думаем...

Вилкоккс в задумчивости оттянул подбородочный ремень, огляделся. Туман вокруг все рассеивался, хотя и не так быстро, как раньше сгущался. Вероятно, если бы дело не касалось Али, он бы отдал приказ возвращаться на «Королеву». Но теперь, после долгого раздумья, он снова включил двигатель.

Краулер пополз, группа двинулась за ним. Город кончился, стали появляться участки, покрытые растительностью — жесткой травой и чахлым кустарником. Появились каменные россыпи и огромные валуны — до горного хребта было уже недалеко.

Туман, поредевший было в городе, снова сгустился, и люди старались держаться поближе к краулеру и друг к другу.

У Дэйна вновь появилось ощущение, будто за ними следит кто-то невидимый. Грунт под ногами сделался неровным. Кости мимоходом указал на следы гусениц, отпечатавшихся на участках с мягкой почвой, когда краулер проходил здесь раньше.

А туман становился все плотнее, и они уже ничего не видели, кроме краулера и ближайшего соседа.

— Осторожно! — Рип схватил Дэйна за руку — и вовремя. Еще шаг, и Дэйн с размаху налетел бы на каменный выступ, выросший вдруг из тумана. Они слышали многократно отраженное эхо своих шагов и через несколько минут поняли, что находятся в узком ущелье. Тогда они взялись за руки и растянулись в цепь — фланги цепи уперлись в скалистые обрывы.

И здесь Вилкоккс снова остановил краулер. Все это ему очень не нравилось. Двигаясь вслепую по этому ущелью, они легко могли попасть в ловушку. Но, с другой стороны, те, кого они преследовали, вряд ли ожидали, что экипаж «Королевы» решится на поход в таком тумане. Штурману предстояло выбрать, что лучше: прекратить преследование и потерять преимущество внезапности или двигаться дальше с риском попасть в засаду.

Вилкоккс был очень осторожен, он был идеальным космическим штурманом, и не в его духе было принимать поспешные решения. Его товарищи знали, что никакие доводы сейчас не помогут, что решение он примет сам, единолично. И все с облегчением вздохнули, когда он вновь включил двигатель.

Но не прошло и нескольких минут, как преследование закончилось самым неожиданным и ошеломляющим образом. На их пути вдруг встала огромная черная скала, краулер ткнулся в нее носом и остановился, а его гусеницы все продолжали скрести грунт, словно стремились вогнать машину в неподвижный камень.

РАЗБИТЫЙ КОРАБЛЬ

— Да он лезет сквозь стену! — изумленно сказал Кости.

Вилкокс опомнился и выключил двигатель. Краулер замер, упершись носом в скалу, сквозь которую вела его электронная память.

— Они ввели в автонастройку ложные координаты, — сказал Рип.

Но Дэйи уже видел след гусениц, уходивший в сплошную скалу. Он обошел Рипа и приложил ладони к осклизлой и влажной поверхности камня. Так и есть!

Он ощутил вибрацию. Как и в лощине, сначала она была слабой, но постепенно усиливалась, и вскоре он почувствовал ее не только в скале, но и в грунте, на котором стоял, и тут ее почувствовали остальные.

— Что за чертовщина! — рявкнул Вилкокс. Он перегнулся через пульт управления и тоже приложил ладони к стене. — Она, должно быть, полая... Это работает установка, о которой говорил Тан!

Именно! Именно та самая установка, о которой Тан говорил, что она мощнее самой мощной вычислительной машины на Земле. И она дает о себе знать не только радиоволнами и ультразвуками, зарегистрированными на «Королеве», но и вибрацией скальных массивов. Но зачем? Какой цели служит эта колоссальная энергия? И как можно провести краулер сквозь глухую каменную стену? Нет, Рип не прав. Если бы эти люди действительно хотели сбить автонастройку краулера, они бы сделали это так, чтобы машина завела нас куда-нибудь в сторону, в глубину пустыни, в никуда...

— Здесь должен быть какой-то секрет... — бормотал Вилкокс, ощупывая каменную поверхность.

Но Дэйи не верил, что штурману удастся найти скрытую кнопку, отпирющую потайную дверь. Дэйи сам пытался сделать это при ярком солнечном свете, и ничего у него не получилось.

Кости прислонился к гусенице краулера.

— Если он и прошел разок через это место, то больше, видно, не хочет. Мы не знаем, как отпереть эти ворота. Здесь нужен хороший заряд торлита.

— Вот это дело! — воскликнул Рип. Он наклонился и принялся ощупывать подножие стены. — Как ты думаешь, сколько понадобится торлита? Но Вилкокс покачал головой.

— Так дело не делают, — сказал он. — Ну-ка, Кости, подключи свой аккумулятор к моему, попробуем связаться с «Королевой». Может быть, на двойной мощности мы до нее дотянемся.

Кости повиновался.

— Вибрация усиливается, — предупредил Дэйи. Он явственно ощущал это кончиками пальцев, приложенных к стене. — Через помехи вам не пробиться, сэр.

— Пожалуй, — согласился Вилкокс. — Впрочем, эти помехи неустойчивы, подождем перерыва.

Дэйн, ведя рукой по стене, двинулся вправо. Через несколько шагов он обнаружил устье узкой расселины, до этого скрытое туманом. Держась за шершавый камень, он углубился в нее и сразу обнаружил, что вибрация нарастает. Может быть, вот так, на ощупь удастся дойти до самой установки? Об этом стоит подумать... А что, если всем отвязаться от краулера, соединить тросы в один... и пройти, держась за этот трос, как можно дальше?.. Он вернулся к краулеру и поделился с Вилкоксом своими мыслями.

— Посмотрим, что скажет капитан, — ответил штурман.

Теперь, когда они стояли на месте, их начал прохватывать озноб. Туман был холодный. «Сколько можно ждать?» — нетерпеливо подумал Дэйн. Но вибрация уже ослабевала, и ясно было, что скоро наступит очередной перерыв. Вилкокс, прижав ладонь к стене, готовился выйти в эфир в первый же удобный момент.

И когда вибрация почти совершенно стихла, он быстро заговорил в микрофон на кодовом языке торговцев. Когда он закончил доклад, наступила томительная тишина. Не известно, приняла ли «Королева» их передачу, потому что расстояние было слишком велико даже для радиотелефона на вдвоенном питании. Однако в конце концов сквозь треск разрядов они услышали приказ капитана провести короткую разведку расселины и не позже чем через час начать движение обратно к кораблю.

Вилкоксу помогли слезть с краулера, вручную развернули неуклюжую машину и переключили автонастройку на обратный маршрут. Затем из пяти коротких тросов связали два длинных.

Дэйн, не дожидаясь приказа — в конце концов, мысль-то была его — обвязал конец одного из тросов вокруг пояса. Вторым тросом, невзирая на протесты Рипа, преспокойно завладел Кости.

— Снова началось, — сообщил Мура, стоявший у скалы.

Дэйн приложил ладонь к стене и двинулся вперед. Кости последовал за ним. Они ступили в устье расселины, все еще забитое ватными клочьями тумана.

Было ясно, что здесь никакие краулеры не проходили. Узкая расселина была завалена обломками скал, через которые приходилось перебираться, помогая друг другу. И чем дальше они шли, тем сильнее вибрировали стены.

Когда они остановились передохнуть, Кости стукнул кулаком по скале.

— Вот ведь барабаны, — сказал он. — Бьют и бьют...

Он был прав. В этой непостижимой пульсации было что-то от далекого барабанного боя.

— Знаешь, — продолжал Кости, — на Горби пляшут под такие вот барабаны. Дьявольская штука, послушаешь-послушаешь — и проберет тебя до самых костей, и сам пускаешься в пляс... И здесь тоже... Чувствуешь? Так и дерет по коже. И все время кажется, будто там... — он указал на туман, — сидит кто-то и ждет удобной минуты, чтобы прыгнуть тебе на спину...

Передохнув, они пошли дальше. Груды обломков становились все выше, почти все время приходилось карабкаться в гору. Они были уже намного выше уровня равнины и тут наткнулись на удивительную находку.

Придерживаясь за выступ скалы, чтобы удержать равновесие, Дэйн балансировал на гребне очередной насыпи, как вдруг нога его соскользнула, и он кувыркком покатился вниз, прежде чем Кости успел подхватить его. Он больно

ударился обо что-то, перевернулся и ощутил под ладонями не грубый шершавый камень, а гладкую скользкую поверхность. Что это? Стена здания? Так далеко от города?

— Цел? — окликнул его сверху Кости. — Поберегись, я спускаюсь.

Дэйн отполз в сторону, и Кости съехал вниз по насыпи ногами вперед. Его подкованные ботинки с металлическим звоном ударились о тот же предмет, что остановил падение Дэйна.

— Вот это да! — воскликнул Кости. Он уже стоял на коленях, ощупывая гладкую черную поверхность. — Корабль!

— Что-о?

Дэйн подобрался ближе. Теперь он тоже различал изгиб броневой обшивки и другие знакомые детали. Да, они наткнулись на корабль, и этот корабль потерпел ужасное крушение. Его вогнало в расселину между скалами словно пробку в бутылку. Если бы Дэйну и Кости вздумалось идти дальше, им пришлось бы перебираться через него. Дэйн поднес микрофон ко рту и сообщил о находке на краулер.

— Тот самый корабль, который разбился вчера? — спросил Вилкокс. Но Дэйн уже понял, что это не тот.

— Нет, сэр. Этот разбился давно. Его почти завалило щебнем, корпус изъеден ржавчиной. Мне кажется, он лежит здесь уже много лет...

— Ждите нас, мы сейчас будем...

— Краулер здесь не пройдет, сэр. Дорога никуда не годится.

Через некоторое время они пришли все трое. Через самые трудные участки Вилкокса перетаскивали на руках. Его усадили на обломок скалы, и Кости, успевший в поисках люка осмотреть разбитый корпус, доложил:

— Видимо, это разведывательный корабль. Но он какой-то странный. Не могу определить его тип. Попал сюда давно. Люк, по-моему, должен быть где-то здесь... — Он ткнул носком ботинка в кучу щебня, завалившего корпус. — Можно попробовать откопать.

Рип и Дэйн сходили к краулеру за лопатами и ломом и принялись расчищать завал.

— Ага! Что я вам говорил? — торжествующе вскричал Кости, когда из-под щебня показался верхний край открытого люка.

Но им пришлось перекидать еще немало грунта и камня, прежде чем открылась дыра, в которую можно было пролезть. Разведывательные корабли не отличались скоростью хода, но зато строились с таким расчетом, чтобы запас прочности у них был предельно высок. Они выдерживали там, где лопались корпуса лайнеров и давали трещины даже превосходные грузовые и почтовые корабли больших компаний.

Но этот корабль обладал, по-видимому, совсем уж фантастической прочностью. Чудовищный удар о скалы не разнес его на куски, корпус уцелел, только немного сдвинулись броневые плиты обшивки.

Кости оперся на лопату.

— Никак не могу понять, какого он типа, — пробормотал он, покачивая головой, словно это обстоятельство особенно тревожило его.

— Что тут удивительного? — нетерпеливо возразил Рип. — Это же просто груда ржавого лома...

— Тип корабля всегда можно определить, — с досадой сказал Кости. — Даже если он разбит вдребезги... А здесь ничего не понять, у него все не так...

Мура улыбнулся.

— Я все-таки думаю, Карл, что здесь все так, как надо. Просто ни один современный корабль не выдержал бы такой посадки.

— По-вашему, это старинный корабль? — быстро спросил Вилкокс. — Вам приходилось видеть такой раньше?

Мура снова улыбнулся.

— Да, но не в космосе. Чтобы увидеть такой корабль в космосе, надо было бы родиться лет пятьсот назад. Он похож на охотника за астероидами, класс три. Один такой выставлен на Земле в Музее космонавтики, в космопорте «Восток». Но как он попал сюда... — Мура развел руками.

Дэйн не разбирался в истории космического кораблестроения, но Вилкокс, Кости и Рип поняли, о чем говорит Мура. Штурман тут же возразил:

— Пятьсот лет назад никто ничего не знал о гиперпереходе. Люди были прикованы к своей собственной солнечной системе, никто еще не летал к звездам...

— Если не считать отдельных храбрецов, — поправил его Мура. — Вы же знаете, что в других планетных системах существуют колонии землян, насчитывающие тысячелетнюю историю. О том, как они возникли, известно только по легендам. Одни пересекали космос в состоянии анабиоза, другие умирали в пути от старости, оставив сыновей и внуков, и только их отдаленные потомки достигали новых миров. И, кроме того, в то время уже знали о гиперпереходе и пытались строить первые варианты гиперкораблей. Правда, ни один изобретатель не вернулся на Землю рассказать, вышло у него что-нибудь или нет. Как этот охотник попал на Лимбо, я объяснить не могу. Но готов поклясться, что находится он здесь очень давно.

Кости посветил фонариком в люк.

— Надо слазить туда, — сказал он. — Посмотреть...

Охотник был маленьким тесным корабликом. По сравнению с ним «Королева» показалась бы пассажирским лайнером. Очень скоро Кости вернулся обратно. Оказалось, что он не сумел протиснуть свое огромное туловище в изуродованный дверной проем. И в конечном счете только Дэйну и Муре удалось добраться до отсека, служившего некогда кладовой и жилой каютой.

Осмотревшись, они обнаружили любопытную вещь. В стене зияла огромная дыра, обшивка была вспорота, и это произошло не в результате катастрофы. Оплавленные края дыры свидетельствовали о том, что броню разрезали лучеметом. Обвал засыпал этот борт корабля, и потому отверстие не было видно снаружи. Нетрудно было догадаться и о причине такого вторжения огнем: если не считать груды щебня и земли, насыпавшейся сквозь разрез, отсек был совершенно пуст. От груза остались лишь следы контейнеров на полу.

— Его разграбили! — воскликнул Дэйн, водя фонариком вокруг себя.

Справа находился раздавленный отсек, который был, вероятно, рубкой управления. Там тоже поработали лучеметом, но неизвестные мародеры, видимо, не нашли ничего для себя интересного. Все там было изломано и исковеркано до неузнаваемости.

Мура ощупал края бреши.

— Это сделано довольно давно... вероятно, несколько лет назад. Но много, много позже катастрофы.

— Зачем они сюда лезли?

— Из любопытства... Хотели посмотреть, что есть на борту. Космический разведчик в дальнем перелете может сделать интересные находки. У этого на борту наверняка было что-то ценное, раз он разграблен... А когда груз вытащили, корпус мог завалиться, а может быть, его сдвинуло землетрясением и совсем засыпало. Но сначала его разграбили...

— А тебе не кажется, что это был кто-нибудь из экипажа? Уцелел, а потом вернулся за своим добром. В конце концов они могли катапультироваться на аварийном боте...

— Нет. Между катастрофой и разграблением прошло слишком много времени. Кто-то другой нашел этот корабль и обчистил до нитки. А потом, я не думаю, чтобы им,— Мура указал в сторону рубки управления,— удалось уцелеть.

Неужели на Лимбо есть разумные обитатели, которые умеют владеть лучеметом? Шаровидные существа... Нет, Дэйн не мог себе представить, чтобы эти странные создания были способны разграбить корабль.

Прежде чем уйти, Мура протиснулся в рубку управления и через некоторое время пятясь выбрался обратно.

— Икс-четыре — девяносто пять — тридцать два — шестьсот,— сказал он.— Регистрационный номер, как это ни странно, разобрать еще можно. Запомните его: икс-четыре — девяносто пять — тридцать два — шестьсот.

— А, так это все-таки корабль с Земли!

— Да, я так и предполагал с самого начала. Охотник за астероидами... вероятно, опытный корабль с одним из первых вариантов гипердвигателя. Возможно, частный корабль, построили его два-три человека и рискнули направиться к звездам. Если разобрать эту кучу металла в рубке, можно наверняка найти что-нибудь любопытное для наших механиков. Ради одного этого стоило сюда пробиваться...

— Эй! — проревел снаружи бас Кости.— Что вы там застряли?

Дэйн рассказал в микрофон обо всем, что они увидели, после чего они выбрались из корабля.

— Уже разграблен! — Кости был явно разочарован.— Значит, было что грабить...

— А я хотел бы все-таки знать, кто это сделал,— сказал Рип.— Пусть даже несколько лет назад.

По лицу Вилкокса было видно, что ему тоже хотелось бы это знать. Он с трудом поднялся на ноги.

— Пожалуй, пора на «Королеву»,— сказал он.— Пошли.

Дэйн огляделся. Туман в расселине заметно редел, как и в городе. Хоть бы установилась наконец летная погода — можно было бы взять флиттер и как следует прочесать весь район. А то ведь ничего по-прежнему не ясно. Али исчез бесследно, Рич скрылся в каменной скале... теперь этот корабль, разграбленный через много лет после крушения. И вдобавок где-то в недрах Лимбо работает неведомая сверхустановка, в которой, быть может, и таится самая главная угроза.

Они вернулись к краулеру, и пока устраивали Вилкокса на платформе, туман рассеялся совсем. И тогда стало ясно, что по этому ущелью проходит дорога, которой пользуются очень часто. Это было видно по изрытому гусеницами грунту, по исцарапанным и оббитым стенам ущелья. И еще было ясно, что дорогой этой начали пользоваться задолго до прибытия

«Королевы» — многие царапины и борозды выглядели очень старыми.

В отчете Службы изысканий ни слова не говорилось обо всем этом — о развалинах, об установке, о разбитых кораблях... Почему? Может быть, изыскатели здесь работали спустя рукава? Решили, что это планета-пепелище, едва ее обследовали и передали на аукцион как не представляющую интереса...

Группа двинулась в обратный путь. Начал моросить дождь, за воротник, за голенища сапог поползли капли. Все невольно ускорили шаг. Дэйн подумал, что хорошо было бы найти путь покороче, срезать угол и добраться до «Королевы», минуя город. Впрочем, спасибо и на том, что больше нет нужды привязываться к краулеру тросами.

Они снова вступили в развалины, настороженно озираясь по сторонам. Несмотря на то что солнца не было, яркая окраска зданий раздражала глаз. Возможно, у жителей этого города глаза были устроены по-иному, а быть может, раскраска изменилась под действием высокой температуры при чудовищных взрывах, спаливших планету, — так или иначе, эти яркие краски действовали угнетающе.

— Дело не только в цвете, — вдруг громко произнес Рип. — Здесь и форма действует. Все углы и линии какие-то не такие... смотреть на них тошно...

— Их, наверно, перекосило взрывной волной, — сказал Дэйн. Но Мура с ним не согласился.

— Нет, Рип прав. Цвет этот не для наших глаз. И форма тоже. Посмотрите вон на ту башню. Видите? Осталось только три этажа, когда-то она была выше. Продолжите мысленно сохранившиеся линии. Очертания не те. Все не то.

Дэйн понял его. Усилием воображения можно было добавить башне недостающие этажи. Но тогда получалось... У Дэйна закружилась голова. Да, Предтечи были совсем иными, чем мы. Они отличались от нас сильнее, чем любое другое племя, с которым землянам приходилось до сих пор сталкиваться в Галактике.

Он поспешно отвел глаза от башни, болезненно поморщился при виде какого-то немыслимо алого здания и с облегчением остановил взгляд на спокойной окраске краулера и на квадратной спине Вилкокса, обтянутой желтой выцветшей тканью куртки.

Только теперь он заметил, что штурман сидит в напряженной позе, подавшись вперед и прижимая обеими руками наушники радиотелефона. И все остальные тоже заметили это и насторожились.

САРГАССОВА ПЛАНЕТА

Дэйн напряг слух, пытаясь уловить что-нибудь в своих наушниках. Он слышал только слабый щелчок, и это было все. Но радиотелефон Вилкокса был соединен с аккумуляторами Кости, и он должен был слышать больше.

Краулер вдруг остановился, штурман отнял одну руку от наушников и поманил всех к себе. К счастью, в этот момент из-за каких-то причуд лимбеанского эфира радиотелефон Дэйна принял обрывок передачи. «Остаться..!» — рявкнул голос капитана, и все снова смолкло.

Вилкоккс поднял голову.

— Нам нельзя возвращаться, — произнес он.

— Что-нибудь произошло? — обычным спокойным голосом осведомился Мура.

— «Королева» окружена...

Все заговорили разом:

— Окружена?

— Кем?

— Что случилось?

— Они попытались выйти из корабля и были обстреляны, — сказал Вилкоккс. — И почему-то корабль не может оторваться от грунта. Нам приказано держаться подальше, пока они не разберутся что к чему...

Мура оглянулся в сторону лощин. Последние рваные клочья тумана быстро таяли в сером небе.

— Если мы двинемся через пустошь, — медленно проговорил он, — нас тут же заметят, потому что тумана больше нет. Но мы можем вернуться и пройти по одной из лощин. Так мы незаметно выйдем на траверз «Королевы», взберемся по склону и посмотрим, что там делается.

Вилкоккс кивнул.

— Далее, — продолжал он, — нам запретили пользоваться рацией. Капитан боится, что нас запеленгуют.

Туман рассеялся, но близился вечер, и видимость опять была неважная. Штурман с неудовольствием оглядел окрестности. Ясно, что в темноте двигаться по пересеченной местности вдоль подножия хребта нельзя. Надо ждать утра. Но штурману явно претило располагаться на ночь в этих малопривлекательных зданиях. Его выручил Мура.

— Есть палатка, — напомнил он. — Ночь можно провести там. Ведь ее поставили для отвода глаз, вряд ли она кому-нибудь понадобится.

Все с облегчением ухватились за эту мысль, и краулер покатился обратно к фальшивому лагерю фальшивых археологов. Они распахнули вход в палатку и закатили краулер внутрь. Когда вход снова задраили, Дэйн вздохнул с облегчением. Стены вокруг были изготовлены руками землян, все было знакомо, привычно, ему уже не раз приходилось ночевать в таких палатках. Это ощущение привычного порождало чувство безопасности и независимости от чужого города, нависшего над ними.

Палатка защищала от ветра, и в ней было не так уж неудобно, хотя и холодно. Кости, бесцельно бродивший из угла в угол, раздраженно пнул ногой обломок камня.

— Могли бы оставить здесь хоть обогреватель, — сказал он. — Ведь был же у них обогреватель в лагерном комплекте...

Рип хихикнул.

— Они же не знали, что ты заявишься сюда ночевать!

Кости уставился на него, словно собираясь обидеться, но потом тоже расхохотался:

— Да уж, чего-чего, а этого они и предположить не могли. Так что жаловаться нам нечего...

Между тем Мура занялся своими прямыми обязанностями кока. Прежде всего он отобрал у всех полевые рационы и фляги с водой. Потом каждый получил от него по одному безвкусному кубику синтепищи и по несколько глотков воды. Дэйна удивило, как экономно Мура распределяет продукты.

Видно, полагает, что они не скоро вернутся на борт «Королевы», и старается растянуть запасы продовольствия на самый долгий срок.

Покончив со скудным ужином, они улеглись на голые камни и тесно прижались друг к другу, чтобы согреться. Снаружи завывал ветер, он свистел и визжал, врываясь в трещины обвалившихся стен.

Дэйна одолевали беспокойные мысли. Что происходит с «Королевой»? Если корабль действительно осажден, то почему он не взлетит и не сядет где-нибудь в другом месте? А за ними можно было бы послать флиттеры... Кто или что мешает капитану поступить так?

Остальных, вероятно, мучили те же мысли, но никто не высказал их вслух. Все молчали. Они получили приказ, разработали план действий, и теперь надо было только как следует отдохнуть перед новым походом.

На рассвете осунувшийся Вилкокс поднялся первым и проковылял к краулеру. В серых утренних сумерках он выглядел много старше своих лет, губы его были плотно сжаты. Он вскарабкался за пульт и переключил управление на ручное.

По-видимому, никто так и не уснул. Потому что вслед за Вилкоксом все разом вскочили на ноги и принялись разминаться кто как умел. Обменявшись односложными хрипылыми приветствиями, они быстро съели то, что Мура выделил им на завтрак. Потом все высыпали из палатки на знобящий утренний холодок. На горизонте поднималось солнце, которого они не видели так долго, розовые лучи его рассеяли последние клочья тумана. На севере, на фоне ясного неба, громоздились голые скалы.

Вилкокс вывел краулер и направил его на север, туда, где к подножию хребта веером сходились извилистые лощины. На такой пересеченной местности можно было рассчитывать продвинуться к западу незамеченными. Зато идти было трудно, и штурману пришлось тяжелее всех. Здесь не было дороги, краулер подпрыгивал и раскачивался, и, чтобы не слететь с платформы, Вилкокс уже через полмили сбавил ход, так что краулер пополз медленнее пешехода. В конце концов решили разбиться на две группы. Двое в качестве дозорных высылались вперед, а двое оставались при Вилкоксе. Вокруг все было мертво. Могло показаться, что на всей планете, кроме них, нет ни одного живого существа. На грунте не видно следов, в воздухе не слышно ни звука, и даже насекомых нет — вероятно, они держатся ближе к воде и к растительности.

Дэйн шел в дозорной группе вместе с Мурой, когда стюард вдруг хмыкнул, остановился и поднял руки, прикрывая глаза от солнца. Впереди ярко отсвечивал в солнечных лучах какой-то предмет.

— Металл! — воскликнул Дэйн. «Неужели мы нашли эту проклятую установку?» — мелькнуло у него в голове.

Он устремился вперед, карабкаясь через осыпи, взобрался на скалистый уступ и оказался рядом с новой находкой. Нет, это не имело никакого отношения к установке Предтеч. Это опять был корабль, причем очень странный корабль. Он был меньше охотника за астероидами и гораздо сильнее разрушен — исковерканная груда металла, объединенная ржавчиной, — и с первого взгляда было ясно, что корабль этот устроен не так, как земные корабли.

Подоспевший Мура остановился рядом, разглядывая обломки.

— Очень старый,— сказал он.— Очень...— Он взялся за торчащий из груды стержень. Металл распался в ржавую пыль.— Древний. Вряд ли на нем летали земляне.

— А кто же — Предтечи? — взволнованно спросил Дэйн. Корабль Предтеч был бы замечательной находкой. На такую находку сюда мигом слетелись бы работники Службы изысканий и ученые со всей Галактики.

— Нет, он не настолько старый. Иначе от него давно бы уже ничего не осталось. Но до нас в галактическое пространство вышли ригелиане, а еще раньше — исчезнувшая цивилизация с Ангола Два. Может быть, это их корабль. Уж очень он старый...

— Как же он попал сюда? — проговорил Дэйн.— Он явно разбился при посадке. И тот охотник тоже. И вчера один корабль разбился прямо у нас на глазах... А наша «Королева» села благополучно. Непонятно. Ну, одно крушение — еще туда-сюда... А тут целых три!

— Да, есть о чем подумать,— согласился Мура.— Надо бы всем этим заняться как следует. Возможно, разгадка прямо под носом, только у нас не хватает ума ее найти.

Они подождали группу с краулером и дали сигнал остановиться. Вилкокс тщательно определил координаты этого места. Когда у них будет время, они пошлют сюда отряд для подробного обследования обломков. Возраст и внешнее происхождение корабля могут сделать эту находку очень ценной.

— Мне все это напоминает, как сисситы ловят своих пурпурных ящериц,— сказал Кости.— На кожу для башмаков. Они берут кусок блестящей проволоки и присоединяют его к моторчику. Моторчик крутится, проволока мотается взад-вперед. Ящерица ее увидит — и готово. Сидит и глазеет на эту дурацкую проволоку, так что сисситу остается только взять ее сунуть в мешок. Может, и здесь, на Лимбо, крутится какая-нибудь проволока — подманивает корабли? Вот было бы здорово...

Вилкокс воззрился на него.

— А ведь в этом что-то есть,— сказал он, теребя микрофон. Видно было, что ему очень хочется сообщить о новой находке на «Королеву». Но он только сказал дозорным: — Когда будете идти, осматривайте попутно боковые дюжины. Если это не отнимет слишком много времени, конечно. Может быть, здесь есть еще разбитые корабли.

После этого каждая пара дозорных не только разведывала путь для краулера, но и бегло осматривала местность вокруг. Не прошло и часу, как Кости и Рип обнаружили еще один корабль.

На этот раз корабль был вполне современный, и определить его тип не составило никакого труда. По какой-то причине страшный удар о поверхность планеты не слишком повредил его корпус. Он лежал на боку, обшивка прогнулась и треснула в нескольких местах, других повреждений заметно не было.

— Изыскатель! — прокричал Рип, едва краулер оказался в пределах слышимости.

Да, это был корабль изыскателей. Ошибиться было невозможно: на носу корабля красовалась помятая эмблема — скрещенные кометы, известная на галактических трассах не меньше, чем скрещенные мечи Космической полиции.

Вилкокс слез с краулера и, хромя, двинулся вдоль корпуса поверженного гиганта.

— Люк открыт! — сообщил Рип с верхушки валуна, на который он забрался, чтобы лучше видеть.

Все подняли глаза — из раскрытого люка свисал канат. Это могло означать только одно — часть экипажа уцелела. И, может быть, именно в этом крылось объяснение всех загадок Лимбо. Дэйн попытался припомнить, сколько человек составляют экипаж корабля изыскателей... обычно на таком корабле летает группа специалистов... значит, человек десять-двенадцать... возможно, пятнадцать... Ну, сейчас-то там, конечно, никого не осталось...

Рип спрыгнул с валуна прямо на корпус корабля и, балансируя руками, чтобы не потерять равновесие, побежал к люку. Остальные, кроме Вилкокса, вскарабкались по канату.

Было очень странно спускаться в глубокий колодец, который всегда служил коридором. Лучи фонариков выхватывали из мрака пустые стены, распахнутые двери, какие-то полированные поверхности.

— Этот тоже разграблен! — прогремел в наушниках голос Рипа. — Я иду в рубку управления...

Дэйн плохо представлял себе планировку корабля изыскателей. Поэтому он просто следовал за остальными. У первой же открытой двери он заглянул внутрь и осветил помещение фонариком. По-видимому, здесь когда-то был склад скафандров и исследовательского оборудования. Теперь склад был пуст, крышки контейнеров откинuty, дверцы шкафов распахнуты. Может быть, экипаж покинул корабль еще в космосе? Но тогда откуда канат?

— Господи, спаси и помилуй! — снова раздался в наушниках голос Рипа. В этом возгласе прозвучал такой ужас, что Дэйн застыл на месте.

— Что там случилось? — нетерпеливо спросил снаружи Вилкокс.

— Сейчас узнаю, — проворчал Кости.

Через несколько секунд он разразился площадной бранью, в которой было столько же ярости, сколько ужаса было в восклицании Рипа.

— Да что там происходит? — обозлился Вилкокс.

Дэйн поспешно выбрался из склада и со всех ног помчался вдоль шахты, соединяющей все палубы корабля. Впереди уже бежал Мура, Дэйн нагнал его, и они вместе остановились у рубки управления.

— Мистер Вилкокс, — проговорил Рип. — Мы их нашли. — Голос у него был надтреснутый, словно он разом постарел.

— Кого? — спросил штурман.

— Экипаж...

Дверь в рубку загораживала огромная туша Карла, и Дэйну ничего не было видно. Рип заговорил снова, и Дэйн опять едва узнал его голос.

— Я... я пойду... пойдём от... отсюда...

— Да, — сказал Кости. — Пойдем.

Они оба повернулись и пошли от рубки, и Дэйну с Мурой пришлось отступать перед ними, потому что в шахте не разойтись. Так они дошли до люка и выбрались наружу. Рип, согнувшись, отошел к стабилизаторам, и его вырвало.

Лицо Кости тоже позеленело, но он держался. Остальные молчали, не решаясь спросить, что они там увидели. И только когда трясущийся Рип вернулся к люку и сполз к ним по канату, Вилкокс потерял терпение.

— Ну? Что там с ними? — спросил он.

— Убиты! — выкрикнул Рип. И мертвые черные скалы вокруг повторили его крик: «... биты... биты... биты...».

Дэйн оглянулся и успел заметить, что Мура снова полез в люк. Лицо маленького стюарда под шлемом было при этом совершенно спокойно. Все молчали, даже Вилкокс не задавал больше никаких вопросов.

Через несколько минут в наушниках раздался голос Муры:

— Здесь тоже похозяйничали мародеры...

«Опять мародеры, — подумал Дэйн. — Да, такой корабль — лакомый кусочек, не то что крошечный охотник. Только почему обязательно мародеры? Это могли быть люди, уцелевшие от прежних крушений, им нужны продукты, материалы, снаряжение. Правда...»

Рип разом покончил с его сомнениями.

— Их сожгли! — проговорил он. — Бластером! В упор!

Бластером? Как тех лимбеанцев в лощине... Да что же это делается здесь, на Лимбо! Откуда эта непонятная жестокость, которая давно забыта цивилизованным миром?.. А у Муры уже была наготове еще одна версия.

— По-моему, это пропавший «Римболд», — сообщил он.

Ну и ну! Тот самый «Римболд», исчезновение которого привело к аукциону на Наксосу и в конечном счете к тому, что все они оказались на Лимбо! Но как его сюда занесло и как он попал здесь в аварию? Ведь это же изыскатель, самый неуязвимый из кораблей Космофлота! За последние столетия Служба изысканий потеряла не более двух кораблей. Но никуда не денешься, вот он, «Римболд», и не помогли ему ни хитроумные антиаварийные устройства, ни великолепные надежнейшие двигатели, ни мастерство опытейшего экипажа — валяется здесь разбитый, как и все это ржавое старье, которое они нашли раньше...

Дэйн спустился по канату, Кости последовал за ним. Солнце скрылось в туче, заморосил мелкий дождик. Он уже превратился в ливень, когда Мура возвратился наконец из недр «Римболда». Зрелище, потрясшее Рипа и Кости, не произвело на него, по-видимому, такого ужасного впечатления. Он был спокоен, задумчив, но, кажется, слегка озадачен.

— Помните, Ван рассказывал как-то старую легенду? — сказал он неожиданно. — Легенду об очень давних временах, когда корабли плавали по морям, а не в космосе... На Земле, в ее западном океане, было такое место, где никогда не дули ветры и густо росли морские водоросли. Парусные корабли в этом месте застревали. Трава опутывала их, и они оставались там навсегда. За долгие годы сотни и тысячи кораблей сбились так в одну кучу, так что получился плавучий остров — сотни и тысячи мертвых гниющих кораблей...

Дэйн заметил, что в глазах Рипа появился огонек интереса.

— Да, помню, — проговорил Рип. — Сагово... нет — Саргассово море.

— Совершенно верно, — кивнул Мура. — Так вот, здесь, на Лимбо, тоже что-то в этом роде... Саргассы в космосе... Каким-то образом они захватывают корабли, разбивают их о скалы и оставляют ржаветь здесь навсегда. Для этого, конечно, нужны гигантские мощности: ведь корабль изыскателей — это вам не самодельная скорлупка древности, когда не умели толком ни прокладывать курс, ни строить настоящие двигатели...

— А как же наша «Королева»? — возразил Вилкокс. — Мы совершили самую обычную посадку без всяких неприятностей.

— Вам не приходит в голову, — сказал Мура, — что «Королеве» было

разрешено сделать нормальную посадку?.. По некоторым причинам.

Такое предположение действительно могло многое объяснить, но от этой мысли им стало не по себе. Это означало, что «Королева» — лишь пешка в чьей-то игре. В чьей именно? Рича?.. Но в этом случае «Королева» не вольна более распоряжаться своей судьбой...

— Ладно, поехали дальше... — сказал Вилкокс и заковылял к краулеру.

Дозорные теперь больше не искали разбитых кораблей. А их, как подозревал Дэйн, было здесь, вероятно, немало. Догадка Муры овладела его воображением: Саргассы космоса, жадно хватающие межзвездных странников, случайно попавших в пределы досягаемости их зловещих щупалец. Но почему все-таки «Королева» совершенно безболезненно опустилась на эту планету, где все прочие корабли разбились вдребезги? Может, потому, что на борту был Рич и его люди? Тогда кто такой Рич?..

Они перебрались через поток, разбухший от дождя. Вилкокс остановил краулер и сказал:

— По-моему, мы уже на траверзе «Королевы». Давайте-ка осмотримся...

Рип и Мура вскарабкались на ближайший утес. Они не рисковали пользоваться радиотелефоном, и Рип вскоре вернулся и доложил, что «Королеву» уже видно, но можно подойти к ней еще ближе, если продвинуться по ложине примерно с милю.

Так и сделали. Пока краулер медленно полз, одолевая рытвину за рытвиной, их нагнал Мура со вторым сообщением.

— Оттуда все будет хорошо видно, — сказал он, указывая вперед, на высокую скалу, торчащую среди утесов. — «Королева» стоит с задраенными люками. Вокруг нее какие-то люди, но я не разглядел, сколько их и как они вооружены...

Почти тотчас же вернулся посланный в дозор Кости. Он рассказал, что рядом со скалой, о которой говорил Мура, есть подходящее укрытие, куда можно спрятать краулер.

Укрытие оказалось действительно подходящим — обнаружить здесь краулер было бы невозможно даже с воздуха. Пока Вилкокс и Кости, который смертельно боялся высоты и потому по скалам не лазил, загоняли машину в этот каменный мешок, Мура и Дэйн взобрались на наблюдательный пункт и присоединились к Рипу. Отсюда открывалась вся пустошь, и «Королева» была видна как на ладони — тонкая сверкающая игла на серо-рыжем выжженном грунте.

Рип сидел, опершись спиной о камень, и держал у глаз полевой бинокль. Да, «Королева» была закрыта наглухо. Трап втянут, все люки задраены. Можно было подумать, что она готова к старту в любую секунду. Дэйн достал бинокль, навел его на корабль и так пристально вглядывался, что вскоре холмистая местность запрыгала у него перед глазами.

ОСАЖДЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Сколько Дэйн ни напрягал зрение, ему удалось разглядеть только одну странную машину и две человеческие фигурки рядом с ней. Он удивился: если это осаждающие, то непонятно, почему их не обстреливают с «Королевы».

— Они даже не прячутся,— сказал он вслух.

— Прячутся, не беспокойся,— уверенно сказал Рип.— Между ними и «Королевой» есть холмик. Только сейчас его отсюда плохо видно, потому что нет солнца. Эх, винтовку бы сюда!..

Да, будь у них винтовка с оптическим прицелом, они могли бы снять эти фигурки, хотя расстояние было значительное. Но, к сожалению, они располагали только оружием ближнего боя: почти безвредными гипноизлучателями и бластерами, средством мощным, но непригодным для расстояния свыше ста шагов.

— С тем же успехом ты мог бы пожелать миномет или пушку,— проворчал Дэйн. Он все глядел в бинокль. Мельком он отметил про себя, что оба флиттера убраны, по-видимому, внутрь «Королевы» — их нигде не было видно. За пять минут Дэйну удалось засечь с полдюжины небольших групп противника, вытянувшихся цепочкой вокруг корабля. Четирем из них были приданы краулеры. Машины эти напоминали стандартные краулеры торговцев, но были уже и длиннее — словно специально приспособленные для передвижения по извилистым лощинам и тесным ущельям.

— Кстати о пушках... — напряженным голосом произнес Рип.— Что это у них там такое... вон там, к западу?..

— Где? — быстро спросил Дэйн, послушно наводя бинокль на запад.

— Видишь скалу, похожую на голову нашего Хубата?.. Слева от нее.

Дэйн принялся искать скалу, которая напоминала бы капитанова любимца. Нашел. Ага... А теперь левее... Вот оно! Толстый задранный ствол... Да, они установили там миномет и держат «Королеву» под прицелом, готовые в любую секунду усыпать грунт под ее стабилизаторами градом смертоносных яйцевидных снарядов. Правда, задраенному кораблю снаряды не страшны, но если это будут газовые мины и если на «Королеве» приоткроют люки, чтобы отстреливаться... Да, с минометом шутки плохи...

— Господи! — сказал он.— Эта Лимбо — настоящее змеиное гнездо!

— Вот именно,— сказал Рип.— И мы это гнездо основательно растревожили... Но почему «Королева» не взлетает? Они могли бы сесть где угодно, а потом подобрать нас. Что они там прилипли?!

— А вам не кажется,— сказал Мура,— что странное поведение «Королевы» как-то связано с нашими находками? Что, если «Королева» попытается подняться, ей конец?

— Я не инженер,— сказал Дэйн,— но я не вижу, из чего они могли бы сбить «Королеву». Для этого понадобилось бы что-нибудь помощнее миномета...

— Разве вы видели следы снарядов на корпусе «Римболда»? — спросил Мура.— «Римболд» просто рухнул с большой высоты. Будто его притянула какая-то сила, которой он не мог сопротивляться. Возможно, те, кто залег там, внизу, владеют секретом этой силы. Но это означало бы, что они господствуют не только на поверхности этой планеты, но и в ее небесах...

— И вы думаете, эта установка?.. — спросил Рип.

— Кто знает,— спокойно произнес стюард.— Очень возможно.— Он продолжал рассматривать в бинокль «Королеву» и все вокруг.— Я не прочь после захода солнца спуститься на пустошь и немножко там пошарить. Не плохо было бы обстоятельно и без помех побеседовать с кем-нибудь из них...

Мура как всегда говорил очень мягко и негромко, но Дэйн понял, что

человека, с которым Мура намерен беседовать, ждет незавидная доля.

— Гм... — сказал Рип. — А ведь это можно устроить. И еще можно добраться до «Королевы» и узнать у них, что происходит...

— Может, попробуем связаться с ними сейчас по радио? — предложил Дэйну. — Расстояние небольшое, слышно будет хорошо...

— Ты видишь шлемы у этих типов? — сказал Рип. — Так вот, ставлю все свое жалованье, что они сидят на нашей частоте. Стоит нам заговорить, и они нас тут же запеленгуют. А местность они знают гораздо лучше нас. Тебе что — захотелось поиграть с ними в прятки в темноте?

Нет, этого Дэйну решительно не хотелось. Но расстаться с мыслью о радио было очень трудно. Ведь это так просто — вызвать капитана и поговорить с ним... И тогда не надо было бы всю ночь ползать по пустоши, рискуя жизнью. Но еще в Школе им много раз говорили: в вашем деле нет простых и коротких путей, ваше благосостояние, целостность вашего корабля и самой вашей шкуры будут зависеть прежде всего и при любых обстоятельствах от вашей сообразительности, от вашего умения мгновенно принимать решения в минуту опасности. Сейчас именно такая минута — на кон поставлен его корабль и его шкура.

— По крайней мере мы теперь точно знаем, — сказал Рип, — что против нас не только доктор со своей отборной троицей.

— Да, — согласился Мура, не отрываясь от бинокля. — Противник явно превосходит нас числом. Здесь их человек пятнадцать...

— И, наверное, это еще не все, — сказал Рип. — Но кто же они такие, черт бы их побрал...

— Там что-то готовится, — прервал его Мура. Он весь подался вперед.

Дэйну торопливо поднял бинокль. Стюард был прав. Один из осаждавших, не скрываясь, смело шел к «Королеве» и размахивал белой тряпкой — древним знаком перемирия.

Минуту или две казалось, что «Королева» не собирается вступать в переговоры. Но потом верхний люк распахнулся, и в проеме появился капитан Джелико.

Человек с белым флагом остановился в нерешительности. Сумерки уже сгустились, видно было плохо, но зато с неожиданной отчетливостью в наушниках зазвучали голоса. Рип был прав — эти гангстеры действительно сидели на корабельной частоте.

— Ну что, капитан, образумились?

— Это все, зачем вы пришли? — скрипучий голос капитана нельзя было спутать ни с каким другим. — Я объявил вам свое решение еще вчера.

— Вы здесь будете сидеть, пока не сдохнете с голоду, капитан. А если попробуете взлететь...

— Нам не взлететь, а вам не войти!

— Воистину так, — заметил Мура. — С их средствами ворваться в корабль невозможно, а взрывать его — бессмысленно.

— Вы думаете, им нужен именно корабль? — спросил Дэйну.

Рип фыркнул.

— Это же ясно. Они не дают ему подняться, хотят заполучить целеньким. Держу пари, что Рип затащил нас сюда только для того, чтобы завладеть «Королевой».

Между тем переговоры продолжались.

— Не забывайте то продовольствия, капитан,— мурлыкал в наушниках голос гангстера.— Мы можем сидеть здесь хоть полгода, если понадобится. А вы — нет. Не будьте ребенком. Мы предложили вам честную сделку. Вы же сидите в галоше. Всю наличность вы угрохали на аукционе. Что ж, мы предлагаем вам нечто лучшее, чем эти ваши торговые права. И будьте уверены, мы своего добьемся, терпения у нас хватит...

Может быть, у парламентаря и хватило бы терпения, но у кого-то из его дружков терпение уже истощилось. Блеснула вспышка винтовочного выстрела, и капитан Джелико исчез — то ли упал, то ли отпрянул в глубь шлюза. Люк захлопнулся. Наблюдатели на скале замерли. Парламентарь явно растерялся — очевидно, он никак не ожидал такого подвоха от своих подручных. Потом он отшвырнул предательский белый флаг и бросился за ближайший камень, а оттуда ползком и перебежками вернулся на свое место.

— Кому-то там не хватило терпения,— заметил Мура.— Переусердствовал. Плохо ему придется. Уничтожил последнюю надежду на возможные переговоры.

— Как вы думаете, капитана не ранило? — спросил Дэйн.

— Э, старик знает все эти фокусы,— беспечно отозвался Рип.— Его не проведешь... Но теперь он лучше помрет с голоду, чем сдаст корабль. Такими штучками наших не запугаешь...

Мура опустил, наконец, бинокль.

— Ну, а тем временем,— сказал он,— нам надо повернуть наше дело. В темноте можно, конечно, добраться до корабля, но как в него попасть? Вряд ли нам ночью спустят трап по первой же просьбе. Особенно после этого выстрела.

«Да, проскользнуть мимо часовых противника и добраться до корабля было бы нетрудно,— подумал Дэйн, глядя в бинокль.— Укрытий и скрытых подступов достаточно. И потом гангстеры, вероятно, даже и не подозревают, что мы находимся у них за спиной. Все их внимание сосредоточено на «Королеве». Но Мура прав — трап нам не спустят...»

— Надо подумать... — пробормотал Мура.— Надо хорошенько подумать...

— Слушайте, а ведь мы здесь находимся как раз на уровне рубки управления,— сказал вдруг Рип.— Нельзя ли придумать какой-нибудь сигнал?.. Предупредить их, что мы посылаем человека?..

Дэйн готов был идти к кораблю. Он прищурился, соединяя воображаемой линией верхушку их скалы с носом корабля.

— Надо спешить,— заметил Мура.— Ночь надвигается быстро...

Рип взглянул на небо. Оно было затянуто свинцовыми тучами. Солнце уже зашло, стало почти темно.

— Я придумал,— сказал Рип.— Давайте накроемся куртками и будем сигнализировать фонариком. Тогда снизу свет не увидят, а на «Королеве», быть может, обратят внимание...

Стюард без лишних слов расстегнул ремень и принялся стягивать с себя куртку. Дэйн торопливо последовал его примеру. Потом они, трясаясь от холода, растянули куртки шалашиком, и Рип, присев на корточки между ними, принялся мигать фонариком, подавая сигнал бедствия на кодовом языке торговцев. Было очень маловероятно, что именно сейчас кто-нибудь в рубке управления смотрит именно в их сторону. А если и смотрит, то обратит ли внимание на эту слабую искорку во тьме?..

Вдруг на «Королеве» вспыхнул штормовой маяк — в темное небо ударил, озарив плотные тучи, столб желто-голубого света. Через несколько секунд он потускнел и принял красноватый оттенок. Мура с облегчением вздохнул.

— Они приняли сигнал, — сказал он.

— Откуда вы знаете? — спросил Дэйн. Сам он ничего не понял.

— Они включили штормовой маяк. Видите, он снова потемнел. Да, сигнал они приняли, — Мура натягивал куртку. — Теперь надо сообщить обо всем Вилкоксу и составить донесение на «Королеву» по всем правилам. Даже односторонняя связь может дать нам преимущество...

Они спустились к краулеру. Рассказать новости было делом недолгим.

— Но они же не могут ответить нам, — возразил Вилкоккс. — Они бы не стали включать прожектор, если бы у них было другое средство дать нам знать, что они приняли ваш сигнал...

— Мы пошлем туда кого-нибудь. А сейчас передадим им, что он выходит и они должны ждать его и принять на борт, — живо сказал Рип.

Было видно, что Вилкоксу этот план не очень по душе. Но они обсудили его тщательно, пункт за пунктом, и ни к какому другому решению не пришли.

Мура встал.

— Скоро совсем стемнеет. Нужно решать немедленно, потому что подниматься на скалу лучше все-таки засветло. Итак, кто идет и когда? Уж это-то мы можем им просигнализировать...

— Шэннон, — сказал Вилкоккс. — Вот когда пригодятся твои кошачьи глаза. На Балдуре ты, помнится, видел в темноте не хуже, чем Синбад... Согласен попытаться?.. Выйдешь... — он посмотрел на часы, — скажем, в двадцать один ноль-ноль... Будет совсем темно, и бандиты, наверное, уже начнут клевать носом на постах...

Ответа не требовалось — достаточно было взглянуть на сияющую физиономию Рипа. Пока они взбирались на утес, он все время мурлыкал про себя какую-то песенку.

— Когда прибудете на борт, — заметил Мура, — не забудьте сказать им, чтобы они просигналили нам маяком. Хотелось бы знать, что у вас все в порядке.

— Обязательно, дружище! — Хорошее настроение вновь вернулось к Рипу — впервые после ужасного открытия в рубке «Римболда». — А за меня не беспокойтесь. Это будет просто веселая прогулка по сравнению с тем, что было на Балдуре...

Но Мура был очень серьезен.

— Недооценивать противника опасно, — сказал он. — Ведь вы не новичок, Рик, и все знаете. В нашем положении нельзя бессмысленно рисковать.

— Все будет в порядке, дружище! Я проскользну мимо них как змея. Они ничего не услышат.

На вершине утеса Дэйн и Мура снова сняли куртки и снова дрожали от сырости и холода, пока Рип передавал сообщение на безмолвную осажденную «Королеву». Ответного сигнала на сей раз не последовало, но они были уверены, что после первой передачи за их скалой из рубки ведется постоянное наблюдение.

Мура и Дэйн остались на своем посту, а Рип вернулся к краулеру, до-

жидаясь назначенного часа. Когда он исчез из виду, Дэйн принялся строить из камней стенку для защиты от ветра.

Греться они могли только друг о друга, и они скорчились за каменной стенкой, набираясь терпения на долгие часы, пока не вспыхнет сигнал, означающий, что Рип благополучно добрался до цели.

— Огни,— пробормотал Мура.

Луч прожектора «Королевы» по-прежнему сиял в ночи. Но Мура говорил о другом: внизу, на темной пустоши, замерцали слабые огоньки, обозначая кольцо вокруг «Королевы».

— Тем лучше для Рипа,— сказал Дэйн.— Ему будет легче ориентироваться...

— Не думаю,— возразил Мура.— Они сейчас настороже. Вероятно, между постами пустят дозорных.

— Вы думаете, они догадались о нас и сейчас подстерегают Рипа?

— Возможно, и так. Но уж, во всяком случае, они готовы к любым действиям капитана... Послушайте, Торсон, вы ничего не чувствуете? Под нами... в скале?

Ну, конечно! Дэйн почувствовал все тот же пульсирующий ритм. Он ощущался здесь слабее, чем в ущелье за развалинами, но зато теперь не утихал ни на минуту. Видимо, установка была включена на полную мощность.

— Вот что держит нашу «Королеву» на грунте,— сказал Мура.

Разрозненные кусочки мозаики постепенно складывались в единую картину. Очевидно, в распоряжении гангстеров находилась чудовищная установка, способная притягивать к Лимбо корабли из космоса. Капитан, верно, еще не знает об этих удивительных свойствах планеты, а гангстеры хотят захватить «Королеву» в целости и сохранности. Поэтому они вынуждены непрерывно держать установку под напряжением, иначе корабль взлетит, и его придется разбить, как и все остальные...

— В таком случае у нас только один выход,— медленно сказал Дэйн.— Найти эту установку и...

— Взорвать ее? Да... Если Рип доберется благополучно, мы этим и займемся.

— «Если»?.. Вы думаете, он может не добраться?

— Вы еще новичок в Космофлоте, Торсон... Когда человек полетает годик-другой, он становится очень скромным и осторожным. Он начинает понимать, что земное понятие «удача» тесно связано с успехами и поражениями. Мы никогда не можем с уверенностью предсказать, какой план действий окажется удачным. Всегда кое-что остается неучтенным, всегда имеются факторы, которые нам неподвластны. Возьмем Шэннона... У него много преимуществ: необычайно острое ночное зрение — мы узнали об этом сравнительно недавно, когда оказались примерно в таком же положении,— большой опыт, настойчивость и хладнокровие. Кроме того, сейчас он неплохо изучил местность и расположение постов противника... Так что, пожалуй, у него процентов восемьдесят на успех. Но остаются еще двадцать против... Поэтому и он и мы должны быть готовы к любым неожиданностям. Пока не увидим сигнала о том, что он добрался благополучно...

Эти бесстрастные рассуждения обескуражили Дэйна. Было в них что-то от скептицизма Камила, только они были еще более убедительны, точны и безжалостны... Камил... Где он сейчас?.. Держат ли его на одном из этих постов?

Или уволокли в недра планеты, к этой таинственной установке?..

— Как вы думаете, что они сделали с Камиллом? — спросил он Муру.

— Для них он источник информации — о нас и о наших намерениях... Поэтому его, конечно, доставили к главарю. Я думаю, он жив и будет жив, пока он им нужен...

В этом ответе таился злобный намек, и Дэйн вдруг вспомнил о судьбе экипажа «Римболда».

— Эти изыскатели... — сказал он. — Рип не ошибся? Их действительно сожгли бластером?

— Да, он не ошибся, — бесстрастно произнес Мура, и от этого кажущегося спокойствия смысл сказанного стал еще страшнее.

Наступило молчание. Они сидели неподвижно и только изредка меняли положение, когда затекала рука или нога. Луч прожектора на равнине по-прежнему упирался в ночное небо.

Было очень холодно, и тем не менее клонило в сон — пульсирующий ритм вибрации убаюкивал. Чтобы не заснуть, Дэйн твердил про себя целые главы из «Правил погрузки», которые он вы зубрил за время перелета. Эх, сидеть бы сейчас в уютном отсеке Ван Райка, в тепле и безопасности, изучать документацию на прибывший груз да готовиться к предстоящему разговору с контрагентом...

Тихий свист донесся из тьмы внизу — Рип предупреждал, что выходит. Дэйн схватился за бинокль, но, конечно, ничего не увидел в темноте.

После этого часы потянулись как дни. Дэйн упрямо таращился на луч маяка, пока у него не заболели глаза. Ничего не менялось, и ничего не происходило. Потом Мура заворочался рядом, под прикрытием куртки слабо засветился фонарик, и Дэйн спросил:

— Сколько прошло?

— Четыре часа, — отозвался Мура.

Четыре часа... Вдвое, втрое более чем достаточно, чтобы добраться до «Королевы»... даже если делать крюк и пережидать, когда пройдут дозорные... Видимо, сработали те двадцать процентов, о которых говорил Мура. Рип не прошел.

НАПАДЕНИЕ И ТУПИК

Приближался рассвет. Небо на востоке посветлело. Прожектор на «Королеве» так и не мигнул, и надеяться на это больше не приходилось.

Не в силах оставаться в бездействии, Дэйн выбрался из укрытия и прошелся вдоль обрыва, чтобы осмотреться. Утес, на котором они расположились, разделял две вытянутые наподобие языков лощины. В одной находились сейчас Вилкоккс и Кости, а другую они еще не обследовали.

В этой необследованной лощине Дэйн заметил ручеек. Он уже знал, что жизнь на Лимбо жалась к воде — где вода, там жизнь. Берега ручья заросли травой и кустарником, были там и крохотные плантации — Дэйн насчитал их штук десять.

Только на этот раз на плантациях работали. Два лимбеанца медленно двигались между рядами растений, разрыхляя почву вокруг корней своими нитевидными щупальцами. Их шаровидные тела колыхались при каждом движении.

Вдруг они замерли. У них не было ни голов, ни глаз, и Дэйну было непонятно, что они сейчас делают, но можно было догадываться, что они прислушиваются или смотрят на что-то.

Показались еще трое лимбеанцев. Они несли длинный шест, с которого свисало какое-то животное величиной с кошку. Охотники подошли к фермерам и бросили шест. В бинокль было видно, как все они стали в круг, сплетя щупальца.

На плечо Дэйна легла рука. Он вздрогнул и обернулся. Перед ним, приложив палец к губам, стоял Мура.

— Тихо, — сказал стюард шепотом. — Сюда направляется какой-то краулер...

Лимбеанцы снова на секунду замерли и вдруг с необычайной скоростью бросились врассыпную. Берег ручья опустел.

В утренней тишине послышался хруст гравия и щебня под гусеницами, и в ложину вкатился краулер. Камил оказался прав — это была не стандартная машина. Она была узкая и очень длинная, и корпус ее при движении как-то странно изгибался — словно на шарнирах.

За пультом управления сидел человек. Лицо его закрывал козырек шлема, а одет он был так же, как Рич и его люди.

Пальцы Муры стиснули плечо Дэйна. Но Дэйн и сам заметил легкое движение в кустарнике. Потом между кустами проскользнул лимбеанец, прижимая к своему верхнему шару увесистый булыжник. За ним последовал второй, тоже с булыжником.

— Достанется ему... — едва слышно прошептал Мура.

Краулер неспешно катился вперед, хрустя гусеницами по гравию и расплескивая воду ручьев. Вот он достиг первой плантации, гусеницы сокрушили низенькую ограду и пошли давить высаженные растения.

Лимбеанцы, скрытые кустарником, легко неслись за краулером, не отставая ни на шаг. Каждый нес булыжник или обломок скалы — судя по всему, ловушка должна была вот-вот захлопнуться.

Разъяренные владельцы плантаций нанесли удар, когда машина подмяла под себя третье поле. Град очень точно направленных камней обрушился на краулер и на водителя. Один булыжник попал прямо в шлем — водитель сдавленно охнул, приподнялся и повалился на пульт. Машина вильнула, наехала одной гусеницей на выступ скалы и угрожающе накренилась.

Дэйн и Мура торопливо скатились с утеса. Водитель, несомненно, заслужил то, что получил, но он был человеком, и они не могли позволить негуманоидам расправиться с ним. Лимбеанцы исчезли, но Дэйн и Мура приняли все меры предосторожности: добежав до краулера, они прежде всего окатили окружающий кустарник из гипноизлучателей. Затем Дэйн подхватил обмякшее тело водителя и поволок его за скалу, подальше от кустов, где при необходимости они могли бы выдержать новую атаку лимбеанцев. Мура прикрывал его с гипноизлучателем наготове.

Впрочем, нового нападения не последовало. Может, подействовали гипноизлучатели, а может, их напугало появление двух землян, но только лимбеанцы больше не обнаруживали себя. Лощина теперь казалась совершенно пустой — остались только Мура с Дэйном да распростертое у их ног тело.

— Попробуем взобраться?.. — Дэйн кивнул в сторону утеса.

Мура усмехнулся.

— Попробуйте, — сказал он. — Но мне кажется, только любитель краксы мог бы туда вскарабкаться с такой ношей на плечах...

Дэйн опомнился. Конечно, Мура был прав. Подъем на утес был нелегким делом даже со свободными руками, а втащить туда грузную тушу было бы совсем уж невозможно.

Между тем контуженный водитель застонал и пошевелился. Мура опустился на одно колено и прежде всего отстегнул у него кобуру с бластером, которую тут же подвесил к собственному поясу. Затем ослабил подбородочный ремень, стащил с водителя треснувший шлем и принялся деловито хлестать по небритым щекам.

Это подействовало. Гангстер заморгал и приподнялся; Мура, рванув за воротник, помог ему сесть.

— Пора идти, — сказал стюард. — Ну-ка...

Вдвоем они поставили гангстера на ноги и повели в обход утеса к укрытию, где находились Вилкоксы и Кости.

Гангстер ничего не соображал, он только старался удерживать равновесие. Тем не менее Мура крепко держал его за руку, и Дэйн догадывался, что стюард готов в любой момент применить один из приемов вольной борьбы, в которой он не имел себе равных на борту «Королевы».

Сам Дэйн то и дело оглядывался, ему очень не хотелось стать мишенью для точно брошенного булыжника. Рассуждая логически, лимбеанцы должны были принять их за союзников этого мерзавца, так что теперь, видимо, не осталось никакой надежды установить с ними торговые отношения. Но не могли же они бросить человека на растерзание негуманоидам!..

Гангстер сплюнул кровь и сказал, обращаясь к Муре:

— Вы что — люди Омбера? Я не знал, что вам тоже сюда вызвали... Лицо Муры не дрогнуло.

— Дело слишком важное, — сказал он. — Вызвали многих...

— Кто меня так долбанул? Эти проклятые твари?..

— Да, туземцы. Они забросали вас камнями.

Гангстер яростно оскалился.

— Их давно надо всех зажарить!.. Стоит появиться в этих холмах, и они так и норовят проломить тебе череп... Надо снова дать им понюхать бластера... Только догнать их трудно, больно быстро бегают...

— Это верно, — подтвердил Мура. — А теперь сюда.

Он подтолкнул пленника к повороту во вторую лощину. Но тот впервые, по-видимому, заподозрил неладное.

— А зачем туда? — спросил он, переводя взгляд с Муры на Дэйна. — Это же не сквозная лощина...

— У нас там краулер, — объяснил Мура. — Я думаю, в вашем состоянии лучше ехать, чем идти.

— А?.. Да, пожалуй... Башка у меня так и гудит... — Он поднял свободную руку и, морщась, ощупал шишку над правым ухом.

Дэйн перевел дыхание. Мура был великолепен. Теперь, кажется, можно будет доставить этого дылду на место без драки.

Продолжая крепко держать пленника за руку, Мура обогнул огромную грудку булыжников, и через минуту они оказались в пещере, где им навстречу поднялись Вилкоксы и Кости. Тут гангстер увидел краулера и понял все. Он весь напрягся и остановился так внезапно, что Дэйн по инерции налетел

на него. Свободная рука гангстера дернулась к поясу, но кобуры не нашла.

— Кто вы такие? — хрипло спросил он.

— Здесь, приятель, спрашиваем мы! — прогудел Кости, надвигаясь и оглядывая его с ног до головы. — Это ты нам сейчас скажешь, кто ты такой!

Гангстер повернулся было в надежде увидеть подмогу, но Мура резким движением кисти вновь поставил его лицом к Кости и Вилкоксу.

— Да, — мягко сказал стюард. — Мы очень хотели бы знать, кто вы такой?

Их было всего четверо, и, возможно, именно поэтому пленник обнаглел.

— Ага! — торжествующе объявил он. — Вы с того корабля!..

— С одного из кораблей, — поправил его Мура. — На этой планете много, очень много кораблей.

Эти слова подействовали так, словно он с размаху ударил пленника по лицу. Дэйн в порыве вдохновения добавил:

— Например, есть корабль изыскателей...

Пленник пошатнулся. Зеленоватая бледность покрыла его испачканное кровью лицо. Он закусил губу, словно для того, чтобы удержать рвущийся крик.

Вилкокс присел на гусеницу краулера, извлек свой бластер и положил его на колено, уставив дуло прямо в живот пленнику.

— Да, здесь немало кораблей, — произнес он. Если бы не желваки, вздувшиеся на его скулах, можно было подумать, что он ведет светскую беседу. — Как вы думаете, с какого из них мы?

Но пленник еще не был сломлен.

— Вы с этого... с «Королевы Солнца»... — проворчал он.

— С чего вы взяли? — быстро спросил Мура. — На других кораблях живых не осталось, а?.. Будет лучше, если вы нам расскажете все, дружок.

— Давай, выкладывай! — Кости надвинулся на помятого гангстера и навис над ним. — Выкладывай, красавчик, но береги наше время и свое здоровье!.. А будешь запираяться, у нас терпение лопнет, понял?..

Было ясно, что пленник понял. Понял угрозу, таившуюся в тихом голосе Муры. Увидел угрозу в огромных волосатых лапах Кости...

— Кто вы такой и что здесь делаете? — снова начал Вилкокс.

— Меня зовут Лэв Снолл, — мрачно ответил гангстер. — И если вы с «Королевы Солнца», то знаете, что я здесь делаю... И ничего у вас не выйдет — мы будем держать ваше корыто столько, сколько нам вздумается.

— Да что вы говорите? — растягивая гласные, насмешливо произнес Вилкокс. — Значит, вы будете держать этот корабль, что стоит на равнине, сколько вам вздумается? Какими же веревками вы его удержите?

Пленник оскалился в издевательской усмешке.

— Нам веревки не нужны, — сказал он. — Нам сама планета помогает... Когда нам надо, она у нас в мышеловку обращается...

Вилкокс повернулся к Муре.

— У него что — сотрясение мозга?

Мура кивнул.

— Что-то вроде... — сказал он. — В точности судить не могу — я не медик, но мозги ему встряхнуло основательно...

И Снолл попал в расставленные сети.

— Если вы думаете, что я чокнутый, так вы ошибаетесь... Вы же не знаете, что мы здесь нашли! Мы нашли машину Предтеч, и она все еще

действует! Она может притягивать корабли прямо из космоса и бьет их о камни!.. Пока она работает, вашей «Королеве» нипочем не подняться. Будет она даже полицейским дредноутом... Да мы бы и с дредноутом смогли управиться, это нам раз плюнуть!

— Занятные сведения! — сказал Вилкокс. — Значит, у вас есть какая-то машинка, и она может вытягивать корабли прямо из космоса? Это здорово! А кто вам это сказал? «Шепчущие»?..

Снолл побагровел.

— Говорю вам, я не псих!

Кости положил руки ему на плечи и силой усадил на камень.

— Да, да, конечно... — издевательски-успокоительно загудел он. — Все так и есть... Большая такая машина, и управляют ею Предтечи... Она протягивается в космос и делает вот так... — кулак Кости рывком сжался перед самым носом гангстера, точно он поймал муху.

Но пленник уже немного оправился.

— Хотите верьте, хотите — нет, дело ваше, — сказал он. — Вот увидите, что будет, если ваш дубина-капитан попробует взлететь. Ничего хорошего не получится... А там вскорости и вас всех похватают...

— Вы полагаете, нам так легко схватить? — спросил Вилкокс, вздернув левую бровь. — Мы здесь уже довольно давно, а нас до сих пор так и не обнаружили.

Снолл озадаченно оглядел их.

— Что вы мне заливаете?.. — сказал он наконец. — Вы же с «Королевы»... На вас форма торговцев...

— Но вы в этом не совсем уверены, не так ли? — вкрадчиво осведомился Мура. — Ведь может оказаться, что мы совсем с другого корабля, который вы зацапали этой своей ловушкой. Почему вы так уверены, что ни один экипаж не уцелел? Может статься, что уцелевшие до сих пор бродят по окрестностям.

— Если и так, то недолго им осталось бродить!.. — вырвалось у Снолла.

— О да, вы умеете с ними раздельваться! С помощью вот этих штучек! — Вилкокс поднял бластер. — Как вы разделались с экипажем «Римболда»!..

— Меня там не было! — сипло сказал Снолл. Несмотря на утренний холодок, лицо его покрылось испариной.

— А мне кажется, все вы — преступники, — возразил Вилкокс все тем же светским тоном. — Кстати, вы уверены, что за вашу голову не назначена награда?

Тут пленник не выдержал. Он рванулся бежать, и только железная рука Кости удержала его на месте.

— Да, да, да!!! — истерически завопил он. — Да, назначена! Ну и что? Что вы можете сделать? Хотите убить безоружного? Нате! Убивайте!..

Торговцы умели быть жестокими, когда этого требовало время и обстоятельства, но Дэйн превосходно знал, что Вилкокс ни за что на свете не причинит вреда безоружному человеку, даже если за голову этого человека назначена награда и он поставлен Космической полицией вне закона, как преступник и убийца. Но тут в разговор снова вступил Мура.

— Убивать? Зачем? — спокойно сказал он. — Мы вольные торговцы, и вы прекрасно знаете, что это значит. Быстрая смерть от бластера — слишком легкий способ перейти в мир иной. Но здесь, за пределами Федерации, на

необжитых мирах, мы научились кое-каким приемам... Вы меня понимаете, Лэв Снолл?

Стюард не строил угрожающей физиономии, его лицо оставалось добродушным и приветливым, но Снолл поспешно отвел взгляд. Он громко проглотил слюну.

— Вы не посмеете... — хрипло проговорил он без всякой уверенности в голосе.

По-видимому, он понял наконец, что люди, которые стояли перед ним, гораздо опаснее, чем он думал вначале. В уголовном мире о вольных торговцах ходили самые недобрые слухи. Их считали не менее жестокими, чем Космическую полицию, но торговцы вдобавок еще не были ограничены никакими уставами и наставлениями. И Снолл поверил, что этот маленький человек с приветливым лицом ни перед чем не остановится.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

— Правду, — сказал Вилкокс.

— Я вам сказал всю правду, все как есть... Там, в горах, мы нашли установку Предтеч... Она действует на корабли, когда они заходят в луч... или в поле... я не знаю... Не знаю, как она там работает. Ее никто не видел, кроме самых головастых ребят, которые знают толк в разных там рациях...

— Почему же «Королева» села благополучно? — спросил Кости.

— Да потому что эта штука была выключена. Ведь у вас на борту был Салзар...

— А кто такой Салзар? — спросил Мура.

— Салзар. Гарт Салзар. Он первый разобрался, что за штуку мы здесь нашли. А когда сюда подвалили изыскатели, Салзар велел нам всем попрятаться... Он знал, что, если эту планету выставят на аукцион, нам каюк. И тогда он схватил какую-то помятую посудину, которую мы кое-как залатали, и кинулся на Наксос. А там сами знаете, что получилось... Он задурил вам головы и привел сюда ваш корабль... хороший корабль, пустой, нам как раз такой был нужен, чтобы переправлять добычу...

— Добычу? А сами вы как сюда попали? Крушение?

— Крушение потерпел здесь Салзар. Десять или двенадцать лет назад. Он отделался легко и пошел здесь шарить со своими ребятами... Ну, нашли они эту машину и стали в ней копать, покуда не научились включать и выключать. А когда сюда прибыли изыскатели, его как раз не было и машина была выключена — чтобы не разбить его, когда вернется...

— Жаль, что не разбили. Где машина? — спросил Вилкокс.

Снолл помотал головой.

— Этого я не знаю... — Кости придвинулся к нему, и он завопил: — Да ей же богу, не знаю! Только сам Салзар и его ребята знают, где она и как работает!

— А сколько их? — спросил Кости.

— Салзар и еще трое или четверо... Она в горах... где-то вон там... — он ткнул трясущимся пальцем в сторону горного хребта.

— По-моему, ты знаешь больше... — начал Кости, но Дэйн прервал его:

— А что Снолл делал на краулере? Этого он тоже не знает?..

Мура, поправляя подбородочный ремень, опустил глаза и сказал:

— Мне кажется, мы допускаем некоторую оплошность. Следовало бы выставить наблюдателя: может быть, в лощине появятся друзья Снолла...

Снолл молча рассматривал носки своих ботинок.

— Я погляжу,— сказал Дэйи и побежал к утесу.

На первый взгляд на пустоши со вчерашнего вечера ничего не изменилось. По-прежнему неприступной крепостью возвышалась на равнине «Королева» с задраенными люками, по-прежнему копошились вокруг нее гангстеры. Но по направлению к утесу двигался еще один диковинный крайлер. Позади водителя сидели двое гангстеров, а между ними Дэйи с замиранием сердца увидел человека в желтой форме Торгового флота.

Лица его Дэйи не мог разглядеть даже в бинокль, но это, конечно, был Рип. И пока Дэйи смотрел, стало совершенно очевидно, что краулер идет к устью той самой лощины, где Снолл попал в засаду.

Вот он случай — не только освободить Рипа, но и пробить изрядную брешь в рядах противника! Дэйи подполз к краю утеса и, не осмеливаясь крикнуть, принялся яростно размахивать руками, стараясь привлечь внимание своих товарищей внизу. Его сразу заметили. Вилкокx и Мура кивнули, а Кости немедленно уволок Снолла в глубь пещеры. Тогда Дэйи вернулся на свой пост и стал с нарастающим возбуждением ждать, когда краулер войдет в лощину.

ИЕРИХОНСКАЯ ТРУБА

Мура вскарабкался на утес и присел рядом с Дэйином.

— По-моему, сейчас самое время перенять тактику у наших шарообразных союзников,— сказал он.— Вы хорошо бросаете камни, Торсон?

Он пошарил вокруг себя, нашел булыжник величиной с кулак, затем прицелился и швырнул. Булыжник описал правильную дугу и с треском разлетелся, ударившись о скалистый выступ. Дэйи сразу понял все выгоды такой тактики. Огонь бластеров не разбирает, где друг, где враг, и может убить или покалечить Рипа. А умело брошенный камень не только способен сбить человека с ног, но и маскирует нападающих — естественно предположить, что в засаде сидят лимбеанцы.

Кости обогнул подножие утеса и укрылся под площадкой, где сидел Мура. Дэйи спустился вниз, пересек лощину и, торопливо набрав булыжников, спрятался в расселине на высоте человеческого роста.

Они едва успели занять позицию, как в лощине появился краулер. Скрежеща гусеницами по щебню, он выкатился из-за поворота и стал с треском продираться сквозь кустарник. Но, выбравшись из кустов, водитель резко затормозил. Видимое, его радиотелефон был включен, потому что в наушниках Дэйи вдруг громко прозвучали его слова:

— Гляди-ка! Это же машина Снолла! Какого черта!..

Один из гангстеров, охранявших Рипа, спрыгнул с платформы и направился было к перевернутой машине. И в этот момент Мура дал сигнал. Здоровенный булыжник треснул гангстера по шлему, и тот, потеряв равновесие, ухватился обеими руками за гусеницу. Дэйи сейчас же швырнул в него второй камень и еще один бросил в водителя.

Все они разом заорали, и Рип немедленно вмешался в события. Руки у него были связаны за спиной, но он всем телом бросился на второго охранника, и оба они повалились с платформы. Водитель включил двигатель, краулер рванулся вперед под градом камней.

Первый гангстер, спотыкаясь, догнал машину и вскарабкался на платформу, второй все еще боролся с Рипом. Ему удалось наконец повалить Рипа на спину, и он, оскалившись, потащил из кобуры бластер. В то же мгновение лицо его превратилось в кровавую кашу, и он, дико вскрикнув, опрокинулся навзничь. Первый гангстер обернулся на крик.

— Кранер! Эти твари убили Кранера!.. Да не останавливайся!.. Черт с ним, с этим торговцем!.. Гони, пока до нас не добрались!..

И водитель погнал. Краулер быстро уходил вверх по лощине в сторону гор. Непонятно, почему гангстеры даже не воспользовались бластерами — видимо, их совершенно ошеломило неожиданное нападение и гибель одного из своих и они думали только о спасении. Через минуту они уже скрылись за поворотом, и тут Кости выскочил из своего укрытия и побежал к Рипу, Дэйн — за ним.

Шэннон лежал на боку, руки его были неестественно вывернуты за спину и скручены. Один глаз, окруженный огромным черным синяком, не открывался, разбитые губы кровоточили.

— Здорово, брат, тебе отделали... — пробормотал Кости, разрезая веревки.

— Они... подстерегли меня... — невнятно произнес Рип, еле шевеля окровавленными губами. — Я уже почти добрался... И тут они меня сцапали. Они держат «Королеву» каким-то лучом...

Дэйн просунул руку Рипу под плечи и помог ему сесть. Тот застонал и вскрикнул от боли, прижимая ладонь к боку.

— Что там у тебя еще? — спросил Кости и протянул руку, чтобы растегнуть на Рипе куртку. Но Рип отстранил его.

— Сейчас все равно ничего нельзя сделать... Мне сломали ребро... или два... Этот луч притягивает корабли...

— Мы уже знаем, — сказал Дэйн. — Мы здесь взяли пленного. Он вел вон тот краулер. Он нам все рассказал. Может, он нам еще пригодится... Ты можешь идти?

Подошел Мура.

— Да, пора уходить, — сказал он. — Радиотелефоны у них были включены, так что, возможно, вся их банда уже знает о нападении.

Поддерживая Рипа, они вернулись в укрытие, где их ждал Вилкоккс.

— Ты ничего не знаешь о Камиле? — спросил Кости.

— Али у них, это точно, — ответил Рип. — Мне кажется, он там, где их главная группа. У них здесь много народу. Они, если захотят, смогут держать «Королеву», пока она не заржавеет.

— Об этом мы уже знаем от Снолла, — мрачно сказал Вилкоккс. — Правда, он клянется, что не знает, где эта установка. По-моему, врет.

Тут связанный Снолл принялся извиваться и мычать сквозь кляп, видимо пытаясь сказать, что не соврал.

— В конце этой лощины есть вход в их казармы и складские помещения, — сказал Рип. — Наверное, где-нибудь там и находится установка.

Дэйн ткнул извивающегося Снолла носком сапога.

— А нельзя обменять этого типа на Али? Или, на худой конец, заставить его показать место?

— Сомневаюсь, — ответил Рип. — Это зверье, а не люди. Плевали они на вашего Снолла.

Налитые кровью глаза над кляпом выразили полное согласие с этим

утверждением. Снолл ни на грош не верил в товарищеские чувства своих приятелей. Они и пальцем не пошевелинут, чтобы спасти его, если речь не пойдет об их собственной шкуре.

— Итак, нас пятеро. Из них двое — калеки... — раздумчиво произнес Вилкокс. — Как ты думаешь, Шэннон, сколько всего этих типов может быть в горах?

— Наверное, не меньше сотни, — ответил Рип. — И по-моему, эта банда очень неплохо организована.

Наступило молчание. Потом Кости решительно сказал:

— Если мы будем здесь сидеть, то просто подохнем с голоду без всякого толку. Я за то, чтобы рискнуть. Должно же нам когда-нибудь повезти!..

— Пусть Снолл покажет нам, куда идти, — предложил Дэй. — По крайней мере хоть что-нибудь узнаем...

— Если бы только у нас была связь с «Королевой»! — Вилкокс с досадой стукнул себя по колену кулаком.

— Солнце высоко, — сказал Мура. — Можно попытаться.

Он сходил к брошенному краулеру и отвинтил никелированную металлическую пластину, служившую спинкой водительского сиденья. С помощью Дэйна он втащил это импровизированное зеркало на вершину утеса. Там они установили зеркало и, поймав солнечный луч, бросили его через полторы мили, отделявшие их от «Королевы».

— Я думаю, должно получиться, — улыбнулся Мура. — Это не хуже наших фонариков. И если только у гангстеров нет глаз на затылке, они ничего не заметят.

Но сначала надо было покончить с другими приготовлениями. Все собрались возле краулера Снолла. Машина оказалась в порядке. Надо было только стащить ее со скалы и приладить соскочившую гусеницу. И пока Вилкокс, Рип, Кости и пленник оставались у краулера, Дэй и Мура вернулись на утес, где им пришлось немало попыхтеть, прежде чем удалось дважды передать на «Королеву» свое сообщение.

Теперь оставалось только ждать какого-нибудь сигнала, означающего, что сообщение получено, — до тех пор они не могли действовать.

И они дождались, когда Дэй совсем уже потерял надежду. Круглые иллюминаторы на бортах «Королевы» засверкали вспышками. Над постом, расположенным между утесом и «Королевой», взвился столб дыма, раздался грохот. Да, сообщение было получено, и теперь капитан Джелико отвлекал на себя внимание противника, давая группе Вилкокса возможность произвести неожиданный и отчаянный налет на штаб-квартиру Рича.

На краулере Снолла нашлось место для всех. Кости сел за пульт управления, а связанного пленника втиснули между Дэйном и Мурой. В отличие от краулера торговцев на платформе этой машины были поручни, за которые было очень удобно держаться, когда краулер, кренясь и подпрыгивая, двинулся по изрытому дну лощины.

Дэй внимательно следил за кустарником, покрывавшим склоны. Он не забыл нападения лимбеанцев. Возможно, эти существа действительно вели ночной образ жизни, но могло быть и так, что они до сих пор сидели в засаде, готовые напасть на любую небольшую группу землян.

Лощина извивалась и делалась все уже. Краулер полз теперь почти все время по дну ручья, вода временами заплескивалась на платформу. Этой

дорогой, по-видимому, так же часто пользовались, как и тесным ущельем за развалинами города,— на выступах скал виднелись царапины, гравий по берегам потока был изрыт гусеницами.

Ручей вдруг распался на несколько водопадиков, вливавшихся в небольшой мелкий водоем, а за водоемом на пути краулера поднялась, перегораживая лощину, сплошная отвесная стена. Кости остановил краулер, выдернул кляп изо рта Снолла и требовательно спросил:

— Ну, умник, что надо сделать, чтобы проехать дальше?

Снолл, облизывая распухшие губы, смотрел на него с вызовом. Он был связан, беспомощен, но самоуверенность почему-то вернулась к нему.

— Сами догадайтесь, если вам надо,— ответил он.

Кости вздохнул.

— Время тратить неохота, дружочек,— сказал он.— Но будь уверен: если мне надо чего-нибудь от тебя добиться, то я добьюсь...

Он не успел договорить: в дюйме от его уха просвистел камень, и в тот же миг другой камень попал Сноллу по спине, так что тот взвыл от боли.

— Лимбеанцы! — крикнул Дэйн.

Он выхватил гипноизлучатель и повел им по стенам лощины, откуда, как ему показалось, летели камни.

Огромный булыжник с треском ударился в корпус машины, и Вилкокс, обхватив Рипа, перевалился с ним прямо в воду, стараясь укрыться за гусеницами. Мура уже стоял по колено в воде и спокойно, как ни в чем не бывало, с деловитой аккуратностью поливал из гипноизлучателя зеленую стену кустарника.

И тут Кости совершил ошибку. Чтобы дать пленнику возможность поскорее добраться до укрытия, он разрезал на нем веревки. Но вместо того, чтобы соскочить с платформы и бежать, Снолл рванулся к панели управления и с размаху стукнул кулаком по какой-то клавише. Стены ущелья огласились высоким пронзительным воем. От этого воя у всех заныли зубы, и Дэйн едва удержался от того, чтобы зажать уши руками.

И тут произошло невероятное: монолитная стена, запиравшая лощину, вдруг разверзлась, открыв широкий проем во тьму. Ошеломленные торговцы не успели опомниться, как Снолл со всех ног кинулся в этот проем.

С нечленораздельным ревом Кости рванулся за ним. Дэйн спрыгнул с платформы и побежал вслед за Кости. Он нырнул в темноту и сразу ослеп после яркого солнечного света, но продолжал бежать, слыша впереди буханье ботинок Кости и отдаленный топот Снолла. Гангстер оказался прекрасным бегуном.

Пробежав десяток шагов по прямому коридору, Дэйн опомнился. Он позвал Кости, и его голос гулким эхом отдался где-то в глубине туннеля. Кости не остановился, он продолжал преследовать Снолла.

Дэйн в нерешительности оглянулся назад. Стоит ли разделяться? Может, сходить и привести сюда краулер?.. Или все-таки бежать за Кости?.. Он еще успел заметить, как в туннель из озаренной солнцем лощины неторопливо вошел Мура, и вдруг — к ужасу Дэйна — проход снова закрылся — не стало солнечного света, не стало внешнего мира...

— Двери! — завопил Дэйн и с энергией, с которой он только что преследовал Снолла, устремился туда, где еще недавно был выход. Железная рука Муры остановила его.

— Не надо волноваться,— сказал стюард.— Никакой опасности нет. Вилкоксу и Шэннону ничто не грозит. У них есть гипноизлучатели, и они знают, как отпереть скалу... если понадобится. Но где же Карл? Куда он девался?

Спокойный тон Муры сразу отрезвил Дэйна. Маленький японец вел себя так уверенно, что Дэйну стало стыдно за свой страх.

— Он побежал за Сноллом...

— Будем надеяться, что он его догонит. Здесь, в пещере я предпочел бы иметь Снолла под рукой. Кроме того, если Снолл успеет предупредить своих, нам будет совсем худо.

Тут только Дэйн заметил, что в туннеле довольно светло. Сумеречный свет струился от гладких стен и от потолка.

Они зашагали вперед и вскоре обнаружили, что туннель круто сворачивает влево. Дэйн прислушался в надежде уловить топот бегущих, но через некоторое время услышал чьи-то размеренные шаги. Навстречу им шел Кости, лицо его выражало разочарование.

— Где Снолл? — спросил Дэйн.

Кости скривил лицо:

— Сбежал. Проскочил сквозь одну из этих проклятых стен...

— Далеко? — спросил Мура и, не дожидаясь ответа, устремился вперед.

— Там был проход,— рассказывал Кости.— Он проскочил, и стена закрылась у меня перед носом... Теперь нам его не догнать. Разве что мы притащим эту свистульку с краулера...

Они остановились перед глухой стеной, превратившей коридор в тупик. Дэйн потрогал стену. Это был не камень. Стена была из того же материала, что и здания разрушенного города.

— Здесь?.. — спросил Мура, постучав пальцем по гладкой поверхности. Кости угрюмо кивнул.— Ни щели, ни зазора...

Глухая вибрация, к которой они уже настолько привыкли, что почти ее не замечали, мерно сотрясала пол под ногами. Эта вибрация, узкий коридор, сумеречный свет — Дэйн физически ощущал, что они попали в ловушку.

— Похоже, что мы влипли,— прогудел Кости.— Как насчет того, чтобы вернуться в лощину? Где Вилкокс и Шэннон?

Дэйн рассказал. Он тоже надеялся, что Вилкокс догадается включить эту иерихонскую трубу, отворяющую стены. Почти бессознательно, просто для того, чтобы быть поближе к выходу, он двинулся обратно. Вот поворот, где они свернули из главного туннеля. А где же туннель? Туннеля не было. От него осталась ниша глубиной в метр.

Не веря своим глазам, Дэйн постучал костяшками пальцев в это новое препятствие. Нет, это не галлюцинация. Прочная, сплошная стена. Позади слышался сдавленный крик. Дэйн обернулся и увидел, что в нескольких шагах воздвигается еще одна стена, грозя запереть коридор, где находились его товарищи.

Не помня себя, Дэйн ринулся в оставшуюся узкую щель. Он бы, наверное, не успел, но Кости со всей силой ухватился за край надвигающейся стены и на несколько мгновений задержал ее движение. Только на несколько мгновений... Слышался щелчок, и они оказались заперты со всех сторон.

— Ловко они нас,— проговорил Кости.— Теперь им остается только прийти сюда и взять нас голыми руками.

Мура пожал плечами.

— Во всяком случае, мы теперь можем не сомневаться, что Снолл поднял тревогу,— сказал он.

Стюард был совершенно спокоен. Кости начал выстукивать стены, словно надеясь найти скрытый механизм, приводящий их в движение.

— Не трудитесь,— сказал ему Мура.— Они, конечно, управляются дистанционно... Как ни забавно, но эти типы, вероятно, воображают, что держат нас в руках.

— А на самом деле — нет? — с надеждой спросил Дэйн.

— Сейчас посмотрим... Итак, наружный вход управляется акустическим устройством. Тан считает, что акустические шумы установки лежат главным образом в ультразвуковой области. Исходя из этого, можно попытаться подобрать ключ к этому капкану...

Он расстегнул куртку и принялся шарить во внутреннем нагрудном кармане, где торговцы обычно носят свои ценности. Наконец он извлек белую трубочку из слоновой кости. Трубочка была не более трех дюймов длиной.

Кости перестал стучать.

— А,— сказал он.— Знаменитый манок!

— Совершенно верно. Этой трубочкой я приманивал бабочек на Кармули. А здесь попробуем применить ее для других целей.

Он приложил манок к губам и подул в него. Но они не услышали ни звука. Слабая надежда, мелькнувшая было у Кости, уступила место разочарованию.

— Ничего не выйдет,— сказал он.

— Вы слишком нетерпеливы, Карл,— улыбнулся Мура.— У меня здесь десять ультразвуковых тонов. Пока я опробовал только один. Вот когда и остальные откажут, будем говорить о неудаче.

Последовали томительные минуты тишины. Ничего не происходило.

— Пустая затея,— покачал головой Кости.

Но Мура не обратил на него внимания. Время от времени он опускал свою дудочку, отдыхал немного, а потом снова принимался дуть в нее. Дэйн был уверен, что все десять тонов уже давно опробованы, но стюард, видимо, не унывал.

— Было уже больше десяти,— сердито заявил Кости.

— Сигнал, который открыл проход в лощине, состоял из трех тонов,— терпеливо пояснил Мура.— Возможно, такая же комбинация применена и здесь.

Кости уселся на пол, всем своим видом показывая, что не желает участвовать в этой бесполезной затее. Дэйн опустился на корточки рядом с ним. Но терпение Муры, казалось, было неисчислимо. Прошел час, потянулся второй... Интересно, как сюда проникает воздух, подумал Дэйн. Видимо, как и свет, через стены. Дышится легко.

— Эта дудка ничем нам не поможет,— сказал наконец Кости со злобой.— Смешно же надеяться каким-то паршивым манком одолеть эту... — он с размаху стукнул кулаком в стену коридора.

И стена медленно сдвинулась, открыв узкую темную щель высотой в человеческий рост.

ЛАБИРИНТ

— Есть! — радостно воскликнул Дэйн, улыбаясь Муре, а Кости немедленно вцепился в край щели, изо всех сил стараясь расширить ее. Стена подавалась туго.

— А все-таки это выход не туда... — упрямо пропыхтел он.

— Да, это выход не в тот коридор, — согласился Мура. — Но это выход из ловушки, и пренебрегать им не стоит. Кроме того, судя по вашим усилиям, Карл, этим выходом давно не пользовались. Поэтому для нас он удобнее. Видимо, мне удалось наткнуться на сочетание тонов, которое здесь редко применяют.

Он тщательно обтер манок и спрятал его во внутренний карман.

Как ни тужился Кости, но расширить щель ему удалось лишь ненамного. Мура пролез в нее без труда, а Дэйну и особенно Кости пришлось протискиваться. Был момент, когда казалось, что Кости вообще застрянет. Только сняв с себя ремни со снаряжением и кобурой и сбросив куртку, гигант сумел, обдирая кожу, пробраться к товарищам. Они оказались в новом коридоре, более узком, чем прежний. Стены здесь тоже излучали сумеречный свет, но пол под ногами был покрыт слоем тончайшей пыли.

Мура достал фонарик и осветил вперед. Всюду лежала пыль, и на ней не было никаких следов. Вероятно, этим коридором очень давно никто не проходил — быть может, с тех самых пор, как Предтечи оставили свою горную цитадель.

— Эй! — испуганно вскрикнул Кости.

Они оглянулись. Проход исчез, они снова были отрезаны.

— Опять нас поймали! — хрипло сказал Кости. Но Мура покачал головой.

— Не думаю. Просто сработал какой-то автомат. Мы прошли, и дверь закрылась... Да, этим коридором не пользуются. Скорее всего Рич и его приятели даже не знают о его существовании. Что ж, посмотрим, куда он нас приведет.

И Мура бодро зашагал вперед. Коридор шел параллельно главному туннелю. Стены были совершенно гладкие, но Дэйн подумал, что в них может таиться множество дверей, и каждая настроена на определенное сочетание ультразвуковых сигналов. Впрочем, проверять это не было ни времени, ни желания.

— Ветер... — негромко сказал Мура.

Дэйн уже и сам ощутил встречное движение воздуха. Холодного воздуха. Чуть сдобренного запахами зелени.

Они устремились вперед и скоро обнаружили в стене квадратное отверстие, из которого с шуршащим гулом била воздушная струя.

— Вентиляция! — сказал Кости. Он вытащил фонарик и сунул голову и плечи в черную дыру. — Здесь можно пролезть, — сообщил он, светя в темноту фонариком.

— Ладно, запомним, — заметил Мура. — Но сначала давайте дойдем до конца коридора.

Через двадцать минут они уперлись в стену. На этот раз Кости не упал духом.

— Ну, Фрэнк, достань-ка свою дудку, — сказал он. — Пусть этот сезам откроет нам путь...

Но Мура не торопился доставать манок. С фонариком в руке он обследовал преграду. Перед ними была не гладкая поверхность — дело рук Предтеч, а грубый, шершавый камень.

— Эта стена вряд ли послушается моей дудки, — сказал Мура. — Здесь конец пути.

— Но должен же коридор куда-нибудь вести, — возразил Дэйн.

— Да, — согласился Мура. — В стенах коридора наверняка много ходов, которых мы не видим. Но мы не знаем комбинаций звуков, чтобы их открыть. По-моему, не стоит тратить время на поиски этих комбинаций. Лучше вернемся к воздухопроводу. Если он снабжает воздухом целую систему ходов, возможно, он приведет нас к другому коридору.

Они вернулись к вентилятору. Как и сказал Кости, вентиляционная труба была достаточно велика, чтобы по ней можно было ползти.

Один за другим они залезли в трубу и на четвереньках поползли в темноту, навстречу потоку воздуха. Пыли здесь совершенно не было.

Впереди полз Мура с фонариком в руке. Гладкий пол под ними мерно вибрировал — установка продолжала работать.

Стюард вдруг выключил фонарик и хрипло прошептал:

— Впереди свет...

Когда глаза Дэйна привыкли к темноте, он тоже увидел этот свет — бледный сероватый квадрат. Вентиляционная труба кончалась.

Но когда они подползли поближе, оказалось, что выход забран металлической решеткой. Ячейки ее были достаточно велики, чтобы просунуть руку. Мура прильнул лицом к решетке, и впервые за все время у него вырвалось что-то вроде изумленного возгласа. Дэйн похлопал стюарда по спине, как бы напоминая, что им с Кости тоже хочется посмотреть.

Мура прижался к стене, и Дэйн занял его место. За решеткой открывалось огромное пустое пространство. Казалось, что пустота заполняет всю внутренность горы. Ни свода, ни противоположной стены гигантского помещения не было даже видно, а все дно его — сколько хватал глаз — занимало самое поразительное сооружение, какое Дэйн когда-либо видел.

Сначала Дэйну показалось, что под ним что-то вроде невообразимо огромных пчелиных сот. Но ячейки сильно различались по форме и по размерам. Некоторые были шестиугольные, некоторые же представляли собой неправильные восьмиугольники; одни были полностью замкнуты, другие соединялись проходами. Чем дальше смотрел Дэйн, тем отчетливее возникало у него представление о колоссальном лабиринте, видимом сверху. Но этот лабиринт был проходим! Его можно было пройти поверху, по широким, метровой толщины, стенам, разделявшим ячейки. «Так и придется сделать, — подумал Дэйн. — Пути назад все равно нет...» Он попятился, давая место у решетки Кости.

Кости глянул и крикнул от изумления.

— Для чего все это? — спросил он. — Здесь же нет никакого смысла!

— Да, по нашим понятиям смысла здесь нет, — согласился Мура. — Но построено это на совесть и, следовательно, с какой-то целью. Никто не стал бы строить такое сооружение просто так.

Дэйн протянул руку через плечо Кости и потряс решетку.

— Это придется выломать, — сказал он.

— А потом что? — спросил Кости. — Крыльев-то у нас ведь нет...

— А потом мы спустимся вниз, на стены — они достаточно широкие, и по ним можно идти...

Некоторое время Кости молчал. Затем он ощупал металлические прутья.

— Придется повозиться, — пробормотал он и принялся извлекать из сумки инструменты.

Так, в согнутом положении, они и поели, достав еду из неприкосновенного запаса. Серый свет в пещере не тускнел и не становился ярче, и время суток можно было определить только по часам. Казалось, что это полночь — а часы показывали середину дня. Кости проглотил свою порцию синтепищи и вновь принялся за работу. Полтора часа спустя от отложил инструменты.

— Ну-ка, — пробормотал он и, взявшись за решетку обеими руками, без особых усилий вытолкнул ее наружу. Проход был открыт. Но вопреки ожиданиям Дэйна Кости не полез сквозь отверстие. Вместо этого он отполз назад, пропуская Муру и Дэйна. Мура просунул в отверстие голову, потом оглянулся.

— Слишком высоко для меня, — сказал он. — Около двух метров. Вам придется мне помочь.

Он закинул руки назад, и Дэйн крепко взял его за кисти. Потом стюард ногами вперед сполз в отверстие. Когда он повис, Дэйн заскользил вслед за ним, но Кости обхватил его за ноги.

— Все в порядке, — сообщил Мура и отбежал по стене вправо.

Дэйн просунул ноги в отверстие, готовясь к спуску.

— Счастливого пути, — сказал Кости из темноты.

Голос у него был какой-то странный, и Дэйн остановился.

— То есть как?

— То есть дальше вы пойдете без меня, парень, — грустно и спокойно сказал Кости. — У меня голова не так устроена, чтобы ходить по стенам. Два шага, и я скovyрнусь вниз...

Дэйн совершенно забыл об этой слабости гиганта. Но что делать? Единственный путь отсюда — по стенам, а идти по стенам Кости не может. Но не оставлять же его здесь одного?..

— Слушай, парень, — продолжал Кости. — Вы идите. Если найдете выход, я уж как-нибудь доползу до него. А пока вы будете искать, я буду только мешать. Так что разумнее мне остаться...

Может быть, оно было и разумнее, но Дэйн не мог на это согласиться. Впрочем, Кости не дал ему даже возразить. Он ухватил его за руки и спустил вниз. Дэйн не успел опомниться, как ноги его коснулись стены. Затем Кости разжал руки. Дэйн беспомощно обернулся к Мура.

— Кости остался. Говорит, ему здесь не пройти.

Мура кивнул.

— Да, сейчас бы он не смог здесь пройти. Но если мы найдем выход, мы вернемся и заберем его. Без него мы пойдем быстрее, и Кости это понимает...

Все еще чувствуя себя предателем, Дэйн неохотно последовал за стюардом, который с кошачьей легкостью и ловкостью ступал по плоской поверхности, направляясь к центру лабиринта. Стены были метров шесть высотой, помещения и коридоры, которые они образовывали, были совершенно пусты. Можно было подумать, что за много веков сюда не ступала человеческая нога, но Мура вдруг негромко вскрикнул и направил луч фонарика вниз, в глубину узкого прохода.

Свет упал на кучу белых костей, на голый череп с пустыми черными глазами. Нет, по крайней мере одно существо побывало в этом лабиринте и осталось здесь навсегда.

В луче фонарика темнело какое-то тряпье, тускло поблескивала пряжка из никелированного металла.

— Узник...— проговорил Мура.— Да, в этом лабиринте человек может бродить до самой смерти и так и не найдет выхода...

— Вы думаете, он лежит здесь с того самого времени...— неуверенно произнес Дэйн, затрудняясь сказать когда именно произошла катастрофа на Лимбо и был разрушен город.

— Нет. Ведь это был человек, такой же, как и мы. Конечно, он лежит здесь давно, но он не из тех, кто строил этот лабиринт...

И они пошли дальше, переходя со стены на стену. Одни стены уводили их от направления на центр, а другие возвращали — изгибались, ломались, сближались, расходились. Оба они внимательно смотрели вниз. Дэйн уже понял, что пространство, занятое удивительным сотоподобным сооружением, гораздо больше, чем казалось из воздухопровода. Площадь лабиринта составляла, вероятно, несколько квадратных миль. Несколько квадратных миль причудливо изломанных стен, огораживающих пустоту.

— Должна же быть какая-то цель... — бормотал Мура на ходу.— Какая-то задача... Но какая? Все линии какие-то неправильные... как у построек в городе... Это — сооружение Предтеч, но для чего оно?..

— Тюрьма? — предположил Дэйн.— Вы же сами сказали, человеку отсюда вовек не выбраться. Здесь и тюрьма, и способ казни.

— Нет,— сказал Мура.— Слишком все это велико. Люди не станут строить таких зданий только для того, чтобы управляться с преступниками. Для свершения правосудия существуют более простые и экономичные способы.

— А может, Предтечи были не люди,— возразил Дэйн.

— Может быть, не такие люди, как мы... но что мы понимаем под словом «люди»? Мы называем людьми разумные существа, которые в той или иной степени способны властвовать над окружающей природой и над своей судьбой. В этом смысле Предтечи были, несомненно, людьми, и никто не убедит меня, что они построили эту громадину только для того, чтобы держать здесь своих преступников и казнить их.

Ни Дэйн, ни Мура не боялись высоты, но тем не менее не решались идти слишком быстро. Дэйн обнаружил, что нельзя долго смотреть под ноги — начинала кружиться голова, подташнивало и приходилось останавливаться, заирать голову и некоторое время отдыхать, глядя в безликую серую пустоту вверху. И все время они ощущали вибрацию, биение пульса могучей машины, скрытой где-то во чреве горного хребта, в гигантских подземельях этой фантастической крепости, частью которой, и немаловажной, видимо, был этот лабиринт. А неправильные, как выразился Мура, линии лабиринта порождали в душах людей тревогу и страх.

Второй труп они обнаружили часа через два. На этот раз луч фонарика выхватил из темноты форменную куртку с эмблемой Службы изысканий.

— Не знаю, что строили Предтечи,— угрюмо сказал Дэйн,— но теперь-то ясно: это определенно тюрьма.

— Смотрите, он здесь уже несколько месяцев,— сказал Мура, но Дэйн не

стал смотреть.— Возможно, он с «Римболда»... А может, с какого-нибудь другого корабля...

— Кораблей здесь погибло много,— сказал Дэйн,— так что держу пари, что и трупов здесь хватает.

— Что верно, то верно,— сказал Мура, поднимаясь с колен.— Ну что ж, помочь этому бедняге мы уже не можем... Пошли.

Дэйн только того и ждал. Он рванулся был вперед, но стюард вдруг поднял руку и громко скомандовал:

— Стоп!

Дэйн послушно остановился. Стюард напряженно прислушивался к чему-то. И тогда Дэйн тоже услышал: топот ног, кланье магнитных подковок по камню. Звук был такой, словно идущий пошатывался и спотыкался на ходу. Мура постоял, потом свернул вправо и быстро пошел обратно в том направлении, откуда они пришли.

Звуки шагов вдруг затихли, и Мура завертелся на месте, как охотничий пес, потерявший след. Он сделал несколько неуверенных шагов по одной стене, вернулся и пошел по другой, светя фонариком в тьму под ногами.

Потом он стоял и ждал, пока снова не послышался звон магнитных подковок. Теперь это были медленные, с большими перерывами шаги, будто идущий совсем выбился из сил. Еще один бедняга блуждает по лабиринту. Если бы только найти его... Дэйн бросился туда, откуда, как ему казалось, доносился шум шагов узника.

Но в этом лабиринте звук был очень неверным ориентиром. Стены отражали и заглушали его, так что определить можно было только самое общее направление. Мура и Дэйн двигались параллельно, стараясь держаться так, чтобы между ними оставалось не больше двух помещений. Теперь они шли медленно, освещая каждый уголок внизу.

Наконец, на дне шестиугольной комнаты со стенами неравной длины Дэйн заметил какое-то движение. Он посветил. Узник стоял, пошатываясь; голова его была опущена, он держался рукой за стену.

— Сюда! — позвал Дэйн стюарда.

Человек сделал несколько неверных шагов, наткнулся на другую стену и со стоном упал ничком. Он лежал на дне глубокого колодца, а Дэйн глядел на гладкие стены и думал, как же спуститься вниз, чтобы помочь ему.

Подбежал Мура, двигаясь с такой легкостью, словно всю жизнь только и делал, что бегал по стенам лабиринтов. Теперь распростертое тело освещали два фонарика, и в их свете они отчетливо увидели, что человек внизу одет в изодранную желтую куртку Торгового флота. Это был вольный торговец, такой же, как они сами. Они не были уверены, заметил ли он свет фонариков, но он вдруг застонал и перевернулся на спину. Видимо, его зверски и умело избивали — лицо у него было опухшее, покрыто синяками и запекшейся кровью. Дэйн, может, и не узнал бы его, но Мура не колебался ни секунды.

— Али!

Возможно, Камил услышал этот возглас, а возможно, огромным усилием воли заставил себя очнуться — он снова застонал и попытался разглядеть их сквозь заплывшие веки, а потом произнес что-то неразборчивое, еле шевеля разбитыми губами.

— Али! — позвал его Мура.— Мы здесь. Вы меня слышите?

Задирая к ним черное лицо, Камил с трудом произнес:

— Кто?.. Не вижу...

— Мура и Торсон! — стараясь говорить отчетливо, ответил стюард. — Вы меня понимаете? Мура и Торсон!

— Ничего не вижу... ослаб... голоден...

— Как же мы спустимся? — спросил Дэйн. Если бы у них были тросы! Но они остались на краулере...

Мура отстегнул свой ремень.

— У нас два ремня, — сказал он.

— Но их же не хватит!..

— Да, не хватит, но мы посмотрим...

Стюард соединил ремни пряжками и сказал:

— Вам придется спустить меня туда. Удержите?

Дэйн с сомнением огляделся. Зацепиться на стене было совершенно не за что. Если стюард его перевесит, они вместе свалятся вниз. Но иного выхода не было.

— Постараюсь...

Он лег на живот, вцепился левой рукой и носками ботинок в закраины стены и намотал конец ремня на правую руку. Тем временем Мура вытащил бластер и отрегулировал разрядное устройство.

— Ну, я пошел, — сказал он и стал спускаться.

Когда он повис, Дэйн стиснул зубы, мускулы в плечах нестерпимо запыли, хрустнули суставы. Затем жаркая вспышка опалила ему лицо, и он поспешно закрыл глаза и отвернулся. Нос и глотка наполнились едкими испарениями. Теперь он понял, что задумал Мура — стюард выжигал бластером ступеньки в стене.

СЕРДЦЕ ЛИМБО

Внезапно тяжесть в руке исчезла. Дэйн с облегчением перевел дух и поглядел вниз. На гладкой поверхности стены он увидел вертикальный ряд щелей — черных, остывших вверху и все еще раскаленных, багрово светящихся внизу. Онемевшие пальцы разжались, и ремни упали на пол.

Когда последние ступеньки остыли и тоже почернели, Дэйн натянул перчатки и полез вниз. Спускаться было нетрудно. Правда, Мура вырезал последнюю ступеньку примерно на высоте человеческого роста, но это уже было не страшно.

Мура распаковал походную аптечку и начал обрабатывать избитое лицо Али.

— Свет, пожалуйста! — нетерпеливо бросил он Дэйну через плечо. — Возьмите фонарик и посветите мне.

Дэйн светил, пока стюард оказывал Али первую помощь. Вскоре Али разлепил веки, страшная опухоль чуть опала. Его накормили и дали глоток ионизатора. Улыбаться он еще не мог, но когда заговорил, в голосе его слышались нотки обычной иронии:

— Откуда вы взялись? Прилетели на флиттере?

Мура поднялся на ноги, поглядел в серую пустоту над головой и серьезно ответил:

— Нет. Но флиттер бы здесь пригодился.

— Да, что верно, то верно... — проговорил Али. Говорить ему было трудно,

но он упрямо продолжал: — Я уж думал, мне конец... Когда этот подлец Рич засунул меня сюда, он сказал, что умный человек выход отсюда найдет, а дурака не жалко... Но, по-моему, тут никакой ум не поможет, если у тебя нет крыльев...

— А что у них здесь? — спросил Дэйн. — Тюрьма?

— И тюрьма, и еще кое-что... Вы знаете, что происходит на этой планете? — голос Али задрожал от возбуждения. — Они нашли здесь установку Предтеч — она до сих пор работает! Захватывает любой корабль в пределах досягаемости, и все они разбиваются. После этого банда Рича обирает их до нитки...

— Да, мы знаем, — сказал Дэйн. — Этой установкой они пригвоздили нашу «Королеву». Стоит только ей подняться, как она попадет в их сети.

— Ах, вот оно что... — проговорил Али. — То-то машина теперь работает у них без передышки... Я подслушал один разговор — еще до того, как меня сюда бросили, — они спорили, сможет ли она работать так долго без перерыва. Думаю, обычно она включается и выключается автоматически, по какой-то программе... Но они в ней не разбираются... А ключ ко всему — где-то здесь, в этом проклятом лабиринте...

— Установка здесь, в лабиринте? — переспросил Мура и огляделся, словно ожидал, что стены лабиринта тут же откроют ему свои секреты.

— Либо вся установка, либо какая-то важная ее часть... — подтвердил Али. — Через лабиринт до нее можно добраться. Только мы не знаем дороги... Я уже давно здесь брожу и дважды слышал человеческие голоса — один раз совсем рядом, за стеной. Но мне так и не удалось найти правильный путь... — Али вздохнул. — Господи, я уж совсем подыхал, когда вы вдруг свалились на меня прямо с неба.

Дэйн застегнул ремень, достал бластер и, отрегулировав разрядник на малое напряжение, принялся вырезать недостающие ступени в стене.

— Ничего, — сказал он. — Сейчас мы ее поищем...

— Вы поищите, — сказал ему Мура. — Вы отправитесь искать и найдете. При этом избегайте всякого риска. Али пока не может пройти поверху. Вы найдете тот путь, о котором говорит Али, а затем вернетесь и покажете нам дорогу. Мы пойдем низом...

Это было разумно. Дэйн кивнул и присел на корточки, дожидаясь, когда остынут раскаленные ступеньки. Мура рассказал Али обо всем, что произошло с того момента, как его схватили. Али в свою очередь принялся рассказывать о том, что с ним стряслось.

— Они поджидали меня в засаде. Их было двое, и они разом насели на меня... — Он откровенно стыдился собственной неосмотрительности. — У них до черта летательных аппаратов. Что аппараты! Великий Космос, да Лимбо — это склад техники Предтеч! Рич со своей бандой пользуется этими машинами, а сам не знает ни их назначения, ни как они действуют, ничего! Эти горы — настоящая сокровищница!.. Ну ладно... Когда я очнулся, меня везли связанного на таком червяке-краулере, вы, верно, их видели... Потом у меня был небольшой разговор с Ричем и несколькими его опытными палачами... — Али не вдавался в подробности, но на лице его сохранились красноречивые следы этой встречи. — Затем они отпустили несколько острот, и меня впихнули сюда, и с тех пор я так и ходил кругами по этим коридорам... Но вот что главное: Лимбо — то самое, за чем Федерация охотится многие годы.

Техника Предтеч, новенькая, с иголки... Если мы когда-нибудь отсюда выберемся...

— Да, прежде всего нужно отсюда выбраться,— прервал его Мура.— А еще прежде нам надо отыскать установку...

Дэйн посмотрел вверх, на край стены.

— А как я вас найду?

— По пеленгу. И кроме того... — Мура достал фонарик, поставил его на пол рефлектором вверх и включил на малую мощность.— Когда заберетесь, посмотрите. По-моему, видно будет хорошо.

Цепляясь за края выжженных ступенек, Дэйн забрался на стену и выпрямился. Да, узкий луч фонарика бил прямо в зенит, совершенно так же, как луч маяка на «Королеве». Дэйн помахал рукой Али и Муре и пустился в путь. Стены изгибались, уводя его то вправо, то влево, но он все время держался направления на центр лабиринта, где, как полагал Али, находилось сердце установки. Он внимательно следил за коридорами лабиринта, но ему так и не удалось заметить ни одного, который не кончался бы тупиком. Возможно, некоторые из этих тупиков можно было бы открыть ультразвуковым свистком, но для постороннего глаза все они казались одинаковыми и непроходимыми.

Потом Дэйн заметил, что вибрация под ногами усиливается. Видимо, он приближался к источнику этого ритмичного биения. Вдруг впереди показалось странное сияние, подсвечивающее серую мглу. Это был не прожектор, сияние скорее напоминало излучение стен в коридорах, но оно было гораздо сильнее. Он замедлил шаги и стал ступать с особенной осторожностью, боясь выдать себя клацаньем магнитных подков.

Прежде всего он увидел двойную стену, огораживающую обширное пространство овальной формы. Стены отстояли примерно на метр друг от друга. Дэйн рискнул перепрыгнуть на внутреннюю стену, опустился на четвереньки и, осторожно вытянув шею, заглянул внутрь овального зала. То, что ему открылось, поразило его.

Там были машины — огромные башнеподобные чудища, заключенные в блестящие металлические кожухи. А треть поверхности стены напротив занимал пульт управления — россыпь циферблатов, клавиш, кнопок, мерцающих ламп и в центре широкий экран, напоминающий главный видеоэкран на «Королеве». Но экран этот был совершенно черный, и голубые искры зигзагами пробегали по нему сверху вниз.

В зале было три человека, все трое глядели на экран. Дэйн узнал Салзара Рича и ригелианина, который прибыл вместе с ними на «Королеве». Третьего, сидевшего перед экраном в кресле, положив руки на панель с клавиатурой, Дэйн никогда раньше не видел.

«Вот оно, гнусное сердце Лимбо, превратившее планету-пепелище в угрозу для этого уголка космоса!.. И пока это сердце бьется, «Королева» находится в опасности, и мы ничего не можем сделать. Впрочем, так ли уж мы беспомощны? — По спине Дэйна пробежал холодок возбуждения.— Ведь Рич управляет машиной, хотя толком в ней не разбирается. А в опытных руках она может стать безвредной... Что если попытаться подсмотреть, как это делается, и освободить «Королеву» из плена?»

Дэйн лег на живот и подполз поближе к собравшимся. Голубые огоньки продолжали мелькать на экране, и тройка гангстеров сосредоточенно и с

беспокойством следила за ними. Они не трогали ни клавиш, ни кнопок, только смотрели на экран и молчали.

Несколько минут Дэйн лежал, распластавшись на стене, и вдруг в глубине лабиринта послышался топот бегущих ног. Дэйн приподнял голову и увидел еще одного гангстера — он выскочил из кривого коридора в многоугольную комнату, примыкавшую к внешней стене овального зала. Перед стеной гангстер остановился и, задрав голову, заорал что было мочи, так что голос его гулким эхом отдался в глубине пещеры:

— Салзар!

Рич вздрогнул от неожиданности, протянул руку и нажал какую-то кнопку сбоку панели. Стены расступились и пропустили вновь прибывшего.

— В чем дело? — с холодным раздражением спросил Рич.

Запыхавшийся гангстер отдувался, мясистое лицо его было багровым.

— Сообщение Алгара, шеф, — проговорил он наконец. — Алгар приближается... а на хвосте у него висит полицейский крейсер...

— Полицейский крейсер? — Человек, сидевший перед экраном, резко повернулся. Челюсть у него отвалилась.

— Вы их предупредили, что машина включена? — спросил Рич.

— Конечно, предупредили. Но он не может больше маневрировать. Либо он сядет, либо его настигнут...

Некоторое время Рич стоял молча, поглядывая на экран. Регилианин проворчал:

— Сколько раз я говорил, что надо установить радиостанцию здесь!

— А что бы ты делал с радиопомехами?.. — начал было человек в кресле.

Но его прервал Рич. Резким повелительным тоном он обратился к посыльному:

— Возвращайся наверх и передай Дженнису, чтобы он сообщил Алгару следующее. Ровно через два часа... — он взглянул на часы, — ровно через два часа мы выключим машину. Выключим ровно на час. За этот час он должен успеть сесть. Неважно, если он при посадке повредит свое старое корыто, — сам-то он спасется, я уверен. Потом мы снова включим машину и разобьем крейсер. Повтори.

— Два часа... Затем выключается на час... Он должен успеть сесть... Затем включается... — отбарабанил посыльный. — Ясно!

Он повернулся, выскочил из зала и затопал, удаляясь по коридору.

На мгновение Дэйну захотелось раздвоиться, чтобы пройти за посыльным к выходу из лабиринта. Но сейчас было гораздо важнее узнать, как Рич будет выключать машину.

— Думаешь, Алгару это удастся? — спросил человек в кресле.

— Двенадцать против двух, что удастся, — отозвался ригелианин. — Алгар — отличный пилот.

— Гм... — с сомнением проговорил человек в кресле. — Ему ведь придется войти в поле и включить тормозные двигатели точно в тот момент, когда мы снимем поле... Рискованная штука.

Рич все смотрел на экран. На черной поверхности появились два новых огонька и тотчас беспорядочно задвигались.

Губы Рича шевелились, словно он отсчитывал про себя секунды, глаза перебежали с часов на экран и обратно. Напряжение в овальном зале воз-

растало. Человек в кресле сгорбился, не отрывая взгляда от ряда клавиш под руками. Внезапно ригелианин скользящим бесшумным шагом передвинулся к дальнему краю пульта управления и протянул к какому-то рычагу костлявую голубую руку с шестью пальцами.

— Стой! — крикнул вдруг человек в кресле. — Снова сбой!

Рич грязно выругался. Огоньки на экране заплясали в бешеном танце, и Дэйн почувствовал, что ритм пульсации изменился — машина действительно сбоила. Рич прыгнул к клавишной панели.

— Переключай! — рявкнул он. — Живо!

Человек в кресле повернул к нему лоснящееся от пота лицо.

— Не могу! — заорал он. — Мы же не знаем, почему так получается!..

— Уменьши радиус поля, — спокойно посоветовал ригелианин. Из всех троих он один сохранял хладнокровие. — Помнится, однажды это помогло...

Человек в кресле нажал на две клавиши. Все уставились на экран. Бешеный танец огоньков замедлился, теперь экран выглядел почти таким же, каким его впервые увидел Дэйн.

— Где сейчас проходит верхняя граница поля? — спросил Рич.

— На уровне атмосферы.

— А где корабли?

Человек в кресле взглянул на циферблаты.

— Еще далеко. Они подойдут к пределу досягаемости не раньше чем через час... возможно, через два. Но теперь понадобится время, чтобы восстановить максимальную мощность... Одно утешение: к проклятому торгашу все это не относится — он-то не взлетит.

Рич достал из кармана маленькую коробочку, отсыпал из нее что-то на ладонь и слизнул языком.

— Приятно слышать, — сказал он, — что у тебя хоть что-то идет как надо.

Голос у него был такой, что у Дэйна мурашки пошли по телу.

— Мы же ничего не знаем об этой машине... — оправдываясь, проговорил человек в кресле. — Мы не умеем ею пользоваться. Начать с того, что ее строили Предтечи...

— Когда ты восстановишь максимальную мощность, — если тебе это удастся, — дай мне знать.

«Часа два, тот сказал, — подумал Дэйн. — За эти два часа я успею привести сюда Муру... а может, и Кости... и Али... Этот рычаг, к которому потянулся ригелианин, — он, наверно, управляет чем-то важным... Если бы нам удалось захватить этот зал и этих людей, мы бы смогли узнать о машине все что нужно... и сделали бы так, чтобы полицейский крейсер сел сразу вслед за пиратом... Что же мне делать?»

За него решил Рич. Продолжая жевать свою жвачку, он направился к тайному выходу.

— Так говоришь, два часа? — сказал он через плечо. — Для всех нас будет куда лучше, если ты сократишь этот срок наполовину. Понял? Я вернусь через час, и будь готов к этому времени дать мне полную мощность.

Коротко кивнув ригелианину, Рич вышел.

Теперь Дэйн был готов идти за ним. Он дал Ричу отойти, а затем двинулся следом. Рич шагал уверенно, сразу было видно, что он отлично знает дорогу. Еще до того, как вдали в сером сумраке засветился луч фонарика Муры, Дэйн уже знал формулу пути к выходу из лабиринта. Два поворота

направо, один налево, еще три направо, пропустить один проход. И снова: два поворота направо, один налево и так далее до самого выхода. Рич на глазах у Дэйна проделал этот цикл четыре раза подряд, после чего Дэйн остановился, подождал, когда Рич пройдет вперед, а сам пошел на маяк, к Муре и Али.

Али чувствовал себя гораздо лучше — он уже бодро расхаживал взад-вперед. Дэйн спустился со стены и принялся рассказывать.

— ...Вот так обстоят дела,— закончил он свой рассказ.— Крейсер гонится за пиратом по пятам. Пока они не вошли в атмосферу, ничего не случится, но как только машина наберет максимальную мощность... — он щелкнул пальцами.

— Теперь дело за нами,— сказал Али.— Мы должны во что бы то ни стало выключить эту машину. Полностью.

— Да,— сказал Мура, направляясь к «лестнице».— Но сначала надо доставить сюда Кости...

— Как же мы его доставим? — спросил Дэйн.— Он ведь не может ходить по этим стенам...

— Когда есть только один выход, человек может сделать все что угодно,— ответил Мура.— Вы оставайтесь здесь. Я приведу Кости. Но сначала, Торсон, покажите мне дорогу к машинному залу.

Дэйн снова вскарабкался на стену и довел стюарда до того места, где в последний раз видел Рича. Там он объяснил Муре формулу движения. Мура улыбнулся своей безмятежной улыбкой.

— Очень просто, не так ли? — сказал он.— А теперь возвращайтесь к Камилу и ждите меня... И не делайте никаких глупостей. Все это очень интересно...

Дэйн послушно вернулся на их временную стоянку. Камил сидел на полу, прислонившись к стене, и глядел на фонарик. Когда Дэйн спустился, клацнув магнитными подковами об пол, помощник механика обернулся к нему.

— Добро пожаловать,— сказал он.— И расскажи мне побольше об этой установке...

Он учинил Дэйну настоящий допрос, в результате которого Дэйн был вынужден признаться самому себе, что он еще очень плохой вольный торговец, ибо вольному торговцу надлежит глядеть в оба и замечать все. А он, как выяснилось, не заметил почти ничего. Машину он не разглядел из-за стальных кожухов, в пульте управления совершенно не разобрался, потому что следил не за пультом, а за людьми у пульта. Короче говоря, самое интересное от него ускользнуло, и к тому времени, когда Али прекратил допрос, Дэйн снова ощущал собственную неполноценность, с одной стороны, и прежнюю неприязнь к помощнику механика — с другой.

— Откуда же она все-таки берет энергию? — недоуменно спросил Али.— У нас нет ничего похожего — решительно ничего! Должно быть, они обогнали нас на многие годы, возможно, на целые поколения. Но ничего, теперь мы их нагоним!..

— При условии, что нам удастся завладеть всем этим,— не без иронии заметил Дэйн.— Ведь мы еще не победили.

— Но и поражения не потерпели! — возразил Али.

Роли их явно переменились. Теперь Камил строил воздушные замки, а Дэйн их разрушал.

— Нам бы со Штоцем этот зал хоть на два часа! Нет, черт возьми, нам здорово повезло, что мы купили эту Лимбо!

Было совершенно очевидно: Али и думать забыл, что господином положения пока остается Рич, что «Королева» стоит прикованная к грунту, что противник по-прежнему во много раз сильнее их. И чем лучезарнее представлялось Али будущее, тем мрачнее глядел Дэйн на настоящее. Тихий оклик сверху заставил их обоих поднять головы.

— Мура! — Дэйн вскочил на ноги. Мура не оплошал: Кости стоял рядом с ним, держась за его плечо.

— Тише! — сказал Мура. — Поднимайтесь на стену. И побыстрее. Время не ждет.

Али полез первым, тихонько вскрикивая от боли в разбитом теле. Дэйн подобрал фонарик, включил его на полную мощность и полез следом.

— Теперь мы сделаем так, — сказал Мура. Он снова взял на себя роль командира, которую выполнял с тех пор, как они очутились в подземелье. — Кости и Али пойдут низом, по той дороге, где шел Рич. Мы с Торсоном пойдем по стенам. Они ждут Рича. Кости и Али войдут через дверь, а мы нападём сверху. Главная задача: добраться до рычага и выключить машину. И надо сделать все возможное, чтобы они не смогли включить ее снова. А теперь — вперед!

И они двинулись в путь. Кости шел медленно, цепляясь за плечо стюарда, ноги у него подкашивались. Дойдя до дороги, ведущей к машинному залу, они снова сцепили ремни и спустили Кости и Али в проход.

Сияние над машинным залом служило им отличным ориентиром, и они добрались до овальной стены без всякого труда. Здесь Мура дал знак Кости, и тот, подражая давешнему посыльному, заорал во всю глотку:

— Салзар!

Глаза Дэйна были прикованы к ригелианину. Ригелианин поднял голову и уставился круглыми глазами на то место, где должен был открыться проход. Все должно обойтись хорошо: костлявая голубая рука потянулась к кнопке на краю клавишной панели. А за стеной Кости держал наготове бластер, и безоружный Али стоял позади него.

СЕРДЦЕ ОСТАНОВИЛОСЬ

Стена сдвинулась, Кости прыгнул в образовавшийся проход, и в тот же миг Мура крикнул со стены:

— Ни с места! Вы под прицелом!

Человек в кресле резко обернулся и уставился на Кости, лицо его сделалось похожим на гипсовую маску. Но ригелианин не растерялся. Его рука с неуловимой быстротой метнулась к какой-то другой клавише. Дэйн выстрелил и попал не в него, а в пульт рядом с ним. Человек в кресле дико завизжал. Его визг эхом отдался в лабиринте. Ригелианин упал на пол, но тут же вскочил и прыгнул на Кости. Гигант отшатнулся, но ригелианин уже вцепился в него, и они повалились, заламывая друг другу руки. Человек в кресле не шевелился — он только всхлипывал и бормотал что-то нечленораздельное.

Тем временем Али, придерживаясь за стену, обогнул зал и приблизился к пульту. Ноги его подкашивались.

— Где этот рычаг? — спросил он, подняв к Дэйну избитое лицо.

— Прямо перед тобой... Вон тот, черный... с каким-то механизмом в рукоятке... — крикнул Дэйн.

При этих словах человек в кресле взглянул вверх и обнаружил на стене двух вольных торговцев. Почему-то их присутствие неожиданно придало ему сил, он схватился за кобуру. И сейчас же разряд бластера прошил воздух у самой его головы, так что его, должно быть, обожгло палящим лучом.

— Руки! — гаркнул Мура и голос его загремел, как у капитана. — Встать! Руки вверх! Живо!

Гангстер послушно поднялся и, наклонившись, уперся руками в экран. Но тут, повернув голову, он увидел, что делает Али, и на лице его появилось выражение ужаса.

— Не надо! — закричал он.

Али не обратил на него никакого внимания. Ухватившись за черную рукоять, он изо всех сил потянул ее на себя. Гангстер снова завизжал, и вдруг наступила тишина. Смолкло гудение машины, прекратилась вибрация, сотрясавшая стены.

Ригелианин вырвался из рук Кости, поскользнулся, упал, а Али уже всем телом повис на рычаге, рычаг сломался, и, увидев это, гангстер, стоявший перед экраном, словно взбесился. Забыв о направленном на него бластере Муры, он с хриплым рычанием, вытянув руки со скрюченными пальцами, рванулся к Али.

Это застало Дэйна врасплох: он следил за ригелианином, которого считал самым опасным из этой компании. Зато Мура не дремал и аккуратно срезал из бластера этого сумасшедшего, прежде чем он успел добраться до горла Али. Гангстер захрипел и повалился ничком. Дэйн был очень рад, что не успел увидеть его обугленного лица.

Ригелианин поднялся на ноги, его змеиные немигающие глаза уставились на Муру и Дэйна, держащих в руках бластеры. Затем он отвел глаза и, не обращая ни малейшего внимания на Кости, принялся засовывать за ремень выбившуюся рубашку.

— Вы приговорили всех нас к гибели, — ровным бесстрастным голосом проговорил он на жаргоне вольных торговцев.

Кости подошел к нему.

— А ну, подними руки и не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус, — сказал он.

Ригелианин пожал плечами.

— Теперь уже никакие фокусы не нужны, — сказал он. — Всем нам как. Мы в ловушке.

Али ухватился за спинку кресла и сел. Экран над его головой был пуст, мертв.

— И что же это за ловушка? — спросил Мура.

— Вы сломали этот рычаг. Теперь вся система управления машиной разрушена. — Ригелианин прислонился к стене в непринужденной позе. Его чешуйчатое лицо было лишено всякого выражения. — Нам никогда не выбраться отсюда. Сейчас наступит тьма.

И тут впервые Дэйн заметил, что призрачный серый свет, заполнявший пещеру, как будто померк. Так тускнеют угли в догоревшем костре.

— И вдобавок мы заперты, — безжалостно продолжал ригелианин. —

Ключ вы сломали и выйти отсюда теперь невозможно.

Кости расхохотался.

— Нечего разыгрывать перед нами «шепчущего», — прогремел он. — Подумаешь — тьма! А это ты видел? — он достал и включил свой фонарик.

Ригелианин даже не повернул головы.

— Мы не знаем всех тайн этого подземелья, — сказал он. — Вряд ли ваши фонарики пригодятся вам здесь.

Дэйн сказал Муре:

— Надо бы уходить поскорее... пока светло...

Мура кивнул и обратился к ригелианину:

— Вы смогли бы открыть дверь?

Тот покачал головой. Тогда Кости принялся за дело. При помощи бластера он принялся быстро резать щели в стене. Дэйн приплясывал от нетерпения, ему казалось, что выжженные щели никогда не остынут.

Но вот наконец все они перелезли через стену и двинулись по коридору. Кости тащил ригелианина за собой, связав ему руки его же собственным ремнем. Идти приходилось довольно медленно, потому что даже с помощью товарищей Али едва волочил ноги. А между тем тьма все сгущалась, серое свечение почти исчезло.

Мура включил свой фонарик.

— Будем пользоваться только одним фонариком. Надо беречь аккумуляторы.

Дэйн удивился — ведь аккумуляторы фонариков рассчитаны на несколько месяцев непрерывной работы. Однако через несколько минут ярко-желтый луч света потускнел и сделался бледным, сероватым.

— Он у вас на полной мощности? — спросил Али.

Было слышно, как в темноте позади злорадно фыркнул ригелианин. Мура ответил:

— Да, на самой полной.

Все молчали, но Дэйн чувствовал, что не он один смотрит на бледное пятно света с возрастающим беспокойством. И когда фонарик перестал освещать даже пол под ногами, Дэйн в общем не удивился. Но Кости удивился.

— Что там у вас случилось? — прогудел он. — Темно ведь. Погодите-ка... — и он включил свой фонарик.

Минуты две тьму пронизывал яркий чистый луч, а затем он тоже стал быстро тускнеть, словно что-то в атмосфере жадно опустошало аккумуляторы.

— Любая энергия в этой пещере сейчас вырождается, — сказал ригелианин. — Мы не знаем, почему так происходит, но это как-то связано с работой установки. Исчезает свет, а потом и воздух...

Дэйн торопливо вздохнул полной грудью. Воздух как воздух — холодный, свежий... Возможно, насчет воздуха ригелианин преувеличил, чтобы их припугнуть. Тем не менее все ускорили шаг.

Какое-то время меркнувший свет фонарика еще позволял им следовать путем Рича. Теперь, когда машина не работала, кругом стояла тяжелая тишина, в которой слышалось только эхо от клецанья магнитных подковок. Выдохся фонарик Кости, Дэйн зажег свой. Они шли и шли, из комнаты в комнату, из коридора в коридор, стараясь до последнего использовать умирающий свет. И никто из них не знал, далеко ли еще до выхода.

Когда погас и фонарик Дэйна, Мура отдал новый приказ:

— Взяться за руки!

Дэйн правой рукой ухватил Муру за пояс, а левой вцепился в запястье Али. И они двинулись дальше. Дэйн слышал, как Мура что-то невнятно бормочет, и вскоре понял, что стюард отсчитывает шаги, вырабатывая какой-то свой метод движения по лабиринту во тьме.

А тьма давила на них, плотная, осязаемая, пропитанная чем-то неизъяснимым, что было свойственно тьме на этой планете. Казалось, они проталкиваются сквозь какую-то вязкую жидкость, и непонятно было — то ли они продвигаются вперед, то ли топчутся на одном месте.

Дэйн машинально следовал за Мурой, он мог только надеяться, что стюард знает, что делаем, и рано или поздно приведет их к выходу из лабиринта. Он пытался и задыхался, словно бежал, хотя шли они не слишком быстро.

— Сколько же миль нам еще переть? — осведомился Кости.

Ригелианин снова фыркнул.

— А не все ли тебе равно, торгош? Дверь не откроется — вы ведь сломали машину.

Неужели ригелианин сам верит в это? И если верит, то почему он так спокоен? Или он принадлежит к народу, который считает, что нет разницы между жизнью и смертью?

Мура удивленно хмыкнул, и в следующий момент Дэйн натолкнулся на него. Сейчас же идущие сзади натолкнулись на Дэйна и столпились у него за спиной.

Впереди была стена. Это могло означать только одно: Мура просчитался и где-то свернул в темноте не туда, куда надо. Они заблудились...

— Где мы? — спросил Кости.

— Заблудились, — с холодным ехидством отозвался ригелианин.

Дэйн протянул руку и ощупал стену. Сердце у него заколотилось. Под пальцами была не гладкая скользкая поверхность, а грубый шершавый камень. Нет, Мура не просчитался, он привел их к каменным границам пещеры. И словно подтверждая эту мысль, Мура произнес:

— Это скала. Конец лабиринта.

— А где же выход? — спросил Кости.

— Заперт! — сказал ригелианин. — Заперт навсегда. Вы сломали машину!.. А она управляла всеми входами и выходами.

— Если это так, — впервые подал голос Али, — то что вы делали, когда вам приходилось выключать машину прежде? Сидели взаперти в темноте, пока не включали снова?

Ответа не было. Затем Дэйн услышал в темноте какую-то возню, хрипение, и голос Кости прорычал:

— Когда мы задаем вопросы, змея, надо отвечать!.. А то плохо будет... Ну? Так что вы делали, когда выключали машину?

Снова возня. Затем хриплый ответ:

— Мы оставались здесь, пока она не включалась снова. Она выключалась ненадолго.

— Она выключалась надолго, когда здесь работали изыскатели, — сказал Дэйн.

— А тогда мы вообще к ней не подходили, — быстро отозвался ригелианин. Что-то слишком быстро.

— Врешь,— сказал Али.— Кто-то должен был оставаться около машины, чтобы включить ее снова. Если бы все двери были закрыты, вы не могли бы сюда войти.

— Я не инженер... — ригелианин утратил свою бесстрастность и свой вызывающий тон. Он просто помрачнел.

— Правильно,— прогудел Кости.— Ты не инженер, ты просто помощник Рича. И если отсюда есть выход, ты его знаешь.

— А как насчет вашей дудочки? — спросил Дэйн у Муры. Молчание стюарда его тревожило.

— Я как раз сейчас ее пробую,— ответил стюард.

— А она не действует, да? — сказал Кости.— Ну-ка, змея... выкладывай!.. Снова началась возня в темноте.

— Если это скала, может, попробуем пробиться бластерами? — предложил Али.

Прорезать скалу! Рука Дэйна легла на кобуру. Бластеры прекрасно режут камень, во всяком случае гораздо легче, чем материал стен... Видимо, эта идея понравилась и Кости, потому что возня прекратилась.

— Только нужно точно выбрать место,— продолжал Али.— Где здесь дверь?

— А это мы выясним сейчас у нашей гадины, верно? — промурлыкал Кости.

Послышалось неразборчивое всхлипывание. Видимо, Кости принял эти звуки за знак согласия, потому что через секунду он уже протискивался мимо Дэйна, волоча за собой пленника.

— Это здесь, да? — прогудел он.— Ну, смотри, если это не здесь...

Ригелианина оттолкнули на Дэйна. Дэйн отпихнул его локтем и выпрямился.

— Это ты, Фрэнк? — гудел Кости.— А ну-ка, отойди в сторонку... И все отойдите!..

Дэйна опять толкнули. Он понятился вместе с ригелианином и Мурой.

— Да побереги лицо, балда! — крикнул у него за спиной Али.— Начинай с самой малой мощности! Посмотри сначала, как пойдет дело!

Кости захохотал.

— Я играл этими игрушками, сынок, когда ты еще пешком под стол ходил... Сейчас ты посмотришь, на что способен дядя Кости! Ну, счастливого нам старта!

И едва отзвучал этот старинный тост, повторявшийся бесчисленное количество раз в бесчисленных барах, где торговцы праздновали благополучное возвращение на родную планету, как вспыхнуло яркое пламя. Заслонясь ладонью, Дэйн сквозь прижмуренные веки смотрел, как камень раскаляется докрасна, потом добела, плавится и жидкой струей стекает на пол. Жаркие волны кипящего воздуха заставили их отступить. Один лишь гигант стоял неподвижно, широко расставив ноги, козырек его шлема был надвинут на лицо, а правая рука вздрагивала от отдачи каждый раз, когда новая порция огня вылетала из ствола бластера и вонзалась в разваливающуюся стену.

Раскаленная крошка и брызги расплавленного камня летели во все стороны, ядовитый пар поднимался столбом, обжигая глаза, разъедая глотки, заставляя сгибаться в кашле. А Кости стоял в этом аду, управлял им как ни в чем

не бывало и только время от времени свободной рукой в перчатке сбивал языки пламени с тлеющих штанин.

— Карл! — крикнул Али. — Осторожней!

Отвернув лицо от нестерпимого жара, Дэйн перехватил взгляд ригелианина, устремленный на Кости. Круглые змеиные глаза его были полны ужаса. Ригелианин попятился и отступил вместе со всеми, но казалось, что он боится не столько этого разверзшегося ада, сколько неподвижной черной фигуры.

Огромная глыба отвалилась от стены и рухнула под ноги Кости. Но тот лишь отступил в сторону, чтобы его не задело, ни на секунду не переставая буравить огнем раскаленный камень. И вдруг все кончилось. Шипение и грохот разрядов прекратились.

— Дело сделано! — раздался приглушенный голос Кости.

Они еще не осмеливались приблизиться к раскаленному проходу, но Кости уже подходил к ним, засовывая бластер в кобуру, потом остановился, сдвинул шлем на затылок и принялся обеими руками хлопать себя по тлеющей куртке. От него распространялся резкий запах горелой ткани, лицо лоснилось от пота.

— А что там? — спросил Дэйн.

Кости сморщил нос.

— Опять какой-то коридор, — сказал он. — И темно, как в угольном мешке... Но из мышеловки-то мы, во всяком случае, выбрались.

Все были охвачены нетерпением, но пришлось ждать, когда остынут и потемнеют раскаленные края прохода. Затем они спустили на лица защитные козырьки, закутали незащищенную голову Али курткой ригелианина и приготовились выходить. Но прежде Кости обратился к пленнику:

— Мы могли бы, конечно, взять тебя с собой, — сказал он, — только боюсь, что ты по пути изжаришься или, чего доброго, начнешь хватать нас за руки, если мы сцепимся с твоими дружками... Так что придется оставить тебя здесь до востребования...

Он крепко связал ригелианину ноги, потуже затянул узлы на руках и откатил его в угол, подальше от горячих камней.

Потом они плотным кольцом окружили Али и поспешно проскочили через дыру. Да, там был новый коридор. Опять их окутала тьма, и они тотчас убедились, что фонарики здесь так же бессильны, как и в лабиринте. Но коридор этот был по крайней мере гладкий и прямой, и заблудиться в нем было невозможно.

Неторопливо, чтобы Али мог поспевать за ними, они, взявшись за руки, двигались вперед.

— Темно, как у черта за пазухой! — проворчал Кости. — Что у этих Предтеч — глаз не было?..

Дэйн обхватил пошатнувшегося Али за плечи. Видимо, он при этом задел болезненное место, потому что Али судорожно дернулся, не издав, впрочем, ни звука.

— Коридор кончился, — объявил Мура. — Вышли в туннель... Очень широкий туннель.

— Чем шире дорога, тем важнее место, куда она ведет, — заметил Дэйн.

— Лишь бы подальше отсюда, — пробубнил Кости. — Надоело мне плутать по этим вонючим щелям... Давай, Фрэнк, веди нас!

Они свернули направо и двинулись по туннелю. Теперь они шли рядом. По-прежнему не было видно ни зги, но чувствовалось, что туннель очень широк.

Вдруг впереди послышался отдаленный крик и раздался треск выстрела. Они остановились. Снова выстрел.

— Ложись! — гаркнул Мура, но все уже и без того лежали.

Теперь выстрелы трещали непрерывно. Дэйн лежал, прижимая Али к полу, и силился по звукам определить, что происходит и где стреляют.

— Перепалка какая-то идет... — произнес Кости в перерыве между залпами.

— При чем приближается прямо к нам, — пробормотал Али в самое ухо Дэйну.

Дэйн вытащил бластер, хотя не очень хорошо представлял себе, зачем он это делает. Не палить же, в самом деле, наугад в темноту.

— А-а-а-а!.. — послышалось во мраке. Это был не крик ярости, но вопль смертельно раненного человека. Али был прав — сражение приближалось к ним с каждой минутой.

— К стенам! — скомандовал Мура и опять опоздал — все уже и так ползли к стене.

Дэйн вцепился в рваную куртку Али и тащил его за собой. Куртка трещала и расплзалась под пальцами. Они распластались возле стены и замерли, прислушиваясь.

Огненный разряд распорол темноту над их головами, на стене вспыхнуло и сейчас же начало тускнеть багровое пятно. Выстрел из бластера ослепил Дэйна, но он все же успел заметить впереди какие-то темные фигуры.

— Господи помилуй, — вполголоса проговорил Али. — Если они начнут лупить из бластеров, они же нас сожгут!..

Кто-то бежал к ним, бухая сапогами, и Дэйн весь напрягся, сжав рукоятку бластера. Может быть, следовало стрелять на звук, бить по бегущим, пока они еще далеко, но он не мог заставить себя нажать на спуск — слишком прочно вбили в него инструкторы отвращение к кровопролитию без самой крайней нужды.

Тут вспыхнул свет — не серый сумеречный свет, озарявший ранее эти коридоры, а яркий, желтоватый, земной. Мощный луч прожектора прорезал темноту, и на его фоне Дэйн увидел пять черных фигур.

Они больше не отступали, теперь они залегли и готовились дать последний бой своим преследователям.

СЧАСТЛИВОГО СТАРТА!

— Именем Федерации, сдавайтесь! — прогремело откуда-то сверху.

— Полиция! — воскликнул Али.

Прекрасно! Значит, крейсер все-таки сел на Лимбо! Хорошо бы теперь понять, где здесь полиция, а где — гангстеры...

Луч прожектора медленно надвигался, затем грохнул выстрел, и прожектор погас. Загремели ответные выстрелы, кто-то вскрикнул.

«Разумнее всего сейчас отступить к лабиринту, — подумал Дэйн. — Переждать, пока все кончится... Чего хорошего — попасть между двух огней...»

Но он и не подумал поделиться этой блестящей мыслью с Али. Вместо этого он поднял бластер и выпалил в свод туннеля.

Расчет был правильным — прямо над залегшими людьми (Дэйн уже сообразил, что это и есть гангстеры) в своде вспыхнуло багровое пятно.

Это было неожиданностью для всех. Полицейские перестали стрелять, а гангстеры изумленно уставились в потолок — Дэйн прекрасно видел их белые лица и разинутые рты. И вдруг один из них вскочил и стремглав помчался прочь от освещенного места в глубь туннеля, к лабиринту.

Ему наперерез выскочил Кости. Их было едва видно в потускневшем свете, и все же Дэйн успел заметить, что бегущий, нечеловечески изогнувшись, едва не ускользнул, но Кости успел схватить его за ремень, и оба они упали.

Дэйн снова выпалил вверх, и новая яркая вспышка осветила туннель: Кости лежал на полу, обмякший и неподвижный, а гангстер уже поднимался на четвереньки, готовясь к новому рывку.

Ошеломленный Дэйн — он ожидал увидеть совсем иную картину — не успел еще ничего сообразить, как в ноги гангстеру бросился Али, и гангстер, споткнувшись, снова упал. Тогда Дэйн вскинул бластер и залил огнем всю ширину туннеля на пути к лабиринту.

— Прекратить! — снова загредел голос. — Прекратить стрельбу, иначе мы пустим в ход лучеметы и сотрем всех вас в порошок!..

В ответ послышался яростный звериный рык. На краю огненной лужи прыгало и бесновалось какое-то чудовище, лишь отдаленно напоминавшее человека.

Снова вспыхнул прожектор. Он осветил трех гангстеров, стоявших с поднятыми руками, задержался на секунду на неподвижном теле Кости, выхватил из темноты Муру, бежавшего к нему, а затем Али, который стоял на коленях и мучительно кашлял, прижимая руки к груди.

Все это время Дэйн водил стволом бластера, держа на прицеле жуткую фигуру, прыгавшую на фоне красных языков пламени. Он видел дикие глаза, залитую слюной отвисшую челюсть и едва верил тому, что это и есть Салзар Рич, властелин этого богом забытого царства, преступник и убийца, загнанный в ловушку, обезумевший от крэкса, уже почти не человек.

Луч прожектора осветил Рича, он зашипел, начал плевать и вдруг, сжавшись в комок, прыгнул через лужу расплавленного камня. Пламя обожгло его, он дико взвизгнул, но не остановился, и через мгновение уже был по ту сторону огня и стремительно уходил к лабиринту.

— Торсон, Мура! — раздался грозный оклик.

Дэйн вздрогнул. Ему полагалось бы броситься за беглецом, но он не мог заставить себя прорваться через огонь и в полном мраке преследовать Салзара по коридорам лабиринта. Он обернулся. Свет прожектора ослепил его, и он долго болезненно мигал, прикрываясь рукой, пока не различил наконец перед собой черную с серебром форму Космической полиции и желтые куртки вольных торговцев. Только тогда он засунул бластер в кобуру.

Несколько часов спустя он сидел за столом в очень странном помещении. Это были личные апартаменты человека, называвшего себя Салзаром Ричем, и комната была битком набита награбленным с кораблей добром, которое, по мнению бывшего хозяина, придавало ей пышность и утонченную роскошь.

Дэйн набивал рот настоящей едой — никаких концентратов — и в полудреме слушал, как Мура отчитывается в своих действиях перед капитаном

Джелико-Ван Райком и командиром полицейского крейсера. Дэйн едва боролся с томящей усталостью, ему хотелось просто положить голову на стол и заснуть, но он упрямо сидел и жевал деликатесы, каких не пробовал с тех пор, как покинул Землю.

Люди в черных с серебром мундирах входили и выходили, отдавали рапорта и выслушивали приказания, а Мура все рассказывал, и его то и дело прерывали вопросами. Все это было похоже на последнюю серию телебоевика — порок наказан, добродетель торжествует, прибыла полиция, и все теперь в ее надежных руках.

— Никогда еще нам не приходилось наткаться на такое гнусное гнездо, — сказал наконец командир крейсера.

— Мне кажется, — заметил Ван Райк, — здесь будет раскрыта тайна многих исчезнувших кораблей.

Командир вздохнул.

— Придется прочесать все эти холмы, — сказал он. — Возможно, понадобятся и кое-какие раскопки. Только тогда мы сможем считать, что выполнили свой долг. Впрочем, многое выяснится, когда мы разберемся в награбленном... и здесь мы закроем дела многих преступников. Все это благодаря вам, — он встал и отдал честь капитану Джелико. — Я с вами ненадолго прощаюсь, капитан, и буду рад видеть вас у себя... — он взглянул на часы, — скажем, часа через три. Мы устроим небольшое совещание — нужно кое-что обсудить.

Он вышел. Дэйн отхлебнул из кружки и вдруг заметил на ней эмблему Службы изысканий. При виде этих скрещенных комет он вспомнил «Римболд» и поспешно оттолкнул кружку. «Да, здесь, наверное, будут сделаны самые неожиданные находки», — подумал он, оглядывая комнату. И почувствовал облегчение, что не ему придется копаться во всем этом и составлять списки награбленного.

— А как насчет лабиринта? — спросил Ван Райк. — По-моему, туда стоит заглянуть!

Капитан Джелико невесело усмехнулся.

— Так вам и позволит полиция, — сказал он. — Теперь в лабиринт пустят только федеральных экспертов.

При слове «лабиринт» Дэйн встрепенулся.

— Между прочим, туда удрал Рич, — сказал он. — Его еще не поймали, сэр?

— Пока нет, — ответил капитан равнодушно. Судьба пронавшего предводителя гангстеров его явно не интересовала. — Вы сказали, что он — пожиратель крэкса?.. То-то он метался как полоумный...

— Да, сэр, — сказал Мура. — В конце концов он свихнулся. Я все-таки надеюсь, что полиция о нем не забыла. Это весьма опасно — охота за сумасшедшим в лабиринте. Не хотел бы я этим заниматься...

— Да нам и не предлагают этим заниматься, — сказал капитан, поднимаясь. — На то есть полиция. Чем скорее мы уберемся с этой проклятой планеты, тем лучше. Мы — вольные торговцы, а не полицейские...

— Гм... — Ван Райк все еще сидел, развалившись в кресле, попавшем сюда из каюты какого-то несчастного капитана. — Да-да... вольные торговцы... в том-то и дело. Нам ведь жалованье не идет.

И Дэйн, уловив выражение его прозрачных голубых глазок, понял, что в отличие от капитана Джелико суперкарго Ван Райк вовсе не торопится покидать Лимбо. У полиции свои заботы, а у него — свои.

Капитан так и не отдал им приказа возвращаться на борт. Вместо этого он принялся бесцельно блуждать по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы рассеянно повертеть в пальцах какую-нибудь безделушку из коллекции Рича. Помолчав немного, Ван Райк поглядел на Дэйна и на Муру.

— Отправляйтесь-ка в спальню доктора Рича, ребята,— предложил он благодушно.— Мне кажется, у него должна быть очень мягкая койка.

Все еще недоумевая, почему их все-таки не отослали на «Королеву», куда несколько часов назад перевезли изувеченных Кости и Али, Дэйн последовал за стюардом в спальню Рича. Ван Райк ошибся: там была не койка, а роскошная двуспальная кровать, заваленная одеялами в автоподогревом и пуховыми подушками.

Дэйн стащил с себя шлем, расстегнул пояс, содрал с ног осточертевшие сапоги и повалился на ворох одеял. Он еще смутно помнил, как Мура сел на кровать с другой стороны, но тут сон окончательно сморил его.

...Ему снилось, что он в рубке управления «Королевы» и ему надо рассчитать гиперпереход. А напротив сидит Салзар Рич с суровым жестким лицом — такой же, каким он увидел его впервые на Наксосу. Он, Дэйн, должен ввести корабль в гиперпространство, но если он ошибется в расчетах, Салзар Рич сожжет его из бластера... и тогда он будет падать, падать, падать в лабиринт, где что-то страшное и беспощадное уже поджидает его во мраке...

Дэйн открыл глаза и уставился в потолок. Его неудержимо трясло от холода. Влажными непослушными руками он пытался ухватиться за что-нибудь твердое, осязаемое в этом хаосе вещей, которые таяли при его прикосновении. Он не смел ни приподняться, ни повернуть головы, потому что рядом происходило что-то страшное и смертельно опасное.

Он заставил себя дышать глубоко и ровно, хотя нервы его были напряжены до крайности. Слева должен был лежать Мура, но Дэйн не смел даже скосить глаза, чтобы убедиться в этом. Очень медленно, миллиметр за миллиметром, он начал поворачивать голову.

Вот дверь... Из-за двери доносится неразборчивое бормотание голосов — капитан и Ван Райк все еще там... Теперь стена рядом с дверью... огромная стереокартина, какой-то инопланетный пейзаж, угрюмый, мертвый, но по-своему прекрасный... Дэйн осмелел и начал тихонько под одеялом тянуть руку к Муре. Мура надежный человек, он не выдаст себя, когда проснется...

Он медленно тянул руку и медленно поворачивал голову. Край картины... затем портьера — тяжелая, роскошная, затканная сверкающими нитями... нити блестят, режет глаза... и на фоне портьеры — чьи-то широкие плечи...

Салзар!

Дэйн и не подозревал, что у него такая тренированная воля — он не вскрикнул и даже не пошевелился. Впрочем, гангстер не смотрел на кровать. Медленно и бесшумно, скользящими шагами он подкрадывался к двери.

Внешне он снова был человеком, но в темных неподвижных глазах его не осталось ни искры разума. В руках он сжимал какую-то странную трубку, несомненно, оружие — что-то вроде бластера с очень толстым стволом... Он миновал портьеру, голова его заслонила картину... Еще три шага, и он будет у дверей. Но тут Дэйн почувствовал, как горячие пальцы Муры впились ему в запястье. Мура не спал. Мура был готов действовать.

Дэйну тоже был готов действовать. Но как? Он лежал на спине, закутанный в одеяло. Так сразу, прямо с постели, броситься на Салзара невозможно. Но и подпускать его к двери нельзя...

Вдруг Мура, сжав руку Дэйна, резко оттолкнул ее от себя. Это был сигнал, и Дэйну оставалось только надеяться, что он понял этот сигнал правильно. Он весь напрягся, и когда из глотки Муры вырвался пронзительный нечеловеческий вопль, кубарем скатился на пол.

И сейчас же воздух прорезала молния, и вся кровать разом превратилась в ослепительный костер. Но Дэйну уже вцепился в край наравианского ковра и что было силы дернул его на себя. Салзар не устоял, он только пошатнулся и ударился спиной о стену, но успел швырнуть оружие в сторону Дэйна. И в то же мгновение дверь распахнулась, могучие руки Ван Райка вцепились в Салзара, опрокинули его, сдавили ему горло. Прижатый к широкой груди Ван Райка, гангстер задергался и обмяк. И только тогда Дэйну и Муре поднялись на ноги по обе стороны пылающей кровати.

Комната наполнилась полицейскими, пламя на кровати быстро погасило, Салзара скрутили и уволокли, а Дэйну на подгибающихся ногах кое-как добрался до ближайшего стула и сел -- он на всю жизнь возненавидел роскошные мягкие кровати. «Нет, — думал он. — Дайте мне только добраться до моей коечки на «Королеве»... Больше мне ничего не надо... Правда, не знаю, сумею ли я теперь когда-нибудь заснуть...»

Ван Райк положил на стол захваченное оружие.

— Это что-то новенькое, — заметил он. — Наверное, какая-нибудь игрушка Предтеч. А может, из какого-нибудь разграбленного корабля. Ну, этим займутся федеральные эксперты... Да, что ни говори, а приятно сознавать, что с Салзаром покончено.

— Благодаря вам, сэр! — от души сказал Дэйну.

Ван Райк вскинул брови.

— Благодаря мне?.. Я только закончил дело, и если бы вы не подняли шум, все могло бы обернуться по-другому. Полагаю, это был твой голос, Фрэнк, — сказал он Муре.

Мура зевнул, деликатно прикрывая рот ладонью. Куртка на нем была растягнута, одежда в беспорядке, но он был холоден и бесстрастен, как всегда.

— Объединенные усилия, сэр, сказал он. Если бы не Торсон, я бы не проснулся. И потом, он прекрасно использовал ковер... Меня только удивляет, почему Салзар не сжег сначала нас?

Дэйну передернуло. От вони сгоревшей постели его и без того выворачивало наизнанку. Ему нужен был свежий воздух, много свежего воздуха!.. И он просто отказывался думать о том, как все могло обернуться.

Дверь распахнулась, вошел капитан Джелико в сопровождении командира крейсера.

— Это исключено, — говорил он. — Своего Рича вы получили. Что же нам теперь — ждать, когда вы прочешете планету и раскопаете все корабли, которые он погубил этой своей чертовой машиной?

— Вовсе нет, капитан, — ответил командир крейсера. — Вам совершенно незачем здесь оставаться...

Тут вмешался Ван Райк.

— Мы совсем не торопимся, — сказал он. — Еще не выяснен вопрос о на-

ших торговых и прочих правах. Об этом еще и разговора не было. А ведь у нас есть надлежащим образом оформленный документ, дающий нам право в течение десяти лет вести торговлю с этой планетой, а кроме того — открытый лист на все находки, сделанные здесь, и лист этот действителен добрых двенадцать земных месяцев. В свете всего сказанного мы хотели бы знать: на какую долю обнаруженных здесь ценностей имеет право экипаж «Королевы»?

— Обнаруженные здесь ценности изъяты незаконным образом с кораблей, потерпевших крушение в результате преступных действий... — начал было командир крейсера.

Но Ван Райк мягко прервал его:

— Значительная часть кораблей потерпела здесь крушение отнюдь не в результате преступных действий Салзара, а задолго до его появления. Машина, очевидно, включалась и выключалась автоматически еще со времен Предтеч, то есть многие тысячи лет. А это означает, что Лимбо — исторически сложившийся, гигантский склад бесценных сокровищ, не имеющих никакого отношения к преступным действиям Салзара и его шайки. И нам кажется, что мы располагаем неоспоримыми правами на этот склад. Наши люди без всякого труда уже обнаружили здесь два корабля, упавших на планету задолго до появления на ней Салзара Рича. Два корабля за сутки! Значит, здесь их сотни!.. — и он благодушно улыбнулся командиру крейсера.

Капитан Джелико больше не торопился на «Королеву». Он уселся в кресло рядом со своим суперкарго, как на самых обычных торговых переговорах.

Командир крейсера рассмеялся.

— Меня вы в этот спор не втянете, суперкарго, — сказал он. — Разумеется, я могу передать в штаб ваши претензии и протесты. И могу отослать вас на карантинную станцию на Полдаре. И немедленно. И, если понадобится, под конвоем. Однако я не думаю, что Федерация в ближайшее время уступит кому-нибудь права на Лимбо...

— Ну что ж, если Федерация аннулирует законно заключенную сделку, она должна за это заплатить, — сказал Ван Райк. — Я хотел бы только напомнить, что на Полдаре постоянно толчется масса народу из прессы и телевидения... А мы ведь не полиция, рот нам не заткнешь, никакие законы не запрещают нам отвечать на любые вопросы по поводу приключений на этой планете... И каких приключений! — Он мечтательно закрыл глаза. — Легенда, ставшая реальностью!.. Саргассы в космосе!.. Планета-сокровищница!.. Сокровища погибших кораблей!.. Да сюда слетятся зеваки со всей Галактики!

— Да, — поддержал его капитан Джелико. — И каждый зевака притащит сюда экскаватор. Вы правы, Ван: это будет настоящий бум!

— Правильно! Мы построим здесь роскошные отели... Туристические прогулки с гидами... Распродажа участков под раскопки... Да это золотое дно!

— Ни один человек не сядет здесь без официального разрешения! — отпарировал командир крейсера.

— Ну, тогда я вам не завидую, — сказал Ван Райк. — Вам придется держать здесь половину личного состава полиции... А как ухватаются за эту историю ребята с телевидения!.. Кстати, — Ван Райк в упор посмотрел на ко-

мандира,— не рассчитывайте, что вам удастся упрятать нас в карантин надолго. Мы немедленно подаем рапорт в Совет вольной торговли — по гиперсвязи, разумеется, чтобы вы не могли заглушить.

На лице командира крейсера появилось обиженное выражение.

— Мы и не собираемся обращаться с вами как с преступниками,— сказал он.— Откуда у вас эта странная идея?

— Так... Кое-какие намеки... По-видимому, мне показалось... Нет, вы не беспокойтесь: мы отправимся в ваш карантин, как и надлежит добрым честным послушным закону гражданам Федерации. Но как добрые честные граждане Федерации мы раструбим об этой истории по всей Галактике... если, конечно, нам не удастся достигнуть с вами разумного соглашения.

Командир крейсера не преминул взять быка за рога:

— А что вы подразумеваете под «разумным соглашением»?

— Подходящая компенсация за потерю торговых прав. Это по-первых. А во-вторых, денежное вознаграждение.

— За что вознаграждение?

Ван Райк принялся загибать пальцы.

— Спасение полицейского крейсера — вы сели невредимыми только потому, что наши люди вывели из строя установку. Это раз. Наши люди нашли «Римболд», который вы безуспешно разыскиваете уже несколько суток. Это — два. Мы передали вам в руки Салзара — в упаковке и перевязанного ленточкой. Я мог бы добавить еще...

Командир крейсера расхохотался.

— Упаси меня бог спорить с вольным торговцем о его правах! Ладно. Я сегодня же отправлю ваши претензии в штаб, а вы пообещайте мне помалкивать на Полдаре...

— Неделю! — сказал Ван Райк.— Мы будем молчать ровно семь земных суток, после чего расскажем ребятам с телевидения наши биографии. Так что передайте своему начальству, чтобы они там пошевеливались. Мы стартуем сегодня, вернее — сегодня вечером, и пойдем прямо на Полдар. Но мы сообщим Совету вольной торговли о том, где и сколько времени будем находиться.

Командир крейсера сдался окончательно.

— Договаривайтесь с начальством сами,— сказал он.— Я умываю руки. Вы даете слово, что пойдете прямо на Полдар?

Капитан Джелико кивнул.

— Конвой не понадобится,— сказал он.— Счастливой охоты, командир.

Распрощавшись с командиром крейсера, вольные торговцы покинули бывшие апартаменты Салзара Рича. Дэйну было немного не по себе. Вообще-то пребыванием на карантинной станции Космической полиции обычно заканчиваются все полеты к новому неизвестному миру. Там корабли и экипаж внимательно осматривают и ощупывают врачи и ученые, чтобы в пределы Федерации не занесли какой-нибудь опасной болезни. Но на этот раз, видимо, придется посидеть подольше. Однако ни капитана, ни Ван Райка это ничуть не огорчало. Напротив, Дэйн давно уже не видел их в таком хорошем настроении.

— Что у вас на уме, Ван? — спросил капитан, стараясь перекрыть хруст и треск гравия под гусеницами краулера, на котором они возвращались к «Королеве».

— Я покопался немного в архиве у Салзара,— отозвался Ван Райк.— Вы помните Трэкота Кама, капитан?

— Трэкот Кам... А, он занимается окраинными планетами...

— Занимался,— невесело поправил Ван Райк.

— Вы хотите сказать, он тоже погиб здесь?

— Да. Иначе я не могу представить, как его бортовой журнал попал в лапы к Ричу... У Трэкота, как вы помните, были права на разработку Саргола. Он возвращался оттуда с очередным грузом и разбился здесь...

— Саргол... — повторил капитан Джелико.— Как же, помню: там алмазные копи...

— Да... Права Трэкота на Саргол действительны еще на полтора года. Я думаю, власть предержавшие не откажутся уладить с нами дело за счет этих прав. Мы отказываемся от Лимбо, а они отдают нам права Трэкота и весь фрахт на Саргол. Что скажете, капитан?

— Если все получится, это будет лучшей вашей сделкой, Ван... И я думаю, что может получиться. Властям это выгодно. Они от нас отделаются, и мы будем на самой окраине Галактики, где много не поболтаешь...

— Может получиться... — Ван Райк покачал головой.— Вы меня недооцениваете, капитан. Обязательно получится! Саргол и алмазы ждут нас!

Его уверенность вселила надежду в душу Дэйна. Он глядел вперед, поверх спаленной равнины, и не видел ее. Он старался представить себе — как там будет, на Сарголе. Богатая окраинная планета... Алмазные копи... Кажется, Лимбо все-таки принесла им счастье. Месяца через два они будут знать это наверняка.

ЗАЧУМЛЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Глава I

БЛАГОУХАННАЯ ПЛАНЕТА

Дэйн Торсон, помощник суперкарго на «Королеве Солнца», вольном торговце, стоял под корабельным душем, а Рип Шэннон, помощник штурмана и его наставник в торговой службе в течение четырех лет, прикладывал комки пахнувшей мази к коже Дэйна между торчащими лопатками. Тесное помещение было заполнено одуряющим ароматом и Рип усиленно сопел.

— Ты будешь самым благоухающим землянином, когда-либо ступавшим на почву Саргола.— Свою скороговорку Рип закончил хихиканьем.

Дэйн фыркнул и попытался оценить достигнутое, приюхиваясь через плечо.

— Чего только не сделаешь ради торговли! — Его комментарий содержал ответ на встретившееся им затруднение.— Растирай хорошо, это вещество способно держаться часами. Вот так. Если Ван прав, эти сарголийцы способны часами сидеть и говорить, говорить... А мы будем слушать, слушать, пока не получим прямой ответ. Тыфу! — Он потряс головой — в небольшом помещении запах, сам по себе приятный, становился одуряющим.— Темные пальцы Рипа прекратили свои круговые движения.

— Дэйн,— предупредил он,— не нужно говорить об этой сделке, мы, конечно, заработаем, если сумеем решить эту задачу...

Но Дэйн внезапно представил себе будущее в мрачном свете.

— Если...— повторил он.— Тут целая галактика «если» в этом Сарголе. Здесь можно прекрасно отдохнуть на своем борту, не нужно бегать в поисках приятных запахов, но потом придется вернуться ни с чем к своим родственникам.

Рип поставил на пол баночку с кремом.

— Разные миры — разные обычаи, повторил он старую поговорку службы.— Будь доволен, что пока удалось здесь пристроиться. Тут о многом нужно подумать.— Он закончил массаж и шлепнул Дэйна.— Теперь ты смазан. Хорошо, что мне не смазывать Вана. Потребуется целый час, чтобы его смазать, даже с помощью Фрэнка для быстроты. Твоя одежда уже, наверное, пропарилась и готова.

Он открыл длинный шкаф, оригинально приспособленный для строгой стерилизации одежды, которая при контактах представляет опасность для землян. Оттуда вырвалось удушливое облако того же аромата. Дэйн осторожно натянул свою форму вольного торговца. Коричневая шелковая ткань была слегка влажной на ощупь. К счастью, Саргол был теплой планетой. Когда он встанет на ярко-красную почву Саргола, ни один земной запах не должен доноситься до чувствительных ноздрей сарголийцев и вызывать

их негодование. Он подумал, что когда-нибудь привыкнет к этой процедуре. В конце концов, он впервые проходит такую обработку. Однако он знал, что все это совершенная глупость. Рип был прав — либо приспособишься к обычаям иных миров, либо не торгуй с ними. И, наверное, на других планетах ему придется проделывать и не такие неприятные процедуры.

— Фу! Ну и запах! — Али Камил, помощник начальника инженерной секции, придал своему исключительно правильному и красивому лицу выражение крайнего отвращения и поманил Дэйна в коридор.

Оберегая нервы своих товарищей, Дэйн поторопился выбраться из корабля на трап, который связывал «Королеву» с поверхностью Саргола, но здесь он задержался, ожидая Ван Райка, суперкарго корабля и своего непосредственного начальника. Было раннее утро и теперь, вырвавшись из тесных помещений корабля и обдуваемый легким утренним ветерком, чуть колебавшим сине-зеленые травяные деревья, Дэйн сразу забыл свое раздражение.

В этом районе Саргола не было гор — самым большим возвышением были круглые холмы, густо поросшие той же десятифутовой травой, которая покрывала равнины. Из штурманской рубки «Королевы» можно было видеть постоянное колебание травы, так что планета казалась покрытой морщинистыми, мерцающими и струящимися коврами. К западу находились моря — длинные мелководные пространства, так изрезанные цепями островов, что казались мелкими озерами. И именно в районе этих озер находилось, то, что привело «Королеву Солнца» на Саргол. По правде говоря, это было открытием другого торговца — Трэкота Кама. Он приобрел права на разработку Саргола, надеясь хорошо подработать, увозя с благоухающей планеты лучшие парфюмерные товары. Но на Сарголе он открыл камни корос — алмазы нового типа, появление которых на рынке вызвало настоящую панику у торговцев драгоценностями. Кам был на верном пути к тому, чтобы стать одним из королей вольной торговли, когда его притянули дьявольские сети пиратов Лимбо, где он и погиб.

Так как они приобрели торговые права на Лимбо и экипаж «Королевы Солнца» участвовал в уничтожении пиратов и захвате ужасной установки Предтечь, им были подарены права на Саргол и они стали законными наследниками Трэкота Кама. И теперь они были на Сарголе с заметками, оставленными Камом, и все сведения, касающиеся сарголийцев, были вбиты им в головы.

Дэйн мрачно сидел на конце трапа, опустив ноги на почву Саргола, тонкую красивую почву с блестящими болотистыми чешуйками. Он не сомневался, что находится под наблюдением скрытых глаз, но делал вид, что не знает этого. Взрослые сарголийцы постоянно держались в стороне от торговцев и казались совершенно равнодушными к ним, зато молодежь была так же любопытна, как пренебрежительны взрослые. Казалось, тут скрывалась возможность контакта и еще более прочных связей.

Дэйн обдумывал эту мысль, Ван Райк и капитан Желико проводили первые торговые переговоры. Они заняли целый день и не дали никакого результата. В контактах с пришельцами из другого мира сарголийцы, потомки кошачьих, были церемонны, осторожны и совершенно независимы. Но ведь Кам чего-то добился, иначе он не вернулся бы из первого рейса с мешком камней корос. Но в его записях, найденных на Лимбо, не было никакого

ключа к тому, как преодолеть молчаливое сопротивление сарголийцев. Но терпение — второе «я» каждого торговца, и Дэйн был совершенно уверен в Ван Райке. Раньше или позже, но суперкарго подберет ключ к сарголийцам. И, как бы подслушав его мысли, Ван Райк в светящейся тунике, облегавшей его мощное тело, и со шляпой на светлой голове, сошел по трапу, который раскачивался под его тяжестью. Приблизившись к своему помощнику, он энергично принюхался и одобрительно кивнул головой.

— Я вижу, ты смазан и готов.

— Капитан пойдет с нами, сэр?

Ван Райк покачал головой.

— Это наша забота. Терпение, мой мальчик, терпение.— И он зашагал по узкой тропинке в траве к широкой дороге земного типа.

Вновь Дэйн почувствовал присутствие тех же внимательных глаз, следивших за каждым его движением, но не было видно ни одного сарголийца. В конце концов, бояться нападения нечего. Торговцы были под запретом, их защищало «табу», а торговые станции были расположены под белым сверкающим щитом мира. Этот мир гарантировался кровавой клятвой вождей всех кланов этого района. Даже в разгар междоусобных войн кровные враги мирно встречались под этой защитой и никто не мог обнажить свой нож-коготь в радиусе двух миль отсюда.

Травяной лес предательски шелестел, но земляне старались не обращать внимания на тех, кто шпионил за ними. Насекомое с крыльями из изумрудно-зеленого глаза отделилось от стебля травинки и полетело над торговцами, как вестник. От красной почвы, взрыхленной их ботинками, мгновенно поднимался острый запах, смешивающийся с благовониями, которые они несли с собой. Дэйн несколько раз сглотнул, но надеялся, что начальник не заметил этого проявления неудовольствия, но Ван Райк, вопреки своему обычному сонно-добродушному и блаженному виду, замечал все, что касалось тонкостей и сложностей галактической торговли, иначе ему бы не удалось занять свое место суперкарго.

— Прими успокоительное,— приказал он.

Дэйн засунул руку в полевой подсумок, покраснев и яростно убеждая себя, что ему нет никакого дела до того, какие еще запахи поджидают его сегодня, и что он их не заметит вообще. Он проглотил крошечную таблетку, изготовленную врачом Тау для таких случаев, и постарался занять свой мозг мыслями о предстоящей работе. Если только будет какая-нибудь работа или же еще один день пройдет в бесполезных разговорах, где вежливые слова лишь прикрывают стремление торговцев к прибыли.

— Гууу! — крик, наполовину напоминающий рыдание, наполовину — высокомерное предупреждение, прозвучал за ними.

Походка Ван Райка не изменилась. Он не повернул даже головы и ничем не показал, что услышал этот крик, предупреждающий их о приближении вождей. Он продолжал держаться центра дороги, а Дэйн шел за ним, отступив на шаг, как и подобало представителю более низкого ранга.

— Гууу! — звук, вырвавшийся из глотки сарголийца благодаря его мощным легким, теперь сопровождался топотом множества ног.

Земляне не оглянулись, не отклонились от центра дороги и не ускорили шаг. Дэйн знал, что это было в порядке вещей. Для кастового сознания сарголийцев вы сохраняете свое превосходство, пока не допустили какой-

нибудь промах. Но уж если этот промах допущен, бесполезно настаивать на новой встрече с вождями.

— Гууу! — пронзительный крик несся по изгибам дороги вслед за ними, как бы не давая забыть двум торговцам о том, где они находятся.

Дэйн страстно хотел повернуть голову, чтобы увидеть хотя бы одного из сопровождающих их туземцев.

— Гууу! — теперь в крике звучала вопросительная нота, а тяжелое топанье ног стихло. Отряд, сопровождающий их, решил, видимо, что их не удастся сбить в сторону.

Ван Райк спокойно шел впереди и Дэйн выровнял по нему свой шаг. У них не было вестника с мощными легкими, который был предупреждал о их прибытии, но всем своим видом они показывали, что имеют право находиться там, где хотят. Очевидно, их спокойная уверенность подействовала на тех, кто шел позади. Звук шагов замедлился до спокойной походки и этот звук на почтительном расстоянии сопровождал землян.

Подействовало — сарголийцы оценили их по собственной шкале ценностей и это было хорошим предзнаменованием для предстоящих переговоров. Настроение Дэйна повысилось, но он постарался придать своему лицу такую же неподвижность, как у его начальника. В конце концов это была маленькая победа, а ей предшествовали 10—12 часов вежливых и скрытых маневров.

«Королева Солнца» приземлилась как можно ближе к торговому центру, обозначенному на карте Трэкота Кама, и теперь землянам предстояло еще пять минут ходьбы по центру дороги и перед ними окажется поляна с крупными строениями без крыш, которые использовались сарголийцами этого района как место торговли и мирных переговоров. Здесь же заключались союзы между кланами. В центре поляны находился столб, укрепленный ветвями травяных деревьев, а на столбе был укреплен щит, обещавший не только мирные переговоры, но и три дня безопасности для любого дуэлянта или же кровного мстителя, который сумел добраться до этого столба и положить руку на его обветренную поверхность. Они пришли не первыми и это тоже было хорошим признаком.

Слуги, вассальные воины и младшие родственники четырех или пяти вождей сбились в небольшие группы, но Дэйн сразу заметил, что не было видно ни носилок, ни одного животного, использовавшегося здесь как земная лошадь. Не прибыл ни один представитель женской половины сарголийских родов. Они не появляются до заключительного торгового договора — на переговорах их представляют отцы, мужья и сыновья.

С видом хозяина своего собственного клана Ван Райк, не обращая внимания на сарголийцев низших разрядов, прошел прямо к двери помещения. Двое или трое младших воинов встали на ноги. Их сверкающие плащи развевались, как машущие крылья. Но так как Ван Райк даже не взглянул на них, они не попытались преградить ему путь. Дэйн подумал, что если сарголийцы хотят произвести впечатление хороших воинов, им это вполне удалось. Их средний рост был близок к шести футам, а их отдаленные кошачьи предки оставили им в наследство лишь некоторые рудименты. Когти на руках и ногах были серого цвета и были способны стягиваться, толстые волосы, похожие на плющ, опускались вдоль позвоночника и по бокам мускулистых ног и рук. Волосы были рыжевато-коричневого цвета или же сине-серого или белого. Для земного глаза их широкие лица, теперь все повернутые к

землянам, были лишены выразительности. Глаза их были большими и слегка раскосыми, а цвет их — оранжево-красный или серо-зеленый. На них была одежда ярких расцветок с широкими полосами, образующими нечто вроде корсета вокруг тонких талий. Из-за поясов торчали украшенные алмазами рукоятки ножей-когтей, обладание которыми были признаком совершенноголетия. Плащи огненно-красным цветком свисали с их плеч подобно крыльям летучих мышей и от каждого сарголийца при любом движении исходило облако сильного запаха.

Даже по сравнению со сверкающим собранием вассалов за пределами помещений вожди и их помощники являли собой настоящий разгул красок и запахов. Вожди сидели на деревянных табуретках. Перед каждым находился столик с кубком, обозначавшим принадлежность к определенному клану, складная лента с узором — их «торговый щит» — и инкрустированный ящичек с ароматной мазью. Эту мазь вожди использовали как освежающее средство в ходе переговоров. Ветерок играл концами поясов и складками плащей, но все собравшиеся были неподвижны. Не начиная переговоров, Ван Райк подошел к табуретке со стоящим перед ней столиком и сел. Дэйн начал действовать так, как решили заранее. Он поставил перед ним на столик карманную пластмассовую фляжку, сверкающую в ярком свете солнца, как сарголийские алмазы, красивый шелковый платок и, наконец, бутылочку пахучей соли, изготовленной Тау после нескольких часов комбинаций сарголийскими пряностями.

Выполнив долг подчиненного, Дейн освободился и уселся позади суперкарго прямо на пол, скрестив ноги, как сыновья, наследники и родственники вождей, расположившихся каждый за своим главой. Вслед за ними появился опоздавший вождь и Дэйн увидел, что это Фандор — еще одна удача! Этот клан был маленьким и у него не было значительного влияния. Если бы вот так же медлили Халфер или Вафт, это было бы совсем другое дело. Фандор занял свое место, разместились и его приближенные, и Дэйн, старающийся быть незаметным, решил, что Совет в полном составе. Трэкот Кам указал, что по берегу морей в этом районе живут семь кланов, и на Совете было семь вождей — несомненное доказательство важности Совета, так как некоторые из вождей за пределами зоны мира в данный момент находились в состоянии кровавой вражды. Да, все семеро находились здесь. Однако один стул напротив Ван Райка оставался пустым. Пустой стул — кого же они ждут?

Ответ на этот вопрос был получен незамедлительно. Но не вождь сарголийцев появился в дверном проеме. Самообладание позволило Дэйну остаться на месте даже после того, как он разглядел герб пришельца.

Торговец! И не просто торговец, а представитель компании! Но почему и каким образом? Компании участвуют в крупной игре, а эта планета предоставлена вольным торговцам, независимым скитальцам звездных путей. В соответствии с законами и правами представитель компании не мог находиться здесь, хотя лицо Дэйна, как и лицо Ван Райка, было замкнуто, мысли его мчались стремительным галопом. Трэкот Кам как вольный торговец приобрел права на эксплуатацию Саргола, когда единственным для вывоза продуктом была парфюмерия — товар уже слишком незначительный, чтобы им могли заинтересоваться компании. Но когда были найдены камни, цена Саргола стремительно возросла и большие компании это сразу поняли.

Они, вероятно, узнали о смерти Трэкота Кама как только патруль отправил свой доклад в штаб. У всех компаний были свои разведовательные и информационные службы и, поскольку Кам умер, не оставив наследников, они увидели в этом шанс и тотчас же им воспользовались. Однако — тут челюсти Дэйна сжались — они здесь не получают ничего. Законным торговцем на этой планете был лишь капитан Джелико с «Королевы Солнца». Их права были заверены полицейским патрулем на Лимбо и все, что оставалось сделать представителю «Интерсолар» — это поклониться и как можно быстрее убраться.

Но человек «Интерсолара», казалось, не торопился так поступать. Он с высокомерным видом уселся на свободную табуретку, а юноша в форме его компании поставил перед ним образцы товаров примерно того же типа, что лежали и перед Ван Райком. Но суперкарго ничем не проявил своего удивления.

Один из младших воинов Вафта поднялся и хлопнул в ладоши. В помещение вошел сарголиец в богатых одеждах, указывающих на высший ранг, но с ошейником, который надевали взятым в плен. В сопровождении того же воина он обошел всех собравшихся, наливая в кубки из своего кувшина пурпурную жидкость. Наследник Вафта попробовал эту жидкость перед тем, как ее предложили собравшимся гостям. Когда они остановились перед Ван Райком, сарголиец только дотронулся до фляжки. Это означало, что земляне должны осторожно обращаться с местными продуктами и что они лишь символически попробуют этот напиток в знак начала торговых переговоров. Вафт поднял свой кубок и все повторили его жест. На быстром языке своего народа он произнес формулу, такую древнюю, что мало кто из сарголийцев смог бы перевести ее на разговорный язык. Они выпили и переговоры были открыты.

Первым заговорил пожилой сарголиец, сидевший слева от Халфера, человек без ножа-ногтя и в темном плаще, который вносил диссонанс в пестроту одежд его товарищей. Он говорил на традиционном торговом языке линго, о котором сарголийцы узнали от Трэкота Кама.

— Под белым, — он указал на щит наверху, — мы собрались поговорить об очень важных вещах. Но мы видим здесь два голоса, хотя каждый клан должен представлять лишь один отец. Скажите, чужеземцы, с кем из вас мы должны разговаривать? — и он перевел взгляд Вана Райка на представителя «Интерсолара».

Суперкарго «Королевы» не ответил. Он смотрел на человека компании. Дэйн неторопливо ждал, что тот на это скажет, но у того уже был готов ответ.

— Это правда, отцы кланов, что здесь два голоса, тогда как по правилам и обычаям он должен быть один. Но этот вопрос мы решим между собой. Разрешите мне удалиться и поговорить друг с другом. Тот же, кто вернется к вам, будет иметь все права для разговора, который больше не будет откладываться.

Вафт ответил прежде, чем это успел сделать приближенный Халфера, который говорил до этого:

— Лучше бы вы договорились прежде, чем пришли сюда. Идите, пока нет тени от щита, а потом возвращайтесь сюда и говорите только правду. Мы не будем ждать ради удовольствия чужеземцев.

Одобрительный гул встретил этот резкий ответ. «Пока нет тени от щита» — значит, до полудня. Ван Райк встал и Дэйн собрал образцы товаров. С тем же видом превосходства, с каким вошел, суперкарго покинул помещение.

Они уже были на дороге, ведущей к «Королеве», когда их нагнали представители компании.

— Капитан Грант желает посмотреть ваши права, — начал суперкарго компании, но Ван Райк прервал его уничтожающим взглядом.

— Если вы, браконьеры, хотите что-то сказать, скажите это на «Королеве Солнца» капитану Джелико, — выпалил он и пошел дальше.

Лицо его противника вспыхнуло и он прикусил нижнюю губу. Мгновение он колебался, а затем удалился в сопровождении своего помощника. Лишь пройдя половину пути до корабля, Ван Райк снова заговорил:

— Удивляюсь, почему все идет так легко, — пробормотал он. — Клянусь проколотым хвостом эксоло, это не самый счастливый наш день! — И он прибавил шаг.

Глава 2

КОНКУРЕНТЫ

— Стойте, представители «Интерсолара»!

Хотя торговцы по законам и традициям не использовали личное оружие за исключением случаев большой опасности и были вооружены лишь парализующими пистолетами, выстрел из которых лишал на некоторое время подвижности, но доставлял весьма неприятное ощущение, угрозы такого пистолета оказалось достаточно, чтобы три человека, подошедшие к трапу «Королевы», остановились.

Али небрежно держал в руке пистолет, но его глаза цепко следили за ними, а у вольных торговцев была такая репутация, что заставляла конкурентов из больших компаний уважать их. Жизнь преподавала вольным торговцам немало суровых уроков и они их хорошо усвоили. Дэйн, глядя через плечо помощника инженера, понял, что предположение Ван Райка о предстоящих переговорах оправдывается. Они покинули сарголийский центр торговли не более трех четвертей часа назад, а теперь внизу у трапа стояли капитан корабля компании «Интерсолар» и его суперкарго.

— Я хотел бы поговорить с вашим капитаном, — проворчал офицер «Интерсолара».

Лицо Али выразило крайнее отвращение. Это выражение вызвало у тех, к кому оно было обращено, самое дурное из глубины души. Дэйн испытал это на себе — он помнил первое знакомство с экипажем «Королевы».

— Но захочет ли он разговаривать с вами? — возразил Камил. — Стойте там, пока мы это не выясним.

Дэйн должен был исполнять роль гонца к капитану. Он отступил в корабль и взобрался по лестнице в командирскую рубку. Проходя мимо личной каюты капитана Джелико, он услышал приглушенный крик отвратительного капитанского любимца хубата — кошмарную помесь попугая, жабы и рака, одетого в голубые перья и склонного кричать и оплевывать всех входящих.

Поскольку хубат в присутствии хозяина вел себя спокойно, Дэйн прошел дальше и в штурманской рубке наткнулся на совещающихся капитана, штурмана и суперкарго.

— Ну? — изуродованная бластером щека капитана Джелико дернулась.

— Внизу капитан корабля компании «Интерсолар» со своим суперкарго, сэр. Они хотят вас видеть.

Рот Джелико был сжат в прямую линию, а глаза смотрели сурово. Инстинктивно рука Дэйна потянулась к рукоятке пистолета, укрепленного на поясе. Когда у старика такое лицо, гляди в оба.

«Итак, мы будем бороться!» — сказал себе Дэйн, думая о том, какие обязанности предстоит выполнять ему.

— Неужели? — начал Джелико, но оборвал фразу. Он умел подчинять свои чувства железной воле, когда это было необходимо. — Ладно, пусть остаются там, где стоят. Ван, мы пойдем к ним...

Мгновение суперкарго колебался, а его полуприкрытые глаза казались сонными. Можно было подумать, что его не интересует происходящее.

— Верно, сэр, — кивнул он наконец головой.

Ван Райк поднял свое тяжелое тело с маленького стула, на котором сидел, поправил тунику и надел шляпу с таким видом, будто ему предстояло представлять «Королеву» перед собранием вождей всего Саргола. Дэйн поспешил спуститься по лестнице и остановился рядом с Али. Теперь настала очередь человека у трапа задать нетерпеливый вопрос.

— Ну?

Видимо, это было любимое словечко из лексикона всех капитанов.

— Ждите, — ответил Дэйн, не собираясь расшаркиваться перед пришельцами. Пребывание в течение года на борту «Королевы Солнца» наполняло его гордостью за свою работу. Вольный торговец подчиняется только своим командирам и больше никому на целом свете — и даже между звездами, независимо от того, какие правила этикета приняты между компаниями.

Он ожидал, что офицеры «Интерсолара» после такого ответа уйдут. Капитана компании подобное требование ждать какого-то торговца, хотя и вольного, должно было разъярить до предела... Однако они остались и это свидетельствовало, что у экипажа «Королевы» было преимущество перед предстоящей сделкой. Некоторое время люди «Интерсолара» кипели внизу от злости. Али, развалившись у входа, поигрывал пистолетом, а Дэйн внимательно всматривался в травяной лес. Носком ботинка он постукивал по обшивке корабля, вопросительно глядя на Али.

— Кошачья награда, — ответил тот на его невысказанный вопрос.

— И что сегодня?

— Сахар, полная столовая ложка, — повернулся к ним помощник инженера. — Два цветных стержня. Так высоко они никогда еще не поднимали цен. Думаю, что они делят всю добычу поровну. Каждый вечер новый мальчишка приносит kota.

Как и все земные корабли, «Королева» в качестве важной составной части экипажа имела kota. Дородный Синдбад до их прибытия на Саргол не доставлял никакого беспокойства. Он исполнял свои обязанности по избавлению корабля от обычных и необычных вредителей с быстротой, аккуратностью и энергией. И когда они приземлялись на чужие планеты,

он никогда не проявлял желания убежать. Но запахи Саргола, очевидно, одурманили его, лишив достоинств и независимости солидного и немолодого кота. Теперь Синдбад убегал с корабля рано утром, а вечером его, протестующего голосом и когтями, приносил обратно кто-нибудь из туземных мальчишек за определенное вознаграждение. За три дня это была единственная удачная сделка, удовлетворяющая всех, за исключением Синдбада.

Стук башмаков по металлу предупредил о том, что спускаются офицеры «Королевы». Али и Дэйн отошли внутрь коридора, освободив выход для капитана Джелико и Ван Райка. Затем они вновь выглянули наружу, чтобы оказаться свидетелями встречи своих офицеров с офицерами «Интерсолара». Не было сердечных приветствий, иных проявлений гостеприимства, что можно было бы ожидать при встрече землян на этой чужой планете на расстоянии в четверть Галактики их родной земли, где все они выросли. Джелико и спускавшийся чуть позади Ван Райк остановились на последних ступеньках трапа, так что три представителя компании — капитан, суперкарго и охранник — хотели они того или нет, оказались в невыгодном положении и вынуждены были смотреть на командира «Королевы» снизу вверх, хотя они как представители могущественнейшей компании скорее были склонны презирать вольных торговцев.

Высокая, мускулистая и аккуратная фигура капитана «Королевы» производила впечатление большой силы, находящейся под контролем воли, а его лицо, покрытое густым космическим загаром, свидетельствовало, что это человек быстрых и решительных действий, и вывод этот подтверждался шрамом от выстрела бластера на щеке. Ван Райка, если бы не его одежда, посторонний наблюдатель мог бы принять за представителя компании высокого ранга, но только до тех пор, пока этот наблюдатель не уловил бы того, что скрывается за казавшимися сонными полуприкрытыми глазами и не услышал бы особой нотки в его спокойном и медлительном голосе. На первый взгляд эти два высших офицера вольной торговой службы были полной противоположностью друг другу, но действовали они как части одного слаженного механизма и служба изысканий на дюжине планет могла бы подтвердить это, опираясь на события прошлого.

Сейчас Джелико с щелканьем сдвинул каблуки своих ботинок и взмахнул рукой перед шлемом — жест, более подходящий для героических Патрульных из известной видеосерии.

— Джелико, «Королева Солнца», вольный торговец, — резко представился он и добавил: — Это Ван Райк, наш суперкарго.

Лицо капитана «Интерсолара» вспыхнуло.

— Грант, капитан «Дарта», — он сделал еле заметный знак, который можно было принять за салют. — «Интерсолар». Келли, суперкарго. — Третьего спутника он не назвал.

Джелико, обхватив большими пальцами пояс, ждал и после некоторого молчания Грант вынужден был начать:

— У нас время только до полудня...

Джелико продолжал ждать. Под его спокойным и ровным взглядом капитан компании продолжил, с трудом подбирая слова:

— Они дали нам время до полудня, чтобы собраться...

Раздался спокойный голос Джелико:

— Нам нечего собираться, Грант. Я имею право обвинить вас перед тор-

говой службой в браконьерстве. «Королева Солнца» — единственный корабль, который находится на этой планете на законном основании. Если вы немедленно стартуете, я оставляю это без последствий. В конце концов, у меня нет желания тратить время в поисках ближайшего патрульного крейсера.

— Вам не стоит так обращаться с «Интерсоларом». Мы хотели сделать вам предложение, — вступил в разговор Келли, потому что его командир не мог найти слов от возмущения.

— Вам, представителям «И — С», — с сарказмом произнес Джелико, — всегда не доставало образования. Советую лучше изучить кодекс и не только те статьи, которые в конце. Вы можете проверить наши права в Центре. И, думаю, чем скорее вы уберетесь, тем лучше будет для вас, иначе мы обвиним вас в эксплуатации чужой планеты.

Грант овладел своими чувствами.

— Мы здесь далеко от Центра, — напомнил он. Это было не только подтверждением факта, и все это поняли. «Королева Солнца» была вольным торговцем, одиноким на чужой планете, а корабль Гранта представлял собой компанию и по его просьбе в любой момент будут доставлены подкрепления, запасы и вообще что угодно.

Дэйн глубоко вздохнул. Компании, очевидно очень нужен Саргол, если они были готовы идти на нарушение закона. Капитан компании сделал шаг вперед.

— Думаю, мы поняли друг друга, — сказал он.

Ответил ему Ван Райк. Его глубокий голос был далеко разнесен ветром над травяным лесом.

— Ваши предложения?

Видимо, такой ответ на их угрозу подкрепил веру людей «И — С» в безнаказанность их действий, а их убежденность в том, что никакой вольный торговец не посмеет противостоять могуществу и власти компании, так и лезла в глаза.

— Мы выкупим ваши права с прибылью для вас и вы стартуете до назначенного сарголийцами времени.

— А какова прибыль?

— Ну, — пожал плечами Келли, — скажем, десять процентов стоимости последнего груза Кама.

— Как великодушно, не правда ли? — рассмеялся Джелико. — Десять процентов стоимости груза, который не может быть оценен. Банда на Лимбо не оставила записей о своей добыче.

— Мы не знаем, что он привез на Лимбо, — мягко сказал Келли. — Мы имеем в виду груз пряностей, доставленных в Аскол.

Теперь рассмеялся Ван Райк.

— Интересно, кто это придумал? — суперкарго вдохнул благоухающий ветер. — Этот человек может принести компании большую прибыль. Интересное предложение...

По тому, какое спокойно-удовлетворенное выражение приняли лица стоящих внизу людей, стало ясно, что люди компании уверены в своей победе. «Королеве» заплатят жалкие гроши, под угрозой возмездия она стартует с Саргола, а «Интерсолар» станет владельцем богатейшей торговли камнями корос. А усердие людей, добившихся этого, будет замечено и вознаграждено.

«Интересно,— размышлял Дэйн,— сталкивались ли они когда-нибудь с вольными?.. По их поведению это незаметно».

Ван Райк порылся в кармане и вытащил оттуда руку. На широкой ладони лежал плоский металлический диск.

— Это очень интересное предложение,— повторил он.— Я сберегу эту запись как сокровище.

Вид этого диска смыл с лица людей «Интерсолара» все удовлетворение. Кровь отхлынула от лица Гранта, Келли заморгал, а третий безымянный член отряда потянулся за парализующим пистолетом. Это движение не осталось незамеченным со стороны Дэйна и Али.

— Это вас успокоит,— заметил Джелико, протягивая открытый лист, полученный ими от службы.

— Вы бы лучше...— горячо начал капитан компании, но затем вновь взглянул на диск, который держал Ван Райк, металлопластовый предмет, содержащий запись его голоса, и замолчал.

— Да? — вежливо спросил суперкарго «Королевы Солнца».

Но Келли взял своего капитана за руку и повел его от корабля, убеждая его в чем-то.

— До полудня вы должны стартовать,— бросил им вслед Джелико, затем, обращаясь к суперкарго, добавил: — Не думаю, что они захотят это сделать.

Ван Райк кивнул.

— А что бы вы сделали на их месте? — спросил он.— Не думаю, чтобы Грант испытывал когда-либо подобное.

— Со временем успокоится,— ответил Джелико. Казалось, капитан утратил свое недоверие к будущему.

— Это,— Ван Райк снова спрятал диск в карман,— отгонит их на парсек или два. Грант не из тех, кто применяет бластеры. Нужно, чтобы Грант послушал эфир, тогда мы, возможно, сможем подготовиться к любым сюрпризам, если Грант запросит у кого-нибудь совета и помощи. Не думаю, что они теперь станут вмешиваться в наши дела с сарголийцами, им не захочется отвечать на неудобные вопросы, если мы попросим Патруль задать их им. Итак,— он потянулся и повернулся к Дэйну,— продолжим работу.

Вновь в двух шагах от Ван Райка Дэйн шел к торговому центру, где их ожидали вожди сарголийских племен. Им пришлось идти всего пять или шесть минут от корабля и сарголийцы ничем не выразили интереса к их возвращению, но Дэйн заметил, что теперь был оставлен только один пустой табурет. Сарголийцы ожидали для переговоров только одного земного торговца.

Последовала скучная церемония обмена банальностями, добрыми пожеланиями и приветствиями. Никто не упоминал камни корос или даже пахучую траву — то, что интересовало торговцев. Никто не давал знака, что готов к серьезной торговле — поднятая рука покупателя и поднятая рука продавца означали согласие или несогласие с ценой. Но подобные длительные переговоры были частью устава Торговой службы, а Дэйн, слушая эти приглашения и речи выпить вместе, в то же время внимательно разглядывал все окружающее, пытаясь все оценить и классифицировать.

Ключом к характеру сарголийцев была осторожная независимость. Единственной формой правления, которую они признавали, была семейно-

клановая организация. Кровная месть и ожесточенные схватки были обычными в их жизни, и каждый мужчина, достигший совершеннолетия, был вооружен и в любой момент был готов схватиться с противником, пока не становился «говорящим о прошлом», то есть слишком старым, чтобы владеть оружием. Но вследствие постоянных схваток и войн лишь немногие сарголийцы доживали до подобного состояния. Иногда заключались кратковременные союзы между семьями, обычно тогда, когда у них был общий, но более сильный враг. Только под торговым щитом вожди этих семи кланов встречались без своих воинов.

За час до захода солнца Вафг перевернул свой кубок вверх дном и поставил его на стол. Этот жест был повторен тотчас же всеми вождями. Переговоры на этот день были закончены.

«И,— подумал Дэйн,— они не принесли ничего. Что же такое открыл Трэкот Кам, что позволило ему заключить торговую сделку с этими подозрительными существами? Если люди с «Королевы» не узнают этого, они могут провести все время до истечения прав на эту планету в подобных бесполезных переговорах».

В школе Дэйна учили, что часто торговый контракт с чужой расой требует долгой и терпеливой подготовки. Но между тем, что говорил преподаватель, и тем, что он испытывал на себе, была пропасть, и он печально подумал, что ему еще многому предстоит научиться, прежде чем он сможет в любой ситуации вести себя с несокрушимым терпением и самоуверенностью Ван Райка. Казалось, суперкарго несколько не устал от этих бессмысленных переговоров, и Дэйн знал, что Ван Райку предстоит как минимум полночи, чтобы уже в сотый раз перечитать те короткие записи Трэкота Кама, которые им достались, чтобы попытаться понять, почему и как другой вольный торговец преуспел там, где люди «Королевы» наталкиваются на каменную гору. Как знал Дэйн из записок Трэкота Кама, сбор камней корос был опасным занятием. Хотя здесь, в материковой части планеты, власть сарголийцев была неоспоримой, совсем иначе обстояло дело в стране мелких морей. Там хозяевами были горпы и нужно было постоянно опасаться нападения этих хитрых разумных рептилий, чьи мыслительные процессы были так далеки от мышления и сарголийцев, и землян, что казалось, что никакой контакт с ними вообще невозможен. Собирая камни корос, приходилось, следовательно, рисковать жизнью ради выгоды и, вероятно, сарголийцы не видели в этом необходимости.

Однако Трэкоту Каму удалось привезти полный мешок камней, то есть ему каким-то образом удалось договориться с ними. Ван Райк взбежал по трапу, как будто ему не терпелось заняться записями, но Дэйн задержался и тоскливо поглядел на травяные джунгли. По его мнению, эти ранние вечерние часы были лучшими на Сарголе. Воздух был золотым, ночные ветры еще не поднялись. Дэйну не хотелось менять этот простор на тюремное заключение в корабле. Пока он так размышлял, из отдаленного леса показались два юных представителя разумного населения планеты. Они несли одну из своих охотничьих сетей, которая в этот раз была использована для поимки необычного пленника — они пришли за наградой за поимку Синдбада. Дэйн отправился за этим вознаграждением, но к его изумлению один из туземцев указал выпученным пальцем-ногтем на трап.

— Идти,— с трудом сказал он на линго.

Так как изумление, по-видимому, ясно выразилось на лице Дэйна, мальчишка энергично указал головой и поставил ногу на трап, подтверждая тем самым свое желание. Это желание одного из сарголийцев было тем более удивительным, что до сих пор все они единодушно показывали, что запахи человека непереносимы для настоящего, в их понимании, человека. Однако следовало использовать любую возможность для лучшего их понимания, как бы мала она не была. Дэйн взял мяукавшего Синдбада и поманил сарголийца:

— Идем.

Только один из них последовал за ним, а второй смотрел на это широко раскрытыми глазами и затем, когда товарищ позвал его, повернул назад в лес. Он не хотел идти в ловушку. Дэйн поднялся по трапу, не обращая внимания на поведение сарголийцев, видимого внимания, не понуждая оставшегося юнца, когда он один или два раза чуть помедлил. В мозгу помощника суперкарго лихорадочно перелистывался список товаров. Что из этого списка могло бы привлечь юного сарголийца с таким многообещающим любопытством? Если бы он имел время посоветоваться с Ван Райком.

Сарголиец уже был внутри коридора и его ноздри широко раздувались, вбирая запахи этого необычного места. Внезапно его голова дернулась, будто она попала в одну из охотничьих сетей. Его интерес был возбужден незнакомым запахом, который ощутился его чувствительными органами обоняния. Его глаза встретились с глазами Дэйна. Землянин приветливо кивнул и неторопливо пошел вслед за юным сарголийцем в верхние помещения «Королевы Солнца».

Глава 3

НАКОНЕЦ КОНТРАКТ

— Что за... — Френк Мура, стюард, кладовщик и кок «Королевы», отступил на шаг в ближайший проход, когда юный сарголиец влетел в его сектор.

Дэйн, держа в руках Синдбада, шел за своим гостем и успел увидеть, как тот внезапно остановился перед наиболее важной дверью корабля — дверью, которая вела в гидропонный зал, обновляющий кислород и снабжающий экипаж фруктами и овощами, что весьма разнообразило диету из концентратов. Сарголиец притронулся рукой к гладкой поверхности запертого помещения и вопросительно взглянул на Дэйна. В его взгляде ясно читалась просьба. Руководимый лишь инстинктом, что весьма важно для всех торговцев, Дэйн спросил Муру:

— Френк, можно впустить его туда?

Это было неблагоразумно и, может быть, даже опасно, но каждый член экипажа понимал необходимость установления контакта с туземцами. Мура даже не удосужился кивнуть, а просто просунулся между сарголийцем и дверью и открыл замок. Свежий запах земли и растений, которого так не доставало благоуханиям этой чужой планеты, ударил им в лицо. Юноша остался на месте, высоко подняв голову. Широко раскрытыми ноздрями он ловил незнакомые запахи. Затем он двинулся осторожной, краду-

щейся походкой, которая была унаследована им от предков, по узкому коридору к зеленой массе в дальнем конце помещения.

Дэйн выпустил мяукающего и вырывающегося Синдбада из рук. Это была территория кота и он очищал ее от захватчиков. А сарголиец нашел то, что искал. Он стоял на цыпочках у одного из растений в состоянии экстаза и его желтые глаза были полужакрыты. Дэйн в поисках объяснения взглянул на стюарда.

— Френк, что его так заинтересовало?

— Кошачья мята.

— Кошачья мята? — повторил Дэйн. Это название для него ничего не значило, у Муры была привычка выращивать незнакомые растения и изучать их. — Что это такое?

— Земная трава, один из видов мяты, — кратко объяснил Мура, идя по узкому коридору к туземцу. Он сорвал лист и растер его пальцами.

Дэйн, чье обоняние было ослаблено острыми ароматами, окружавшими его весь день на планете, не почувствовал нового запаха, но юный сарголиец тут же повернулся к стюарду и широко раскрыл глаза, а кот Синдбад издал скулящий вой, подпрыгнул и сунул голову между рук стюарда. Наконец-то это вышло — они сделали первый шаг!

— Можно дать ему лист или два? — подошел поближе Дэйн и спросил у Муры.

— А почему бы и нет? Я выращиваю его для Синдбада. Для кошки это все равно что табак для курильщика или выпивка для пьяницы.

По поведению Синдбада Дэйн предположил, что растение действует на кошачий организм как стимулятор, подобно алкоголю или никотину. Он осторожно сорвал веточку с тремя листиками и протянул ее сарголийцу. Тот взглянул на него, схватил подарок, выскочил из сада, будто его преследовали кровные мстители из другого клана, и Дэйн услышал топот его ног на лестнице — очевидно, туземец решил побыстрее убраться с драгоценным подарком. Но вот помощник суперкарга нахмурился, увидев, что в саду было лишь пять таких растений.

— Это вся кошачья мята?

Мура взял кота на руки и выпроводил из сада Дэйна.

— Не было нужды выращивать ее в больших количествах. Небольшой порции этой травы хватает надолго для Синдбада. — Он выпустил кота в коридор. — Листья можно высушивать. Думаю, в камбузе есть большой ящик с высохшими растениями.

Это был успех. Неужели найден ключ к торговле драгоценными камнями корос? И все зависит от пяти небольших растений и ящичка с засушенными листьями. Надо сообщить Ван Райку. Но к большому недоумению Дэйна суперкарго не проявил никакой радости, когда его помощник изложил ему все подробности своего открытия. Наоборот, тот, кто хорошо знал Ван Райка, понял бы, что тот недоволен чем-то. Он выслушал Дэйна и встал. Поманив указательным пальцем помощника, он пошел из своей каюты в кабинет врача Тау.

— Задача для вас, Крэйг. — Ван Райк опустился на откидное сидение, предложенное ему Тау. Дэйн остался у входа, теперь уже понимая, что вместо благодарности, которую он ожидал услышать, его ожидает выговор, но причина была ему неясна. — Что вы знаете о растении, которое Мура

выращивает в гидропонном саду, он его называет кошачьей мятой? — продолжал суперкарго.

Тау не проявил удивления от этого вопроса — врач корабля вольной торговли вообще ничему не удивлялся. За первые годы службы он исчерпал всю свою возможность удивляться и после этого принимал любое происшествие, сколь угодно таинственным оно бы не было, просто как реальную действительность. Вдобавок хобби Тау была магия — скрытые знания, используемые первобытными докторами и знахарями на чужих планетах. У него была целая библиотека рецептов, дополнительных источников знания об определенных результатах опытов с различными веществами. Время от времени он отсылал в Центральную службу доклад, который прочитывался полудюжиной чиновников с поднятыми от удивления бровями, после чего его благополучно забывали. Но это не разочаровывало врача «Королевы».

— Это земная трава из семейства мяты, — ответил он. — Мура выращивает ее для Синдбада. Она оказывает определенное влияние на кошачьих. Френк старался приучить его возвращаться на корабль, позволяя ему кататься на высушенных листьях, и Синдбад с удовольствием проделывал это, а затем снова убегал.

Это кое-что объяснило Дэйну — почему сарголийский мальчик хотел войти в корабль. Запах растения задержался на кошачьей шерсти, сарголиец уловил его и захотел установить источник этого запаха.

— Это наркотик? — спросил Ван Райк.

— В той же степени, что и все остальные растения. В этом смысле чай тоже можно считать наркотиком. У мяты нет особых медицинских свойств. Для кошек она служит стимулятором, они получают то же удовольствие, катаясь в листьях и поедая их, как мы от выпивки.

— Эти сарголийцы, в некотором роде, тоже кошки, — пробормотал Ван Райк.

— Сарголийцы узнали о существовании кошачьей мяты? — выпрямился Тау.

Ван Райк кивнул на Дэйна, и тот повторил свой рассказ. Когда он закончил, Ван Райк прямо спросил врача:

— Как повлияет кошачья мята на организм сарголийцев?

Только тогда Дэйн понял, что он наделал. Они не проверили влияние растения с чужой планеты на метаболизм сарголийцев. Что, если он дал туземцам Саргола опасный наркотик, внушил этому юноше пагубную привычку? Дэйн похолодел. Он же мог отравить его!

Тау взял свою фуражку и после секундного колебания медицинскую сумку, задав лишь один вопрос Дэйну:

— Есть ли хоть какие-нибудь сведения о том, откуда этот юноша, из какого клана?

И Дэйн, похолодевший от ужаса, был вынужден ответить отрицательно.

«Что я наделал, как же я не сообразил всего?» — подумал он.

— Вы сможете найти его? — спросил Ван Райк врача, игнорируя Дэйна.

— Постараюсь, — пожал плечами Тау. — Сегодня утром я встречался с их жрецами, которые одновременно являются здесь и врачами. Они приняли меня хорошо, но при сложившихся обстоятельствах надо попытаться что-нибудь сделать.

В коридоре Ван Райк распорядился:

— Думаю, Торсон, вам лучше всего побыть в каюте, пока мы не выясним, как обстоит дело.

Дэйн отсалютовал. Голос его начальника прозвучал как удар хлыста, много хуже, чем брань. Он проглотил комок в горле и заперся в своей каюте. Происшествие могло быть концом его службы. И он будет счастлив, если у них вообще не отберут права на Саргол. Как только хоть слабый намек донесется до людей «Интерсолара», компания подаст на них рапорт в Центр и добьется, чтобы у них отобрали права. И все это из-за его глупости! Он самонадеянно решил, что добьется успеха там, где капитан и Ван Райк наткнулись на каменную стену. И даже больше, чем будущее «Королевы», его беспокоила мысль о том, что он, подарив эту веточку с листьями, принес на Саргол опасный наркотик. Когда он поумнеет? Дэйн лег вниз лицом на свою койку и уныло рисовал в своем воображении длинную вереницу бедствий, которые могут последовать за его необдуманным и поспешным поступком. День и ночь на «Королеве» были искусственными — свет в каюте не менялся. Он не знал, сколько времени пролежал так, размышляя о своем поступке.

— Дэйн! — ворвался в его кошмар голос Рипа Шеннона, но он не откликнулся. — Тебе приказано явиться к Ван Райку.

Почему такой приказ? Вероятно, чтобы отвести к капитану Джелико... Дэйн встал, посмотрел на себя в зеркало и поправил одежду, избегая смотреть Шеннону в глаза. Рип был одним из тех, кого он тоже подвел, но тот не замечал его настроения.

— Пойдем, сам посмотришь. Пол-Саргола собралось там внизу. Требуем начать торговлю.

Это объяснение было так далеко от того, что он ожидал услышать, что Дэйн вздрогнул, оторвавшись от своих печальных мыслей. Коричневое лицо Рипа широко улыбалось, а черные глаза сверкали. Было ясно, что он в отличном настроении.

— Пошли быстрее, — посоветовал он, — не то Ван Райк испепелит тебя своим гневом.

Дэйн последовал его совету, быстро поднявшись вверх по проходу и проследовав к выходу из корабля. То, что он увидел внизу, ошеломило его. На Саргол опустился вечер, но место действия внизу было освещено. Пылающие факелы выстроились цепочкой от самого травяного леса, а свет переносных корабельных прожекторов смешался со светом факелов, превратив ночь в день. Ван Райк и Джелико сидели на табуретах лицом к лицу с пятью из семи вождей кланов, с которыми они вели переговоры. За своими вождями толпились сарголийцы низших рангов. Да, здесь были и паланкины, и оргалы — верховые животные, со спины одного из которых с помощью двух слуг слезала знатная женщина. Значит, пришли и женщины. Это могло означать только одно — торговля началась. Но торговля чем?

Дэйн опустился на траву. Он увидел Вафта, который протягивал Ван Райку руку, закрытую торговым полотном. Пальцы Ван Райка были прикрыты носовым платком. Их руки под складками ткани соприкоснулись. Торговая сделка находилась в начальной стадии. И это была важная сделка, поскольку ее проводил сам вождь. В записках Кама сообщалось, что обычно подобные сделки совершают приближенные вождя. Небольшая кучка камней

на табурете рядом с вождем отражала свет прожекторов и факелов. Дэйн глубоко вздохнул. Он слышал описание камней корос и даже видел их фотографии, найденные в бумагах Кама, но все это не давало никакого представления об истинном виде камней. Он знал результаты химического анализа этих камней. Они, подобно земному янтарию, были окаменевшей смолой древних растений — возможно, предков травяных деревьев, — долго пролежавшей в соленом растворе мелких морей, где химические процессы привели к превращению смолы в настоящую драгоценность. Здесь были все оттенки розового — от розово-абрикосового до насыщенного розово-лимонного, но в глубине камни приобретали другой цвет — цвет серебра и огненного золота. Казалось, внутри их вспыхивали сверкающие искры. И, что прежде всего привлекало в этих камнях сарголийцев, потертый о кожу и согретый теплом тела корос испускал запах, который очаровывал не только туземцев, но и любого жителя Галактики, достаточно богатого, чтобы завладеть этим камнем.

На другой табуретке у правой руки Ван Райка стоял пластмассовый ящик с сухими листьями. Дэйн, стараясь остаться незамеченным, прошел к своему обычному во время торговых операций месту за спину Ван Райка. Группы сарголийцев продолжали входить из леса. Слуги и одетые в пестрое воины несли факелы. Несколько в стороне стояла группа туземцев, которых он раньше не видел. Они собрались группой у древка, воткнутого в землю, на верхушке которого был прикреплен белый вымпел, означавший, что это место является временным Центром торговли. Это, несомненно, были тоже сарголийцы, но их одежда не была такой пестрой и разнообразной, как у остальных. Все они были одеты в тусклые длинные накидки коричнево-зеленого оттенка с рукавами. Их одежда напоминала цвет сарголийского неба перед приближением бури.

Это были жрецы. Кам оставил лишь несколько пометок о религии сарголийцев, но жрецы обладали большой властью и то, что они признали земных торговцев, было весьма хорошим предзнаменованием. В группе жрецов стоял один землянин — врач Тау, и серьезно разговаривал с главным жрецом. Дэйн дорого бы заплатил, чтобы подойти к Тау и расспросить его, было ли это собрание вызвано его открытием в саду. Но пока он размышлял об этом, торговое полотнище было снято с рук и Ван Райк через плечо отдал приказание:

— Отмерь две столовых ложки сухих листьев.

Дэйн старательно исполнил приказ. В то же время слуга сарголийского вождя перенес горсть камней с одного табурета на другой и высыпал их перед Ван Райком, который положил их между ног. Вафт встал, но лишь освободил торговое сидение. Его тотчас же занял другой вождь. Торговое полотнище в полной готовности было обернуто вокруг его запястья. Но в этот момент торговля была прервана, новый отряд появился на поляне. Это были люди в форме Торговой службы. Их одежда выделялась темным пятном на фоне разноцветных одеяний сарголийцев, через толпу которых они прокладывали себе дорогу.

Люди «Интерсолара» здесь! Значит, они не улетели с Саргола! Они не выказывали никакой неловкости, будто именно их права были нарушены вольными торговцами. И Келли, их суперкарго, важной походкой направился к месту торговли. Шум голосов сарголийцев смолк, они немного от-

ступили, оставив два отряда землян лицом к лицу, ожидая развязки событий. Ван Райк и Джелико молчали, представляя Келли объяснять причину их появления здесь.

— Вы пошли по кривой дорожке, парни,— усмехнулся Келли, полный торжества.— Статья Шестая или это слишком сложно для ваших голов?

Третий раздел Кодекса, статья Шестая... Дэйн напрягал память, пытаясь припомнить этот закон обучения, мелькали в голове:

«Ни один торговец не имеет права предлагать туземцам наркотики, пищу и питье с других планет, пока не будет доказано, что эти вещества безвредны для туземцев».

Вот оно что! Представители компании одолели их и в этом была его вина. Но если он был так неправ, то почему же Ван Райк организовал торговлю, превратив ошибку в преступление, за которое они будут отвечать перед Центром и их могут лишить прав на Саргол.

Ван Райк вежливо улыбнулся.

— Четвертый раздел Кодекса, статья Вторая,— сказал он с выражением игрока, открывающего выигрышную карту.

Четвертый раздел, статья Вторая гласила:

«Любое органическое вещество, предлагаемое для торговли, должно быть испытано комиссией опытных медицинских экспертов, в которой должно быть равное количество землян и туземцев».

С лица Келли не сходила презрительная усмешка.

— Ну,— сказал он,— где же ваша экспертная комиссия?

— Тау! — позвал врача Ван Райк.— Не сможете ли вы представить суперкарго Келли своих коллег?

Высокий загорелый врач сказал что-то стоявшему рядом с ним жрецу и они вместе направились через поляну к месту торговли. Джелико и Ван Райк встали и склонили головы, приветствуя жреца, как это сделал вождь, с которым они договаривались.

— Чтец облаков и хозяин ветров,— голос Тау звенел, перечисляя титулы сарголийца,— позволь привести пред твое лицо суперкарго Келли, слугу торговой компании «Интерсолар»?

Бритый череп и кожа жреца при свете прожекторов были серыми. Его сине-зеленые глаза с независимым видом рассматривали отряд компании.

— Я нужен вам? — очевидно, он считал, что глубоко проникает в сущность вещей.

Келли не смутился.

— Эти вольные торговцы распространили среди ваших людей сильный наркотик, который принесет много зла.— Он говорил медленно, подбирая выражения, словно обращался к ребенку.

— Вы уверены в этом? — спросил жрец.— Какого рода зло принесет это растение?

На мгновение Келли растерялся, но быстро нашелся:

— Его не испытывали и поэтому вы не знаете, как оно скажется на ваших людях.

Жрец нетерпеливо встряхнул головой.

— Мы не лишены рассудка, торговец. Это растение БЫЛО испытано и вашими хозяевами секретов жизни, и нашими. В нем нет вреда. Это хорошая вещь, которую надо высоко ценить. Мы должны поблагодарить того,

кто принес его нам. И кончим этот разговор.— Он плотно запахнул свою одежду и отошел.

— Теперь,— сказал Ван Райк, обращаясь к отряду компании,— я прошу вас уйти. По законам торговли ваше присутствие здесь незаконно.

Но Келли не утратил своей самоуверенности.

— Вы еще не все выслушали. Доклад об этом уже отправлен в Центр.

— Это ваше право. А пока...— и Ван Райк указал на сарголийцев, которые нетерпеливо зашумели.

Услышав этот гул, Келли оглянулся и сделал единственно возможный вывод. Отряд компании стал удаляться от «Королевы».

Дэйн схватил Тау за руку и задал ему вопрос, который мучил его с момента выхода из корабля.

— Что случилось? Это связано с кошачьей мятой?

Серьезное лицо Тау несколько прояснилось.

— К счастью для нас, этот малыш принес листья жрецам. Они попробовали их и я не заметил никакого вредного воздействия. Но вы хорошо отделались, Торсон. Все могло кончиться гораздо хуже.

Дэйн вздохнул.

— Я знаю это, сэр,— согласился он,— и я постараюсь, чтобы.

Тау слегка улыбнулся.

— Мы все проходим через это. Надеюсь, в будущем...

Но он не успел закончить, как Дэйн прервал его:

— В будущем этого никогда не случится, сэр!

Глава 4

ОХОТА НА ГОРПОВ

Задержка изменила ход торговли. Младший вождь, занявший место Вафта, предложил лишь два камня корос, которые даже на неопытный взгляд Дэйна были хуже по цвету и качеству тех, которые предлагал вождь первого клана. Земляне знали, что сбор камней корос — опасное занятие, но они и не предполагали, что запас камней корос так мал. Через десять минут закончилась последняя сделка и вожди ушли из освещенного круга, пройдя между киями оперения «Королевы Солнца». Дэйн, обрадовавшись порученному заданию, убрал торговую ткань. Он чувствовал, что далеко еще не вернул себе хорошее отношение Ван Райка. То, что его начальник не обсуждал с ним результатов сделки, было плохим признаком. Капитан Джелико удовлетворенно потянулся. Вот он был доволен.

— Десять первоклассных камней, около пятидесяти — второго сорта и двадцать или около того — третьего. Вожди завтра отправятся на рыбную ловлю. Вот после этого мы увидим настоящие камни.

— А как с запасами травы?

Дэйна это тоже интересовало. Несомненно, нескольких маленьких растений в саду и ящичка сухих листьев хватит ненадолго.

— Мало, как и следовало ожидать.

Ван Райк нахмурился.

— Но Крейг говорит, что он что-то придумал.

Жрецы выдернули древко, обозначавшее временное перемирие, и обернули вокруг него белый вымпел. Их глава тоже удалился и Тау подошел к группе у трапа.

— Ван говорит, что у вас есть идея? — окликнул его капитан.

— Мы еще не все использовали. И не сможем использовать, пока не согласятся жрецы.

— Да, больше ошибок допускать нельзя, — согласился Джелико.

Капитан не обращался непосредственно к нему, но Дэйн был уверен, что Джелико имел в виду его. Что ж, не стоило напоминать, он никогда больше не допустит подобной ошибки, они могут быть в этом уверены. Он принял участие в собрании в кают-компании только потому, что был членом экипажа. Он не мог не выяснить, насколько его ошибка отразилась на отношении других к нему, но не мог поговорить об этом деле с Рипом. Тау расположился рядом с Мурой, как со своим искусным помощником. Он рассказал, что знал, о свойствах кошачьей мяты и сообщил об ограниченных запасах этого растения на «Королеве». Затем он высказал новое предположение:

— Кошачьи на Земле подобно многим иным млекопитающим испытывают тягу вот к этому. — Мура протянул небольшую бутылочку.

Тау открыл ее и протянул капитану Джелико. Передавая ее друг другу каждый член команды почувствовал острый запах. Он был еще острее, чем запах растертых листьев мяты. Дэйну запах не понравился, но спустя мгновение из коридора прибежал Синдбад и совершил непростительный грех, забравшись на стол кают-компании как раз перед Мурой, который взял бутылочку у Дэйна. Кот жалобно замыкал и вцепился в обшлаг Муры. Тот закрыл бутылочку и спустил кота на пол.

— Что это? — пожелал узнать капитан.

— Анисовое масло. Его изготавливают из семян аниса. Это стимулятор, но мы его используем как приправу. Если оно безвредно для сарголийцев, то это будет для них более ценным, чем любой товар, который сможет предложить компания «Интерсолар». А эта компания со своими неограниченными возможностями и капиталами сможет завалить рынок любым товаром и предлагать его по цене ниже себестоимости, чтобы разорить нас. Их корабль не покинул Саргол, хотя и не имеет права здесь оставаться.

— И вот еще что, — добавил к этой лекции Ван Райк. — Компания торгует или собирается торговать благовониями. Но у них только искусственные вещества... Сильно пахнущие, но синтетические. — Он вынул из кармана два небольших ящичка.

Вдохнув сильный аромат, доносившийся из ящичков, Дэйн определил, что это предмет роскоши с Каспера, искусственный дорогостоящий предмет, который расходуется по всем цивилизациям Галактики, и показал всем выгравированный на ящичках символ их конкурента — торговую марку «Интерсолар».

— Сарголийцы предложили мне в обмен эти ящички. Я взял их, лишь бы иметь доказательства, что компания торговала здесь. Но заметьте, их предложили мне вместе с двумя камнями корос... за столовую ложку листьев кошачьей мяты. Так что это значит?

— Сарголийцы предпочитают натуральные продукты искусственным, — ответил первым Мура.

— Да, я тоже так считаю.

— Думаете, в этом и заключается секрет Кама? — предположил штурман Стин Вилкоккс.

— Во всяком случае, — заключил Джелико, — он знал это. Если бы мы знали об этом...

Все подумали о том же — о кладовых, заваленных бесполезными товарами. Если бы они знали заранее, их корабль захватил бы в двадцать раз больше травы с гораздо большей покупательной способностью.

— Может быть, теперь, когда их торговое сопротивление сломлено, мы сможем предложить и другие вещества, — задумчиво сказал Тан, отвернувшись от своего любимого пульта связи. — Они любят цвет — не предложить ли им несколько рулонов шелка харлианских мотыльков?

Ван Райк утомленно вздохнул.

— Попробуем. Мы попробуем все, что возможно, но делать это следует как можно лучше.

Он размышлял о превратностях судьбы, которая занесла их на планету с выгодной торговлей, но без запасов необходимых товаров. Раздался слабый кашель, которым обычно прочищают горло, как бы извиняясь. Джаспер Уикс, маленький слесарь и смазчик механизмов инженерной секции, представитель третьего поколения венерианских колонистов, о присутствии которого другие более горластые члены экипажа обычно склонны забывать, смутился, увидев, что все глаза обращены на него, и заговорил хриплым голосом:

— Кедр, лаквеловая кора, семена форша...

— Корица, — добавил к этому списку Мура, — предложенная в небольших количествах.

— Естественно! Единственный сейчас вопрос — как много кедра, лаквеловой коры, семян форша и корицы есть у нас на борту? — спросил Ван Райк.

Уикс, казалось, не заметил сарказма. К их удивлению, маленький человек, пробравшись между товарищами, вышел из кают-компании. Они услышали звук его ботинок по узкой лестнице — он спускался в помещение машинной секции. Тан повернулся к своему соседу, Иоганну Штоцу, начальнику инженерной секции «Королевы».

— Куда он пошел?

Штоц пожал плечами. Уикс был незаметным человеком, даже в темных помещениях корабля он старался никому не попадаться на глаза. И сейчас все поняли, что мало его знают. Они услышали звук шагов возвращающегося Уикса. Тот торопливо вошел в кают-компанию и подошел к столу, за которым сидели Джелико и Ван Райк. В его руке был стальной сундучок с отдельными пластмассовыми деталями, в которых члены экипажа держали свои ценности. Крепкие замки служили гарантией от любопытства посторонних. Уикс поставил его на стол и открыл крышку. Новый аромат или ароматы прибавились к запахам, заполнявшим кают-компанию. Уикс черпнул пригоршню пушистого вещества, которое просачивалось сквозь пальцы подобно мыльной пене. Затем с большой осторожностью он вытащил поднос, разделенный на множество отделений, каждое из которых было с отдельной крышкой. Команда «Королевы» придвинулась поближе, любопытство у всех возросло.

Дэйн благодаря высокому росту имел преимущество перед остальными, хотя широкая спина Ван Райка и мощные плечи капитана находились перед ним и прикрывали предмет, который их так интересовал. В каждом отделении находились разные фигуры, видимые сквозь полупрозрачную крышку. Здесь был таинственный обитатель болот Венеры, рядом с ним точное изображение земных животных, марсианская песчаная мышка во всей своей чудовищной дикости, а также туземные животные и рептилии с полусотни различных планет. Вслед за первым Уикс извлек второй поднос, также заполненный многочисленными странными формами жизни. Когда он снял крышку с одного из отделений и протянул фигурку капитану, Дэйн понял, зачем были принесены эти фигурки.

Большинство из них были вырезаны из сероватой древесины и Дэйн знал, что если он взял фигурку в руки, она бы почти ничего не весила. Эта была лаквеловая кора — благоухающий продукт венерианских растений. Все фигурки лежали в мягком облаке пенистого вещества — семени ароматического растения, которое выращивается в холодных зонах марсианских каналов. Одна или две фигурки на втором подносе были вырезаны из коричнево-красного дерева, и Ван Райк с оценивающим видом понюхал их.

— Кедр, земной кедр, — пробормотал он.

Уикс утвердительно кивнул головой. Глаза его сияли.

— Сейчас я хочу приняться за сандал, из него тоже хорошо вырезать. Джелико с удивлением посмотрел на стол.

— Все это сделали вы?

Будучи ксенологом-любителем, он больше заинтересовался формами внеземной жизни, нежели материалом, из которого они были сделаны. У всех на борту «Королевы» было какое-нибудь хобби. Монотонность долгих путешествий в гиперпространстве, когда многочисленные обязанности занимают мало времени, а теснота помещений способствует раздражительности, заставляли искать занятия для мозга и рук. Каюта Джелико была завалена изображениями редких животных и чуждых созданий, которых он изучал в их родной обстановке, и о которых делал тщательные записи. У того же Тау была магия, у Муры не только растения, но и миниатюрные пластмассовые шары, внутри которых он заключал причудливых насекомых с чужих миров. Но Уикс никогда раньше не показывал свои работы и теперь наслаждался производимым эффектом, артистически демонстрируя фигурки своим товарищам. Суперкарго снова вернулся к основной теме:

— Вы хотите все это отдать для торговли? — резко спросил он. — Сколько их у вас?

Уикс, доставая третий, а за ним и четвертый подносы, ответил, не глядя:

— Две сотни. Да, я хочу отдать их, сэр.

Капитан вертел в руках отлично сделанную фигурку астранского дускорпа.

— Жаль их продавать, — громко сказал он и затем добавил: — Вафт или Халфер должны оценить их не только по запаху.

— Не беспокойтесь, сэр, — улыбнулся Уикс, — я изготовлю еще. Думаю, что компания не сможет предложить им что-либо подобное, — добавил он с чувством гордости.

— Конечно, не сможет! — ответил Ван Райк.

Так они строили планы на будущее, а затем разошлись спать по каютам. Дэйн знал, что его промах не забыт и не прощен, но он слишком устал, чтобы думать об этом сейчас, и уснул так, будто совесть его была чиста.

Однако наутро выяснилось, что лишь несколько сарголийцев низших рангов явились для торговли и никто из них не предложил ничего ценного. Жрецы в качестве нейтральных судей отправились распределять участки с камнями корос, а воины под руководством вождей кланов были заняты сбором камней. Из полученных крох информации земляне поняли, что сбор камней корос никогда не проводился в таких масштабах. К вечеру подошла еще одна новость, гораздо более тревожная. На Вафта, вождя одного из двух самых могущественных кланов, напал горп, когда он руководил сбором камней корос на мелководье. Вафт был убит. Необычная активность сарголийцев в районе мелких озер вызвала появление целых полчищ этих разумных и злобных рептилий. Горпы нападали и убивали, прежде чем сарголийцы сумели организовать достаточную защиту от них. В полном молчании горпы сначала перебили часовых сарголийцев, а затем напали на собирателей камней.

Какое-то количество жизней сборщиков и рыбаков должно было быть отдано за камни, сарголийцы предвидели это заранее. Но смерть вождя — это совсем другое дело, и она должна была вызвать далеко идущие последствия. Когда эта новость дошла до сарголийцев, собравшихся вокруг «Королевы», они немедленно скрылись в травяном лесу и впервые с момента приземления земляне освободились от глаз тайных наблюдателей.

— Что же будет? — спросил Али. — Неужели они прервут с нами торговлю?

— Это было бы большим несчастьем, — согласился Ван Райк.

— Может быть, — сказал Дэйну Рип, — они считают нас ответственными?

Но Дэйн, вообще болезненно относившийся ко всем перипетиям торговли с сарголийцами, сам пришел к такому же выводу. Земляне, не зная, какую тактику избрать в подобной ситуации, мудро решили ничего не делать — время покажет, но, когда на следующий день не явился ни один сарголиец, люди забеспокоились. Вызвала ли смерть Вафта войну между кланами за наследство, где каждый клан поддерживает одного из претендентов? Или, что было более вероятным и опасным, сарголийцы пришли к выводу, что «Королева Солнца» ответственна за случившееся и готовились к «теплому» приему любых торговцев, которые осмелятся к ним явиться?

Поскольку все это было возможным, экипаж «Королевы» не отходил далеко от корабля и пределом их прогулок была опушка травяного леса, из которого за ними могли незаметно наблюдать. Однако вскоре с шумом явился вестник от сарголийцев. Это был молодой воин в блестящем и разорванном платье, ключья которого свисали с его плеч в знак траура. В одной руке он держал погасший факел, а в другой — обнаженный коготь-нож, лезвие которого сверкало в лучах яркого солнца. За ним следовала группа слуг в разорванных плащах и тоже с обнаженными ножами.

Поняв, что это официальный вестник, у подножья трапа его встретили высшие офицеры «Королевы» — капитан, штурман, главный инженер и суперкарго. Плавными фразами на языке линго воин с факелом представился как Грофт, сын и наследник покойного Вафта. Пока кровь его отца не отомщена, он не может ни занять его место, ни возглавить свою семью,

и теперь по обычаю он приглашает друзей и союзников покойного Вафта принять участие в охоте на горпов. Такая охота — Дэйн с трудом пробирался сквозь церемональную речь сарголийца, чтобы понять суть — никогда раньше не проводилась на Сарголе. Бесчисленное множество сарголийцев погибло от когтей этих водяных рептилий, но вожди погибали редко, а теперь клан твердо решил отомстить за смерть своего вождя...

— ...итак, небесные господа,— Грофт приближался к концу своей речи,— мы пришли, чтобы просить вас направить ваших молодых воинов на охоту, чтобы они узнали радость вонзающихся в эту чешуйчатую смерть когтей-ножей и увидели эту рогатую скотину в луже ее собственной крови.

Дэйну не нужно было намеков со стороны офицеров «Королевы Солнца», чтобы понять, что это приглашение было крайним нарушением обычаев. Объединившись с сарголийцами в таком набеге, земляне установят с ними такие связи, подобно родственным, что никакой «Интерсолар» или любой другой контрабандист не сможет нарушить их. Это был такой счастливый случай, о котором они и не мечтали тремя днями раньше. Им звучным голосом ответил Ван Райк, используя закругленные обороты сарголийской речи, которую они, пользуясь записями Трэкота Кама, изучили во время полета.

— Да, земляне с удовольствием примут участие в таком славном и замечательном деле. Они используют всю силу своих рук, чтобы уничтожить всех горпов, каких им удастся встретить. Грофт должен лишь назвать час, когда они должны будут присоединиться к сарголийцам.

Юный сарголийский наследник поспешил сказать, что нет необходимости в том, чтобы старшие небесные господа затрудняли себя этим делом. По обычаю такая охота — участь младших воинов. Они должны заслужить славу и право стоять перед огнями.

— Пусть,— тут Грофт выпустил коготь-нож на всю длину, указывая на стоящих перед ним землян,— этот, и этот, и вот, пусть они четверо присоединятся к сарголийскому отряду сегодня через час после полудня и они все вместе дадут этим скользким и вероломным тварям хороший урок.

Выбор сарголийца, за одним исключением, безошибочно пал на самых младших членов экипажа — Али, Рипа, Дэйна, но четвертым он указал на Джаспера Уикса. Возможно, бледность кожи и маленький рост слесаря заставили сарголийца отнести его к младшим по возрасту. Во всяком случае, Грофт весьма ясно сказал, что он выбирает именно этих людей, и Дэйн знал, что офицеры «Королевы» вряд ли будут подвергать риску так удачно налаженные отношения с туземцами. Ван Райк попросил сделать одну уступку и получил неохотное согласие. Он получил разрешение для людей из корабля пользоваться парализующими пистолетами. Сарголийцы по традиции использовали в борьбе со своими старыми врагами лишь сети и ножи-когти.

— Идите с ними,— отдал последнее распоряжение капитан Джелико,— и будьте с ними до тех пор, пока не перебьете всех горпов, которые, по всеобщим отзывам, очень сильны и хитры. В полную силу используйте ваш разум.

Али улыбнулся, а маленький Уикс затянул пояс с таким щегольством, которого никогда не выказывал. Рип выглядел как обычно — могучая скала, на которую все остальные могут положиться. Он без разговоров принял командование над отрядом людей, присоединившихся к команде Грофта.

Глава 5

ОПАСНЫЕ МОРЯ

Охотники на горпов шли через травяной лес семейными группами и земляне поняли, что это предприятие вызвало перемирие во всем районе, так как здесь были представители не только клана Вафта. Все сарголийцы были молоды и пребывали в состоянии большого возбуждения. Было ясно, что эта охота, подготовленная с большим размахом, означала для них не только месть ненавистным врагам, но и возможность прославиться и проявить себя.

Травяной лес становился реже, появилось немало промежутков между деревьями, открытых пространств и полей. Наконец лес превратился в отдельные группы деревьев, и теперь земляне шли по колено в огненно-красной траве, напоминавшей земной папоротник. Большинство сарголийцев несли факелы, иногда целые связки их, как если бы охота на горпов должна была состояться ночью. Было уже действительно поздно, когда они достигли моря.

Вода была металлически — серого цвета и покрыта широкими пурпурными полосами, как если бы художник провел кистью по поверхности моря. Красный песок сверкал золотыми блестками и доходил до самой воды, которая с медлительностью масла лизала линию берега. Вдали возвышались сомкнутыми рядами группы далеких островов, покрытых травяными деревьями, склонявшимися под порывами ветра. Они достигли берега в том месте, где его касалась одна из пурпурных полос, и Дэйн заметил, что полоса оставляет на песке пенистый след. Земляне подошли к воде. Там, где она была чиста от пурпура, они смогли увидеть дно, однако большую часть поверхности воды занимала пурпурная краска, и Дэйн подумал, что горпы используют ее в качестве приманки.

Некоторое время сарголийцы не приближались к морю — месту своей охоты. Только самые молодые члены отряда, многие из которых не достигли совершеннолетия, так что не были вооружены когтем-ножом, рассыпались вдоль берега и принялись прилежно собирать дрова, складывая их в гряду на песке. Дэйн, глядя на их действия, заметил кусок гладкого дерева. Он обратил внимание Уикса на этот отполированный водой предмет — ствол дерева. Глаза того загорелись, и он поднял этот кусок. Остальные собранные обломки были кусками травяных деревьев, но этот кусок был чем-то другим. Среди побелевших обломков он ярко пламенел. Это дерево было ярко-алого цвета. Уикс вертел его в руках, проводя пальцами по его гладкой поверхности. Даже в таком виде оно было прекрасно. Уикс остановил сарголийца, притащившего очередную связку дров.

— Что это? — спросил он на линго.

Туземец равнодушно посмотрел на обломок дерева и ответил:

— Танзил. Он растет на островах, — и он сделал широкий жест указывая на большую часть моря к западу, после чего поторопился уйти.

Уикс теперь сам отправился на поиски вдоль берега, и Дэйн последовал за ним. Через четверть часа, когда их позвали к только что зажженному костру, они выбрали около десяти обломков танзила разного размера — от трех футов в длину и четырех дюймов в диаметре до маленьких кусочков не больше авторучки, но все они были гладко отполированы и ярко горели

на солнце. Уикс связал их вместе, и они с Дэйном присоединились к остальным, где Грофт объяснил землянам технику охоты на горпов. В двухста футах от них в море выдавался риф, омываемый водой и покрытый пурпурной пеной. Он образовывал большую дугу и, напоминал настоящий волнорез. Это и было место нападения, но сначала надо было так убрать пурпурную пленку, чтобы жители суши и моря были в этом сражении в равных условиях.

Огонь разгорался и с жадностью поглощал дрова. От костра бежали юные сарголийцы с зажженными факелами, покрутив которые над головой, они швыряли их в пурпурную пленку. С воды поднялся огонь и с огромной скоростью пробежал по гребням низких волн. Сарголийцы закашлялись и погрузили свои носы в благоухающие ящички, так как ветер с моря приносил отвратительное зловоние. Когда очищающий огонь погас, воду покрывала лишь слабая серо-металлическая накипь — пурпур исчез. Старшие воины заботливо выбирали из больших связок факелы. Грофт подошел к землянам с четырьмя факелами.

— Воспользуйтесь ими.

— Для чего?

Дэйн недоумевал — небо все еще было освещено солнцем. Он держал свой факел, ожидая, пока сарголийцы начнут пользоваться своими. Грофт расставил всех по местам. Передвигаясь с легкостью и проворством, он располагал воинов у расщелины, через которую море врывалось на риф. За ним следовали туземцы, каждый с зажженным факелом в руке, которые они швыряли в расщелины. Земляне, менее устойчивые в своих космических башмаках, шли вдоль рифа той же самой дорогой, мокрые от брызг, зажав носы от отвратительного запаха, идущего с моря.

Следуя примеру сарголийцев, они выстроились лицом к морю, но Дэйн не знал, чего они ждут. Кам оставил лишь очень неопределенное описание горпов и, кроме того, это были рептилии, сообразительные и опасные. Другого земляне больше ничего не знали. Когда воины заняли свои позиции, юные сарголийцы зажигали свои факелы от костра и бежали вдоль линии своих старших товарищей, подавая им горящие факелы, которые те швыряли в море. Серо-стальная поверхность моря теперь была желтой, отражая заходящее солнце. В ней все более ярко сверкала охра и золото по мере того, как факелы сарголийцев зажигали все новые и новые клочья пурпурной пены. Дэйн прикрыл глаза от блеска, томительно глядя в волнуемую воду и думая, что это волнение предвещает появление тех, на кого они охотились.

Он держал наготове свой парализующий пистолет, так как сарголийцы уже держали в правых руках ножи-когти, а в левых — раскрытые и приготовленные к броску сети, которые предназначались для того, чтобы связать движения жертвы и облегчить ее убийство. Первое нападение совершилось на выступе рифа, самой опасной позиции, которую ревниво сохранил для себя Грофт. Услышав предупреждающие крики, Дэйн обернулся и увидел, как Грофт кинул свою сеть в море и нанес сильный удар ножом. Когда он поднял руку для второго удара, зеленоватая сукровица сбегала с лезвия ножа на его запястье.

— Дэйн!

Голова Торсона дернулась и он увидел какую-то рябь, приближающуюся

прямо к тому месту, где он стоял, но он продолжал ожидать лучшей цели, чем этот движущийся клин. Инстинктивно Дэйн пригнулся к земле, как если бы ожидал удара бластера. Никто из сарголийцев, стоящих рядом, не двинулся, и Дэйн решил, что такова охотничья этика. Каждый должен лицом к лицу встретиться с выбравшим его чудовищем и убить его без помощи других. И вот, значит, от его храбрости в течение следующих нескольких минут зависит репутация всех землян в глазах туземцев.

Под металлической поверхностью моря были заметны очертания какой-то тени, но он не мог хорошо разглядеть ее из-за искажения в мрачных волнах моря. Он был вынужден ждать. Наконец эта тень придвинулась совсем близко и из воды наполовину вылетело кошмарное чудовище и лязгнуло своими зубами длиной не менее ладони человека у самых носков его ботинок. Не сознавая своих действий, Дэйн нажал на спуск пистолета, направив его в этот ужас из моря. Но, к его величайшему удивлению и ужасу, нападающее существо не упало парализованное обратно в море. Его зубы щелкнули еще раз, зацепив на этот раз концы башмаков и оставив глубокие борозды на материале, который не поддавался самым крепким ножам.

— Задай ему как следует! — подбадривал Дэйна со своего места Рип.

Дэйн вновь и вновь нажимал на спуск, но чудовище раскрывало и закрывало свою лягушачью пасть, полную удивительно острых и ужасных зубов. Оно уже полностью выползло из воды, передвигаясь при помощи множества крабьих лап. Передние конечности, усеянные когтями, были уже рядом, когда оно вдруг остановилось и его отвратительная голова стала поворачиваться из стороны в сторону в щите из естественной брони. Оно присело, как бы готовясь к последнему прыжку — тому прыжку, который сбросил бы Дэйна в море. Но этого не произошло. Горп задергался, свернулся и стал похож на громоздкий шар из прочного неразрушимого вещества. Так он и остался лежать.

Сарголийцы с обеих сторон от Дэйна издали крик триумфа и придвинулись ближе. Один из них покрутил сетью, видя, что у землянина нет необходимой охотничьей принадлежности. Дэйн энергично кивнул в знак согласия и крепкие нити сети опутали неподвижную жертву на рифе. Но горп был так хорошо защищен своим панцирем, что не было ни одного незащищенного места для удара ножом-когтем. Они захватили пленника, но не могли его убить. Однако сарголийцы были очень довольны. Некоторые из них оставили свои позиции и помогли перетащить чудовище на берег, где оно было прижато к земле рогатками и палками продетыми сквозь ячейки сети.

Но у охотничьего отряда было слишком мало времени, чтобы радоваться этому подарку судьбы. Горп, убитый Грофтом, и тот горп, которого парализовал Дэйн, были лишь авангардом армии и через мгновение все отбивали нападение. Это была вовсе не легкая работа. Воздух наполнился криками агонии, Дэйн повернулся и успел увидеть сарголийца, которого горпы утащили в море. Было слишком поздно спасать, но Дэйн, балансируя на самой кромке рифа, направил луч своего пистолета в кровавую воду. Даже если бы ему удалось поразить цель, он об этом уже не узнал — и нападающий, и жертва уже скрылись под водой.

Зато Али удалось спасти сарголийца, который защищал соседний участок рифа. Тяжелораненый сарголиец истекал кровью из раны и чуть было не был унесен в море. Битва разбилась на серии индивидуальных

поединков, освещаемых светом факелов, так как уже опустился вечер. Догорали последние клочья пурпурной пены. Дэйн прижался к земле и смотрел в воду, ожидая увидеть рябь, которая выдает присутствие очередного врага. На рифе и в воде была такая суматоха, что Дэйн не мог даже приблизительно сказать, успешно ли идет охота. Но количество горпов как-будто уменьшилось. От этих мыслей Дэйна отвлек чей-то крик и он был уверен, что его издал не сарголиец. Он вскочил на ноги. Рип стоял на своем месте. Да, помощник инженера был цел. Уикс? Но и Уикс был цел. Он бежал по рифу и его поведение выдавало сильную спешку. Вторично раздался крик, так поразивший землян.

— Назад! — кричал Уикс, отчаянно показывая на что-то невидимое на берегу.

Младшие сарголийцы, поддерживающие костер, теперь собрались вместе на самом берегу у воды. Али тоже устремился за Уиксом. Последние метры он преодолел огромными прыжками, безрассудно погружая ноги по колено в воду. Дэйн увидел, как он направил пистолет в центр бьющейся пены. Третий крик перешел в стон, а затем сарголийцы бросили в воду сети и вытящили оттуда темную неподвижную массу. То, что один из горпов все-таки пробрался во внутреннюю часть рифа, произвело на сарголийцев определенное впечатление. После минутного колебания Грофт приказал отступить, что они и сделали, таща свои ужасные трофеи на берег. Дэйн насчитал семь трупов горпов, не считая пленника на берегу, а еще больше их сдохло в воде. С их стороны было убито двое сарголийцев — один из них погиб на глазах у Дэйна и еще один был тяжело ранен. Но кто кричал на берегу? Может быть, кого-то послали с «Королевы Солнца»?

Дэйн побежал по рифу, но прежде, чем он достиг берега, его обогнал Рип. Но стонущий человек, лежавший на берегу, не был членом экипажа «Королевы». Разорванная и окровавленная одежда несла на себе герб «Интерсолара». Али уже обрабатывал ему рану, оказывая первую помощь и используя для этого свою аптечку. На все их вопросы неизвестный отвечал упорным молчанием, как будто его и не спрашивали. Они помогли сарголийцам соорудить трое носилок. На одних из них, самые большие, положили пленного горпа, все еще свернувшегося и закрытого защитным щитком и сетью. На вторых несли раненого сарголийца, а на третьих — землянина.

— Доставим его на корабль, — решил Рип. — Видимо, он шпионил за нами, — и он спросил сарголийцев где находится корабль компании.

— Они подумают, что это мы виноваты, — заметил Али. — Но ты прав. Если мы отнесем его на «Королеву» и он там умрет, то они скажут, что мы не оказали ему помощь. Пошли скорее! Он, по-моему, очень плох.

В сопровождении проводника-сарголийца с факелом они торопливо пошли по тропе, поочередно неся носилки. К счастью, корабль «Интерсолара» был ближе к морю, чем «Королева». Войдя на обожженную огнем поверхность почвы, они пустились рысью. Хотя корабль компании был, вероятно, одним из самых маленьких, числившихся в списках «И — С», он был втрое больше «Королевы» и относился к торговым кораблям экстра-класса. Рядом с ним их собственная «Королева» казалась бы не только маленьким кораблем, но и истерзанным и избитым. Но ни один из вольных торговцев не согласился бы ему изменить и надеть значок компании, даже если бы ему пообещали службу на только что спущенном со стапелей судне.

Когда выпускники покидают Школу космической торговли и получают свою первую должность, их шлют туда, где наиболее подходящ их темперамент, способности и наклонности. Те, кто идет в вольные торговцы, не могут служить на кораблях компаний. С течением времени пропасть между тем, кто живет под постоянным контролем одной из пяти могущественнейших компаний, охватывающих всю Галактику, и теми, кто слишком индивидуален, чтобы служить где бы то ни было, кроме полуисследовательских — полуторговых кораблях вольных торговцев, все более углубляется. Вражда обостряется, соперничество возрастает. Но сами большие компании соперничали, в основном, между собой в борьбе за лакомый кусочек, какие представляют собой большие населенные планеты.

Очень редко случалось, что вольные торговцы прихватывали такие планеты, как Саргол, способные привлечь торговых гигантов. Когда отряд с «Королевы» достиг трапа корабля компании, их остановили. Рип потребовал вызвать вахтенного офицера и рассказал ему, как был ранен этот человек. Люди «Интерсолара» поторопились с раненым на борт, не высказав даже слова благодарности за спасение их товарища.

— Ну, вот и все, — пожал плечами Рип. — Пошли быстрее, как бы они не вздумали захлопнуть люки и взлететь.

— Как они вежливы, не правда ли? — саркастически сказал Уикс.

Вскоре они были у трапа «Королевы» и поднялись, чтобы доложить капитану. Но на этом последствия охоты на горпов не кончились. Наутро ни один сарголиец не появился для торговли и это удивило землян. Пришла только вторая делегация, состоящая из пожилых воинов и жрецов. Они пришли к кораблю с приглашением на похороны Вафта. Этот обряд должен был предшествовать формальному назначению Грофта на место отца, после того как тот отомстил за него. Из замечаний, оброненных членами делегации, было ясно, что земляне, присоединявшиеся накануне к охотничьему отряду, вели себя в полном соответствии с сарголийскими обычаями.

Было решено, что двое останутся на корабле. Остальные смазались благоухающими пастами, чтобы не давать ни малейшего повода для ухудшения существующих отношений с сарголийцами. После полудня прибыл сарголийский эскорт и стал ждать землян на опушке леса. Мура и Тан вышли их проводить. Они двинулись по дороге в противоположном направлении от Торгового Центра. Впереди с громкими криками бежали вестники-герольды. Сначала они шли через лес, но вскоре вышли на открытое пространство шириной в несколько миль. Оно было тщательно очищено от всякой растительности, которая могла бы служить укрытием для подкрадывающегося врага. В центре этого пространства возвышался забор высотой в двадцать футов, сделанный из ярко-красного дерева, которое так заинтересовало Уикса на берегу моря.

Каждый кол представлял собой ствол дерева, заостренный кверху. Со стороны поля перед забором был выкопан широкий ров, через который вел деревянный настил. Проходя по мосту, Дэйн взглянул вниз — во рву было сухо.

Сарголийцы не нуждались в воде для защиты. События предыдущего вечера научили их уважать сарголийцев. Дно рва было пурпурного цвета и в этом он не ошибся. Легковоспламеняющаяся пена, которую принесли с

моря, покрывала дно рва слоем в несколько футов. Стоило лишь бросить туда горящий факел и перед нападающими встала бы стена огня. Сарголийцы знали, как использовать ресурсы своей планеты.

Глава 6

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

За красным забором размещались многочисленные постройки. Сарголийцы нуждались в одиночестве, поэтому даже неженатые воины не хотели жить в бараках, а каждый имел свою собственную маленькую спальню. Поселок каждого клана, построенный из глиняных кирпичей и бревен, напоминал соты большого улья. Хотя Вафт возглавлял один из самых больших кланов, в нем насчитывалось всего около двухсот воинов с их многочисленными женами, детьми и пленными слугами. Обычно не все они жили в поселке, но на похороны Вафта собрались все. Это означало появление новых временных навесов между постоянными строениями поселка.

Земляне были рады, когда их провели через запутанный лабиринт прямо к центру поселка — Большому Залу. Как и Торговый Центр, этот зал представлял собой круглую постройку без крыши, разделенную на секции столбами красного дерева. Каждый столб увенчивался металлической корзиной с горячим материалом и тут не было никаких низких табуретов и торговых столиков. Длинный, круглый и узкий стол, имевший лишь один разрез у входа, тянулся вдоль стены. В противоположном от входа конце зала на невысоком помосте находился трон вождя. Хотя похоронный обряд официально еще не начался, земляне увидели, что большинство мест в зале занято.

Их провели вдоль стены и указали места рядом с троном. Ван Райк сел с довольным видом. Было ясно, что вольных торговцев отнесли к знатым гостям. Они могли надеяться в будущем на хорошую торговлю. Делегации соседних кланов прибывали группами по десять-двенадцать человек и размещались подобно землянам тоже группами. Дэйн заметил, что кланы не смешиваются друг с другом, и, как они поняли позже, для подобной предосторожности было достаточно оснований.

— Будем надеяться на нашу адаптацию, — пробормотал Али, с неудовольствием глядя на бесконечные ряды тарелок, которые вносили в зал и расставляли на столе.

Как уже давно поняли вольные торговцы, требуется не просто попробовать местные напитки — ритуал требовал, чтобы гости откусили «хлеба». Правда, они готовились к этому и теперь были гарантированы, насколько позволяла медицина, от вредных последствий пищи, непривычной для желудков землян. Одним из результатов подобных происшествий была репутация обжор и стальных желудков, которая укрепилась за вольными торговцами.

Грофт не занял освободившееся место вождя. Он стоял в центре круга, образованного столом, и отдавал распоряжения слугам, сновавшим с блюдами. До того магического момента, когда клан признает его вождем, он оставался всего лишь старшим сыном в семье без всякой власти. Пока бесконечные ряды тарелок совершали свой путь к столу, горячее в корзинах

на верхушках столбов было зажжено и пламя рассеяло полумрак вечера. Возле каждого сидения стоял слуга со шкатулкой благоухающей коры, издававшей острый запах, добавлявшийся к другим многочисленным запахам помещения. Земляне время от времени тоже обращались к бутылочкам с нюхательной солью, чтобы предохранить себя, главным образом, от всяких других одуряющих ароматов.

«К счастью,— думал Дэйн, глядя на подготовку к празднику,— дым из корзин уходит вверх. Если бы они находились в помещении крытом, все задохнулись бы. Но понимают ли они, что происходит вокруг?»

Эта мысль была вызвана танцем, происходившим в центре зала. Их охота на горпов изображалась серией прыжков и различных жестов. Он был уверен, что глаза обманывают его, так как увидел, что нож-коготь танцора-победителя прошел через грудь жертвы-воина в чудовищной маске, изображавшей побежденного горпа. Высшим моментом этого представления, изобразившим то, что происходило с ними на рифе, было появление настоящего горпа, того самого, что был парализован лучами пистолета Дэйна. Горп теперь был развязан и пришел в себя, но все еще был в сети, а его когти были залеплены каким-то вязким и плотным веществом. Как только его втащили в зал и оставили посередине, горп освободился от сети, но замаслированные когти помешали ему и он прыгал взад-вперед, пока не приблизился к высокому трону. Его страшные челюсти щелкали в воздухе, а из лягушачьей пасти вырывалось яростное змеиное шипение. Хотя горп был полностью во власти своих врагов, он производил впечатление ужасной силы и опасности.

Вид заклятого древнего врага возбудил сарголийцев — воины за столом вскочили и принялись выкрикивать обвинения и оскорбления. Дэйн решил, что живой горп редко попадал в руки сарголийцам, и теперь он внезапно пожалел, что горп не упал бездыханным в море. Он не испытывал жалости к горпу после того, что видел ночью на рифе, и после слышанных им рассказов, но ему не нравилось свирепое выражение на лицах сарголийцев, их угрожающие жесты и голоса. Конец этим выкрикам положил жрец в темном, похожем на накидку, плаще, образующем тусклое пятно на пестром и разноцветном фоне собравшихся. Он подошел к тому месту, где прыгал горп. Когда он остановился перед извивающимся зверем, шум постепенно утих, воины опустили на сидения и в зале воцарилась тишина.

Грофт подошел и встал рядом со жрецом. Обеими руками он держал кубок с двумя рукоятками, это не был изукрашенный кубок, какие стояли перед пирующими. Этот сосуд, сделанный из какого-то черного вещества, был очень древним, казалось, что он значительно старше не только зала, но и всего поселка. Один из воинов, втащивших горпа, подошел к нему, накинул на голову зверя петлю и потянул ее вправо. Жрец неторопливо вынул нож — первое оружие с прямым лезвием, которое Дэйн увидел здесь на Сарголе. Он сделал единственный надрез на мягкой и незащищенной части горла горпа и Грофт подставил кубок под кровь, побежавшую из раны.

Горп бешено задергался, обрызгав кровью стол и окружающих его сарголийцев, но они не обратили на это внимания. Все они смотрели на жреца, который долил в кубок другой жидкости из сосуда, принесенного слугой. Он покрутил кубок, перемешивая его содержимое, и вернул его Грофту. Держа кубок перед собой, молодой вождь подошел к столу и остановился перед

троном. В зале наступило молчание, даже горп перестал биться и неподвижно повис в своих путах. Грофт поднял кубок над головой и громко произнес фразу на древнем языке своего клана. Ответом ему была песнь воинов, которые отныне будут ходить в битву под его знаменем. Эта песнь сопровождалась звоном ножей, ударяемых о стол.

Трижды Грофт повторил древнюю формулу и трижды отвечали ему окружающие. Затем во вновь наступившей тишине Грофт поднес к груди кубок, одним глотком выпил его содержимое и перевернул его, показывая, что в нем не осталось ни одной капли. Весь зал потряс торжествующий крик. Все сарголийцы вскочили на ноги, размахивая ножами над головой в честь нового вождя, и Грофт впервые сел на трон. Клан получил нового вождя — он занял место отца.

— Представление окончилось? — услышал Дэйн громкий вопрос одного из членов экипажа «Королевы».

— Еще нет, — последовал разочаровывающий ответ Ван Райка. — Вероятно, они будут праздновать всю ночь. Сейчас все вновь примутся за питье.

— А вместе с напитками придут и новые беспокойства, — пророчески заметил капитан Джелико.

— Клянусь якорной цепью! — воскликнул Рип, и Дэйн повернул голову, чтобы увидеть, что беспокоило обычно невозмутимого помощника штурмана.

Дэйн увидел эпизод, дававший представление о важной особенности жизни туземцев. Молодой воин, всего лишь год назад, вероятно, получивший право носить нож-коготь, стоял лицом к лицу с пожилым сарголийцем. Плечи и голова старика были мокры, а пустой кубок катился по столу и со звоном ударился о пол. Наступила тишина, а на лицах всех собравшихся появилось выражение нетерпеливого ожидания.

— Вылил всю свою выпивку на соседа, — тихо объяснил Рип. — Это означает дуэль.

— Теперь и здесь? — спросил Дэйн, знавший о таких схватках.

— Вероятно, за такое оскорбление они будут драться до смерти, — заметил Али своим обычным тоном постороннего наблюдателя.

— Молодой воин — дурак! — это была оценка происходящего, данная Стином Вилкоксом с высоты его пятидесяти лет и огромного жизненного опыта, почерпнутого в большом количестве на различных планетах.

Младший сарголиец прокричал какой-то вопрос своему противнику, тот что-то ответил. Их соседи ожили и проявили большой интерес к происходившему, обсуждая, очевидно, ход их ссоры. Для того, чтобы сарголийский праздник прошел хорошо, как поняли из реплик земляне, должна произойти хоть одна дуэль. Собравшиеся на торжество обычно заключали пари об исходе дуэлей.

— Посмотри на того парня в фиолетовом плаще, — сказал Рип Дэйну. — Видишь, что он положил на стол?

Знатный сарголиец в фиолетовом плаще был не из клана Грофта, он пришел с делегатами из другого клана. То, что он положил на стол, указав, что победит на дуэли, по его мнению, старший воин, оказалось небольшим белым яичком, в котором лежал слегка завявший, но так хорошо знакомый землянам лист кошачьей мяты. Сосед, которому он предлагал пари, внимательно осмотрел ставку, принялся, а затем положил рядом два браслета, усеянных алмазами, шкатулку с ароматическим веществом и перстень. Эта

наглядная демонстрация того, как высоко ценят сарголийцы земную траву, заставила Дэйна пожалеть о том, что они не знали этого раньше. Он взглянул вдоль стола и увидел, что Ван Райк заметил это пари и обратил на него внимание капитана.

Но все подобные сделки были забыты, когда дуэлянты вышли в пространство, образованное круглым столом и освобожденное для них. Они отбросили плащи и разделись до пояса. Каждый держал в правой руке сеть, а в левой — нож-коготь. Земляне никогда не видели борьбы сарголийца с сарголийцем, поэтому они привстали со своих мест, чтобы лучше видеть. Впрочем, так же поступили и остальные собравшиеся. Началась схватка, состоявшая из приемов, пришедших из древности и напоминающая давно забытое на Земле фехтование. Младший сарголиец был быстрее и проворнее, но зато старший обладал несравненно большим опытом. Для земного глаза дуэль была похожа на ритуальный танец. Быстрые уходы от сети были грациозны и много раз ячейки сети слегка касались кожи бойцов, которые увертывались от ловушки. Дэйн подумал, что старый воин устал. Молодой воин, очевидно, решил то же самое, но вдруг последовал быстрый прыжок вправо, шквал молниеносных движений, сеть высоко взметнулась и упала, опутав отбивающегося. Молодой воин потерял равновесие. Упав, он тут же попытался встать, но спасения от затягивающихся пут не было.

Крики зрителей приветствовали победителя. Он стоял над поверженным юным воином, готовый вонзить нож в горло или в грудь своего противника. Но оказалось, что победитель не хотел убивать побежденного. Он протянул длинную, покрытую шерстью руку, взял со стола кубок и с удовольствием вылил его содержимое на голову поверженного. Мгновение стояла мертвая тишина, затем вновь слышались приветственные крики, к которым, вздохнув с облегчением, присоединились и земляне.

Юноша был освобожден от сети и, встав на колени, протянул победителю свой нож, который тот вместе со своим засунул себе за пояс... Из слов окружающих Дэйн понял, что младший воин на время, определенное советом клана, становится рабом своего победителя. Так в целом мирно завершилась эта дуэль, хотя если бы победитель убил побежденного, никто бы не возразил ему.

Теперь в центре внимания оказались люди с «Королевы». Грофт спустился с высокого трона и подошел к тем, кто сопровождал его на охоте. Теперь другого выхода не было — пришлось пить крепкий напиток, который он налил им из своего кубка. Огненная жидкость перехватила дыхание Дэйну, но он мужественно проглотил ее, надеясь, что жгучая, как кислота, жидкость не сожжет ему внутренности. Тонкое лицо Уикса побледнело. Дэйн со злорадством заметил, что у Али колики. Оказалось, что есть на свете вещи, которые могут вывести из себя невозмутимого Камила. К счастью, им не нужно было выпивать содержимое одним глотком, как это делал Грофт — достаточно было одного ритуального глотка, и Дэйн опустился на свое место с облегчением, но со смутным чувством тревоги за свое будущее.

Грофт вернулся на свой трон, но течение праздника вновь прервалось, на этот раз неожиданно. Среди слуг проложил путь вестник и что-то сказал вождю, который посмотрел на землян и утвердительно кивнул. Дэйн, тошнота у которого возрастала с каждой секундой, ни на что не обращал внимания, пока не услышал восклицания Рипа. Подняв голову, он увидел отряд людей

«И — С», находившийся в центре зала перед троном. Люди с «Королевы» застыли — в облике прибывших было что-то внушающее им беспокойство.

— Что вам нужно, небесные господа? — поинтересовался Грофт, сидевший на троне, полузакрыв глаза, как бы предвкушая приятное зрелище.

— Мы хотим пожелать тебе от всего сердца самого наилучшего, — ответил Келли цветастыми и гладкими фразами, нравившимися сарголийцам. — А чтобы ты нас не забывал, мы принесли тебе подарки.

По сигналу суперкарго люди «Интерсолара» поставили на пол небольшой сундучок. Грофт с подбородком, опущенным на сжатый кулак, не изменил своей позы.

— Подарки приняты, — ответил он полагаящейся по этикету фразой. — И никто не может пожелать мне большей удачи. Плакальщики Черных Ветров знают это.

Но он не пригласил их присоединиться к пирующим. Келли, казалось, не был обескуражен и следующими словами он поразил своих конкурентов, хотя те и ждали от него подвоха.

— По законам товарищества, о Грофт, — прогремела его ритуальная фраза, — я от тебя требую удовлетворения.

Али сжал кулаки. Несмотря на увеличивающиеся страдания, Дэйн заметил, как стиснул зубы Ван Райк, как на лице капитана Джелико появилось суровое выражение. Глаза Грофта остановились на людях «Королевы». Хотя он только что выпил с ними чашу дружбы, он разделял зловещий юмор своей расы.

— По праву ножа и сети, — ответил он, — вы имеете право требовать удовлетворения. Кто ваш враг?

Келли повернулся к вольным торговцам.

— Я требую, чтобы эти пришельцы избрали из своей среды бойца, который будет сражаться до крови с моим бойцом.

Сарголийцы были очень возбуждены. Происходящее превосходило все их ожидания, они никогда не видели такой схватки — чужеземец против чужеземца. Гул их голосов напоминал рычание охотящегося зверя. Грофт улыбнулся и выражение удовольствия на его лице не было ни земным, ни вообще человеческим.

— Четверо из этих воинов принадлежат к нашему клану, — сказал он, — но из остальных может быть выбран боец.

Дэйн взглянул на своих товарищей. Али, Рип, Уикс и он сам были избавлены от этого. Остаются Джелико, Ван Райк, Карл Кости — черный гигант, силу которого они пробовали раньше, инженер Штоц, врач Тау и Стин Вилкоккс. Джелико встал на ноги, теперь он сам был воплощением бойца. В мерцающем свете огней на его щеке дергался рубец.

— Кто ваш боец? — спросил он у Келли.

Суперкарго хмуро улыбнулся. Он был уверен, что поставил своих конкурентов в трудное положение.

— Вы принимаете вызов? — спросил он.

Джелико лишь повторил свой вопрос. Келли тут же вытолкнул вперед одного из своих людей. Кандидат, выступивший вперед, не был похож на Кости. Это был тонкий, стройный, молодой человек, чья самодовольная улыбка говорила, что он тоже доволен затруднительным положением пользующихся дурной славой вольных торговцев. Джелико пристально изучал его

и в это время шум голосов сарголийцев возрос и напоминал гудение осино-
го пнезда. Отступления быть не могло — отказ от схватки означал потерю
уважения в глазах сарголийцев. Келли, несомненно, на это и рассчитывал.
Джелико выбрал лучший выход.

— Мы принимаем вызов, — сказал он ровным голосом. — Будучи
гостями на празднике у Грофта, мы будем сражаться сарголийским оружием.
В зале прозвучал гул одобрения.

— По обычаю сарголийских воинов мы выбираем сеть и нож, — закон-
чил он.

Дэйну показалось, что на лице Келли промелькнула тень беспокойства.

— Когда? — подавшись вперед, спросил со своего трона Грофт, даже не
скрывая удовлетворения таким замечательным окончанием своего праздника.
Он знал, что об этом будут говорить много сезонов подряд.

Джелико взглянул на небо.

— Через час после рассвета, вождь. И, с твоего разрешения, мы хотим
посоветоваться, чтобы выбрать бойца.

— Мой зал для советов в вашем распоряжении. — И Грофт приказал
одному из своих слуг провести туда людей «Королевы».

Глава 7

ЕСЛИ НЕ БУДЕТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ...

Утренние ветры прорывались сквозь травяной лес и, вырвавшись на
открытое пространство, развеивали плащи сарголийцев. Знатные члены кланов
сидели на табуретах, остальные толпились на расчищенном от раститель-
ности месте за частоколом. На фоне разноцветных одежд темные костюмы
землян выделялись серыми пятнами на разных концах подготовленной для
них временной арены. На конце экипажа «Королевы Солнца» выступил
вперед молчавший до сих пор капитан Джелико. Он и только он будет пред-
ставлять вольных торговцев в предстоящей дуэли. И вот он стоит в свете
раннего утра в шортах и башмаках, сняв с себя всю одежду, за которую
могла бы уцепиться сеть противника.

Джелико был выше представителя «Интерсолара», стоявшего перед
ним, и гораздо плотнее. Тяжелые мускулы переливались под кожей, блед-
ной там, где ее не затронул космический загар многолетних межзвездных
пространств. Каждое его движение было полно скрытой грации и силы
человека, который в молодости был большим мастером борьбы. В левой
руке он держал нож-коготь, подаренный ему самим Грофтом, а правой —
затягивающуюся сеть.

На другом конце поля боец «Интерсолара» энергично перемещался
взад-вперед, натирая подошвы своих ботинок песком. С видом превосход-
ства он посматривал на своего противника.

Никто из вольных торговцев не позволил себе давать советы Джелико.
Капитан лучше всех в экипаже знал обязанность вольных торговцев. А эти
обязанности включали широчайшие знания и прекрасные навыки. В част-
ности, вольный торговец должен был владеть всеми видами оружия, начиная
с бластера и кончая рогаткой. Хотя Джелико и не был знаком с оружием

сарголийцев — ножом и сетью, но он хорошо знал другие виды оружия и разные тактики, которые он изучал в прошлом. Сейчас не чувствовалось привычной атмосферы, которая окружала поединок сарголийцев. Здесь имела место церемония. Жрецы призывали свои суровые божества, звучали клятвы над лезвием оружия. Ставки между зрителями на исход поединка достигали, по мнению Дэйна, небывалых размеров. Большая часть частной собственности сарголийцев в результате этого поединка должна была изменить своих владельцев.

Когда главный жрец подал знак, оба землянина направились со своих концов поля к центру осторожной и крадущейся походкой космонавтов. Джелико скрутил свою сеть в тугую веревку, насколько позволял ее объем. Оружие, незнакомое ему, представляло в схватке скорее слабость, чем преимущество, но когда противник двинулся ему навстречу, пальцы Рипа сжали ладонь Дэйна и помощник штурмана прошептал:

— Он знает...

Дэйн и без подсказки товарища заметил это. Запомнив приемы вчерашних дуэлянтов, он сразу понял значение той изящной грации, с которой боец «И — С» нес свою сеть. Противник Джелико не просто получил короткую инструкцию о пользовании сарголийским оружием — он много тренировался с ним и, судя по его обращению с сетью, представлял большую угрозу для капитана.

Шум вокруг возрастал по мере того, как опытные глаза сарголийцев отмечали эту деталь. Ставки против капитана Джелико поднялись катастрофически высоко, а сердца у членов его команды упали. Только Ван Райк казался невозмутимым. Он время от времени подносил к носу бутылочку с пахучими солями элегантным жестом, в точности повторявшим жесты окружающих его обросших шерстью сарголийцев, как будто его ничто не заботило.

Боец «И — С» маневрировал и использовал прием, напоминавший ухушенную копию тех, которые несколько раньше продемонстрировал молодой сарголиедец. Когда он бросил свою сеть, капитана уже не было на том месте. Он припал на колени и сеть пролетела над его плечом на расстоянии добрых шести футов. Крик одобрения вырвался не только у его товарищей, но и у тех сарголийцев, которые ставили на капитана. Дэйн смотрел на поле и на бойцов сквозь какую-то водянистую пленку. Болезненное ощущение, которое он испытывал после употребления напитка из чаши дружбы, выросло в кулак, который бил в него изнутри, причиняя мучительную боль, но он знал, что должен преодолеть слабость до конца схватки. Кто-то споткнулся рядом с ним. Он оглянулся и увидел лицо Али, пепельно-серое под космическим загаром, так похожее на его собственное искаженное лицо. Мгновение помощник капитана по инженерной части в поисках поддержки опирался на руку Дэйна, затем с видимым усилием выпрямился. Значит, Дэйн был не один. Он взглянул на Рипа и Уикса и понял, что они тоже больны.

Но через мгновение все это было забыто, осталась только лишь вытоптанная поляна и двое людей, стоящих лицом друг к другу. Противник капитана вновь сделал бросок и хотя Джелико не попался, на этот раз сеть задела его руку, оставив на ней следы красной почвы. До сих пор капитан защищался, не прибегая к решительным действиям и внимательно изучая своего противника. Тот несомненно был уверен в том, что выиграет схватку, что ему

только остается ждать удобного момента, чтобы закончить поединок. Дэйндумал, что это займет долгие утомительные часы, и смутно чувствовал, что так же думают и сарголийцы. Один или двое из них что-то гневно кричали Джелико на своем языке.

Конец наступил внезапно. Джелико оступился и упал. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, боец «И — С» бросился вперед, размахивая сетью. Но он не достиг капитана — во время падения Джелико подобрал под себя ноги и упал не навзничь, а как бы пригнулся к земле. Его туго свернутая сеть взметнулась над землей, схватив голени противника. Капитан дернул свое оружие и член команды «И — С» тяжело упал и остался лежать неподвижно.

— Хлыст — боевой прием жителей Ланскоа! — торжественно прогремел голос Вилкокса над застывшей толпой.

Используя свою сеть как хлыст, Джелико опрокинул своего противника приемом, которого тот никогда раньше не знал. Капитан тяжело дышал, пот струйками стекал по его обнаженному телу, оставляя следы на нем в покрывавшей красной пыли. Он встал и подошел к бойцу «И — С», который так и не двигался и не произносил ни звука. Капитан опустился на колени и стал осматривать своего противника.

— Убей его! Убей! — кричали сарголийцы, в которых проснулась их свирепость.

— По нашим обычаям противника не убивают, — сказал Джелико Грофту. — Пусть его друзья унесут его отсюда. — Он взял нож-коготь, который боец «И — С» все еще сжимал в руке, заткнул его за пояс и затем повернулся к отряду компании. — Возьмите его и уходите! — узда, которой он сдерживал себя в последние дни, готова была вот-вот лопнуть. — Это была ваша последняя игра здесь!

Тонкие губы Келли скривились как у рычащего зверя, но ни он, ни его люди ничего не ответили. Они подняли на руки своего незадачливого бойца и ушли.

О своем собственном возвращении в безопасное помещение «Королевы» Дэйн сохранил лишь смутное воспоминание. Он совершенно самостоятельно проделал весь путь через травяной лес, но затем уступил требованию своих возмущенных внутренностей. Последнюю часть пути он прошел, опираясь на руку Ван Райка. Стоны, доносившиеся до него, свидетельствовали о том, что он не одинок в своих страданиях. Ему показалось, что прошло много месяцев, пока он пришел в себя и обнаружил, что лежит на своей койке. Он чувствовал большую слабость, внутри было пусто, как будто он лишился большей части своих внутренностей, но ему уже не было так плохо, как раньше. Он приподнялся направо, как будто он был осью, вокруг которой вращалась каюта. У него было полное ощущение свободного падения и он подумал, не находится ли «Королева Солнца» в свободном космосе.

Но все это было лишь небольшим неудобством по сравнению с тем, что он помнил. На полужидкой диете, которую прописал ему и его товарищам Тау и изготавил Мура, он быстро восстанавливал силы, но все еще чувствовал слабость и не нуждался в напоминаниях Тау о приеме лекарства. Из всех четверых он болел особенно сильно, а Уикс перенес болезнь легче других. Три дня они не принимали участия в работе экипажа.

— Корабль «Интерсолара» улетел вчера вечером, — сообщил ему Рип,

когда они лежали, развалившись на солнце, у корабля, наслаждаясь блаженными часами ленивого выздоровления.

Но это сообщение не улучшило настроения Дэйна.

— Не думаю, что они отказались от своего...

— Не пришлось бы им отвечать перед центром, — пожал плечами Рип. — Спасибо Ван Райку и старику, благодаря им мы прогнали этих браконьеров. А сейчас у нас такие отношения с сарголийцами, что никто не сможет их испортить. Грофт просил капитана научить его приему хлыста. Я и не знал, что старик владеет хлыстовой борьбой Ланскоа — это один из труднейших видов борьбы.

— А как идет торговля?

— Кончились товары. — Лицо Рипа омрачилось. — У Уикса появилась идея, но она не принесет нам камни корос. Он убедил Ван Райка погрузить в трюмы это красное дерево, которое его так заинтересовало. К счастью, сарголийцы в обмен на древесину берут обычные товары. Уикс считает, что это дерево можно выгодно продать на Земле. Оно очень прочное, его не берет стальное лезвие и в то же время легкое, его удобно грузить. Удивительный материал и цвет необычный. Частокол из таких бревен стоит вокруг селения Грофта уже больше сотни лет и нет никаких признаков гниения.

— А где Ван?

— За ним послали жрецы. Думаю, какие-то переговоры на высшем уровне. Во всяком случае, мы готовы к старту. И мы знаем, какой груз привезти в следующий раз.

Да, теперь они это знают. Дэйн был уверен в этом, но ему не пришлось бездельничать в это утро. Часом позже из леса пришел караван — цепочка кричащих груженных оргалом с низко висящими головами. Они громко жаловались на несправедливости жизни, которая заставила их везти на своих спинах большие красные бревна. Во главе процессии шел Уикс. Дэйн принялся за погрузку по плану, составленному Ван Райком, следя за тем, чтобы длинные алые бревна укладывались в нижний грузовой отсек в полном соответствии с теорией погрузочных работ.

Он понял, что Рип был прав — древесина была очень прочной и неправдоподобно легкой. Несмотря на свою слабость, он без особого труда поднимал и грузил целые бревна. Уикс тоже был прав — эту древесину будет легко продать на Земле. Цвет у нее необычный, прочность — тоже очень ценное качество. И хотя ценность этого груза нельзя сравнивать со стоимостью камней корос, все же надо использовать любую возможность для получения прибыли, чтобы окупить рейс на Землю. Синдбад был в грузовом отсеке, когда в него внесли первое бревно. С обычным любопытством он подошел к бревнам и энергично принялся. Вдруг он остановился и, мяукнув, попятился. Шерсть у него на спине встала дыбом. Отступив к выходу из трюма, он повернулся и исчез. Удивленный Дэйн внимательно осмотрел груз. В ровной поверхности бревен не было ни щелей, ни дупел, но, подойдя поближе, он ощутил резкий запах. Итак, нашелся все-таки на Сарголе запах, который не понравился Синдбаду. Дэйн засмеялся. Может быть, надо попросить Уикса сделать из этого дерева ограду вокруг трапа, это заставит Синдбада оставаться на борту. Запах не казался ему неприятным. Дэйн вновь принялся и с удивлением заметил, что запах стал слабее. Может быть, дерево сильнее пахнет на солнце?

Они уложили груз в нижний трюм в полном порядке и закрыли крышку, прежде чем Ван Райк вернулся со своего свидания с жрецами. Когда суперкарго взошел на борт, его сопровождали несколько жрецов и двое слуг, которые несли сундучок. Во внешности Ван Райка было что-то такое, что понимали только те, кто его хорошо знал. И его внешность означала недовольство утренним свиданием. В знак почтения к жрецам капитан Джелико и Стин Вилкокс вышли встретить их у трапа. Дэйн смотрел из люка, понимая, что ему, провинившемуся ранее, не стоит привлекать к себе внимание.

Земляне возражали против чего-то, а сарголийцы упорно на этом настаивали. В конце концов туземцы победили. Вызвали Кости, который внес груз в корабль. Увидев, что груз внесен на борт, сарголийцы удалились, но Ван Райк хмурился, а пальцы Джелико отбивали тревожную дробь на поясе, когда он поднимался по трапу...

— Мне это не нравится,— сказал входя Джелико.

— Не моя это вина,— угрюмо просопел Ван Райк,— это рискованно, но пришлось на это пойти.— Две глубокие складки пролегли через его лоб.— В конце концов, нельзя научить сассерала плавать,— философски заключил он.— Мы сделали все, что могли.

Но у Джелико был весьма недовольный вид, когда он прошел в штурманскую рубку. Менее чем через час причина недовольства капитана стала ясна всему экипажу. Испытав прелесть иноземных трав, сарголийцы теперь не хотели терять источник их получения. Через полгода на Сарголе должен был состояться ежегодный религиозный праздник Пяти Бурь и жрецы были уверены, что их влияние и власть несомненно возрастут, если они обеспечат получение новых порций земной травы. Поэтому они навязали Ван Райку большую партию камней корос с условием, что камни будут проданы на Земле, а стоимость камней вернется на Саргол в виде семян и трав. Напрасно капитан и суперкарго указывали, что галактическая торговля — дело рискованное и что какая-нибудь случайность может помешать кораблю вернуться на Саргол.

Но жрецы не поддавались убеждениям и на все уговоры соглашались лишь уменьшить цены за свои камни... Они знали от людей компании, что у торговцев есть свой кодекс чести и что если контракт заключен, он будет выполнен. Они и только они одни должны получить весь груз «Королевы» в следующий ее прилет. Они упорно добивались своей цели и были уверены, что добьются ее.

Итак, груз камней корос, не принадлежащий еще экипажу, оказался на борту «Королевы» и теперь вольные торговцы уже были связаны самыми крепкими узами и должны были в определенный срок вернуться на Саргол. Это не нравилось вольным торговцам, у всех было смутное ощущение, что этот груз принесет несчастье. Но у них не было выбора и им пришлось согласиться, раз уж они не хотели испортить отношения с сарголийцами.

— Хорошо ли рассчитана траектория? — спросил Али Рипа в кают-компании.

— Я четыре раза пересчитывал,— утвердительно кивнул Рип,— а Стин проверял каждый расчет.— Он усталым жестом потер коротко остриженную голову. Вместе со своими товарищами он отправился вниз принимать то, что изготовил для них Мура по рецепту Тау, но перед этим он провел

половину ночи у вычислительных приборов под требовательным взглядом своего начальника.— Если не произойдет несчастного случая, мы совершим рейс за три недели плюс-минус один или два дня.

— Если не произойдет несчастного случая...— Эти слова повисли в воздухе. Тут на отдаленных звездных трассах случалось так много непредвиденного, могли встретиться самые неожиданные препятствия и выбить корабль из графика. Только на главных звездных трассах огромные пассажирские лайнеры могли придерживаться точного расписания. Вольные торговцы обычно не связывали себя точными сроками.

— Что говорит Штоц? — спросил Дэйн у Али.

— Он говорит, что машины в порядке и особых неприятностей в пути не будет.

Рип вздохнул.

— Ну, что ж, посмотрим.— Он внимательно изучал свой ноготь.— До свиданья,— добавил он серьезно.— Если мы вовремя не вернемся на эту планету, я отгрызу свои ногти до ладоней. Ладно, стартуем в шесть. Подтяните ремни, парни.— Он сделал последний глоток из своей кружки, на лице его появилось блаженство и он направился на свой пост в штурманской рубке.

Дэйн, свободный от обязанностей до приземления корабля, отправился в свою каюту в предвкушении ночного отдыха до старта. Синдбад свернулся калачиком на его койке. Почему-то кот не обходил, как обычно, корабль перед стартом. Сначала он был в каюте Вана, а теперь оказался в каюте Дэйна, как если бы нуждался в человеческом обществе. Дэйн взял его на руки, и Синдбад принялся тереться головой о подбородок юноши, мурлыкая при этом. Поглаживая кота, Дэйн отнес его в каюту суперкарго. С некоторым колебанием он постучал в дверь и дождался приглашающего ворчания Ван Райка. Суперкарго растянулся на койке. Две глубокие морщины по-прежнему пересекали его лоб, а глаза были закрыты, как будто он собирался спать.

— Синдбад, сэр. Разрешите повесить его здесь?

Ван Райк кивнул, и Дэйн уложил кота в маленький гамак — обычное место кота во время старта. На этот раз, вопреки обыкновению, Синдбад не протестовал. Он забрался в гамак и тут же уснул. Некоторое время Дэйн размышлял о необычном поведении животного. Должен ли он обратить на это внимание суперкарго? Возможно, что на Сарголе кот попробовал свою «чашу дружбы» и нуждался в помощи Тау?

— Погрузка правильно выполнена?

Вопрос Ван Райка также был необычным. Печать на люке трюма не ставилась до тех пор, пока он не проверил и не перепроверил весь груз.

— Да, сэр,— кратко ответил Дэйн.— Груз — только древесина. Уложена по всем вашим замечкам.

Ван Райк снова кивнул.

— Верхний слой проверили?

— Да, сэр. Какие еще будут приказания?

— Никаких. Стартуем в шесть?

— Да, сэр.

Дэйн вышел, осторожно прикрыв дверь каюты. Означает ли это, что он вновь поднялся в глазах Ван Райка? Саргол оказался для него неудачей.

Вначале он совершил эту глупую ошибку, затем заболел, а теперь? Что же теперь? Означает ли его беспокойство, что у него не выдержали из-за болезни нервы, или есть какая-то другая причина для беспокойства? Он мог бы поклясться, что «Королеву» ожидают какие-то неприятности. Но если бы он знал, какие!

Глава 8

НЕОЖИДАННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Они стартовали с Саргола точно в назначенный срок и так же по графику вошли в гиперпространство. Теперь оставалось лишь скучать и надеяться, что Стин Вилкокс проложил курс так, что время ожидания будет минимальным. Но в то же время это путешествие через гиперпространство было некоторым отдыхом. Когда бы Дэйн не заходил в кают-компанию, он застал там своих товарищей за кружкой подкрепляющего напитка, приготовленного Мурой. Обычно они обсуждали время своего возвращения на Землю.

Дэйн, избавившись от последствий своей сарголийской болезни, отдавал все время учению. Придя на «Королеву» после окончания школы, он быстро понял, что предшествующие десять лет интенсивного обучения были лишь первыми шагами на пути, который он должен пройти, прежде чем станет таким торговцем, как Ван Райк, если у него вообще хватит на это мозгов. Пока он пользовался расположением своего начальника, он использовал его как инструктора, обращаясь к нему за разъяснениями по поводу запутанных вопросов погрузки и меновой торговли. Однако теперь ему не хотелось обращаться к суперкаргу и он упорно изучал микрофильмы с записями о предыдущих сделках. Он старался не думать о своем будущем. Даже если ему придется расстаться с космосом и обосноваться на Земле, ему это пригодится.

На четвертый день корабельного времени пребывания в гиперпространстве он зашел в кают-компанию и с удивлением обнаружил, что ни там, ни в камбузе нет Муры и на плите не кипит подкрепляющий напиток. Рип сидел за столом, вытянув длинные ноги, и его обычно веселое лицо было печальным.

— Что-нибудь случилось? — Дэйн потянулся за кружкой, но обнаружив, что она пуста, поставил ее обратно.

— Фрэнк заболел.

— Что?!

Болезнь, которой они переболели на Сарголе, была вполне объяснима, но болезнь на борту корабля — это ничто совсем иное.

— Тау изолировал его. У него сильная головная боль, а когда он пытается сесть, то теряет сознание. Тау исследует его кровь.

— Может, он съел что-нибудь?

Рип покачал головой.

— Он не был на празднике — помнишь? И не ел ничего сарголийского, он поклялся в этом Тау. Он вообще не выходил из корабля, а мы все выходили.

Дэйн вспомнил, что все так и было. Тот факт, что стюард не был на празднике и не ел туземных продуктов, отбрасывал простейшее и наиболее вероятное объяснение его болезни.

— А что с Фрэнком? — в дверях стоял Али. — Он вчера говорил, что у него болит голова. А сейчас Тау изолировал его.

— Он потерял сознание. Тау берет пробы его крови, — повторил Рип.

— Но он не был на празднике, — Али запнулся, когда смысл сказанного дошел до него. — А как чувствует себя Танг?

— Хорошо. — Инженер-связист, стоящий за Камиллом, сам ответил на этот вопрос. — А почему ты интересуешься моим здоровьем?

— Фрэнк живет с тобой в одной каюте, — резко ответил Рип. — Он вел себя как обычно в последнюю ночь?

Танг долго смотрел на Шеннона, затем покачал головой.

— Нет. И он не выходил из корабля. Значит, Тау берет пробы... — и он замолчал.

Никто из них не осмеливался сказать то, о чем думали все.

Дэйн достал принесенный с собой микрофильм и пошел по коридору, чтобы положить его на место. Дверь грузовой секции была приоткрыта и он с облегчением вздохнул, обнаружив, что Ван Райка там нет. Он сунул микрофильм в нужную ячейку и достал следующий. Синдбад находился тут же, но не в своем гамаке, а на койке суперкарго. Он лениво посмотрел на Дэйна и тихонько мяукнул в знак приветствия. Почему-то на Сарголе кот стал необычайно ленив, как если бы приключения на этой планете отняли у него всю энергию.

— Ты почему не работаешь? — спросил Дэйн, поглаживая пушистую шерсть Синдбада. — Ты собираешься осмотреть груз попозже?

Синдбад щурился. Подобно другим представителям своего рода, он выглядел презрительно скучающим. Когда Дэйн повернулся к выходу, вошел суперкарго. Он не удивился присутствию своего помощника. Напротив, он указал на микрофильм пальцем, прочитал название, забрал его у Дэйна и положил на место. Затем он принялся изучать названия имевшихся там фильмов. С довольным видом он выбрал один из них и протянул его Дэйну.

— Посмотрим, сумеешь ли ты разобраться в этой путанице, — распорядился он.

Плечи Дэйна распрямились, как будто с них сняли большую тяжесть. Прежняя непринужденность не вернулась к нему, но он понял, что Ван Райк подобрел к нему. Держа микрофильм, словно это был первосортный камень корос, Дэйн вернулся в свою каюту, вставил его в проекционный аппарат, надел наушники и лег на койку, приготовившись слушать. Он был глубоко погружен в описание сложностей торговли, когда, открыв глаза, увидел в дверях Али. Помощник инженера энергично махнул рукой и Дэйн снял наушники.

— Что тебе нужно? — вопрос Дэйна был лишен доброжелательности.

— Мне нужна помощь, — коротко ответил Али. — Кости потерял сознание.

— Что?! — Дэйн одним прыжком вскочил с койки.

— Я не могу унести его один, — объяснил Али, гигант был вдвое тяжелее Камилла. — Мы должны дотащить его до каюты. А просить о помощи Штоца нельзя.

Дэйн понял причину. Помощник, даже сто помощников могут заболеть, но офицеры должны быть здоровы, для «Королевы» они нужнее. Если на борту инфекция, то пусть она лучше коснется Али и Дэйна, чем Иоганна Штоца с его энциклопедическими знаниями о механике корабля. Кости

находился в нескольких футах от двери Дэйна. Он полусидел-полулежал у стены. Очевидно, он шел в свою каюту, когда начался приступ. Когда Али и Дэйн подхватили его под руки, он застонал и схватился руками за голову. Идвоем они дотащили его до каюты и уложили на койку. Там он вновь потерял сознание. Дэйн взглянул на Али.

— Тау?

— У меня не было времени позвать его, — и Али принялся развязывать тугие шнурки башмаков Кости.

— Я пойду, — обрадовавшись полученному заданию, Дэйн взлетел по лестнице в верхнюю секцию, пробежал по узкому коридору, ведущему к медицинскому кабинету, и постучал в дверь. После некоторой паузы выглянул Тау Крэйг. Две глубокие морщины прорезали его лицо, начинаясь от уголков рта.

— Кости, сэр, — быстро сообщил свою дурную новость Дэйн. — Он потерял сознание. Мы отнесли его в каюту.

Тау не проявил признаков удивления и его рука потянулась за медицинской сумкой.

— Вы притрагивались к нему? — спросил он и, увидев утвердительный кивок Дэйна, распорядился: — Оставайтесь в своей каюте, пока я не приду осмотреть вас. Понятно?

Ответить Дэйн не успел — врач ушел. Дэйн побрел в свою каюту. Он понимал причину своего домашнего ареста, но внутренне негодовал против него. Не желая сидеть без дела, он опять включил аппарат и надел наушники, но хотя слова звучали в ушах, он почти ничего не слышал.

Опасности звездных сношений неисчислимы и смерть бродит по пятам за каждым космонавтом. Для вольных торговцев это был как бы добавочный член команды. Дэйн не мог забыть ужасных легенд, собирать которые было хобби Ван Райка. Тот записывал и хранил в своей каюте космический фольклор. Например, он рассказывал о призрачной «Новой Надежде», несущей беглецов первого марсианского восстания. Тот корабль взлетел к звездам, но никогда не приземлился — он вечно бродит в космосе с задраенными люками, на нем незримо написано «смерть». В течение столетий его встречали только корабли, терпящие бедствие. И подобные легенды были многочисленны. Были и другие легенды о зачумленных кораблях, блуждающих с мертвым экипажем. При встрече их расстреливают патрульные крейсера, чтобы они не могли распространить инфекцию. Чума — худшее, с чем могут столкнуться космонавты.

Дэйн плотно сжал веки, стараясь сосредоточиться на звучащих в ушах голосах, но не мог контролировать ни свои мысли, ни свои чувства. Почувствовав прикосновение к своей руке, он так сильно вздрогнул, что опрокинул аппарат. Смущенный, он встал перед Тау. Врач приказал ему раздеться до пояса и подверг его такому тщательному осмотру, какой Дэйн не проходил даже в карантинных портах. Осмотр также включал микроскопическое исследование срезов кожи с шеи и плеч. Закончив, Тау с облегчением вздохнул.

— Ну, что ж, у тебя нет... точнее, не обнаруживается пока никаких признаков болезни, — поздравил он, не окончив свою первую фразу.

— А что вы искали?

Немного помолчав, Тау объяснил:

— Здесь,— он дотронулся пальцем до впадины у основания горла Дэйна, затем повернул его и указал два места на ней и на лопатках,— у Кости и у Муры есть какие-то красные припухлости, как если бы кто-то вводил им наркотик.— Тау сел на откидное сидение.— Кости общался с туземцами, он мог подцепить что-нибудь...

— Но Мура...

— В том-то и дело! — Тау ударил кулаком о край койки.— Фрэнк не покидал корабля — однако именно он заболел первым. С другой стороны, вы до сих пор здоровы, а ведь вы выходили из корабля. Здоров и Али, а ведь он был с вами на охоте. Придется подождать.— Он устало встал.— Если почувствуете головную боль, немедленно отправляйтесь в свою каюту и не выходите из нее. Понятно?

Как узнал Дэйн, остальные члены экипажа подверглись такому же осмотру, но ни у одного не было признаков болезни, способных вызвать тревогу. Они находились на пути к Земле, но... И это «но» громко звучало у них в головах... Позволят ли им приземлиться? Тау должен найти ответ, прежде чем они вернутся в обычное пространство в Солнечной системе, или они окажутся в таком положении, что нарушенный контракт окажется самой маленькой из неприятностей. Кости и Мура были изолированы, несколько человек вызвались ухаживать за ними и Тау, неспособный находиться одновременно в двух местах, в конце концов решил, что Уикс будет присматривать за своими товарищами из инженерной службы. Следовало также перераспределить обязанности. Тау вместе с Мурой больше не мог ухаживать за гидропонным садом и этим занялся Ван Райк, а Дэйн оказался на камбузе и, так как у него не было опыта Муры в приготовлении пищи, скрашивающей их рацион из концентратов, он принялся экспериментировать и через некоторое время ему удалось приготовить жаркое, которое получило одобрение капитана Джелико.

Все с облегчением вздохнули, когда через три дня ни один из членов экипажа не заболел этой странной болезнью. Уже стало обычаем каждое утро, раздевшись до пояса, проходить перед Тау, который выискивал подозрительные пятна и бдительность врача не ослабевала. Тем временем Мура и Кости, казалось, не испытывали страданий. Когда печальный период головных болей кончился, клиенты Тау впали в полубессознательное состояние. Они ели, если пищу клали им в рот, но не узнавали тех, кто ухаживал за ними и не отвечали на вопросы. Между посещениями больных Тау напряженно работал в своей крошечной лаборатории, исследуя пробы крови, перечитывая записи о многочисленных заболеваниях и пытаясь найти причину случившегося, но до сих пор ему ничего не удавалось установить.

Выйдя из лаборатории, он зашел в кают-компанию и в полном изнеможении подсел к столу. Дэйн протянул ему кружку со стимулирующим напитком типа кофе.

— Я не могу найти! — врач скорее обращался к столу, чем к повара-дилетанту.— Это нечто вроде яда. Кости выходил из корабля, Мура — нет. Но Мура заболел первым. А мы не везем никаких сарголийских продуктов... Да и на планете мы ничего туземного не ели. Разве что ни тот, ни другой об этом не подозревали? Если бы мне удалось добиться ответа об этом! — вздохнув, он положил голову на руки и через секунду уже спал.

Дэйн взял из его руки кружку и сел на другой конец стола. Он не хотел

будить Тау, пусть тот хоть немного отдохнет, это ему было необходимо после четырех суток напряженной работы. По коридору в гидропонный сад прошел Ван Райк, по пятам за ним брел Синдбад. Но вот кот повернул назад и прыгнул Дэйну на колени. Он принялся тереться головой о руки юноши и лапой трогать его за подбородок, привлекая к себе внимание.

— В чем дело, парень? — Дэйн потрепал уши кота. — Не болит ли у тебя голова?

В следующее мгновение дикая мысль пришла ему в голову. На Сарголе Синдбад почти все время провел вне корабля, а на корабле бывал во всех каютах. Не мог ли он быть разносчиком болезни? Мысль хорошая, но если она верна, то по логике второй жертвой должен стать Ван Райк или он сам — Дэйн. В их каютах Синдбад проводил большую часть времени, а не у Кости. Кот не проявлял особой симпатии к Кости и никогда не спал в его каюте. Нет, пожалуй, это не подходит, но все же об этом нужно рассказать Тау. Любое подозрение, каким бы диким оно не было, следовало проверить.

Всех сбивала с толку последовательность заболеваний. Как установил Тау, у Кости и у Муры не было ничего общего за исключением того, что они были членами одного экипажа. Они жили в разных помещениях, работали тоже в разных, у них не было одинаковых пристрастий к какой-либо особой пище или питью. Они даже были представителями разных рас. Фрэнк Мура — потомок удивительного народа, жившего на островах архипелага в одном из земных морей. Сто лет назад эти острова были сглажены и поглощены морем. Древнее название этой нации — японцы. А Кости происходил из наиболее населенной части планеты, которая называлась Европой. Нет, абсолютно во всем различались эти жертвы удивительной болезни и совпадало только одно — оба были членами экипажа «Королевы Солнца» и оба родились на Земле.

Тау вздрогнул и выпрямился, оторопело глядя на Дэйна, затем пригладил свои густые черные волосы. Дэйн передал ему кота и в двух словах рассказал о своих подозрениях. Руки Тау задержали Синдбада.

— Что-то в этом есть. — Он выглядел теперь немного бодрее. Жадно проглотив напиток, вторично предложенный Дэйном, он торопливо направился в лабораторию, держа кота под мышкой.

Дэйн прибрал в камбузе, стараясь сохранить все так, как было при Муре. Он не ждал многого от своего открытия, но исследовать кота, конечно, было необходимо. В течение следующего часа врач не появлялся, но Дэйна это не беспокоило. Встревожился он при появлении Али, который спросил его:

— Ты не видел Крэйга?

— Он в лаборатории, — ответил Дэйн.

— Он не ответил на стук в дверь, — возразил Али. — А Уикс говорит, что Тау не заходил сегодня осмотреть Карла.

Это привлекло внимание Дэйна. Неужели его догадка оказалась правильной? Может быть, Тау на пороге открытия и поэтому не выходит из лаборатории? Но не зайти к своему пациенту — это не похоже на врача.

— Ты уверен, что его нет в лаборатории?

— Я сказал, что он не ответил на мой стук. Я не открывал дверь. — Говоря это Али уже шел назад, а следом спешил Дэйн.

Невысказанное объяснение молчания в лаборатории одновременно пришло им на ум. Беспокойство их возросло, когда они, подойдя к лабо-

ратории, слышали оттуда стон. Дэйн распахнул дверь. Тау свешивался со своего стула на пол и держался руками за голову, как бы пытаясь унять боль. Дэйн подхватил врача на руки. Не было необходимости делать подробный осмотр — в углублении на шее Тау краснело предательское пятно.

— Синдбад! — огляделся Дэйн. — Мимо тебя проходил Синдбад? — спросил он у удивленного Али.

— Нет. Я его весь день не видел.

В крошечной каюте кота не было. Спрятаться ему было негде. Чтобы быть в этом уверенным, Дэйн закрыл дверь, прежде чем они перенесли врача на его койку. Тау вновь потерял сознание, впадая во вторую летаргическую стадию болезни. Теперь, очевидно, он не испытывал боли, которая была первым признаком болезни.

— Виноват Синдбад! — сказал Дэйн, заканчивая свой доклад капитану Желико. — Но, однако...

— Да, он больше всего времени проводил в каюте Ван Райка, — пробормотал капитан. — И вы тоже брали его на руки, он спал на вашей койке. Но вы и Ван здоровы. Я этого не понимаю. Как бы то ни было, нужно разыскать кота и изолировать.

Он ничего не разъяснил слушающим его с угрюмым видом людям. Без Тау — их единственной надежды — найти средство от болезни было невозможно и будущее рисовалось им в самом мрачном свете.

Отыскать Синдбада не потребовалось. Дэйн, направившись в свою секцию, обнаружил кота перед дверью каюты Ван Райка. Кот не сводил глаз с щели под дверью. Дэйн схватил его. К его удивлению Синдбад принялся отчаянно вырываться, царапаясь и кусаясь. Казалось, кот сошел с ума, и Дэйн с трудом донес его до помещения торговой секции.

Закрыв за собой дверь, он услышал крик Синдбада, который требовал, чтобы его выпустили. Сильно исцарапанный Дэйн отправился на поиски помощи, но смутное подозрение заставило его задержаться у двери Ван Райка. Когда на его стук никто не отозвался, он распахнул дверь.

Ван Райк, полужакрыв глаза, лежал на койке с видом, слишком знакомым экипажу «Королевы». И Дэйн знал, что он увидит на теле суперкарго красные пятна чумы.

Глава 9

ЧУМА

Желико и Стин Вилкокс пытались разобраться в скудных записях, сделанных Тау перед болезнью. Но врач, очевидно, не нашел подтверждения того, что Синдбад был переносчиком болезни. Тем не менее, капитан приказал изолировать кота. Это была трудная задача — Синдбад караулил у дверей кладовой, куда его закрыли, и готов был броситься наутек, когда ему приносили пищу. Однажды он пробежал почти весь коридор, прежде чем Дэйн загнал его в угол и вернулся на место.

Дэйн, Али и Уикс взяли на себя заботы о четверых больных, оставив свои основные обязанности старшим офицерам корабля, а Рип к своим обязанностям добавил и наблюдение за гидропонным садом. Состояние

Мурь, первого заболевшего, не изменилось. Он был в полубессознательном состоянии и глотал пищу, если ему клали ее в рот, не замечая окружающих. Кости, Тау и Ван Райк вели себя точно так же. По утрам все члены экипажа по-прежнему осматривали друг друга в поисках следов болезни и, когда в следующие два дня никто не заболел, у них появилась слабая надежда. Однако она угасла, когда Али сообщил о том, что заболел Штоц. Еще один безвольный пациент прибавился к четверым и было неизвестно, как он заразился. Синдбад был изолирован и в течение нескольких дней Штоц не общался с ним, но, тем не менее, он заболел.

Уикс, Али и Дэйн, находившиеся в постоянном контакте с больными, а Дэйн к тому же несколько раз брал кота на руки, оставались здоровыми. Этот факт, несомненно, имел какое-то значение, как думал Дэйн, если бы кто-нибудь из них обладал медицинскими знаниями. Тау не мог думать над этим. По всем правилам они должны были заболеть в первую очередь, но этого не случилось. И Вилкоккс отметил этот факт в бортовом журнале. У них стало привычкой следить друг за другом, ожидая внезапных признаков болезни. Они не удивились, когда в кают-компанию вошел, шатаясь, Танг с бледным и искаженным от боли лицом. Рип и Дэйн довели его до каюты, прежде чем он потерял сознание. Но все, что они узнали от него за то время, которое он находился в сознании, это то, что у него разрывается от боли голова и что он не может это выдержать. Над его безжизненным телом они хмуро поглядели друг на друга.

— Шестеро больных,— подвел итог Али,— и шесть все еще на ногах. Как ты себя чувствуешь?

— Устал и больше ничего. Не понимаю, почему они так долго находятся в этом бессознательном состоянии. И мы не видим, чтобы им становилось хуже, у них не повышается температура, как будто они в летаргическом сне.

— Как Танг? — спросил из коридора Рип.

— Обычное состояние,— ответил Али.— Он спит. Ты чувствуешь боль, дружище?

— Здоров, как ЭВМ,— покачал головой Рип.— Не понимаю, почему заболел Танг, даже не выходявший из корабля, а мы все здоровы?

— Если бы мы это знали,— скривился Дэйн,— то, может быть, узнали бы и все остальное.

Глаза Али сузились. Он пристально смотрел на бесчувственного связиста.

— Я думаю, что мы просолились,— медленно сказал он.

— Что? — переспросил Дэйн.

— Послушайте, только мы трое, да еще и Уикс, пили этот сарголийский напиток, верно? И мы...

— Здоровы, как венерианские индюки,— согласился Рип.

В сознании Дэйна мелькнул просвет.

— Ты думаешь...— начал он.

— Так оно и есть! — выпалил Рип.

— Возможно, что так оно и есть,— согласился Али.— Помните, как переселенцы из Комблайне сберегли свой скот? Они подмешивали в местную траву факсел и кормили ею коров. В результате, когда коров выгоняли в сухой сезон на пастбище, местные травы им не вредили. И, может, в напитках была «наша соль»? Соль в смеси с травой факсел делала на какое-то время

скот больным, но зато потом у него вырабатывался иммунитет. Теперь на Комблайне никто не покупает корову, не евшую соль.

— Звучит логично,— согласился Рип.— Но как нам доказать это?

Лицо Али потемнело.

— Методом исключения,— мрачно сказал он.— Если все остальные заболеют, а мы останемся здоровыми, то это и будет доказательством.

— Но мы должны что-то делать,— возразил Шеннон.

— Как? — поднял брови Али.— Нет ли у тебя пары литров этого сарголийского напитка? Мы не знаем, что в нем было, и вообще не уверены, что именно в нем причина.

Все они знали основы медицины и умели оказывать первую медицинскую помощь, но проведение лабораторных экспериментов требовало гораздо больших знаний и опыта. Если бы Тау был на ногах, он, возможно, и ухватился бы за эту ниточку и навел бы порядок в хаосе, охватившем «Королеву». Но хотя они и сообщили свои предположения капитану, Джелико был бессилен что-либо предпринять. Даже если эти четверо, попробовавшие напиток дружбы, действительно приобрели иммунитет к болезни, воцарившейся на корабле, то почему это произошло, выяснить было невозможно.

Корабельное время продолжало идти и они не удивились, когда Стин Вилкокс ушел со своего кресла возле компьютера — его увели в каюту, что стало уже привычной процедурой. Лишь Джелико сопротивлялся болезни вместе с четырьмя младшими членами экипажа, ухаживая вместе с ними за беспомощными больными, в положении которых не было никаких изменений. Проходили часы и дни, а им не становилось ни хуже, ни лучше. Но каждое мгновение приближало их к большей опасности. Рано или поздно они должны были совершить переход из гиперпространства в обычный космос, а такой прыжок мог совершить лишь опытный штурман. По мере приближения к этому моменту круглое лицо Рипа худело.

Джелико все еще оставался на ногах, но если капитан заболеет, вся ответственность ляжет на плечи Шеннона. Малейшая ошибка может привести всех к гибели. Дэйн и Али освободили Рипа от всех его обязанностей и теперь он все время проводил в кресле Стина Вилкокса перед компьютером. Он вновь и вновь перечитывал записи о прокладке курса, которые вел штурман, а капитан Джелико с темными кругами вокруг глаз проверял и перепроверял вычисления. Когда наступил роковой момент выхода, Али и Уикс находились в инженерной секции. Уикс был готов следить за приборами инженера, до которых не дотрагивался помощник инженера, а Дэйн, убедившись, что больные спокойно лежат в своих койках, занял место связиста Танга.

— Подготовить двигатель к прыжку.

— Двигатель готов,— донесся из глубины голос штурмана.

— Восемь — пять — девять... — это был голос Джелико.

Дэйн вдруг обнаружил, что больше не может ждать. Он закрыл глаза и приготовился к шоку, который сопровождал переход. Закружилась голова и он вынырнул в обычном пространстве. Дэйн открыл глаза и увидел, что по-прежнему сидит в кресле связиста. Струйки пота сбегали по коричневому лицу Шеннона и на его рубашке между лопатками темнело пятно. Мгновение он не решался поднять голову и взглянуть на экран, который

показывал им, что переход удался, но когда он сделал это, то увидел знакомые очертания созвездий. Итак, получилось — они не слишком уклонились от курса, намеченного Вилкоксом. Они в пределах Солнечной системы, а переход из гиперпространства позади. Рип глубоко вздохнул и опустил голову на руки.

С чувством тревоги Дэйн отстегнул привязной ремень и поторопился к нему. Когда он дотронулся до плеча Рипа, помощник штурмана устало поднял голову. Неужели Рип тоже заболел? Но тот открыл усталые глаза.

— У тебя болит голова? — тряс его Дэйн.

— Голова? — Нет... — с трудом проговорил Рип. — Очень хочу спать, только спать.

Казалось, он не испытывал боли. Дэйн подхватил Рипа и довел его до каюты, надеясь, что это всего лишь усталость, а не болезнь. Корабль был поставлен на управление автопилотом, пока Джелико прокладывал дальнейший курс. Дэйн опустил Рипа на койку и стащил с него рубашку. Красивое лицо спящего помощника штурмана выглядело бледным и усталым. Он свернулся в клубок, словно ребенок, и кожа его была чиста. Это был настоящий сон, а не чума. Дэйн отправился обратно в штурманскую. Он не был штурманом, но понимал, что у капитана должен быть помощник, и хотел предложить ему свою помощь, пока Шеннон спит.

Джелико сгорбился перед малым компьютером. Лицо его напоминало череп, туго обтянутый кожей. Скулы остро выступили, глаза запали, а нос заострился.

— Шеннон заболел? — Голос капитана был слаб, но головы он не повернул.

— Он просто устал, сэр, — поторопился объяснить Дэйн. — На нем нет следов болезни.

— Когда он проснется, скажите ему, что я ввел координаты, — пробормотал капитан. — Он сумеет проложить курс...

— Но, сэр... — возразил Дэйн, но внезапно остановился, так как капитан схватился руками за голову.

Когда Дэйн бросился вперед, чтобы поддержать капитана, тот рванул воротник рубашки и обнажил грудь. В объяснениях не было необходимости — красные пятна на коже капитана объясняли все. Джелико держался на ногах, собрав все силы и преодолевая приступы боли. Дэйн подхватил его и оттащил от компьютера, надеясь, что капитан не потеряет сознания и сумеет с его помощью добраться до своей каюты. Они действительно проделали это путешествие и были встречены хриплыми криками хубата. Дэйн яростно хлопнул по клетке, раскачав ее, и тем самым заставил замолчать любимца капитана, который смотрел зловещими глазами, как Дэйн укладывает капитана в постель.

Уходя из каюты, Дэйн с тоской подумал, что теперь на ногах остались лишь четверо. Если Рип не заболел, они смогут приземлиться. Дэйн похолодел, представив себе, что Рип вышел из строя и ему придется сажать «Королеву». Но куда сажать? Земной карантин находился на Луне, в Лунасити... Но стоит ли им сообщать о себе и описывать, что происходит на корабле? Ведь их могут объявить зачумленным кораблем, тогда они погибнут. Он медленно спустился в кают-компанию и застал там Али и Уикса. Они смотрели на него.

— Заболел старик,— сообщил он.

— Рип? — коротко спросил Али.

— Спит, устал. Капитан сидел в кресле пилота, не уступая болезни.

— Итак, нас осталось трое,— подвел итог Али.— Где мы сядем? В Луна-сити?

— Если нам разрешат.— Дэйн ожидал самого плохого.

— Но они должны разрешить! — воскликнул Уикс.— Мы не можем вечно оставаться здесь.

— Хотел ли старик садиться на Луну? — спросил Али после долгого молчания.

— Я не смотрел,— ответил Дэйн.— Ему стало плохо и я отвел его в каюту.

— Хорошо бы узнать.— Помощник инженера встал, его движения утратили обычную грациозность, всегда отличавшую его. Когда он направился к приборам, остальные двое последовали за ним.

Тонкие пальцы Али заматались среди рычагов и кнопок, а в маленьком окошке компьютера замелькали цифры. Дэйн взял книгу программ, справился с ней и заметил:

— Не Луна...

— Не Луна? — переспросил Али.

— Нет. Но я не понимаю всего. Это должно быть где-то в поясе астероидов.

Али скривил губы в подобие улыбки.

— Похоже на старика. Он сохранил разум, несмотря на болезнь.

— Но зачем нам идти к астероидам? — недоуменно спросил Уикс.— Врачи на Луне смогут нам помочь...

— Если сумеют распознать болезнь,— ответил Али.— А что говорит Кодекс?

Уикс опустился в кресло, будто силы оставили его.

— Они не сделают это! — возразил он, но глаза его говорили обратное — они сделают это.

— Нужно смотреть фактам в лицо, парни,— сурово сказал Али.— Мы пришли с отдаленной планеты и мы — зачумленный корабль.

Он мог бы и не говорить этого. Они и так понимали всю опасность своего положения.

— Однако никто не умер,— возразил Уикс, стремясь найти выход из сети, накрывшей их.

— Но никто и не выздоровел,— уточнил Али, погасив и этот огонек надежды.— Мы не знаем, что это за болезнь, как она передается. Не знаем ничего. Если мы доложим обо всем, вы знаете, что за этим последует.

В деталях они не были уверены, но в целом — да!

— Вот я и говорю,— продолжал Али,— что старик был прав, прокладывая отдаленный курс. Если мы останемся там, пока не выясним, в чем дело, у нас будет хоть маленький шанс.

В конце концов они решили не менять курса, проложенного капитаном. Он уведет их на окраину Солнечной системы, но даст шанс решить их проблему, прежде чем они должны будут представить свой доклад Центру. А пока они будут ухаживать за больными, пусть Рип спит. Они продолжали наблюдать друг за другом, ожидая, что в любую минуту кто-нибудь из них

заболеет. Тем не менее, вопреки всякой логике они оставались здоровыми. Время подтвердило, что их предположение было правильным — они приобрели иммунитет против вируса, овладевшего кораблем.

Рип проспал двадцать четыре часа, затем страшно голодный появился в кают-компании, чтобы получить пищу и новости. Он отказался согласиться с пессимистическими взглядами на будущее. Наоборот, он считал, что поскольку их иммунитет доказан, они могут представить доклад медицинской комиссии Луны и был готов изменить курс корабля. Только объединенные доводы остальных заставили его неохотно подчиниться.

Как они должны были быть благодарны капитану и его проницательности и предусмотрительности, они поняли на следующий день. Али сидел в кресле связиста, пытаясь поймать земные новости, когда вспыхнул красный сигнал. Все они направились в рубку. Раздались кодовые сигналы, Али включил полную громкость и они слышали:

«Повторяю, повторяю, повторяю. Вольный торговец «Королева Солнца», земной регистр 65—724810 — Джи-Кей, объявлен зачумленным кораблем. Он возвращается с зараженной планеты. Предупреждаю, предупреждаю, предупреждаю. Всем докладывать на Лунную станцию о его появлении...»

Это сообщение было повторено трижды. Четверо в штурманской рубке хмуро смотрели друг на друга.

— Но откуда они узнали? — прервал молчание Дэйн. — Мы же не докладывали...

— «Интерсолар»! — быстро нашелся Али. — У корабля компании были те же трудности, он и сообщил компании. Они включили нас в свой доклад Центру, будучи уверенными, что мы тоже заражены.

— Тут что-то не так. — Глаза Рипа превратились в узкие щелочки. — Рассмотрим факты. Корабль изыскателей исследовал Саргол. Они пробыли на планете три-четыре месяца. Потом решили, что можно продать торговые права на эту планету. Их купил Кам. Он дважды посещал Саргол до гибели на Лимбо. И никто ни на корабле изыскателей, ни у Кама не заболел.

— Но мы-то заразились, — возразил Уикс.

— Да, а корабль «Интерсолара» смог предвидеть это и доложил о нас, прежде чем мы вышли из гиперпространства. Похоже, они ожидали, что мы станем зачумленным кораблем.

— Нас заразили? — нахмурился Али. — Но как? Ни один член экипажа корабля «Интерсолара» не был на борту, да и сарголийцы тоже, за исключением того парня, от которого мы узнали об их интересе к кошачьей мяте.

Рип пожал плечами.

— Хотел бы я знать, как они сделали это с нами... — начал он, но тут его прервал Дэйн:

— Они не могли знать о нашем иммунитете и должны были ожидать, что корабль навсегда останется в гиперпространстве. Некому было бы совершить переход.

— Верно. Но на тот случай, если кто-нибудь останется на ногах и приведет корабль домой, они подготовились. Если же никто не устоит, корабль никогда не вернется. Через год корабль «Интерсолара» сядет на планету и затем потребует, чтобы были посланы изыскатели. Те не найдут никаких следов инфекции. Все в порядке, все довольны. Кому какое дело до какого-то вольного торговца «Королева Солнца», который выбыл из игры? «Интер-

солар» вполне законно потребует права на торговлю с Сарголом и им не о чем беспокоиться. Мы в ловушке, как в сарголийской сети, и петля уже у нас на шее.

— Что же нам делать? — спросил Уикс.

— Будем держаться курса старика, останемся на астероидах, пока не разберемся, в чем дело. Но если «Интерсолар» подбросил нам что-нибудь, следы этого должны остаться. Если бы мы их нашли — что ж, у нас было бы с чего начинать.

— Мура заболел первым, за ним — Кости. Ничего общего, — в сотый раз произнес Дэйн.

— Нет. — Али встал с места. — Но я хочу тщательно обыскать каюту Муры, затем Кости. Осмотрю все, оставлю лишь стены. Пойдете со мной?

— Дуй, парень, мы за тобой! — ответил на это Рип уже у прохода. — Осмотрим все вплоть до голых стен.

Глава 10

АВАРИЙНАЯ СТАНЦИЯ

Поскольку Мура находился в корабельном лазарете, осмотр его каюты был сравнительно простым делом. Но хотя Рип и Дэйн осмотрели каждый дюйм каюты, они не нашли ничего необычного, ничего, связанного с Сарголом, за исключением, пожалуй, веточки красного дерева, лежавшей на рабочем столе стюарда. Очевидно, он собирался использовать ее в одном из своих миниатюрных ландшафтов, заключенных в пластмассовые шары. Дэйн повертел в руках веточку. Эта была единственная связь с благоухающей планетой и он чувствовал, что какое-то значение она имеет. Но ведь Кости не проявил никакого интереса к этой древесине. А сам он, да и Уикс, по многу раз брали ее в руки до того, как попробовали напиток Грофта и приобрели иммунитет, так что причина не может заключаться в дереве. Дэйн положил прутик обратно и задернул защитные занавески над крошечными инструментами. Только много дней спустя он понял, как близок был в тот момент к разгадке.

После двухчасового осмотра каждой вещи стюарда, ползанья на четвереньках под столом, они не обнаружили решительно ничего. Рип сел на край обшарпанной койки.

— Остается сад. Фрэнк проводил в нем много времени, да и кладовая тоже вместе с камбузом и кают-компанией.

Этим ограничивался мир стюарда. Они обыскали кладовую, камбуз и кают-компанию, но трогать сад — означало подвергнуть опасности снабжение корабля воздухом. Это было опасно и поэтому они в замешательстве остановились.

— Это лучшее место для того, чтобы спрятать что-то! — первым заговорил Дэйн.

Рип прикусил нижнюю губу. Найти что-либо в гидропонном саду можно было лишь после посадки в порту и удаления всех растений.

— Черт возьми! — губы Рипа сжались. — Но как им удалось это сделать?

Дэйн тоже не понимал этого. Никто, кроме экипажа «Королевы» не был на борту с момента посадки на Саргол, исключая юного сарголийца. Неужели этот мальчишка принес что-нибудь? Но он ни на минуту не оставался один на корабле — с ним Мура и он сам, Дэйн. Мальчишка ни к чему не притрагивался, Дэйн это помнил, да и пробыл тот в саду всего несколько минут. И это тоже было до праздника.

Рип встал.

— Мы не можем разрушить сад в пространстве,— спокойно сказал он.

Ответ у Дэйна был уже готов:

— Значит, нужно приземлиться.

— Ты же слышал предупреждение. Если мы только попробуем...

— А как насчет аварийной станции?

Рип продолжал стоять неподвижно, ухватившись руками за пряжки на своем поясе. Затем без лишних слов он вышел из помещения и направился к лестнице, ведущей в каюту капитана, чтобы посмотреть записи Джелико. Это был весьма призрачный шанс, но все же лучше, чем ничего. Дэйн втиснулся за ним в маленькую каюту и обнаружил, что Рип разбирает штурманские записи. Среди астероидов действительно располагались аварийные станции — пункты помощи изыскателям и небольшим торговым кораблям. В случае необходимости, так можно было произвести ремонт и получить продовольствие. Большие компании сооружали свои собственные станции, были и несколько станций для Патруля.

— Патрульные станции не подходят...

Рип улыбнулся, вставив микрофильм в гнездо рейдера на столе капитана. В клетке над головой хубат внимательно смотрел на него — впервые, насколько мог помнить Дэйн, чудище не проявило негодования, не кричало и не плевалось.

— Патрульная станция А — станция А-54,— заговорил ридер и Рип переключил запись.— ...А — станция компании «Комбайн»,— новое переключение и щелчок.— Патрульная станция А-55,— переключение и щелчок.— «Интерсолар»...— Рука Рипа замерла, голос ридера продолжал читать координаты. Рип схватил ручку и принялся записывать координаты.

— Сравни это с цифрами нашего курса.

— Но ведь это станция «Интерсолара»,— начал было Дэйн и вдруг засмеялся, когда до него дошел смысл происходящего — они не смогут посадить «Королеву» на патрульные станции обычного типа, но на станции компании находятся лишь два или три человека, которые никого не ожидают, кроме своих. Вот их-то они и заставят помочь «Королеве»!

— Могут возникнуть осложнения,— продолжал Дэйн, но не потому, что сожалел о том, что им предстояло сделать. Нет, если только «Интерсолар» действительно ответственна за бедствия «Королевы», он будет только рад случаю, который подставит под его кулак ухмыляющееся лицо какого-нибудь служащего «Интерсолара».

— Посмотрим, когда придет время,— ответил Рип, направляясь в штурманскую рубку со своими записями.

Он тщательно набрал комбинацию цифр на пульте вычислителя с целью сравнения их с курсом, намеченным капитаном перед болезнью.

— Отлично,— прокомментировал он полученный результат.— Мы проделаем этот путь, почти не затратив топлива.

— Какой путь? — спросил Али, вернувшийся из каюты Кости. — Ничего... — ответил он на невысказанный вопрос товарищей и вернулся к своему первому вопросу: — Какой путь?

Дэйн быстро пересказал ему их подозрения о том, что источник инфекции находится в саду и что они должны вынести все из той секции, используя запасные материалы, которые они найдут на А-станции «Интерсолара».

— Звучит заманчиво. Но знаете ли вы, как они поступают с пиратами? — спросил помощник инженера.

Космический Кодекс Дэйн знал отлично и не нуждался в напоминаниях.

— Любой корабль, нуждающийся в помощи, — автоматически процитировал он, — может получить ее на ближайшей А-станции, заплатив за нее по окончании рейса.

— Имеется в виду любая патрульная станция, а станция компании — частная собственность.

— Но, — торжествуя, заметил Дэйн, — в законе об этом ничего не сказано. Там не делается различия между А-станциями патруля и компаний.

— Он прав, — согласился Рип, — закон был сформулирован, когда существовали только патрульные А-станции. Компании соорудили свои станции позже, чтобы избежать налогов, помните? По закону все верно.

— Пока дежурный на станции не даст сигнал тревоги, — поправил Али. — Не смотри на меня так, Рип. Я ничего не имею против, но все же хочу, чтобы вы были готовы обнаружить за своим хвостом патрульный крейсер, стреляющий в нас, как в бандитов. Если вы хотите ограбить станцию «Интерсолара», я целиком за это. У нас есть точные координаты?

Рип взглянул на цифры в окошке компьютера.

— Вот они. Мы достигнем ее через пять часов корабельного времени. Как долго может продлиться переоборудование сада?

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил Али. — Я могу снабжать каюты кислородом в течение двух часов. Все зависит от нашей быстроты. Ничего нельзя сказать, пока мы не начнем. — Он направился в коридор и добавил через плечо: — Нам придется отвечать на вопросы по передатчику. Вы подумали об этом?

— Зачем отвечать? — спросил Рип. — Может быть, именно необходимость в ремонте передатчика и привела нас сюда. Они не могут проверить причину нашего молчания и у нас будет преимущество.

Но Али не расстался с обычным для себя пессимистическим взглядом на будущее.

— Ладно. Мы приземляемся, бластеры в руки и берем все, что нам нужно. А дежурные дают коротенькое сообщение патрулю. Ну, что ж, жизнь коротка, зато интересна. Все видеоз экраны будут полны картинами, где нас обстреливают ракетами. Всего лишь небольшое коротенькое развлечение, чтобы разнообразить скучное путешествие...

— Но мы не будем брать бластеры, — возразил Дэйн, — мы не будем вооружаться.

Али взглянул на Дэйна и Рипа и, к их удивлению, не стал немедленно отвергать эту мысль.

— Парализирующие пистолеты, — сказал помощник штурмана после

паузы.— Мы подготовимся к тому моменту, когда они узнают, кто мы такие. Мы не сможем за несколько минут переоборудовать сад и снабдить всех кислородом. Если бы мы могли работать в космических скафандрах, работа шла бы быстрее и мы могли бы начать работы еще до посадки. Но, к сожалению, это невозможно. И все зависит от дежурного по станции — будут у нас неприятности или нет.

— Мы сможем надеть скафандры перед посадкой,— добавил Али к оценке ситуации, сделанной Рипом.— Если мы появимся в скафандрах, это подкрепит наш рассказ о бедных космонавтах, нуждающихся в помощи.

«С парализующими пистолетами или без них,— думал Дэйн,— весь их план был планом отчаяния. Все зависит от того, как быстро смогут работать вольные торговцы после посадки».

— Прежде всего надо разбить их передатчик,— продолжал развивать план Али.— После этого нам не нужно будет опасаться, что кто-то вызовет патруль.

Рип потянулся. Впервые за много часов его лицо приобрело обычное добродушное выражение.

— Прекрасный сюжет для видео. Али, ты сможешь кратко рассказать нам о всех повадках пиратов? Ничего более невероятного в моей карьере не встречалось.— Он бросил взгляд на пульт управления и протянул руку к переключателю, расположенному в стороне от остальных.— Пора приобретать нужную окраску,— заметил он.

Дэйн понял, что Рип сменил сигнал бедствия на носу корабля. Когда «Королева» сядет на А-станцию, у нее на носу будет пылать тревожный сигнал, который зажигался лишь тогда, когда корабль не надеялся достичь порта. Они избежали зажигать этот сигнал смерти, однако для них, для «Королевы» он не был сигналом смерти. Работая все вместе, они перетаскивали все скафандры в шлюзовую камеру и подготовили их к работе. Затем Дэйн и Уикс принялись за свои ежедневные обязанности по уходу за больными, а Рип и Али готовились к посадке. В состоянии больных больших изменений не было. В каюте Джелико даже хубат, казалось, подвергся влиянию болезни своего хозяина, так как не встретил Дэйна своим обычным припадком гнева, а остался спокойно сидеть на полу своей клетки, спрятав когти на верхушках крыльев и злорадно осматривая помещение маленькими глазками. Он даже не плевался, когда Дэйн проходил мимо него, чтобы влить в рот своему пациенту жидкую пищу.

Что касается Синдбада, то тот занял каюту Дэйна и отказывался покидать ее, защищаясь когтями и зубами, когда Дэйн попытался перенести его в каюту Ван Райка и поместить его в его же собственный гамак. После этого помощник суперкарго не пытался выселить кота — было приятно видеть толстое серое туловище, свернувшееся на койке, которую ему так мало теперь приходилось использовать.

Выполнив свои обязанности по уходу за больными, Дэйн отправился в сад. Он кое-что знал об этом земном сердце корабля. В годы учения ему приходилось знакомиться со всем, что так или иначе касалось космической торговли. Но снабжение всегда было неограниченным и он учил этот предмет ровно настолько, чтобы удовлетворительно сдать экзамен. Теперь ему предстояло гораздо более серьезное испытание. Дэйн медленно шел по коридору между рядами зеленых растений со всей Галактики, способных возоб-

новлять запас кислорода в воздухе и снабжать экипаж своими овощами и фруктами. От них шел сильный запах свежести. Но как могут они сказать, что здесь было всегда, а что было принесено с Саргола? И могут ли они вообще быть уверены, что тут есть что-нибудь с Саргола?

Дэйн стоял и смотрел на все оттенки зеленого цвета — от зелени, возвращенной земным Солнцем, до зелени, выросшей на десятках других планет. Он искал чужое растение, отличное от других. Только Мура, который знал сад, как свою каюту, мог бы различить эти растения. Им все же придется разрушить здесь все и, может быть, им повезет.

Вдруг он вздрогнул, заметив слабое колебание среди листьев — дрожание ствола, колебание листьев. Какое-то чувствительное растение среагировало на его приближение. Кружевное, похожее на папоротник растение свернуло в шары свои листья. Ему не нужно было здесь стоять, нарушая покой сада. Но какая разница, если через несколько часов это изобилие обречено на гибель и они будут зависеть от количества воздуха в резервуарах. Это плохо, ведь Мура и Тау столько времени отдали саду, выращивая и наблюдая за многочисленными растениями. Когда Дэйн закрыл за собой дверь, он услышал слабый вздох, шелест, прозвучавший среди листвы. Воображение — ценное качество торговца, когда оно придерживается в определенных рамках, подсказало ему, что растения обсуждают... Рассердившись на себя за свою сентиментальность, Дэйн отправился в штурманскую рубку.

У Рипа там были свои проблемы. Посадить «Королеву» на посадочное поле А-станции без регулирующего луча с нее — задача весьма трудная и для опытного пилота. Ведь если бы они вступили в контакт с персоналом А-станции, им пришлось бы отвечать на вопросы. Однако в кресле капитана сидел теперь Рип и его темные руки летали над клавишами пультов управления, а внизу в инженерной секции место Штоца занял Али, готовый выполнить любое приказание. Конечно, Дэйн знал, что они на несколько лет больше его провели в космосе. Тем не менее, он удивился, как легко и просто они приняли на себя ответственность за корабль. Он сам не смог бы так, он все время помнил об ошибке, о глупой ошибке, допущенной на Сарголе.

Резко прозвучал сигнальный звонок и на пульте управления вспыхнула красная лампочка. До сих пор корабль управлялся автоматами, а теперь начиналась работа Рипа. Дэйн направился к пульту связи, к молчавшему передатчику-приемнику, который через мгновение начал выплевывать слова, переводя их с космического кода.

— Назовите себя, назовите себя, назовите себя. Аварийная станция компании «Интерсолар» вызывает корабль. Назовите себя, назовите себя, назовите себя...

Эти слова были такими требовательными, что пальцы Дэйна непроизвольно схватились за ключ, чтобы ответить, но он тут же вспомнил, что этого делать не следует, и отдернул руку.

— Назовите себя, назовите себя... — лишенный выражения голос транслятора звучал у них в ушах.

Руки Рипа летали над пультом управления с грацией дирижера, руководящего большим оркестром. «Королева», дрожа и вибрируя каждой деталью, шла на посадку. Дэйн следил за видеозэкраном. Вот и астероид А-станции — унылое выражающееся пятно, плывущее в пространстве.

—...назовите себя, назовите себя...— голос становился все громче.

Сжав губы, Рип производил вычисления, и Дэйн понял, что хотя капитан и был искусным пилотом, но и ученик не уступал ему.

Наступила внезапная тишина — голос транслятора замолчал. Дежурный на станции внизу понял, что корабль с огнем бедствия на носу не может ответить. Теперь Дэйн уже не смотрел на экран и его внимание поглотили руки Рипа. Он знал, что Рип использует все свои знания и опыт, чтобы точно вывести их на посадочное поле А-станции. Возможно, это и не была такая гладкая посадка, которую совершил бы Джелико, но, тем не менее, они сели. Руки Рипа остановились и темное пятно вновь образовалось у него на рубашке. Он неподвижно сидел в своем кресле.

— Все,— долетел до них голос Али.— Все спокойно.

Дэйн отстегнул привязные ремни и встал, ожидая приказа Шеннона. Им предстояло выполнить план Рипа. Что-то заставило его отдать должное мастерству пилота и он тронул Рипа за плечо.

— Отличная посадка, братец! На все четыре точки.

Рип с улыбкой взглянул на него.

— Не забудь сообщить об этом центру, когда будет рассматриваться мой послужной список.

Дэйн тоже улыбнулся.

— Жаль, что никто не снимал эту посадку на видео...

— Может, это и лучше для начинающих пиратов.— Очевидно их разговор услышал по корабельному интеркому Али и теперь прозвучала его расхолаживающая реплика, напоминающая им, что они произвели эту посадку очень паршиво.— Выступаем?

— Вначале осмотримся,— ответил Рип в микрофон.

Дэйн взглянул на видеоэкран. Прямо напротив их у высокой зазубренной стены скал возвышалась А-станция. Три четверти ее строения были закрыты защитным куполом, из которого вырывался яркий луч света, освещая приземлившуюся «Королеву». Они бы не застали врасплох дежурных станции. Они обошли корабль, проверив состояние всех больных. Али подготовил запасные резервуары с кислородом — как только они начнут переоборудовать сад, им придется работать очень быстро.

— Надеюсь, у вас готова правдоподобная история,— сказал он, когда все собрались в шлюзовой камере и принялись одевать скафандры, необходимые в безвоздушном пространстве астероида.

— У нас ядовитый сад,— сказал Дэйн.

— Один взгляд на растения, которые мы уничтожаем, выдаст нашу ложь. Они не поверят в эту историю.

Дэйн почувствовал раздражение — неужели Али принимает его за тупицу?

— Если ты взглянешь на них теперь, то и ты мне согласишься,— проворчал он.

— А что ты с ними сделал? — с искренним интересом спросил Али.

— Вылил полный бидон нагретого спирта из товарного склада. Все растения погибли и от них остались одни клочки.

— Добрый старый спирт,— вздохнул Рип.— Мы пьем его, мы обтираем им, а теперь он убивает для нас сад. Ладно, Уикс,— обратился он к маленькому человечку,— слушай приемник, а мы включим радио в своих скафанд-

рах. Заберемся в них и посмотрим, сколько слез прольет «И — С» над нашим печальным рассказом.

Они одели неуклюжие и громоздкие скафандры и прошли в шлюзовую камеру, а Уикс закрыл за ними дверь и открыл наружный выход. Они выглянули на наружную поверхность корабля и астероида, освещенные лучом из купола.

— Никто не спешит на помощь с медицинскими сумками, — прозвучал в наушниках голос Рипа. — Какое-то затишье...

Затишье... быть может, дежурные «И — С» узнали «Королеву» и готовят хороший прием остаткам ее экипажа? Дэйн сошел по трапу вслед за Рипом. Теперь их освещал бесстрастный прожектор с купола А-станции.

Глава 11

ОТЧАЯННЫЕ МЕРЫ

Измеряемое во времени и в пространстве, это путешествие в громоздких скафандрах по пустынной поверхности астероида могло показаться коротким, но измеренное биением сердца Дэйна оно было очень долгим. У входа в защитный купол не было никаких признаков жизни, никто не торопился им навстречу.

— Может, они нас не заметили? — прозвучал в наушниках бесплотный голос Али.

— Возможно, это и к лучшему, — ответил Дэйн.

Рип был уже у входа в шлюзовую камеру и его бронированные руки протянулись к контрольной кнопке, когда радио в их шлемах повторило знакомое требование:

— Назовите себя! — резкость этого требования доказывала, что лучшей политикой в этих обстоятельствах будет ответ.

— Шеннон, помощник штурмана с «Полярной звезды», — ответил готовый к этому вопросу Рип. — Мы просим помощи у А-станции...

Но получают ли они ее? Дэйн в этом сомневался. Прозвучал громкий щелчок, и металлическая дверь приоткрылась. Значит, те, кто находился внутри, открыли замок. Дэйн поторопился за Рипом. Все трое прошли в шлюзовую камеру и дверь за ними закрылась. Они стояли в камере и ждали, когда можно будет снять скафандры и пройти дальше. Их шансы на успех были довольно велики, так как это была небольшая станция, могущая вместить максимум четырех человек. Экипаж «Королевы» был достаточно хорошо знаком с устройством подобных станций, чтобы знать, куда направляться. Али пошел в рубку связи, где должен был предупредить отправку сигнала тревоги. Рип и Дэйн брали на себя подавление сопротивления в главной секции, но они все еще надеялись на счастливый исход. Может быть, их рассказу поверят и они избегнут конфликта с «Интерсоларом».

Прибор показал нормальное давление и они поспешно расстегнули клапаны своих скафандров. Сложив громоздкую одежду у стены, они нажали затвор двери и вошли на территорию станции «Интерсолара». У них было преимущество как у вольных торговцев — они не носили обязательной формы, и, следовательно, герб компании или название корабля не выдавали

их. Значит, они были с «Полярной звезды», а не с печально известной «Королевы Солнца», но каждый из них, проходя во внутренние помещения станции, нащупал рукоятку парализующего пистолета. Хотя это оружие и было безвредным, оно на короткое время действовало очень эффективно. А поскольку они ожидали любых осложнений, у них должно было быть хоть какое-то оружие для отражения нападения людей «Интерсолара».

Служащий компании в распахнутой на груди потрепанной одежде, обнажавшей толстое горло, стоял в ожидании. Его голова была седой, грубое тяжелое лицо с мощными челюстями явно не знало бритвы в течение нескольких дней. По виду это был младший офицер с какого-нибудь корабля, исполнявший последние несколько лет чисто номинальные обязанности на А-станции. Здесь он уже не придерживался строгих норм поведения, существовавших на кораблях, но он окончательно не отупел от этой спокойной жизни. Его взгляд свидетельствовал о хитрости и проницательности.

— В чем дело? — спросил он, даже не поприветствовав. — Вы при приземлении не назвались.

— Вышел из строя передатчик, — коротко ответил Рип. — Нам нужно восстановить сад.

— Впервые слышу, чтобы одновременно вышли из строя и передатчик, и сад, — заметил он, сжимая что-то в руке.

Разглядев это что-то, Дэйн внутренне весь сжался — человек напротив него сжимал рукоятку бластера. Возможно, это было обычным орудием дежурных на отдаленных станциях, но Дэйн мало верил в это. Вполне вероятно, что и остальные члены экипажа А-станции начеку.

— Передатчик скоро будет исправлен, — с готовностью ответил Рип, — наши техники работают над ним, но с садом дела плохи. Нам придется полностью заменить растения, мы дадим долговую расписку и расплатимся на Земле.

Дежурный продолжал придерживать дверь, ведущую внутрь станции.

— Это частная собственность — собственность компании «Интерсолар». Обратитесь на патрульную станцию — вольных торговцев обслуживают они.

— Когда мы обнаружили повреждение, мы пошли к ближайшей А-станции, — терпеливо продолжал разъяснять Рип. — Так гласит закон и вы это знаете. Вы должны снабдить нас всем необходимым и получить долговое обязательство...

— Откуда мне знать, что ваше обязательство стоит той пленки, на которой оно будет написано? — спросил дежурный.

— Ладно, — пожал плечами Рип, — если вы не верите, мы расплатимся корабельным грузом.

— Но не здесь, — покачал головой дежурный, — сначала я проверю по радиосвязи вашу платежеспособность.

«Вот и все, — с горечью подумал Дэйн, — наша удача закончилась. Дежурный решил поступить так, что они не могли протестовать. Именно так и должен поступать дежурный на А-станции. Если мы действительно те, за которых себя выдаем, дежурные станции должны были бы передать наши обязательства в штаб-квартиру «Интерсолара» и получить оттуда разрешение на выдачу нам оборудования для замены гидропонного сада».

Но Рип внешне проявил полную покорность.

— Ну, что ж, где ваш передатчик? Раз уж вы так настаиваете, я напишу обязательство.

Успокоила ли их готовность согласиться на предложенные условия или нет, но дежурный слегка расслабился, давая им возможность оглядеться. Потом он пригласил их войти.

— Сюда.

Они пошли за ним по узкому коридору. Рип следовал за ним, Дэйн замыкал шествие.

— Здесь одиноко, — заметил Рип. — Думаю, ваши парни соскучились по полетам.

— Мы не любители звезд, — буркнул дежурный, — а за деньги стоит поскучать три месяца. Нас отправят на Землю раньше, чем мы начнем разговаривать с привидениями.

— А сколько же времени вы здесь уже находитесь? — как ни в чем не бывало спросил Рип.

Но дежурный уклонился от прямого ответа.

— Достаточно, чтобы хотеть сбежать отсюда, но недостаточно, чтобы помогать вам переоборудовать вашу телегу, — коротко ответил он. — Всю перестройку произведете сами, у вас для этого достаточно рук на корабле...

— Мы далеки от мысли просить «Интерсолар» выполнить какую-либо работу, — засмеялся Рип. — Мы кое-что знаем о людях компании...

Но дежурный не обратил внимания на насмешку. Он отворил дверь и они очутились в рубке связи, где перед передатчиком развалился другой человек в форме компании.

— Эти вольные торговцы хотят передать по радио свое платежное обязательство, — сказал их проводник связисту, который, заинтересовавшись, внимательно оглядел их и протянул Рипу диктофон.

— Можете приступать, — сказал он.

Али стоял, прислонившись к стене, а Дэйн задержался у входа. Оба внимательно следили за левой рукой Рипа, которой тот должен был подать сигнал. Их пальцы находились в дюйме от рукояток парализующих пистолетов. Рип правой рукой подхватил аппарат и связист обернулся к пульту, чтобы отрегулировать приборы и вызвать штаб-квартиру «Интерсолара». Указательным пальцем левой руки Рип покрутил вокруг большого пальца. Али даже не вытащил пистолет из-за пояса. Он просто наклонился и невидимый парализующий луч устремился к сидящему связисту. В то же самое время Дэйн уложил дежурного, встретившего их. Тот успел издать удивленный возглас и потянулся к бластеру, но ноги его подогнулись и он рухнул на пол. Связист растянулся на пульте, будто его во время вахты сморил сон.

Рип пересек комнату и отломил переключатель, дававший возможность вести передачу, а Али с Дэйном быстро и аккуратно связали лежавших сотрудников «Интерсолара» их же поясами.

— Здесь должно быть минимум три человека, — сказал Рип, выглядывая за дверь. — Надо всех взять под контроль, прежде чем мы начнем работу.

Однако обыскивать многоярусное сооружение под защитным куполом не так-то просто. Несколько этажей находилось под поверхностью астероида. Противник, предупрежденный о нападении, мог легко скрыться от отряда с «Королевы», подсматривая за вольными торговцами и строя им ловушки.

В конце концов, боясь потерять время, они ограничились тем, что закрыли все двери, ведущие к нижним этажам, и подготовились к разгрузке кладовой, которую обнаружили во время поисков. Оборудование для сада состояло из баков с морской водорослью, которые могли действовать немедленно, и то время как новые растения в саду росли бы очень медленно, несмотря на применение современных стимуляторов роста. Дэйн вызвался остаться на А-станции и подвезти эти контейнеры, а остальные должны были в это время снять на корабле оборудование сада и подготовить его к замене.

Но когда Али и Рип ушли, молодой помощник суперкарга почувствовал себя как дичь на охоте. Он снимал запечатанные баки со стеллажей, ставил их на маленькую ручную тележку и перевозил их к шлюзовой камере, беря за раз по два бака. Движение воздуха в коридорах постоянно рождало глухие звуки и Дэйн постоянно вслушивался в них, стараясь услышать звук шагов или шуршание одежды. Время от времени он замирал, прислушиваясь, уверенный, что его ушей достиг слабый намек на чье-то присутствие. Он перетащил уже дюжину контейнеров, когда услышал сигнал вызова в наушниках шлемофона. У него не заняло много времени подтащить баки к самой двери и, надев скафандр, открыть камеру. Рип посмотрел на линию контейнеров и покачал головой.

— Нам столько не нужно. Нет, оставь их здесь, — сказал он Дэйну, который собрался тащить баки обратно. — Есть более важная работа, — и он пошел по коридору, ведущему в рубку связи.

Оба сотрудника «Интерсолара» пришли в себя. Связист, казалось, философски отнесся к случившемуся. Он спокойно лежал на спине, задумчиво глядя в потолок. Зато другой, который их встретил, ползком перемещался по комнате и почти достиг двери. Рип был вынужден остановить его ногой. Схватив его за одежду, Шеннон потащил его обратно, а беспомощный человек ругал их такими словами, каких Дэйн никогда раньше и не слышал. Рип подождал, пока тот выдохнется, потом неторопливо сказал:

— О, да, вы, несомненно, правы, но время идет и мне хотелось бы получить ответ на некоторые вопросы. Во-первых, когда вы ждете смену?

Это опять привело дежурного в ярость, вызвав очередной приступ ругани, после чего тот отказался отвечать. Но его товарищ-связист отнесся к этому иначе.

— Кончай орать! — посоветовал он дежурному. — Они не сделали нам ничего плохого. Думаю, что и не сделают, — сказал он, обращаясь к Рипу. — Прав я или нет?

— Что бы вы о нас не думали, — ответил Рип, — мы не пираты.

— Нет, вы с зачумленного корабля, — спокойно сказал связист. — «Королева Солнца», да?

— Вы получили предупреждение?

— Конечно. У вас в самом деле на борту чума? — так же спокойно продолжил связист.

Казалось, это его несколько не встревожило, но его напарник вдруг откатился на максимально возможное расстояние, а его лицо выразило целую смесь чувств, самым главным из которых был страх.

— Да, есть, и попала она не сама — подбросили. Можете сообщить своим босам, что мы об этом знаем. Думаю, что теперь вы ответите на все вопросы. Когда смена?

— Вскоре после того, как вы покинете нас,— холодно ответил связист.— У нас ведь остается это,— он указал подбородком на передатчик.

— С некоторыми изменениями,— поправил его Рип.

Передатчик находился в сейфе, который было очень трудно вскрыть. Однако они сумели это сделать и сильными ударами разрушили его содержимое. Связист следил за этим, сопровождая каждый удар выражениями, которыми недавно пользовался его напарник. Но когда Рип кончил, он опять вернулся к своему обычному спокойствию.

— А сейчас,— сказал Рип, направляя на него парализатор,— небольшой отдых, а когда проснетесь, все случившееся будет казаться вам дурным сном.— Он усыпил обоих и помог Дэйну развязать их.

Прежде чем уйти, Рип записал долговое обязательство о выплате стоимости взятого ими оборудования и сломанного передатчика. Они не хотели воровать, у них, согласно закону, оставались какие-то остатки прав. Одевшись, они пересекли вздыбленную поверхность и добрались до корабля. У опор корабля лежала куча замерзших растений — результат многих лет сбора.

— Нашли что-нибудь? — спросил Дэйн, когда они на пути к трапу огибали эту массу.

— Пожалуй, ничего,— донесся голос Рипа в шлемофоне.— Я хочу, чтобы это имели возможность осмотреть Фрэнк или Крэйг. Поэтому мы перед уничтожением засняли все растения. Может быть, они поймут, в чем дело, когда...

Он замолчал, произнеся это «когда», но оно звучало у всех в ушах. Очень важное «когда». Когда врач или стюард будут в состоянии посмотреть запись? Или это «когда» следует заменить зловещим «если»?

Они занялись подготовкой к старту. Дэйн размышлял над тем, какой курс сейчас выберет Рип. Будут ли они оставаться на постоянной орбите, пока не решат проблему? Или Шеннон наметил какую другую цель? До старта ему было некогда спросить об этом, а как только они стартовали, он задал этот вопрос. Лицо Рипа было очень серьезным.

— Если говорить откровенно,— начал он, немного поколебавшись,— я не знаю. Если бы можно было спросить капитана...

— Кстати,— вступил в разговор Али,— Синдбад вернулся в сад. А еще утром его нельзя было заставить туда войти. Что-то в этом есть.

Да, у них было над чем подумать. Кот, проявлявший отвращение к больным и к саду, теперь согласился туда заходить, как-будто какое-то зло, скрывавшееся в саду, теперь исчезло вместе с растениями. Они пока не решились эту задачу, но у них в руках был еще один ключ к ее решению. Теперь забота о больных отнимала мало времени, так как Рип настоял, чтобы кто-нибудь постоянно дежурил у пульта связи, слушая новости, которые могут касаться «Королевы». Они хорошо сделали, заставив молчать А-станцию, так как прошло целых шесть часов, пока известие об их налете достигло передвижного патрульного поста.

— Я же говорил вам, что мы пираты,— засмеялся Али, слушая сообщение о их внезапном нападении на А-станцию.— Хотя я что-то не припомню бластеров, о которых они сейчас рассказывают. Судя по их рассказу, произошла настоящая битва.

— Компания хочет поставить нас вне закона,— нахмурился Рип, не разделяя общего веселья по поводу неправдоподобного рассказа.— Я вижу, что они ничего не сказали о нашем долговом обязательстве, которое мы им оставили.

— А ты надеялся на это? — цинично усмехнулся Али.— «Интерсолар» считает, что с нами покончено. Зачем же оставлять нам хоть какую-то лазейку? Мы отрезали все концы, совершив посадку на астероиде, не забывайте этого, друзья.

Уикс выглядел испуганным.

— Но я думал, что мы поступаем законно.— обратился он к Рипу.— А если патруль объявит нас вне закона...

— Они не могут сделать нам хуже, чем сделали, объявив «Королеву» зачумленным кораблем,— объяснил Али.— Итак, что же нам делать?

— Надо найти причину болезни,— решительно сказал Дэйн.

— Как? — спросил Али.— Используя магию из собраний сочинений у нашего Крэйга?

— Не знаю как, но это наш единственный шанс,— вынужден был ответить Дэйн.

Рип устало потер глаза.

— Не думайте, что я не согласен, но с чего начать? Мы обыскали каюты Муры и Кости, мы разрушили сад.

— Записи сада на пленке вы просмотрели? — поинтересовался Дэйн.

Не говоря ни слова, Али встал и вышел из кают-компания. Он вернулся с большим роликом микрофильма, вставил его в большой проектор, сфокусировал изображение на стене и нажал на пуск. Они сосредоточенно смотрели на изображение. Запись была отличной. Казалось, можно было заглянуть туда. Зелень растений была как живая, и Дэйну почудилось, что можно сорвать листок. Дюйм за дюймом осматривали они растения, отыскивая что-нибудь, что не имело права находиться здесь. В полном молчании они ряд за рядом внимательно осматривали все растения, напрягая все свои познания в ботанике, чтобы заметить что-нибудь особенное, но всем им не хватало знания сада.

— Подождите! — прозвучал голос Уикса.— В левом углу, смотрите! — он указал на изображение, привлечшее его внимание.

Али остановил проекцию. Пять или шесть небольших растений одного вида росли у стены. Теперь все увидели, что именно заметил Уикс — изорванные листья, обломанные стебли. Дэйн присвистнул. Только один ряд растений был так искорежен. Остальные растения на этой грядке не были повреждены.

— Вредитель! — воскликнул Рип.

— Но Синдбад...— начал Дэйн, но потом вспомнил о странном поведении кота после старта с Саргола.

Синдбад большей частью спал и не охотился, как обычно, очищая корабль от всех форм чужой флоры и фауны, тайком проникшей на борт вместе с грузом. Он почему-то не нападал на тех, кто повредил растениям, или, если и делал это, то не представлял, по своему обычаю, тела вредителей на рассмотрение экипажу.

— Похоже, мы наконец-то что-то нашли,— заметил Али и все с облегчением вздохнули.

СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ХУБАТА

— Прекрасно, можно думать, что теперь мы знаем немного больше,— добавил, немного погодя, Али.— Что же нам теперь делать? Мы не можем долго оставаться в космосе, у нас слишком мало горючего и продовольствия.

А Рип уже принял решение.

— Мы не останемся в космосе,— начал он, как человек, уже наметивший цель.

— Луна? — с сомнением спросил Уикс.

— Нет. После такого предупреждения... Земля!

Все глядели на Рипа, разинув рот. Смелость и опасность его предложения ошеломляли. С тех пор, как начались регулярные полеты в космос, никакой корабль не приземлялся на родную планету непосредственно после возвращения — все обязательно проходили карантин на Луне. Это было не только рискованно — это было настолько неслыханно, что в первую минуту они даже не поняли Рипа.

— Если мы попытаемся сесть в Террапорте,— заговорил первым Дэйн,— они нас расстреляют...

— Ваша беда в том,— улыбнулся Рип,— что вы мыслите себе Землю только как Террапорт.

— Ну, что ж, если посадочное поле для патрулей в Стелле может принимать... — с сомнением согласился Уикс.— Но у нас тем более нет права там садиться...

— Разве у нас был порт на Сарголе, на Лимбо, на пятидесяти других планетах, записанных в нашем вахтенном журнале? — спросил Рип.

— Ладно. Допустим, нам повезло и мы сели никем не замеченные. А что дальше? — высказал новое возражение Али.

— Мы закроем корабль и найдем вредителя, затем поставим на ноги врача и взлетим со здоровым экипажем.

Уверенность Рипа была заразной. Дэйн уже поверил, что это возможно.

— А подумали ли вы,— резко сказал Али,— что произойдет, если «Королева» действительно зачумленный корабль?

— Но я же сказал, что мы закроем корабль, герметически закроем,— возразил Шеннон.— И там, где мы приземлимся, у нас не будет посетителей, никому будет переносить инфекцию.

— Где же это место? — спросил Али, который знал пустыни Марса лучше, чем зеленую планету, где родился его отец.

— Прямо в центре Большого Ожога!

Дэйн, родившийся и выросший на Земле, первым понял, что имел в виду Рип и что это означало для них. Да, Рип знал, что там «Королева» будет совершенно защищена от преследования. Выживет ли экипаж — это другой вопрос. Даже если они и приземлятся там, возникает много других опасностей. Большой Ожог — район Земли, отравленный радиацией и занимавший сотни квадратных миль земли, незаселенных в течение жизни многих поколений. Первоначально выжившие после войны избегали всего изуродованного континента. Прошло два столетия, прежде чем люди стали

возвращаться на некогда безопасную территорию, поселившись далеко на западе и на юге. И хотя прошли многие годы, избегать Большой Ожог стало привычкой. Он был символом того, о чем не хотел вспоминать ни один человек.

Но у Али оставался еще один вопрос:

— Сумеем ли мы сделать это?

— Пока не попытаемся — не узнаем, — ответил Рип.

— Нас будут подстерегать патрули, — вступил в разговор Уикс. Выросший на Венере, он больше уважал законы и порядки на звездных маршрутах, чем опасности Большого Ожога.

— Они будут нас ждать на обычных линиях, — ответил Рип. — Они не ожидают, что корабль будет садиться на территорию, удаленную от всяких портов. И зачем бы им нас там ждать? С тех пор, как основан космический транспорт и Террапорт, все приземляется только на нем. Мы схитрим. — И, беря большую часть ответственности за предстоящее на себя, добавил: — Я верю, что мы сделаем это. А здесь нам оставаться нельзя. Нас не ждет здесь ничто хорошее! Только жаждущая крови «Интерсолар» и получившие предупреждение патрули!

Никто из слушателей не возразил. Дэйн воспрянул духом — в конце концов, они так мало знают о Большом Ожоге, что он вполне может послужить им надежной защитой! После обсуждения все согласились попытаться главным образом потому, что не видели другого выхода, кроме как обратиться к властям и быть расстрелянными, как зачумленный корабль. Их решение было подкреплено сообщением, полученным по радио, которое принял Али.

— Привет, пираты! — провозгласил он.

— Что это означает? — поинтересовался Дэйн, разогревающий суп для капитана Джелико.

— Так нас называют. Наше нападение на А-станцию вошло в историю и в записи патрульных. Объявлен розыск.

Дэйн почувствовал, как холодок пробежал у него по спине. Теперь они желанная добыча для всей системы. Любой патрульный корабль имеет право расстрелять их без вопросов и предупреждений. Конечно, они учитывали такую возможность, когда принимали решение садиться на астероид, но осознать, что это стало реальностью, было трудно. Это был как раз тот случай, когда знание хуже ожидания. Он попытался успокоиться и сказал:

— Будем надеяться, что план Рипа удастся осуществить.

— Нам ничего другого и не остается. Но что вы, Торсон, знаете о Большом Ожоге? Таков ли он, как о нем рассказывают?

— Точно это никому неизвестно, его никогда не исследовали. Точнее те, кто пытался исследовать, никогда не возвращались. Насколько мне известно, там до сих пор никого нет.

— Он все еще «горячий»?

— Может быть, частично. Но весь ли — мы не знаем.

С кастрюлей супа Дэйн направился в каюту капитана. Он был так занят размышлениями о будущем, что вначале не обратил внимания на то, что происходит в маленьком помещении. Он усадил капитана и принялся ложкой вливать ему в рот суп. В это время тонкий писк привлек внимание к столу капитана. Из-за полуоткрытого отделения микрофильмов выступило что-то

длинное и темное, слабо извиваясь в воздухе. Дэйн опустил капитана на койку и хотел посмотреть, что же это там. В это время хубат прервал свое неестественное спокойствие последних дней разрывающим уши криком ярости. Дэйн хлопнул по дну клетки — именно так успокаивал его хозяин, но на этот раз результат был поразительным.

Клетка раскачивалась взад и вперед на пружине, крепившейся к потолку, а голубой пернатый ужас бился о проволочные стенки. Вероятно, удары расшатали прутья стенки, они поддались и хубат с глухим звуком шлепнулся на пол. Его крики прервались так же внезапно, как и начались, и он поспешил на своих паучьих лапках к отделению микрофильмов, передвигаясь с целеустремленной быстротой и не обращая внимания на Дэйна. Когти хубата раскрылись и он с легкостью вытащил из отделения создание такое же невероятное, как и он сам. О внешности этого упирающегося создания Дэйн получил самое смутное представление.

В борьбе они покатались по поверхности стола и упали на пол. Здесь жертва освободилась от схотника и с фантастической скоростью вылетела в коридор. И прежде чем Дэйн успел пошевелиться, хубат тоже оказался в коридоре. Выглянув, Дэйн успел заметить, как хубат спускается по лестнице, цепляясь когтями. Дэйн последовал за ним. На нижнем этаже не было видно убегающего животного, но Дэйн не пытался вернуть в клетку голубого охотника, боясь его спугнуть. Он не успел разглядеть существо, убегающее от хубата, но понял, что тому нечего делать на «Королеве». Возможно, это и была причина болезни. Если хубат приведет его к этому животному...

Дэйн оставался на месте, пока квикс не спустился на нижний уровень, потом осторожно последовал за ним. Он был уверен, что из-за своеобразного строения туловища хубат не может оглядываться — для этого ему нужно было повернуться всем телом, но Дэйн не хотел делать что-либо, что могло бы спугнуть квикса или заставить его отказаться от методичных поисков добычи.

Квикс достиг следующего уровня и уселся по-жабьи в голубой комок, очевидно, размышляя. Дэйн прижался к стене, надеясь, что никто не попадется и не испугает хубата. Затем, когда Дэйн уже начал думать, что охотник потерял след, тот встал и с прежней скоростью направился по следу. Он двигался к саду. Дэйн знал, что дверь в сад была заперта, и не понимал, как вредитель мог сквозь нее проникнуть.

— Что за... — Али, спускавшийся по лестнице, остановился, увидев предостерегающий жест Дэйна.

— Квикс, — шепотом ответил помощник суперкарга, — он вырвался из клетки и проследил какое-то животное от каюты капитана до сада.

— Квикс!.. — начал Али, но закрыл рот и бесшумно присоединился к Дэйну.

Коридор корабля кончался входом в сад. Дэйн был прав — они нашли хубата, сидевшего перед закрытой дверью и царапающего когтями металлическую дверь, не пускающую его в сад.

— Что же это может быть? — произнес Дэйн.

Сад, лишенный растительности и содержащий теперь лишь резервуары с водорослями, не давал много возможностей для укрытия. Следовало впустить туда хубата и ждать. Когда они подошли, хубат издал свой воинственный клич, оплевал их башмаки и принялся вновь царапать когтями

металл. Он не собирался убежать, за что Дэйн был ему благодарен. Хубат как бы просил их впустить его в сад. При скрипе открываемой двери квикс испугался и протиснулся сквозь щель, которую Дэйн считал слишком узкой для его тела. Оба торговца зашли следом и плотно закрыли дверь. Воздух не был таким свежим, как раньше. Кроме баков с водорослями в помещении ничего не было. Квикс, сгорбившись и превратившись в голубой комок, неподвижно сидел в середине прохода между баками.

Затаив дыхание, Дэйн прислушался. Действия хубата определенно свидетельствовали, что чужак находится здесь, но как же он сюда попал? И если он в саду, то хорошо скрыт. Он подумал, сколько же им придется ждать. В этот момент квикс опять начал действовать. Он вытянул передние когтистые лапы и начал ударять клешнями друг о друга, производя странные звуки, вызывающие вибрацию воздуха. Взад-вперед, взад-вперед двигались клешни. Их движения гипнотизировали, но результат всех этих действий оказался для людей совершенно неожиданным. Квикс знал, что все он делает правильно. Али так крепко сжал пальцами руку Дэйна, как будто они тоже стали клешнями хубата.

Что-то неясно очерченное двигалось возле бака и теперь было гораздо ближе к самозабвенному музыканту. Магией своих странных движений и звуков хубат манил к себе добычу. Скрип-скрип — немзыкальная симфония продолжалась с монотонной регулярностью. Тень вновь приблизилась еще на один бак. Хубат, казалось, был сам очарован своей музыкой, впал в летаргию от ее магии.

Наконец чуждое существо стало полностью видно. Оно прижалось к ближайшему баку, готовое броситься наутек, но в то же время магически увлеченное странными звуками. Дэйн моргнул — ему казалось, что глаза его подводят. Он уже видел полупрозрачные тела обитателей Лимбо, изучал коллекцию снимков чужой жизни капитана Джелико, но это создание было так же невероятно, как и голубая пернатая жаба, выманивающая его из убежища. Оно двигалось на двух нитеобразных ногах с четырьмя узловыми суставами, едва скреплявшими, казалось, кости. Выпяченный живот был заключен в роговую оболочку, подобную хитиновому панцирю жука, и кончался острым концом. Две пары маленьких лап крепились к меньшей верхней части туловища и были вооружены колючими шипами. Голова, постоянно поворачивающаяся назад и вперед на покрытых броней плечах, была длинной и узкой, половину ее длины занимала пасть. Над ней находились углубления, в которых, вероятно, помещались глаза, но их не было видно. Существо было бледно-зеленого цвета или бледно серого и это слегка удивило Дэйна. Ему показалось, что в каюте капитана он было около восемнадцати дюймов.

Голова существа продолжала быстро поворачиваться. Оно замерло у стенки ближайшего бака так близко, что почти сливалось со стенкой, и, когда не двигалось, его было очень трудно различить. Хубат, казалось, не обращал на него никакого внимания. Он впал в легкую дремоту, которая являлась результатом собственных действий. Ритм его музыки не менялся. Кошмарное создание проползло последний фут, отделявший его от музыканта, и остановилось перед хубатом. Его передние лапы вытянулись, но тот не дремал и, очевидно, ждал этого момента. Одна из его пилообразных клешней открылась и закрылась, отрезав голову чужака. Прежде чем

люди смогли помешать, квикс моментально разорвал с яростью свою добычу на куски.

— Смотри! — крикнул Дэйн.

Хубат подтянул к себе тело чужака и там, где пепельное туловище коснулось оперенной шкуры квикса, оно тотчас становилось голубым.

— Хамелеон! — Али опустился на одно колено, чтобы получше рассмотреть его, и Дэйн присоединился к нему.

Одна из тонких верхних конечностей лежала там, куда ее отбросил квикс. Из верхнего иглообразного конца вытекала какая-то бесцветная жидкость. Яд? Дэйн огляделся в поисках чего-либо, чем можно было бы захватить все еще двигавшуюся лапу, но прежде чем он нашел, конечность ухватил квикс. В конце концов, им пришлось полностью отдать хубату его добычу. Как только хубат съел все, он, сгорбившись, впал в обычную неподвижность. Дэйн принес клетку и с помощью Али осторожно вернул туда хубата. От чужака осталось лишь несколько пятен на полу сада и Али аккуратно сгреб их, чтобы впоследствии исследовать в лаборатории.

Часом позже четыре человека, составляющие теперь экипаж «Королевы Солнца», собрались на совещание в кают-компании. На столе перед ними спал в своей клетке квикс.

— Их должно быть несколько, — сказал Уикс. — Но как мы будем их ловить? С помощью Синдбада?

Дэйн отрицательно покачал головой. Когда хубат был водворен в клетку, а следы чужака были убраны с пола, Дэйн принес в сад кота и заставил его принюхаться. В результате кот чуть не сошел с ума и вырвался из рук Дэйна, оставив на них глубокие царапины. Было ясно, что корабельный кот не желал знакомиться ни с живыми, ни с мертвыми вредителями. Он убежал в каюту Дэйна и отказался покинуть койку, дико глядя на тех, кто заглядывал из коридора.

— Квикс поймал одного, — сказал Рип, — но будет ли он охотиться до того времени, пока не проголодается?

Он скептически осмотрел сонного хубата. Они никогда не видели, чтобы этот любитель поспать и любимец капитана ел что-нибудь кроме таблеток, которые капитан хранил в столе, и были уверены, что перерывы между кормлениями долгие. Если придется ждать, пока квикс снова проголодается, то ждать придется долго.

— Надо поймать одного живьем, — задумчиво сказал Али. — Если бы квикс привел нас к его убежищу, мы могли бы использовать хотя бы сеть...

Уикс уверенно кивнул.

— Маленькую сеть, похожую на сарголийскую. Надо набросить ее на животное.

Пока квикс дремал в своей клетке, Уикс принялся плести из прочной проволоки сеть. Помня о способности этих существ менять окраску, они не могли даже предположить, сколько их скрывалось на корабле. Было ясно одно — их нет там, где согласен оставаться Синдбад. Основываясь на этом, они выработали план, включавший использование и кота и хубата. Синдбад, прижатый к стене, был одет в импровизированные доспехи, защищавшие главным образом, руки тех, кто должен был нести его.

А затем началась охота с верхней части корабля. Они спускались вниз секция за секцией. Кот не выражал протеста ни в штурманской рубке

корабля, ни в каютах офицеров. Если они правильно поняли его реакцию, центральные секции корабля были свободны от вредителей. Дэйн держал кота, а Али нес клетку с квиксом. Так они достигли уровня, на котором были расположены сад, камбуз, каюта стюарда и корабельный лазарет. Синдбад сам, на четырех лапах, вошел в камбуз и в кают-компанию. Он вел себя как обычно и в лазарете, и в каюте Муры, и даже сад он на этот раз посетил без принуждения. Это удивило всех, ибо они считали, что в саду главное убежище безбилетных пассажиров.

— Где же они могут быть? — спросил Уикс, державший наготове свою сеть.

— Наверное, испугавшись квикса, они перебрались в другое место, которое кажется им более безопасным, — предположил Рип.

Синдбад заартачился лишь на лестнице, ведущей в грузовой трюм. Он упирался и мяукал, не желая идти туда.

— А посмотрите-ка на квикса!

Все последовали совету Уикса. Хубат уже не заходил в летаргии. Он встал и прижался к прутьям клетки, издавая вопли гнева. А когда Али начал спускаться по лестнице, квикс принялся биться в клетке, стремясь вырваться на свободу. Воющий и упирающийся Синдбад отказывался идти дальше.

— Выпусти его! — крикнул Рип Али.

Выпущенный из клетки хубат двинулся вперед к большому грузовому трюму и остановился, ожидая, когда ему откроют дверь.

Глава 13

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАРТЫ

На запертой двери грузового трюма висела пломба, повешенная Ван Райком, еще до старта с Саргола. На взгляд Дэйна, она не была повреждена. По всей видимости, ее не открывали с самой благоуханной планеты. Тем не менее, хубат ясно показывал, что вредители были там. Через минуту Дэйн совершил поступок, который, если он не оправдается, навсегда занесет его в черный список космической службы. Он сорвал пломбу, которую нельзя было трогать до приземления.

С помощью Али он отодвинул тяжеленную дверь, и они заглянули в грузовой трюм, полный красного дерева с Саргола. Красное дерево! Увидев его, Дэйн был готов убить себя за глупость. Кроме камней корос в крепком сейфе только эта древесина попала к ним на борт с Саргола. Что, если вредители не были подброшены, а как обитатели Саргола попали на корабль вместе с грузом?

Люди оставались у входа, чтобы предоставить хубату свободу на время охоты. Синдбад съежился, выражая воплями свое отрицательное отношение к происходящему. Они почувствовали запах, резкий и незнакомый. Когда дерево грузили, этого запаха не было. Он не был неприятным, а скорее необычным, и он или еще что-то подействовало на квикса. Голубой охотник, цепляясь когтями, вскарабкался наверх ближайшего бревна и уселся там, осматривая, очевидно, территорию предстоящей охоты. Затем, ударив клешнями друг о друга, он начал свою музыку, извлекавшую противника из убе-

жища. Этот звук подействовал и на Синдбада — Дэйн почувствовал, что кот перестал вырываться и больше не пытается убежать. Он просунул голову в открытую дверь и уставился на квикса круглыми глазами. Скрип-скрип — монотонный звук бил по ушам, дергал за нервы.

— Ш-ш-ш-ш... — Али понизил голос до шепота и указал рукой на что-то справа на уровне пола.

Дэйн заметил какое-то движение вдоль бревна. Безбилетный вредитель был такого же яркого цвета, как и древесина, и различить его, пока он не двигался, было невозможно. Это объясняло, каким образом они проникли на корабль. Но это был только первый. За ним проследовали второй и третий. Зверьки застыли, пытаясь, очевидно, сопротивляться гипнотизирующей музыке хубата. Квикс, казалось, был так поглощен своим занятием, что ничего не замечал вокруг.

— Слева один на самом конце бревна, — прошептал Рип Уиксу. — Может быть, его накрыть сетью?

Маленький механик пропустил сеть сквозь свою мозолистую ладонь, продвинулся вперед и встал рядом с Али, не отрывавшим глаз с выступающих красных нашлапок на красной древесине.

— Два... три... четыре... пять... — считал Али, но Дэйн не видел их в таком количестве.

Он был уверен, что видит четырех, и то только потому, что уловил их движение. Существа окружили хубата, а два из них вскарабкались на бревно к своей гибели. Уикс опустился на колени, готовый бросить сеть, но в этот момент на Дэйна снизошло вдохновение. Он выхватил парализующий пистолет, поставил переключатель на широкое действие и захватил лучом сразу три существа. Рип, увидев, что делает Дэйн, положил руку Уиксу на плечо, удерживая его. Одно из существ дернулось, соскользнуло вниз с бревна на узкую полосу пола между бревнами. Тут оно и осталось лежать неподвижно — ярко-алое пятно на сером фоне.

Уикс набросил на него сеть и подтянул его к себе. Алый цвет животного быстро сменялся серым и, наконец, совершенно слился с серым металлом, на котором лежал. Совершенная маскировка! Если бы животное не было в сети, его можно было бы потерять! — настолько оно слилось с полом.

Остальные двое не переставали цепляться за бревна, хотя и попали под луч, и люди не могли их извлечь. Оставались другие, не пораженные лучом и готовые обратиться в бегство. Уикс подтащил сеть с пленником еще ближе и посмотрел вопросительно на Шеннона.

— Глубокое охлаждение, — распорядился временный командир «Королевы Солнца», — потом разберемся.

Конечно, глубокое охлаждение совместно с парализующим лучом сохранит животное, пока у них не появится возможность изучить его. Когда Уикс, выполняя распоряжение, проходил мимо кота, тот так старался избежать этого, что встал на задние лапы и отступал до тех пор, пока, мяукая, не перевернулся. Было совершенно очевидно, что Синдбад не хотел иметь ничего общего с этими чужаками.

Хубат продолжал свой концерт. Подкрадывающиеся зверьки сидели уже близко и так осмелели, что быстрыми прыжками еще больше приближались к нему. Дэйн недоумевал, как хубат собирается справиться сразу

с четверыми. Он насчитал еще четверых, кроме двух, подвергшихся действию парализующего пистолета и лежавших неподвижно.

— Их нужно остановить лучом,— сказал Рип.

Но, очевидно, всем было интересно посмотреть, как квикс справится с четверыми. И хотя Рип сказал, что их нужно остановить, приказа все-таки он не отдал. Наверное, ему тоже было интересно. Первая красная выпуклость была уже в футе от квикса, а ее товарищи замерли, как бы давая возможность одному сразиться с врагом. По всей видимости, хубат не видел его, но когда зверь прыгнул, квикс был готов к встрече. Его клешни, прекратив стук, сомкнулись вокруг тонкой талии вредителя и разрубили его надвое. На этот раз хубат не пытался разорвать жертву на части и съесть ее. Наоборот, он неподвижно замер, как на видеофотографии. Тяжелая нижняя часть животного скатилась на пол по бревну и посерела. Никто из его товарищей не заинтересовался его судьбой. Двое, испытавших действие луча, лежали неподвижно, остальные же глядели на хубата.

Но Рип больше не был намерен терять время.

— Лучом их! — рявкнул он.

Все трое направили свои парализующие пистолеты вперед, стараясь не задеть лучом хубата. Квикс закрыл глаза, но, казалось, не был задет лучом. Теперь все зверьки были совершенно беспомощны и трое людей приблизились к бревнам, однако защитная окраска так скрывала зверьков, что их можно было обнаружить только ощупав бревно. Надев перчатки, Али вытащил маленькие чудовища из убежищ одно за другим и поместил в клетку хубата, чтобы перенести в холодильник. Квикса они решили оставить в грузовом трюме, чтобы он мог подстеречь тех, кто оказался слишком осторожным и не вылез при первых звуках его музыки. Хубат был их единственной защитой от этих вредителей и оставить его в самом центре их обитания было самой мудрой политикой.

Заморозив пойманных зверьков, они устроили совещание.

— Значит, это не чума,— с облегчением заметил Уикс.

— Доказательств еще нет,— оборвал его Али.— Мы должны в этом убедиться.

— Но как это сделать? — начал Дэйн и тут увидел, что Али принес из лаборатории врача ланцет и верхнюю часть туловища животного, убитого хубатом в грузовом отсеке.

Передние лапы, оканчивающиеся иглообразными шипами, были втянуты в предсмертной агонии. Туловище было белого цвета, будто повторив цвет холста, на котором оно лежало. Али отделил коготь от тела. Коготь источал водянистую жидкость, такую же, как и в саду.

— Есть идея,— медленно сказал Али, глядя на уродливое создание.— Мы не заболели, потому что эти существа избегали нас. Если бы они задели нас когтями, мы бы тоже заболели. Вспомните следы на горле и на спине остальных. Вероятно, это следы ядовитых когтей, если это только яд.

Дэйн понял, к чему он клонит. Рипом и Али нельзя было рисковать, они должны привести корабль на Землю, но суперкарго на корабле не нужен, когда нет торговли. Следовательно, он должен проверить мысль Али. Но пока он думал, другой действовал. Уикс протянул руку и взял у Али пинцет. Потом, прежде чем кто-либо пошевелился, он вонзил его в тыльную сторону своей ладони.

— Не надо! — воскликнули Дэйн и Али, но они не успели его задержать. Дело было сделано. Уикс испуганно глядел на капли крови, стекающие с хирургически чистого лезвия. Но когда он заговорил, его голос был совершенно естественным.

— Какой первый признак? Головная боль?

Только Али не был внешне тронут действиями Уикса.

— Теперь мы будем уверены, они или не они принесли эту болезнь, — сказал он с поразившим Дэйна бессердечием.

Уикс кивнул.

— Я знаю, что это они, — резко ответил он, — я в этом уверен. Как долго я продержусь?

— Мы не знаем, — устало ответил Рип и встал. — А тем временем продолжим наш путь домой.

— Домой... — повторил Уикс.

Для него Земля не была домом, он родился в полярных областях Вены, но для каждого жителя Солнечной системы вне зависимости от того, где он родился, Земля все-таки оставалась домом.

Огромная рука Рипа легла на плечо Уикса.

— Ты останешься здесь с Торсоном.

— Нет. — Уикс отрицательно покачал головой. — Пока не потеряю сознания, буду в инженерной секции. Может быть, болезнь на мне не скажется.

И поскольку он сам решил так поступить, они не имели права отстранять его от работы и, к тому же, их оставалось так мало, а впереди были такие утомительные часы. Дэйн еще раз посетил грузовой трюм, но встреченный гневным криком квика, понял, что тот снова на страже. Квик, сгорбясь, сидел сверху бревна, и Дэйн не стал ему мешать. Даже если еще и оставались вредители, кроме спрятанных в холодильник, с квиксом на вражеской территории им нечего бояться.

Рип прокладывал курс на Землю. Зачумленный корабль надо было спрятать на родной планете, пока они не найдут средства от болезни. Шеннон работал в штурманской рубке, поочередно занимая то кресло штурмана, то кресло пилота. На нем лежала ответственность за доставку корабля в такой район пространства, где их не мог ждать Патруль. Дэйн дежурил в рубке связиста, слушая, не произойдет ли что-нибудь в эфире. Но по радио звучала лишь автоматически повторяющаяся запись, которая перечисляла их преступления. Как можно было заключить, Патруль не знал о их местонахождении, но с другой стороны Патруль мог находиться в любом месте и их могли просто заманивать в ловушку. Но выбора у них не было.

Корабельный интерком донес из инженерной секции голос Али:

— Уикс заболел!

— Что с ним? — рявкнул в микрофон Рип.

— Он потерял сознание. У него сильно болит голова, а рука распухла...

— Он дал нам доказательство. Может ли он что-либо рассказать?

— Мне уже лучше, — раздался бесплотный голос Уикса, — я переношу болезнь не так тяжело, как остальные. Я останусь в секции.

Рип покачал головой, но, не обладая подлинными правами капитана, не мог приказать Уиксу идти в каюту. Кроме того, у него было множество других забот и чем дальше, тем их становилось больше. Как долго происходила посадка на родную планету, Дэйн никогда потом не мог сказать.

Он только чувствовал, что прошли часы. Он устало сидел в кресле связиста, прижатыми к ушам ларингофонами, не имел сил поднять руку, а временами все застилал туман. В один из таких моментов они и приземлились. Дэйн смутно разглядел Рипа, лежащего в изнеможении на приборной доске, затем его снова поглотила тьма. Придя в себя, он увидел, что рубка слегка наклонена, а Рип все еще лежит на приборной доске, тяжело дыша.

Дэйн взглянул на видеоэкран. На какое-то время он решил, что еще спит. Затем, пока затуманенный мозг искал объяснение тому, что он увидел, он решил, что Рип ошибся. Это не мог быть центр Большого Ожога, они находятся вообще вне пределов этого гиблого места. По всей вероятности, они приземлились в национальном парке или в заповеднике. Эта пышная масса растений, эти яркие цветы, эти сверкающие яркой расцветкой птицы — все это не могло находиться среди чудовищных разрушений, оставленных последней попыткой человека навязать свою волю другим людям. Что ж, они попытались, но не может же им все время сопутствовать удача. Сколько же времени пройдет, пока их здесь разыщут люди закона? Смогут ли они хотя бы собраться с мыслями?

Дэйн включил приемник и сразу же сорвал наушники. Он знал треск статического электричества, слышал многочисленные странные звуки, раздающиеся на межзвездных трассах, но услышанный сплошной парализующий гул был чем-то совершенно новым и тревожным. И поскольку звуки были абсолютно незнакомыми, он не мог определить их источник. Дэйн снова взглянул на экран, на этот раз более внимательно. Листва, растущая в изобилии, была зеленой. Это была обычная земная листва, несомненно зеленая, но... Что это за красный цветок, поймавший на лету и проглотивший маленькое летающее создание? Он пытался вспомнить сведения по биологии. То, что он увидел, было неестественным, неземным!

Дэйн выдвинул объектив на носу «Королевы», чтобы получше рассмотреть все вокруг. Корабль стоял несколько наклонно. Очевидно, их посадка не была гладкой и часть объектива смотрела в небо. Но когда Дэйн взглянул через объективы, направленные на землю, он увидел достаточно, чтобы понять, что корабль сел где угодно, но только не на Земле. Подсознательно он ожидал, что Большой Ожог окажется бесплодной землей — застывшие голые скалы и елки застывшего кварца, выброшенного из-под земли мощными ядерными взрывами. Так случилось на Лимбо, другой сожженной планете, где нашлись следы их предшественников в Галактике — загадочных и давно исчезнувших Предтеч. Там они вели жестокую аннигиляционную войну.

Но, очевидно, в Большом Ожоге все было по-другому. Здесь не было лишенных жизни скал. Наоборот, казалось, что здесь слишком много жизни. В ограниченном поле зрения Дэйн видел кишачие жизнью джунгли. Это удивительное открытие заставило его забыть об их положении. Он все еще таращился в изумлении на экран, когда Рип зашевелился, поднял голову и открыл затуманенные глаза.

— Ты посадил нас,— ответил Дэйн, отрывая глаза от удивительной картины,— но куда,— не знаю.

— Если приборы не врут, мы должны быть возле сердца Большого Ожога.

— В самом сердце?

— Как оно выглядит? — Рип слишком устал, чтобы встать с места и подойти к экрану. — Сожжено, как на Лимбо?

— Вовсе нет. Рип, приходилось ли тебе видеть помидор размером с дыню? — Дэйн сфокусировал объектив на этом растении. — Да, это похоже на помидор.

— Дэйн, что с тобой? — в голосе Рипа слышалось беспокойство.

Дэйн уступил место Рипу, но сам не отошел от экрана. Конечно, это был их старый земной знакомый помидор, но размером с дыню. Он свисал с дерева в десять футов высотой. Рип быстро сел в кресло связиста и тоже удивился при виде этой странной картины, но сразу спросил:

— Где же мы?

— Ты же сам сказал, что это должен быть Большой Ожог!

— Но... — Рип медленно покачал головой, как бы отгоняя от себя то, что видел, — Большой Ожог, — это голые скалы. Я видел снимки...

— Только внешний периметр, — поправил Дэйн, решивший для себя эту задачу. — Мы же находимся там, где уже давно никто не был. Великий Дух Космоса, что же здесь произошло?

У Рипа было достаточно специальных знаний, чтобы ответить на этот вопрос. Он вновь подошел к пульту управления и нажал одну из кнопок. Каюту мгновенно наполнил громкий гул. Дэйн знал, что это означает, и объяснений Рипа не потребовалось.

— Так вот оно что! Тут вся местность крайне радиоактивна.

Глава 14

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Этот гул, а также шкала счетчика радиоактивности предупреждали, что они так же надежно защищены и отрезаны от внешнего изобилия, как если смотрели на все это с поверхности Саргола или Марса. Выход наружу из-под действия защитных экранов «Королевы» в эту прекрасную зеленую страну означал бы для них такую же верную смерть, как если бы снаружи с ракетами наготове их поджидал патрульный крейсер. Спасения от этой радиации не было — она проникала через воздух, которым они бы дышали, через кожу. А дикая местность цвела и манила к себе.

— Мутации, — пробормотал Рип. — Клянусь Великим Космосом, Тау сошел бы с ума, увидев все это.

Произнесенное имя врача напомнило им, зачем они приземлились. Дэйн прислонился к наклоненной стене рубки.

— Нам нужен врач...

Рип кивнул, не отрывая глаз от экрана.

— Можно ли защитить один из флиттеров? — продолжал расспрашивать помощник суперкарга.

— А это мысль! Али знает как... — Рип потянулся к микрофону интеркома. — Инженерная секция!

— Вы живы? — слышался голос Али. — Долго же вы не отзывались. Где мы? То, что мы стали кривобоками после ученической посадки, я вижу.

— В Большом Ожоге. Иди сюда. Хотя подожди, как Уикс?

— У него сильная головная боль, но он в сознании. Похоже, что иммунитет все-таки действует. Я отправил его в каюту, дав ему успокоительные таблетки. Итак, у нас получилось.

Поскольку Али должен был присоединиться к ним, Рип только произнес в микрофон:

— Некоторым образом...

Стук башмаков на лестнице предшествовал появлению Али в штурманской рубке. Ему дали возможность посмотреть на местность снаружи и изучить показания приборов, потом Рип повторил вопрос Дэйна:

— Можно ли защитить один из флиттеров так, чтобы он мог взлететь? Я не могу снова поднять и приземлить «Королеву».

— Я знаю, что ты не можешь, — ответил помощник инженера. — Возможно, нам удалось бы взлететь, но сесть мы уже никуда не смогли бы — не хватит горючего. Флиттер? Ну, что ж, у нас есть защитные экраны. Но это будет нелегкая работа. Во всяком случае, мы постараемся... — Он нахмурился, обдумывая полученное задание.

С короткими перерывами на торопливую еду и уход за больными Рип и Дэйн превратились в руки, направляемые мозгом и знаниями Али. Они работали без отдыха. Выспавшись, Уикс уже испытывал меньшие боли и, несмотря на слабость, пытался им помогать.

Флиттер — летательный аппарат, предназначенный для исследовательских работ на чужих планетах и способный нести трех человек — сначала был освобожден от всего менее необходимого, так что остались лишь кресло пилота и двигатель. Затем они принялись устанавливать защитные экраны из плит особого сплава, не пропускающего радиацию. Неоднократно они хвалили предусмотрительность Штоца, который всегда запасал множество различных материалов и инструментов. Тем не менее, много не хватало, и Али отчаянно импровизировал, превращая разнообразное оборудование в единое целое. Когда они закончили, он все еще не был удовлетворен.

— Он полетит, — признал Али, — и лучше мы все равно бы не смогли сделать. Но все зависит от того, сколько времени ему придется лететь над «горячей» местностью. Куда же его направить?

Рип изучил карту Земли — маленькую карту, найденную среди записей, которые хранились для развлечения экипажа.

— Большой Ожог занимает три четверти этого континента. Нет смысла лететь на север — опустошенная местность тянется до полярных районов. Остается запад — там есть несколько участков на берегу моря, где можно встретить людей. Итак, я беру флиттер, нахожу врача и привожу его на корабль...

— Не выйдет! — возразил Дэйн. — Ты останешься здесь. Если «Королеве» суждено еще раз взлететь, то только ты сумеешь ее поднять. То же самое касается и Али. Я не могу участвовать в старте ни как пилот, ни как инженер. Уикс же болен. А это значит, что в поисках врача должен участвовать я.

И они были вынуждены согласиться с ним.

«Дэйн, ты не герой, — думал Дэйн, бросая на следующее утро последний взгляд на свою каюту. — Просто так велит поступить здравый смысл».

Маленькая каюта, почти без мебели и с голыми стенами, казалась ему самым желанным и безопасным местом на свете.

Космический скафандр, достаточно тяжелый и неуклюжий в условиях пониженной гравитации А-станции на астероиде, был вдвое тяжелее и неудобнее на Земле, но Дэйн с помощью Рипа облачился в него, а тем временем Али укладывал во флиттер второй скафандр — для человека, которого должен был привезти Дэйн. Прежде чем он надел шлем, Рип дал ему последний приказ вместе с неожиданным оружием. Увидев оружие, Дэйн понял, каким отчаянным считает Рип их положение, ибо только смертельная опасность могла заставить помощника штурмана воспользоваться ключом капитана Джелико и открыть запечатанную кладовую оружия и извлечь его оттуда.

— Если понадобится — используешь, — мрачно сказал Рип.

Али, уложив скафандр, поднялся и вышел в коридор, а Дэйн занял его место, сев в кресло пилота. Внутренняя дверь шлюзовой камеры закрылась и он остался один. С удручающей медлительностью внешняя стенка шлюзовой камеры начала расходиться. Руками в металлических перчатках, от чего они напоминали клешни, Дэйн расстегнул два предохранительных пояса и флиттер начал опускаться наружу к сиянию начинающегося дня, к яркому солнцу, которое слепило даже сквозь защитные очки шлема. Несколько опасных мгновений флиттер раскачивался взад и вперед на пусковом механизме, счетчик радиации бешено взвыл, загорелся красный сигнал тревоги. Раздался скрежещущий звук и флиттер замер у хвоста «Королевы».

Дэйн нажал рычаг и посмотрел, как втягивается спусковой аппарат и закрывается вход в корабль. Затем он взялся за рычаги управления. Используя слишком много энергии, он резко взвился в воздух. Прошло некоторое время, прежде чем Дэйн приноровился к управлению флиттером. Тогда он выправил машину и повернул ее на запад. Солнце светило ему в спину, под ним раскинулось зеленое море джунглей, а впереди маячила слабая надежда на незараженную радиацией местность, где он сможет найти помощь.

Миля за милей проплывали под флиттером зеленые ландшафты джунглей, а красный сигнал на счетчике свидетельствовал о том, что земля непригодна для человека. Даже в скафандре, предохраняющем человека на чужих планетах, оставаться здесь долго было опасно, и Дэйн, надежно изолированный от радиации, сознавал эту опасность. Если зараженная территория тянется больше, чем на тысячу миль, эта опасность будет не проблематичной, а станет свершившимся фактом.

Дэйн знал лишь общее направление полета, определенное по клочку карты, найденному Рипом. На западе неизвестно как далеко дугой тянулся берег моря, достаточно удаленный от отравленной земли, чтобы иметь население. В течение нескольких поколений население Земли, сократившееся в результате ядерной войны и последующих полетов к планетам Солнечной системы, а затем и расселении по планетам других звезд, вновь начало увеличиваться. Люди возвращались из космоса, чтобы провести свою старость на родной планете и умереть здесь. Потомки далеко разлетевшихся колонистов, прилетая в гости на родную планету, ощущали зов древних инстинктов и тоже оставались. И теперь население земных поселков увеличивалось, а сами поселки начали наступление на незаселенные земли.

Вскоре после полудня Дэйн заметил, что зеленый ковер под флиттером начал редеть, появились лишенные растительности участки, которые посте-

ленно сливались в большие складчатые пустыни. Взглянув одним глазом на счетчик, Дэйн отметил, что красная лампочка, горевшая непрерывно с момента вылета с корабля, теперь мигала с перерывами. Земля внизу понемногу «охлаждалась» — возможно, он уже проделал наиболее опасную часть путешествия, но насколько он и флиттер успели заразиться радиацией во время полета, он не знал. Али придумал способ защиты пустого скафандра, предназначенного для врача, но выдержит ли защита? В ближайшем будущем его ждало множество подобных вопросов. Мутировавшая растительность теперь превратилась в желтые клочья. Если люди и проникали в Большой Ожог на такую глубину, то у них не было никакого представления о том, что творится дальше.

Огонек счетчика все больше слабел, между вспышками уже были интервалы в несколько секунд. Дэйн пожалел, что у него нет с собой радионаушников. В центре Большого Ожога из-за гула радиации они были бесполезны, и он оставил их на корабле, а теперь с их помощью он мог бы обнаружить на земле селение. Оставалось найти берег моря и лететь вдоль него. Дэйн не составлял планов на будущие переговоры, надеясь на импровизацию. Для него, как для вольного торговца, быстрые действия в неожиданных условиях были обязательным элементом жизни. В дальних углах Галактики, где звездные торговцы обделывали свои операции, быстрота мышления и способность мгновенно менять планы были так же необходимы, как и искусство владения бластером. И очень часто язык вместе с мозгом не поспевали за руками.

Солнце теперь светило Дэйну прямо в лицо и он видел участки незараженной земли с обычной растительностью вместо «горячих» джунглей, оставшихся позади. Ночь ему предстояло провести на краю луга, где счетчик уже не показывал наличие радиации и где он мог снять скафандр и заснуть под звездами, ощущая рукой прикосновение родной земли. Запах растительности сменил сухой воздух корабля и томные ароматы Саргола. Он лег на спину, прижавшись к земле, частью которой он был, глядя на темную чашу неба. Было так трудно сопоставить эти далекие ледяные огоньки, которые складывались в знакомые созвездия, с солнцами, чьи лучи покрыли ему кожу космическим загаром.

Солнце Саргола, солнце, которое светило над мертвой Лимбо, солнце Накоса, его первого космического порта — все они прибавили ему загара. Чужие солнца, красные, оранжевые, голубые, зеленые, белые, отсюда выглядели одинаково — искорками огня.

Завтра на рассвете он отправится дальше, Дэйн отвернулся от звезд, а под щекой была трава, мягкая зеленая трава. Однако он не имеет права на эту траву, пока не добьется успеха. Он постарался изгнать мысль о завтрашнем дне из головы и подумать о чем-нибудь спокойном. В конце концов, он уснул глубоко, без сновидений, как будто прикосновение к родной земле успокоило его напряженные нервы.

Проснулся он перед восходом солнца, окоченевший и продрогший. Серость предрассветного неба давала немного света. Пролетала какая-то птица. Значит, здесь есть птицы или далекие потомки птиц из «горячей» земли. Поют ли они, приветствуя рассвет? Дэйн проверил флиттер маленьким счетчиком и облегченно вздохнул, убедившись, что они под руководством Али хорошо защитили флиттер от радиации. Нужда в скафандре отпала

на время и теперь он мог свободно сидеть у рычагов управления. Как приятно было освободиться от металлической тюрьмы!

Поднеся к губам тюбик, он ощутил во рту солоноватый вкус пищевого концентрата и его настроение поднялось вместе с флиттером. Настал день, когда он найдет то, за чем летит.

Спустя два часа после восхода солнца он нашел, что искал. Деревня, представляющая собой группу из пятидесяти домов, протянулась вдоль берега залива. Он скользнул вниз и приземлился в укромном месте между скалами, которые полностью закрыли флиттер. И он был уверен в безопасности убежища.

Отлично, он пойдет в деревню. А что дальше? Врач... Незнакомец, появившийся на дороге в форме вольного торговца, вызовет подозрение. Надо выработать какой-то план. Дэйн снял верхнюю одежду. Надо было бы снять и космические башмаки, но, возможно, они придадут больше правдоподобия его рассказу. Он убрал бластер под одежду. Несколько разрывов на одежде, несильный удар ножом, вызвавший небольшое кровотечение... Он не мог осмотреть себя, чтобы решить, насколько эффектен его внешний вид, но пришел к выводу, что этого вполне достаточно.

Случай испытать это представился даже раньше, чем он ожидал. К счастью, Дэйн находился в укрытии, иначе на него наткнулся бы мальчик, который, посвистывая, шел по дороге с удочкой через плечо и с корзиной в руке. Дэйн придал своему лицу выражение, которое, по его мнению, должно было обозначать боль, и двинулся вперед, чтобы неожиданно встретиться с мальчиком.

— Помогите! — сильное волнение, которое он испытывал, придало убедительность его стону.

Удочка и корзина полетели на землю, а мальчик после минутного колебания бросился вперед.

— Что случилось? — его глаза остановились на космических башмаках и он добавил «сэр» в знак уважения к этой героической профессии.

— Спасательная шлюпка... — Дэйн махнул в сторону моря. — Врач... Мне нужен врач.

— Да сэр. — Единый земной язык хорошо звучал в устах мальчика. — Мне вам помочь или вы можете идти сами?

Дэйн кивнул и не слишком сильно оперся на плечо своего спутника.

— Мой отец врач, сэр. Мы живем под этим склоном в третьем доме и отец еще не ушел. Он собирался в инспекторскую поездку на север.

Дэйн почувствовал отвращение к взятой на себя роли. Увидев врача, он должен будет его похитить, чтобы спасти «Королеву», но он раньше не думал, что придется похищать семейного человека. Только сознание того, а также твердое решение не подвергать врача лишней опасности, помогло ему продолжить исполнение задуманного плана. Оказавшись в начале деревни, Дэйн увидел, что она совершенно пуста, но поскольку в его роль не входили недоумевающие вопросы, он решил ничего не спрашивать. Его выручил юный проводник, дав этому объяснение.

— Большинство вышло на море. Идет красная рыба...

Дэйн понял. С давних времен красная рыба была желанным украшением стола землян. Если в окрестностях появляется косяк этой рыбы, то нет ничего удивительного, что большая часть населения поселка отправилась в море.

— Сюда, сэр,— пригласил мальчик к дому справа.— Вы в торговой службе?

Дэйн обрадовался, что его одежда может указать род его службы.

«Было бы хорошо,— с горечью подумал он,— прикрепить знак «Интерсолара», это бы совсем запутало дело».

Однако он ответил, причем ответил гордо:

— Да.

Мальчик покраснел от возбуждения.

— Я хочу учиться на врача для службы в торговом флоте и в прошлом месяце сдал главный экзамен. Но я еще не проходил психологической проверки.

Картины прошлого замелькали в сознании Дэйна. Не так давно на психологическом экзамене машина-психолог, фактически машина по распределению, решила его судьбу, предназначив его для «Королевы Солнца», на корабль, где его способности, знания и возможности будут приносить наибольшую пользу Службе. Тогда он пожалел об этом назначении, даже стыдился того, что станет вольным торговцем, в то время как Артур Сандэ и другие однокласники получили назначения в большие компании. Теперь же он знал, что не променял бы самый маленький винтик с «Королевы» на новейший корабль «Интерсолара» или «Комбайна». А этот мальчик из далекой деревни напоминал самого Дэйна пятью годами раньше. Только они никогда не знали своего дома, попав в школу из одного из многочисленных детских приютов.

— Желаю удачи! — сказал Дэйн, и краска на лице мальчика стала еще ярче.

— Спасибо, сэр! Сюда, пожалуйста, кабинет отца за этой дверью.

Дэйн позволил ввести себя в кабинет и сел в кресло, а мальчик отправился искать отца. Рука его нащупала бластер. Придется ему выполнить это задание, на которое напросился сам, отступления нет. Но рот его скривился, когда он вытащил бластер и направил его на дверь. Вдруг у него в голове мелькнула другая мысль — а что, если рассказать о другом тяжело раненном человеке, оставшемся среди обломков корабля! И он снова спрятал оружие, надеясь, что его не видно под одеждой.

— Сын сказал мне...

Дэйн поднял голову. В кабинет вошел человек средних лет с приятным взглядом, устремленным на Дэйна. Он мог бы быть братом Тау. Быстро перейдя комнату, он остановился перед Дэйном и протянул руки, чтобы отбросить обрывки окровавленной одежды, но Дэйн отвел его руки.

— Мой товарищ... — сказал он. — Он там, среди обломков... — Дэйн указал на юг. — Он нуждается в помощи.

Врач нахмурился.

— Большинство людей в море, Джордж, — обратился он к вошедшему вслед за ним мальчику, — приведи Лекса и Хортога. А теперь, — он попробовал усадить Дэйна в кресло, так как тот встал, — позвольте мне взглянуть...

Дэйн покачал головой.

— Некогда, сэр. Мой товарищ тяжело ранен. Вы сможете пойти со мной?

— Конечно. — Врач взял медицинскую сумку. — Вы способны сами идти?

— Да. — Дэйн был возбужден так как исполнялся его замысел.

Среди скал он достанет бластер и заставит врача сесть во флиттер.

«Нам все-таки везет», — подумал Дэйн.

ВРАЧ ХОВАН СООБЩАЕТ

К счастью, дорога из разбросанного по берегу поселка сильно извивалась, и вскоре их уже невозможно было увидеть из домов. Дэйн немногo задержался, как будто дорога утомила его. Врач обернулся, чтобы помочь ему, и увидел направленный на него бластер.

— Что?! — рот его раскрылся и нижняя челюсть отвисла.

— Вы пойдете впереди меня, — спокойно сказал Дэйн. — За скалами нас ожидает флиттер.

— Вероятно, я не должен задавать вопросов?

— Можете, но не сейчас. Некогда. Пошли!

Врач больше не удивлялся и, не задавая вопросов, повиновался. Только когда они подошли к флиттеру и он увидел космический скафандр, его глаза широко раскрылись и он воскликнул:

— Большой Ожог!

— Да. И мы в отчаянном положении...

— Или вы действительно в отчаянном положении, или вы сошли с ума. — Врач поглядел на Дэйна и покачал головой. — Что у вас, зачумленный корабль?

Дэйн сжал губы. Его пленник оказался слишком проникательным. Но он ничего не ответил и указал жестом на скафандр, уложенный Али на сидение.

— Надевайте его и побыстрее!

Врач потер рукой подбородок.

— Да, я думаю, что вы в отчаянном положении, раз уж вынуждены столь мелодраматично размахивать этой штукой, — он указал на бластер.

— Я не хочу вас убивать. Но бластер...

— Да, это будет очень больно, я знаю, молодой человек. — Он пожал плечами, положил медицинскую сумку и принялся одевать скафандр. — Я не хочу заставлять вас грузить меня силой в ваш корабль. Ладно уж.

Сдавшись, он сел так, как показал ему Дэйн. Торговец принял дополнительные меры предосторожности, привязав заключенные в металл скафандра руки врача к телу. Затем он сам одел скафандр. Теперь они могли объясняться только с помощью взглядов через стекло шлемов. Дэйн нажал рычаг управления, и они поднялись в воздух как раз перед появлением небольшого отряда из трех человек — мальчик и двое жителей поселка, вызванных им, пришли слишком поздно.

Флиттер спирально поднимался в сверкающее солнечное небо, и Дэйн подумал, сколько пройдет времени, прежде чем сообщение об этом новом нарушении закона достигнет ближайшего полицейского или патрульного поста. Но хватит ли у полицейского крейсера смелости последовать за ним в Большой Ожог? Он надеялся, что радиация заставит полицейских повернуть назад.

Управлять флиттером не было надобности — память машины приведет ее прямо к «Королеве». Дэйн взглянул на своего молчащего спутника. О чем он думает? Врач воспринял свое похищение с таким послушанием, что это начало беспокоить Дэйна. Ждет ли похищенный погони? Может

быть, исследование Большого Ожога продвинулось дальше, чем это официально сообщалось?

Уменьшив скорость флиттера, так как они преодолевали скалистую гряду, Дэйн с радостью заметил, что земля под ними превратилась в безжизненную пустыню, которая ограничивала зараженную зону. Закованная в металл фигура рядом с ним не шевелилась. Но вот врач повернул голову в шлеме — казалось, он внимательно изучает местность внизу. Вспыхнула лампочка счетчика радиации и Дэйн понял, что им, возможно, придется ночевать в зараженной местности. Попадались участки с мутировавшей под влиянием радиации растительностью и что-то в позе врача свидетельствовало, что это для него было новостью. В полдень участки этой растительности слились в сплошные джунгли. Лампочка счетчика теперь горела непрерывно. Когда приблизился вечер, темнота не наступила — деревья, выющиеся растения и ветви излучали свой собственный бледный и зловещий свет, свидетельствующий о радиоактивности голубоватым ореолом.

Иногда этот свет сгущался и протягивал жадные пальцы к пролетавшему над ним флиттеру. Время подходило к полуночи, когда Дэйн увидел сквозь бледный голубоватый ореол красную точку, которая обещала ему конец пути и отдых, хотя обычно этот свет вызывал противоположные чувства. «Королева» приземлилась с красными сигналами тревоги и после посадки их забыли выключить. Теперь они как маяк звали флиттер к месту стоянки. Дэйн посадил флиттер на оплавленную землю в том месте, откуда он взлетел. Его прибытие было замечено и наверху в стене корабля открылся люк. Ленты подъемного механизма опустились и защелкнулись на флиттере магнитными присосками. Потом они начали втягиваться в корабль, поднимая флиттер.

Когда внешний люк шлюзовой камеры закрылся, Дэйн отвязал своего спутника. Врач встал и с небольшой тревогой огляделся. Открылся внутренний люк, и Дэйн жестом пригласил пленника в небольшое помещение, которое должно было служить обеззараживающим карантинном. Сняв скафандры, они прошли через другой люк в главный коридор «Королевы», где их ожидали Рип и Али. При виде врача их встревоженные лица прояснились.

— Итак, это зачумленный корабль? — первым заговорил врач.

— Нет, сэр, — покачал головой Рип. — И только вы можете помочь нам доказать это.

Врач прислонился к стене и лицо его ничего не выражало.

— Вы выбрали несколько странный способ для просьбы о помощи.

— У нас не было другого выхода. Буду откровенен, — добавил Рип, — нас разыскивает Патруль.

Глаза врача переходили с одного осунувшегося лица на другое.

— Вы не похожи на отпетых преступников, — заключил он. — Это весь ваш экипаж?

— Остальные больны. Именно из-за них... Если вы только захотите... — Широкие плечи Рипа опустились.

— Мне не приходилось выбирать, не так ли? Если на борту больные, я должен действовать в соответствии с клятвой медика и независимо от того, ищет вас Патруль или нет. Чем они больны?

Они провели его в лабораторию Тау и рассказали свою историю. Выражение недоверия у врача сменилось тревожной заинтересованностью и он

захотел вначале осмотреть пациентов, а потом зверьков, хранившихся в холодильнике. Где-то в середине этих осмотров Дэйн, поддавшись усталости, охватившей его после напряжения последний дней, добрался до своей койки и согнал с нее Синдбада, который, как только Дэйн лег, вскочил обратно и лег рядом с ним. Когда Дэйн проснулся, отдохнувший телом и душой, «Королева» тоже была иной. Это был корабль, в котором поселилась надежда.

— Хован установил причину болезни! — восторженно сообщил ему Рип. — Это несомненно яд с клешней маленьких дьяволов, что-то вроде наркотика, вызывающего глубокий сон. Врач как раз работает над этим.

— Отлично! — Дэйн отбросил всю остальную информацию, которая в других условиях заинтересовала бы его, и задал вопрос, казавшийся ему самым важным: — Он может поставить на ноги наших людей?

— Пока неизвестно. — Лицо Рипа слегка омрачилось. — Он пробует разные средства.

— И неизвестно, как долго это будет продолжаться, — добавил Али.

«Время, — впервые за последние дни Дэйн вспомнил об этом, — время!» В его мозгу всплыло воспоминание о деле, забытом за последние тревожные недели — о контракте со жрецами. Даже если им удастся избавиться от обвинений, если все члены экипажа поправятся, он был уверен, что им не удастся в срок вернуться на Саргол с обещанным грузом, плата за который уже была на борту «Королевы». Они нарушат свое обещание и не смогут восстановить торговые права на эту планету, если их вообще не занесут в «черные списки» Торговой Палаты. «Интерсолар» немедленно воспользуется их затруднениями, даже если компания и не виновата в их несчастьях, хотя на борту «Королевы» все были уверены в обратном.

— Мы нарушим контракт, — громко сказал он и это сразу убавило уверенности у Рипа и Али.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Рип у Али.

Помощник инженера отрицательно покачал головой.

— У нас хватит горючего, чтобы подняться и опуститься где-нибудь, например, в Террапорте. Однако на более далекое расстояние полет без дозаправки невозможен. Нет, придется оставить всякую мысль о полете на Саргол. Заправиться нам не даст Патруль. Торсон прав, мы нарушим контракт.

Рип опустил в кресло.

— Что ж, выходит «Интерсолар» возьмет над нами верх?

— Остается лишь одна возможность, — проговорил Дэйн. — Мы можем представить нарушенный контракт на рассмотрение Службы. Но прежде надо избавиться от преследования и обвинений Патруля. А как это сделать?

— Хован на нашей стороне. Он согласился лечить наших больных и поддержать нас. Он мог бы поручиться перед медицинской комиссией, что у нас на борту нет инфекции.

— Как это сделать, если мы лишены всех прав? — спросил Али. — Если мы здесь окружены, то клятва Хована не поможет. Он врач из отдаленного поселка. Я не хочу сказать, что он плохой специалист, но у него нет достаточного авторитета. И для защиты от «Интерсолара» и Патруля нам понадобится что-то большее, чем слово одного врача...

Рип перевел взгляд с пессимистически настроенного Камила на Дэйна и его вопрос прозвучал как утверждение:

— Ты знаешь, что нам делать?

— Я кое-что вспомнил,— поправил его Дэйн.— Вспомнил прием, который использовал Ван Райк на Лимбо, когда Патруль пытался лишить нас прав на эту планету после ареста банды.

— Он грозил,— нетерпеливо сказал Али,— поговорить с ребятами из телевидения и радио, рассказать им о корабле, пойманном установкой Предтеч, и о лежащих на планете сокровищах. Но какое это имеет значение для нас сейчас? Мы отдали свои права на Лимбо за монополию Кама на Саргол и это не принесло нам ничего хорошего.

— Ван угрожал распространить сведения при помощи радио и телевидения о Лимбо и тем самым затруднить положение властей. Но при этом действовал Ван совершенно законно. Мы же вне закона, но обращение к публике может нам помочь. Многие ли из землян знают об этом неписаном законе войны против зачумленных кораблей? Кто, кроме космонавтов, знает о положении тех, кого бросают на Солнце или сжигают, не давая возможности доказать, что на борту нет опасной болезни? Если мы громко обратимся ко всему населению Земли, может быть, нас и услышат...

— Выступим, конечно, прямо с радиостанции Террапорта? — насмешливо спросил Али.

— А почему бы и нет?

В каюте наступило молчание, все задумались. Молчание вновь прервал Дэйн.

— Мы ведь приземлились здесь, а ведь этого никто никогда не делал.

Рип чертил коричневыми пальцами на поверхности стола только одному ему известную кривую. Али уставился на противоположную стену, будто бы это был механизм, который ему предстояло наладить.

— Это, разумеется, будет трудная работа,— спокойно сказал Али.— Ребята, а может, мы слишком долго болтались в космосе и «шепчущие» заговорили нас? Рип, ты сможешь посадить корабль достаточно близко от радиостанции?

— Можно попробовать. Как бы при этом не разбить нашу старушку. Перед ангарами компаний в Террапорте есть такая площадка. Обычно она свободна, а мы, снижаясь, дадим предупредительный сигнал. Но все же это самое последнее средство.

Дэйн заметил, что после этого обескураживающего замечания Рип отправился прямо в каюту капитана и выбрал микрофильм, содержащий сведения о Террапорте и инструкции о посадке в этой столице международных линий. Приземление там без предупреждения обеспечит им широкую известность, а если им удастся и выступить по радиостанции Террапорта, их услышат не только на Земле, но и во всей Солнечной системе. Новости из Террапорта передавались по всем каналам каждый час днем и ночью и ни один телезритель не мог их избежать. Но прежде нужно посоветоваться с Хованом. Захочет ли он поддержать их своими профессиональными знаниями и авторитетом? Или способ, которым его заставили посетить корабль, теперь будет действовать против них? Они решили, чтобы Рип задал врачу несколько вопросов.

— Итак, вы посадите корабль в центре Террапорта? А затем вы хотите,

чтобы я убедил всех в том, что корабль не заразен? Не слишком ли вы многого хотите? — Это было первое замечание врача, когда временный капитан «Королевы» разъяснил ему сложившееся положение.

— Я понимаю, как это выглядит с вашей стороны, сэр. Мы похитили вас и силой заставили лететь, но мы не можем заставить вас говорить, если вы откажетесь.

— Не сможете? — поднял брови врач. — А как насчет вашего юного хулигана с бластером? Его аргументы были достаточно убедительны. С другой стороны, у меня есть сын, который мечтает о звездах. Если я передам вас Патрулю, он будет упрекать меня. Хотя вас и разыскивает Патруль, вы не кажетесь мне отъявленными уголовниками. Видимо, вы оказались в критическом положении и действовали так, как вам показалось лучше. Ладно, я пойду с вами. Если повезет, то до посадки в Террапорте кто-нибудь из больных будет уже на ногах...

Они считали, что местонахождение «Королевы» не обнаружено. Вряд ли кто-либо отважится преследовать похитителя врача в Большом Ожоге. И, естественно, они надеялись, что их заметят слишком поздно или примут за обычный корабль, направляющийся на посадку. Это было вполне вероятно, и Рип с Али проводили время за проверкой механизмов и подготовкой к старту, в то время как Дэйн с выздоравливающим Уиксом помогали Ховану в его попытках поставить на ноги больных. Дэйн трижды посетил грузовой трюм и убедился, что квикс больше не поймал ни одного вредителя. После этого Дэйн посадил разгневанное голубое существо в клетку и пошел в каюту.

— Подключи к радиостанции интерком, — сказал Рип.

Али подключил интерком и сделал это очень вовремя.

«...Повторяем. Передается важное сообщение, передается важное сообщение, — послышался голос из интеркома. — Каждый, кто знает об исчезнувшем корабле «Королева Солнца», обязан сообщить об этом ближайшему полицейскому или патрульному пункту. Люди с корабля несомненно вооружены и весьма опасны. Помогите их отыскать, сообщите любые сведения в Терраполис или в ближайший патрульный пункт».

— Звучит грозно, — заметил Дэйн, выслушав сообщение. — Достаточно для того, чтобы нас сразу начали обстреливать...

— Что ж, если мы сядем быстро, — отметил Рип, — они не смогут стрелять, иначе им придется вместе с нами уничтожить половину Террапорта. Не думаю, чтобы они на это пошли.

Дэйн надеялся, что Рип прав. Если только Шеннон сумеет точно посадить корабль! Он не мог оценить действий Рипа и даже не всегда понимал, что тот делает, но он знал достаточно, чтобы оставаться на своем месте, не задавать вопросов, и с пересохшим горлом и сильно бьющимся сердцем ждать результата. Наступил момент, когда Рип взглянул на него и странно высоким голосом сказал:

— Ну, Дэйн, молись, мы садимся!

Дэйн услышал в наушниках громкие голоса и, оглушенный, уже хотел сорвать с себя наушники. Рип собирался сесть как можно ближе к Центру связи. Он держал палец на кнопке предупредительного сигнала, чтобы нажать ее в самый последний момент. Садясь без предупреждения, они могли лишь уповать на то, что место посадки окажется незанятым.

Дэйн считал секунды. Две, три, четыре, пять...— еще немного и они будут слишком низко, и их не смогут перехватить. Позади оказалось последнее мгновение, когда корабль еще был уязвим для стрельбы. Дэйн с облегчением вздохнул. Еще один шанс спастись. В наушниках звучало множество недоуменных вопросов, приказов и распоряжений.

«Пусть болтают,— подумал Дэйн,— скоро они поймут, что все это значит».

Глава 16

СХВАТКА В ТЕЛЕСТУДИИ

Очень уверенно, несмотря на охватившее его напряжение, Рип произвел образцовую посадку, такую посадку, которая, учитывая обстоятельства, должна была принести ему громкую славу среди опытных пилотов межзвездного пространства. Но Дэйн подумал, что если они потерпят неудачу, эта посадка приведет Рипа лишь к долгим годам работы в лунных шахтах. Сотрясение от посадки было поглощено предохранительными ремнями их посадочных кресел и они мгновенно оказались на ногах, готовые к действию.

Последующая операция была спланирована заранее. Дэйн взглянул на экран — «Королеву» окружали здания Террапорта. Любая попытка нападения на их корабль была очень опасна для этих сооружений. Рип посадил корабль не на обычное поле, а на площадку между распределительным центром и телевизионной башней. Обычно это место пустовало и использовалось лишь для посадки правительственных флиттеров.

«Насколько пострадала эта площадка от пламени садившейся «Королевы Солнца»! — подумал Дэйн.

Как слаженный механизм, четверо членов экипажа приступили к действию. Али и Уикс ждали у внутреннего люка. С ними был и врач Хован. Помощник суперкарго был в громоздком космическом скафандре, еще два таких костюма были приготовлены для Рипа и Али, которые поспешно одевали их. Скафандры могли послужить защитой от бластера или парализующего пистолета. Затем вместе с Хованом, бросавшимся в глаза обычным костюмом, они забрались в один из корабельных краулеров. Уикс привел в действие внешний люк и спусковой механизм, с головокружительной быстротой опустил краулер к основанию корабля на оплавленную площадку.

— Двигай к башне,— прозвучал в наушниках голос Рипа.

Дэйн взялся за рычаги управления, а Али в это же время отцепил зажимы спускового механизма, который связывал их с кораблем. Сквозь стекла шлемов они могли видеть необычное оживление в порту. Муравейник, в который сунули и дважды повернули палку, не мог сравниться с Террапортом после необычной посадки «Королевы».

— Патрульный мобиль с юго-востока,— довольно спокойно предупредил Али.— Похоже, у них на носу портативный огнемет.

— Вижу,— ответил Дэйн и изменил направление движения так, чтобы между ними и мобилем все время было здание таможни, после чего выжал предельную скорость из неповоротливой машины.

— Над нами полицейский катер,— вступил в разговор Рип.

Им не удавалось избежать стычки. В то же время Дэйн чувствовал

уверенность, что преследователи не станут нападать на них открыто, поскольку в их группе отчетливо выделялся незащищенный Хован. Но такое настроение, как оказалось, было слишком оптимистичным. Приглушенное восклицание Рипа заставило его повернуться и посмотреть на врача. Он успел увидеть, как Хован безвольно упал вперед и вывалился бы из краулера, если бы его не подхватил Шеннон. Дэйн был достаточно знаком с действием парализующих лучей, чтобы понять, что случилось.

Полицейский катер использовал наиболее безвредное оружие и только космические скафандры, приспособленные для работы в космосе и на чужих планетах, спасли трех торговцев от той же участи. Дэйн подозревал, что и его собственная реакция замедлилась, хотя он и не уступил полностью действию лучей. И пока Рип удерживал потерявшего сознание врача на сидении, Торсон продолжал вести краулер к башне, где находились системы телевидения.

— Нас догоняет патрульный мобиль!

Дэйн был раздражен этим предупреждением Рипа, поскольку и сам заметил этот черно-серебристый наземный вездеход, и отлично сознавал угрозу, исходящую от оружия, установленного на носу мобиля и направленного на краулер торговцев. Тогда он решил идти напролом, как это сделал Рип во время посадки.

— Спрячьте Хована за борт,— громко приказал он.— Я взломаю башни.

Последующее поспешное движение доказало, что бесчувственное тело врача надежно укрыто за корпусом машины. К счастью, краулер был приспособлен для использования на планетах, не имеющих дорог. Дэйн был уверен, что у машины хватит скорости и массы, чтобы прорваться в здание, даже взломав дверь. Обескураженные их маневром, полицейские не стреляли, и Дэйн был благодарен им за несколько минут отсрочки, когда он выжимал из протестующего двигателя краулера последние усилия. Гусеницы машины гремели на ступенях, ведущих к входу в башню. Прошло еще несколько секунд и они очутились перед дверью.

Тяжелый нос машины ударил по двери и силой удара их подбросило на сидениях. Покрытая гравированной бронзой тяжелая дверь не выдержала этого удара. Ее створки распахнулись и торговцы оказались в просторном нижнем зале телебашни.

— Несите Хована в лифт. Берегите его,— приказал Дэйн.— Я постараюсь задержать их.

Он чувствовал, что в каждую секунду его тело может прожечь луч полицейского бластера и даже космический скафандр его не защитит. В дальнем конце зала были видны служащие и посетители. Они разбегались, напуганные ворвавшимся краулером. Среди них появились две закованные в железо фигуры торговцев, поддерживавших бесчувственное тело врача. Используя вспомогательные антигравы своих поясов, они одной рукой поддерживали Хована, а другой сжимали парализующие пистолеты. Они без колебаний пустили в ход оружие и поливали лучами помещение до тех пор, пока все законные обитатели башни не оказались на полу в глубоком сне.

Увидев, что Рип и Али оказались хозяевами положения, Дэйн вернулся к своим заботам. Он пустил краулер задним ходом и принялся маневрировать с той легкостью, которая появилась у него в результате практики на бездорожье Лимбо. Захлопнув таким образом дверь, он развернул машину и

прижал ее к двери изнутри. Он надеялся этим сберечь несколько драгоценных мгновений. Им придется пустить на полную мощь огнемет, чтобы прорваться в зал. Выбравшись из машины, он обнаружил, что трое с «Королевы» исчезли, а все их возможные противники лежат на полу. Вероятно, трое воспользовались лифтом и поднялись на этаж, где располагалась студия. Дэйн поспешил вслед за ними, держа в руках свое наиболее убедительное доказательство — импровизированную клетку, в которой находился вредитель, пойманный в грузовом отсеке. Это доказательство вместе с выступлением Хована по телевидению должно было убедить всех, что они не зачумленные.

Дэйн добежал до входа в лифт и увидел, что кабины лифта нет. Сообразят ли Рип и Али, что он ждет внизу лифт?

— Рип, верни лифт,— сказал он в микрофон, установленный в шлеме скафандра.

— Успокойся, лифт возвращается,— прозвучал в наушниках холодный голос Али.— Не забудь захватить главный экспонат.

Дэйн не ответил, его мысли были заняты другим. На бронзовой двери, от которой он только что отошел, появилась ярко-красная точка раскаленного металла — они пустили в ход огнемет. Дверь недолго продержится и скоро полицейские будут в зале. Этот лифт... Боясь потерять равновесие в своем неуклюжем костюме, Дэйн не заглядывал в шахту лифта, но когда его нервы были уже на пределе, появилась кабина лифта. Он сделал два шага и, все еще держа в руках клетку, оказался в относительной безопасности. Первая попытка нажать кнопку подъема толстым пальцем перчатки не удалась. Вторично он нажал слишком сильно и понесся вверх с такой скоростью, которая возмутила даже его привыкшие к ускорениям внутренности. Он потерял равновесие и прибыл наверх, лежа на полу кабины лифта.

Однако не утратил предусмотрительности и, прежде чем выйти из кабины, привел кнопку подъема в такое положение, чтобы лифт, поднявшись наверх, там и остался. Это не только оторвало преследователей от торговцев, но и мешало тем подняться быстро на этаж. Своих Дэйн обнаружил в круглом центральном зале телевизионной секции. Он узнал помещение, которое тысячу раз видел позади диктора, читающего последние новости. В одном углу Рип, который уже снял скафандр, наклонился над бесчувственным врачом, а Али с угрюмой усмешкой разговаривал с человеком в форме связиста.

— Все в порядке? — спросил Рип, отрываясь от своего бесполезного занятия.

Дэйн поставил клетку и начал снимать свой скафандр.

— Когда я уходил, они начали прожигать входную дверь.

— Вам не удастся уйти отсюда...— начал связист.

Али улыбнулся, но в этой улыбке не было веселья.

— Послушай, друг мой, к чему ты это говоришь? Это не особенно оригинально. И запомни мои слова — мы сумели войти сюда, мы приземлились в Террапорте без разрешения, нас преследует патруль. Уж не считаешь ли ты, что один человек сможет удержать нас от того, что мы задумали? И не оглядывайтесь в поисках подкрепления, в этих комнатах мы усыпили всех. Ты можешь включить все каналы радио и телевидения для передачи непредвиденного сообщения или нам заставлять тебя это сделать? Мы — вольные торговцы! — Связист на глазах терял свою самоуверенность, переводя

взгляд с одного лица на другое.— Я вижу,— продолжал Али,— ты понимаешь, что это значит. Я знаю по меньшей мере пятьдесят способов заставить тебя сделать это и десять из них не оставят никакого следа на коже. А теперь приступай!

— Вы за это поплатитесь! — выкрикнул связист.

— Совершенно верно, но вначале мы выступим перед всеми. Может, в будущем, когда другой корабль окажется в нашем положении, его судьба будет лучше. Ступай на свое место. И мы все время будем следить за тобой, помни об этом. Если ты не выпустишь нас в эфир, мы тут же узнаем об этом. Рип, как Хован?

— Он получил полную дозу, я не могу привести его в себя.

Было ли это концом их самоуверенных действий? Пусть они выступят, пусть покажут клетку с вредителем, но если их утверждение не будет подкреплено профессиональным мнением врача, им никто не поверит. Ну, что ж, везение должно когда-нибудь кончиться. Но что-то в душе Дэйна мешало ему смириться с поражением. Он подошел к врачу, раскинувшемуся на кушетке. Казалось, Хован был погружен в глубокий сон, но на самом деле его сознание было погашено действием парализующих лучей. Сам он, вероятно, посоветовал бы им, как вывести человека из такого положения, но себе он помочь не мог. Через сколько часов он придет в себя? Через сколько!? Задолго до этого они будут арестованы полицией или Патрулем.

— Он в обмороке,— констатировал Дэйн, кладя конец всем надеждам.

Но Али казался еще чем-то озабоченным. Он стоял возле врача со странным выражением на своем красивом лице, как будто пытался вспомнить что-то глубоко запрятанное в памяти.

— Где тут у вас АДИОС? — обратился он к связисту.

— Кажется...— изобразил удивление связист.

Али сделал резкий жест.

— Пошли! — крикнул он и пошел вместе со связистом в другую комнату. Дэйн посмотрел на Рипа в поисках объяснений.

— Во имя Большой Галактики, что это такое?

— Я не инженер. Возможно, это какое-то приспособление, которое поможет нам выйти отсюда.

— Вроде пары крылышек? — съязвил настроенный саркастически Дэйн.

Его преследовали воспоминания о раскаленном круге на двери, находившейся на двенадцать этажей ниже их. Терпение полицейских не увеличится от преодоления препятствий, которое торговцы нагромодили у них на пути. Если они доберутся до людей с «Королевы Солнца» раньше, чем они успеют выступить перед всем человечеством, не стоит ожидать ничего хорошего.

В дверях появился Али. Дэйн и Рип перенесли врача в соседнюю маленькую комнатку, где Али и связист установили небольшое легкое кресло, которое их неискушенному взгляду показалось комбинацией каких-то полос и брусков. Подчиняясь указаниям Али, они усадили врача в это кресло и закрепили в нем его тело, в то время как Хован продолжал спокойно спать.

«Не понимаю, что происходит»,— подумал Дэйн.

Рип и Дэйн отступили в сторону, а связист под внимательным наблюдением Али подрегулировал установку и наконец тронул несколько переключателей. Дэйн обнаружил, что не может внимательно следить за тем, что

происходило дальше. Он считал, что привык ко всему — к опасности гиперпространства, к ускорениям и к антигравитации, но созерцание этого раскачивающегося безвольного тела и качающегося кресла лишало его чувства равновесия и казалось в высшей степени опасным. Но когда сквозь гудение удивительной машины донесся слабый стон, все поняли, что помощник инженера нашел решение этой проблемы и что врач проснулся. Когда они отвязали Хована, глаза его были затуманены и он пошатывался. В течение нескольких минут он, казалось, не сознавал окружающее и не мог понять, как попал сюда.

Полиция, вероятно, уже давно ворвалась в холл нижнего этажа и сейчас они, должно быть, разыскивают лифт, чтобы добраться до этажа, где размещалась студия. Али заставил связиста проверить работу всех устройств, обеспечивающих выход в эфир, но успеют ли они выступить по телевидению, никто из них не знал. Время бежало слишком быстро.

Поддерживая шатавшегося Хована, они вернулись в студию и связист под наблюдением Али сел за пульт управления, Дэйн поставил клетку с вредителем на стол диктора и ждал, когда за него сядет или Рип, или Али, но Рип сказал:

— Ты умеешь говорить лучше нас. Пора использовать это твое умение.

Было очевидно, что такого же мнения и Али. Конечно, суперкарго должен быть самым умелым оратором на корабле, но ведь это касалось прежде всего торговых сделок.

«И как же я могу стоять здесь и говорить от имени всего экипажа «Королевы Солнца»? — подумал Дэйн. — Ведь я позже всех вошел в состав экипажа, да еще и самый молодой по возрасту...

Рот у Дэйна пересох, нервы напряглись, но на его лице и на поведении это не отразилось. Привычка не показывать своих переживаний, которую он вырабатывал под руководством Ван Райка после окончания школы, сыграла свою роль. Никто не заметил его нерешительности, с которой он подошел к месту диктора.

Дэйн сел на место диктора рядом с клеткой с вредителем. Али щелкнул пальцами и раздался далекий звук, показывающий, что передача началась. Хотя Дэйн и не заметил никаких отклонений, он интуитивно понял, что комната и все, что в ней находилось, появились на экранах телевизоров. Сейчас вместо обычных новостей телезрители станут свидетелями мелодрамы, так похожей на их любимые космические приключения. Теперь не хватает только вторжения полиции, чтобы сходство было полным.

Али направил на него указательный палец, и Дэйн подался вперед. Он видел перед собой лишь занавес на противоположной стене, но знал, что на самом деле перед ним море лиц, от которых зависит судьба «Королевы» и ее экипажа.

Когда он начал говорить, его голос был спокоен, как будто он решал в присутствии Ван Райка очередную задачу размещения груза в трюме.

— Люди Земли!..

Марсиане, жители Венеры, колонисты на астероидах — все они оставались землянами и он обращался к ним, своим братьям.

— Люди Земли, мы просим вас о справедливости! — слова у Дэйна вылетали почему-то легко, а слово «справедливость» он произнес почему-то с чувством уверенности.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— ...Тем из вас, кто никогда не странствовал меж звезд, наш случай может показаться невероятным.— Слова лились легко и Дэйн говорил уверенно, стараясь внушить зрителям доверие, заставляя их понять, что значит быть вне закона.— Нас преследует Патруль, мы поставлены вне закона, как зачумленный корабль,— откровенно сказал он.— Но вот наша история...

Дэйн даже не ожидал, что сможет говорить так гладко. Он быстро рассказал о Сарголе и о вредителях, которые проникли к ним на корабль с этой планеты. В этот момент он протянул руку в перчатке и извлек из клетки извивающееся создание, щелкающее своими челюстями и клешнями. Дэйн подержал его над столом, чтобы все видели, как оно меняет цвет, и поняли, почему его сразу не обнаружили на корабле. Дэйн продолжал рассказывать, как постепенно выходили из строя члены экипажа и об их вынужденном нападении на А-станцию компании «Интерсолар».

— Потребуйте, чтобы и «Интерсолар» сказал правду,— обратился он к аудитории за стенами студии.— Мы не пираты. Они обязаны предъявить нашу расписку, которую мы оставили на станции...

Затем Дэйн описал странную охоту, когда они во главе с хубатом обнаружили и изолировали угрозу, и их посадку в Центре Большого Ожога. Он рассказал о своем полете за медицинской помощью и о похищении Хована. В этот момент он повернулся к врачу.

— Вот врач Хован. Он согласился выступить и подтвердить, что я говорю правду, что «Королева Солнца» не имеет никакой болезни, и что члены экипажа отравлены ядом этого животного и их можно вылечить,— в течение следующих нескольких секунд он не знал, сможет ли врач выступить. Хован выглядел совершенно больным. Было похоже, что он все еще не может прийти в себя после решительных средств, которые вызвали его пробуждение.

Но врач нашел в каких-то скрытых источниках необходимую энергию. И его появление было именно таким, на какое они и рассчитывали. Он все время использовал постоянные медицинские термины. Но от такого описания того, что он обнаружил на корабле, и средств, которые он использовал для прекращения действия яда, их шансы лишь увеличивались,— подумал Дэйн. Когда врач закончил, Дэйн добавил несколько заключительных слов:

— Мы нарушили закон...— откровенно признался он.— Но мы сделали это для самозащиты. И все, что мы просим сейчас, это беспристрастного расследования и права защищать себя — такое же, какое имеете вы — перед земным судом...— но закончить он не успел, его прервали.

Из динамика над ним послышался резкий голос:

— Сдавайтесь! Это Патруль. Сдавайтесь! Или будете нести ответственность! — слабый звон, который сопровождал выход передачи в эфир, прекратился.

Связист с довольной улыбкой отвернулся от пульта управления:

— Они разомкнули цепь, передача окончена.

Дэйн взглянул на клетку, в которой теперь сидел невидимый вредитель. Он сделал все, что мог, они сделали все, что могли...

Он не ощущал ничего, кроме чувства огромной усталости, беспредельной слабости, не столько физической, сколько моральной.

Рип нарушил тишину вопросом, обращенным к радисту:

— Вы можете связаться с теми, внизу?

— Захотели вступить в переговоры? — лицо его прояснилось. Да, здесь есть интерком, и я могу включить его.

Рип встал. Он расстегнул пояс, поддерживающий оружие, и положил его на стол, обезоружив тем самым себя. Не говоря ни слова, Али и Дэйн последовали его примеру. Игра была закончена и продолжать борьбу дальше было бессмысленно. Тогда временный капитан «Королевы» отдал последний приказ:

— Передайте им, что мы спускаемся вниз безоружными. Мы сдаемся.— Он помолчал и взглянул на Хована.— Вам лучше остаться здесь. Если что-то произойдет, вам лучше не вмешиваться в это.

Хован кивнул в ответ и трое с «Королевы» вышли из помещения. Дэйн, вспомнив о том, что он сделал с лифтом, предложил:

— Мы можем подождать и здесь.

— Какая разница, где мы с ними встретимся? — пожал плечами Али, зевнул и глаза его потемнели.— Не думаю, чтобы они дали нам возможность спокойно выспаться. Как ты считаешь? — обратился он к Рипу.— Насколько успешно мы все это проделали?

Однако Рип воздержался от оценки происшедшего.

— Мы использовали наш единственный шанс. Теперь слово за ними...— И он указал на стену, на бесконечный населенный мир над этой стеной.

— Я вижу, что мы оставили это чудище Ховану? — криво улыбнулся Али.

— Он хотел проделать с ним какие-то опыты,— ответил Дэйн.— Думаю, он заработал это.

— А теперь сюда направляется то, что заработали мы,— прервал его Рип, услышав шум лифта.

— Может, стоит укрыться? — Движение бровей Али подчеркнуло его слова.— Представители закона и порядка могут начать разговор с бластера.

Но Рип не шелохнулся, неотрывно смотря на дверь лифта, и остановленные выражением его лица остальные двое подошли к нему и образовали единую группу. Что бы не случилось, люди «Королевы» встретят это вместе.

Али был прав — четверо появившихся держали бластеры наготове. Двое из них были в серебристо-черной форме Патруля, а двое других — в зеленой форме земной полиции. Все они выглядели как люди, с которыми шутки плохи. Было ясно, что они готовы не предоставить поставленным вне закона никаких шансов. Несмотря на то, что люди «Королевы» не оказывали сопротивления, на них надели наручники. Короткий обыск показал, что они безоружны, и им приказали пройти в кабину лифта. Сопровождали их двое полицейских. Остальные, по-видимому, отправились осматривать телестудию. Полицейские не разговаривали. За все время они обменялись между собой лишь несколькими словами и кратко приказали пленникам идти вперед. Вскоре они оказались в нижнем холле. Перед ними были остатки краулера и дверь с прожженной большой дырой.

— Отличная работа! — прокомментировал Али.— Им пришлось повозиться!..

— Вперед! — тяжелая рука толкнула его в спину.

— Держи руки при себе! — повернувшись сказал Али и его глаза колоче сверкнули. — Мы еще не заключенные на лунных шахтах!

— Вы вне закона! — полицейский был откровенно враждебен.

Дэйн похолодел. Впервые он по-настоящему понял всю сложность их положения. Люди, поставленные вне закона, могли быть расстреляны без предупреждения и без суда первым встречным. Если это положение будет распространено на весь экипаж «Королевы», у них практически не будет никаких шансов. Увидев, что помощник инженера больше не возражает, он понял, что и на Али подействовали те же соображения. Теперь все зависело от того, какое впечатление на слушателей произвело его выступление. Если общественное мнение будет на их стороне, они смогут защищаться законным путем. В любом случае лунные шахты были для них лучшим исходом.

Их вывели наружу на ослепительный солнечный свет. Здесь стояла «Королева» и ее борта, поврежденные метеоритами, отражали свет родного Солнца. А вокруг нее на безопасном расстоянии расположился целый армейский корпус. Власти хотели быть уверенными, что бунтовщики больше не могут скрыться. Дэйн подумал, что сейчас их погрузят в мобиль или в катер и увезут, но их провели через ряды огнеметов, бластеров и другого оружия на открытую площадку, где их могли видеть с корабля. Офицер Патруля, у которого отражалось солнце от скрещенных мечей эмблемы Патруля, стоял у громкоговорителя. Убедившись, что трое пленников доставлены, он поднял микрофон и заговорил. Его голос полетел над полем и несомненно достиг ушей Уикса в закрытом корабле.

— Через пять минут вы должны открыть люк. Ваши люди схвачены. Через пять минут открывайте люк и сдавайтесь!

Али рассмеялся.

— Интересно, как они собираются проникнуть в корабль? — произнес он, ни к кому не обращаясь, но явно рассчитывая на внимание окружающих полицейских. — Им потребуется что-то другое помимо огнеметов, если старушка не откликнется на это предложение.

Дэйн про себя согласился с ним. Он надеялся, что Уикс решил не открывать люк корабля. В конце концов, хуже, чем теперь, не будет. Никакое оружие, стянутое сюда, и никакой инструмент не могли нарушить защиту «Королевы», а на корабле достаточно запасов продовольствия, чтобы Уикс смог продержаться не одну неделю. Поскольку Тау уже приходил в себя, он, возможно, за это время выздоровеет и поставит на ноги всю команду «Королевы». Все зависело от решения, которое примет Уикс.

Как долго продолжалось бы затишье, никто не знал, ибо в этот момент на сцене появилось еще одно действующее лицо. Через ряды осаждающих пробирался Хован, сопровождаемый патрульными. Что-то в его поведении свидетельствовало, что он готов дать бой. Разговор у микрофона был слышен по всему полю, чего, вероятно, совсем не хотели патрульные.

— На борту корабля больные, — прогремел голос Хована. — Я требую разрешения вернуться к своим обязанностям!

— Когда они сдадутся, они немедленно получают необходимую медицинскую помощь, — ответил офицер, но его ответ не произвел впечатления на врача из далекого поселка, в лице которого «Королева» получила большую поддержку, чем могла рассчитывать.

— «Про .ноно публико», — произнес свой девиз медицинской службы Хован. — Для общественного блага!

— Зачумленный корабль... — начал было офицер, но Хован насмешливо прервал его:

— Ерунда! — его голос гремел над полем. — На борту нет чумы и я могу это доказать перед Советом медицины. И если вы заставите меня не оказывать этим людям медицинскую помощь, я обвиню вас перед Советом!

Дэйн глубоко вздохнул — Хован был на их стороне. Но будучи членом экипажа «Королевы» и имея достаточно оснований быть недовольным людьми «Королевы», он, тем не менее, всем своим профессиональным авторитетом заступился за них. Офицер Патруля, не готовый к такому повороту дела, после некоторого раздумья ответил:

— Если вы согласны отправиться на борт корабля, идите!

Хован отобрал у него микрофон.

— Уикс! — нетерпеливо сказал он. — Я иду! Иду на борт один.

Все глаза обратились к кораблю. Какое-то мгновение казалось, что Уикс не поверил врачу, но вот на носу корабля открылся один из спасательных люков, которые используются лишь в самых крайних случаях, и оттуда звено за звеном стала спускаться пластмассовая висячая лестница. Боковым зрением Дэйн заметил какое-то движение слева от себя. Наручники мешали ему, он повернулся всем телом и увидел полицейского, который направлял ствол станкового пулемета на открытый люк. Прыгнув, он ударил полицейского плечом, сбил его и они оба покатались по бетонной площадке. Рип крикнул и чья-то рука схватила беспомощного Дэйна. Он встал на ноги, ощущая во рту соленый привкус крови, которая текла по губам, разбитым сильным ударом полицейского. Он сплюнул красную слюну и гневно посмотрел на окружающих.

— Почему вы не бьете его ногами? — презрительно спросил Али. — Ведь у него закованы руки, это будет веселая шутка.

— Что случилось? — спросил пробравшийся через кольцо полицейских офицер.

Полицейский поднял пулемет, сбитый Дэйном.

— Ваш парень выбрал себе цель в открытом люке, — ответил Али. — Это ваш обычный прием, сэр?

Офицер ответил сердитым взглядом и приказал полицейскому убраться. Дэйн с прояснившимся взглядом следил за «Королевой». Хован взбирался по лестнице и был уже на расстоянии протянутой руки от открытого люка. Тот факт, что врач оказался на лестнице, а потом и на корабле, подействовал на них ободряюще, но им не позволили долго радоваться их маленькой победе.

Их увели с поля, посадили в мобиль и увезли в город, находившийся в нескольких милях. Они были в заключении у Патруля, а не у земной полиции. Дэйн не знал, хорошо это или нет. Как вольный торговец он испытывал невольное уважение к организации, за действиями которой мог наблюдать на Лимбо. Немного позднее с них сняли наручники и они очутились в небольшой комнатке с голыми стенами и единственной скамьей, на которую они с облегчением опустились. Дэйн увидел предостерегающий жест Али — они находились под невидимым наблюдением. Очевидно, и их разговоры подслушивались.

— Им есть о чем подумать,— заметил помощник инженера, прислоняясь к стене.— Мы либо отпетые преступники, либо герои.

— Если мы герои,— насмешливо спросил Дэйн,— то почему же нас заперли здесь? Мне больше нравится земной комфорт, начинающийся с еды...

— Ни отпечатков пальцев, ни психологических тестов,— бормотал Рип.— Нас не пропустили через проверочную систему.

— Но мы, несомненно, не забыты. Вытри лицо, ребенок,— обратился Али к Дэйну,— ты все еще капаешь.

Помощник суперкарга провел рукой по подбородку и она стала липкой и красной, но зубы, к счастью, уцелели.

— Видимо, Хован мало рассказал им о своей службе,— заметил Камил.— Тебе нужна медицинская помощь.

Дэйн слегка прикоснулся ко рту. Ему не так уж была и нужна эта помощь, но он предположил, что Али говорит для тех, кто в настоящий момент за ними наблюдает:

— Кстати, о Ховане. Интересно, что стало с теми вредителями, которых он хотел изучить? Выйдя из башни, он не захватил с собой клетку,— сказал Рип.

— Если вредитель спрячется в этом здании, у них будет немало проблем.— Дэйн позволил себе подбросить кое-что своим тюремщикам для размышления.— Он практически невидим и ядовит. И, возможно, способен размножаться. Мы же о них почти ничего не знаем...

— Интересно! — рассмеялся Али.— Только представьте себе добрую сотню таких созданий, бегающих по телецентру. И единственный на Земле квикс принадлежит капитану Желико!.. Он сможет поставить любые условия. Весь город будет полон спящими, пока они смогут договориться.

Заставили ли эти слова патрульных поторопиться в телебашню на поиски клетки с вредителем? Мысль об этом была приятна для космонавтов.

Через час их покормили. В стене над уровнем пола раскрылась щель и через нее продвинули три подноса. Рип сморщил нос.

— Теперь я понял! Нас считают зачумленными и держат в изоляции под наблюдением — не упадем ли мы, покрывшись красными пятнами.

Али снял крышку с подноса, потом неожиданно встал и поклонился пустой стене.

— Большое спасибо! — заявил он.— Не может быть ничего лучшего — еда командного состава. У нас сохранятся самые лучшие воспоминания об этом и мы высоко оценим вашу заботу, когда нас об этом спросят.

Пища действительно была отличной. Из-за разбитых губ Дэйну пришлось есть осторожно, но будущее уже представлялось ему в розовом цвете. То обстоятельство, что их не подвергли процедурам,— обычным при обращении с преступниками, уже было многообещающим. Патруль не был уверен в том, кто же они.

— Нас накормили,— сказал Али, доедая последний кусок со своего подноса.— Теперь нас, вероятно, уложат спать, а мне понадобится несколько суток, чтобы выспаться.

Но их намек не был понят и они продолжали сидеть на скамье. Время шло. По расчетам Дэйна сейчас уже была ночь, но искусственный свет продолжал освещать комнату без окон. Что обнаружил Хован на корабле? Осталась ли «Королева» неприступной или ее уже заняли полицейские

патрульные? Дэйн очень устал. Казалось, что ему под веки насыпали горючий песок, все тело болело. В конце концов, он погрузился в дремоту, из которой его вывела судорога шеи. Рип откровенно спал, опираясь плечами и головой о спину Али, который сидел с закрытыми глазами. Хотя помощник суперкарго был уверен, что Али устал не меньше своих товарищей, он понял, что Али чего-то ждет. Дэйн снова задремал. Ему почудилось, что он вновь идет по рифам сарголийского моря, но оружия у него не было, а поверхность воды скрывала горпов. Когда он споткнулся о щель в омываемом волнами рифе, из воды вынырнуло паукообразное чудище, и он был беззащитен. Он даже убежать не мог, его не слушались ноги...

— Проснись! — Али тряс его за плечи. — Уж не заболел ли ты луна-гизмом?

— Горп... — Дэйн пришел в себя и смутился, не желая признаваться Али в кошмарах.

— Здесь нет горпов. Ничего, кроме...

Слова Камила прервались скрежетом открываемой двери. Но не патрульный в серебристо-черном мундире пришел звать их на суд. В проеме стоял Ван Райк, благожелательно улыбаясь не вполне проснувшимся пленникам.

— Ну-ну, вот и они, наши заблудшие.

Его мурлыкающий голос показался Дэйну самой прекрасной музыкой.

Глава 18

СДЕЛКА ЗАКЛЮЧЕНА

— Так мы приземлились, сэр, — закончил констатирующим голосом свой доклад Рип, как если бы он докладывал об обычном грузовом рейсе «террапорт — Луна-сити», который прошел без происшествий.

Весь экипаж «Королевы Солнца» за исключением Тау собрался в одной из комнат огромной штаб-квартиры Патруля. Помещение напоминало комфортабельный конференц-зал и Дэйн подумал, что сейчас их положение несколько отличается от положения преступников, объявленных вне закона. Но он был также уверен, что если бы им вздумалось покинуть это здание, их попытка не привела бы к успеху. Ван Райк флегматично сидел в кресле, похлопывая себя по животу. Он сидел так же пассивно, как и капитан, пока Рип не дошел в своем рассказе до их ареста. Хотя остальные слушатели проявляли явный интерес к их рассказу, старшие офицеры его не выказывали и не делали никаких замечаний. Теперь Джелико повернулся к суперкарго.

— Что скажете, Ван?

— Ну, что ж, что сделано, то сделано...

Приподнятое настроение Дэйна пропало, словно унесенное ветром — суперкарго не одобрял их действий. Значит, они знали какой-то другой выход, но младшие члены экипажа из-за неопытности не смогли его найти.

— Если бы мы стартовали сегодня, то не нарушили бы наш торговый контракт.

Дэйн вздрогнул. Вот оно что! Это обстоятельство они совершенно упустили из виду в последние дни. Не было никакой возможности стар-

товать сегодня, да и вообще в ближайшие дни, даже если дело будет решено в их пользу. Итак, они нарушили контракт, а Торговая служба этого не прощает. Можно бороться против Патруля, вольные торговцы всегда соперничали с патрульными, но никто не может противостоять Торговой службе и остаться в космосе. Капитан Джелико выглядел весьма мрачно после напоминания Ван Райка.

— «Интерсолар» готов занять наше место. Хотел бы я знать, почему они были так уверены, что у нас на борту чума?

— Я могу предложить пять гипотез, — фыркнул Ван Райк. — Во-первых, они могла знать возможности этих зверьков и, увидев, что мы грузим на борт красное дерево, легко могли предсказать результат. Во-вторых, они могли сами прихватить этот яд на Сарголе... Но мы ничего не можем доказать! Все идет к тому, что они перехватят у нас контракт с сарголийцами. Но если... — он неожиданно замолчал, уставившись на стену между Рипом и Дэйном и его помощник понял, что у Вана возникла какая-то новая мысль.

К идеям суперкарго все относились с большим уважением и капитан не тревожил суперкарго лишними вопросами. Первым заговорил Рип.

— Знаете ли вы, что они собираются с нами делать? — обратился он к капитану.

На лице Джелико появилась сардоническая улыбка.

— По-моему, они сейчас составляют полный список ваших преступлений и, может быть, используют для этого большой компьютер. Пока ярлык на вас не навесили. Мы передали все наши автоматические регистрационные записи — им достаточно пищи для размышлений.

Дэйн подумал — что же можно извлечь из этих записей за последние недели? Ван Райк встал и подошел к двери. Она открылась так быстро, что Дэйн убедился, что за ними постоянно наблюдают.

— Торговое дело — дело святое и связанное с торговым контрактом, — убедительно проворчал суперкарго. — Проводите меня к закрытому передатчику.

Контракт не был так же священен для Патруля, как для торговцев, но и у Торговой службы тоже была своя власть. И так как Ван Райк — невиновный свидетель проделок трех беспокойных членов экипажа «Королевы» — не был официально обвинен в преступлении, его проводили к передатчику. Но дверь за ним закрылась и это послужило им предупреждением, что они не свободны. Джелико откинулся в кресле и потянулся. За долгие годы совместной работы он убедился, что суперкарго разбирается не только в торговых и погрузочных делах и способен разрешить такие запутанные проблемы, которые не поддаются прямым и решительным действиям капитана. Прямые действия привели их к теперешнему положению — настала пора Ван Райка, а уж он-то не упустит ни одной возможности.

Но они недолго оставались одни. Дверь открылась и вошли несколько старших офицеров Патруля. Никто из вольных торговцев не встал. Принадлежа к другой службе, они считали себя равными вошедшим и предметом их гордости было то, что интересы галактической цивилизации, представляемые черно-серебристыми патрульными на дальних форпостах звездных трасс, совпадали с интересами торговцев. Они вместе завоевывали Вселенную.

Рипу, Али, Дэйну и Уиксу пришлось ответить на целый ряд вопросов,

Они подробно рассказали о своем посещении А-станции и о приземлении на Большой Ожог, а также о похищении Хована. Дэйн упрямо доказывал свою правоту. Как в таких же обстоятельствах поступили бы их командиры, старшие офицеры, сидящие здесь? А они каждый раз делали заключение, что это участие в этих событиях является незаконным. Конечно, закон и порядок должны существовать, они должны защищать человека на освоенных планетах и в изученных системах. Он не может отрицать, что был рад встретить на Лимбо патрульных, которые бластерами проложили себе дорогу в тайную штаб-квартиру бандитов, овладевших этой сожженной планетой. Он никогда не относился к Патрулю с презрением, но, подобно всем вольным торговцам, он был убежден, что слишком часто законы, проводившиеся в жизнь Патрулем, служат богатству и власти больших компаний. Если это нужно компании, законы нарушаются и Патруль поступает несправедливо, особенно в отдаленных районах, куда не достигает власть Центра.

Вот и теперь он был убежден, что «Интерсолар» употреблял все свое влияние против людей с «Королевы», а влияние у «И — С» было большое. В конце разговора их заявления были зачитаны и он приложил свои пальцы к знаку точности записи.

«Были ли это просто заявления или же это показания на допросе,— подумал Дэйн,— но своим рассказом они проложили себе дорогу на лунные шахты».

Во всяком случае, никто не собирался их выпускать. Когда Уикс приложил палец к концу записи, взял слово капитан Джелико. Он посмотрел на часы.

— Сейчас десять часов,— заметил он,— моим людям необходим отдых и все мы хотим есть. Что вы на это скажете?

— Вы остаетесь в карантине, капитан,— ответил один из старших патрульных.— Вашему кораблю не разрешается взлет, но вы будете удобно размещены...

Через множество пустых залов их провели в другую часть огромной штаб-квартиры Патруля. Здесь не было окон, но зато стояли койки и было особое помещение вроде кают-компаний. Али, Дэйн и Рип больше нуждались во сне, чем в пище. Последнее, что запомнил помощник суперкарго, был капитан, серьезно беседовавший со Стином Вилкоксом. Оба при этом потягивали из чашек настоящий земной кофе. Но проспав двенадцать часов, они уже не были так довольны своим положением. К ним никто не приходил и Ван Райк тоже не возвращался, хотя этот факт и внушал экипажу определенные надежды. Значит, суперкарго где-то борется за их интересы и весь огромный запас знаний, все свое умение обходить острые углы и распутывать сложные и запутанные проблемы Ван Райк использует, чтобы вырвать для них все возможные уступки.

Пришел врач Тау, принеся с собой хубата. Оба выглядели усталыми, но торжествующими, и сообщение Тау ободрило приунывших было торговцев.

— Мы вколотили это в их глотки,— объявил Тау.— Они были вынуждены признать, что это было отравление, а не чума. Кстати,— он оглянулся на Джелико, а потом осмотрелся по сторонам,— а где Ван? Нам предлагают продать этих козлят, которые спят в глубоком охлаждении. Лаборатория Террапорта хотела бы их изучить. Я сказал, чтобы они обратились к Вану. Он сможет извлечь из этого выгоду. Где же он?

— Он улаживает дело с нашим контрактом,— ответил капитан.— Что нового слышно о нашем положении?

— Что ж, им пришлось опять дать предупреждение о зачумленном корабле. Да, еще новость. Более двадцати телевизионщиков осаждают Патруль, пытаясь извлечь кого-нибудь из нас и доставить в студию. Кажется, эти дети,— он ткнул пальцем в троих помощников,— кое-чего добились. Их выступление стало самой большой сенсацией в Системе. Все интересуются их судьбой. Я уже дважды был на телестанции, она показывали и хубата.

Подошедший врач Хован кивнул.

— И меня приглашали на передачи, которые будут идти три недели,— весело усмехнулся он.— Хотят, чтобы я выступил в передаче «Герои звездных дорог» и в двух развлекательных программах. А что касается вас, юный преступник,— обратился он к Дэйну,— из-за вас воют все телестудии и радиостанции. Говорят, вы здорово выступили.— Последнюю фразу он произнес как обвинение и Дэйн смутился.— Все-таки вы кое-чего добились своими сумасшедшими трюками. Кстати, капитан, три человека хотят купить вашего квика. Думаю, они хотят показывать его как охотника на этих вредителей. Так что будьте готовы.

Дэйн представил себе передачу, где в главных ролях будут он и хубат, и содрогнулся. Все, чего он теперь хотел, так это улететь с Земли на какую-нибудь спокойную и мирную планету, где все проблемы решаются при помощи бластера и парализующего пистолета и где неизвестно телевидение.

Услышав, что снаружи их ожидают, люди с «Королевы» более терпеливо переносили свое заключение в карантинной секции. Но время шло и их беспокойство снова вернулось. Теперь они были уверены, что наказание, наложенное на них Патрулем или земной полицией, не будет слишком строгим, но нарушенный контракт — это другое и гораздо более серьезное дело, которое может привести их к изгнанию из космоса быстрее, чем любое нарушение закона. Джелико расхаживал по комнате, Танг и Уикс сражались в трехмерные шахматы, а Штоц устало смотрел на стену, очевидно, полностью погруженный в свои невеселые мысли. Так проходило время и каждый уходящий час напоминал им о нарушении контракта с сарголийцами. В беспокойном ожидании начался второй день и тут появился Ван Райк.

Суперкарго выглядел очень усталым, но не озабоченным. Наоборот, он появился с бурчанием, которое, по его мнению, было популярной мелодией. Джелико ничего не спросил, только посмотрел на своего офицера и вопросительно поднял брови, но остальные окружили вошедшего. Было ясно, что Ван Райк доволен собой, а это означало, что он каким-то фантастическим способом отвел угрозу от «Королевы Солнца» и теперь полностью контролирует положение. Он остановился в дверях и с напускной строгостью посмотрел на Али, Дэйна и Рипа.

— Вы нехорошие мальчики,— сказал он, покачав головой и сделав ударение на прилагательном.— Вы заслуживаете понижения на десять рангов.

«Это опустило бы нас на самое дно,— быстро сообразил Дэйн,— и даже «ниже».

Хотя он и не понимал, что может быть ниже должности помощника, но его, однако, такая перспектива не обескураживала. По сравнению с лунными шахматами такое наказание ровным счетом ничего не значило, а Дэйн знал, что Ван Райк сначала всегда излагает самые плохие новости.

— Вас оштрафуют на сумму, равную плате за рейс,— продолжил суперкарго, но капитан прервал его:

— С Центром все улажено?

Когда суперкарго кивнул, Джелико добавил:

— Штраф выплатит корабль.

— Я им так и сказал,— согласился Ван Райк.— «Королеве» в течение десяти лет запрещается приземляться в Террапорте.

— Ничего страшного. Другие вольные торговцы, случается, по двадцать пять лет не навещают родную планету.

Наказание было настолько легче того, которого они ожидали, что все встретили это сообщение со вздохом облегчения.

— Мы лишаемся контакта с Сарголом.

Вот это было хуже. Но они и ждали этого в те часы, когда находились в карантине, и понимали, что уже не успеют к сроку на благоуханную планету.

— Контракт у «Интерсолара»? — задал главный вопрос Вилкоккс.

Ван Райк улыбнулся, как будто оставил под конец самое веселое.

— Нет, у «Комбайна».

— У «Комбайна»? — повторил капитан, а за ним и все остальные.

Всем казалось, что в этом деле главный соперник «Интерсолар».

— Мы заключили с «Комбайном» сделку,— сообщил им Ван Райк.— Я не хотел, чтобы «Интерсолар» наживался на нашей неудаче, и поэтому пошел к Вилкерсу из «Комбайна» и обрисовал ему ситуацию. Он понял, что у нас хорошие отношения с сарголийцами, а у «Интерсолара» их нет. А он давно ждал случая наступить на хвост «Интерсолару». Погрузка уже идет полным ходом, а завтра новейший крейсер стартует на Саргол. Он поспеет вовремя.

Да, большой крейсер, один из тех, которыми располагали всемогущие компании, мог совершить рейс на Саргол и прибыл бы туда даже с запасом. Штоц кивком одобрил это решение.

— Я отправлюсь с ними...

Это решение всех ошеломило. Ван Райк оставляет «Королеву» — это было так немыслимо, как и представить себе, что капитан Джелико уходит в отставку и становится фермером.

— Только на один рейс,— поспешил разъяснить Ван Райк.— Я облегчу им контакт со жрецами и присмотрю, чтобы снова не вмешался «Интерсолар».

— Вы считаете, что «Комбайн» действительно перекупил у нас контракт, а не просто отобрал? — перебил его Джелико.— Каковы условия сделки?

Ван Райк улыбнулся еще шире.

— Они покупают не только контракт, но и наши хорошие отношения с сарголийцами.

— И что же мы получаем взамен? — от имени всех спросил Вилкоккс.

— Двадцать пять тысяч кредиток и контракт на перевозку почты между отдаленными планетами Косчо и Тресголд. Они слишком далеки от Земли для регулярного сообщения. Патруль проводит нас и проследит, чтобы мы принялись за работу, как и подобает вольным торговцам. Нам предстоит два года спокойных рейсов за постоянную плату. А потом, когда власти забудут о нас, мы сможем вернуться к обычной торговле.

— А какова оплата?

— Почта первого и второго разрядов.

— Когда мы стартуем?

— Оплата стандартная, оплачивается отдельно каждый рейс, ее гарантирует сам Центр,— начал он отвечать на многочисленные вопросы.— Почта включает и правительственную корреспонденцию. Работу начнете сразу по прибытии на Косчо и замените там корабль компании «Комбайн», который сейчас занимается этими перевозками.

— А вы в это время отправитесь на Саргол? — спросил Джелико.

— Да, я отправлюсь на Саргол. Но у меня есть замена.— Он положил руку на плечо Дэйна.— Судя по тем штучкам, что откалывал этот юноша, мы можем доверять ему несколько больше, чем раньше. В конце концов, работа суперкарго при перевозке почты не очень сложна, а погрузку и выгрузку Торсону можно доверить, это-то он знает.— И оставив Дэйна в недоумении, то ли похвалив его, то ли поругав, Ван Райк продолжил: — Я присоединюсь к вам после второго рейса. «Комбайн» доставит меня на Тресволд. В ближайшее время нам не о чем беспокоиться, в почтовых рейсах ничего не происходит.— Он посмотрел на троих младших членов экипажа.— Немного поскучаете, но вам это только пойдет на пользу. Как следует выполняйте свою работу и понижение вас в должности будет отменено. Ну, а теперь я иду на крейсер «Комбайна».— Он направился к двери.— Думаю, вы не очень-то хотите встретиться с ребятами с телевидения? — Увидев их реакцию, он рассмеялся.— Ну, а Патруль очень не хочет этого, не хочет, чтобы разглажольствовали о «жестокости официальных лиц», так что через час можете отправляться. «Королева» уже на стартовой площадке. Вас туда доставят на скутере. Полное обслуживание — в Луна-сити. Там корабль отремонтируют для полетов в глубокий космос. Вообще, чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше будет и для Патруля, и для вас. Пусть Центр забудет о «Королеве Солнца» и ее сумасшедшем экипаже. Ведь вы на самом деле нарушили кучу законов, но не будем об этом.

Капитан Джелико встал.

— Вряд ли они больше нас хотят, чтобы мы улетели отсюда. Вы отлично обделали это дельце, Ван. Мы легко отделались.

Ван Райк поднял глаза к потолку.

— О, вы еще не знаете, насколько легко! Наше счастье, что «Комбайн» стремится вставить палки в колеса «Интерсолару». Мы использовали это в свою пользу. Дайте этим акулам возможность вцепиться друг другу в глотки и они позабудут обо всем. Это положение простое, но действенное. Ну, а мы отправляемся в спокойную и мирную безвестность. Благодаря духу Вольной торговли, никакие трудности и заботы не ожидают нас в этих спокойных и безопасных почтовых районах.

ПЛАНЕТА КОЛДОВСТВА

Глава I

— Поговорим о жаре на Эхо или лучше не надо? Эта пропитанная водой планета обладает наиболее непривлекательными свойствами паровой бани. Здесь можно только мечтать о прохладе, зеленом цвете и желать побольше земли, чем имеется в скупой ниточке островов.

Стоящий над разбивающимися о мыс волнами молодой человек носил фуражку с крылышками космонавта и знаками отличия суперкарго. Кроме очень коротких шортов на нем ничего не было. Изучая через солнцезащитные очки предательски менявшее свое сияние море, он с отсутствующим видом провел ладонью по своей голой груди. Ладонь стала совершенно мокрой. Можно было бы искупаться, но он не хотел потерять большую часть своей кожи. В этой жидкости были организмы, которые облизывались каждый раз, когда думали о землянах.

Дэйн Торсон облизал губы и, чувствуя на языке вкус соли, побрел по песку космодрома к стоянке «Королевы Солнца». Этот день был очень длинным, с бесчисленным решением запутанных задач, с постоянной тяжелой рысцой между кораблем и складами товаров, где трудились такелажники. Они двигались так медленно, как это только возможно для человеческих существ. А может быть, это только казалось удрученному суперкарго с вольного торгового корабля. Капитан Джелико уже давно нашел убежище в своей каюте, сохраняя тем самым остатки своего хорошего настроения. Дэйн такого удовольствия не мог себе позволить.

«Королева Солнца» имела жесткий график переоборудования в почтовый корабль, и резервов времени, учитывающих влажность, играющих чертовские штучки с внутренностями ремонтных роботов, не было. Она должна быть готова к старту, когда корабль «Комбайн», курсировавший до этого по своему маршруту, совершит посадку и официально отсалюует «Королеве». К счастью, большая часть работы была уже выполнена.

Перед тем, как расписаться в книге такелажников и явиться с докладом к капитану. Дэйн произвел последний осмотр. Кондиционированный воздух внутри «Королевы» освежил его, пока он поднимался в свою каюту. Воздух в корабле был технически чистым, но неприятно спертый, но все же дышать им сегодня было облегчением. Дэйн прошел прямо в душевую. По крайней мере, в воде, очищенной от местных кожеедов, недостатка не было. Вода была прохладной и снимала усталость с его молодого худощавого тела. Он залез в свой легкий комбинезон, когда запищал зуммер на стене. Посетитель! Только бы не снова мастер такелажников.

Дэйн прошел на вызов, еле волоча ноги. Команду «Королевы» в этот момент составляли четверо с ним самим в качестве мальчика на побегушки. Капитан Желико был в своем помещении двумя этажами выше. Врач Тау вероятно, проверял свои запасы, а Синдбад, корабельный кот, спал в какой-нибудь пустой каюте. Дэйн одернул куртку и настороженно подошел к верхушке трапа. Но это был довольно впечатляющий посетитель.

Этот спокойный человек был очень высок, причем его рост подчеркивался сильной худощавостью, узостью талии, бедер и длиной рук и ног. Главным предметом его одеяния были универсальные для жителей этой планеты шорты, однако, будучи согласно моде шафранно-желтыми, они оказались более яркими из-за черноты кожи. Хотя в общем он был похож на тех земных негров, которых видел Дэйн, его цвет кожи не был таким же, как у них темно-коричневым. Его кожа была действительно черной с почти синеватым оттенком. Вместо рубашки или куртки его впалая грудь была перетянута двумя широкими ремнями. В их пересечении был большой медальон, испускавший при дыхании алмазные отблески. На поясе он носил не обычный парализующий пистолет, а оружие, более напоминающее бластер патрульного. Там же был длинный нож в отделанных драгоценными камнями ножнах. На первый взгляд он был образцом варварской силы, прирученной и приспособленной к цивилизованной деятельности. Он отсалютовал Дэйну ладонью и произнес на основном галактическом языке с едва заметным акцентом:

— Я — Кэрт Азаки. Думаю, капитан Желико ожидает меня.

— Да, сэр, — Дэйн весь подобрался — так это, значит, лесничий с легендарной Хатки, планеты — сестры Эхо.

Его собеседник поднимался по трапу, не пропуская ни одной детали интерьера корабля, мимо которых он проходил. На его лице все еще было выражение вежливого интереса, когда его провожатый стучал в обшитую панелями дверь каюты Желико, и ужасный вопль хубата квикса, капитанского любимца, заглушил немедленный ответ. Тут же последовал удар по клетке этой помеси краба, попугая и жабы с голубым оперением, который обычно возвещал о присутствии его хозяина. Так как сердечное приветствие капитана относилось только к гостю, Дэйн с сожалением спустился в кают-компанию и принялся неумело готовить ужин. Да и много ли надо уметь, чтобы запихнуть в автоматическую кухню концентраты.

— Составить компанию? — поинтересовался Тау, появляясь по другую сторону кухонного комбайна и помешав кофейную гущу. — Разве обязательно сопровождать еду музыкой, особенно так неудачно выбранной?

Дэйн покраснел, закончив свистеть на середине ноты. «Граница Земли» была старой и очень избитой песней и он не знал, почему всегда бессознательно ее насвистывает.

— Главный лесничий с Хатки только что поднялся на борт, — намеренно небрежно сообщил он, занимаясь будто бы чтением наклеек. Так готовить было проще, чем рыбу или другие блюда.

— Хатка! — выпрямился Тау. — Это стоящая посещения планета.

— Но не на деньги свободного торговца, — прокомментировал Дэйн.

— Вы всегда можете надеяться на объявление большой забастовки, парень. Но почему бы нам не поднять корабль отсюда?

— Почему? Вы же не охотник. Отчего же вам пришло в голову податься туда?

— Мне нет дела до заповедников для охоты, хотя и их стоит посмотреть. Интересны сами люди...

— Но они с Земли или, по крайней мере, земного происхождения, не так ли?

— Верно.— Тау медленно цедил кофе.— Но бывают разные поселенцы, сынок. Многое зависит от того, когда и почему они покинули Землю, кем они были, а также от того, что случилось с ними после приземления здесь.

— Хатканцы действительно отличаются чем-то особым?

— Да, у них удивительная история. Эта колония была основана людьми, бежавшими из заключения, причем одной расы. Они улетели с Земли под конец второй атомной войны. Помнишь, это была расовая война? Это делало ее вдвойне уродливой.— Рот Тау скривился от отвращения.— Как будто цвет человеческой кожи создает различие в том, что под ней находится! Одна сторона в этой войне пыталась восторжествовать над Африкой. Она согнала большинство туземцев в гигантский концентрационный лагерь и широко применяла геноцид, но сама была разбита. В процессе разгрома выжившие в лагере с помощью войск другой стороны подняли восстание. Они захватили скрытую в центре лагеря экспериментальную станцию и на построенных там двух кораблях прорвались в космическое пространство. Это путешествие должно было быть кошмарным, но они добрались сюда и совершили посадку на Хатке. У них не было энергических ресурсов, чтобы снова подняться, и, к тому же, большинство из них умерли.

Но мы, люди, вне зависимости от расы, весьма жизнеспособны. Беглецы обнаружили, что климат их нового мира не очень отличается от африканского. Это была удача, которая могла выпасть один раз из тысячи. Так что та горсточка, которая выжила, сейчас процветает. Но белым специалистам, которых они похитили для управления кораблями, жилось неважно. Жители установили цветовой барьер — чем светлее была кожа, тем ниже было социальное происхождение. При таком отборе при размножении теперешние хатканцы стали чрезвычайно черными.

Чтобы выжить, они вернулись к примитивной жизни. Затем, примерно двести лет назад, задолго до того, как их обнаружили разведчики планет, что-то случилось. Либо произошла мутация, либо, как это иногда бывает, возникла линия людей с выдающимися талантами — несколько изолированных групп людей,— и удивительно регулярно повторяющиеся в пяти семейных кланах. Был короткий период ожесточенной борьбы, пока они не поняли бессмысленность гражданской войны и не образовали олигархию, возглавляемую родовой организацией. Под руководством этих пяти семей возникла новая цивилизация и, когда прибыли разведчики, они уже не были дикарями.

Примерно семьдесят пять лет назад торговые права купил «Комбайн». Затем компания и пять семейств объединились и создали охотничий заповедник для всей Галактики. Известно, что каждый хороший стрелок с двадцати пяти планет хочет похвалиться, что он охотился на Хатке. И если он может показать голову края на стене или носит браслет из его хвостов, он может гордо выступать среди других охотников. Каникулы на Хатке как легендарны, так и модны. И очень-очень выгодны для местных жителей и для «Комбайна», занимающегося перевозкой путешественников.

— Я слышал, там бывают и браконьеры,— заметил Дэйн...

— Да, они есть. Вы знаете, какую прибыль приносит на рынке шкур глепа. Если экспорт жестко контролируется, то неизбежно появляются браконьеры и контрабандисты. Но Патруль не интересуется Хаткой, местные жители сами занимаются своими преступниками. Лично я предпочту с радостью быть приговоренным к девяти годам каторги на лунных копиях тому, что делают хатканцы с пойманными браконьерами.

— Следовательно, эти слухи распространяются успешно?

Кофе полилось через край кружки Тау, а Дэйн уронил пакет с мясными концентратами, который уже поднес к кухонному комбайну. Главный лесничий Азаки появился в дверях кают-компания так неожиданно, словно был телепортирован в эту точку.

Врач встал и вежливо улыбнулся посетителю.

— Правильно ли я предположил, сэр, что те истории, которые я слышал, распространяются преднамеренно, чтобы служить предупреждением?

— Мне говорили, что вы врач, сведущий в «магии». Действительно, вы проявляете свойственную колдунам быстроту мышления. Этот слух верен.— Признаки хорошего настроения у главного лесничего исчезли и он отрезал: — Браконьеры на Хатке приветствовали бы Патруль вместо нашего гостеприимства.

Он вошел в столовую. Капитан Джелико шел позади него и Дэйн выдвинул два выдвижных сидения для них. Он держал кружку у кофейника, когда капитан представил его:

— Торсон, исполняет обязанности нашего суперкарго.

Хатканец приветствовал Дэйна плавным кивком головы, а затем он удивленно посмотрел на пол. Помахивая хвостом и громко мурлыча, Синдбад выражал гостю свою необычайно горячую симпатию. Лесничий опустился на одно колено, отводя руку от изучающего обнюхивания Синдбада. Потом кот боднул головой эту черную ладонь и игриво прикоснулся к ней лапой со спрятанными когтями.

— Земная кошка! Ведь она львиной породы?

— Весьма отдаленное сходство,— пояснил капитан.— К Синдбаду нужно добавить слишком много плоти, чтобы выдвинуть его в класс львов.

— У нас есть только старые сказки,— слова Азаки прозвучали почти задумчиво, в то время как кот прыгнул ему на колени и провел когтями по замку его нагрудных ремней.— Но мне не верится, что львы были так дружны с моими предками.

Дэйн хотел убрать кота, но хатканец поднялся вместе с Синдбадом, все еще громко мурлыкающим и отдыхающим на его локте. С мягкостью, изменившим выражение высокомерия его лица, лесничий улыбался.

— Не привозите его на Хатку или вы не получите его обратно. Мои соотечественники просто не позволят ему уйти обратно.

Он нежно погладил Синдбаду подбородок и кот вытянул шею, полукрыв от удовольствия желтые глаза.— А, тебе, значит, это приятно, маленький лев?

— Торсон! — капитан повернулся к Дэйну.— Этот рапорт на моем столе был последним от «Комбайна»?

— Да, сэр,— ответил Дэйн,— и нет оснований считать, что «Ровер» приземлится здесь раньше указанной даты.

— Видите, капитан, судьба нам покровительствует.— Азаки сел, все еще держа кота.— У вас есть два десятка дней. Четыре дня пути на моем крейсере, четыре — на возвращение сюда, а остальные — на изучение заповедника. Мы не можем рассчитывать на большое везение, так как я не знаю, когда вновь пересекутся наши пути. При нормальном ходе событий я не появлюсь на Эхо еще целый год, а возможно, и больше. Кроме того... — он поколебался, а затем обратился к Тау: — Капитан Джелико сообщил мне, что вы изучали искусство магии во многих мирах.

— Это так, сэр.

— Верите ли вы тогда, что магия — реальная сила? Или вы считаете, что это только суеверия примитивных народов, придумывающих демонов, чтобы вызывать молитвы, когда на них падает черная тень?

— Кое-что из той магии, что я видел, просто фокусы, кое-что основано на внутреннем знании людей и их судеб. Это знание проницательный лекарь-колдун может использовать себе на пользу. Все же всегда остается,— Тау опустил кружку,— небольшое количество случаев, для которых мы пока не можем найти какого-либо логического объяснения...

— А я верю,— прервал его Азаки,— что также верно и то, что раса от рождения предрасположена к магии. И поэтому любой человек такой расы может быть особенно подвержен действию магии...

Это было больше похоже на утверждение, чем на вопрос, но Тау ответил:

— Совершенно верно. Дамориец, например, может быть «знает» до смерти. Я был свидетелем такого случая. Но на землянина или другого инопланетянина то же самое внушение не окажет никакого влияния.

— Те, кто заселил Хатку, привезли магию с собой,— сказал Азаки и пальцы главного лесничего все еще успокаивающие двигались по челюсти и горлу Синдбада, но его голос был холоден, он был наиболее холодным предметом в тесном пространстве кают-компаний.

— Да,— согласился Тау,— ее сильно развитую форму.

— Возможно даже более сильно развитую, чем вы, врач, можете себе представить.— Это было сказано с оттенком холодной ярости.— Думаю, что ее теперешняя форма и ее проявление — смерть от зверя, не являющегося зверем — могли бы заслужить вашего детального изучения.

— Почему? — резко спросил Тау.

— Потому что это убивающая магия и она успешно используется для устрашения важнейших людей нашего мира. Людей, в которых мы очень нуждаемся. Если в направленной против нас темной силе есть слабое место, мы должны узнать это и поскорее.

— Нас пригласили посетить Хатку,— объяснил остальное Джелико.— Там мы в качестве личных гостей главного лесничего Азаки должны будем обследовать новую охотничью область.

Дэйн с трудом подавил вздох огромного изумления. Права на посещение Хатки тщательно охранялись, они были слишком важны для ее собственников, чтобы ими пренебрегать. Все они жили на доходе от годовой ренты, но лесничие, благодаря своему положению, могли приглашать из других миров ученых или людей, занимающих такое же положение, как и они. Но чтобы такая возможность была предоставлена вольным торговцам — это было почти невероятно. Его удивление было легко заметить и это удивление разделял и Тау. Это вызвало улыбку главного лесничего.

— В течение длительного времени капитан Джелико и я обменивались данными по биологии чужих форм жизни. Его искусство их фотографирования, его знания ксенобиолога широко известны и я имею разрешение для него посетить новый заповедник Зобору, который официально еще не открыт. Что касается вас, Тау, то мы нуждаемся в вашей помощи или, по крайней мере, в вашем диагнозе. Таким образом, один эксперт появляется официально, другой не столь официально. И, чтобы запутать наших возможных противников,— он посмотрел на Дэйна,— почему бы не пригласить и этого молодого человека?

Глаза Дэйна обратились на капитана. Джелико всегда был справедливым и его команда принималась за дело по одному его слову, даже если они стояли под дождем торкнанских дротиков и был приказ наступать. Но с другой стороны, Дэйн никогда не искал покровительства. Самое большее, на что он надеялся,— это возможность выполнять свои обязанности без недружелюбных комментариев по поводу их ведения. Он не имел оснований надеяться, что Джелико захочет согласиться на это предложение.

— Торсон, у вас приближается двухнедельный отпуск. Если вы хотите провести его на Хатке... — Джелико усмехнулся.— Думаю, что вы хотите. Когда мы должны быть на корабле, сэр? — обратился он к Азаки.

— Вы говорили, что должны дожждаться возвращения остальных членов экипажа. Поэтому, скажем, завтра во второй половине дня.— Главный лесничий встал и опустил на пол Синдбада, хотя кот выражал протест отрывистым мяуканьем.— Милый лев,— высокий хатканец говорил с котом, как с равным,— твои джунгли здесь, а мои находятся в другом месте. Но если ты когда-нибудь устанешь от путешествий по звездам, для тебя всегда найдется место в моем доме.

Когда главный лесничий закрыл за собой дверь, Синдбад не попытался следовать за ним, но издал короткий крик протеста и печали.

— Итак, он хочет получить помощь в борьбе с неприятностями,— сказал Тау.— Отлично, я попытаюсь изгнать этих духов. Из-за этого стоит посетить Хатку!

Дэйн вспомнил о раскаленном мареве космопорта на Эхо, о море, в котором нельзя купаться, и сравнил это с зеленым охотничьим раем на соседней планете этой системы.

— Да, сэр! — повторил он в унисон с Тау и взял наугад порцию из кухонной машины.

— Не слишком веселитесь! — предостерег его Тау.— Я скажу, что жаркое, которое оказалось слишком горячим для этого лесничего, может и нам обжечь пальцы и причем очень скоро. Когда мы приземлимся на Хатке, надо быть очень осторожными, внимательно смотреть по сторонам и готовиться к самому худшему.

Глава 2

Свет играл на гребнях гор, поднимавшихся над ними. Внизу было русло реки, которая казалась отсюда только серебряной нитью. Под их ногами была платформа из каменных глыб, сделанная руками человека и возвышающаяся над горой и джунглями. Она была построена, чтобы удерживать дворец из вздымающихся желто-белых стен и криволинейных чаш

«уполов, дворец, который был наполовину крепостью, наполовину передовым постом.

Дэйн положил руки на парапет. В сиянии фиолетового огня, расщепляющего небо, речной обрыв мерцал и потрескивал. Все это происходило настолько далеко от песчаных островов Эхо, что человек не мог вообразить себе этого.

— Дух демона готовится к битве,— кивнул Азаки в направлении, отдаленного потрескивания.

— Предполагаете, что они точат свои клыки? — засмеялся капитан Джелико.— Меня не беспокоит встреча с духом, который хвастается, точа зубы.

— Не беспокоит? — переспросил Азаки.— Но подумайте о следопытах, которые, выследив это, находят смерть. Отыскивание кладбища грасов сделало бы любого человека таким богатым, каким ему и не снилось.

— Насколько правдива эта легенда? — спросил Тау.

— Кто может сказать? — пожал плечами главный лесничий.— Здесь многое правдиво. Я провожу свою жизнь в лесах с тех пор, как начал ходить. Слушал разговоры следопытов, охотников, лесничих при дворе моего отца и в полевых лагерях с тех пор, как начал понимать слова. С того времени еще ни один человек не сообщил о находке трупа граса, который бы умер естественной смертью. Стервятники могут отвечать за отсутствие мяса, но ведь клыки и кости можно было бы увидеть через многие годы. Я своими глазами видел, как умирающего граса поддерживали двое других и они увели его по направлению к большим болотам. Возможно, это только потому, что умирающее животное в своей смертный час стремится к воде, и, может быть, в сердце этой трясины лежит кладбище грасов. Но ни один человек не нашел останков граса, умершего естественной смертью, и ни один не вернулся после исследования больших болот...

Внизу было буйное переплетение джунглей, освещенное отраженным от горных пиков светом, а сверху были совершенно голые скалы. И между ними этот форт, удерживаемый людьми, посягнувшими и на высоты, и на глубины. Дикая и необузданная жизнь Хатки окружала инопланетян с тех пор, как они сюда прибыли. В Хатке было что-то неприрученное — буйная планета привлекала и в то же время отталкивала.

— Далеко ли отсюда до Зобору?

В ответ на вопрос капитана главный лесничий указал куда-то на север.

— Около ста лиг. Это первый заповедник, который мы подготовили за последние десять лет, и хотим сделать его наилучшим для охотников с Д-образным кольцом. Вот почему там теперь работают приручающие команды.

— Приручающие команды? — удивленно переспросил Дэйн.

Главный лесничий охотник начал рассказывать об этом проекте.

— Зобору — заповедник не для убийства. Животные узнают это через некоторое время, но мы не можем ждать несколько лет. Поэтому мы приручаем животных, подкармливая их.— Он засмеялся, вспомнив, очевидно, какой-то случай.— Иногда, видим, мы слишком нетерпеливы... Большинство наших посетителей, желающих получить Д-образное кольцо, хотят сделать снимки грасов, амплетов, скальных обезьян, львов...

— Львов? — удивился Дэйн.

— Не земных львов, нет. Но мой народ нашел после приземления на Хатке несколько животных, которые напоминали им тех, которых они знали на

Земле. Поэтому и дали те же названия. Хатканский лев покрыт шерстью, он охотник и хороший боец, но он из семейства кошачьих. Тем не менее его требуют как актера, поэтому в Д-образном кольце мы выманиваем скрывающихся львов, снабжая их свежим мясом. Лев прыгает на движущееся за флиттером аппетитно пахнущее мясо, веревка отрывается и лев получает обед. Львы не глупы. Через некоторое время они начинают связывать звук рассекающего воздух флиттера с пищей. Поэтому они приходят на банкет и люди на флиттерах могут сделать снимки на Д-образные кольца без затруднений. Однако при такой дрессировке нужно быть аккуратным. Один лесной сторож в заповеднике Комог стал слишком предприимчивым. Сначала он просто доставлял мясо для львов. Затем, чтобы увидеть, сможет ли он заставить львов полностью забыть о присутствии людей, стал оставлять мясо во флиттере, поощряя львов за прыжки туда за обедом. Хотя сторож был в безопасности, все это срабатывало слишком уж хорошо. Примерно через месяц один клиент и сопровождающий его охотник следовали во флиттере через Комог. В одном месте они зависли невысоко над поверхностью: чтобы получить хороший снимок ледяной крысы, всплывающей из реки. Неожиданно позади них раздалось рычание и они обнаружили, что делят флиттер со львицей, раздраженной присутствием людей и отсутствием на борту мяса. К счастью, у них были спасо-пояса, но они были вынуждены посадить флиттер и убраться, ожидая, пока львица не уйдет. Она же в возбуждении серьезно попортила машину. Поэтому теперь наши сторожа ничего не вытворяют при приручении. Завтра... нет,— поправился Азаки,— послезавтра я смогу показать вам, как происходит эта процедура.

— А завтра? — спросил капитан.

— Завтра мои люди будут заниматься охотничьей магией.— Голос Азаки ничего не выражал.

— Будет ли присутствовать там ваш главный лекарь-колдун? — спросил Тау.

— Ламбрило? Да.

Казалось, главный лесничий не был склонен что-либо добавить, но Тау настаивал на своем.

— Его должность наследственная?

— Да. Но какое это имеет значение? — впервые в голосе Азаки появился оттенок подавляемого нетерпения.

— Возможно, огромное значение,— ответил Тау.— Наследственная должность может иметь два вида условий. Одно касается воздействия и влияния на ее носителя, другое воздействие на общественность. Ваш Ламбрило может глубоко верить в свои силы и быть очень влиятельным человеком, если он таков. Почти наверняка ваши люди безоговорочно принимают его за создателя чудес?

— Да, принимают.— Голос Азаки снова был безжизненным.

— И Ламбрило не делает чего-то, что вы считаете необходимым?

— Да, врач, это так, Ламбрило не занимает соответствующего места в схеме этого мира.

— Является ли он членом одной из ваших пяти семей?

— Нет, его клан маленький и всегда державшийся в отдалении. С самого начала здесь те, кто говорил с богами и демонами, людьми не командовали.

— Отделение церкви от государства,— задумчиво прокомментировал

Тау.— В нашем земном прошлом все же были времена, когда церковь и государство составляли одно целое. Хочет ли этого Ламбрило?

Азаки поднял глаза к вершинам гор на севере, где ждала его любимая работа.

— Я не знаю, чего хочет Ламбрило, не будем строить предположений на этот счет. Вот что я вам скажу! Охотничья магия является частью нашей жизни и она в своей сути имеет некоторые из тех необъяснимых явлений, существование которых вы признаете. Я использую силы, которые не могу ни объяснить, ни понять, как часть своей работы. И в джунглях, и в степи инопланетянин, если он не вооружен охранять свою жизнь спасо-полем. Но я и некоторые из моих людей можем ходить невооруженным, хотя мы подчиняемся правилам охотничьей магии. Но только Ламбрило делает такие вещи, которые не делали его предки. И он хвастается, что может делать еще больше. Поэтому у него растет число последователей из тех, кто верит, и из тех, кто боится.

— Вы не хотите, чтобы мы с ним встретились?

Большие руки главного лесничего ухватились за край парапета, как будто они имели силу, способную сокрушить твердый камень.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели, имеются ли во всем этом фокусы. Против фокусов я могу бороться, для этого имеются соответствующие средства. Но если Ламбрило действительно контролирует силы, для которых нет названия, то, вероятно, мы должны заключить нелегкий мир или оказаться побежденными. А я, инопланетянин, происхожу из рода воинов — мы нелегко переносим горечь поражения.

— Этому я верю, — спокойно ответил Тау. — Будьте уверены, сэр, если в магии этого человека имеются трюки и я смогу их разгадать, секрет будет ваш.

— Будем надеяться, что так и будет.

Подсознательно Дэйн всегда связывал занятие магией с темнотой и ночью, но когда на следующее утро он стал членом группы, опустившийся на вторую террасу, огражденную стеной, солнце было высоко и сильно грело. На террасе нестройными рядами собрались охотники, следопыты, сторожа, а также другие помощники главного лесничего. Слышался низкий звук, который больше походил на биение воздуха вокруг них. Звук входил в человеческую кровь, подчиняя ее своему ритму. Дэйн проследил звук до его источника — четыре больших барабана, стоявших на уровне груди перед людьми, которые осторожно стучали по ним кончиками всех десяти пальцев. Ожерелья из зубов и когтей вокруг их темных шей, юбочки из полосатых шкур, пересекающиеся ремни из яркого пятнистого или полосатого меха не соответствовали очень эффективному и современному оружию, а также остальным приспособлениям, укрепленным на ремнях.

Для главного лесничего стояло закругленное кресло, для капитана Джелико — другое. Дэйн и Тау уселись на менее комфортабельные сидения на ступеньках террасы. Пальцы людей, стучавших в барабаны, увеличили скорость и звук поднялся до жужжания пчел, до бормотания грома в горах, правда, еще отдаленного. Какая-то птица закричала в одном из внутренних дворилов дворца, где не разрешалось бывать женщинам. Та-та-та... слышалось в звуке барабанов. Головы сидящих на корточках людей медленно раскачивались из стороны в сторону. Тау сомкнул руку на запястье Дэйна. Тот

взглянул на врача и был поражен, увидев его горящие глаза. Тау следил за сборищем с бдительностью Синдбада, приближающегося к добыче.

— Рассчитайте пространство для складирования в отсеке номер один.

Эта отданная шепотом удивительная команда заставила Дэйна подчиниться. Отсек номер один... Там было три отделения... Теперь пространство для складирования было... Тут ему стало ясно, что на какое-то время он избежал сети, сотканной барабанной дробью, жужжанием голосов и движениями голов. Он облизнул губы — так вот как это работает... Он слышал, как Тау достаточно часто говорил о самогипнозе при таких условиях, но впервые ему стал ясен смысл этого.

Неизвестно откуда появились два человека. На них не было ничего, кроме очень коротких юбочек из хвостиков, черных хвостиков с пушистыми белыми кончиками, которые раскачивались при движении. Их головы и плечи были скрыты великолепно забальзамированными головами животных. В полураскрытых пастьях виднелись двойные ряды кривых клыков. Черно-белая полосатая шерсть и заостренные уши были не волчьими, не кошачьими, а жуткой комбинацией тех и других. Дэйн пробормотал про себя торговые формулы и попытался думать о соотношении самантийской денежной системы с галактическими кредитами. Только на этот раз защита не сработала. Между двумя шаркающими танцорами что-то брело на четырех ногах.

Волко-кошачье существо было более чем простой головой. Это было грациозное тело со свободно двигающимися конечностями целых восьми футов в длину, а на голове с иглообразными ушами горели красные глаза самоуверенного убийцы. Оно шло без принуждения, лениво и с высокомерием. Его хвост с белой кисточкой раскачивался в такт движению. Достигнув середины террасы, оно, как бы отвечая на вызов, вскинуло голову и заговорило, но слова, вылетающие из этих кривых челюстей, Дэйн не мог понять, хотя эти слова, вне сомнений, имели смысл для людей, раскачивающихся в такт гипнотическому ритму.

— Великолепно! — воскликнул Тау с искренним восхищением, причем его глаза были почти такими же, как и глаза говорящего зверя. Он наклонился вперед, обхватив руками колени.

Теперь животное тоже танцевало и его лапы следовали темпу замаскированных провожатых. Это, должно быть, был человек в звериной шкуре. Но Дэйн с трудом мог поверить этому, иллюзия была слишком реальной. Его руки скользнули к ножу за поясом. Из-за уважения к местным обычаям они не взяли парализующие пистолеты, но нож на ремне был тут необходимым предметом одежды. Дэйн незаметно вытащил лезвие и, поместив его против ладони, болезненно укололся. Это был еще один способ Тау для разрушения чар. Но бело-черное существо продолжало танцевать. Оно пело высоким голосом, и Дэйн заметил, что присутствующие вблизи кресел, в которых сидели Азаки и капитан, теперь следили за глазами главного лесничего и космонавта. Он почувствовал, как напрягся возле него Тау.

— Приближается опасность, — еле слышно предупредил Тау.

Дэйн заставил себя смотреть в сторону от качающейся кошки-собаки, следя за лицами, украдкой бросавшими взгляд на Азаки и его гостей. Землянин знал, что между лесничим и его людьми существует вассальная зависимость. Но предположим, что между Ламбрило и Азаки начнется открытая вражда — чью сторону примут эти люди? Он увидел, как рука капитана Дже-

лико скользнула вдоль колена и его пальцы очутились в таком положении, которое позволяло быстро схватить нож... А рука главного лесничего, до этого вяло висевшая вдоль тела, неожиданно сжалась в кулак.

— Так! — Тау произнес это слово так, что оно прозвучало как свист. Теперь он двигался быстро и уверенно. Пройдя между креслами, он встал прямо напротив танцующей кошки-собаки. Однако он не смотрел на это жуткое существо и его сопровождающих. Вместо этого его руки высоко поднялись к небу так, как будто там было что приветствовать или отразить, и он закричал:

— Годи! Годи! Элдама! Годи!

На террасе все как один повернулись, глядя вверх на Тау. Дэйн вскочил на ноги, держа нож, как шпагу, как будто его лезвие могло помочь защититься от той огромной массы, которая двигалась в медленном великолепии к ним. Но он об этом не думал. Серо-черный хобот поднимался кверху между огромными бивнями, уши свисали, в то время как тяжелые ноги крушили вулканическую почву. Тау двинулся вперед, явно приветствуя исполинское животное. Хобот слона поднялся к небу, будто салютуя человеку, которого он мог бы сокрушить одной ногой.

— Годи, элдама! — во второй раз обратился Тау к огромному слону.

И снова хобот слона поднялся в молчаливом приветствии одного хозяина земли другому, которого он осознавал как равного. Возможно, прошли тысячи лет с тех пор, как впервые стали вот так человек и слон, и тогда между ними была схватка насмерть. Но теперь мир и ощущение силы, текущего от одного к другому, было единственным. Дэйн чувствовал это и видел, что люди на террасе тоже отступают перед невидимой связью между врачом и слоном, которого он столь явно вызвал.

Затем поднятые руки Тау соединились с резким хлопком и люди от удивления затаили дыхание. Там, где был огромный слон, не было ничего, кроме скал, освещенных солнцем. Когда Тау повернулся, чтобы посмотреть на кошку-собаку, этого существа тоже больше не существовало. Оно теперь было не животным, а человеком — маленьким, скачущим человеком, изо рта которого вырывалось рычание. Его сопровождающие отскочили, оставив космонавта и колдуна наедине друг с другом.

— Магия Ламбрило велика, — спокойно сказал Тау. — Я приветствую Ламбрило с Хатки, — и его рука с открытой ладонью воспроизвела приветствие мира.

Рычание колдуна смолкло, как у человека, взявшего свои чувства под контроль. Он стоял голый, но в нем чувствовалось внутреннее достоинство, в котором были сила и гордость, перед которыми даже главный лесничий, физически куда более впечатляющий, стушевался.

— Ты, чужеземец, тоже владеешь магией? — спросил колдун. — Где гуляет эта твоя длиннозубая тень?

— Там, где когда-то жили люди Хатки, Ламбрило! Там, где люди твоей крови очень-очень давно охотились на тех, чья тень была создана мною, и делали их своей добычей.

— Так что она может? Предъявить нам долг крови, чужестранец?

— Так говоришь ты, а не я. Ты показал нам одного чудовище, я показал другое. Кто может сказать, которое из них сильнее, когда спор идет о тенях?

Бесшумно ступая голыми ногами по террасе, Ламбрило продвинулся вперед. Теперь он был от врача на расстоянии вытянутой руки.

— Ты вызвал меня на состязание,— сказал колдун.

Дэйн удивился, так как было непонятно, вопрос это или утверждение.

— Почему я должен тебя вызывать, Ламбрило? У каждой расы своя магия и я пришел не для сражения.— И глаза Тау встретились с глазами хатканца.

— Ты вызвал меня.— Ламбрило повернулся, но затем посмотрел назад через плечо.— Сила, которой ты владеешь, может стать сломанной палкой, чужестранец. Вспомни мои слова, когда тени станут вещественными, а вещество — похожим на одну из теней!

Глава 3

— Вы действительно сильный человек?

Отвечая на эти слова Азаки, Тау покачал головой.

— Не в такой степени, сэр. Ваш Ламбрило сильный колдун, хотя я и остановил его. И вы видели результаты.

— Не отрицаю. То, что мы видели, не ходило по этому миру.

Тау подтянул лямку заплечного вещмешка на плече.

— Сэр, когда-то люди вашей расы, от которых произошли вы, охотились на слонов, брали их бивни для своих сокровищ, ели его мясо, но они также погибали под ударами его ног, когда им не везло или когда они были неосторожны. Это внутри вас и память об этом может снова проснуться. И тогда вы видите его, когда он был вожаком стада и не боялся ничего, кроме копий и хитрости маленьких слабых людей. Ламбрило просто пробуждает ваши умы и вы видите то, что он хочет, чтобы вы видели.

— Как он это делает? — резко спросил Азаки.— То, из-за чего мы видим не Ламбрило, а льва,— это магия?

— Он сопровождает свои заклинания звуками барабанов, танцами и, как я предполагаю, таким образом его разум навязывает нам свою волю. Но создав у вас нужную ему иллюзию, он не может удержать ее, если из древней родовой памяти поднимается другая иллюзия. Я просто использовал методы Ламбрило, чтобы показать вам картину того, что когда-то хорошо знали ваши предки.

— И сделав так, вы нажили себе врага,— сказал Азаки, стоя перед полкой с очень современным оружием. Наконец он сделал свой выбор и взял серебряную трубку со стволом, закругляющимся к плечу, чем обеспечивалось плотное прилегание.— Ламбрило этого не забудет.

— Да,— Тау коротко усмехнулся,— но я просто сделал то, что вы желали, разве не так, сэр? Я сфокусировал на себе его враждебность, враждебность опасного человека, и теперь вы надеетесь, что я буду вынужден в целях самозащиты убрать его с вашей дороги.

Хатканец медленно повернулся, держа оружие поперек плеча.

— Я не отрицаю этого, космонавт.

— Тогда дело здесь на самом деле серьезное...

— Оно настолько серьезно,— прервал его Азаки, обращаясь не только к Тау, но и к другим инопланетникам,— что то, что происходит сейчас, может

означать конец той Хатки, которую я знаю. Ламбрило является наиболее опасной фигурой из всех тех, с которыми я сталкивался здесь в своей охотничьей жизни. Или мы вырвем его клыки, или все, над чем я здесь трудился, будет смято. Чтобы предотвратить это, я готов воспользоваться любым оружием.

— И теперь я — ваше оружие, и вы надеетесь, что я буду столь же полезен, как и игольчатое ружье, которое вы держите.— Тау снова засмеялся, но смех его был невеселым.— Будем надеяться, что я докажу свою эффективность.

Джелико выдвинулся из тени. Весь этот разговор происходил сразу после рассвета и сумрак исчезающей ночи все еще держался в углах арсенала. Он направился прямо к оружейным полкам и выбрал для себя короткоствольный бластер. Только когда его приклад оказался зажат в его руке, капитан посмотрел на Азаки.

— Мы приехали погостить, Азаки. Мы ели хлеб и соль под этой крышей.

— Они из моего тела и из моей крови,— мрачно ответил хатканец.— Если понадобится, я спущусь в темноту Сабры перед вами, если силы смерти против вас. Я буду впереди между вами и тьмой, капитан. Но также помните — то, что я теперь делаю, для меня важнее жизни любого человека. Ламбрило и стоящие за ним должны быть уничтожены. И в моем приглашении не было обмана.

Они стояли лицом к лицу, равные по росту, по авторитету своих личностей и по тому неопределенному, что делало их обоих хозяевами в своих столь различных мирах. Затем рука Джелико опустилась и кончик его пальца скользнул по рукоятке ножа.

— Обмана не было,— уступил он.— Я знал, что необходимость в нас велика, когда вы пришли на «Королеву».

Так как капитан и Тау нашли, казалось, ситуацию приемлемой, Дэйн приготовился следовать за ними, хотя ее совершенно не понимал. И с этой минуты для них не оставалось выбора, кроме посещения Зобору.

Азаки, один из его охотников-пилотов и трое с «Королевы» прошли к флиттеру и, поднявшись на нем над краем гор, находившимся за укрепленным двориком, помчались на север. На востоке поднималось солнце, подобно пылающему шару. Внизу была голая местность — скалы, вершины и розовые тени, укрывающие расщелины. Но все это быстро оказалось позади и они очутились над морем зелени, в которой можно было различить множество оттенков зеленого с желтым, синим и даже красные цветом, врезавшимся в общий зеленый ковер вершин деревьев. Другая цепь возвышенностей и за ней открытая земля, болотистые низины с высокой травой, уже выжженной до желтизны палящим солнцем... Тут была река — буйный, извивающийся поток, временами поворачивающий почти в обратную сторону. Попадалось много разломов земли, созданных доисторическими вулканическими силами. Азаки указал на восток на черную заплату, расширявшуюся в обширный клин.

— Болото Мигра. Оно еще не исследовано.

— Вы же можете скартографировать его с воздуха... — начал Тау.

Главный лесничий нахмурился.

— При такой попытке было потеряно четыре флиттера. Пересекают гребень этой последней горы на востоке и сообщения перестают приходить. Тут какой-то вид воздействия, которого мы еще не понимаем. Мигра явля-

ется местом смерти. Позднее мы сможем путешествовать вдоль ее края и тогда вы сами увидите. А теперь...

Он заговорил с пилотом флиттера на своем языке и тот направил машину вверх под таким углом, как будто они хотели подняться на самую высочайшую вершину, которую они видели в этой горной стране. И наконец перед ними появилась обширная травянистая местность с пятнами небольших лесных массивов.

— Зобору? — одобрительно кивнул Джелико.

— Зобору, — подтвердил Азаки. — Мы движемся к северному концу заповедника, я хочу показать вам гнездо фасталов. Сейчас у них сезон высиживания, и это зрелище, которое надолго запоминается. Но сначала мы отправимся на восток — я должен попутно проверить два лесничества.

После посещения второго лесничества флиттер полетел еще дальше на восток, снова поднимаясь над цепью возвышенностей. Решено было осмотреть одно из вновь открытых чудес — кратерное озеро, о котором сообщили работники второго лесничества. Подлетев к озеру, флиттер спланировал вниз поперек зеркала воды, у которой был глубокий изумрудный оттенок. Вода заполняла кратер от одной скалистой стены до другой, не оставляя места для пляжа у подножья отвесных утесов. Когда машина начала подниматься, чтобы они смогли яснее осмотреть противоположную стену, Дэйн насторожился.

Одной из его обязанностей на «Королеве» было пилотирование флиттера при путешествиях на планетах и, хотя этим утром они были пассажирами и летели с хатканским пилотом, он все же подсознательно следил за каждым изменением в управлении. И теперь он почувствовал, что медленная реакция флиттера на сигнал к подъему требует корректив со стороны пилота и инстинктивно протянул руку для регулирования рычага мощности. Они поднялись немного выше опасной скалистой стены, но машина реагировала неважно. Дэйну не надо было следить за быстро двигающимися руками пилота, чтобы понять, что они в опасности. И его легкое беспокойство перешло в нечто другое, когда нос машины снова наклонился вниз. Капитан Джелико беспокойно пошевелился, и Дэйн понял, что тот тоже встревожен.

Пилот перевел регулятор мощности на приборной доске в верхнее положение, но флиттер на это не реагировал. Он продолжал снижаться, как будто нос флиттера был перегружен или притягивался, словно магнитом, скалами внизу. Отчаянные попытки пилота приостановить падение не давали результата. Они приближались к земле и все, что пилот мог сделать, это на время оттянуть неизбежный удар. Хатканец, чтобы избежать падения на скалы, лежащие внизу, повернул машину к северу. Здесь подножие горы охватывал длинный рукав Мигры. В то время, как пилот продолжал бороться с силой, тащившей их вниз, главный лесничий говорил что-то в микрофон передатчика. Маленькая машина теперь была уже ниже края вулканической вершины, являвшейся вместилищем озера, и гора лежала между ними и заповедником. Азаки издал приглушенное восклицание, стукнул рукой по передатчику и заговорил в микрофон более резким тоном, но он, очевидно, не добился желаемого ответа, так как быстро огляделся и рывкнул приказ:

— Пристегнитесь!

Все застегнули широкие плетеные ремни, предназначенные для смягчения удара при падении. Дэйн увидел, как пилот нажал кнопку, освобождающую амортизирующие подушки. Несмотря на громко бьющееся сердце, он частью

своего сознания отметил искусство хатканца, удерживающего флиттер на курсе, приводившем их на относительно ровный участок из песка и гравия. Дэйн поднял голову из-под сложенных рук и огляделся. Главный лесничий хлопотал над пилотом, лежавшим без сознания на приборной доске. Капитан Джелико и Тау уже поднялись и возились с пряжками своих защитных ремней. Но один взгляд на переднюю часть флиттера сказал Дэйну, что машина не способна подняться в воздух без серьезного ремонта. Ее нос был задран вверх и назад, полностью закрывая обзор спереди. Однако пилот совершил удивительно отличную посадку для данной местности. Через десять минут, когда пилот пришел в себя, они провели военный совет, предварительно перевязав рану на голове пилота.

— Связи не было и я никому не смог сообщить о случившемся.— Азаки без прикрас обрисовал создавшееся положение.— Наши исследовательские партии еще не написали на карту эту часть лесничества, так как из-за болот она имеет плохую репутацию.

Джелико, смирившись с положением, смерил взглядом горы на западе.

— Посмотрим, как нам перебраться...

— Не здесь,— поправил его главный лесничий.— Тут в районе кратерного озера нет прохода. Мы должны пройти к югу вдоль края горной области, пока не найдем подходящую дорогу в район заповедника.

— Вы, кажется, убеждены в том, что мы погибнем, если останемся здесь,— констатировал Тау.— Почему?

— Потому, что я начинаю верить, что любой флиттер, который попытается добраться до нас, может попасть в такую же аварию. К тому же они не имеют пеленга. Пройдет по меньшей мере день или два, прежде чем нас начнут считать пропавшими. А затем нужно будет организовать прочесывание всей северной части заповедника, а людей для этого недостаточно. Я могу привести вам, врач, еще множество доводов.

— Одним из которых может быть диверсия? — спросил Джелико.

— Возможно,— пожал плечами Азаки,— меня не любят в некоторых лесничествах, но в этом месте может быть что-то фатальное для флиттеров, как и над Мигрой. Мы считали, что район кратерного озера свободен от влияния болота, но, может быть, это и не так.

«Но вы, в отличие от нас, не против путешествия по этому району, это ясно»,— подумал Дэйн, не сказав этого вслух.

Было ли это еще одной попыткой втянуть их в личные неприятности главного лесничего? Хотя оставить всех без транспорта в этой дикой местности и вывести из строя флиттер — слишком решительный шаг для главного лесничего.

Азаки начал сгружать с флиттера аварийные запасы и их вещевые мешки. Однако когда пилот, пошатываясь, вытащил спасо-пояса, а Джелико начал распутывать их, главный лесничий с сомнением покачал головой.

— Без энергетического луча, который отрезан горами, боюсь, это не будет работать.

Джелико набросил один из поясов на искореженный нос флиттера и нажал на его кнопку острием игольчатого ружья. Затем он бросил в свисающий пояс камень. Сбив с пояса широкую защитную ленту, камень вместе с ней упал на землю. Защитное поле, которое должно было отбросить камень, не сработало.

— О, прекрасно! — воскликнул Тау и открыл свой вещевой мешок, чтобы упаковать концентраты, после чего криво усмехнулся. — Мы не получили лицензии на право охоты в заповеднике, сэр. Заплатите ли вы наши штрафы, если мы будем вынуждены сделать отверстие в каком-нибудь животном, которое будет оспаривать наше право на жизнь?

К удивлению Дэйна главный лесничий рассмеялся.

— Мы теперь вне заповедника, врач Тау, и можно предположить, что мы уже сегодня до наступления темноты поохотимся в пещерах.

— Львы? — спросил Джелико.

Вспомнив черно-белую бестию, показанную им Ламбрило, Дэйн не обрадовался такой возможности. Они имели — его взгляд проверил оружие, переходя от человека к человеку — игольчатое ружье Азаки, другое такое же на плече у пилота, капитан и Тау были вооружены бластерами, а у него самого были лучевое ружье и силовое лезвие. Эти последние считались легким оружием, но были достаточно мощными для того, чтобы даже у львов притупить охотничий энтузиазм.

— Львы, грасы, скальные обезьяны, — перечислял Азаки, закрепляя клапан своего вещмешка, — все они охотники или убийцы. Грасы достаточно велики и значительны, чтобы не иметь врагов, и достаточно умны, так как высылают разведчиков. Львы охотятся с большим искусством... Скальные обезьяны опасны, но, к счастью, не могут соблюдать тишину, когда чуют добычу, и этим предупреждают об опасности.

Через некоторое время, когда они уже поднимались по склону, Дэйн оглянулся назад на оставшийся внизу флиттер и понял, что, вероятно, Азаки был прав, решив, что им лучше попытаться выбраться отсюда самим, чем ждать помощи.

— Даже оставляя в стороне возможность новой неприятности, когда мы снова направимся на запад, — Джелико опустил бинокль и он свободно закачался на шнурке, висевшем у него на шее, — если мы не случайно потерпели аварию, — его рот сжался так, что старый шрам от бластера на его коже натянулся и стал ясно виден до самой челюсти, — то кое-кому придется ответить на множество вопросов и очень скоро!

— Главному лесничему, сэр?

— Не знаю. Я еще не знаю! — проворчал капитан и, поправив вещмешок, пошел вперед.

Если раньше им удача изменяла, то теперь она им улыбалась. Азаки перед заходом солнца обнаружил пещеру, расположенную вблизи горного потока. Лесничий понюхал воздух перед этим темным отверстием, а его спутник, сбросив снаряжение, на корточках пополз вперед. Его голова была поднята, и он, раздувая ноздри, тоже изучал запахи из пещеры.

Запахи? Это были скорее зловония и достаточно густые, чтобы вывернуть наизнанку желудок любому инопланетнику. Но охотник поглядел через плечо и успокаивающе кивнул.

— Лев. Не старый. Его здесь нет, по крайней мере, пять дней.

— Неплохо. Даже старый запах льва будет удерживать на расстоянии скальных обезьян. Мы тут немного почистим и тогда сможем отдохнуть в безопасности. — Таков был комментарий его начальника.

Очистка не составила трудов. Хрупкая подстилка из сухого папоротника и травы быстро сгорела, огнем и дымом освободив пещеру. Когда они вы-

гребли ветками золу, Азаки и Нумани принесли охапки листьев, размяли их и разбросали по полу. От листьев распространился ароматный запах, заглушающий большую часть вони. Дэйн направился к ручью, чтобы заполнить канистры, и по дороге наткнулся на маленький прудик, дно которого было покрыто слоем гладкого желтого песка. Хорошо зная об опасных ловушках, в которые можно попасть в чужом мире, он тщательно обследовал прудик, взболтав его палкой. Не видя ни водяных насекомых, ни опасных рыб, он снял ботинки, закатил бриджи и перешел его вброд. Вода была прохладной и освежающей, хотя он и не отважился бы пить ее без добавки дезинфекторов. Затем, наполнив канистры и связав их ремнями, Дэйн надел ботинки и направился к пещере, где его ждал Тау с дезинфицирующими таблетками.

Через полчаса Дэйн, скрестив ноги, сидел у огня, поворачивал над ним шампур с тремя небольшими птичками, принесенными Азаки. Ближайшую к огню ногу начало жечь и он снял ботинок. Пальцы на ноге, сведенные судорогой, опухли и раздулись чуть ли не вдвое. От неожиданности он широко раскрытыми глазами уставился на эти пальцы — раздувшиеся, красные и болящие при прикосновении. Нумани присел перед ним на корточки, внимательно осмотрел его ногу и приказал снять другой ботинок.

— Что это? — спросил Дэйн, обнаруживая, что снятие второго ботинка очень похоже на пытку.

Нумани срезал с палки небольшие лучинки, не толще иглы.

— Песчаный червь... Откладывает яйца в тело. Надо выжечь их или вашей ноге будет плохо.

— Выжечь их! — повторил Дэйн и проглотил слюну, наблюдая за тем, как Нумани сует лучинки в огонь.

— Выжечь их, — твердо повторил хатканец, — выжечь вечером. Как можно скорее. Не выжечь — очень плохо.

Полный сожаления, угрюмо глядя на свои большие ноги, Дэйн приготовился оплатить последствия первой стычки с неприятными сюрпризами, приготовленными для них Хаткой. Действия Нумани с горящими лучинками было трудно вынести, но он выдержал их, не опозорив свой народ перед хатканцами. Последние принесли мазь, облегчающую дальнейшие страдания, и землянин получил время подумать о собственной глупости и о том, что он теперь может быть тормозом для отряда.

— Страшно...

Дэйн оторвался от созерцания собственного несчастья и увидел, что врач стоит на коленях перед рядом канистр. В руках он держал пузырек с дезинфектором воды, повернув его к огню таким образом, чтобы лучше рассмотреть содержимое.

— В чем дело?

— Мы, должно быть, очень сильно грохнулись. Некоторые из таблеток превратились в порошок! Приходится думать о порции, которую нужно добавлять. — Кончиком ножа Тау выскреб небольшое количество кусочков таблеток для каждой из канистр... — Вроде бы так. Но если вода будет иметь горьковатый привкус, пусть вас это не беспокоит.

«Горькая вода, — подумал Дэйн, пытаясь согнуть свои распухшие пальцы, — это, вероятно, наименьшая из неприятностей сегодняшнего дня, но завтра на рассвете, — решил Дэйн, — я пойду, чего бы это ни стоило».

Утром вскоре после рассвета они отправились в путь, желая пройти как

можно дальше до наступления жаркого времени дня, когда придется отдыхать. Дорога была трудной, но, хотя ноги Дэйна еще были чувствительны к прикосновениям, он все же мог ковылять в хвосте процессии, а Нумани позади него играл роль замыкающего. Вскоре начались джунгли, и они взялись за ножи, расчищая себе дорогу. Дэйн работал наравне с остальными и был доволен тем, что скорость их продвижения в этой зеленой массе замедлилась до такой степени, что он мог выдержать этот темп.

Но песчаные черви были не единственной неприятностью, которую можно было ожидать от Хатки. Через час капитан Джелико стоял, обливаясь потом, и ругался на туземных языках пяти различных планет, пока Тау и Нумани слаженно работали над ним ножами. Но они не свежевали космонавта, а подойдя к нему с равных сторон вытаскивали из него древесные шипы. Капитану не повезло — он опустился и при падении попал в не очень дружелюбные объятия куста. Прежде чем сесть на упавшее дерево, Дэйн обследовал его, ища признаки мелкой дикой жизни, потом положил на него одеяло в качестве подстилки. Эти деревья не были вздымающимися гигантами настоящих лесов, а скорее переросшими кустами, которые, будучи переплетены лианами, образовывали живые стены. Бриллиантовые вспышки цветов казались яркими пятнами и сопутствующие им насекомые тоже были в изобилии. Дэйн попытался определить, насколько эффективны прививки, сделанные ему для иммунитета, и решил, что надо надеяться на лучшее. В то же время он удивился тому, почему так много желающих посетить Хатку и платящих астрономические суммы за эту привилегию. Хотя наверняка, сообразил он, роскошные сафари, устраиваемые для богатых клиентов, происходят в совершенно других условиях, чем их собственный поход. Как может лесничий находить дорогу через все это? Да еще при компасе, вытворяющем жуткие трюки. Однако Джелико, зная, что компас вышел из строя, следовал за Азаки без вопросов. Значит, и он должен доверять этому искусству лесничего. Но все же Дэйну хотелось, чтобы они поскорее оказались на открытых горных склонах. Время имело мало значения в этом лесном мраке, но пока они пробивались через джунгли, солнце успело миновать зенит, так что к скалам им удалось выбраться только во второй половине дня. Под свисающими ветвями одного из крайних деревьев они остановились на отдых.

— Поразительно! — Джелико с перевязанной рукой и в повязке поперек груди спустился со скалы, откуда обзирал в бинокль окрестности. — Мы прошли по прямой через джунгли и это на протяжении всех десяти миль нашего маршрута. Я думал, что при отказавших компасах это вряд ли возможно. Но теперь я верю всему, что слышал о способностях ваших людей не терять направления в таких местах, сэр!

— Капитан, — рассмеялся Азаки, — я не ставлю под сомнение вашу способность перелетать от одного мира к другому или ваши знания о торговле с людьми и с негуманоидами. Каждому свое. На Хатке каждый мальчик, прежде чем стать мужчиной, должен научиться ориентироваться в джунглях без помощи всяких инструментов, только по окружающему. — Он потрогал пальцем подбородок. — Наши предки на протяжении многих поколений развивали у себя инстинкт отыскания дома. Те, у которых он отсутствовал, обычно не доживали до того, чтобы стать отцами. И теперь мы, переселенцы, имеем внутри себя нечто лучшее, чем компас. Мы как собаки, которые могут бежать за добычей по следу, не видя ее.

— Теперь мы снова начнем подниматься? — Тау критически осматривал предстоящую дорогу.

— Не сейчас. В это время солнце так накаляет камни, что можно обжечься, прислонившись к скале. Надо подождать...

Ожидание было для хатканцев лишней возможностью поспать. Расположившись на своих легких одеялах, они вскоре заснули. Однако трое космонавтов были беспокойны. Дэйн был бы не прочь снять ботинки, но опасался, что не сможет потом их одеть. Джелико, судя по позе, чувствовал себя тоже не лучшим образом. Тау сидел спокойно и смотрел, как казалось Дэйну, в никуда, если только не на скалу, торчащую из склона как палец, указывающий в небо.

— Какого цвета эта скала? — вдруг спросил он.

Удивленный Дэйн взглянул на каменный палец более внимательно. Для него она была такого же цвета, как и другие скалы — черного. Но при определенном освещении она, казалось, имела какой-то коричневый оттенок.

— Черная, или, может быть, темно-коричневая.

После этого Тау посмотрел на Джелико.

— Я согласен с этим, — крикнул капитан.

Тау сложил руки козырьком над глазами и его губы задвигались, как будто он считал. Затем он убрал руки, и опять уставился на склон.

— Только черная или коричневая? — снова спросил он.

— Да, — ответил Джелико, сидя и держа большую руку на коленях, наклоняясь вперед к упомянутой скале, как будто ожидал нападения чего-то поразительного.

— Странно, — сказал сам себе Тау и затем громко добавил: — Вы, конечно, правы. Видимо, это солнце шутит с моими глазами.

Дэйн продолжал следить за скалой-пальцем. Возможно, сильный солнечный свет может шутить, но он все же не видел ничего странного в этой грубой глыбе. И так как капитан не задавал Тау никаких вопросов, то и он не стал этого делать. Через полчаса врач с капитаном успокоились и, поддавшись действию жары и собственной усталости, задремали. Дэйн продолжал сидеть, бездумно уставившись на скалу-палец. Боль в его ногах усилилась и, кроме этого, ничто не занимало его. Но вдруг он заметил какое-то движение вверх по склону.

Было ли это то же, что раньше увидел Тау? Такое же быстрое движение у каменного столба? Но если это так, то к чему вопрос о цвете? Вот опять! И теперь, сосредоточив все свое внимание на подозрительном месте, землянин выделил очертания головы, настолько гротескной, что она скорее походила на колдовское творение Ламбрило. Если бы Дэйн не видел в книгах капитана Джелико нечто подобное, то он решил бы, что у него с глазами что-то происходит. Эта голова своей формой напоминала пулю, украшенную выступающими шипообразными ушами, верхушка которых с пучками волос сильно выступала вверх. Над впалыми щеками глубоко сидели круглые глаза. Рот напоминал свиное рыло, из которого высывался розовый язык. Окраска этой фантастической головы была очень близка к цвету скалы, на которой она находилась.

Это была, вне сомнений, скальная обезьяна, которая следила за их маленьким лагерем. Дэйн слышал истории об этих полуразумных животных — самых разумных из всех туземных существ Хатки. Во всех историях гово-

рилось об их исключительно агрессивном поведении. Дэйн испугался — эта обезьяна могла быть передовым разведчиком целой стаи, а стая скальных обезьян, если она появляется неожиданно, является тяжелым врагом.

Азаки зашевелился и сел, а эта круглая голова наверху повернулась, следя за каждым движением главного лесничего.

— Выше... у скалы-пальца... — сказал Дэйн почти шепотом.

Мускулы на плечах хатканца напряглись, и Дэйн понял, что Азаки услышал его и понял. Только если Азаки и заметил скальную обезьяну, то ничем не выдал этого. Он легко поднялся на ноги и при этом незаметно дотронулся до Нумани, после чего тренированный хатканец мгновенно проснулся. Дэйн скользнул рукой вдоль ствола дерева и коснулся Джелико, серые глаза которого моментально открылись. Азаки нагнулся за своим игольчатым ружьем, а затем повернулся и выстрелил в одном связанном движении. Это был самый быстрый выстрел из всех, которые когда-либо видел Дэйн. Фантастическая голова, в какой-то степени непристойная в своем сходстве с человеческой, от этого выстрела вскинулась и мертвая обезьяна, безвольно кувыркаясь, упала со скалы.

Хотя скальная обезьяна и не успела крикнуть, сверху раздался крик — кашляющее, горловое сплевывание, и по крутому склону запрыгал круглый белый шар. Докатившись до мертвой обезьяны, он взлетел в воздух и, упав через несколько футов на землю, развалился.

— Назад! — одной рукой Азаки послал Джелико, своего ближайшего соседа обратно в джунгли, а затем полил остатки шара потоком игольчатых лучей.

Послышался резкий мелодичный звук и красные пылинки, яркие, как литая медь, поднялись в воздух на крыльях, машущих слишком быстро, чтобы быть видимыми. Это были огненные осы. Соломки гнезда сгорели без остатка, но низкий игольчатый луч не мог остановить вышедшую из гнезда ядовитую армию, жаждущую добраться до любого теплокровного существа поблизости. Люди, натирая влажной землей свои тела, забились в кусты, стараясь спрятаться в густой растительности. Как будто горячий огонь, куда худший, чем при пытке лучинками, перенесенной Дэйном прошлой ночью, вонзился в его плечи. Он перекатился на спину, извиваясь всем телом, чтобы убить огненных ос и охладить землей ужаленные места. Крики боли сообщили ему, что он был не единственным страдальцем. Все копали руками влажную землю и натирали ею лица и головы.

— Обезьяны!

Этот предостерегающий крик привел в чувство людей, катающихся от боли по земле. Верные своей природе, скальные обезьяны спускались по склону, прокашливая свой вызов, объявляя этим о своей атаке. И только это предупреждение помогло спастись их предполагаемым жертвам.

Обезьяны приближались неуклюжим бегом в полувыпрямленном положении. Первые две обезьяны, громадины ростом почти в шесть футов, упали под огнем игольчатого ружья Азаки, но третья, отклонившись влево, избежала их участи и очутилась прямо перед Дэйном. Тот выхватил свое силовое лезвие. Свиное рыло обезьяны широко открылось, показывая зеленоватые клыки. От ужасного зловония, исходящего от тела животного, Дэйн чуть не задохнулся. Когтистая лапа нетерпеливо царапнула его, скользнув по покрытому грязью телу, как раз тогда, когда он поднял силовое лезвие.

Вонючее дыхание коснулось его лица. Он отступил, когда тяжелое тело обезьяны, разрубленное пополам силовым лезвием, навалилось на него.

Откатившись от разрубленного тела и кое-как встав на ноги, Дэйн с ужасом и отвращением увидел, что челюсти чудовища все еще продолжают скрежетать, а лапы двигаться, как бы пытаясь схватить его. Рев бластера — двух бластеров — заглушил крики обезьян и людей. Дэйн поднял лучевое ружье, уперся спиной в ствол дерева и приготовился к сражению. Завидя бегущее с воплем вниз по склону проворное животное, он открыл огонь. Вскоре ни одной из нападавших обезьян не было на ногах, хотя некоторые из них все еще ползли вперед, стараясь добраться до людей.

Дэйн смахнул осу со своей ноги. Он был рад опоре в виде дерева за спиной, так как вид разрубленной обезьяны, запах ее крови, в которой он вымазался по шею, вызывали у него тошноту. Справившись с тошнотой, он выпрямился. К своему удовлетворению, он увидел, что все остальные находятся на ногах и, очевидно, не ранены, но Тау, бросив взгляд на Дэйна, открыл от изумления рот и направился к нему.

— Дэйн, что они с тобой сделали?

Его младший товарищ несколько истерически рассмеялся.

— Не моя... — сказал он и, вытерев пучком травы свои окровавленные бриджи, вышел на освещенное солнцем место.

Нумани привел их к небольшому горному потоку. Чуть пониже миниатюрного водопада нашлось место, где быстрое течение не давало укрытия песчаным червям. Нетерпеливо раздевшись, они вымылись сами и выстирали свою грязную одежду, после чего Тау помог им вытащить жала огненных ос. Он мало что мог сделать, чтобы облегчить боль и предотвратить опухание, пока Азаки не принес местное тростниковоподобное растение. Будучи разделенным на части, оно давало липкую розовую жидкость, похожую на смолу-камедь. Втерев это туземное лекарство себе в кожу и заклеив пластырем раны, они почувствовали себя лучше. Затем измазанные и обклеенные, они, отойдя от потока, нашли для себя расщелину между двумя наклонными скалами, пригодную для ночлега. Здесь, конечно, не было так уютно, как в пещере, но все же это было укрытие.

— А денежные мешки с других планет платят целые состояния за такое времяпровождение, — с горечью констатировал Тау, стараясь устроиться так, чтобы искусанные части тела не касались скалы под ним.

— Вряд ли за это, — откликнулся Джелико, и Дэйн увидел, что Нумани скалит зубы в улыбке с одной стороны рта — другая щека хатканца вздулась и стала розовой.

— Мы не всегда встречаем в один день и обезьян, и огненных ос, — сказал главный лесничий. — К тому же, в заповедниках гости носят спасо-пояса.

— Не думаю, — фыркнул Джелико, — что ваши клиенты захотели бы повторить свой визит, окажись они на нашем месте. Что мы встретим завтра? Стадо грасов, бегущее в панике, или что-то более миниатюрное, но более убийственное?

Нумани встал и отошел немного в сторону. Он смотрел вниз по склону, и Дэйн заметил, что его ноздри раздуваются, как это было при исследовании пещеры.

— Там что-то есть, — медленно сказал он. — Что-то очень большое. Или...

Азаки сделал большой шаг вперед и, оказавшись рядом с ним, резко кивнул головой. Нумани заскользил по склону.

— Что это? — спросил Джелико.

— Тут может быть несколько вариантов, в том числе и такие, которых, надеюсь, мы не встретим, — несколько уклончиво ответил лесничий. — Я пока поохочусь на лаббу, у ручья есть свежий след.

Через полчаса Азаки вернулся с добычей, перекинутой через плечо. Он сдирал с нее шкуру, когда вернулся Нумани.

— Ну, что?

— Западня, — сообщил охотник.

— Браконьеры? — поинтересовался Джелико.

Нумани кивнул. Азаки продолжал работу, со сноровкой специалиста разделявая добычу. В его глазах появился блеск. Затем он посмотрел на тени, простиравшиеся позади скал.

— Я бы тоже посмотрел, — сказал он Нумани.

Джелико встал, и заинтересованный Дэйн последовал за ним. Через пять минут каждому из них не понадобилась особая острота чувств, чтобы унюхать впереди источник вони. В душном воздухе запах гниения был почти осязаемым и становился все сильнее по мере их продвижения. Когда они подошли к краю западни, Дэйн, едва взглянув вниз, поспешил отойти назад. Тут был такой же кошмар, как и на поле битвы со скальными обезьянами. Но капитан и два хатканца стояли спокойно, оценивая добычу, оставленную скрывшимися браконьерами.

— Грем, грас, худра, — комментировал Джелико, — клыки и шкуры, полный набор товара торговли.

Азаки с мрачным выражением лица отошел от западни.

— Однодневные телята, старики, самцы — все подряд. Они бессмысленно убивают всех, в том числе и тех, кто им не нужен.

— След, — Нумани указал на восток, — ведет в болота Мигра.

— В болото?! — Азаки был поражен. — Они, наверное, сошли с ума!

— Или знают о нем больше, чем ваши люди, — поправил его Джелико.

— Но если браконьеры действительно ушли в Мигру, то мы можем последовать за ними, — сказал Азаки.

«Но не сейчас», — запротестовал про себя Дэйн.

Ведь главный лесничий сам называл именно это болото местом неисследованных смертельных ловушек и, конечно же, надеялся Дэйн, он не поведет их туда вслед за нарушителями закона.

Глава 4

Дэйн проснулся среди ночи и, усевшись, уставился широко, открытыми глазами в темноту. Центром их лагеря, окруженным скалами, была пригоршня пылающих углей. Он нагнулся к ним, едва понимая, зачем это делает. Его руки дрожали, по коже, мокрой от испарины, бегали мурашки. Хотя Дэйн уже полностью проснулся, он не мог вспомнить кошмар, от которого только что очнулся. Однако, у него осталось гнетущее впечатление опасности, источника которой он не мог определить. Что подкрадывалось к нему из темноты? Слушало, шпионило, ждало?

Дэйн наполовину поднялся на ноги, когда заметил силуэт,двигающийся в тусклом свете костра. Вглядевшись, он узнал Тау. Врач обратился к нему с отрезвляющей настойчивостью:

— Плохой сон, да?

Дэйн ответил ему кивком почти против своей воли.

— Что ж, ты не один. Помните что-нибудь из него?

Стараясь вспомнить что-нибудь, Дэйн посмотрел в окружающую темноту. Казалось, страх, заставивший его проснуться, теперь воплотился и скрывается там. Он потер смыкавшиеся глаза.

— Нет, не помню.

— И я не помню,— заметил Тау.— Но эти сны, очевидно, были кем-то внушены.

— Ну, думаю, после вчерашнего можно было ожидать ночных кошмаров,— предложил Дэйн логическое объяснение случившемуся.

Но в то же время, что-то глубоко внутри его протестовало против каждого его слова. У него и прежде бывали кошмары, но ни один из них не оставлял такого осадка. Осадок настолько плохого, что он больше не захотел этой ночью лечь спать. Дойдя до груды дров, он подбросил в огонь несколько поленьев и уселся вместе с Тау у костра.

— Здесь что-то другое... — начал Тау, но затем замолчал.

Молодой человек не стал нарушать его молчание. Он был слишком занят собой, борясь с желанием вскочить и послать огненный луч в темноту, где, как он чувствовал, что-то есть. Что-то прячущееся, крадущееся и ожидающее своего часа, что-то такое, что надо было уничтожить, пока не поздно. Несмотря на все старания, Дэйн все же задремал и проспал до утра. Утром, чувствуя себя неотдохнувшим, он так и не смог, к своему разочарованию, объяснить себе свой ночной страх перед окружающей местностью.

Азаки, как выяснилось, и не думал вести их следом за браконьерами в топи болота Мигра. Вместо этого главный лесничий хотел поскорее добраться до заповедника, находящегося в противоположном от болота направлении. Там он сможет быстро собрать карательную команду, которая и займется нарушителями закона. Поэтому они начали подъем вверх, который уводил их от влажной духоты низин к раскаленным скалам наверху. Солнце было ярким, слишком ярким, и почти не было тени. Дэйн шел, изредка останавливаясь, чтобы сделать глоток воды из своей фляжки, и никак не мог избавиться от чувства, что на него направлен чей-то взгляд, что за ним следит кто-то чужой. Но кто? Скальные обезьяны? Но как ни хитры были эти существа, все же следить в полной тишине в течение длительного времени они были не в состоянии. Может быть, лев?

Азаки и Нумани шли сзади и, сменяя друг друга, охраняли их маленький отряд. Дэйн заметил, что каждый из них был насторожен, однако шли они как люди хорошо отдохнувшие и выспавшиеся, чего нельзя было сказать о Дэйне. Это было достаточно странным после прошедшей ночи. Они упорно продолжали подниматься вверх по склону. В этой местности ручьев не было и пополнить запасы воды им было негде, но, имея опыт путешествий по диким местам, они тратили глоток воды на значительное расстояние.

— Стоп!

Они застыли, взяв оружие наизготовку. Скальная обезьяна, огромное тело которой было ясно видно, прыгала, кашляя и ворча. Азаки выстрелил с бедра

и обезьяна завопила, заскребла лапами грудь и бросилась на них. Нумани еще одним выстрелом свалил чудовище и они напряженно застыли, ожидая атаки зверей, которая должна была последовать за неудачным нападением их разведчика. Но ничего не произошло — ни звука, ни движения. От того, что последовало за тем, их моментально охватило холодом.

Разрубленное тело обезьяны снова начало двигаться, собралось вместе и поползло по направлению к ним. Любое животное, получив такие раны, не могло бы оставаться в живых. Дэйн знал, что это невозможно. Но все же чудовище двигалось вперед, его голова с невидящими глазами смотрела прямо на солнце. И оно ползло, прямо к людям, которых не могло видеть.

— Демон! — закричал Нумани и, выронив игольчатое ружье, отпрянул обратно к скалам.

Пока существо приближалось, на их глазах произошло невозможное — пылающие раны на его теле закрылись, голова выпрямилась и из свиного рыла потекла слюна. Джелико подхватил брошенное Нумани игольчатое ружье и прицелился. Со спокойствием, которому позавидовал Дэйн, капитан выстрелил и обезьяна, разорванная на клочки, вторично упала. Нумани застонал, а Дэйн попытался сдержать испуганный протестующий крик. Мертвое существо ожило и во второй раз. Сначала ползком, потом кое-как встав на ноги, оно, залечив раны, пошло прямо на них. Азаки с бледно-зеленым лицом медленно отступал назад так, словно каждый шаг был для него пыткой и давался с трудом. Он выронил свое игольчатое ружье и схватил камень величиной с его собственную голову. Подняв этот импровизированный снаряд над головой и размахнувшись так, что мускулы на его руках выступили словно канаты, он швырнул его в чудовище. Дэйн увидел, что камень попал в цель, и скальная обезьяна упала в третий раз. Когда одна из когтистых лап обезьяны начала двигаться, Нумани сломался. Он закричал от ужаса и побежал. Под его удаляющиеся крики существо, голова которого как кровавая маска болталась из стороны в сторону, поднялось, шатаясь, и сделало несколько шагов. Охваченный ужасом Дэйн, если бы ноги подчинялись ему, последовал бы за Нумани. Из последних сил он поднял лучемет и прицелился в неуклюжее животное.

Но вдруг Тау пошел вперед. Лицо врача было искажено и тот же ужас, что и у остальных, застыл у него в глазах. Он столкнулся с канистрой, но это не остановило его движения вперед к чудовищу. На земле между врачом и обезьяной появилось пятно тени, сгустилось и стало вещественным. Перед скалистой обезьяной, низко согнувшись, с ногами, готовыми к смертельному прыжку, сузив зеленые глаза, сосредоточенные на жертве, стоял черный леопард. Движения его тела вперед и назад усилились и он прыгнул вперед, сбив обезьяну с ног. Спутанный клубок слившихся в борьбе тел покатился поперек склона — и исчез!

Руки Азаки дрожали, когда он отнял их от просветлевшего лица. Джелико механически вставлял запасную обойму в игольчатое ружье. Тау вдруг закачался и Дэйн прыгнул вперед, чтобы поддержать его. Только на мгновение врач повис на руках у Дэйна, а затем все же заставил себя стоять прямо.

— Магия? — спросил Джелико и его голос в наступившей тишине звучал так же спокойно, как и всегда.

— Массовая галлюцинация, — ответил Тау, — не очень сильная.

— Как... — Азаки сглотнул и начал снова: — Как это было сделано?

— Не обычными методами,— покачал врач головой,— это точно. Не было никаких попыток гипнотического внушения — ни барабанов, ни пения, и все же это подействовало на нас всех, включая и меня. Я этого не понимаю!

Дэйн с трудом верил этому. Джелико прошел туда, куда покати́лся клубок борющихся бестий, но никаких следов сражения не нашел. И Дэйн понял, что они должны принять объяснение Тау как единственно возможное и разумное. Черты Азаки внезапно исказились столь сильной яростью, что Дэйн понял, насколько внешним и непрочным было влияние с таким трудом выстроенное здание цивилизации Хатки на главного лесничего.

— Ламбрило! — Азаки сделал из этого имени проклятие, затем, заметным усилием взяв под контроль свои эмоции, подошел к Тау и остановился перед ним с почти угрожающим видом.— Как? — потребовал он во второй раз.

— Не знаю.

— Он снова попытается?

— Вероятно, но вряд ли то же самое...

Но Азаки уже оценил положение.

— Мы не будем знать,— прошептал он,— что реально, а что нет.

— Это так,— согласился Тау и предостерег: — Но того, кто верит, нереальное может убивать так же верно, как и реальное.

— Это я хорошо знаю, такое уже случалось в прошлом много раз. Здесь нет барабанов, нет пения — ничего нет, что могло бы ослабить разум человека и что он обычно использует при вызывании демонов. Итак, без Ламбрило, без его колдовских методов как можно заставить нас видеть то, чего нет?

— Это мы должны понять и как можно скорее, сэр. Иначе мы потеряемся среди реального и нереального.

— Но вы же владеете силой, вы можете защитить нас! — запротестовал Азаки.

Тау провел рукой по лицу, тонкие и подвижные черты которого еще не приобрели нормального цвета. Он продолжал опираться на руку Дэйна, поддерживающего его.

— Человек может сделать только то, что в его силах. Сражаться с Ламбрило на его собственной территории для меня слишком утомительно и я не могу слишком часто это делать.

— Но разве он так же не истощается?

— Сомневаюсь... — Тау уставился на голую землю позади хатканца, где исчезли леопард и скальная обезьяна.— Видите ли, эта магия — хитрая вещь, сэр. Она строится и питается на собственном воображении человека и его внутренних страхах. Поэтому для Ламбрило нет надобности очень стараться. Он просто позволяет нам самим поднимать из подсознания то, что потом нападает на нас.

— Наркотики? — спросил Джелико.

Тау выпрямился, освобождаясь от поддержки Дэйна. Его рука потянулась к пакету первой помощи, который был его особой заботой. Он с удивлением осмотрел его и затем резко выпрямился.

— Капитан, мы дезинфицировали у вас уколы от шипов... Торсон, ваша кожная мазь... Но я не использовал чего-либо...

— Вы, Крейг, забыли, что все имели царапины после сражения с обезьянами.

Тау сел на землю и с лихорадочной поспешностью стал распаковывать

свои медикаменты. Он доставал контейнеры с лекарствами, открывал их и осторожно исследовал содержимое на цвет, вкус и запах. Когда все это было сделано, он покачал головой.

— Если здесь что-то и подмешано, то без лабораторных исследований и анализов я не смогу этого обнаружить. И я не верю, что Ламбрило сумел бы так хитро скрыть следы своей работы. Или он бывал вне планеты и имел дело с инопланетянами?

— Из-за его положения ему запрещены межпланетные путешествия и контакты с инопланетянами. Не думаю, врач, что он выбрал ваши лекарства для своих целей. Слишком мало шансов, чтобы таким способом добиться успеха. Хотя при путешествиях бывает часто необходима первая помощь, он не мог быть уверенным, что она нам понадобится и мы воспользуемся своими лекарствами.

— А Ламбрило был уверен. Он угрожал нам чем-то вроде того, что произошло,— напомнил Джелико.

— Значит, это должно быть что-то, что мы все используем, от чего мы зависим...

— Вода? — Дэйн держал свою фляжку, готовый глотнуть, когда это возможное объяснение пришло ему в голову. Он осторожно понюхал находившуюся во фляжке воду, но не смог обнаружить какого-либо запаха. Но он хорошо помнил, как удивлялся Тау во время их первого привала по поводу рассыпавшихся в порошок дезинфицирующих таблеток.

— Вот именно! — Тау вытащил пузырек с порошком и зернистыми кусками. Насыпав немного порошка на ладонь, он понюхал его и попробовал кончиком языка.— Дезинфектор и еще что-то,— сообщил он.— Это может быть какой-нибудь из известных наркотиков или какое-то местное наркотическое вещество, которое нам известно.

— Правильно. Мы здесь нашли наркотики,— хмуро кивнул Азаки на зеленую чашу джунглей.— Итак, наша вода отравлена!

— Вы не всегда дезинфицируете? — спросил Тау главного лесничего.— Я уверен, что в течение веков, прошедших с момента приземления ваших предков на Хатку, вы должны были приспособиться к местной воде, иначе вы не смогли бы выжить. Мы должны использовать дезинфектор, но должны ли это делать вы?

— Да, мы пьем из источников на другой стороне гор,— сказал Азаки, потрусил свою фляжку и, услышав на дне бульканье, нахмурился еще сильнее.— Но здесь, вблизи болота Мигра, мы так не делаем.

— Как вы думаете, не в буквальном ли смысле слова мы теперь отравлены? — прямо задал Джелико интересующий всех вопрос.

— Никто из нас не пил слишком много,— задумчиво заметил Тау,— и я не верю, что Ламбрило задумал прямое убийство. Сколько же будет действовать наркотик, я не могу сказать.

— Если мы увидели одну скальную обезьяну,— удивился Дэйн,— то почему не увидели других? И почему здесь и теперь?

— А вот почему,— и Тау указал на скалу впереди.

Дэйн сначала ничего примечательного не увидел, а затем обнаружил скалу-палец. По очертаниям она была похожа на то скальное образование, из-за которого вчера перед ними появилась скальная обезьяна. Азаки что-то вскрикнул на своем языке и хлопнул рукой по стволу игольчатого ружья.

— Мы увидели ее, вспомнили вчерашнее и поэтому на нас снова напала обезьяна! Если бы вчера нас атаковали грас или лев, то сегодня мы столкнулись бы с ними!

Капитан Джелико издал саркастический смешок.

— Достаточно умно. Он просто предоставил нам возможность в подходящем месте выбирать себе галлюцинацию, которая должна потом повториться. Не знаю, как много скал той же формы, что и эта, имеется в горах? И как долго из-за каждой такой скалы, встреченной нами будет выскакивать скальная обезьяна?

— Кто знает? Но пока мы пьем эту воду, у нас будут продолжаться неприятности, с уверенностью обещаю вам это, — ответил Тау и поставил пузырек с дезинфектором в медицинский ящик. — Главной проблемой теперь стало то, как долго мы сможем быть без воды?

— Может быть, и станет проблемой, — мягко сказал Азаки, — но на Хатке воду можно найти не только в ручьях.

— Фрукты? — спросил Тау.

— Нет, деревья. Ламбрило не охотник и поэтому не может знать, где и когда сработает его магия, если авария флиттера не подстроена. Это львиная страна и между ручьями здесь большие расстояния. Но над нами джунгли, а там есть деревья с водой, которой, думаю, мы можем пользоваться без опасений. Но сначала мне нужно найти Нумани и доказать ему, что скальная обезьяна была галлюцинацией, а не демоном. — Он повернулся и чуть ли не бегом направился вниз по склону, куда скрылся Нумани.

— Что это за вода в деревьях? — обратился Дэйи к капитану Джелико.

— Здесь есть не слишком распространенные деревья с утолщенным стволом. Они, чтобы не погибнуть во время сухого сезона, в течение всего дождливого периода запасают воду. Так как недавно закончился сезон дождей, то мы можем, если удастся найти хотя бы одно такое дерево, запастись водой. Как насчет этого, Тау? Сможем ли мы пить ее без дезинфектора?

— Вероятно. Тут надо выбирать из двух зол, сэр. Если мы и заболеем, то у нас есть лекарства. Лично я предпочитаю бороться с болезнью, чем пить воду с одурманивающим наркотиком... А пока мы можем немало пройти без воды...

— Мне бы хотелось немного поговорить с Ламбрило, — мягко заметил Джелико, но тон его был очень обманчивым.

— Я тоже собираюсь это сделать, когда мы снова встретимся! — поддержал его Тау.

Дэйи завернул обратно пробку своей фляжки. У него стало вдвое суше во рту с тех пор, как он узнал, что вода во фляжке отравлена и ее нельзя пить.

— Каковы наши шансы, сэр? — спросил он.

— Не знаю. То, что произошло, это только игрушки, — ответил Тау, запечатывая аптечку. — Хорошо бы найти одно из этих деревьев до захода солнца. — Что-то у меня нет желания увидеть сегодня еще одну скалу-палец.

— Но почему леопард? — задумчиво спросил Джелико. — Еще один случай использования внушения для борьбы с галлюцинацией? Но здесь не было Ламбрило и его внушения, которое можно было бы подавить.

Тау подпер рукой подбородок.

— Право не знаю, сэр. Возможно, я смог бы заставить обезьяну исчезнуть без противодействующей проекции, но я так не думаю. С этими гал-

люцинациями лучше всего бороться, противопоставляя одно видение другому в пользу последнему. И я даже не могу вам сказать, почему я выбрал именно леопарда. Просто он пришел мне в голову как наиболее ловкий и сильный зверь из тех, которых я вспомнил в этот момент.

— Вам лучше иметь в запасе побольше таких зверей,— сказал Джелико, демонстрируя свой мрачный юмор.— Если нужно, то я могу добавить вам еще несколько. Но я разделяю вашу надежду, что мы больше не увидим скал, напоминающих палец. А вот и Азаки возвращается со своим сбежавшим парнем.

Главный лесничий шел, поддерживая Нумани, который, казалось, еще не полностью пришел в себя. Тау поспешно встал, надо было торопиться. Ведь могло оказаться, что поиски водяного дерева затянутся и, возможно, надолго.

Глава 5

Они вернулись в джунгли, оставив позади себя оказавшийся таким предательским склон. Но на протяжении оставшихся до темноты светлых часов стало ясно, что Азаки был слишком оптимистичен в надежде быстро найти водяное дерево. Они шли теперь по узкому языку земли, ограниченном с одной стороны лесом, с другой стороны — болотом. От Нумани, все еще находившемся в состоянии шока, было мало толку. Космонавты, незнакомые с местностью, не осмеливались отходить от хатканцев. Поэтому они жевали одни только концентраты и не смели пить. Дэйну очень хотелось выпить воду из своей фляжки. Вода, столь доступная, была непрерывной пыткой. Теперь, когда они были далеко от склона и от опасности, все стали более спокойными. Только осторожность, которую вбили в каждого свободного торговца, была тормозом для его жажды.

Джелико провел тыльной стороной ладони по потрескавшимся губам.

— Предположим, мы бросим жребий и кто-то из нас выпьет, а один или двое нет. Можем ли мы делать так до тех пор, пока не окажемся за горами?

— Я бы не хотел пробовать этот вариант, пока у нас есть другие шансы. Трудно сказать, как долго действует наркотик. Я даже не уверен, долго ли я смогу в таких условиях распознавать галлюцинации,— обескураживающе ответил Тау.

Если кто-нибудь из них и спал этой ночью, то только урывками. Чувство опасности, как и прошлой ночью, охватило их и не давало спать. Неопределенный усиливающийся страх крепко оседлал их. И раньше в джунглях все время слышны были звуки — крики невидимых птиц и зверей, иногда шум падающего дерева, но то, что вскоре после восхода солнца заставило их очнуться от ночных кошмаров, не было ни криком птицы, ни шумом падающего дерева. Трубный рев и треск ломаемой растительности возвещали о реальной опасности. Взгляд Азаки с тревогой обратился на север, хотя там ничего не было видно, кроме нетронутой стены джунглей.

— Грасы! Бегущие грасы! — вскричал Нумани, присоединяясь к своему начальнику.

Джелико поднялся на ноги с такой стремительностью и с таким выражением лица, что Дэйн сразу понял, насколько серьезно их положение. Капитан повернулся к своим людям с коротким приказом:

— Поднимайтесь! Мы должны подняться обратно на склон. Быстрее на гору! — потребовал он от главного лесничего.

Азаки все еще прислушивался и, казалось, не только ушами, но и всем телом. Три оленеподобных животных, за которыми они раньше охотились ради еды, выскочили из джунглей и промчались мимо людей, как будто последние были невидимками. Следом за ними, как не охотник, а как предмет охоты, появился лев и его черно-белое тело четко обозначилось в утреннем свете. Он зарычал, показав клыки, и исчез одним огромным прыжком. Пробежали еще оленеподобные животные, сопровождаемые какими-то небольшими существами, промелькнувшими слишком быстро для их точного определения. Следом за ними двигалась ярость безрассудного разрушения, сопровождающая прохождение через джунгли самых крупных млекопитающих на Хатке.

Они начали подниматься по склону, когда Нумани предостерегающе вскрикнул. Белый самец граса, с трудом различимый в утреннем свете, направлялся к ним. У Дэйна осталось мимолетное впечатление изогнутых бивней, влажно-красного открытого рта, достаточно широкого, чтобы проглотить целую голову, лохматых ног,двигающихся с невероятной скоростью. Азаки выстрелил в приближающегося граса из игольчатого ружья. Смертельно раненое животное зарычало, но продолжало двигаться к ним, пока не упало замертво не более чем в двух ярдах от главного лесничего.

Дэйн с тревогой смотрел на мертвого самца, но на этот раз никакого чуда не произошло. Грасы не были галлюцинацией. Но от этого не было легче. Злобность скальных обезьян, хитрость местного хатканского льва бледнели перед буйством разъяренного стада грасов. Из джунглей выскочил еще один раздраженный самец и направился прямо к ним. Позади него из джунглей высунулась третья клыкастая голова и ее глаза искали врага.

— Вот как! — холодно заметил Джелико, прицеливаясь из бластера в приближающегося граса.

Второй самец почти по-собачьи залаял, когда заряд из бластера Джелико попал ему в голову. Ослепленное животное повернуло в сторону и побежало вверх на гору. Третьего граса встретил выстрелом из игольчатого ружья Нумани. Главный лесничий выскочил из-за приютившей его скалы и, подбежав к капитану, вытащил его на открытое место.

— Надо уходить! Здесь мы их атаки не выдержим!

Джелико согласился с этим.

— Пойдемте! — рывкнул он Тау и Дэйну.

Они побежали вдоль склона, но перед ними были скалы, на которые в обычных условиях было бы трудно подняться. Упали еще два граса — один замертво, другой — тяжело раненный. Позади них из джунглей показывались все новые белые головы. Трудно было сказать, какая первоначальная причина вызвала паническое бегство животных, но теперь страх и гнев сосредоточились на людях. Несмотря на все их попытки найти место подъема, люди оказались как в западне, зажатые между джунглями внизу, где пробиралась основная масса грасов, и крутой стеной. Если бы было время, люди могли бы, наверное, забраться на эту стену, но теперь они не могли позволить себе такую попытку.

Выступ, по которому они бежали, повернул к юго-востоку и вскоре кончился. Подойдя к его краю, они взглянули вниз. Перед ними расстилалась

равнина, покрытая желто-серой грязью, усыпанная кое-где группами деревьев. Везде были разбросаны островки, покрытые перепутанной массой из кустарника, тростника и травы. Вся растительность на этой равнине была белесого цвета и выглядела больной. Это было болото Мигра.

— Прекрасно.— Тау осмотрелся.— Что теперь мы будем делать? Полетим по воздуху? А что используем вместо крыльев и двигателей?

— Мы должны опуститься туда,— закричал Азаки и показал вниз игольчатым ружьем.

— Я покажу вам, что надо делать,— выступил вперед Нумани.— Надо добраться до островков, покрытых растительностью.

Он отдал свое ружье Джелико и встал над выступом. Раскачавшись, он оттолкнулся и прыгнул. Приземлившись почти в середине ближайшего к ним островка из тростника, хатканец на коленях, используя руки и ноги, перебрался на следующий клочок твердой почвы.

— Теперь вы, Торсон,— повернулся к Дэйну Джелико.

Младший космонавт засунул лучевой пистолет в кобуру, осторожно подошел к краю скалы и приготовился как можно лучше повторить прыжок Нумани. Однако его прыжок оказался не таким удачным. До островка достали только его руки, а остальная часть тела мягко вошла во что-то, оказавшееся тиной, покрытой темной коркой сухого вещества. Он неистово хватался за хрупкие стебли, за грубую траву, которая резала ему руки, как нож. Стояло ужасное зловоние. Но страх оказаться в ловушке придавал ему силы и он быстрыми рывками стал подтягивать свое тело к островку. Прилагая отчаянные усилия и двигаясь как червяк, он все же сумел вырваться на островок. Тут почва держала его, не тонула под его весом и он обессиленно опустил лицо вниз на землю.

Но времени для отдыха не было. Он должен был перебраться на следующий островок, чтобы освободить это ненадежное место для приземления других людей, находящихся наверху. Приподнявшись, Дэйн оценил расстояние тренированным глазом космонавта и прыгнул на холмик, который уже покинул Нумани. Хатканец уже был на полпути к следующему островку, к которому вела, прихотливо извиваясь, перепутанная масса уродливой растительности. Когда Дэйн добрался до третьего из крошечных островков, позади раздался грохот и рев. Он оглянулся и увидел трассы огня бластера на вершине скалы, где оборонялись двое оставшихся там людей. Тау стоял на коленях на одном из островков, а позади него тонул в болоте грас — на поверхности оставались только голова и передние конечности. Наверху игольчатое ружье и бластер снова выстрелили и затем Джелико начал раскачиваться над краем скалы, готовясь к прыжку. Тау энергично замахал рукой и Дэйн прыгнул на следующий островок, достигнув его только благодаря удаче.

Он прыгал и прыгал, не думая ни о чем, кроме необходимости приземлиться на каком-нибудь клочке твердой почвы. Его последний прыжок оказался слишком недалеким и он по колено ушел в ужасно пахнущую трясину, так что его бриджи запятылись желтой пеной. Только сейчас Дэйн ощутил коварную тягу бездонной трясины. Прочная ветвь хлестнула его по плечу и он схватил ее. С помощью Нумани Дэйн выбрался из трясины и сел, бледный и дрожащий, на спутанные ветви кустарника. Хатканец же перенес свое внимание на Тау, пробиравшегося к ним. Более удачливый или умелый, чем

Дэйи, врач совершил последний прыжок без промаха и оказался рядом с ними. Но он тоже тяжело дышал, когда опустился на землю рядом с Дэйном. Все вместе они стали следить за продвижением капитана Желико.

Оказавшись в безопасности на втором от берега островке, Желико остановился, внимательно осмотрелся кругом и выстрелил из игольчатого ружья, оставленного ему Нумани. На скале атаковавший Азаки самец, раненный этим выстрелом, вскинул от боли лохматую голову. Главный лесничий быстро отбежал в сторону и раненое животное, пометавшись по выступу, упало со скалы вниз, присоединившись к своему уже погружившемуся в трясину товарищу. Хатканец сначала бросил свое ружье, а затем сам прыгнул на первый островок. Еще один грас был ранен. К счастью, он развернулся и обратил свои могучие клыки против тех, кто следовал за ним, оставив людей в покое. Желико уверенно продвигался к ним, а Азаки отставал от него только на одну кочку. Тау облегченно вздохнул.

— Когда-нибудь все это станет еще одной легендой и о нас будут думать как о лжецах, когда мы будем ее рассказывать,— заметил он.— Если мы, конечно, останемся в живых. Куда же мы теперь двинемся? Если бы я выбирал, то назад!

Когда Дэйи, поднявшись на ноги, осмотрел их маленькое убежище, он полностью согласился с этим. Ведь островок, покрытый мертвой и умирающей растительностью, представлял собой треугольник, направленный острием на восток прямо в болото.

— Они ведь, кажется, не скоро оставят нас в покое? — спросил Желико, глядя назад на берег, где находились грасы.

На скале, с которой они спрыгнули, раненый самец-грас все еще сдерживал выпады своих товарищей. Остальные грасы бродили по краю болота, роя землю копытами, взрыхляя ее бивнями и угрожая каждому, кто попытается вернуться на патрулируемую ими полосу.

— Да, не скоро,— хмуро подтвердил Азаки.— Потревожьте граса и он будет преследовать вас несколько дней. Убейте любого из стада и у вас мало шансов уйти от них на своих ногах.

К счастью для преследуемых грасами людей, болото являлось надежной защитой. Два чудовища, упавшие со скалы, уже прекратили бороться и лишь жалобно, на высокой ноте стонали. Несколько их сородичей сгруппировались на берегу и умоляюще их звали. Главный лесничий прицелился из игольчатого ружья и двумя выстрелами освободил животных от страдания, но блеск этих выстрелов довел находившихся на берегу грасов до высшей степени ярости.

— Назад пути нет,— сказал Азаки,— по крайней мере, в течение нескольких дней.

Тау прихлопнул черное четырехкрылое насекомое с раскрытыми для пробы челюстями, севшее ему на плечо.

— Мы не можем ждать здесь, пока они о нас забудут,— сказал он.— Ведь без воды мы не сможем обойтись, да и местная фауна готова попробовать нас на вкус.

Нумани побродил по островку и доложил:

— К востоку больше сухой земли. Возможно, там мы сможем перебраться через болото.

Но Дэйи сомневался в этом. Он боялся снова прыгать с островка на островок и, казалось, Тау разделяет его страхи.

— Думаю, вы не пожалеете еще нескольких выстрелов для наших друзей на берегу? — обратился он к Азаки.

Главный лесничий покачал головой.

— У нас недостаточно зарядов, чтобы взяться за все стадо. Они могут скрыться из виду, но остаться в чаще поблизости отсюда. И это будет означать для нас смерть. Поэтому мы должны перебраться через болото.

Если их прежний марш Дэйн рассматривал как пытку, то этот был еще хуже. Их продвижение было неуверенным, а падения — частыми. Уже через четверть часа все они были покрыты ужасно пахнувшей грязью и тиной, которая, попадая на воздух, становилась как камень. Хотя это очень болезненно, но все же защищало их тела от насекомых, которых на болоте было предостаточно. И, несмотря на все их попытки найти другую дорогу, единственная пригодная тропа вела их в глубь болота прямо в центр неисследованных трясин. Наконец, Азаки объявил о необходимости сделать привал и провести совещание для обсуждения дальнейшей дороги. Казалось, что для этого хорошо было бы найти такой островок, с которого они могли видеть хотя бы берег.

— Нам нужна вода, — резко проговорил Тау, стирая с лица маску из травы и зеленой грязи.

— Мне кажется, что впереди почва поднимается, — сказал Азаки, устало опираясь игольчатым ружьем на поверхность островка. — Думаю, что мы, возможно, вскоре сможем выбраться на более твердую землю.

Джелико, подтянувшись, забрался на молодое деревце, согнувшееся под его тяжестью, и внимательно изучал лежащую впереди местность.

— Насчет этого вы правы, — сказал он главному лесничему. — Примерно в полумиле от нас растительность имеет натуральный зеленый цвет. — Он взглянул на заходящее солнце. — И примерно за час светлого времени можно было бы попытаться добраться туда. Но я бы не хотел совершать этот переход в темноте.

Только надежда добраться засветло до зелени поддерживала их слабеющие силы. Захватив с собой связки, сделанные из пучков травы, чтобы в случай крайней необходимости подкладывать их, они снова начали прыгать с островка на островок, держа направление на замеченную Джелико зелень. Когда они добрались до нее, то совершенно обессилели. Дэйн, вскарабкавшись на последнюю кочку, попытался подняться на ноги, но зашатался и снова опустился на землю. Он настолько выдохся, что даже не пошевелился при возбужденном крике Нумани. Он не двигался до тех пор, пока подошедший Азаки не наклонился над ним с открытой канистрой в руках. Лишь тогда Дэйн немного приподнялся.

— Пейте! — настаивал хатканец. — Она свежая, мы нашли водяное дерево.

Жидкость была вроде бы и свежая, но все же имела особый привкус. Дэйн его не замечал, пока не сделал основательный глоток. Но в данный момент он не мог думать ни о чем, кроме того факта, что у него под рукой есть порция пригодной для питья воды. Чахлая, ненатурального цвета растительность болота сменилась здесь более нормальной, похожей на растительность покрытых джунглями низин.

«Перебрались ли мы через все болото, — вяло спрашивал себя Дэйн, — или это только большой остров в середине вонючих трясин?»

Он снова выпил воды, чувствуя, как силы возвращаются к нему. Он под-

полз к месту, где лежали его товарищи по кораблю, но прошло еще некоторое время, прежде чем его стало интересовать что-то другое, кроме того факта, что он может пить, если только этого пожелает. Вдруг он увидел, что Джелико поднялся на ноги и повернул голову на восток. Тау тоже сел, как будто его поднял сигнал тревоги на «Королеве». Хатканцы, вероятно, ушли обратно к водяному дереву. Но все трое космонавтов слышали этот звук, далекий пульсирующий ритм, сопровождаемый вибрацией. Джелико посмотрел на Тау.

— Барабаны?

— Может быть, — ответил врач, завинчивая крышку своей фляжки. — Ясно только, что здесь поблизости люди. Но хотел бы я знать, кто они такие.

Они не были уверены насчет барабанов, но насчет луча, посланного неизвестно кем и перерезавшего неподалеку от них ствол с такой же легкостью, с какой нож разрубает сырую глину, никто не мог ошибиться. Это был выстрел из бластера и притом из определенного типа бластера — бластера Патруля. Тау и Джелико бросились ничком на землю рядом с Дэйном и все трое вжались в нее, будто хотели просочиться под ее поверхность. Из кустарника донесся тихий зов Азаки. Джелико пополз на этот зов, а за ним, извиваясь как червяки, последовали остальные космонавты. В укрытии они нашли главного лесничего, проверявшего свое игольчатое ружье.

— Здесь лагерь браконьеров, — хмуро объяснил он. — И они знают о нас.

— Закономерный конец этого гнусного дня, — бесстрастно заметил Тау. — Можно было предполагать, что нас ожидает что-то в этом роде. — Он попытался соскрести корку из засохшего ила, покрывавшую его подбородок. — Но разве браконьеры используют барабаны?

Главный лесничий нахмурился.

— Именно поэтому Нумани пошел на разведку. Надо все хорошенько узнать.

Глава 6

Пока они ждали возвращения Нумани, сгустилась тьма, но попыток нападения со стороны обладателя бластера больше не было. Вероятно, он хотел только удержать их там, где они теперь находились. Над болотом плыли, как жуткие привидения, небольшие облачка тумана. Яркие пятнышки насекомых, снабженных собственными осветительными системами, мигали искорками или безмятежно плыли по обычным своим маршрутам. Ночные чудеса этих мест были далеки от убогой реальности дня. Они сжевали свой рацион, бережно сделали по глотку воды и, прислушиваясь к любому раздававшемуся звуку, старались быть готовыми ко всему.

Все это время низкий монотонный звук, который мог быть, а мог и не быть барабанным боем, оставался основным фоном ночных шумов. Время от времени он прерывался всплеском, бормотанием или криком какого-нибудь болотного существа. Находившийся около Дэйна Джелико вдруг напрягся и поднял бластер. Кто-то, мягко ступая, пробирался к ним через кусты. Это, как оказалось, был Нумани.

— Инопланетники, — доложил он, задыхаясь, Азаки, — и нарушители закона. Они поют охотничью песню — завтра они пойдут убивать.

— Нарушители закона? — переспросил Азаки.

— У них нет значков хозяина, которому они служат, но каждый, ког^о я видел, носит браслет из трех, пяти или десяти хвостов. Так что они действительно следопыты или охотники, и притом из лучших.

— У них есть шалаши?

— Нет. Здесь у них во внутренних дворах нет жителей,— сказал Нумани, используя против обыкновения такой вежливый термин для обозначения женщин своей расы.— Я сказал бы, что они пришли сюда только на время охоты. И на ботинках одного из них я видел корку соли.

— Корку соли? — заскрипел зубами Азаки, даже немного привстав.— Вот какой тип приманки они используют! Для этого здесь должна быть соляная трясина.

— Сколько там инопланетников? — прервал их Джелико.

— Трое охотников и еще один, отличающийся от них.

— Как отличающийся? — спросил Азаки.

— Он носит какую-то странную форму, а на голове у него круглый шлем, какой обычно бывает на инопланетниках с космических кораблей.

— Космонавт! — резко засмеялся Азаки.— А почему бы и нет! Они же должны каким-то образом вывозить добытые шкуры.

— Вы что же, хотите сказать, что кто-то способен посадить корабль в такую трясину? — удивленно спросил Джелико.— Но это невозможно! Он просто будет похоронен здесь навсегда.

— Но капитан, в каком типе космопорта нуждается свободный торговец? — спросил Азаки.— Разве вы не сажали свой корабль на планетах, где не было ни приемных устройств, ни зарядных станций, вообще ничего из элементарных удобств, свойственных космодрому. Например, такому, какой принадлежит на Эхо «Комбайну»?

— Конечно, сажал. Но для этого необходим достаточно ровный или твердый участок, желательно свободный от растительности, чтобы хвостовой огонь не привел к пожару. Здесь же вы после посадки не сможете даже вытащить собственный хвост из болота.

— Из этого можно сделать вывод, что неподалеку отсюда есть какое-то место, где приземлился их корабль,— ответил Азаки.— К нему, наверняка, ведет хорошо протоптанный след и это может сослужить нам неплохую службу.

— Но они знают, что мы здесь.— заметил Тау,— и могут замаскировать его.

Теперь рассмеялся Нумани.

— Человек из космоса, не бывает столь хорошо замаскированного следа, чтобы лесничий из заповедника не мог его учуять. Да и любой охотник, если он ветеран с пятью или даже двумя хвостами, может это сделать...

Дэйн внезапно потерял интерес к аргументам Нумани. Все это время он находился на краю их расположения и смотрел на пятна призрачного света, возникавшего в тумане над зарослями болотной травы. В течение нескольких последних минут эти кусочки света образовали растущий массив, висевший над болотом в нескольких футах от них, и его туманные очертания принимали теперь более конкретные формы. Он смотрел, не будучи в состоянии поверить в то, что чудилось ему в этих неопределенных туманных очертаниях. Это напоминало ему скальную обезьяну, но у видения, повернутого к нему профилем, не было ни выступающих над головой ушей, ни свиного рыла.

Все больше и больше клочков болотной люминесценции собиралось в этой прозрачной фигуре и вливалось в нее. Но то, что теперь балансировало и как бы прогуливалось по предательской поверхности болота, не было животным. Это был человек или его подобие, маленький и тощий человек — тот, кого они уже однажды видели на террасе горного форта Азаки. Видение, медленно формируясь, вскоре стало почти законченным. Оно стояло со склоненной головой, как бы прислушиваясь.

— Ламбрило! — вскричал Дэйн, узнавая в этом существе колдуна и в то же время понимая, что тот не может стоять здесь и подслушивать их.

Но как бы для того, чтобы еще больше потрясти его, голова повернулась, реагируя на его крик. Только то, что можно было принять за лицо, оказалось белым пространством, не имеющим ни глаз, ни других человеческих черт. И в какой-то степени это делало его еще более угрожающим, заставляя Дэйна вопреки доводам разума подозревать, что существо шпионит за ними.

— Демон! — закричал Нумани.

Перекрывая этот неожиданный крик, нарушивший охватившую их моментом раньше оцепенелость, прозвучало требование Азаки:

— Что это там стоит? Скажи нам, врач!

— Кнут, чтобы выгнать из этого места, и вы знаете это так же хорошо, как и я. Если Нумани сумеет выследить их, то и они, видимо, помогут нам ответить на другой вопрос. Если и имеется на Хатке беспокоящая вас язва, то Ламбрило, вне сомнений, очень близок к ее корню.

— Нумани! — голос главного лесничего прозвучал как удар плети. — Забудешь ли ты снова, что ты мужчина? Побежишь ли ты и сейчас с плачем искать убежища, зная, что это всего лишь галлюцинация? Ведь как говорит этот врач-инопланетник, это всего лишь хитрость Ламбрило, которая должна отдать нас в руки наших врагов!

Туманное видение на болоте двинулось по направлению к ним. Оно делало шаг, за ним другой по поверхности трясины, которая наверняка бы не выдержала веса человека, и таким образом постепенно приближалась к кустарнику, где скрываясь лежали беглецы.

— Тау, можете ли вы справиться с этим? — спросил Джелико обычным резким голосом, каким всегда говорил на борту «Королевы».

— Я лучше попробую добраться до источника этого, — ответил врач со зловещими нотками в голосе. — И мне хотелось бы посмотреть на их лагерь...

— Отлично! — сказал Азаки и пополз в глубь кустарника, а остальные последовали за ним.

Привидение, которое только внешне было похоже на человека, достигло островка и теперь стояло, повернув к ним свою голову без лица. Каким бы жутким оно не было, теперь, когда первый шок от его появления прошел и космонавты поняли, что это такое, они смогли преодолеть страх перед ним, чего не смогли сделать при встрече с фантомом скальной обезьяны.

— Если эта штука была послана, чтобы прогнать нас, — отважился сказать Дэйн, — то не сыграть ли нам в их игру, направившись сейчас не вперед, а назад в глубь страны?

— Думаю, не стоит, — ответил главный лесничий, продолжая ползти вперед. — Сейчас они не ожидают, что, находясь в своем уме, мы нападём на них. Мы сможем вызвать среди них панику, а с охваченными паникой людью

ми легко справиться. На этот раз Ламбрило перехитрил сам себя. Если бы перед этим не было истории со скальной обезьяной, то сейчас он мог бы обратить нас в паническое бегство.

Хотя белое привидение продолжало двигаться в глубь острова, оно не меняло направления, чтобы теперь направиться туда, где они находились сейчас. Что бы это ни было, оно явно не обладало разумом.

Послышался шорох, тихий, едва различимый, и затем Дэйн услышал голос Нумани:

— Тот, кого поставили сторожить дорогу к лагерю, теперь этого уже не делает. Мы можем не опасаться поднятия тревоги с его стороны. И теперь у нас есть еще один бластер.

По мере их продвижения в глубь острова, а затем и болота, тьма становилась гуще. Дэйн ориентировался только по шуму, который производили менее опытные Джелико и Тау. Они добрались до маленькой расщелины, покрытой тростником и грязью, посередине которой была большая лужа. Хатканцы проползли еще немного вперед. Бой барабанов становился все громче. Теперь впереди в темноте стали видны отблески, возможно, от пламени костра. Дэйн прополз вперед и наконец нашел удобное место, с которого просматривался лагерь браконьеров.

В середине лагеря были сооружены три хижины, состоящие в основном из крыши, сделанной из веток и травы. В двух из них находились тюки со шкурами, закатанные в пластиковые мешки и готовые к транспортировке. Перед третьей хижинкой сидели, развалившись, четверо инопланетников. И Нумани был совершенно прав — один из них носил форму космонавта. Справа от огня был кружок туземцев и несколько в стороне еще один человек, бивший в барабан. Но колдуна нигде не было видно. Дэйн, вспомнив о туманной фигуре на краю болота, невольно задрожал. Он поверил объяснению Тау, что галлюцинация в горах была вызвана наркотиком, но как мог отсутствующий человек сформировать из тумана эту фигуру и послать ее охотиться за своими врагами, оставалось для него сверхъестественной загадкой.

— Ламбрило здесь нет, — сказал Нумани, думая, наверное, о том же, что и Дэйн.

Дэйн почувствовал в темноте движение около себя.

— В третьей хижине есть дальнедействующее устройство связи, — сообщил свои наблюдения Тау.

— Вижу, — ответил Джелико. — Сможете ли вы, сэр, с его помощью связаться через горы со своими людьми? — обратился он к Азаки.

— Не знаю. Но если Ламбрило здесь нет, то как он может заставить свое изображение прогуливаться тут этой ночью? — нетерпеливо спросил главный лесничий.

— Мы это увидим. Если сейчас Ламбрило тут нет, то он вскоре появится, — пообещал Тау голосом, в котором была уверенность. — Эти инопланетники пока еще не вмешиваются в происходящее. Но так как это гуляющее привидение послано, видимо, для того, чтобы запугать нас, то они наверняка ждут нашего появления.

— Если у них есть часовые, то я заставлю их замолчать, — пообещал Нумани.

— У вас есть план? — спросил Азаки, чья голова и плечи на мгновение показались в свете костра.

— Вы хотите Ламбрило? — сказал Тау. — Очень хорошо, сэр. Думаю, что смогу отдать его вам и на деле разоблачить его чудеса перед нашими хатканцами. Но только не при свободных в своих действиях инопланетниках.

Дэйн про себя решил, что это не так-то просто будет сделать. Каждый из браконьеров был вооружен бластером новейшего типа, предназначенным для Патруля. Какая-то часть его сознания размышляла о том, какой будет реакция на получение такой информации официальными инстанциями. Свободные торговцы и сотрудники Патруля встречались, когда нарушались законы на окраинах Галактики, но каждый понимал, что другой играет при этом важную роль, и если дело доходило до открытого столкновения между законом и его нарушителями, свободные торговцы оказывались на стороне Патруля. Команда «Королевы» в недавнем прошлом имела одно такое соприкосновение.

— Почему бы нам не сделать то, что они ожидают, и даже больше? — спросил Джелико. — Они считают, что мы в панике побежим к их лагерю, спасаясь от этого привидения. Предположим, что мы действительно побежим — после того, как Нумани удалит часовых, и побежим так хорошо, что проскочим мимо них? Я хочу заполучить это устройство связи.

— Вы же знаете, что они просто сожгут нас огнем бластеров, как только мы приблизимся к их лагерю.

— Вы задели гордость Ламбрило и он, если только верно сужу о его характере, не будет удовлетворен простым уничтожением, — ответил капитану Тау. — Кроме того, он, вероятно, захочет захватить заложников — особенно главного лесничего. Нет, если бы они хотели застрелить нас, то сделали бы это на островках, по которым мы пробирались сюда. И тогда бы не потребовалось это привидение.

— В ваших словах есть резон, — прокомментировал сказанное Азаки. — Это правда, что этим нарушителям закона очень хотелось бы захватить меня. Я из Хагавайя и мы всегда настаиваем на применении самых суровых мер против таких, как они. Но я не вижу, каким способом мы можем захватить лагерь?

— Мы не пойдем на лагерь с фронта, как они этого ожидают, а нападём с севера и сначала займемся инопланетянами... Думаю, что для этого хватит трех человек... Они сумеют причинить достаточно беспокойства, чтобы прикрыть действия двух других...

— У этого инопланетника, который носит форму космонавта, оружия не видно, хотя остальные держат его наготове. Считаю, что вы правы, думая, что они ждут сигнала от своих часовых, тех, которых мы не можем видеть. Предположим, капитан, что вы и я сыграем роль напуганных до безумия людей, бегущих от демонов. Нумани будет прикрывать вас с тыла, а два ваших человека...

— Предоставьте мне Ламбрило, — заговорил Тау. — Я хочу выманить его из укрытия. Думаю, что тогда смогу с ним справиться. А вы, Дэйн, возьмите на себя барабан.

— Барабан? — удивился Дэйн и сама мысль о необходимости захватить этот примитивный инструмент для них, обладающих бластерами, была просто поразительной.

— И когда вы это сделаете, я хочу, чтобы вы начали выбивать на нем «Границу Земли». Вы, наверное, сможете это сделать?

— Я не понимаю... — начал Дэйн, но затем проглотил остатки протеста.

Он понял, что Тау и не собирается объяснять, зачем ему нужно, чтобы популярная песня звездных дорог зазвучала в лагере браконьеров. За последние несколько лет, которые он провел среди вольных торговцев, ему давали несколько странных заданий, но впервые ему приказывали работать музыкантом.

Медленно тянулись минуты в ожидании возвращения Нумани, который отправился нейтрализовать часовых. Эти люди в лагере, вне всяких сомнений, ожидали их появления, и именно сейчас. Держа в руке лучевой пистолет, Дэйн прикидывал расстояние, отделявшее его от барабанщика.

— Сделано, — раздался в темноте позади них шепот Нумани.

Джелико и главный лесничий двинулись налево, а Тау направо. Дэйн, держась возле врача, последовал за ними.

— Когда они начнут, — губы Тау были около уха Дэйна, — бросайтесь к этому барабану. Я не хочу думать о том, каким образом вы завладеете им, но, захватив, удерживайте во что бы то ни стало.

— Да, сэр!

Раздался воющий крик с севера, крик безумного страха. Певцы остановились на середине, барабанщик сделал паузу и отпустил руки. Дэйн стремительно бросился к этому человеку. Огненный луч из пистолета Дэйна попал ему в голову и хатканец, так и не успевший подняться с колен, замертво рухнул. Схватив барабан, космонавт прижал его к груди, продолжая целиться поверх барабана из пистолета в изумленных туземцев.

На другой стороне лагеря творилось что-то ужасное — крики, резкое подвывание игольчатых ружей, шипение огня бластеров доносились оттуда. Продолжая угрожать пистолетом обалдевшим туземцам, Дэйн немного отступил и, опустившись на одно колено, поставил барабан на землю. Держа оружие наизготовку, он начал выстукивать левой рукой на барабане, но не тихо, как хатканский барабанщик, а твердыми энергичными ударами, перекрывающими шум сражения. Он не забыл «Границу Земли» и выбивал ее ритм с такой силой, что знакомое «да-да-да» громко гудело, разносясь далеко вокруг лагеря. Казалось, появление Дэйна парализовало хатканских преступников. Они уставились на него побелевшими глазами, вдвойне заметными на их черных лицах. Их рты были немного приоткрыты, как это бывает, когда происходит что-то неожиданное. Дэйн не отважился оглянуться и посмотреть, как идет сражение на другой стороне лагеря, но увидел появление Тау.

Врач вошел в свет костра не обычным размашистым шагом вперевалку, как ходили все космонавты, а семеня, танцующим шагом и он пел под удары барабана. Дэйн не мог разобрать слова, но знал, что они согласуются с ритмом «Границы Земли», образуя связь между слушателями и певцом, такую же связь, какая была между Ламбрило и хатканцами на горной террасе. Тау подчинил себе туземцев. Дэйн, убедившись, что все они попали под влияние врача, положил оружие поперек колена, барабана пальцами правой руки в более низком тоне.

«Да-да-да-да...» Безобидный повторяющийся ритм начала песни, который он повторял про себя, постепенно исчез и он уловил новые угрожающие слова, которые произносил Тау. Врач дважды обошел выбранный им для себя круг. Затем он остановился, снял с пояса ближайшего хатканца охотничий

нож и показал им на восток в темноту. Раньше Дэйи не поверил бы, что Тау может изображать то, что делал сейчас. В свете костра врач как бы сражался с невидимым противником. Он увертывался, ударял, поворачивался, атаковал, и все это в такт ударам барабана, в который Дэйи не знал как теперь и бить. Тау проделывал все это так, что было очень легко представить себе другого, сражавшегося против него. И когда нож врача опустился после энергичного удара, который был концом этой атаки, Дэйи глуповато установился на землю, почти ожидая, что увидит лежащее тело.

Тау повернулся на восток и церемонно отсалютовал ножом своему невидимому противнику. Затем он положил нож на Землю и застыл, глядя в слабо светящуюся темноту.

— Ламбрило! — его уверенный голос поднялся над зовом барабана. — Ламбрило, я иду!

Глава 7

Смутно сознавая, что шум на другом конце лагеря стихает, Дэйи приглушил звук своего барабана. Поверх него он мог видеть, как раскачиваются и кланяются хатканские нарушители закона, следуя ритму его ударов. Так же, как и они, он чувствовал власть голоса Тау. Но что может появиться в ответ — этот призрачный фантом, который был создан, чтобы запугать их и привести их сюда? Или все же человек, его создатель?

Дэйи казалось, что красноватый свет костра начинает тускнеть, хотя в действительности пламя, поднимавшееся над дровами, и не начинало гаснуть. Не ослабевал и густой едкий запах горения. Что из того, что затем последовало, было реальным, а что было продуктом его расстроенного воображения, впоследствии Дэйи был не в состоянии сказать. Вряд ли в действительности можно было спросить всех, кто присутствовал при этом, видел ли каждый человек — хатканец или инопланетянин — только то, что показывал ему его набор эмоций и воспоминаний. Или же все видели одно и то же?

Что-то скользнуло с востока, что-то, что было не столь ощутимо, как то призрачное существо, рожденное в тумане болота. Скорее это была невидимая угроза для находившихся у огня, который как бы символизировал сейчас человеческую дружбу, безопасность и был как бы оружием против темных сил этой опасной ночи. Была ли эта угроза только мысленной? Или Ламбрило все же имел какие-то средства для осуществления своей мести? Это невидимое оружие было холодным, оно угнетало их мозг, отнимало силы и делало их слабыми. Оно как бы старалось превратить их в глину, из которой потом можно сформировать все, что угодно. Одиночество, темнота, все, что противостояло жизни, теплу и действительности — все это собиралось вместе и надвигалось на них из ночи.

Но голова Тау была высоко поднятой. Он успешно противостоял этой невидимой угрозе. Между его крепко расставленными ногами ярко светился холодным светом охотничий нож.

— Ламбрило! — голос Тау поднялся как бы отбрасывая эту невидимую угрозу, затем он снова запел и ритм его непонятных слов несколько опередил ритм барабана.

Дэйи заставил себя бить в барабан, как бы наперекор тому, что надви-

галось из темноты, угрожая отнять у них силы и разум. Его руки продолжали опускаться и подниматься.

— Ламбрило! Я — Тау, с другой звезды, с другого мира, где другое небо, приказываю тебе выйти и выставить свою мощь против моей! — слова этого требования были произнесены таким тоном, в котором звучала резкость приказа.

В ответ появилась новая волна угрозы. Казалось, она может уничтожить их всех. Волна угрозы накатывалась как волна сильного прибоя разбушевавшегося океана, бьющегося о берег. На этот раз Дэйну показалось, что он различает какую-то темную массу. Прежде чем он успел разглядеть что-нибудь определенное, Дэйн отвел глаза и сконцентрировался на движениях своих барабнящих рук. Он отказывался верить, что такие мощные силы приведены в действие лишь за тем, чтобы уничтожить их. Он не раз слышал, как Тау рассказывал про такие вещи, но услышанные в знакомой обстановке на борту «Королевы» подобные приключения так и оставались только рассказами.

Здесь же, несомненно, была настоящая опасность. Однако Тау, когда над ним во всей своей мощи проходила полная угроза, продолжал, не склоняясь, стоять как ни в чем не бывало.

И, скрываясь под гребнем этой невидимой разрушительной волны, появился тот, кто был причиной всего этого. Это было не привидение, созданное из болотного тумана, а живой человек. Он шел спокойно с пустыми руками, как и Тау, и никто не заметил у него оружия. У костра люди застонали и повалились на землю, слабо стуча руками о почву. Но когда Ламбрило вышел из темноты, один из туземцев встал на четвереньки и начал двигаться маленькими мучительными толчками. Он пополз по направлению к Тау, его голова раскачивалась на плечах, как голова мертвой скальной обезьяны. Дэйн перехватил барабан одной рукой, а другой нащупал свой лучевой пистолет. Он попытался выкрикнуть предупреждение, но понял, что не может издать и звука.

Одна из рук Тау поднялась по направлению к приближающемуся туземцу и сделала круговое движение. Ползущий человек, глаза которого закатились так, что были видны одни белки, последовал за этим жестом и обошел врача. Он направился к Ламбрило, хныча как собака, которой не дали выполнить приказ хозяина.

— Вот так, Ламбрило! — сказал Тау. — Это только между тобой и мной. Или ты не хочешь показать свою мощь? Разве Ламбрило так слаб, что должен посылать другого выполнять свою волю?

Снова подняв две руки, врач резко опустил их и коснулся земли. Когда он снова выпрямился, в руке у него был зажат нож, который он затем бросил впереди себя. Вдруг дым от костра вытянулся по направлению к Ламбрило, закрутился вокруг него и затем исчез. Но там, где раньше был человек, теперь стояла бело-черная бестия. Ее рычащая морда была олицетворением ненависти и жажды крови, хвост с белой кисточкой яростно хлестал по бокам. Но Тау встретил эту трансформацию смехом, который прозвучал как удар кнута.

— Мы — оба мужчины, ты, Ламбрило, и я. Так встречай меня как мужчина и оставь эти трюки для тех, у кого нет ясного зрения. Ребенок играет как ребенок... — голос Тау громыхал, но сам он исчез.

Высокое полосатое существо — чудовищная горилла — стояла теперь перед хатканским львом. Но это продолжалось лишь одно мгновение, а затем космонавт стал снова самим собой.

— Время игр кончилось, человек с Хатки. Ты пытался охотиться за нами, желал нашей смерти, не так ли? Так пусть теперь смерть будет уделом проигравшего.

Лев исчез и перед ним снова появился Ламбрило. Он стоял в готовности, как человек перед смертельной схваткой, знающий, что пощады не будет. Для глаз Дэйна хатканец не сделал ни одного движения, однако костер вспыхнул, как будто ему подбросили свежую пищу. Языки пламени оторвались от дров и, как красивые и опасные птицы, взлетели в воздух. Они ринулись на Тау и окружили его, начиная с земли под его ногами и смыкаясь над его головой. Они соединились и завертелись все быстрее и быстрее, пока Дэйн, с удивлением следивший за этим, не увидел как бы сплошное пятно света, скрывавшее Тау в своей огненной сердцевине. Его собственные запястья сильно болели от длительного битья в барабаны. Он поднял одну руку, пытаясь защитить глаза от слепящего света.

Ламбрило запел и тяжелый ливень слов обрушился на них. Дэйн застыл — его руки предали его, попав под власть ритма этой чужой песни! Он немедленно поднял обе руки и опустил их вниз на барабан в беспорядочной серии ударов, которые не имели отношения ни к песне, нужной Тау, ни к песне, которую теперь пел Ламбрило — тхумп-тхумп-тхумп-тхумп... Дэйн выбивал это неистово, колотя в барабан так, как будто хотел вбить свои кулаки в тело хатканского колдуна. Столб огня закачался, завертелся, будто на него подул ветер, и исчез. Тау, целый и невредимый, спокойно улыбался.

— Огонь бессилён! — констатировал врач, указал рукой на Ламбрило и спросил: — Попытайтесь ли вы, знахарь, иметь дело с землей, водой, а также с воздухом? Ну, что ж, зовите сюда ваше наводнение, ваш смерч, вызывайте землетрясение. Ничто из этого меня не тронет.

Из ночи позади Ламбрило начали появляться какие-то призрачные существа, некоторые чудовищные, а некоторые человекоподобные. Дэйну казалось, что некоторых он узнает, другие были ему незнакомы. Люди, носившие форму космонавтов или одежду других миров, плача, смеясь, проклиная и угрожая, шли вместе с монстрами к находившимся у костра людям. Дэйн понял, что все, что теперь наступает на них, Ламбрило извлек из памяти Тау. Он закрыл глаза, борясь против насильственного вторжения чужого прошлого, но перед этим успел заметить, каким напряженным, так утончившимся, что под тонкой кожей проступили кости, стало лицо у Тау. Врач криво улыбался, узнавая каждое свое воспоминание, принимая на себя содержащуюся в них боль и отсылая их обратно нетронутыми.

— Это также не имеет больше силы, человек из тьмы.

Дэйн открыл глаза. Толпящиеся вокруг них призраки постепенно угасали и таяли, теряя вещественность. Ламбрило согнулся и закусил губу. На его лице можно было легко прочесть обуревавшую его ненависть.

— Я не глина, чтобы формироваться под твоими руками, Ламбрило. И теперь, думаю, пришло время действовать мне.

Тау снова поднял руки, держа их в отдалении от тела с ладонями, повернутыми к земле. И одновременно с этим, по обеим сторонам космонавта начали собираться две черные тени. Они росли, тянулись вверх, как могут под-

ниматься растения из садовой почвы. Вскоре по обеим сторонам врача стояли два черно-белых льва. Высоко подняв руки и напряженно выпрямившись, стоял Тау перед Ламбрило, который с ужасом опознал в этих львах свой собственный вид магии.

«Лев» Ламбрило, которого они видели раньше, был больше живого, более разумный, более опасный, чем настоящий зверь, которому он подражал. Такими же были и эти. И оба, подняв свои головы, уставились в лицо врача.

— Хорошей вам охоты, братья в меху,— сказал Тау медленно, почти небрежно.— Позвольте тому, за кем вы будете охотиться, посоревноваться с вами в беге.

— Остановите его! — Из темноты выпрыгнул человек и встал позади колдуна. В свете костра обозначились его инопланетная одежда и бластер, направленный на ближайшего из львов Тау.

Луч его бластера ударил точно, но не только не убил льва, но даже не опалил шерсть на шкуре чудесного животного. Тогда прицел бластера перешел с чудовища на врача, но Дэйн успел выстрелить первым. Раздался стон инопланетянина и бластер выпал из его сильно обожженной руки. Раненый, ругаясь, от боли завертелся на одном месте.

Тау плавно взмахнул руками. Большие головы животных послушно повернулись и их красные глаза уставились на Ламбрило. Колдун напрягся и, глядя в эти глаза, ненавидящим голосом закричал врачу:

— Я не буду беглецом, которого преследуют охотники и дьявол!

— Я думаю, будешь, Ламбрило. Теперь ты должен отведасть страх, такой страх, чтобы он переполнил тебя и затмил твой разум, сделав тебя животным. Раньше ты посылал такой страх на других людей, на тех, кто стоял на твоём пути, кто сомневался в твоём могуществе. Ты охотился за ними, чтобы убрать со своей дороги. Не думаешь ли ты, что теперь они ждут тебя в темноте, готовые приветствовать тебя, колдун? Ведь то, что они когда-то пережили, тебе вскоре тоже придется пережить. Этой ночью ты извлек из моей памяти и показал мне то, что было в моем прошлом, мои слабости, о чем я сожалею или печалюсь... А теперь твой черед, теперь ты в течение оставшихся часов будешь вспоминать свое прошлое, и я не завидую тебе. Теперь же беги, Ламбрило!

Говоря это, Тау, сопровождаемый двумя черно-белыми львами, почти вплотную приблизился к колдуну, нагнулся и схватил горсть земли. Плюнув на нее трижды, он бросил ее в Ламбрило, попав как раз чуть выше сердца. Колдун зашатался, как будто этот небольшой ком земли нанес ему смертельный удар. Затем хатканец сломался окончательно. С причитаниями он повернулся и побежал, пробираясь сквозь кусты, и ничего не видя перед собой. Два чудовища бесшумно поскакали вслед за ним и все трое вскоре исчезли.

Тау закачался и положил руки на голову. Дэйн отбросил барабан и привстал, готовый прийти на помощь, но врач еще не закончил. Он повернулся к распростертым на земле туземцам и резко хлопнул в ладони.

— Вы люди и, следовательно, должны действовать как мужчины. Того, что было, больше не будет. Встаньте свободными, так как темная сила, так долго властвовавшая над вами, последовала туда, откуда нет возврата. Страх теперь не будет больше есть из ваших мисок, не будет пить из ваших чашек, не будет лежать на циновках для сна около вас.

— Тау! — закричал Джелико, перекрывая крики поднимающихся с земли хатканцев.

Но все же Дэйн успел подбежать и подхватить врача, прежде чем тот ударился о землю. Тело врача всей тяжестью навалилось на него и он осторожно сел, держа голову Тау на своем плече. Одну ужасную минуту Дэйну казалось, что он держит уже мертвеца, что Ламбрило все же успел нанести врачу смертельный удар. Но тут Тау вздохнул и затем дыхание его стало глубоким и спокойным.

— Он спит! — обрадованно взглянул Дэйн на капитана.

Джелико стал на колени и его рука легла на грудь врача, проверяя, как бьется сердце. Затем он осторожно коснулся утомленного и грязного лица Тау.

— Сейчас это самое лучшее для него, — оживленно сказал он. — Он сделал свое дело.

Потребовалось некоторое время, чтобы подвести итоги их победы. Двое инопланетян были мертвы. Еще один вместе с космонавтом был захвачен в плен, а Нумани добавил к ним человека, которого ранил Дэйн, чтобы спасти Тау. Когда младший космонавт, устроив на отдых спящего врача, присоединился к остальным, то он увидел, что Азаки и Джелико уже вели импровизированное следствие. Ошеломленные туземцы были умело связаны между собой Нумани, а неподалеку от них допрашивали инопланетян.

— Человек из «Интерсолара», так? — обратился Джелико к раненому инопланетянину, поглаживая покрытый грязью подбородок. — Пытались влезть сюда и перехватить договор у «Комбайна»? Не так ли? Лучше бы вы сами все рассказали, все равно ваше центральное правление откажется от вас, вы должны это понимать. Ведь они не поддерживают тех, кто терпит неудачу в таких делах.

— Я хочу получить медицинскую помощь, — огрызнулся тот, баюкая у груди свою обожженную руку. — Или вы думаете, что потом отделаетесь от меня, передав этим дикарям?

— Зная, что вы хотели застрелить его, — ответил капитан с улыбкой, похожей на гримасу акулы, — наш врач может и не захотеть латать ваши пальцы. Ведь если вы хватаете ими то, что не надо, то их, естественно, легко обжечь. По крайней мере, наш врач, пока не отдохнет, не собирается заниматься вами. Поэтому я сам окажу вам первую помощь и, пока я буду это делать, мы поговорим. Итак, «Интерсолар» занялся браконьерской торговлей? Эта новость, видимо, понравится «Комбайну» и они смогут использовать вас и ваши сведения надлежащим образом.

Ответ инопланетянина был возбужденным и невразумительным, но форменная одежда, которую он носил, сама по себе была уже достаточным объяснением. Дэйн, совершенно измотанный, вытянул свое измученное тело на груди винтовок и потерял интерес к происходящему.

Двумя днями позже они снова стояли на той же террасе, где Ламбрило демонстрировал свою магию и где он потерпел свое первое поражение. Но на этот раз дело было не утром, а днем, и солнце светило так ярко и празднично, что было трудно поверить в фантастические приключения на просторах болот, где люди сражались с оружием в руках против всяческих чудовищ и людей.

Трое с «Королевы» отошли от парапета, чтобы встретить главного лесничего, спускающегося по ступенькам.

— Только что вернулся посланный мной человек. Ламбрило действительно бежал так, будто за ним охотились, и его путь видели многие, хотя и не видели тех, кто за ним охотился. Он нашел свой конец около большой реки и теперь он мертв.

— Но это почти в пятидесяти милях от болот на этой стороне гор! — удивился Джелико.

— За ним охотились и он бежал, как вы и обещали, — сказал Азаки, обращаясь к Тау. — Вы продемонстрировали действительно сильную магию, человек с другой планеты!

Врач медленно покачал головой.

— Я только обратил его методы против него самого. Так как он сам верил в свою силу, то эта сила, отраженная мной, сломала его. Если бы я вступил в борьбу с тем, кто сам не верит... — он пожал плечами. — Наша первая встреча во многом предрешила дальнейшее. После нее он стал бояться, что я сравняюсь с ним, и эта неуверенность пробила брешь в его броне.

— Ради Земли, почему вы захотели, чтобы я выбивал на барабане именно «Границу Земли»? — спросил у врача Дэйн.

— Во-первых, — рассмеялся Тау, — эта проклятая мелодия, благодаря вам, преследовала меня так долго, что я знал ее в совершенстве. Ее ритм, вероятно, единственный, который вы можете выбивать, даже не сознавая этого. И, во-вторых, ее чужеземная мелодия была частью нашей задачи — противодействовать туземной хатканской музыке Ламбрило, которая, несомненно, была важным элементом его магии. Он должен был продолжать считать, что мы не знаем правды относительно отравленной воды, в которую был добавлен наркотик, и поэтому подготовлены к любой фантазии, которую он захочет создать. Когда они увидели нас на болоте, то сочли, что нас лучше захватить. Ламбрило всегда имело дело только с хатканцами, знал их реакции, знал, как все это использовать. Но мы не хатканцы и поэтому он потерпел поражение...

Азаки улыбнулся.

— То, что было хорошо для Хатки, было плохо для Ламбрило и тех, кто его использовал, чтобы творить зло. Оставшийся в живых браконьер и хатканские преступники предстанут перед нашим правосудием и я не думаю, что они получают удовольствие от этой встречи. А остальные двое — космонавт и агент «Интерсолара» — будут переправлены на Эхо к администрации «Комбайна». Думаю, что эти администраторы встретят известие о вторжении другой компании на свою территорию без особой радости.

— В таких делах доброта и «Комбайн» далеко отстоят друг от друга, — проворчал Джелико. — Но мы, наверное, тоже полетим на Эхо на том же корабле, что и наши пленники.

— Но, друзья мои, вы еще не видели заповедники! — воскликнул Азаки. — Уверяю вас, что на этот раз не будет неприятностей. Ведь до вашего возвращения на Эхо есть еще несколько дней.

Капитан «Королевы Солнца» поднял руку.

— Ничего не доставит мне большего удовольствия, чем осмотр заповедника Зобору, сэр! Но в будущем году. А теперь наш отпуск кончился, и «Королева» ждет нас на Эхо. И позвольте мне также прислать вам несколько рекламных проспектов о новейших типах флиттеров, гарантированных от аварий.

— Да, гарантированных, — бесхитростно добавил Тау, — не разбивающихся, не теряющих курса и не прерывающих прекрасных экскурсий другими способами.

Главный лесничий откинул голову и его громкий хохот звонким эхом отразился от окружающих их скал.

— Отлично, капитан! Ваши почтовые рейчас через определенные промежутки времени будут приводить вас на Эхо. А я тем временем изучу рекламные проспекты, касающиеся ваших неповреждающихся флиттеров. Но вы обязательно должны посетить Зобору — и, пожалуйста, поверьте — все будет великолепно. Я заверяю вас, врач Тау!

— Обязательно! — прошептал Тау, а Дэйну, послышалось: — Спокойствие глубокого космоса является для нас сейчас намного более восхитительным, чем все заповедники Хатки!

ПРОШТЕМПЕЛЕВАНО ЗВЕЗДАМИ

Глава I

ГРУБОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Он полз на четвереньках через мир пара, сквозь жидкую грязь, грозившую проглотить его. Он не мог дышать... но должен был идти... уходить... выбраться. Его длинное костлявое тело лежало на кровати, широко раскинув руки. Его пальцы слабо цеплялись за смятое покрывало, а голова медленно поворачивалась. Взгляд не мог оторваться от конца узкой койки. Влажная жара, клейкая грязь держали его... но он должен идти. Это необходимо — он должен! Он тяжело дышал, все его тело дрожало и сотрясалось. Он пытался приподняться. Он видит... глаза передали это сообщение мозгу... он видит, что не ползет по парящему болоту. С трудом приподняв голову, он взглянул на стены, которые поднимались и опускались в такт его дыханию.

Дэйн Торсон, помощник суперкарго, вольный торговец «Королева Солнца», земной регистр 65—72—49—10—ДЖИ—КЕЙ — он прочел эти слова, как будто они были огненной надписью на стене. И они имели смысл? Он... он Дэйн Торсон. А «Королева Солнца»?

С выдохом, похожим на вскрик, он оттолкнулся и сел. Теперь он не лежал на кровати, а сидел на ней, и, хотя он крепко держался, кровать под ним как будто поднималась и опускалась. Но установление собственной личности как будто сняло какой-то барьер. Он может думать. Голова кружится, вот-вот опять пропадет сознание, но он может заставить себя рассортировать события недавнего прошлого или хотя бы его части. Он, Дэйн Торсон, — исполняющий обязанности суперкарго «Королевы», потому что Ван Райк, его начальник, улетел и присоединится к ним только в конце пути. А это — «Королева Солнца», вольный торговец... Но, осторожно поворачивая голову, он уже знал, что это неправда. Это не знакомая каюта на борту корабля — это комната. Он заставил себя всматриваться в окружающее в поисках помощи для ослабевшей памяти. Кровать, на которой он сидит, два опускающихся сидения у стены, окон нет, две двери, обе закрытые... Слабый свет исходил от лампы на потолке. Голая комната, похожая на камеру. Камера... Что-то начало проясняться.

Их задержал Патруль. Это камера... Нет! Они сели на Ксечо и готовы были лететь на Трьос в свой первый почтовый рейс.

Лететь! Это слово как будто ударило его током. Дэйн попытался встать и чуть не упал, но удержался за стену. Его желудок выворачивало наизнанку. Ухватившись за ближайшую дверь, он открыл ее своим весом и увидел, что какой-то милосердный инстинкт привел его в туалет. Его вырвало. Все еще сотрясаясь от спазм, он ухитрился пустить воду и плеснуть себе

в лицо и на верхнюю часть туловища. И тут он впервые заметил, что на нем нет форменной куртки, хотя брюки и космические башмаки остались. Вода и, как ни странно, рвота еще дальше увели его от мира тумана. Он вернулся в комнату. Последнее ясное воспоминание... Какое?

Сообщение... Что за сообщение? Надо взять посылку. На мгновение перед ним ярко вспыхнула картина — контора суперкарго на «Королеве», у двери стоит Тан Я, инженер-связист. Сообщение пришло перед самым стартом... Перед самым стартом! «Королева» готова к взлету.

Его охватила паника. Он не знал, что случилось. Сообщение... и он должен был покинуть корабль... Но где же он? И что еще важнее... — когда? Потому что у «Королевы» график, тем более строгий, что она теперь почтовый корабль. Давно ли он здесь? Они не могли улететь без него! Как, почему и где?

Дэйн вытер ладонью с лица пот. Странно, он покрыт потом и, в то же время, внутри у него мертвящий холод. Где-то тут одежда... Он вернулся к кровати и начал рыться в лежащих на ней тряпках. Это не его. Не скромная коричневая одежда космонавта, а кричащее, хотя и поблекшее, платье со сложной вышивкой. Но из-за холода он решил одеться. Потом он направился к другой двери, той, которая должна вывести его отсюда... где бы он ни был. «Королева» должна взлетать, а он не на борту.

Ноги по-прежнему подгибались, но он заставлял себя идти. Дверь от слабого толчка поддалась и он оказался в коридоре с длинными рядами закрытых дверей. В дальнем конце арка, а за ней шум и движение. Дэйн направился туда, по-прежнему пытаюсь вспомнить побольше. Сообщение о посылке... Он должен был немедленно покинуть «Королеву». Здесь он остановился и посмотрел вниз на свое тело под незастегнутой курткой, слишком маленькой и короткой для него. Пояс... Да, на месте... однако.. Он проверил одной рукой. Все карманы пусты за исключением того, где находится жетон. Но никто не может использовать его личный жетон, он настроен исключительно на организм Дэйна. Стоит кому-нибудь взять его жетон и через несколько минут вся его информация будет стерта. Итак, его ограбили. Но почему комната? Если его ударили, то почему не оставили на месте?

Он осторожно ощупал голову — никаких шишек или синяков. Конечно, и нервный удар может свалить человека, а если ему в лицо дунули усыпляющим газом... Но почему комната? Не время разгадывать загадки. «Королева» и старт — он должен быть на «Королеве»! А где он? Много ли у него времени? Но если он не вернулся, корабль, конечно, не стартовал. Его должны искать. Экипаж «Королевы» связан слишком крепкой дружбой, чтобы оставить товарища на планете, не попытавшись отыскать его.

Двигаться стало легче, в голове прояснялось. Дэйн поплотнее запахнул куртку, хотя застегнуть ее не смог. Дойдя до арки, он выглянул. Большое помещение было знакомым. Половина его была занята киосками с циферблатами для быстрого набора заказа. Во второй половине находился робот-регистратор, пункт приема телеграмм, экран новостей. Это... это... Он не мог вспомнить названия, но это была одна из маленьких припортовых гостиниц, предназначенных главным образом для членов экипажей, ожидающих старта. Только вчера он обедал за тем маленьким столиком с Рипом Шенноном и Али Камилом... Вчера ли?

«Королева» и время взлета... Снова паническая спешка охватила его.

По крайней мере, он недалеко от порта, хотя на этой планете, где сухая почва была лишь узкими островами среди мелких парящих морей, было трудно уйти далеко от порта, оставаясь все на том же клочке суши. Но все это сейчас не имело значения. Он должен вернуться на «Королеву». Эта задача занимала теперь все его внимание. Он сделал один осторожный шаг, а потом другой, направляясь к ближайшей двери. Видели ли его люди в киосках? Может, они захотят остановить его? Может быть, им покажется, что ему нужна помощь? Но ему нужно на «Королеву».

Дэйн не знал, привлек ли он чье-то внимание. Вид свободного скуттера у самого выхода наполнил его счастьем. Падая на сидение, он вытащил жетон, сунул его в щель и нажал кнопку «ход». И тут же посмотрел на посадочную площадку. Один, два, три корабля! И последней в ряду стояла «Королева»! Он успеет. Скуттер неся на предельной скорости, хотя сам Дэйн не помнил, как включил ее. Как будто машина сама ощутила его страх и нетерпение.

Грузовой люк закрыт. Конечно, он же сам закрыл его. Трап еще опущен. Вылетев из скуттера, Дэйн ухватился за поручни и хотел подняться, но вернулись слабость и головокружение. А трап начал подниматься — корабль готовился к старту. Дэйн сделал конвульсионное движение и поднялся к люку. Добраться до своей каюты и привязаться он не успеет. Куда же идти? Ближе всего каюта Ван Райка, вверх по лестнице. Собственное тело превратилось во врага, которого нужно было одолеть. Дэйн смутно осознавал свою схватку с лестницей и смутно помнил, как почти упал в раскрытую дверь каюты, добрался до койки, опустился на нее и тут же потерял сознание.

На этот раз не было никакого сновидения о ползаньи по парящему болоту, только тяжелое давление на грудь и хрипящее дыхание в подбородок. Дэйн открыл глаза и встретился с вопросительным кошачьим взглядом. Синдбад, корабельный кот, снова уткнулся в него носом и впился когтями. Синдбад... Значит, он на «Королеве» и они в космосе. Огромное облегчение охватило Дэйна и тут он впервые смог подумать о чем-то другом, кроме необходимости вовремя добраться до «Королевы». Итак, он отправился за посылкой. Где-то его ударили и ограбили. Но после того, как он взял посылку или до того? Новая тревога... Если он дал расписку, значит, он, а точнее «Королева», отвечает за утрату. Чем быстрее он доложит капитану Джелико, тем лучше.

— Да, — сказал он вслух, отталкивая Синдбада и садясь, — надо увидеть старика.

Первое пробуждение в гостинице было жестоким и это оказалось почти таким же. Схватившись за край койки, он закрыл глаза в неуверенности, что сможет передвигаться. На стене укреплен коммуникатор, надо добраться до него и позвать на помощь... Яд? Неужели они... эти загадочные они... или он... тот, кто организовал нападение, отравил его? Однажды с ним уже так было после удачной охоты на горпов на планете Саргол. Он должен был выпить церемониальный напиток и дорого заплатил за это позже. Тау... врач Тау...

Дэйн стиснул зубы, ухватился за висевшую на стене связку микрофильмов Ван Райка и подтянулся. Ему удалось снять микрофон, но он не был уверен, что нажал кнопку лазарета — все расплывалось перед глазами. Дэйн боялся возвращаться на койку. Тошнота была слабее, когда он стоял. Мо-

жет, надо идти... доложить капитану... Он услышал предостерегающее ворчание Синдбада, когда его нога коснулась чего-то мягкого. Большой кот, чье достоинство было оскорблено прикосновением к хвосту, когтями впился в башмак Дэйна.

— Прости,— прошептал Дэйн, пытаясь обойти кота и прорваться к двери, к колодцу лестницы.— Капитан... Должен доложить...

— Что за?..

Дэйн не наступил на голову поднимавшегося, но был близок к этому. Как и в случае с Синдбадом, он попытался избежать столкновения и отшатнулся так далеко, что упал бы, если бы встречный не подхватил его. Красивое лицо Али Камила качнулось назад, потом вперед. Рука помощника инженера крепко держала его.

— Должен... доложить... Джелико...

— Во имя пяти имен Стейфола! — лицо Камила прояснилось, потом снова расплылось.

— Джелико... — повторил Дэйн, зная, что говорит, но не слыша собственного голоса и не будучи в состоянии высвободиться из железной хватки Али.

— Пошли вниз.

Не вниз, вверх. Он должен увидеть Джелико... Он на лестнице. Али должен понять, но они спускаются, спускаются... Дэйн потряс головой, чтобы прояснилось сознание, но ему лишь стало хуже. Он не осмелился идти и впился глазами в лестницу — единственную точку опоры во вращающемся мире. Его поддерживали. Он слышал голоса, но не понимал, о чем говорят.

— Доложить... — хриплым шепотом произнес он из последних сил.

С ним двое — Али и еще кто-то. Дэйн не смел повернуть голову, чтобы взглянуть на второго. Когда его вносили в каюту, Дэйн висел между ними. На какое-то время туман рассеялся. Он до-прежнему висел между поддерживающими его людьми, но сейчас он мог видеть, будто шок от того, что он увидел перед собой на койке, вырвал его из беспамятства.

Спящий лежал неподвижно, ремни не были расстегнуты, как будто он еще не пришел в себя после старта. Одежда, голова, лицо... Дэйн вырвался из поддерживающих его рук. Должно быть, их изумление было не меньшим. Дэйн, спотыкаясь, сделал шаг-другой к койке и уставился на лежащего. У того были закрыты глаза — очевидно, он спал или был без сознания. Держась одной рукой, чтобы не потерять равновесие, Дэйн вытянул другую. Он хотел коснуться спящего и убедиться, что тот действительно лежит здесь, что глаза его не обманывают. Лицо лежащего на его койке он не раз видел в зеркале. Он смотрел... на самого себя!

Но, может быть, это тело и лицо лишь видение, порождение его болезни? Палец уперся в плоть. Дэйн повернулся. Али был здесь, а с ним был Фрэнк Мура, кок-стюард. Оба смотрели на человека на койке.

— Нет! — Дэйн задыхался.— Я... Я, это я! — Дэйн Торсон.— И он повторил ту формулу, которая вывела его из кошмара в гостинице.— Я — Дэйн Торсон, помощник суперкарго, вольный торговец «Королева Солнца», земной регистр 65—72—49—10—ДЖИ—КЕЙ.

Его личный жетон! У него есть доказательство. Он сунул руку в карман, извлек жетон, показал всем и понял, что он действительно Дэйн Торсон. И если он Дэйн Торсон, то кто же тогда...

— Что происходит?

Тау! Врач Тау! Дэйн с облегчением обернулся, все еще держась за койку. Тау узнает его. Ведь он с Крэйгом Тау был в такой переделке на Хатке.

— Я — Дэйн, и могу доказать это. Вы — Крэйг Тау, мы были на Хатке, где вы с помощью магии заставили Ламбрило поранить себя. И... в... — он протянул дрожащую руку с жетоном Камилу. — Вы — Али Камил, мы нашли вас в лабиринте на Лимбо. А вы — Фрэнк Мура, вы вывели нас из этого лабиринта.

Он доказал. Никто, кроме Дэйна Торсона не мог знать этого. Они поверят ему. Но кто же... на его койке, в его куртке? Вот заплатка, которую он сам посадил торо-волной три дня назад, он, Дэйн Торсон.

— Я — Дэйн Торсон. — Теперь у него дрожали не только руки, он весь дрожал и был готов снова потерять сознание. — Может, это все просто безумный сон?

— Спокойно! Держи его, Камил! — Тау был рядом и тут же Дэйн оказался в туалете и его стошнило. — Удержите? — Голос Тау доносился как бы издалека. — Неужели укол. Он...

— Отравлен, я думаю, — услышал Дэйн собственные слова, но разве он произнес это вслух? И в этот момент свет померк.

Третье пробуждение оказалось легче. В этот раз не тяжесть Синдбада и не его шершавый язык привели Дэйна в себя. Он ощутил облегчение, как будто сбросил с себя какую-то тяжесть, и долго лежал довольный, пока его не начало тревожить какое-то воспоминание. Что-то... что-то он должен доложить капитану. Мысли текли неторопливо. Он открыл глаза и немного повернул голову — он в лазарете. Хотя раньше он не лежал здесь, каюта была ему знакома. Он зашевелился и тут же увидел врача.

— Снова с нами? Посмотрим... — Тау быстро и уверенно осмотрел его. — Отлично, хотя по правилам вы должны были умереть.

— Умереть? — нахмурился Дэйн. — А человек на моей койке?

— Умер. Мне кажется, вы оправились. — Тау подошел к настенному коммуникатору. — Лазарет вызывает капитана.

Капитан... Доложить капитану! Дэйн попытался встать, но Тау уже нажал кнопку и койка под Дэйном превратилась в кресло. Небольшое головокружение тут же прошло.

— Человек... как...

— Сердечный приступ от ускорения. Ему нельзя было покидать планеты, — ответил Тау.

— Его... его лицо...

Тау что-то взял с ближайшей полки. Он смотрел на Дэйна, держа пластмаску. Вместо глаз дыры, а в остальном впечатление, будто смотришь в зеркало. А полоска, покрытая светлыми волосами, как у Дэйна, завершала сходство.

— Кто он? — В маске было какое-то очарование, и Дэйн с трудом отвел взгляд, будто в руках врача была часть его самого.

— Мы надеялись... надеемся, что вы знаете, — ответил Тау, — но она нужна капитану.

И, как будто это было предупреждением, появился капитан Джелико. Как обычно, его загорелое лицо со шрамом от бластера не выражало никаких чувств. Он перевел взгляд с маски на Дэйна и обратно.

— Великолепная работа, — заметил он, — и трудная.

— И не на Ксечо выполненная, добавил бы я, — сказал Тау и, к облегчению Дэйна, убрал маску. — Ее делал специалист.

Капитан подошел к Дэйну и протянул руку. На его ладони лежала объемная фотография. Мужчина, лицо не загорелое, как у космонавтов, а бледное. Землянин или потомок землян-колонистов. В глазах странная неподвижность, волосы редкие, песчано-коричневые, брови тонкие. На щеках веснушки. Он был совершенно незнаком Дэйну.

— Кто? — спросил Дэйн.

— Человек под ней, — указал Джелико на маску. — Вы его знаете?

— Никогда не видел.

— У него были ваши вещи, подложный жетон и эта маска. Он должен был на борту корабля выдать себя за вас. А где были вы?

Дэйн кратко рассказал о событиях после пробуждения в гостинице, добавив сообщение об исчезнувшей посылке... если она вообще исчезла.

— Информировать почтовую полицию? — предложил он.

— Это не грабеж. — Джелико взглянул на фото, будто хотел получить разгадку. — Слишком тщательная подготовка. И, я думаю, нужно было проникнуть на корабль.

— Суперкарго, сэр, — подхватил Дэйн, — имеет доступ к...

— Разумное предположение, — резко кивнул Джелико. — Перечень грузов... Что у нас достойно такого сложного плана?

Дэйн, впервые наделенный полной ответственностью за груз, мог бы процитировать весь список. Он мысленно пробежал по нему. Ничего... ничего важного. Но маска означает время для подготовки, тщательное и длительное планирование. Он повернулся к Тау.

— Меня отравили?

— Да. Если бы не сдвиг в обмене веществ после того церемониального напитка на Сарголе... — Он покачал головой. — Хотели ли они убить вас или просто вывести надолго из строя, но вы получили смертельную дозу.

— Значит, он должен был стать мной. Надолго? — Дэйн задал вопрос самому себе, но ответил капитан.

— Не дольше, чем до Трюса. Во-первых, если он не был исключительно осведомленным, он не смог бы долго обманывать товарищей по команде, которые вас знали. Для этого нужно было знать мельчайшие подробности, а вы слишком недолго находились в их руках. Вы отсутствовали не более одного ксечианского цинцикла. А полный объем памяти требует гораздо большего времени. Изображать больного он не смог бы, Тау раскусил бы его. Конечно, он должен был сказать, что не уверен в работе, что должен проверить все записи и тому подобное. Перелет на Трюс недолог. До Трюса он смог бы продержаться, но не дольше. Во-вторых, могут быть две причины, по которым он оказался на борту — либо ему нужно было что-то провезти без досмотра, либо самому незаметно добраться до Трюса. Помешала ему случайность! На вас яд не подействовал из-за сарголийского напитка, а сам он не был готов к космическому путешествию.

— Он что-нибудь принес с собой? — спросил Дэйн.

— Беда в том, что мы не проверяли при посадке. Мы не знаем, принес ли он что-нибудь. В каюте ничего нет, а трюмы запечатаны.

— Закрыты? А сейф? — возразил Дэйн. — Я не закрывал его, пока не была получена посылка.

Джелико подошел к коммуникатору...

— Шеннон! — от вызова помощника штурмана у Дэйна зазвенело в ушах. — Быстро к сейфу! Проверьте, полностью ли он заперт!

Дэйн попытался размышлять — если трюмы закрыты, где можно что-нибудь спрятать на «Королеве»?

Глава 2

УТРАЧЕННАЯ И НАЙДЕННАЯ ПАМЯТЬ

— Два трюма закрыты полностью, сейф наполовину, — донесся из коммуникатора голос Рипа.

Капитан взглянул на Дэйна и тот кивнул.

— Как я и оставил. Надо проверить сейф.

Неизвестный не мог открыть нижние трюмы, где находился их груз, но сейф для особо ценных грузов... Поскольку незнакомец был намерен, очевидно, лететь с ними, а не ограничиваться разовым вторжением на «Королеву», и в каюте Дэйна ничего не нашли, то есть он принес что-то с собой на борт, им нужно как можно скорее найти это что-то.

— Вы не в состоянии... — начал Тау, но Дэйн уже сидел.

— Позже мы все можем оказаться не в состоянии, — угрюмо возразил он.

Однажды «Королева» увезла почти смертоносный груз и память об этом экипаж сохранит навсегда. Лес, взятый на Сарголе, скрывал в себе зверька, способного принимать цвет любого фона. В когтях этого зверька таился наркотик, поразивший экипаж как чума.

Дэйн был уверен, что осмотр комнаты-сейфа сразу покажет ему, есть ли на борту незаконный груз — благодаря длительной и большой тренировке суперкарго держит в голове очень большой перечень грузов. Его должны пустить туда, безопасность «Королевы» превыше всего. Тау поддерживал Дэйна, а капитан спускался впереди, время от времени тоже помогая Дэйну. К тому времени, когда они добрались до сейфа, Дэйн продолжал нуждаться в такой поддержке. Он долго не решался оторваться от Тау, сердце его бешено колотилось и он тяжело дышал. Ему снова вспомнились слова Тау о том, как он был близок к смерти. Наконец Дэйн протянул руку к замку.

Трюс — окраинная планета, слабо заселенная. Почта, которую они везли в единственный порт, была невелика — микрозаписи с агротехнической информацией, личные письма поселенцам и мешок официальных бумаг посту Патруля. Особо ценных материалов было немного и главные среди них — эмбриобоксы. Поскольку ввоз домашних животных на большинство планет находился под строжайшим контролем, каждая такая перевозка требовала особых мер безопасности. У экологической службы были строгие правила, что можно и что нельзя перевозить. Слишком часто в прошлом естественное равновесие на планетах бессмысленно нарушалось ввозом организмов, у которых не было местных врагов. Развитие таких организмов быстро выходило из-под контроля и превращалось из средства добывания прибыли, как надеялись ввозившие, в страшную угрозу.

После тщательной проверки колонистам разрешалось ввозить зародыши, и на «Королеве» находилось пятьдесят зародышей латмеров в запечатанных

контейнерах. Зародыши были получены в лаборатории и стоили гораздо больше, чем их вес в кредитах — на Трюсе оказался подходящий климат, а мясо латмеров считалось роскошью в обширном секторе Галактики. Птицы за год достигали полного роста, а цыплята являлись особым деликатесом. Если колонистам удастся вырастить достаточное количество латмеров, у них появится собственная прочная статья в галактической торговле.

Для Дэйна это было главным сокровищем, перевозимым «Королевой». Но контейнеры были тщательно закрыты, дважды опечатаны и упакованы так же, как он их и оставил. Их никто не трогал. Несколько других мешков и ящиков так же казались нетронутыми, и Дэйну пришлось наконец признать, что он не обнаружил следов вмешательства. Но когда Тау помог ему выйти из сейфа, Дэйн тщательно опечатал сейф, как должен был сделать перед взлетом «Королевы». Первоначальная проблема оставалась нерешенной. Зачем на борту оказался мертвец в маске? Пока они не выйдут из гиперпространства, а это будет лишь в системе Трюса, у них не будет никакой возможности связаться с Патрулем или с другими представителями власти.

Тау тщательно осмотрел тело, прежде чем его поместили в глубокий холод. Помимо того, что неизвестный умер от сердечного приступа, вызванного ускорением при взлете, осмотр ничего не дал. Неизвестный был земного происхождения без заметных отклонений, вызванных мутацией. В эти годы космических полетов он мог быть какого угодно возраста и со множества планет, обитатели которых сходны с землянами. Раньше никто из экипажа «Королевы» его не видел. Несмотря на все усилия, Тау не удалось выделить и определить яд, введенный Дэйну... Личный жетон Дэйна был искусно подделан. Джелико вертел его в руках, как бы надеясь увидеть ключ ко всему происшествию.

— Такой тщательный план означает большое дело. Вы говорите, что вызов за посылкой пришел с пункта связи посадочного поля? — спросил капитан.

— По обычному каналу. У меня не было оснований сомневаться.

— Там свободный доступ, — заметил штурман Стин Вилкокс. — Отправить сообщение мог любой. А в самом тексте не было ничего необычного?

— Ничего, — Дэйн подавил вздох.

Конечно, он только заместитель Ван Райка (как он теперь хотел, чтобы обычно всеведущий суперкарго оказался с ним, а сам он мог бы вернуться к менее ответственной роли помощника), но он знал, что у них в трюме, и сам укладывал большую часть груза на специальные стеллажи. Самые большие предметы — это эмбриобоксы и клетки с бречами. Клетки с бречами! Это единственный предмет, о котором он не вспомнил главным образом потому, что бречи живые и потому были размещены в отделении гидропоники и переданы в ведение Муры.

— А бречи? — спросил Дэйн.

У Тау ответ был готов.

— Там ничего. Я осматривал их. У самки вот-вот появятся щенки, но только после приземления. В клетке ничего нельзя спрятать.

Бреч — самое большое сухопутное животное на Ксечо. Их там много. На самом деле они невелики. Взрослый самец доходил Дэйну до колен, самка — чуть больше. Забавные и привлекательные существа, покрытые мелкой растительностью, именно растительностью, а не шерстью и не подшерстком,

кремового цвета со слегка розовым оттенком у самок. Самцы потемнее. У них, кроме того, складки кожи под горлом. Раздуваясь, они становились алыми. Длинные головы, с узкими заостренными рылами, увенчаны на конце маленьким острым рогом. Этим рогом бречи легко открывали раковины моллюсков — свою любимую пищу. Уши обрамлены подобием перьев. Бречи легко приручаются. Их строго охраняют на Ксечо, после того как первые колонисты начали незаконную торговлю их шкурами. Отобранные пары вывозятся только с разрешения специалистов по ксенобиологии, как и эта пара, предназначенная для лаборатории на Трюсе. По какой-то причине они являются загадкой для биологов, и на многих планетах ученые тщательно их изучают.

— Все,— спустя короткое время сказал Дэйн. Он мысленно пробежал весь перечень грузов — ничего особенного. А все-таки этот мертвец свидетельствовал о тщательно разработанном плане.

— Итак... — Вилкокс как будто решал одно из своих любимых уравнений, наслаждаясь его сложностью.— Если не груз, то сам человек. Ему нужно было тайно пробраться на Трюс. Маскировка должны была помочь ему проникнуть через оба порта, либо только через один. Он рисковал тем, что мы его раскроем и посадим под арест. Кроме того, убийство, если они собирались избавиться от нас навсегда.— Он кивнул Дэйну.— А это дорогая плата. Что происходит на Трюсе?

Они хорошо знали, что внутренняя политика на многих планетах — опасная штука, и вольные торговцы старались не принимать ничьей стороны. В каждого из них вросло убеждение, что их корабль — это их планета, и ему принадлежит их верность — в начале, в конце и навсегда. Иногда трудно было согласовать это с различными симпатиями и антипатиями, но все они твердо знали, что от этого зависит их жизнь, и твердо придерживались такого поведения. До сих пор Дэйн никогда не сталкивался с выбором между безопасностью корабля и собственными эмоциями. Он знал, что в этом ему повезло, и надеялся, что это везение будет продолжаться. Он не знал, приходилось ли его товарищам сталкиваться с такой дилеммой, прошлое до его появления на «Королеве» принадлежало только им.

— Ничего, насколько мне известно,— заметил Джелико, все еще рассматривая жетон.— Если бы что-то происходило, нас бы предупредили в общем порядке. Эти рейсы обслуживал «Комбайн».

— Может быть, «Интерсолар»? — предположил Али.

«Интерсолар» — «И — С»... В прошлом их «Королева» дважды сталкивалась с этой компанией и оба раза вольный торговец выигрывал бой. Пигмей успешно противостоял гиганту звездных трасс. Компании с их огромными торговыми империями, с их флотами, с тысячами, даже миллионами служащих, разбросанных вдоль галактических торговых путей, были монополиями, боровшимися друг с другом за контроль над торговлей с новыми планетами. Вольные торговцы, как нищие на пиру, подхватывали крохи выгоды, которые гиганты презрительно пропускали или считали нецелесообразным их разрабатывать.

«Королева Солнца» получила контракт на вывоз камней корос с Саргола. Ее капитан даже сражался на дуэли с человеком «И — С» за это право. Именно «И — С» объявила «Королеву» зачумленным кораблем, когда удивительный зверек, проникший на борт, вывел из строя почти весь экипаж. И лишь проявленная младшими членами экипажа твердость характера и

реши́мость — они сумели обратиться на Земле за помощью — спасли корабль и жизнь всего экипажа. И контрабандную торговлю именно «Интерсолара» они разрушили на Хатке, когда капитан Джелико, врач Тау и Дэйн прибыли туда по приглашению капитана рейнджеров в отпуск.

Конечно, у людей «И — С» не было оснований любить «Королеву» и во всех своих неприятностях экипаж был склонен прежде всего винить их. Дэйн сделал глубокий вдох. Может быть, «И — С»? У компании есть возможности для осуществления такого плана. Во время пребывания «Королевы» на Ксечо, там не было кораблей «Интерсолара». Ксечо — территория «Комбайна», но это ничего не значило. Нужный человек мог быть прислан на нейтральном корабле из другой системы. И если это часть заговора «И — С»...

— Может быть, — ответил Джелико, — но я в этом сомневаюсь. Конечно, они не испытывают к нам теплых чувств, но мы для них — мелкая сошка. Увидев возможность подорвать нам двигатель без особого труда, они ею воспользуются, но разрабатывать такой сложный план — нет. Мы перевозим почту, значит, всякое происшествие повлечет за собой расследования Патруля. Я не отвергаю «И — С», но не они самые вероятные злоумышленники. «Комбайн» не сообщал о политических волнениях на Трюесе...

— Есть способ кое-что узнать, — с отсутствующим видом заметил Тау, постукивая пальцами по краю полки, и Дэйн обнаружил, что следит за ним.

Хобби Тау была магия или, точнее, те необъяснимые способности, которые первобытные, а иногда и далеко не первобытные люди использовали во множестве миров для достижения своих целей. Тау использовал свои знания, чтобы отвести от них опасность на Хатке. И именно постукивание пальцами было использовано для создания силы, сломившей волю колдуна-знахаря. Только тогда по приказу Тау постукивал пальцами Дэйн. И как будто та же мысль возникла и у Тау. Дэйн не обладал телепатическими способностями, но, по словам Тау, прекрасно справился на Хатке.

— В полном сознании вы не можете вспомнить, что происходило после того, как вы покинули корабль, и до пробуждения в гостинице, — продолжал врач.

— Глубокое зондирование? — догадался Дэйн.

— А подействует? — спросил Джелико.

— Нельзя сказать, пока не попробуем. У Дэйна против гипнотехники блок. Но мертвец носил его куртку, а это значит, что они встречались. Если он согласен, то глубокое зондирование может дать ответ на некоторые вопросы.

Дэйну хотелось изо всех сил крикнуть «Нет». У впечатлительного человека глубокое зондирование раскрывает всю его жизнь, начиная с раннего детства. Но их интересует лишь ближайшее прошлое. Дэйн видел смысл в предложении Тау.

— Мы возьмем период только после оставления нами корабля. — Тау, по-видимому, понимал состояние Дэйна. — Зондирование может и не получиться, вы не очень подходящий объект для этого. К тому же, мы понятия не имеем, как изменился после яда ваш организм.

Дэйн почувствовал, как его охватывает тот же холод, с каким он боролся после пробуждения в гостинице. Может, Тау считает, что пострадал его разум? Но он отлично помнит весь груз и записи подтверждают точность

его памяти. Он не помнит лишь тот период, который и хочет восстановить Тау. Дэйн вздрогнул — он совсем не хочет знать, повредил ли яд его умственные способности. Только если он не согласится, в будущем его могут ожидать еще большие трудности.

— Хорошо, — сказал он и тут же пожалел о согласии.

Поскольку корабль находился в гиперпространстве, на вахте был только Рип. Капитан и Вилкокс присутствовали при подготовке к зондированию. Дэйн точно не знал, как оно действует, хотя всем было известно, что оно способно вывернуть человека наизнанку. Джелико приготовился записывать то, что будет рассказывать Дэйн, и Тау сделал укол. Дэйн услышал негромкое бормотание, а потом...

Он спускался по трапу, слегка встревоженный и недовольный тем, что его в самую последнюю минуту вызвали за посылкой. К счастью, поблизости стоял полевой скуттер. Дэйн сел в него, опустил свой жетон и тронулся к выходу.

— «Денеб», — он вслух повторил название, смутно припомнив небольшое кафе у самого порта.

По крайней мере, близко. Запись-расписка у него в руке, достаточно голоса капитана и прикосновения его пальцев и расписка станет законной. Скуттер доставил его к выходу, и Дэйн посмотрел вдоль улицы в поисках нужного места. Ксечо — перекресток дорог, и здесь часто останавливаются корабли. Потому-то здесь и есть гостиницы, рестораны, кафе и другие заведения для космонавтов, хотя этот район и невелик, и не может идти ни в какое сравнение с портами других миров. Он состоит из одной улицы — тесного ряда одноэтажных зданий..

Был очень жаркий, как обычно, полдень, а Дэйн пошел в мундире, что усиливало неудобства. Нужно было как можно скорее покончить с этим делом. Он искал вывеску. Горящие по ночам яркие надписи теперь отсутствовали. Вскоре он увидел то, что ему было нужно — небольшое заведение, зажатое между рестораном и гостиницей, в котором он обедал накануне. На улице почти никого не было — большинство людей спасалось от жары. По дороге Дэйну попалось лишь два космонавта и он в них не всматривался.

Войдя в «Денеб», он как будто шагнул из раскаленной печи в холодный полумрак. Каким облегчением было оказаться здесь после жестокого полудня Ксечо! «Денеб» оказался не кафе, а скорее пивнушкой, и Дэйн почувствовал беспокойство. Трудно себе представить, что человек, желающий вручить особо ценную посылку, ждал бы в таком месте. Впрочем, это первый почтовый рейс Дэйна и откуда он может знать, что такое нормальная почтовая процедура? «Королева» отвечает лишь за благополучную доставку груза, а если его сомнения не развеются, ему достаточно на обратном пути зайти в порт и дополнительно застраховать посылку.

У дальней стены находился ряд автоматов с циферблатами набора напитков и разрешенных наркотиков. Впрочем, он не сомневался, что зная код, можно получить и кое-что запретное. В помещении было тихо. У дальнего автомата сидел опьяневший космонавт, рассматривающий пустой стакан. Ни следа владельца... Маленький прилавок у двери был пуст. Дэйн в нетерпении ждал. Не этот же выпивоха посылал за ним. Наконец он постучал по прилавку.

— Спокойнее, спокойнее... — слышались слова на базовом языке, но с каким-то присвистыванием.

Занавес за прилавком отдернулся и вошла женщина. Она была достаточно гуманоидной, чтобы ее так называть, хотя ее бледную кожу покрывали крошечные чешуйки, а свисавшая на плечи растительность была не вполне волосами. Черты лица были почти человеческими. Одета она была по последней земной моде — в узкие брюки из металлической ткани, пушистую кофту без рукавов и полумаска из серебряной проволоки закрывала глаза и лоб. Одежда совершенно не подходила к такой грязной дыре.

— Что вы хотите? — снова слышались свистящие звуки.

— Вызывали почтовый корабль «Королеву Солнца», джентльмен для доставки ценной посылки.

— Ваш жетон, джентльхому.

Дэйн протянул жетон, и она склонила голову, как будто сложная маска мешала ей смотреть.

— Да, есть посылка.

— Отправитель вы?

— Пожалуйста, сюда.— Она не ответила на вопрос, поманив за собой Дэйна и приподняв занавес.

Там оказался очень узкий коридор, и Дэйн при ходьбе задевал плечами за стены. Затем вторая дверь отошла в сторону. Помещение, в котором он очутился, было полной противоположностью первому. Стены были забраны пластщитами, отливающимися друг с другом и дающими бесконечную вереницу чужих ландшафтов. В ноздри Дэйну ударило зловоние, от которого его чуть не вырвало. Он не видел источника этой ужасной вони, она просто существовала в этой роскошно-меблированной комнате, где во всем чувствовалась бездна вкуса, подкрепленная бездной кредиток.

В кресле развалился мужчина. Он не встал при появлении Дэйна и поприветствовал его только взглядом. Женщина не обратила на мужчину никакого внимания. Она быстро прошла мимо Дэйна к противоположной стене и взяла ящичек из тусклого металла, куб с размером граней в две ладони.

— Возьмите,— сказала она.

— Кто подпишет? — Дэйн перевел взгляд с женщины на мужчину, который смотрел на него так пристально, что Дэйн почувствовал беспокойство.

Мужчина ничего не ответил, хотя наступила небольшая пауза, как будто женщина ждала приказа. Потом она сказала:

— Если это необходимо, подпишу я.

— Да, это необходимо.— Дэйн извлек свой аппарат и направил его на ящичек.

— Что вы делаете? — вскрикнула женщина с такой тревогой, будто он собирался разбить ящичек.

— Делаю официальную запись,— пояснил Дэйн.

Она крепко держала ящичек, расставив пальцы, чтобы закрыть как можно большую его поверхность.

— Если хотите отправить, то придется действовать по правилам,— продолжал Дэйн.

Она снова как будто ждала знака от мужчины, но тот не шевелился и не отрывал взгляда от Дэйна. Наконец, с видимой неохотой, она поставила ящичек на край небольшого стола и отступила назад, готовая снова схватить

его. Дэйн сделал снимок посылки и протянул микрофон для записи голоса.

— Подтвердите, что вы посылаете это с условием особой сохранности, джентльфом, и назовите свое имя, дату, а потом прижмите палец вот здесь.

— Хорошо, раз таковы правила, я сделаю это.— Но она снова взяла ящичек и прижала его к себе, а потом потянулась за микрофоном.

Но не закончив свое движение, ее рука, протянутая к микрофону, скользнула по запястью Дэйна и необыкновенно длинный ноготь царапнул его тело. Он был слишком поражен, чтобы пошевелиться, и тут же его руки и ноги онемели, а запись упала на пол. У него хватило сил, чтобы повернуться к двери, но он не сделал ни шага. Последнее ясное воспоминание — он опускается на колени и улавливает все тот же неподвижный взгляд мужчины в кресле, который и не пошевелился. И сразу же вслед за этим, он ползет по болоту и жидкой грязи, и просыпается в гостинице, чтобы вслед за этим добраться до «Королевы».

Очнувшись, он увидел лазарет и склонившегося к нему с иглой в руке Тау. На этот раз Дэйн отчетливо помнил все, что вызвало в его памяти глубокое зондирование.

Глава 3

НЕПРИЯТНОСТИ С ГРУЗОМ

— Запись,— вслух выразил Дэйн первую же мысль.

— Это не единственная вещь, которую неизвестный не принес с собой,— ответил Джелико.

— Ящичек?

— Его здесь нет. Возможно, это была только приманка.

Дэйн почему-то не поверил в это. Действия женщины, насколько он помнил, говорили о другом. А может, она просто должна была отвлечь его внимание, чтобы он не подозревал о готовящемся нападении? Дэйн знал, что собравшиеся в лазарете знали все подробности его воспоминаний. Зондирование не только записывалось, но и транслировалось, пока он был без сознания.

— Как я попал из «Денеба» в гостиницу? — удивился Дэйн.

Было что-то еще, какое-то раздражающее воспоминание о мелькнувшем лице, но он не был уверен. Видел ли он, падая, другого человека? В этом не было уверенности.

— Вас могли перенести как пьяного,— заметил Али,— это для порта обычная картина. И я понял, что вы, уходя, никого не расспрашивали.

— Мне нужно было вернуться на корабль,— ответил Дэйн, думая о ящичке, который казался таким важным для женщины и был небольшим, так что его можно было легко спрятать, но они обыскали сейф, каюту...— Ящичек...

Капитан Джелико встал.

— Примерно вот такого размера,— показал он руками в воздухе.

Дэйн утвердительно кивнул.

— Хорошо, мы поищем.

Дэйн хотел принять участие в поисках, но был прикован к постели собственной слабостью — действие второго укола, сделанного Тау, кончилось,

и Дэйн почувствовал такую сонливость, что не мог с ней бороться. Он знал, что поиск, организованный капитаном, дойдет до самой обшивки «Королевы».

Очнувшись и чувствуя себя гораздо лучше, Дэйн узнал, что поиск не увенчался успехом. У них на руках был мертвец в глубоком охлаждении и больше ничего, если не считать записи зондирования, которую снова и снова просматривал капитан Джелико в поисках мельчайших деталей. К перечню можно было добавить лишь одно предположение, что человек, видевший уход Дэйна, может быть, был все еще в «Денебе».

— Если они видели Дэйна, то для них это было неожиданностью, — но было слишком поздно менять план, а мы ничего не можем предпринять, пока не доберемся до патрульного поста на Трюсе. Готов поклясться, что там, где мы искали, нет никакого ящичка.

— Эта женщина, — сказал связист Тан Я, прихлебывая земной кофе в кают-компании, — чужак. Любопытно... — Из внутреннего кармана он извлек блокнот, резкими уверенными движениями сделал набросок и показал его Дэйну. — Похоже?

Дэйн изумился. Как и все члены экипажа, Тан Я имел хобби, скрашивающее скуку дальних перелетов, но Дэйн считал, что его хобби — сооружение миниатюрных электронных приборчиков и игрушек, и не знал, что связист-марсианин еще и художник. Дэйн рассматривал рисунок, сопоставляя его со своими воспоминаниями.

— Лицо... уже у подбородка, глаза... чуть более раскосые, а может, они показались такими из-за маски.

Тан Я взял блокнот, немного подправил рисунок и лицо изменилось.

— Да! — воскликнул Дэйн, удивляясь полученному изображению.

Связист передал рисунок капитану и тот долго рассматривал его, потом передал Тау, а врач в свою очередь Стину Вилкоксу. Штурман поднес рисунок ближе к свету.

— Ситлит...

Дэйну это слово ничего не сказало, но капитан чуть не выхватил блокнот у своего заместителя и снова стал его разглядывать.

— Вы уверены?

— Ситлит, — убежденно повторил Вилкокс, — ... не подходит.

— Да, — гневно согласился капитан.

— А кто это Ситлит? — спросил Тау. — Или что?

— И кто, и что, — ответил Вилкокс. — Чужаки, гуманоидные, но чуждые в десятой степени.

Дэйн с удивлением взглянул на рисунок, лежащий перед капитаном. Чуждые в десятой степени! Ксенобиология входила в курс подготовки суперкарга, поскольку от ксенобиологических знаний часто зависел успех торговли с чужаками. Изучение чужих обычаев, желаний и личностных факторов никогда не прекращалось, но Дэйн не знал, что чуждые до такой степени существа могут так походить на человека. Это все равно, что представить себе земную змею в человеческом образе.

— Но она... она говорила разумно. И она... очень похожа на человека, — возразил Дэйн.

— И она отравила вас, — сухо заметил штурман. — Она не смазывала ноготь ядом. У нее в пальце ядовитая железа! Не знаю, как она могла оказаться столь похожей на человека. Но Ситлит на Ксечо! Их считают привя-

занными к родной планете. Открытое пространство вызывает у них такой ужас, что любая попытка увезти их в космос кончается смертью — они ругаются до смерти. Мир у них в инфракрасном свете, поэтому мы их нечасто навещаем. В лаборатории на Барбароссе я видел одного в глубоком охлаждении. Детеныша... Его ядовитые мешочки были пустыми. Он пробрался на патрульный корабль и там спрятался, а когда его обнаружили после старта... — Вилкокс пожал плечами, — все было кончено. Но у вас взрослая особь, действующая в чужом мире, а я готов поклясться, что это невозможно.

— Нет ничего невозможного, — возразил на это Тау.

И он был прав, все космонавты знали это. Невероятное, невозможное на одной планете может оказаться самым обычным на другой. Ночные кошмары Земли являются частыми и достойными гражданами других планет, хотя, может быть, и не по земным стандартам. Обычаи, настолько необычные, что кажутся невозможными, где-нибудь могут оказаться обязательными. Поэтому космонавты, а особенно вольные торговцы, навещающие малоизвестные и недавно открытые планеты, верили, что возможно все, каким бы невероятным оно не казалось.

Джелико снова взял рисунок.

— Его можно зафиксировать? — спросил он Тана Я.

— Нажмите в середине и рисунок сохранится, пока вы сами не захотите стереть его.

— Итак, у нас есть мертвец, маска, чужак, который должен бы находиться во многих парсеках отсюда на своей родной планете, исчезнувший ящичек чудом выжившего помощника суперкарга — и никаких объяснений. — Вилкокс поставил пустую кружку на стол. — Если перед посадкой мы не найдем его...

— Есть еще кое-что. — В дверях стоял Фрэнк Мура, произнесший фразу своим обычным спокойным тоном, но что-то в его голосе сразу привлекло общее внимание. — Есть два пропавших бреча.

— Что? — вскочил Джелико.

Он увлекался ксенобиологией и поэтому вел наблюдения за животными с Ксечо, иногда даже беря их в свою каюту. Квикс, уродливый хубат, чья клетка висела в каюте капитана, невероятная помесь попугая, краба и жабы, отчаянно протестовал и обычная мера успокоения — капитан сильно хлопал по клетке — не действовала. Поэтому Джелико на время визита бречей приходилось переселять квикса.

— Но клетка заперта, — добавил капитан.

Мура протянул руку, на которой лежала тонкая проволока, изогнутая на одном конце.

— Вот что было в клетке, — сказал он.

— Клянусь семью именами Трутекса! — Али взял кусочек проволоки и повертел между пальцами. — Настоящая отмычка!

— Проволоку выломали из сетки внутри клетки, — добавил Мура.

Теперь все смотрели на него. Изнутри клетки? Но это значит... это значит, что это сделали бречи. Но бречи — животные, и к тому же не самые умные. Насколько Дэйн помнил, они по шкале обучения стояли ниже Синдбада, который сидел сейчас в углу кают-компания и изобретательно умывал свою морду.

— Дайте взглянуть! — Джелико взял проволоку и рассмотрел ее с той же

тщательностью, что и рисунок перед этим.— Обломана... Да, это отмычка.

— Бречи исчезли,— повторил Мура.

В трюме, как подумал Дэйн, они быть не могут, трюмы опечатаны. Остаются машинное отделение, лазарет, их личные каюты, контрольная секция и несколько других мест, ни в одном из которых негде было укрыться двум сбежавшим животным. Предстоял новый поиск. Животные испуганы, к тому же самка беременна, ее нельзя тревожить. Джелико отобрал в поисковую группу только тех, кто имел дело с бречами — незнакомцы могли обратить животных в отчаянное бегство... Он приказал Штоцу вместе с Кости, Уиксом и Али, который должен был немедленно туда вернуться, осмотреть машинное отделение, убедиться в том, что бречей там нет и оставаться там. Вилкокс и Тан Я должны были присоединиться к Шеннону в контрольной секции, обыскать ее и закрыться. Таким образом, непосредственный поиск осуществляли Тау, Дэйн, Мура и капитан. Именно они заботились о живом грузе и кормили его. В качестве добавочной предосторожности Синдбада заперли в камбузе.

Когда машинная и контрольные секции доложили, что там бречей нет, начался поиск. Дэйн спустился к трюмам, но печати были нетронутыми, пробраться внутрь было невозможно. Дэйна беспокоила мысль об отмычке. Как бречи сделали ее? И они ли? Ни один член экипажа не станет так шутить, это бессмысленно. А неизвестный мертв и лежит в холодильнике. Воображение Дэйна подсказывало самое ужасное объяснение и он против воли все время оглядывался на дверь холодильника. Она, конечно, тоже была опечатана. Дэйн с облегчением подумал, что уж такие дикие предположения действительно невозможны, мертвые не оживают.

Оставались каюты. Сначала осмотрели каюты инженерной секции. Они не были роскошно меблированы, а их теснота означала, что живущий здесь должен быть педантичным и аккуратным. Никаких ящиков и кладовок... Дэйн осмотрел все возможные укрытия, а их было очень немного. Открывал двери каждого душа. Ничего.

Следующий уровень — каюта и контора Ван Райка. Дэйн вошел и осмотрелся. И здесь ничего. Не в первый раз он пожалел, что обитатель этой каюты не находится на борту. Ван Райк им просто необходим. Многолетний опыт суперкарго, знание всех лабиринтов торговли и обычаев чужаков — вот что было нужно для решения задачи. Печать на сейфе напротив каюты суперкарго была нетронутой, как он и оставил ее.

Следующий уровень — каюты помощников, каюта Рипа, гидросад и камбуз — секция Муры. Свою территорию Мура обследует сам, Дэйну оставалось лишь осмотреть каюту Рипа и свою собственную. Вначале он занялся каютой Рипа, а потом своей. Когда он открыл дверь своей каюты, лишь несколько миллиметров спасли его. Парализующий луч ударил над ухом и Дэйн отлетел в коридор. Он умудрился захлопнуть дверь и прислонился к стене, стараясь унять головокружение. Кто-то внутри, вооруженный станнером, пытался остановить его. Но кто? Может, есть еще один неизвестный помимо умершего? Это единственно возможное объяснение. Дэйн добрался до ближайшего коммуникатора и нажал красный сигнал тревоги.

— Что?.. — слышался голос Вилкокса, но он звучал очень слабо, как будто выстрел оглушил Дэйна.

— Кто-то... в моей каюте... станнер... — предупредил Дэйн и стал следить

за дверью каюты, хотя и не представлял, как он, безоружный, может помешать противнику выйти.

Но если находящийся в каюте понимал свое преимущество, то он все-таки не пытался его использовать. Дэйн попробовал вспомнить, где же можно было спрятаться. Во флиттере? Но ускорение взлета плюс переход в гиперпространство без всяких приспособлений вывели бы из строя большинство людей. Конечно, может, это и не человек?

Послышался шум — это спускался Джелико. В тот же момент из гидросада появился и Мура. За капитаном следовал Тау и он немедленно направился к Дэйну.

— Задел меня станнером, — пояснил Дэйн.

— Все еще там? — взглянул Джелико на каюту.

— Да.

— Ладно, Тау, усыпляющий газ через вентиляционную трубу.

Тау прижал Дэйна ближе к стене, приказал не шевелиться, и вернулся в свою лабораторию на следующем уровне. Вскоре он появился с небольшим контейнером и длинной трубой, которые протянул капитану.

— Все готово.

— Вы видали кто это? — спросил Тау, когда капитан зашел в каюту Рипа и начал проталкивать трубу через вентиляционную решетку.

— Нет, все произошло слишком быстро. После того, как он задел меня, я не мог смотреть прямо. Но где он мог спрятаться? Во флиттере?

— Во время старта? Возможно, если он очень крепок. Но переход в гипер... сомневаюсь. Разве что на койке Шеннона. Тот был на вахте, а мертвец лежал в вашей каюте.

Сквозь открытую дверь им было видно, как Джелико, стоя на койке Рипа, осторожно проталкивает трубу, чтобы она достигла решетки в каюте Дэйна. Точными движениями он так ввел конец трубы, чтобы газ пошел в закрытое помещение.

— Готово. — Крепче взяв контейнер одной рукой, другой он взял протянутую Тау маску, которая должна была защитить его от случайных пропусков газа.

Ожидание казалось Дэйну бесконечным. Он весь дрожал от последствий удара станнера. Наконец капитан вытащил трубу и спрыгнул с койки.

— Если он дышит, — с угрюмым удовлетворением сказал он, — то он сейчас готов.

Это утверждение показалось Дэйну странным, как будто капитан разделял его чудовищное предположение об ожившем мертвце. Дэйн первым добрался до двери. Изнутри она была незапертой и легко поддалась, так что они могли заглянуть. Все держали приготовленные Тау маски, а врач насосом убирал газ из каюты.

Дэйн так ожидал увидеть человека, что в первые две-три секунды растерялся. На полу, все еще сжимая лапой станнер, лежал самец-бреч, а на койке свернулась самка. Оба были без сознания.

— Бречи! — Дэйн опустился на колени и коснулся перистого меха самца, прежде чем поверил в очевидное.

В помещении больше никого не было. Животное воспользовалось станнером, как загнанный в угол человек. Дэйн взглянул на капитана и впервые за время службы на «Королеве» увидел на лице Дже-

лико изумление. Тау наклонился над самкой и быстро осмотрел ее.

— Начинается. Пропустите... — Подняв животное, он перешагнул через неподвижного самца.

— Но как же?.. — Дэйн перевел взгляд с капитана на Муру, потом на самца. — Он... он использовал станнер. Но...

— Ученый бреч? — предположил Мура. — И он обучен пользоваться оружием в таких обстоятельствах?

— Возможно, — Джелико задумался. — Не знаю, Фрэнк, можно ли сделать такую клетку, чтобы нельзя было открыть изнутри.

— Навесить цепь, установить сигнал тревоги... — перечислил Мура возможные варианты, нагнувшись и всматриваясь в спящее животное.

Дэйн подобрал станнер и засунул его в ящик.

— Животное, — констатировал Мура. — Готов поклясться, что это животное... было животным. Я видел бречей. Эти ничем не отличаются от остальных. Когда я наполнял их кормушку... — Он замолчал и нахмурился.

— Что случилось, когда вы наполняли кормушку? — спросил капитан.

— Вот этот, самец, следил, как я открывал клетку. Потом протянул лапу и ощупал замок. Я подумал, что он хочет еще листьев рентона, и положил его. Но теперь мне кажется, что он исследовал замок.

— Что ж, давайте перенесем его в клетку, — сказал Джелико. — И используйте цепь и сигнал тревоги, Мура. В качестве дополнительной предосторожности надо установить видеоэкран. Я хочу иметь запись того, что он будет делать, когда проснется.

Мура поднял бреча и понес его в клетку. Джелико и Дэйн смотрели, как он принял все меры предосторожности, а потом позвали Тан Я, установившего видеофон. Теперь за животными можно было следить, как будто это были подозреваемые в преступлении и заключенные в камеру.

— Кто отправитель этого груза? — обернулся Джелико к Дэйну.

— Лаборатория Норкаса. Все бумаги в порядке. Их отправляют на Трюс людям Симплекса — очередной проект, разрешенный Советом.

— Не мутанты?

— Нет, сэр. Самые обычные животные. Эту клетку устанавливал техник Норкаса, он же привез пищу и указания по кормежке для Муры.

— Он устанавливал клетку... — задумчиво повторил Джелико, поднял руку и провел ею по стене над клеткой. — Он сам выбрал это место?

Дэйн постарался вспомнить. Техник явился на борт с двумя людьми, несшими за ним клетку. Сам ли он выбрал это место? На этот вопрос ответил Мура.

— Нет, сэр. Я попросил, чтобы легче было присматривать за животными. Но я не понимаю... Самка... ей еще месяц... детеныши должны родиться на Трюсе.

Капитан Джелико стукнул по переборке за клеткой, будто испытывая ее прочность.

— Внизу сейф, — сказал он.

Но Дэйн не видел связи между этим и странным поведением пары бречей, а Джелико не стал объяснять. Нагнувшись, он попросил Муру объяснить устройство запора. Потом Мура начал устанавливать видеоэкран, причем, к удивлению Дэйна, капитан приказал замаскировать его от обитателей клетки. Проснувшись, бречи не будут знать, что находятся под наблюдением, как будто они действительно подозреваемые в преступлении.

Организовав все к своему удовлетворению, Джелико, наконец, отдал приказ оставить животных и всем держаться как можно дальше от клетки. Дэйн, бросив взгляд на мирно спящее животное — он все еще не мог поверить, что именно бреч чуть не убил его из станнера — вернулся к себе в каюту, растянулся на койке и тщетно пытался понять, что же произошло. На «Королеве» и раньше случались кризисные ситуации, но никогда не было такой цепочки необъяснимых происшествий. Животные, действующие так, будто они обладают разумом человека, мертвец с его лицом и чужая женщина — все это фантастично, как телефильм.

Установлено видео — что надеется увидеть капитан? А, может, прав Мура, предположив, что бреч приучен нападать на человека? Возможно ли это?

Дэйн скатился с койки и принялся пересматривать документы. Все так, как он помнил — два бреча, самец и самка, отправленные лабораторией Норкас на Ксечо агротехнической станции Сиплекс на Трюсе. Все разрешения получены и, если документы не подделаны, все в порядке. Тем не менее, он переснял все документы. Не успел он закончить эту работу, как заработал один коммуникатор.

— Экран, — послышался голос Джелико и Дэйн включил маленький телеэкран.

Глава 4

БЕСПОКОЙНЫЙ ПОЛЕТ

Появился на экране короткий коридор и клетка бречей. Бреч стоял, поворачивая голову, будто отыскивая что-то. Потом, проявив более напряженные эмоции, чем можно было бы ожидать от пользующегося известностью своим дружелюбием животного, он бросился к дверце клетки, ухватил прут лапами и принялся яростно трясти. Однако этот приступ ярости длился недолго. Через несколько секунд бреч сел, рассматривая непреодолимый барьер.

«Похоже на размышление, на паузу для планирования, — подумали они, — впрочем, это невозможно».

Бреч снова приблизился к дверце, вытянул лапу как можно дальше и принялся ощупывать замок и новое крепление. И в этот момент Дэйн снова вернулся к предположению, отброшенному им после того, как он вторично просмотрел документы. Он видел действия, которыми руководил разум. Бреч подавил первую реакцию страха или гнева и теперь исследовал возможности своего освобождения. Мутант? Но если этот так, то работники Норкаса нарушили свои обязательства, а у них слишком хорошая репутация. К тому же, тогда техники знали бы об особых свойствах животных. Оставалась лишь одна возможность — вопреки документам, эти животные не из Норкаса. Они часть тщательно подготовленного плана наряду с появлением незнакомца. Бречи и неизвестный — нужно ли рассматривать и эту ситуацию?

Ощупав лапами крепления, бреч сидел неподвижно, глядя на дверцу, отрезавшую его от свободы. Затем, как будто приняв решение, он решительно вернулся в глубину клетки и, используя рог на носу, поднял часть мягкого настила пола. Это, похожее на подушку покрытие, должно было предохранять

животных от последствий ускорения и перехода в гиперпространство. Бреч обнажил место, где был выломан один прут. Отмычка! Вот откуда взялась отмычка! Дэйн смотрел как околдованный. Бреч хочет попытаться вторично? Очевидно, так. Животное напряглось и просунуло носовой рог в образовавшееся отверстие. Дергая головой вверх и вниз, бреч пытался выломать упругий прут. Он работал напряженно и сосредоточенно с решительностью, которую Дэйн раньше относил совсем к другой форме жизни.

Наконец бреч выломал длинный кусок проволоки. Случайно это или бреч понял, что теперь замок стоит дальше, чем предыдущий, и теперь понадобится более длинная проволока? Снова приблизившись к дверце, бреч просунул проволоку, вставил ее в замок и тут же бросил, отпрыгнул и затряс головой от тревоги и боли. Дэйн знал, что он получил слабый электроудар — дополнительная предосторожность, чтобы помешать подобным действиям. Бреч опять сел, трясая лапой. Затем, прижав ее к груди, высунул бледный язык и принялся облизывать согнутые пальцы, хотя Дэйну было известно, что напряжение было слабым и служило лишь предупреждением. Теперь они видели достаточно, чтобы понять, что имеют дело не с обыкновенными бречами.

— Капитан! — слышался в коммуникаторе голос Тау. — Пройдите в лазарет.

Что еще? Дэйн встал. Тау вызывал капитана, но если какие-то сложности возникли в связи с самкой, ответственность лежит на нем. Она ведь часть груза, а груз — его обязанность. Он тоже должен идти. Когда Дэйн вошел в лазарет, капитан уже был там, но ни он, ни врач не оглянулись на вошедшего. Они смотрели на импровизированное логово, где неподвижно лежала самка. На какое-то мгновение Дэйн с беспокойством подумал, что она умерла. Два маленьких пушистых комочка подняли головы. Глаза их закрыты, но носы подергивались, как будто они принюхались к какому-то запаху. Дэйн видел щенков бречей в лаборатории на Ксечо, когда договаривался о перевозке этой пары, но те были постарше. А в этих маленьких бречах было что-то странное.

— Мутанты? — задал вопрос Джелико то ли себе, то ли Тау. — Они... Ну, может, после рождения они...

— Посмотрите. — Тау повернулся не к щенкам, а к прибору в углу логова, на шкале которого дрожала стрелка. — Радиация. Я не стал бы утверждать, что они мутанты, но ясно, что они в чем-то отличаются от матери. У них больше черепная коробка и для новорожденных они удивительно подвижны и насторожены. Я не ветеринар и обладаю только общими знаниями, но сказал бы, что они слишком развиты для преждевременно родившихся.

Радиация! Дэйн почувствовал, что его охватывает какое-то предчувствие. Он знал, что их ожидает катастрофа. Не глядя на новорожденных щенят, он спросил Тау:

— Его можно переносить? — и указал на прибор.

— Зачем?

Но капитан, очевидно, уловил мысль Дэйна.

— Если даже он и стационарный, то нам нужен переносной. — Капитан положил руку на прибор, а Тау смотрел на них, как будто они заболели космической лихорадкой.

Джелико подошел к коммуникатору.

— Тан Я, принесите переносной дозиметр.

Тут Тау понял.

— Радиация на корабле... но...

Никаких «но». Если догадка Дэйна оправдается, все звенья загадки становятся на свое место. Незвестный принес на борт источник радиации и так тщательно спрятал его в сейфе, что они не смогли его обнаружить. А клетка бречей, как уже говорил Джелико, стоит как раз над сейфом.

— Представляет ли это опасность для экипажа? — спросил капитан у Тау.

— Нет, я проверял. Впрочем, может быть, бречей следует изолировать?

— А эмбрионы латмеров? — рассуждения Дэйна снова шли строго логическим путем и, не дожидаясь ответа Тау, он уже был на пути к сейфу.

Когда Дэйн сломал печать, которую до этого считал такой надежной защитой, подошел капитан. За ним шли Тау, Шеннон и Тан Я. Последний нес прибор, который исследователи брали на планеты. Тау взял у него дозиметр и подготовил его к работе. Тут же качнулась стрелка, как у дозиметра в лазарете. Они вошли в трюм, и тут же дозиметр показал, что источник радиации действительно находится вблизи эмбриобоксов, и не среди них, и не за ними. Дэйн передвинул неиспользованный стенной стеллаж и, как по лестнице, поднялся к потолку. Джелико протянул ему дозиметр. Стрелка указала на потолок. В этом месте Дэйн увидел царапину.

— Здесь, — сказал он, передал дозиметр и снял с пояса нож.

Не стараясь сберечь потолок, он принялся отделять плиту, которая, очевидно, уже раз была снята. Он ковырял ножом, пока плита не отпала. Под ней оставалось углубление, а в нем ящичек.

— Не трогайте! — предупредил Тау. — Подождите, пока принесут перчатки.

Рип исчез, а Дэйн стал внимательно разглядывать углубление. Ящичек не лежал на какой-нибудь полке, а каким-то образом был прикреплен к обшивке корабля. Без дозиметра они никогда бы не нашли его. Хотя плиту снимали поспешно, сделано это было с успехом. Вернулся Рип, держа в руках неуклюжие, но с хорошей изоляцией перчатки, снятые с космического скафандра. Дэйн надел их и коснулся ящичка, который будто бы был приварен к стене. Некоторое время Дэйн дергал ящичек, но потом решил, что здесь, видимо, потребуется резак. Но когда он дернул в последний раз, то ящичек отделился от обшивки и Дэйн вынул его из углубления, держа подальше от себя.

— Займитесь этим со Штоцем, — сказал капитан Тан Я. — Мы не знаем, что это такое, так что будьте осторожны.

Дэйн положил ящичек на стол подальше от груза, снял перчатки и передал их Тау. Связист унес ящичек в мастерскую Штоца. Дэйн больше не думал о ящичке, его беспокоило состояние эмбрионов. Если сквозь переборку радиация оказала такое действие на бречей, что же тогда будет с их более ценным грузом? Капитан тоже одновременно с Дэйном подумал об этом.

— Сканирование или осмотр? — капитан, нахмурившись, обошел запечатанные контейнеры.

— И то и другое, — быстро ответил Тау. — У меня записаны правильные данные. Мы легко сравним.

— Целили ли в латмеров, в бречей или это просто случайность? — спросил Дэйн, хотя и знал, что это вопрос без ответа.

— Это не случайность. — Капитан говорил убедительно. — Если бы дело было только в перевозке этой штуки, ее легче было бы спрятать в вашей каюте. Нет, его поместили здесь не случайно и я склоняюсь к мысли, что цель — латмеры.

Джелико ожидал худшего. У них есть контракт на перевозку почты, но если в первом же рейсе такой груз будет поврежден, то «Королеву» занесут в черный список. Если они обнаружили ящичек слишком поздно, то что будет, если подвергнутые радиации латмеры попадут к поселенцам, дорого заплатившим за них? Дэйн думал, разбирая свои документы, о мрачном будущем. Возможно, им придется возместить стоимость груза, а это их заработок за год и даже больше. И «Королева» не готова к таким тратам. Если они возьмут деньги в долг, это автоматически прекращает действие их почтового контракта. В результате пойдут перевозочные рейсы — рискованные и плохо вознаграждаемые, пока они не выплатят весь долг.

«И — С»? Это первое, что приходит в голову. Но «Королева» так ничтожна по сравнению с «Интерсоларом». Конечно, они дважды помешали «И — С», но чтобы компания пошла на такие расходы с целью отомстить вольному торговцу... Нет, с этим Дэйн не мог согласиться. Ему казалось, что разгадка находится на Трюксе. Человек, надевший маску с его лицом, должен был высадиться там же. И ящичек... А может быть, капитан ошибся и ящичек поместили там случайно. Теперь остается лишь ждать сообщения Тау о состоянии зародышей. А врач не торопился. Он закрылся в своей лаборатории, а экипаж в беспокойстве ждал приговора.

Штоц, всегда медлительный и спокойный, доложил первый:

— Ящичек вскрыть простыми способами нельзя. Но именно он источник устойчивой радиации.

Но когда Штоц попросил разрешения попытаться вскрыть ящичек с помощью экзотических методов, капитан отказал. Али надел скафандр, пробрался в самый хвост корабля и прижал ящичек к обшивке. Инженеры решили, что там он принесет меньше всего вреда. Когда в коммуникаторе слышался голос Тау, это был не ответ, просьба принести некоторые ксенобиологические записи из собрания капитана и прибор для их прочтения. Дэйн принес все это и сумел бросить лишь беглый взгляд в приоткрытую дверь, которую Тау запер перед самым его носом.

Приближалось время выхода из гиперпространства, когда Мура позвал капитана взглянуть на самца бреча. Дэйн пошел за ними.

Животное, ранее проявлявшее такую решительность и разумное желание освободиться, теперь свернулось в клубок в дальнем конце клетки. Нетронутые пища и вода стояли в кормушке. Тело животного перестало блестеть. Когда Мура заговорил с бречем и просунул в клетку грудку листьев рентона, он не пошевелился.

— Тау нужно взглянуть на него, — сказал Джелико.

А Мура уже открывал замок. Он приоткрыл дверь и просунул руку, чтобы коснуться животного. И тут бреч ожил. Мелькнул носовой рог и Мура с криком отдернул окровавленную руку. Бреч выскочил из клетки с такой скоростью, какой Дэйн никогда не видел. Он кинулся за животным и увидел,

что он при помощи лап и рога безуспешно пытается открыть дверь лазарета. Бреч был так поглощен своим занятием, что, казалось, не заметил появления Дэйна. Вдруг он повернулся и ударил Дэйна рогом по рукам точно так, как он поразил Муру. Бреч встал на задние лапы, прижавшись к двери спиной, глаза его покраснели и приобрели дикое выражение. Он начал издавать звуки — низкие, ворчливые и очень похожие, как думал Дэйн, на слова неизвестного языка.

— Самка... — Поддерживая раненую руку, подошел Мура. — Он хочет попасть к самке.

В этот момент дверь распахнулась и показался Тау. Бреч проскользнул мимо него, прежде чем Тау понял, что происходит. Когда Желико и Дэйн вбежали в лазарет, они увидели бреча, мелькнувшего у импровизированного логова. Низкие звуки голоса бреча стали мягче. Бреч втиснул треть своего небольшого тела в логово, перегнувшись через край и вытянув передние лапы, будто пытаясь обнять свою самку.

— Нужно убрать его... — начал капитан, но Тау покачал головой.

— Пусть останутся одни. Она тоже вела себя очень беспокойно. Теперь успокоится. Мы не можем потерять и ее...

— А кого еще? — спросил Желико. — Детенышей?

— Нет, латмеров. Смотрите. — Он показал налево, где стоял прибор с экранами. Врач включил его, и на экране появилась яркая картина. — Таково нынешнее состояние зародышей. Понимаете?

Капитан оперся на стол и наклонился к экрану. На нем было видно существо, похожее на ящерицу, свернувшуюся в тугой клубок, в котором трудно было различить лапы, длинную шею, маленькую головку и другие части тела.

— Это не латмер!

— Это несовременный латмер. А теперь посмотрите сюда... — Тау включил аппарат для прочтения записей и все увидели изображение ящерицепоподобного существа с длинной шеей, маленькой головкой, крыльями, как у летучей мыши, длинным хвостом и слабыми на вид лапами, как будто средством передвижения этому существу служили не лапы, а крылья.

— Это предок латмера, — пояснил Тау, — и никто не знает, сколько тысяч лет назад он жил. Он вымер примерно тогда, когда наши предки перешли к прямохождению и начали использовать обломки камней в качестве оружия. У нас не зародыши латмеров, у нас что-то очень древнее. Специалисты не смогли бы датировать его.

— Но как это? — Дэйн был изумлен. Согласно его документам, зародыши принадлежали к совершенно нормальной породе, выведенной недавно и дававшей гарантированный приплод. — Как они могли вдруг превратиться в этих... в этих драконов?

— Регресс! — Желико переводил взгляд с одного изображения на другое.

— Да, но как? — ответил Тау.

— И поражены все? — Дэйн задал самый важный для себя вопрос.

— Нужно посмотреть, — ответил Тау, — но ничего хорошего обещать не могу.

— Не понимаю. — Дэйн посмотрел на бречей. — Вы говорите, зародыши регрессировали, но ведь интеллект бречей усилился...

— Вот именно,— выпрямился Джелико.— Если радиация так подействовала на эмбрионы, то почему на бречей она подействовала в обратном направлении?

— Может быть несколько причин. Зародыши еще не полностью сформировались, а бречи, когда подверглись облучению, были взрослыми животными.

«Может быть, бречи когда-то представляли высший тип жизни? — подумал Дэйн.— Может, они тоже регрессировали и вернулись на стадию разумных существ?»

Тау провел рукой по коротким волосам.

— Мы можем получить с полдюжины предположений, но ни одно не сможем доказать без соответствующего оборудования. Придется поиски ответа предоставить ученым, когда приземлимся.

Джелико с отсутствующим видом потер на шее шрам от бластера.

— Мы можем оказаться в таком положении, когда нельзя будет ждать мнения специалистов. Ведь поселенцы вложили все свои сбережения в эти зародыши. Торсон, как оговорен срок доставки груза?

— Когда будет возможна перевозка,— быстро ответил Дэйн.

— Значит, гарантированной даты прибытия нет. Возможно, они сочтут, что зародыши прибдут к ним следующим рейсом.

— Мы не можем прятать эти ящики,— возразил Тау.

— Да, не сможем. У них обычай являться на борт сразу после посадки корабля. В то же время ситуация такова, что я хочу обратиться к Торговому суду, прежде чем делать какое-либо заявление.

— Вы считаете тот сознательный саботаж... «И — С», сэр? — спросил Дэйн.

— Как ни странно, нет. Если бы «И — С» была в состоянии мимоходом уничтожить нас, они бы сделали это. Но здесь все слишком тщательно спланировано. Думаю, причина на Трюсе. Я хотел бы знать больше, гораздо больше, прежде чем мы еще глубже влезем в это дело. Если мы покажемся без зародышей и без бречей, к нам могут проявить необычный интерес, а могут и не проявить. Так мы сможем узнать, кто за этим стоит, кто будет слишком громко протестовать, если на борту не окажется груза.

— Но не за борт же груз! — возразил Дэйн.

— Конечно, не в космосе. Но Трюс мало населен. Там лишь один главный космопорт, и наш груз ожидают там. Если мы ляжем на обычную орбиту, нас ни в чем не заподозрят. Поэтому мы погрузим зародышей и бречей в шлюпку и спустим в необитаемом районе. Если удастся связаться с Ван Райком, он укажет друзей в суде. Во всяком случае, я хочу, чтобы вначале было произведено расследование.

Дэйн заметил, что капитан не упомянул о Патруле. Значит, он не хочет вмешательства формального закона, пока не будет иметь защиту. Но защиту от кого? Если потребуются, они все пройдут глубокое зондирование и докажут свою невиновность. Может, Джелико считает, что дело настолько сложное, что даже зондирование им не поможет?

— Кто поведет шлюпку? — спросил Тау.

Вначале Джелико взглянул на Дэйна.

— Если кто-то ждет вашего двойника, он или они будут действовать по

намеченному плану, если вы выйдете из «Королевы» после посадки. У нас на борту мертвец. Он на некоторое время может послужить нам тем, кем он собирался быть — Дэйном Торсоном. И мы можем отпустить двух помощников — Шеннона для пилотирования, хотя шлюпка оборудована автоматикой, так что курс вам не придется прокладывать, и Камила, чтобы присматривать за этим адским ящиком. Я хочу, чтобы и он оказался вне корабля, прежде чем мы сядем в порту. Вилкокс укажет место, где вы будете вдали от всех поселений. Возьмете с собой маяк и настроите его на волну «Королевы». Подождите несколько дней, а потом включите его. Мы свяжемся с вами, как только сможем.— Он снова обратился к Тау.— Как эмбрионы? Скоро ли рождение?

— Определить невозможно.

— Тогда чем скорее мы избавимся от них, тем лучше. Мура, достаньте Е-рационы, и то, что едят бречи.— Джелико повернулся к Дэйну.— В шлюпке будет тесно, но полет будет недолгим.

Дэйн собрал свои вещи, надеясь, что делает правильный выбор и берет то, что ему действительно необходимо. На Трюсе земной климат, но планета еще не обжита, поселки колонистов медленно распространяются от космопорта. Дэйн захватил смену одежды, навесил на пояс разнообразные инструменты, которые берут с собой разведчики, и взял запасные заряды для станнера. Собравшись, он подумал о бречах. Разум? Они регрессировали к высшей форме разума? Но это значит, что бречи вовсе не животные. Однажды экипаж «Королевы» уже сталкивался с древними Предтечами, когда купил торговые права на Лимбо.

Лимбо, хотя и частично сожженный в галактической войне — ее следы снова и снова находят земные исследователи в своих путешествиях — хранил в себе тайну, созданную давно исчезнувшими хозяевами. Сила, погруженная глубоко под поверхность планеты, уходила в глубины космоса и притягивала любой корабль, вошедший в пределы ее досягаемости, так что пустынная поверхность планеты за столетия покрылась множеством обломков. Хотя современные пираты обнаружили установку Предтеч и приспособили ее для своих целей, она работала задолго до их появления. Ни одного следа не осталось от тех, кто создал ее то ли как наступательное, то ли как оборонительное оружие. И никогда не было найдено ни могилы, ни корабля с замерзшими трупами — ничего, по чему можно было судить, на кого похожи Предтечи. Можно было гадать, гуманоидные ли они или совсем чужие человеку. Может быть, если бречи раньше были разумны, на борту «Королевы» находится сейчас разгадка тайны Предтеч?

Если это так,— мысли Дэйна устремились в другом направлении,— тогда ущерб, причиненный зародышам, не имеет значения. А бречи становятся бесценным сокровищем и ученые отдадут за них все. Но Дэйн не мог поверить, что именно бречи были целью человека, пронесшего ящичек на борт «Королевы». Он мог стремиться уничтожить зародыши латмеров, а воздействие на бречей произошло потому, что их клетка была прямо над ящиком.

ВРЕМЕННОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Они вышли из гиперпространства и легли на орбиту вокруг Трюуса, после чего закончили все приготовления. Дэйн получил инструкции по уходу за бречами. Эмбриобоксы перенесли в шлюпку. Их исследовал Тау и обнаружил, что все зародыши поражены радиацией. Ящичек, причинивший все эти беспокойства, был помещен в изоляцию, которую Штоц считал надежной, и был поставлен как можно дальше от груза и экипажа. В шлюпку были встроены предохранительные устройства, поскольку она была рассчитана на перевозку даже раненых пассажиров. В ней были и приборы радиационного контроля. Автоматика посадит их в самом лучшем месте, какое сумеет выбрать локатор. И вот они лежат в гамаках, готовые к старту. Оббитая мягкими прокладками клетка бречей была втиснута в узкий проход.

Самих бречей не было видно. Тау доверху наполнил логово мягкими прокладками, оставив лишь отверстия для дыхания. Устраивая детенышей поудобнее, он с удивлением отметил, что они развиваются необычайно быстро. Их родители лежали в обнимку, а детеныши свернулись в другом углу.

Дэйн настолько забежался, занятый подготовкой к полету, что мог только думать о ближайшем деле до того, как устроился в гамаке шлюпки. Тут он вновь удивился решению Джелико убрать груз с корабля. Почему капитан не хотел просто приземлиться, доложить о случившемся и предоставить властям разбираться в загадке? Будто он предвидел опасности, неясные для остальных членов экипажа. Но вера в Джелико была прочной традицией на «Королеве». Если бы здесь был Ван Райк! Дэйн много бы дал, чтобы узнать, что стал бы делать его начальник.

В общих чертах Трюус противоположен Ксечо. На Ксечо обширные моря изредка уступали место островам, на Трюусе же в основном были материки, отдаленные друг от друга узкими морями, которые были едва шире рек. Климат Трюуса тоже отличался от палящей жары предыдущего порта посадки «Королевы». Он был гораздо холоднее, с коротким летом и продолжительной зимой, во время которой лед и снег с полюса с угрюмой регулярностью надвигались на поселения.

Когда шлюпка села, ее маленький экипаж был уверен только в одном — курс, который Вилкокс ввел в автопилот, привел их на тот же континент, на котором приземлилась и «Королева». Однако они и понятия не имели, далеко ли они от порта. На Ксечо преобладали яркие цвета — желтый, красный и различные смеси и оттенки этих двух основных цветов. Здесь тоже были цвета. Но хотя был полдень, температура была гораздо ниже той, которая показалась бы им приятной. Шеннон открыл люк и они вышли через узкое отверстие на свет.

Они высадились на плато, поросшем жесткой травой, в это время года серой и увядшей, собравшейся к носу шлюпки, когда та срезала верхний слой почвы. Ниже виднелось озеро с зеленой, как изумруд, в оправе серых скал, водой. С противоположной стороны над озером стояла стена ледника. Огромный кусок льда оторвался с резким треском и упал в озеро. Лед был голубым и из его поверхности тут и там поднимались морозно-белые пики, как будто ледник был покрыт застывшими волнами. Сначала на них обрушился

цвет, а потом тишина. Даже в гиперпространстве слышалась вибрация частей корабля, низкое гудение, к которому они привыкли и которое даже действовало на них успокаивающе. Здесь, если не считать треска ломающегося льда, ничего не было слышно. Ветра не было, и Дэйн, глядя на поверхность ледника, обрадовался, что им не нужно выдерживать жестокие холодные порывы.

Они приземлились на слишком открытом месте. Когда поднимется ветер, станет холодно, да и с воздуха они хорошо заметны. Джелико не давал им приказа держаться в укрытии, но здравый смысл советовал им не привлекать к себе внимание. Они отошли от берега озера, чтобы посмотреть, что лежит на юге. Там оказался обрыв, а за ним более пологий спуск, покрытый спутанной сухой травой, за которой кустарник постепенно уступал место деревьям. В отличие от травы, погибшей на холоде, деревья и кусты были покрыты густой листвой, но растительность была очень темной. На расстоянии Дэйн не мог точно определить ее цвет — синий, зеленый, серый или смесь всех этих цветов.

— Можно спустить туда шлюпку? — спросил Дэйн.

— Она не флиттер, — оглянулся Рип. — Но для особых случаев у нее есть резервная мощность в двигателях. Думаю, что это можно сделать. Как, Али? Камил пожал плечами.

— Можно попробовать, — последовал его лишенный энтузиазма ответ. — Но чем больше мы облегчим ее, тем лучше. Вы поднимете ее в воздух, а мы поищем пониже посадочную площадку.

Поверхность утеса была неровной и спускаться было трудно. Спустившийся вслед за Али Дэйн обнаружил, что здесь гораздо теплее. Возможно, утес прикрывает это место от ледяного дыхания глетчера. Это тоже в их пользу. Дэйн был уверен, что бречи долго не проживут в холоде, ведь они родом с гораздо более теплого Ксечо. Они добрались до подножья утеса и двинулись к кустам, ища открытое место, куда Рип мог бы посадить шлюпку. Дэйну показалось, что кустарник, росший прямо перед ним, непроходим. Теперь он был достаточно близко, чтобы разглядеть, что листва темная, зелено-синяя. Преобладал то один, то другой цвет. Листья толстые, мясистые, местами покрытые серыми волосками, которые также росли по их краям.

Не пытаясь углубиться в гущу кустов, Али повернул налево, а Дэйн направо. Рип на вершине утеса ждал условного сигнала. Тишина становилась все более угнетающей. У них было весьма мало времени для подготовки на «Королеве», а информационные катушки о Трюсе, конечно, предназначались для обычных вольных торговцев и содержали лишь сведения о космопорте и поселках, которые им приходилось посещать по делам. О дикой растительности никаких сведений не было. Но жизнь не могла ограничиваться только растительностью, однако не было ни птиц, ни других летающих существ, ни животных. Может, они испугались шлюпки и спрятались. Дэйн надеялся увидеть хоть единственный след, хоть какое-то доказательство, что они не в пустыне.

Прозвучал свист Али, нарушивший становившуюся все более зловещей тишину. Дэйн обернулся и увидел, как Али машет Рипу, который тут же исчез из виду. Дэйн не сразу повернул назад. Необходимость убедиться в существовании жизни заставила его пройти еще немного дальше. И он обнаружил участок скалы с несомненными следами костра. Кружком были по-

ставлены камни, а между ними находились углы и полусгоревшие поленья. Камни немного занесло песком, следовательно, костер разводили некоторое время назад. Но кто? Жители какого-нибудь поселка? Исследовательский отряд? Возможно даже, как и во многих отдаленных мирах, преступники, зашедшие в ненаселенные места.

Дэйн прошел немного дальше и увидел проход, вырубленный в растительности. В одном месте на замерзшей глине сохранился след краулера. След уходил к деревьям. Если им позже понадобится дорога, то они смогут воспользоваться этим следом. Но сейчас...

Дэйн снова услышал свист и, повернувшись, успел увидеть, как шлюпка соскользнула с учета и устремилась в направлении Али. Не в первый раз Дэйн восхитился пилотским мастерством Рипа. Они не смогли скрыть следов своего приземления — шлюпка проделала борозду в растительности и уперлась носом в деревья. Но растительность обладала необычайной эластичностью и там, где стебли не были сломаны, они медленно поднимались и частично закрывали след. Дэйн не мог объяснить, почему он все время думает об опасности. Все это дело казалось таким странным и угрожающим, и Дэйн знал, что капитан хотел выиграть время.

Они не стали тревожить бречей в клетке-логове, но Али одел скафандр и, неуклюже передвигаясь в нем, взял ящичек и пошел в лес. Вернувшись, он записал, где закопан ящичек. Они не были уверены, что наскоро изготовленная оболочка не пропускает радиацию и что она не отразится на окружающей среде.

— По правилам следовало бы выбросить ее в космос! — заявил Рип, когда они сидели, прислонившись спиной к шлюпке, и потягивали содержимое своих Е-рационов.

— Если выбросишь — назад не вернешь, — ответил Али. — После доклада капитана многие захотят ознакомиться с ним.

— А бречи? — Дэйн прислушивался к их разговору, думая о своем. — Нужно ли использовать ящичек или другое устройство, чтобы вернуть их в стадию разума? Кодекс запрещает вмешательство. Как он будет действовать в этом случае?

Али выдавил последний глоток и свернул пустой тюбик.

— Задача для законников. У нас станция на планете без разумной жизни. Вы обнаруживаете, что можете породить местную разумную жизнь, но при этом теряете свой контракт. Что вы будете делать?

— Думаю, за этим стоит «Комбайн»? — спросил Дэйн. — Стоит ли Ксечо конфликта с Советом?

— Ксечо — перекресток, путевая станция, — ответил Рип. — Сам по себе он не важен, но очень важен его порт. «Комбайну», конечно же, хочется удержать его. Но я не знаю, бречи считались безвредными, а вели себя очень враждебно...

— Допустим, вы неожиданно очнетесь и обнаружите, что в плену у чужаков и должны защищать свою жену и детей... — заметил Али. — Как вы поведете себя?

— Как бреч, — согласился Дэйн. — Следовательно, мы трое должны постараться и войти в контакт с бречем и показать ему, что мы друзья.

— Если сможем. Но мне не нравится этот груз с зародышами, — отметил Али. — Думаю, лучше убрать его из шлюпки. Все равно зародыши теперь ни к

чему не пригодны. И еще, самка бреча родила раньше срока. Предположим, радиация действует на зародышей аналогично, ускоряет их развитие. Штоп не смог приостановить его при помощи холода.

— Если они вылупятся здесь, холод прикончит их,— сказал Дэйн, соглашаясь, впрочем, с помощником инженера об уборке опасного груза из шлюпки.

Было очень трудно вытаскивать контейнеры в узкий люк, тащить их к деревьям и нагромождать вокруг них камни. Почва была покрыта опавшими листьями. Значит, листва здесь опадает. Они частично закопали ящики, чтобы какое-нибудь местное животное не добралось до них, хотя Дэйн не мог себе представить, чтобы когти или клыки смогли взломать оболочку. Они закончили к наступлению темноты. Усталые, они побрели к шлюпке, мечтая побыстрее лечь в гамаки. Но Дэйн сначала отправился к клетке с бречами, приподнял крышку и отвел ее в сторону.

Поднялась голова и уставилась на него немигающими глазами. Судя по габаритам, это был один из детенышей, однако это не был беспомощный щенок. В этом взгляде светился разум, а фантастический рост детенышей изумил Дэйна. В обычных условиях в возрасте около года детеныш должен быть чуть меньше родителей. Объяснить этот рост можно было только воздействием радиации. Дэйн был так удивлен, что оказался не готов к следующему движению детеныша. Животное ухватило передними лапами за край клетки и выскочило с такой скоростью, какой Дэйн раньше не видел.

— Рип, люк! — воскликнул он.

Шеннон вовремя захлопнул люк, чуть не придавив длинный нос животного. Прежде чем он успел протянуть руку, детеныш бросился к ближайшему гамаку и свернулся на нем, поглядывая на людей. Верхняя губа над рогом приподнялась, обнажая хорошо развитые зубы. Дэйн быстро опустил крышку, так как из клетки поднялись еще три головы и несколько лап уцепились за край.

Дэйн приблизился к щенку в гамаке.

— Спокойно, я тебя не обижу,— негромко и успокаивающе проговорил он.

Детеныш издал высокий резкий звук и попытался рогом ударить Дэйна по руке, но Али зашел сзади и гамаком опутал животного, хотя тот яростно отбивался и издавал гневные и яростные крики, на которые ему отвечали из клетки. В конце концов, втроем им удалось вернуть детеныша в клетку, причем при этом Дэйн поранился.

— Их нужно покормить,— сказал он,— а подать туда пищу мы не можем.

— Объясните им это,— предложил Али.— Но я не думаю...

— Ладно, попробую,— прервал его Дэйн.

Можно было только догадываться, насколько разумны бречи. Он не был специалистом по дикой жизни, но и нельзя было допускать, чтобы животные продолжали оставаться без пищи и воды. Однако было ясно, что если он снова откроет клетку, ему не избежать схватки. Он заклеил укус на руке пластырем, принес контейнер с водой и мешок, в который Мура положил запас пищи для бречей. Налив воды в маленькую чашку, он поставил ее на пол, потом в другую чашку положил немного смеси из сушеных насекомых, улиток и увядших протеиновых листьев, поставив все это так, чтобы животные могли увидеть и учуять пищу. Все четыре головы повернулись к нему. Дэйну лишь оставалось испытать простейшую торговую процедуру. Одной рукой он коснулся чашек и подтолкнул их к клетке.

— Люк закрыт? — спросил он, не отрывая взгляда от бречей.

— Да, — заверил его Рип.

— Хорошо. Отойдите, будет лучше, если они вас не будут видеть.

— Как? Пройти сквозь стены? — поинтересовался Али, но Дэйн услышал топот космических ботинок и понял, что его товарищи отступили в тесном помещении. — Вы ведь не собираетесь их выпускать? — чуть погодя спросил Али.

— Если мы хотим, чтобы они поели, придется их выпустить. Но они должны быть достаточно голодными, чтобы интересоваться только пищей.

Дэйн, передвигаясь медленно и стараясь производить как можно меньше шума, открыл клетку. Он ожидал, что как только щель будет достаточно широка, все четыре детеныша выскочат с той же скоростью, что и один из них накануне. Двигаясь так же осторожно, Дэйн полностью откинул крышку и отошел. Бречи продолжали смотреть на него. Затем детеныш, который выскочил перед этим, сделал движение. Тут же лапа взрослого ударила его по носу над рогом, вызвав негодующий крик. Первым из клетки выбрался самец, подошел к чашкам и коснулся носом сначала пищи, потом воды. Затем, посмотрев на семью, он издал серию негромких звуков. Детеныши выбрались быстро, а самка двигалась медленнее. Самец вернулся и что-то подбадривающе проворчал. Время от времени он поворачивал голову к Дэйну. Детеныши не ждали родителей. Они занялись пищей, изредка отрываясь от нее, чтобы глотнуть воды. Один из них опустил в пищу лапу и облизал ее.

Лапу? Дэйн не решался приблизиться, но ему показалось, что форма лап у детенышей несколько иная, чем у взрослых — больше похожа на руку. Когда самка подошла к пище, самец испустил несколько резких звуков, и детеныши, продолжая жевать, отодвинулись, причем один из них протестующе взвизгнул. Пока самка ела, вначале осторожно, а затем с большим интересом, самец стоял рядом на страже. Лишь когда она наелась, он прекончил оставшееся.

«Что теперь? — подумал Дэйн. — Придется вернуть их в клетку, хотя это будет нелегко. Насколько они разумны? И, если разумны, насколько чужды им мыслительные процессы? Разум не всегда означает коммуникабельность. Хорошо бы договориться с ними! Обращаться с ними как с животными означало, что постоянно надо ждать побега и постоянно караулить».

Он попытался повторить звуки, которыми самец подбадривал самку. Головы всех бречей повернулись в его направлении. Он овладел их вниманием, но была в них какая-то напряженность, говорившая о возможном сопротивлении. Продолжая издавать звуки, Дэйн тронулся с места, не приближаясь к бречам. Оставаясь к ним лицом, он прошел вдоль стенки шлюпки, отодвигая гамаки, пока не оказался по другую сторону клетки, Дэйн поднял крышку. Все бречи немедленно прижались к палубе, самец издал низкий звук, а самка встала перед детенышами, которые, в свою очередь, заверещали. Дэйн наклонился и провел рукой вдоль крышки. Он надеялся, что прокладки снять будет нетрудно, но крепление не поддавалось.

Некоторое время самец продолжал рычать. Видя, что Дэйн продолжает работать, он приподнялся, чтобы лучше разглядеть, что делает человек. И вдруг он прыгнул на клетку так, что его рог оказался рядом с руками Дэйна. Дэйн от удивления отпрянул, а бреч ударил рогом по креплению и разорвал его. Раскачиваясь на краю клетки, бреч занялся следующим креплением. Дэйн

снял крышку и отошел, не зная, как понять действия бреча, хотя они и были многообещающими.

Бреч продолжал раскачиваться на краю клетки, переводя взгляд с крышки на Дэйна. Дэйн решился двинуться с места и обогнул клетку, по-прежнему стараясь, чтобы между ним и бречем было достаточное расстояние. Потом он начал снимать прокладку, а бреч продолжал следить за ним. Тут подошла самка. Вытянув передние лапы, она подхватила последний кусок прокладки, вырвала его из рук Дэйна и потащила по полу, после чего позвала детенышей, которые, к радости Дэйна, послушались. Последним подошел самец и лег рядом с семьей. Дэйн отошел в сторону.

— Это означает, что они согласны, если мы не закроем их в клетку? — спросил Али.

— Будем надеяться. Но люк нужно держать закрытым, снаружи слишком холодно.

Дэйн рискнул отодвинуть к бречам остатки прокладки. Неожиданно он почувствовал страшную усталость. Больше он ни на что не был способен. Попытка объясниться с бречами оказалась не менее утомительной, чем происшествие на Ксечо. Дэйну хотелось лечь и уснуть. Он надеялся, что хотя бы в ближайшем будущем никаких осложнений не произойдет.

Глава 6

ЧУДОВИЩЕ ИЗ ПРОШЛОГО

— Вставай!

Дэйна вырвали из сна. Гамак дрожал от толчков Рипа, а Шеннон готов был продолжать дергать, если Дэйн не проснется. Он ошеломленно сел и пару секунд не мог сообразить, где находится. Это не его каюта на «Королеве». За Рипом он увидел находившегося уже у люка Али в термокостюме.

— Что?..

— Возможны осложнения, — ответил Али. — Видите?

Али принял меры предосторожности, когда они прятали ящичек и контейнеры с эмбрионами, установив сигнал тревоги. Теперь один из сигналов вспыхнул предупреждающим красным светом. Теперь Дэйн проснулся окончательно.

— Который? — спросил он, считая, что с их невезением это, конечно, должен быть ящичек, выпрыгнул из гамака и потянулся за своим термокостюмом.

— Зародыши! Быстрее! — удивил его Али.

Они вышли в раннее утро и пронзительный холод. Дэйн натянул капюшон и засунул руки в перчатки, свисавшие на концах рукавов, не забыв закрыть люк и оставить бречей в теплой клетке. Листва была покрыта инеем, отчего растительность стала серебристой. Их дыхание образовало маленькие облачка пара.

— Слушайте! — Рип вытянул руку, преграждая путь.

Они шли по тропе, которую проделали вчера, перетаскивая ящики. Понимался треск, как будто кто-то очень большой пробирался сквозь кусты, а потом фыркание. Дэйн извлек станнер, поставил его на полную мощность

и увидел, что товарищи сделали то же самое. Растительность скрывала прячущееся существо и они могли судить о нем только по доносившимся до них звукам. Оно удалялось, а они простояли несколько минут, прислушиваясь, пока не убедились, что существо ушло в лес.

Дэйн был уверен, что оно бродило вокруг ящиков с контейнерами. Возможно, его привлек запах. Лучше было проверить, велик ли ущерб. Латмеры стали бесполезны для поселенцев — это несомненно, но груз не может быть уничтожен без приказа, а такового приказа у Дэйна не было. Поэтому он должен защищать ящики.

Немного пройдя по своему вчерашнему следу, они встретили следы неизвестного существа. На подмерзшем насте были видны такие большие отпечатки, что когда Дэйн наклонился, измеряя их, отпечатки оказались больше, чем он мог растянуть пальцы, и, скорее всего, походили на круглые дыры. Станнер, поставленный на полную мощность, свалит почти любое существо, но на некоторых планетах были такие чудовища, чья нервная система реагировала на луч станнера не больше, чем на удар прутика. Тогда единственное средство — бластер, но бластера у них не было.

Они шли медленно, прислушивались, а треск становился все менее слышимым — существо удалялось от них. Придя на место, где они спрятали контейнеры, они увидели множество доказательств силы существа — камни, нагроможденные, чтобы скрыть контейнеры, были разбросаны и разбиты и раскиданы сами контейнеры, хотя они должны были бы противостоять любым толчкам во время космического полета. Контейнеры оказались измятыми, а два из них были раскрыты, как будто это были тюбики с Е-рационом. И как тюбики с Е-рационом, они были совершенно опустошены. Дэйн откинул их в сторону и увидел третий контейнер, разбитый, но не опустошенный. Он не ошибся — содержимое контейнера двигалось. Но ведь еще не время для зародышей! Как и у бречей, их рождение опережало план.

Он увидел, как внутри движется тело чудовища. Еще несколько минут, и оно несомненно погибнет. Но чувство долга возражало — груз должен оставаться нетронутым. И, может быть, если им займутся специалисты в лаборатории, это может доказать их невиновность. Но это чешуйчатое полужмеинное существо невозможно держать в шлюпке. А скоро ли Джелико пришлет им инструкции?

Дэйн наклонился к разбитому контейнеру. Конечно, существо скоро замерзнет, ведь рептилии особенно чувствительны к холоду. Может быть, его можно заморозить и хранить, как тело незнакомца на «Королеве»?

То, что казалось слабым подергиванием, становилось сильнее, а не слабее. Если существо ощущало холод, то он стимулировал его к большим усилиям, вместо того, чтобы вызывать оцепенение и смерть. Через щель в крышке, недостаточно широкую для существа, просунулась чешуйчатая лапа, большие когти цеплялись за мерзлую землю. Дэйн вдвое уменьшил мощность станнера и облучил контейнер. Лапа разжалась и расслабилась, а контейнер перестал раскачиваться.

— Еще двое хотят наружу. — Али, осматривающий контейнеры, указал на два из них, стоящих в стороне.

Эти контейнеры не были затронуты неизвестным животным, но прежде чем люди тронулись с места, крышки контейнеров откинулись и из них

начали выползать существа. Рип оглушил их лучом станнера и драконьи головы на длинных шеях свесились с краев контейнеров.

— Как остальные? — сказал Дэйн и начал проверку. — Никаких следов жизни, крышки хорошо закрыты.

— Что делать? Дать луч на полную мощность и прикончить их? — спросил Али.

Возможно, это было самое разумное решение, но ведь это груз, а он может еще понадобиться. Дэйн так и сказал и увидел, что Рип медленно кивнул головой в знак согласия.

— Они будут нужны лаборатории. При осмотре можно что-то выяснить и о радиации. Но куда их деть?

— Да, куда? — повторил Али. — В шлюпку? Тогда нам самим лучше переселиться, наша шлюпка превратилась в зоопарк. И это, — он сморщил нос, — не лучшие соседи. Запах не очень свежий...

Острый запах неподвижных рептилий делал их наименее желательным предметом, который можно сунуть себе под кровать. Но снаружи они не выживут, разве что удастся построить утепленное помещение... Дэйн вслух выразил свои мысли.

— У нас есть клетка бречей, — заметил Рип. — Может, бречей удастся перевести в запасной гамак? А контейнеры можно сложить в клетку и приспособить обогреватель.

Али подобрал один из разбитых контейнеров.

— Обещать ничего не могу, но попробовать можно. Мы не сможем жить в шлюпке вместе с этими существами. Достаточно одного запаха, чтобы выжить нас. Долго ли они будут без сознания?

Дэйну не хотелось касаться этих существ и он не мог ответить на этот вопрос. Он мог лишь предложить, чтобы кто-то из них стоял на страже, пока остальные двое работают.

— Есть еще одна проблема, — сказал Рип и его слова не прибавили им настроения. — Это существо, бродившее здесь. Может, ему не понравились псевдолатмеры? Если оно пришло на запах, то может заявиться и к шлюпке. А нужно ли это нам?

Дэйн подумал, что слова Рипа не лишены смысла. Сначала он склонялся к мысли, что контейнеры надо перетащить к шлюпке и поставить там обогреватель. Но нужно ли им это? Али высказал ту же мысль.

— Мы можем кое-что предпринять, — сказал он. — Штоц перед отлетом дал мне инструменты. Мы можем протянуть от шлюпки провод и установить силовое поле.

Дэйн был склонен доверять Али. Любой, прошедший обучение у Иоганна Штоца, знал свое дело и экипаж торговцев не впервые импровизирует. Сама жизнь бродячих торговцев зачастую зависела от их сообразительности. И вот весь длинный день был отдан тяжелой работе... Али руководил и давал технические пояснения, а Рип и Дэйн работали по его указаниям. Они выправили три контейнера, покалеченные неизвестным существом, выбросили изменившиеся зародыши еще из трех контейнеров — приборы говорили, что эти зародыши погибли, — и они зарыли их подальше от сооружаемого загона.

В конце концов у них появилось неуклюжее сооружение, способное вместить три спящих зародыша. Али включил силовое поле, предупредив, что тем самым они истощают запасы энергии шлюпки.

Бреchi, казалось, вполне удовлетворились четвертым гамаком в шлюпке. Большую часть времени дня они проспали, и Дэйн даже подумал, что в естественном состоянии это ночные существа. Нужно было проверить, закрыт ли люк. Вдруг бречам придет охота побродить. В загон они перенесли не все контейнеры, остальные просто переставили и укрыли еще большим количеством камней. Вдобавок Али свалил три больших дерева и подтащил их так, что ветви закрыли груду камней. Загон они расположили недалеко от шлюпки. При помощи пилы они уничтожили подлесок и прорубили от него дорогу к шлюпке.

Дэйн не знал, какую пищу едят мутанты-латмеры. Судя по зубам, это хищники. Он оставил Е-рацион, который они смогут съесть, когда очнутся от действия станнера. Если очнутся... Их длительный сон казался Дэйну зловещим, хотя и облегчал им задачу. Али установил сигнал тревоги, который должен будет разбудить их, если ночью к загону кто-то приблизится. Они настолько устали, что не захотели есть и сразу попадали в гамаки. Дэйн предварительно проверил люк. Бреchi зашевелились, но Дэйн оставил им пищу и воду. Он надеялся, что если бречи решат побродить, то не станут будить экипаж. Но что-то его беспокоило, как начинающаяся зубная боль. Слишком уж спокойны были бречи целый день. Не составляют ли они собственные планы?

Но даже если справятся с замком люка, холод снаружи помешает им выйти. Он не верил, что они на самом деле уйдут. К тому же он так устал, что это беспокойство не мешало ему заснуть.

Холод, резкий, пронизывающий до костей холод. Они погружены в ледник и погружены глубоко. Он смотрит на изумрудное озеро. Он должен двигаться, разбить ледяные оковы, освободиться, иначе он соскользнет вместе со льдом и навсегда погрузится в зеленые глубины. Он должен освободиться... Дэйн сделал усилие. Лед поддался и задрожал. Поддался... Дэйн падал в озеро!

Удар о пол шлюпки разбудил Дэйна. Он по-прежнему дрожал от холода. Но это не сон! Холодный воздух охватывал его. Дэйн приподнялся и при тусклом свете контрольной лампы увидел приоткрытую крышку люка и услышал вой ветра снаружи. Бреchi! Он захлопнул люк и повернулся к гамаку, где лежали бречи. Как он и ожидал, гамак оказался пустым, осталась грудка прокладок от клетки. Дэйн потратил несколько секунд и порывлся в прокладках в надежде обнаружить там бречей. Он все еще держал в руках прокладки, когда громко прозвучал сигнал тревоги, установленный Али. Если поблизости бродит охотник, бречам угрожает не только холод. Дэйн натянул термокостюм, а Рип и Али поднялись из гамаков.

— Бреchi исчезли,— сообщил им Дэйн,— и кто-то привел в действие сигнал тревоги.— Этого он мог и не говорить — сирена громко звучала в тесном помещении.

Дэйн прикрепил к поясу фонарь, оставив руки свободными. Прежде всего надо было позаботиться о бречах. Как он и опасался, снаружи было очень холодно. Судя по часам, скоро наступит утро. Луч фонаря освещал на инее следы, не очень ясные, но похожие на следы бречей. Дэйн надеялся, что густая стена растительности удержит бречей на тропе. Дэйн услышал, как захлопнулся люк, и понял, что остальные идут за ним. Он старался идти быстро и бесшумно, насколько позволял слабый свет и пересеченная мест-

ность. К счастью, идти было недалеко, если бречи остаются в пределах силового поля, установленного Али.

Впереди послышался гулкий топот, который они слышали и ранее. Значит, охотник вернулся за эмбрионами. Дэйн остановился, будучи неуверен, что станнер подействует на чужую жизнь, и услышал резкий крик, полный страха. И хотя раньше он не слышал крика бречей, он был уверен, что это кричит один из них. Дэйн включил фонарь на полную мощность и побежал. Магнитные подошвы гулко стучали по замерзшей почве. Через несколько секунд он оказался на поляне, где они устроили загон. Вокруг него слабо светило силовое поле. У этой слабой защиты скорчились бречи. Один из детенышей лежал на земле, рядом с ним скорчился его братишка или сестренка, а двое взрослых стояли, обратившись рогами к врагу.

Их противник мог одним ударом одной из шести конечностей раздавить бречей. Он высоко вздымался, касаясь круглым брюхом земли. Четыре лапы удерживали это брюхо, а маленький торс с длинными передними лапами нависал над силовым экраном. Очевидно, животное ощущало этот экран, потому что не пыталось коснуться светящейся дымки. Необычность нападающего поразила Дэйна. Муравей? Жук? Но нет, у него не было твердого панциря, как у насекомых. Напротив, круглое брюхо, спина и грудь были прикрыты длинной шерстью или волосами серо-черного цвета, спутанными и полными веток и листьев, так что сам он напоминал движущийся куст, если не обращать внимания на голову, на машущие передние лапы и весь ореол злобности. Верхние лапы кончались длинными узкими когтями, которые постоянно открывались и закрывались.

Дэйн прицелился в круглую голову, большая часть которой была занята большими фасеточными глазами, что также усиливало сходство с насекомым. Голова качнулась, когда луч станнера ударил в нее. Существо оглянулось через плечо под таким углом, какой Дэйн считал невозможным для животного, обладающего скелетом. Щелкнули когти-челюсти, но Дэйн не отступал, продолжая направлять луч полной мощности в голову чудовища. Однако его действие не приносило результата. Может быть, его мозг расположен в другой части тела? Али и Рип, видя, что нападение Дэйна не удалось, прицелились ниже — один в грудь, другой в брюхо. Существо наполовину повернулось, пытаясь сбежать, и рухнуло, лишь немного миновав ящики с зародышами и испуганных бречей.

Али отключил силовое поле, и они поспешили к бречам. Трое оказались невредимыми, но у детеныша, лежащего на земле, были разорваны плечо и бок. Он жалобно пищал, когда Дэйн наклонился к нему. Остальные бречи отступили, будто поняли, что Дэйн хочет помочь.

— Драконы исчезли! — воскликнул Али, заглянув в контейнеры. — Смотрите!

Под его толчком крышки распахнулись, как будто их никогда и не запирали. Однако Дэйн был готов поклясться, что раньше они были крепко заперты. Он осторожно поднял детеныша и понес к шлюпке, а остальные бречи поплелись за ним, обмениваясь негромкими звуками. Чем больше Дэйн вслушивался в эти звуки, тем больше они напоминали ему слова.

— Если вы справитесь один, мы поищем драконов, — сказал Рип.

— Справлюсь, — Дэйну хотелось побыстрее вернуть бречей в тепло и в безопасное место.

Он знал, что ни Али, ни Рип не допустят неосторожности по отношению к ошеломленному чудовищу. Следовало прежде всего позаботиться о раненом брече. Дэйн не знал, действуют ли человеческие лекарства на детеныша-бреча, но других у него не было. Он опрыскал раны антибиотиком, залепил тонким слоем пластыря и поместил маленькое тельце в гамак. Туда сразу же прыгнула мать детеныша, прижала его к себе и начала облизывать, пока глаза детеныша не закрылись. Очевидно, он уснул.

Самец и второй детеныш продолжали сидеть на полке, куда они забрались, чтобы следить за действиями Дэйна. Отложив в сторону аптечку, Дэйн взглянул на них. Очевидно, они могли говорить друг с другом. А смогут ли они общаться с ним? На шлюпке было одно устройство, входившее в обязательное оборудование, и он мог попытаться. Дэйн извлек из запасника ящик и осторожно вынул его содержимое. Это оказался маленький микрофон, ларингофон, который нужно было крепить к горлу, и плоский диск. Второй микрофон и ларингофон он отложил в сторону, а диск положил перед самцом.

— Я Дэйн... — начал он с самого древнего способа, сообщив, что он друг.

Его надежды реализовались в серии поисков, донесшихся из диска. Но перевел ли речевой транслятор смысл? Самец удивленно подскочил и чуть не свалился с полки, а детеныш заверещал, прыгнул в гамак и прижался к самке. Та выставила рог и испустила предупреждающее ворчание. Но самец не стал отступать. Он переводил взгляд с Дэйна на диск, пока не коснулся короткой антенны, и снова взглянул на ларингофон на горле Дэйна.

На этот раз бреч не испугался. Он положил переднюю лапу на диск и вопросительно взглянул на Дэйна. Вид у него был задумчивым.

— Мои руки пусты. Я друг... — Дэйн двигался медленно и осторожно, протянув руки ладонями вверх.

Бреч обнюхал его руки и фыркнул. Дэйн отвел руки, медленно встал, принес пищевую смесь и наполнил миску.

— Пища,— отчетливо произнес он и налил в чашку воды.— Вода, питье...— Он поставил все это перед бречем.

Самка издала какой-то звук и самец подтолкнул к ней пищу. Она села в гамаке и стала понемногу брать лапой пищу и заталкивать раненому детенышу в пасть. Самец попил, а затем перетащил чашку с водой к гамаку, но сам не остался с семьей, наоборот, он снова прыгнул на полку с диском. Приблизив морду к диску, он испустил несколько щелкающих звуков. Он понял! Теперь, если надеть на него ларингофон... Будет ли транслятор работать в обоих направлениях? Но прежде чем Дэйн коснулся транслятора, открылся люк. Самец отскочил от диска и прыгнул в гамак, а Дэйн раздраженно обернулся и увидел Рипа и Али.

При виде выражения их лица он понял, что попытка общения с бречами отступает на второй план.

УБИЙСТВО, ВРОСШЕЕ В ЛЕД

— Каков размер существа, которое ты поразил станнером? — спросил Али, не снимая термокостюма и держа станнер наготове, как будто готовился к схватке.

— Выше любого из нас. — Более точного определения Дэйн не мог дать. Но какая разница? Ведь их станнеры справились с угрозой.

— А по-настоящему? — Рип сунул оружие в кобуру и теперь измерял перед собой размеры руками, расставив их приблизительно на фут. — Оно должно быть не больше... Есть и другие отличия.

— Может быть, вы объясните, в чем дело? — Дэйн был не в настроении решать загадки...

— На Асгарде живет существо, — объяснил Али, — похожее на земного муравья, только оно больше размерами и обитает не колониями, а в одиночестве. Правда, у него нет шерсти и оно не способно разрезать человека когтями или растоптать его ногами. Поселенцы называют его муравин. Так вот, мы видели муравина с различными украшениями.

— Но... — хотел возразить Дэйн, но Рип прервал его:

— Да, но и но! Мы оба уверены, что это муравин с мутациями, но ведь зародыши тоже изменились, как и бречи.

— Значит, ящичек... — Мысль Дэйна метнулась к опасному предмету, который они закопали. Изоляция, изготовленная Штоцем, должно быть, надежна, а радиация подействовала и на существо, гнездившееся рядом с укрытием.

Рип как будто прочитал его мысли.

— Не ящичек... — сказал он. — Мы проверили, он не потревожен. К тому же за ночь существо не могло настолько измениться. Мы прошли по следу. Оно было здесь до нашей посадки.

— У вас есть доказательства?

— Мы сами видели логово. — Лицо Али сморщилось от отвращения. — Нет, оно явно такого же размера и жило здесь задолго до нас. И все же это муравин.

— Разве можно быть в этом уверенным? Вы говорили, что существует поверхностное сходство между земным муравьем и муравином. А разве не может здесь существовать животное или насекомое с такой же внешностью? Эти отличия... вы сами говорили, что они есть.

— Разумно, — ответил Али. — Если бы не музей естественной истории на Асгарде и если бы мы не побывали там несколько рейсов назад, так как Ван Райк требовал, чтобы с фортианскими изделиями обращались особо, мы бы так и не узнали. Пока подписывали документы, мы побродили вокруг. Предок муравина вымер задолго до того, как появились первые колонисты, но захваченные наводнением или утонувшие в болоте, они сохранились. Большие, волосатые, они вполне могли бы стать любимыми братьями и сестрами нашего знакомого! Асгард же во многих парсеках отсюда. Как же объяснить появление здесь существа, вымершего пятьдесят тысяч лет назад?

— Ящичек... — Дэйн вернулся к единственному разумному объяснению и ему оставалось сделать лишь один шаг. — Другой ящичек?

— И не только другой ящичек,— кивнул Рип,— но также ввоз другой формы жизни. Они не могут так повторяться на различных планетах. Итак, кто-то привез современного муравина, подверг его регрессивному воздействию и произвел это существо. Точно так же, как и драконы...

— Драконы! — Дэйн вспомнил об исчезнувшем грузе.— Он их съел?

— Нет... Малыш освободил их... — Слова прозвучали высоко с металлическим призвуком.

Дэйн уставился на товарищей — ни один из них не говорил этого. Они, в свою очередь, смотрели за его спину, как будто не в силах поверить своим глазам. Он повернулся. Самец-бреч снова сидел на полке и прижимал к горлу диск-транслятор.

— Малыш освободил их.— Это, несомненно, говорил бреч и доносившиеся из диска слова имели смысл... — Он любопытен и решил, что это неправильно — эти существа не дома. Когда он открыл клетку, они поранили его. Он позвал, и мы пришли к нему. Пришло большое существо, но драконы уже ушли в лес. Так было.

— Клянусь бронзовыми копытами Котора! — воскликнул Али.— Он говорит!

— При помощи транслятора.— Дэйн был почти также изумлен, так как оставил ларингофон на некотором расстоянии, а бреч понял, как им пользоваться, и подражал в действиях Дэйну. Но какой гигантский взлет разума!

— Вы говорите... — бреч указал на ларингофон и на диск.— Я слышу. Я говорю, вы слышите. Просто. Но большое существо не съело драконов. Они тоже большие... И слишком большие для клетки. Толкали стены, царапали двери... Малыш подумал, что им тесно и открыл... Они улетели...

— Улетели? — переспросил Дэйн.

У драконов были кожистые придатки, которые в далеком будущем превратятся в крылья латмеров. Но чтобы они использовались для полетов!

— Мы должны вернуть их и, если они летают в лесу... — начал он, но тут бреч добавил:

— Они летают плохо, прыгают над землей, хоп,— и он свободной лапой показал неуклюжие прыжки.

— Они могут быть где угодно,— сказал Рип.

Бреч вопросительно взглянул на него, и Дэйн вспомнил, что бреч понимает лишь тогда, когда говорят в транслятор.

— Они могли уйти в любом направлении,— повторил он для бреча.

— Ищут воду... хотят пить... — ответил бреч.— Вода там... — он указал на юг, как будто видел там пруд или озеро, или ручей сквозь стены шлюпки.

— Но озеро в том направлении,— Рип кивнул на северо-восток, где за плато лежало озеро.

— Направление на озеро,— перевел Дэйн.

— Нет, они пошли не туда, а сюда,— бреч снова указал на юг.

— Ты их видишь? — спросил Али и, поняв, что только Дэйн может задавать вопросы, добавил: — Спроси, почему он так уверен?

Но Дэйн уже начал сам. Если бы длиннорылая морда с такими чужими чертами могла выражать изумление, Дэйн решил бы, что видит это изумление. Бреч коснулся лапой своего лба и ответил:

— Драконы сильно хотят пить, и мы чувствуем... чувствуем, что они хотят...

— Телепатия! — почти выкрикнул Рип.

Но Дэйн не был в этом уверен.

— Вы чувствуете, что думают другие? — Он надеялся, что выразился ясно.

— Не что думают другие, а только что думают другие бречи иногда. Что другие чувствуют, то мы чувствуем. Если чувствуют сильно, мы знаем.

— Какое-то эмоциональное излучение, — подытожил Али.

— Малыш чувствовал, что драконы хотят выйти, и выпустил их, — продолжал бреч. — Драконы поранили малыша. Плохо...

— Холод, — заметил Рип. — Если они ищут воду на юге, холод прикончит их.

— Значит, нужно побыстрее отыскать драконов, — ответил Дэйн.

— Кто-то должен остаться у коммуникатора, — сказал Али.

— Останется пилот, — быстро сказал Дэйн, прежде чем Рип успел возразить. — Мы возьмем с собой переносной коммуникатор. Если захотите, можете связаться с ним.

Он ожидал услышать возражения Шеннона, но тот сразу же занялся подготовкой. А заговорил бреч.

— Пойду. Чувствую драконов... Скажу, где они...

— Слишком холодно, — быстро возразил ему Дэйн.

Он может потерять часть груза, но бречи бесконечно важнее этих зародышей и ими нельзя рисковать. Рип поднял мешок.

— Может, поместить туда подогреватель и выложить стенки прокладками, — он кивнул в сторону снятых с клетки прокладок, — и нашему другу будет достаточно тепло. Его слова имеют смысл. Если он отведет вас к драконам, вы сэкономите уйму времени и энергии.

Дэйн взял у Рипа мешок. Он был водонепроницаемым и предназначался для перевозки продуктов на планетах с ядовитой атмосферой. Такие мешки входили в оборудование шлюпки и он был достаточно вместителен для бреча даже с обогревателем, о котором говорил Рип. Если бреч сказал правду, если он действительно улавливает эмоциональное излучение изменившихся птенцов латмеров, это сэкономит им много времени. А у Дэйна было все усиливающееся ощущение, что чем скорее они покинут эту дикую местность, тем будет лучше.

Умелые руки Али быстро осуществили предложение Рипа. На дне мешка установили маленький обогреватель, стенки утеплили прокладками, оставив в середине пустое место, где мог поместиться бреч. Лямки мешка приладили на Дэйна, а Али должен был нести второй мешок с припасами. У каждого к капюшону термокостюма был присоединен коммуникатор и вдобавок Дэйн взял с собой транслятор. Бреч вернулся к своей семье в гамак, и по приглушенному бормотанию Дэйн понял, что он объясняет свое временное отсутствие. Дэйн не знал, возражали ли остальные, потому что бреч не взял с собой транслятора.

Когда они вышли в путь, была середина утра. Сначала они подошли к клетке. Муравин, вернее мутантный муравин, исчез. След показывал, что он скорее уполз, чем ушел.

— В том направлении его логово, — заметил Али. — Вероятно, холод ему тоже вредит.

— Если это муравин, вернувшийся к форме своих предков... — Дэйн все еще не мог примириться с этим.

— Тогда кто принес его сюда и зачем? — закончил за него Али. — Тут есть над чем подумать. Думаю, можно считать, что наш ящичек не первый и что они торопились переслать этот. Как будто кто-то их торопил. У «Комбайна» не было никаких неприятностей на этом почтовом маршруте и это означает, что предыдущие ящички были либо лучше изолированы, либо рядом с ними не оказывался живой груз. Поселенцы постоянно получают зародыши латмеров, да и других животных.

— Возможно, они — эти загадочные «они» — не пользуются обычным транспортом, — заметил Дэйн.

— Верно. Здесь только один главный порт и на планете нет обширной радарной системы, в ней нет необходимости. Ничто не привлекает в этой планете внимания браконьеров, контрабандистов, преступников... Или что-то привлекает?

— Наркотики? — Дэйн дал первый пришедший в голову ответ, наиболее вероятный. Некоторые наркотики легко производятся на девственной почве и маленький, легкий груз может принести фантастическую прибыль.

— Но зачем тогда ящичек? Может быть, он должен был бы пробуждать рост чего-то? Возможно, наркотики — это неплохой ответ на вопрос. Если это так, нам могут противостоять преступники, вооруженные бластерами. Но зачем ввозить муравина и превращать его в чудовище? И зачем появился на борту мертвый с вашим лицом?

— Впереди вода... — прозвенел в ушах Дэйна голос бреча.

— Ты чувствуешь драконов? — Дэйн вернулся к первоочередной задаче.

— Вода... Драконов нет. Но драконам нужна вода.

— Если он не чувствует их, — заметил Али, когда Дэйн передал ему эту информацию, — они, возможно, погибли.

Дэйн разделял пессимизм Али. Теперь они шли между деревьями, ступая по толстому слою опавших листьев. Кустарник, ранее стоявший стеной, исчез теперь и местность имела уклон вперед. Оглянувшись, Дэйн ясно увидел их следы. Им не придется связываться со шлюпкой, они смогут вернуться по следам. Вода, о которой говорил бреч, появилась неожиданно, слишком неожиданно для их безопасности. Они остановились на самом краю крутого ущелья, по дну которого тек ручей.

— Вытекает из озера, — сказал Али и, прищуриваясь, посмотрел вверх по течению.

У берегов ручей был затянут льдом, но посередине виднелось быстрое течение. И никаких следов драконов.

— Ты их сейчас чувствуешь? — спросил Дэйн у бреча.

— Не здесь. Дальше... там...

— Где? — Дэйн пытался определить направление.

— За водой...

Если драконы пересекли речку, то действительно использовали крылья, другого пути нет. Дэйн не мог понять, как они выжили в таком холоде. Разве что они гораздо устойчивее к холоду, чем он полагал. Нужно найти такое место, где склоны ущелья не так круты и где ручей можно перейти вброд. Пока такого места не было видно. Они разделились. Али направился на северо-восток к озеру, а Дэйн на юго-восток. Но речка оставалась прежней, пока Дэйн не подошел к месту, где с его стороны в стене ущелья был пролом. Что-то вмерзло в лед и вода ручья ударяла в этот предмет, поднимая фонтан брызг.

Краулер... Краулер, предназначенный для тяжелых работ! В кабине никого не было видно, да Дэйн и не ожидал увидеть водителя. Ясно, что краулер находится здесь уже длительное время. Но все же он спустился вниз, чтобы осмотреть машину. Не имея подходящего оборудования, машину не удастся вытащить из ручья. Возможно, когда вода разольется, она поднимет краулер, но вряд ли его можно будет использовать. Это не была сельскохозяйственная машина с различными приспособлениями для работы в поле. Краулер был оснащен буровой установкой, теперь покосившейся, и остатками ковша. Машина для геологоразведчиков... В надежде найти указания на ближайший поселок, Дэйн осторожно подобрался к машине и заглянул в кабину.

Когда дверь, наконец, открылась, Дэйн об этом пожалел. В кабине были люди. Они лежали на полу один на другом. Оба сожжены бластером. В контрольную щель были вложены жетоны и Дэйн неохотно извлек их. Когда они вернутся в порт, возможно, удастся найти разгадку этих смертей... этого убийства. Он запер дверцу и завалил ее обломками льда. Перед уходом Дэйн открыл грузовой люк. Возможно, они смогут использовать припасы, хотя забрать их сейчас с собой он и не сможет. Но прежде всего Дэйну хотелось взглянуть на груз. Не в нем ли разгадка убийства? Может, грузовой отсек ограблен?

Его догадка оказалась верной. Замок отсека был выжжен, дверные петли наполовину расплавлены. Отсек был пуст, только у разбитой двери застрял маленький кусочек породы. Как будто его не заметили, когда торопливо вытаскивали груз. Кусочек был небольшим, нести его было нетрудно, а если породу держали под замком, значит, она достаточно ценна. Дэйн не знал, сколько времени машина была здесь, но, судя по замерзшему грунту, довольно долго. Снова поднявшись по склону ущелья, Дэйн немного прошел по следу краулера. На коротком расстоянии след шел по берегу. Значит, спуск вниз не был попыткой пересечь речку, машиной с мертвым экипажем управляла автоматика. Та ли эта машина, что оставила след на плато? Возможно.

— Вызываю Торсона! Вызываю Камила! Возвращайтесь в шлюпку! Немедленно! — сигнал коммуникатора прозвучал так внезапно, что Дэйн вздрогнул.

Такие формальности не свойственны Рипу. Значит, это формальность — предупреждение. Муравин? Или у них появились двуногие враги? Так думал Дэйн, торопливо идя назад и поглядывая вниз на краулер. Может те, кто убил геологов, теперь обратили внимание на их шлюпку? Может, Рип в таком положении, что может их предупредить только таким набором слов? Бреч не издал ни звука. Если он и чувствовал впереди неприятности, как предчувствовал действия драконов, он об этом не говорил. Неожиданно еще одна мысль мелькнула у Дэйна, такая же поразительная, как и вызов со шлюпки. Когда они нашли бречей в загоне перед муравином, те находились внутри силового поля. Это-то поле и предотвратило нападение чудовища. Но драконы прошли сквозь поле. Конечно, поле было слабым, но Али испытал его и оно действовало. Как же они прошли сквозь поле?

— Когда малыш нашел клетку, вокруг нее была защита, — сказал Дэйн в транслятор. — Но он нашел и открыл клетку с драконами... — Поймет ли его бреч? Что же произошло с полем? Неужели бречи сумели выключить его, а потом снова включили? Выключить поле можно, но включить его изнутри совершенно невозможно!

Ответ прозвучал неуверенный, как будто бречу тоже было трудно объяснить.

— Мы думаем... если неживое, мы думаем, что оно должно сделать... и оно делает...

Дэйн покачал головой. Если он правильно понял, у бречей есть контроль над неживой материей... Прошли же они через силовое поле! А драконы? Неужели они тоже смогли проделать это?

— Как драконы прошли через защиту?

— Малыш... когда они поранили его... открыл для них проход. Они хотели уйти, и поэтому он открыл... — ответил Бреч.

Все больше и больше открывалось в этих мутировавших животных — нет, они не животные — в этих существах. Нужно им дать соответствующий статус, кем бы они не были на Ксечо. Какое волнение они вызовут среди ученых!

Дэйн увидел бегущего Али и остановился, поджидая его.

— Слушай, что я нашел.— Дэйн отодвинул в глубину сознания вопрос о бречах и быстро рассказал Камилу о брошенном краулере и о том, кто там находился!

— Вы думаете, у Рипа посетители? — быстро понял его Али.— Хорошо, пойдем медленно и осторожно.

Они закрыли свои микрофоны пальцами, пока говорили друг с другом, так что в шлюпке их нельзя было услышать. Дэйн с радостью закрыл лицо прозрачной пластинкой. Хотя на небе светило солнце, оно даже на открытом месте давало мало тепла, а когда они снова вошли в тень леса, даже иллюзия света и тепла исчезла. К шлюпке они приближались осторожно, но, увидев, что стояло рядом с ней, почувствовали себя уверенней. Это, несомненно, был разведочный флиттер «Королевы» и Дэйн почувствовал теплую волну облегчения. Итак, Джелико послал за ними. Может, они на грани разрешения всей загадки? Почувствовав уверенность, они заторопились к люку.

Внутри были Рип и Крэг Тау, а третьим оказался не капитан, как ожидал Дэйн, и вообще не член команды. Лишенное выражения лицо Рипа и напряженные черты Тау свидетельствовали о том, что их неприятности еще не кончились. Незнакомец был потомком землян, но ниже членов экипажа, шире в плечах их длинными руками. Под теплой верхней одеждой виднелся зеленый мундир, на груди значок — два серебряных листа из одного стебля.

— Рейнджер Мешлер. Дэйн Торсон, исполняющий обязанности суперкарга. Али Камил, помощник инженера.— Врач Тау произвел формальное представление и добавил для своих товарищей: — Рейнджер Мешлер — старший в нашем регионе.

Дэйн начал действовать. Возможно, он ошибается в общей оценке положения, но один из первых уроков, который усваивали вольные торговцы, заключался в том, чтобы вывести врага или предполагаемого врага из равновесия, нанести удар первым и, по возможности, неожиданно.

— Если вы представляете здесь закон, я должен сообщить об убийстве, точнее о двух убийствах.— Он показал жетоны, найденные в краулере, и обломок камня, застрявший в грузовом отсеке.— У речки стоит краулер. Думаю, он там уже значительное время, но я не знаю местных условий, чтобы судить, как именно долго. В кабине два человека. Сожжены бластером. За-

мок грузового отсека выжжен, а это застряло в дверце.— Он положил камень на полку.— А это идентификационные жетоны.— И положил их рядом с камнем.

Если он собирался перенести войну на территорию противника, то частично преуспел в этом — Мешлер смотрел на камень и жетоны, а потом перевел взгляд на Дэйна.

— Мы должны также сообщить,— прервал короткое молчание Али,— если это уже не сделал Шеннон, о присутствии здесь мутировавших животных.

Мешлер наконец ожил. Лицо его приобрело замкнутое выражение и все следы удивления с его лица исчезли.

— Похоже,— голос его звучал холодно, как воздух снаружи,— вы одолели очень странные открытия.— Он говорил так, как будто считал их слова выдумкой.

Но у них есть доказательства.

Глава 8

НЕПРОИЗВОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

— Каково положение, сэр? — сделав все возможное, чтобы вывести противника из равновесия, и не обращая внимания на слова рейнджера, Дэйн повернулся к Тау. Он хотел знать, что их ожидает.

Но ответил Мешлер:

— Вы все арестованы!

Он произнес это весомо, как будто слова могли их обезоружить и уничтожить преимущество четырех против одного.

— Я экстренно препровожу вас в Трыюспорт,— продолжал он,— где ваш случай будет рассмотрен Патрулем.

— А обвинение? — Али не отошел от люка и одну руку держал сзади, на замке, как решил Дэйн. Было ясно, что Али не считал, что преимущество на стороне Мешлера.

— Саботаж в доставке груза, вмешательство в почтовые перевозки, убийство... — Мешлер произносил каждое обвинение как судья, объявляющий приговор.

— Убийство? — Али выглядел удивленным.— Кого же мы убили?

— Неизвестного... — протянул Мешлер. Его прежняя жестокость несколько ослабла. Он прислонился к стене, держась рукой за гамак, в котором сидели бречи.— Вы увидели его мертвым,— он кивнул Дэйну.— У него было ваше лицо.

Мешлер бросил на Дэйна резкий внимательный взгляд, а тот, чтобы помочь ему, откинул капюшон. Вторично на неподвижном лице рейнджера Дэйн увидел нечто похожее на удивление. Тау издал звук, похожий на смех.

— Видите, рейнджер, наш рассказ правдив. А остальное мы можем показать, как показали человека с такой же внешностью, что и маска. У нас есть ящичек, вызвавший все неприятности, есть мутировавшие зародыши, бречи... Пусть ваши специалисты исследуют их и увидят, что мы говорим правду.

Что-то зашевелилось за спиной Дэйна. Он совсем забыл о брече в мешке. Ослабив лямки, он наклонил мешок, так что его обитатель смог выбраться.

и присоединиться к своей семье в гамаке. Мешлер молча наблюдал за этим. Но вот он достал из внутреннего кармана трехмерное цветное изображение. Держа его, он подошел к гамаку и несколько раз перевел взгляд с изображения на бречей и обратно.

— Есть отличия,— заметил он.

— Как мы и говорили. Вы слышали, как она говорила,— ответил Рип и в его голосе звучало напряжение. По-видимому, перед приходом Дэйна и Али ему пришлось нелегко.

— А где этот загадочный ящичек? — рейнджер продолжал рассматривать бреча и у него по-прежнему было скептическое выражение лица.

— Мы поместили его в защитную оболочку и закопали,— ответил Дэйн.— Но это все же не первый подобный груз здесь.

Теперь он полностью овладел вниманием Мешлера. Две льдинки, служившие рейнджеру глазами, были устремлены на Дэйна.

— У вас есть основания так считать? — спросил он.

Дэйн рассказал ему о муравине. Он не мог сказать, какое впечатление это произвело на Мешлера, но тот, по крайней мере, выслушал, не проявляя недоверия.

— Вы говорите, что нашли его логово? И он был под воздействием станера, когда вы его в последний раз видели?

— Мы пришли до его логова по следу,— вмешался Али,— и, когда он уходил от клетки, то следы вели туда же. Мы не пошли по ним вторично.

— Да, вы отправились за собственными чудовищами, хотели скрыть то, что произвели сами.— Мешлер не смягчился.— А эти чудовища, где они теперь?

— Мы проследили их до речки,— продолжал Али.— Бреч говорит, что они перелетели через речку, и мы искали возможность перебраться через нее, когда нас позвали назад.

— Бреч говорит? Откуда он знает? — вмешался в разговор врач Тау.

— Он говорит, что чувствует эмоции,— ответил Дэйн.— Именно поэтому драконы ушли из загона. Один из детенышей «услышал» их гнев оттого, что они заперты, и выпустил их. Они сначала ранили его, а потом ушли.

Он ожидал презрительного возражения рейнджера, но тот молча выслушал все, время от времени поглядывая на бречей.

— Итак, у нас несколько освободившихся чудовищ, плюс этот муравин.

— И еще двое убитых,— снова вмешался Дэйн,— которые были мертвы задолго до нашего появления.

— Если они так давно мертвы,— ответил рейнджер,— то могут подождать еще немного. Сначала нужно заняться этими вашими «драконами». — Он убрал снимок, извлек небольшую трубку, которая с легким шуршанием развернулась в карту, миниатюрную, но весьма четкую и легко читаемую.— Озеро. Ваша речка вытекает отсюда?

— Мы так считаем,— ответил Дэйн.

— И ваши драконы пересекли ее? — Сразу за речкой начиналась бледно-зеленая поверхность и Мешлер постучал по ней рукой.— Земля Картла. Туда направились ваши драконы.— С таким же легким шелестом карта свернулась.— Нужно найти их прежде, чем они уйдут слишком далеко. Этот... это существо может выследить их? Вы уверены в этом?

— Он говорит, что может. Он привел нас к реке.— Дэйн не собирался давать возможность рейнджеру забрать бреча. В конце концов, что бы ни произошло, бреч оставался частью груза, за который Дэйн нес личную ответственность. Но Мешлер не трогал бреча.

— Вы арестованы.— Он осмотрел их одного за другим, как будто спрашивая, кто бросит ему вызов.— Если мы будем ждать отряда из Трюспорта, может оказаться слишком поздно. У меня есть обязанности. Если поселок Картли в опасности, мой долг быть там. Но эту опасность выпустили вы, поэтому у вас тоже есть долг...

— Мы этого не отрицаем,— ответил Тау.— Мы старались, как могли, чтобы не подвергнуть опасности порт.

— Старались? Выпустив драконов, которые нападут на поселок?

— Я не понимаю, как они выдерживают холод,— медленно сказал Дэйн, адресуя эти слова Тау.— Их выпустили ранним утром. Я думал, они замерзнут. Рептилии не выдерживают холода...

— Латмеры — не рептилии,— поправил его Мешлер,— и они хорошо приспособлены к холоду. Их специально приучали к трюсовой зиме.

— Но я вам говорю,— гневно ответил Дэйн,— что это не ваши латмеры, а их древние предки. Внешне они, несомненно, рептилии.

— Мы не можем точно сказать, кто они такие,— поправил его Тау,— пока не исследуем их в лаборатории.

— У нас нет времени спорить об их природе! — резко заявил Мешлер.— Нужно отыскать их, прежде чем они нанесут ущерб. И я должен отправить отчет. Вы остаетесь тут.— И он вышел, захлопнув за собой люк.

— Что происходит? — обратился Камил к Тау.

— Мы все сами хотели бы узнать подробности,— устало ответил Тау.— Когда мы селились, нас уже ожидали. Мы выглядели весьма подозрительно. К тому же, нам пришлось сообщить о мертвеце на борту...

— Но как... — начал Шеннон.

— Именно как... — ответил Тау.— У нас не было времени на доклад. Мы правдиво ответили на все вопросы, показали тело. Я сообщил врачу свое заключение. Им понадобились его документы. Когда мы сказали, что у него были ваши документы и показали маску, они не поверили и заявили, что такое невозможно организовать без вашего ведома, что во время полета замена обязательно обнаружилась бы, что, вероятно, близко к истине. Отсюда они перешли к причине появления этого человека на борту.

— И вы рассказали им о ящичке... — подхватил Али.

— Пришлось. Лаборатории затребовали своих бречей, а поселенцы — зародышей. Мы могли бы сказать, что один груз придет позже, но не оба при таких обстоятельствах. Джелико требовал, чтобы нас заслушали на торговом суде. Тем временем «Королеву» конфисковали, а экипаж арестовали. За вами послали Мешлера, а я с ним потому, что по торговым правилам должен быть врач.

— Вы думаете, за этим «И — С»? — спросил Рип.

— Нет. Просто невероятно, чтобы большая компания осуществляла такой сложный план против одного торговца. И мы не отбирали у них почтовый контракт, он уже несколько лет принадлежал «Комбайну». Нет, я думаю, что мы оказались просто под рукой и кто-то нас использовал. Может, то же самое произошло бы с кораблем «Комбайна», если бы он осуществлял этот рейс.

— Крэйг... — Дэйн слушал не очень внимательно, занятый собственными мыслями, — этот мертвец... может, его сознательно послали на смерть?

— Возможно. Но только зачем?

— И зачем, и как, и почему? — поднял руки Рип.

Тем временем Али взял обломок, принесенный Дэйном из краулера, поворачивал его и рассматривал.

— Трюс — чисто сельскохозяйственная планета, не так ли? Единственное занятие — сельское хозяйство.

— Так указано в справочнике.

— Но мертвые геологи в краулере с ограбленным бункером? Где был этот обломок? — неожиданно спросил Али у Дэйна.

— Застрял в разбитой двери. Думаю, кто-то торопливо очищал бункер и не заметил этого обломка.

Рип через плечо Али взглянул на обломок.

— По мне, самый обычный обломок скалы.

— Но вы не минералог. — Али взвесил камень в руке. — У меня инстинктивное чувство, что ответ у нас прямо перед носом, но мы его не видим.

Он все еще рассматривал камень, когда снова открылся люк и появился Мешлер.

— Вы, — указал он на Рипа, — останетесь здесь. Вас подберет сторожевой корабль из порта. Вы тоже. — На этот раз его палец указал на Али. — А вы, вы и этот... это существо, которое, как вы говорите, чувствует драконов, пойдете со мной. Мы полетим на флиттере.

Дэйну казалось, что Шеннон и Камил будут протестовать, но они взглянули на Тау и, хотя выражение лица врача не изменилось, он каким-то странным образом приказал им не возражать Мешлеру. Дэйн вторично посадил бреча в мешок, и тот не возражал, как будто следил за их разговором и знал цель второй экспедиции. И рейнджер не стал требовать, чтобы Дэйн сдал свой станнер.

— Сначала мы направимся к Картлу, — ласково заявил Мешлер, знаком приказывая Дэйну вместе с бречем сесть рядом с ним на первое сидение. Тау сел сзади.

Мешлер оказался искусным пилотом, но, возможно, использование флиттеров было обычным для рейнджеров при исследовании диких территорий. Без всяких усилий Мешлер поднял флиттер, повернул нос машины на юго-восток и включил предельную скорость. Через несколько секунд внизу промелькнула речка и снова потянулась сплошная пелена мясистой листвы, как будто лес тоже был особой водой. Бреч спокойно сидел на коленях Дэйна, высунув голову из мешка. В кабине было достаточно тепло, так что никто не натягивал капюшон. Рогатый нос поворачивался из стороны в сторону, и Дэйну казалось, что бреч ловит запах. Неожиданно голова бреча повернулась направо, западнее их нынешнего курса. В капюшоне Дэйна прозвучал голос бреча:

— Драконы там...

Удивленный Мешлер оторвался от приборов.

— Откуда ты знаешь?

Дэйн повторил его вопрос.

— Драконы голодны... Охотятся...

Охотятся! Что ж, у голода, несомненно, есть эмоциональная сторона,

а у хищника эта эмоция должна быть особенно сильной. Но флиттер ведет Мешлер. Повернет ли он или будет настаивать на первоначальном курсе? Прежде, чем Дэйн вмешался, Мешлер повернул нос, и бреч, будто это действительно было индикатором, связанным с приборами, теперь указывал прямо вперед. Лес прервался, и показалась расчищенная земля с множеством пней.

— Земля Картла, — сообщил Мешлер.

Среди пней виднелись странные столбы. Они стояли не в ряду, как заготовка для ограды, а как-то разбросанно. И почти все столбы были заняты неуклюжими длинношеими животными, которые клевались, толкались и кричали, когда другое животное подходило слишком близко. Латмеры!

— Их не охраняют? — удивился Дэйн, вспомнив муравина. Может, на Трюсе есть его местные предки.

Мешлер издал звук, похожий на смех.

— Они способны сами защититься. Сейчас люди приходят на поля даже без станнеров. Впрочем, на краулер они не обращают внимания. Здесь найдется немного существ, способных справиться со стаей латмеров.

Бреч кивнул. Они пролетали над полем, где шла кровавая битва. Здесь столбов-насестов было меньше и все они опустели. На земле валялись разорванные тела, но два законных обитателя все еще отбивались от врагов смертоносными клювами. А враги... Сначала Дэйн не поверил своим глазам. Зародыши, которые он помнил, не превышали размерами взрослого бреча, а эти были больше латмеров. Быстрое нападение, уклоны, использование когтей, бьющие хвосты, машущие крылья, при помощи которых они приподнимались над землей и угрожали латмерам сверху — все это могло принадлежать взрослым существам, давно привыкшим к таким набегам.

— Они... они выросли! — удивленно воскликнул Дэйн, будучи не в состоянии поверить, что за один-два дня произошли такие разительные перемены.

— Это ваши драконы? И вы хотите, чтобы я поверил, что они только что вылупились? — Мешлер имел право не верить, но именно эти существа Рип, Али и Дэйн перетаскивали в клетки. Правда, тогда они были гораздо меньше.

— Они самые...

Мешлер повернул флиттер, потому что они миновали сцену свирепой битвы. Они опускались. Дэйн решил, что рейнджер пытается отпугнуть драконов от уцелевших латмеров, и подготовил свой станнер, но прежде чем он смог его применить бы, они должны были подлететь гораздо ближе. Мешлер рылся в кармане своей форменной куртки. Потом он протянул Дэйну яйцообразный предмет.

— Нажмите кнопку наверху, — приказал он, — и бросьте, когда мы будем ближе всего.

Они снова удалились от места схватки. Дэйн открыл окно справа, передвинув в сторону мешок с бречем, и наклонился, готовый бросить этот предмет. В третьем заходе Мешлер прижимался к земле. Дэйн надеялся, что правильно рассчитал расстояние. Палец его коснулся кнопки, и он выпустил яйцо. Мешлер прибавил скорость, флиттер рванул вверх, и Дэйна прижало к сидению. Когда скорость уменьшилась, они снова повернули и пошли на посадку. Приземляться среди пней на неровной поверхности, поросшей кустарником, было трудно. Они снова направились к разгромленным

насестам. Но теперь вокруг расколотых столбов клубился зеленоватый пар. Он поднимался клубами и медленно рассеивался в высоте.

Ни одного из существ, только что сцепившихся в жестокой схватке, не было видно. Мешлер сел в единственно возможном месте на некотором расстоянии от разграбленного насеста. Дэйн оставил бреча во флиттере и пошел вслед за Мешлером и Тау к полю битвы. Если драконы явились за пищей, возможно, сопротивление латмеров спасло весь выводок. Во всяком случае, это уже было не бессмысленное убийство со стороны драконов, а защита от доблести существ, которых нападающие явно недооценили. Драконы и два последних латмера лежали на том месте, где упали, но они не были мертвыми. Зеленоватый пар произвел на них такое же действие, как станнер. Мешлер стоял над мутантами, изучая их.

— Вы говорите, это предки латмеров? — его голос звучал недоверчиво и, если бы Дэйн сам не видел, как они выползли из эмбриобоксов, он сам бы не поверил.

— Разве что перепутали груз, — заметил Тау, — но я считаю, что эту возможность следует исключить. Эмбриобоксы проверяли в порту Ксечо. Рутинная процедура, но эксперты ничего не пропустили бы.

Мешлер наклонился, поднял край крыла, обтянутого жесткой кожей, а потом уронил на чешуйчатое тело, которое подергивалось от дыхания.

— Если ваш ящичек может это сделать...

— Не наш ящичек, — поправил Дэйн. — И вспомните муравина... Этот ящичек явно не первый.

— Доложить! — Мешлер как будто разговаривал сам с собой. — Немедленно... — Он извлек танглер — оружие, делавшее любого пленника абсолютно неподвижным — и, пользуясь им с большим искусством, обездвигил лапы, крылья, головы и хвосты драконов.

Они перетащили драконов к флиттеру и засунули их в грузовой отсек. Мешлер покачал головой над останками латмеров. Он решил, что два из них, боровшихся до конца, выживут, но остальные погибли. Сейчас следовало сообщить об этом злополучному хозяину.

— Он потребует возмещения убытков, — с удовлетворением заявил Мешлер. — И если обвинить вас в повреждении территории...

Дэйн не знал, что такое повреждение территории, но по тону Мешлера понял, что ничего хорошего это «Королеве» не принесет.

— Вина не наша, — ответил Тау.

— Не ваша? Вы не доставили груз в порт, это его часть, поэтому вы еще отвечаете за него. И если груз поврежден...

«Сложная проблема, — подумал Дэйн. — Мы отвечаем, несомненно, за повреждение груза, но отвечаем ли за ущерб, причиненный грузом?»

Он напряженно вспоминал инструкции, которые изучал в школе и во время службы на «Королеве». Случалось ли такое раньше? Он не мог вспомнить. Ван Райк знает, конечно, но он далеко, в другом секторе Галактики, и только Дух Космоса знает, когда он присоединится к ним.

— Двигаться кратчайшим путем. — И снова Мешлер разговаривал сам с собой.

Несколько минут спустя, вместо того чтобы снова продолжать путь на восток по прежнему курсу, нос маленького корабля повернулся на запад. Мешлер издал восклицание и ударил кулаком по шкале. Маленькая стрелка

дрогнула, но не повернулась. Мешлер принялся щелкать переключателями, нажимать кнопки, но курс не менялся.

— Что случилось? — Дэйн достаточно хорошо знал флиттер, чтобы понять, что машина движется по определенному курсу автоматически и рейнджер не может изменить этот курс.

Тау наклонился вперед, почти поравнявшись с Дэйном.

— Смотрите на индикатор! Мы на контрольном луче!

Красный огонек на приборном щитке свидетельствовал о том, что их влечет мощный луч.

— Не могу оторваться.— Мешлер опустил руки.— Флиттер не слушается управления.

— Но если никто не устанавливал курс...— Дэйн смотрел на шкалу.

Конечно, можно установить автоматический курс, но никто из них этого не делал и, хотя все они были заняты перетаскиванием драконов, никто не мог незаметно подобраться к флиттеру.

— Контактный луч,— задумчиво сказал Мешлер.— Но это невозможно! В том направлении ничего нет. Быть может, несколько бродячих охотников... И экспериментальная станция Трости, но она к северу отсюда. И даже у них нет такого оборудования...

— У кого-то есть,— отозвался Тау.— И похоже, что в этой дикой местности есть больше, чем вы предполагаете, рейнджер Мешлер. А тщательно ли вы патрулируете?

Мешлер поднял голову и щеки его покраснели.

— Перед нами дикий континент. Большая часть его нанесена на карту с воздуха. Что касается исследования местности, то у нас слишком мало людей и средств. И главная наша задача — защищать поселки. На Трюсе никогда раньше не было неприятностей.

— Если вы хотите сказать «до прибытия к вам «Королевы Солнца»,— с горечью возразил Дэйн,— то не стоит. Не мы произвели на свет регрессированного муравина, не мы убили тех двоих в краулере, и не мы втянули свой корабль в эту переделку. Если нас удерживает контрольный луч, значит, где-то есть установка. Так что в этой дикости вы не все знаете.

Но Мешлер, казалось, не слушал. Он включил коммуникатор, поднял микрофон и произнес серию звуков, должно быть, какой-то код. Трижды он повторил его, каждый раз ожидая ответа, а потом, пожав плечами, положил микрофон.

— Коммуникатор не в порядке? — спросил Тау.

— Похоже,— ответил Мешлер, а флиттер продолжал в сгущающихся сумерках лететь на запад, углубляясь в неизвестность.

Глава 9

ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

Стемнело, но когда Дэйн хотел включить огни флиттера, Мешлер удержал его.

— Не нужно, чтобы нас видели,— объяснил он, и Дэйн устыдился своего инстинктивного, но неосторожного поступка.

— Куда мы летим? — спросил Тау.

— На юго-запад. По нашим сведениям, тут ничего нет, — ответил Мешлер. — Разве я не говорил?

— А эта станция Трости, — настаивал Тау. — В чем заключаются ее эксперименты? Агротехника, ветеринария или общие исследования?

— Агротехника, но не только для Трюса. У них лицензия на экспорт. Но они тут ни при чем. — Я навещал их во время обходов. Мы далеко от них и, к тому же, у них нет установки, способной произвести такой луч.

— Трости, — задумчиво повторил Тау. — Трости...

— Ваганец Трости. Организация основана по его завещанию, — объяснил Мешлер.

Ваганец Трости! Дэйн вспомнил сотни слухов и в разной степени правдоподобных рассказов о ваганце Трости... Он был одним из тех людей, кто, по выражению землян, обладал «золотым прикосновением». Каждое изобретение, которое он поддерживал, каждое исследование, которое он финансировал, оказывались успешными, и в его казну стекались новые миллионы. Никто не знал, каким богатством обладает Трости. Время от времени он вкладывал астрономические суммы в исследовательские проекты. Если они удавались, прибыль уходила планете, предоставившей базу для исследований. Конечно, были и другие слухи, всегда возникавшие в тени таких людей, что его «удачи» не всегда объяснялись известными предприятиями, что некоторые его проекты не подлежат оглашению, что он вел свои исследования на двух уровнях, один из которых был открыт и маскировал другой, и что цели другого были гораздо менее привлекательны для публики.

Но хотя такие слухи тоже превратились в легенду, ни разу не было получено доказательство их правдивости. А финансовая сторона предприятия Трости продолжала поражать воображение. Если он допускал ошибки или шел по другим дорогам, все это было забыто. Так жил ваганец Трости, человек, о личности которого не было практически ничего известно. Почти с ненавистью он сторонился известности. Рассказывали, что часто он сам работал среди своих подчиненных, особенно в исследованиях, причем сами они об этом не знали. Когда он исчез, оказалось, что он установил такой плотный контроль в своей империи, что она продолжала действовать во имя знания и общего блага, так что на многих планетах его считали героем, почти полубогом.

Оставалось неизвестным, как он исчез, несмотря на расследование Патруля. Просто его представители на многих планетах объявили, что его частный корабль пропустил все сроки возвращения, и они в соответствии с его волей ликвидируют его предприятия. Так и поступили, хотя внимание общественности, казалось не давало возможности скрыть что-либо. Говорили, что он отправился в очередную экспедицию, что перестал регулярно посылать сигналы, как всегда делал. И вступило в действие его завещание. Никто не знал о его молодости. Прошрое его, как и конец, было темным. Он кометой промелькнул по населенным Галактикам и изменил мир, в котором появился.

— Мы теряем высоту! — неожиданно воскликнул Мешлер.

— И еще... — Тау снова наклонился вперед, так что голова его и плечи оказались рядом с сидевшим впереди. — Видите? — Рука его была темной тенью в полумгле рубки, но в руке он держал небольшой прибор с освещен-

ной шкалой, где стрелка отклонялась вправо. Прибор гудел, причем Дэйну показалось, что гудение становилось громче.

— Что?.. — начал Мешлер.

— Впереди радиация того же типа, но сильнее, чем из ящика на «Королеве». Кажется, мы скоро получим ответ.

— Послушайте... — лицо Мешлера казалось Дэйну неясным пятном в темноте, но в его голосе слышалась нотка, которой раньше не было. — Вы говорите, что эта радиация приводит живые существа к регрессу.

— Мы можем судить на основании зародышей и бречей, — сказал Тау.

— А может ли радиация подействовать на нас?

— Не знаю. Ящичек принес на борт человек. Торсон видел его в руках женщины-чужака. Конечно, этот человек мог быть послан на смерть, но я так не думаю. Им нужно было, чтобы «Королева» доставила сюда груз, а регрессировавший экипаж не мог бы управлять кораблем. Мы не смогли бы выйти из гиперпространства. Но если радиация усилится... Впрочем, не знаю...

— И вы говорите, что впереди та же радиация?

— Да, если судить по показаниям прибора...

Если он хотел что-то добавить, то так и не смог — флиттер неожиданно пошел вниз. Мешлер с криком вцепился в управление — бесполезно. Он не мог поднять флиттер, не мог предотвратить его падение.

— Аварийные условия!

Дэйн скорее почувствовал, чем увидел, как пилот коснулся красной кнопки. Он сделал то же самое со своей стороны кабины. Сколько у них осталось времени? Достаточно ли? Земля была темной массой, и он не знал, быстро ли они к ней приближаются. Он почувствовал, как поднимается пена, вытекая из специальной полости, и обвивает его тело. Она уже добралась до горла и коснулась подбородка. Следуя инструкции об аварийной обстановке, он откинулся на сидение и закрыл глаза, когда защитная масса сомкнулась над ним и бречем. Следовало бы предупредить бреча, но Дэйн забыл об этом. Совсем забыл о существе, так тихо оно сидело в мешке, а теперь было поздно.

Расслабиться. Он боролся со своими нервами. Расслабиться, предоставить действовать защитному желе — напряженное тело хуже взаимодействует с пеной. Расслабиться. Он напряг свою волю. Удар. Несмотря на пену, Дэйн едва не потерял сознание. Он не знал, сколько уже прошло времени, прежде чем он смог нащупать рычаг справа от себя. Ему пришлось преодолеть сопротивление желе, но наконец его пальцы сомкнулись на рычаге. С резким толчком открылась дверь и пена хлынула в отверстие вынося и его.

Теперь пена опадала. Большой ее пласт уже упал с головы и плеч. Он открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный сильным лучом фонаря и не способный понять, что происходит. Они ударились, а потом... Руки, вытащившие его из пены, действовали без нежности. По-видимому, владельцев этих рук интересовала лишь скорость. Его рывком поставили на ноги и луч фонаря по-прежнему светил ему в глаза, так что он не смог разглядеть окружающих. Их было двое. Высвободив его, они искусно приложили танглер к его рукам и ногам, а затем замотали его от талии до плеч быстротвердеющей лентой. Потом Дэйна оттолкнули в сторону, так что он больно ударился

о землю. От толчка он несколько раз перевернулся и луч перестал светить в глаза. Он смог видеть, хотя люди, занявшиеся Тау, оставались смутными фигурами.

Дэйн не знал, сколько их. Часть была невидима, используя луч фонаря как укрытие. Работали они так эффективно, что можно было подумать, что к таким действиям их тщательно готовили. Все трое из флиттера находились под контролем. Но мешок с бречем не извлекли! Они не знают о существовании животного или не считают его важным?

Желе под действием воздуха быстро распадается, так что бреч скоро освободится, но он может испугаться аварии и пены, и Дэйн не знал, что ожидать от бреча. Тут он услышал гудение приближающегося краулера. В луче фонаря показался трос. Его прикрепили к носу флиттера и разбитая машина со скрежетом двинулась. Куда ее тащат. Дэйн не видел. Его самого схватили за плечо и потащили по неровной тропе. Он спотыкался и несколько раз упал бы, если бы невидимый сопровождающий не поддержал бы его. Наконец они оказались на поляне, где под нависшей скалой был разбит лагерь. Стояла полевая кухня, грудой было навалено различное оборудование. Ясно, что похитители находятся здесь уже несколько дней и хорошо оснащены.

Диффузная лампа бросала рассеянный свет. Она еле светила, как будто обитатели лагеря экономили энергию. В ее свете Дэйн увидел троих людей, которые привели их сюда. На всех были обычные охотничьи костюмы с поясами для инструментов, какие надевали на неисследованных планетах. Все были землянами или потомками землян, но тот, который встал при их появлении, не был землянином. Он принадлежал к неизвестной Дэйну расе. Очень высокий, так что ему приходилось наклонять голову и плечи, чтобы уместиться под выступом скалы. Кожа желтого цвета — не оранжево-желтого, как у некоторых землян, а более яркого оттенка. А глаза и зубы светились, они были покрыты каким-то флюоресцентным веществом. Волосы у него были редкими и росли клочьями с ровными промежутками между ними. Череп конусообразный, сужающийся к макушке, но тело, если не считать несоразмерных с торсом рук и ног, было похоже на тело землянина. Он тоже был одет в охотничий костюм.

Дэйн подумал, знает ли Тау с его большими знаниями чужих рас, что это за раса. С какого бы мира он не происходил, было ясно, что чужак командовал в лагере. Он не говорил, но жестикулировал, и троих пленников отвели к скале и заставили сесть. Чужак сел рядом с лампой. В руках его с пальцами, будто лишенными костей, был коммуникатор, но он не начал в него говорить, а двумя пальцами начал выбивать дробь по микрофону. С пленниками никто не разговаривал, а Мешлер не задавал вопросов. Когда Дэйн взглянул на рейнджера, то увидел, что тот внимательно изучает сцену, как бы запоминая ее участников.

На незнакомцах охотничья одежда, да и оборудование как у спортивных охотников на чужих планетах, но если они под таким предлогом очутились в этой части Трюса, то должны были получить разрешение и с ними должен быть проводник, но никакого проводника не было видно. Не было слышно и возвращения краулера, утащившего флиттер. Дэйн пришел к заключению, что отряд большой, но остальные постарались, чтобы их не видели. Послав свое кодированное сообщение, высокий чужак закутался в длинный плащ с капю-

шоном, отошел в сторону от лагеря и лег. За ним последовали двое землян и ни один из них не взглянул на пленников. А третий остался у огня, держа в руках танглер.

Дэйн мало что смыслил в электронике, но в лагере ничто не напоминало ящичек с «Королевы» и ничто не свидетельствовало о том, что источник мощных сил, приведший сюда флиттер, находился здесь. Но по-прежнему не было ключа к разгадке. Дэйн устал, но неудобное положение не давало ему возможности уснуть. Взглянув на Тау и Мешлера, он увидел, что они тоже не спят. Часовой у костра время от времени вставал и прохаживался, бросая быстрый взгляд на пленников и потом всматриваясь в темноту за пределами лагеря.

Он как раз занимался этим, когда Дэйн уловил движение по другую сторону лагеря. Кто-то осторожно двигался там и это движущееся было слишком мало даже для ползущего человека. Бреч! Но Дэйн не мог сказать, почему он вдруг вспомнил о брече. Вероятно, существо искало бы спасения подальше от отряда, захватившего пленников. Часовой обернулся, и теперь Дэйн ничего не видел. Когда часовой вернулся к лампе, Дэйн вообще не был уверен, что он что-то видел, но он продолжал посматривать в том направлении, стараясь не поворачивать голову, чтобы не привлечь внимание часового. И тут же он был вознагражден, увидев метнувшуюся от куста к груде ящиков фигурку. Ошибиться было невозможно — он разглядел длинную, украшенную рогом, морду бреча.

Дэйн не мог догадаться, что старается предпринять бреч. Разве что просто хочет держаться вблизи людей. Дэйн видел, как бреч пользовался станнером, но они безоружны, а во флиттере никакого оружия не осталось. Связаться с бречем было невозможно, но Дэйн думал, как предупредить его. Часовой снова отошел и, как только он повернулся спиной, бреч выскочил на открытое место, беззвучный, как тень. Сделав быстрый бросок, бреч прижался к земле рядом с Тау, повернув голову под неудобным углом. Рог! Он использовал рог, чтобы развязать врача.

Полосы было нелегко разорвать, они были эластичны и чрезвычайно прочны. Но Дэйн увидел движение головы бреча — тот разрезал узел. Тау поморщился, как будто ему было больно, но не пошевелился. Рука Тау чуть шевельнулась, и Дэйн испытал прилив возбуждения. Бречу каким-то образом удалось перерезать ленту. Тау свободен, хотя по-прежнему не шевелится. Но вот Тау чуть отодвинулся от стены, и Дэйн понял, что бреч незаметно подбирается к нему. Он оказался прав — вскоре к нему прижалось теплое тело. Рог бреча дернул ленту, связывающую его руки, и вот он тоже свободен и в свою очередь отодвинулся от стены, давая возможность бречу подобраться к Мешлеру.

Часовой двинулся обратно, продолжая делить свое внимание между пленниками и внешней темнотой. Он бы слишком насторожен, чтобы невооруженные пленники могли бы что-то предпринять. Но вот часовой в очередной раз встал и направился к спящим товарищам и растолкал одного из них. Тот взял у него танглер и занял место у лампы, а первый улегся на его место. И все это молча, будто они не умели говорить.

Бреч прижался к земле рядом с Мешлером, и Дэйн знал, что тот тоже свободен. Бреч, используя людей и тени для укрытия, пробрался к груде ящиков, за которым он уже скрывался на пути в лагерь. Часовой

как раз отошел и, когда он достиг самого отдаленного пункта, бреч двинулся. Дэйн не видел, что толкнул бреч, но этот предмет со звоном покатился к лампе. За несколько секунд до встречи предмета с лампой, Дэйн приготовился. Он удара лампа перевернулась, и свет погас. Дэйн и остальные бросились вперед за пределы досягаемости танглера. Дэйн не пытался встать, он покатился и пополз, и звуки говорили ему, что товарищи рядом.

Он ожидал услышать крик часового, а слышался свист — выстрел из танглера — но если кого-нибудь и задело, то не его. И вот он уже за пределами лагеря и на ногах. Ударившись о кого-то, он замахал руками и ощутил поверхность термокостюма. Кто-то поддержал его и вдвоем они пробрались сквозь густой кустарник. Растительность отразит выстрел танглера, но у их похитителей есть и более опасное оружие.

— Тау?

— Да! — шепот слышался рядом.

— Мешлер?

— Не знаю, — прошептал Тау.

Треск, который они издавали, продираясь сквозь кусты, конечно, был слышен часовому. Чьи-то руки подхватили Дэйна, и он обернулся, готовый ударить.

— Тише! — не узнать голоса рейнджера было невозможно. — Не шумите!

Он потащил за собой Дэйна, который в свою очередь тянул Тау. Дэйн заключил, что Мешлер обладал исключительной способностью видеть в темноте. Больше они не спотыкались о кусты, а шли либо по извивающейся тропе, либо по незаросшему лесу. Продвигались они все время быстро. Дэйн недоумевал, почему не слышно тревоги в лагере, но вот вспыхнул свет — это вновь заработала диффузная лампа, но на этот раз на полную мощность. Но беглецы уже были защищены растительностью. Подошвы их космических башмаков застучали по более твердой почве, и растительность исчезла; а с обеих сторон поднялись какие-то стены. Дэйн поднял голову. Вверху виднелась узкая полоска с двумя звездами. Что-то потерялось о его колено. Оторвавшись от товарищей, он наклонился и нащупал бреча. Тот дрожал, и Дэйн расстегнул термокостюм и посадил туда бреча.

— Что? — прошептал Мешлер.

— Бреч... Он замерз. — Дэйн подумал, сколько времени это существо находилось на холодном ночном воздухе.

— Он знает, где флиттер? — шепот Мешлера звучал настойчиво.

Устраивая бреча, Дэйн обнаружил, что тот все еще носит транслятор. Отстегнув капюшон, он прошептал в микрофон:

— Летающая машина — где она?

— В дыре... в земле, — бреч, к облегчению Дэйна, отвечал быстро и Дэйн боялся, что тот потеряет сознание от холода.

— Где?

Бреч зашевелился, и Дэйн почувствовал, как голова бреча повернулась направо.

— Направо... он говорит — в дыре... — доложил Дэйн Мешлеру.

Мешлер уверенно двинулся в том направлении, как будто ясно видел. Когда земляне начали спотыкаться и падать, он вернулся.

— Быстрее!

— Что хорошего в быстроте, если мы переломаем кости?

— Резонно,— присоединился к этому мнению Тау.
— Но местность открытая,— заметил Мешлер.
— В темноте может случиться что угодно,— настаивал Тау.
— В темноте? Вы хотите сказать, что вы не видите? — голос Мешлера звучал удивленно.

— Не ночью.
— Я не знал. Подождите.— Еле различимая фигура Мешлера коснулась рук Дэйна.— Привяжитесь к поясу. Я поведу.

Как только Дэйн ухватился за пояс и Тау положил ему руку на плечо, рейнджер пошел вперед так уверенно, как будто освещал дорогу фонарем.

— Туда? — спросил он немного погодя.
— Туда? — повторил вопрос Дэйн для бреча.
— Да, скоро большая дыра.

Дэйн передал информацию, и вскоре они действительно подошли к большой дыре — глубокому провалу, ведущему в неизвестное.

— Видите что-нибудь? — спросил Дэйн.
— Флиттер разбит,— мрачно ответил Мешлер.— Но нам нужны припасы... если они остались и сохранились.

Пояс неожиданно повис в руке Дэйна, и он услышал, как Мешлер спускается к флиттеру.

Глава 10

ЛОВУШКА

Дэйн молча протестовал — не время исследовать обломки. Сзади ярко светила лампа. Должно быть, погоня уже в пути. И кто управляет краулером, притащившим сюда флиттер? Эти враги тоже могли охотиться на них. Он вспомнил о способности бреча улавливать эмоции. Несомненно, бреч сможет обнаружить преследователей.

— Идут ли другие? — пробормотал он в транслятор, почувствовал, как зашевелился бреч, и понял, что он поворачивает свою длинную морду, как некий радар.

— Сзади, не везде...

Чтоб Мешлера сожгло бластером! Мешлер держит их в ловушке, пока осматривает бесполезные обломки. Те, кто их захватил, не оставили бы оружия. Или оставили? Может, они хотели придать больше правдоподобия картине катастрофы. Но для этого нужны еще тела... Холодок пробежал по спине Дэйна — тела под рукой, когда они понадобятся, то будут готовы. Возможно, сначала им будет нужна информация, а уж потом превратили бы живых пленников в мертвые тела. И чем дальше они трое задерживаются здесь... — четверо, поправил себя Дэйн: пока бреч оказался наиболее полезным членом группы... — тем больше надежды у врага осуществить свой план.

— Надо убираться отсюда! — заявил он об этом Тау.— Какой смысл бродить здесь? Нас немедленно схватят.

— Хотите уйти в одиночку? — спросил его Тау.— Очевидно, Мешлер обладает прекрасным ночным зрением. Если только эти бандиты не обладают таким же, Мешлер легко уйдет от них.

— Бандиты? — Дэйн понял, что это слово не должно удивлять его. Ясно, что они столкнулись с незаконной группой, действующей в укрытии, хотя обычно бандиты не вдаются в тщательное планирование. Их обычай — напасть и вовремя убраться. — Что им здесь нужно?

— Кто знает? Может быть, Мешлер, во всяком случае, должен знать. Слушайте!

Они застыли плечом к плечу. Дэйн почувствовал, как напряглось тело бреча. Звук доносился снизу. Может, это Мешлер поднимается? Дэйн надеялся, что это так.

— Пошли! — Голос Мешлера прозвучал почти из-под ног Дэйна.

Дэйн отшатнулся и почувствовал, как натянулся пояс в его руке, и вот он, ведомый, как и раньше, с рукой Тау на плече, двинулся за рейнджером. Время от времени Мешлер шепотом указывал, куда ступить, но не говорил им, что нашел в обломках, хотя с его плеча свисал узел. Шли они быстрее, чем Дэйн думал, хотя тьма не давала им возможности определить направление. Если они возвращались к шлюпке, их ждали несколько дней пути. Может, Мешлер и прав, отыскивая в обломках припасы. Время потеряло смысл. Время от времени Мешлер останавливался, давая им возможность передохнуть. Дэйн и Тау несли по очереди мешок с бречем. Тот больше не дрожал от холода, и Дэйн надеялся, что он не заболеет от длительного пребывания на холоде.

Рассвет застал их в скалах, имевших самую причудливую форму от выветривания и холода. Большие обломки поддерживались коническими столбами, камни были покрыты щелями и отверстиями, некоторые из которых были с небольшую пещеру. Прекрасное место для длительного отдыха! И Мешлер явно не случайно пришел сюда. Дэйн не признавал, насколько он устал, пока не упал в указанном Мешлером месте — узкой щели между скалами. Он никому не рекомендовал бы длительные переходы в космических башмаках, хотя и невозможно было найти более прочную обувь. От массивных магнитных подошв на ногах сжались будто стальные оковы.

— Расстегните обувь, — Тау наклонился и расстегнул свою. — Но совсем не снимайте... Вдруг понадобится быстро уходить.

Расстегнув зажимы, Дэйн почувствовал такое облегчение, что шумно вздрогнул. Мешлер открыл мешок, который взял во флиттере, и достал оттуда один тюбик рациона. Дэйн мог бы один съесть содержимое тюбика, но здравый смысл говорил ему, что Мешлер прав. Рейнджер отмерил четвертую часть рациона, высосал и протянул Тау, а тот выдавил вторую четверть в углубление в скале и бреч, вытянув длинный бледный язык, в два счета расправился со своей порцией. Съев свою долю, Тау протянул Дэйну почти пустой тюбик и тот приканчивал его как можно медленнее, надеясь хоть немного утолить голод. Конечно, Е-рацион высокопитателен, человек вполне может продержаться на той доле, которую получил Дэйн, но это все равно, что лизнуть блюдо на тарелке, тогда как его хочется съесть все.

— Мы двинемся на север. Далеко ли до шлюпки или до поселка, о котором вы говорили? — спросил Дэйн, убедившись, что в тюбике ничего не осталось.

— Слишком далеко... оба они... чтобы добираться пешком, — раздался приглушенный ответ Мешлера. — Не хватит продовольствия и нет оружия...

— Мне кажется, вы, говорили, что здесь нет опасных животных, —

возразил Дэйн, не желая соглашаться с мрачной оценкой их положения, данной рейнджером.

— Нас преследуют,— напомнил ему Тау.— Если мы не можем идти на север, то что же делать?

— Краулер...— Мешлер завязал мешок.— И еще это...— Он протянул Тау предмет, в котором Дэйн узнал прибор, определяющий радиацию в беспомощном флиттере.

— Работает ли он? — спросил Мешлер.

Тау осмотрел прибор и нажал кнопку на его головной части. Немедленно стрелка ожила и указала на человека, который держал прибор.

— Работает. В каком направлении лагерь? Я так запутался, что не отличу север от юга.

— Там.— Мешлер уверенно показал налево.

— Тогда источник радиации не там.

— У них не видно никакого оборудования,— заметил Дэйн.

— Ящичек был компактным. Возможно, там закопано нечто подобное. Но в этом направлении...— Тау указал себе на плечо.

— Можно определить, как далеко? — спросил Мешлер.

— Нет, только луч оттуда сильнее.

Мешлер прислонился головой к скале.

— Даже до поселка Картла мы не доберемся пешком,— рассуждал он вслух.— Краулер медлителен и тяжел, и его обычно не используют при поездках на далекие расстояния от лагеря.

— У геологов был краулер,— напомнил ему Дэйн.

— У них должен был быть и лагерь,— тяжело ответил Мешлер.— А лагерь под скалой...— он вернулся к насущным проблемам,— тоже временный. Следовательно...

— Мы направимся прямо к ним в руки? — вспыхнул Дэйн.— Вы с ума сошли!

— Я тренированный рейнджер.— Мешлера раздражало нетерпение Дэйна.— Эти люди в охотничьих костюмах... думаю, совсем не охотники.

— У нас нет оружия,— напомнил ему Тау.— Или вы что-то нашли во флиттере?

— Нет. Думаю, на нас обратили бы оружие, когда мы бы вернулись на сцену. Эти люди преследуют, да, но они ожидают, что мы двинемся на север. А если мы пойдем на юг и раздобудем краулер или... другой транспорт... у нас есть шанс. Иначе...— Он не закончил фразу, глаза его закрылись, и Дэйн понял, что ночь далась ему не совсем просто.

— Я дежурю первый? — взглянул Тау на Дэйна.

Дэйн хотел сказать, что нет, но не смог преодолеть пелену усталости, охватившей его тело.

— Вы — первый,— согласился он и тут же уснул, привалившись к камню.

Когда Тау разбудил его, бледное солнце зимы уже поднялось высоко и стало чуть теплее. Случайно или сознательно Мешлер выбрал хорошее убежище. Оно выходило на северо-запад — в направлении, откуда в первую очередь можно было ожидать преследователей. А преследователям пришлось бы преодолеть открытый крутой подъем... Достаточно скатить на них несколько камней... Но когда Дэйн выбрался из убежища, то обнаружил, что поблизости таких камней нет. Потянувшись и разминая руки и

ноги, он продолжал держаться в тени. Какие-то летающие существа скользили в воздухе на распростертых крыльях, опускаясь к земле, на поверхности которой ничто не двигалось. Жаль, что нет бинокля, он оставался во флиттере.

Очевидно, предложение Мешлера двинуться прямо в сердце вражеской территории имеет смысл и для самого Дэйна, однако он в этом сомневался. Бреч выполз из пещеры, где спал в тепле, и сел рядом с Дэйном.

— Есть кто-нибудь внизу? — спросил Дэйн в микрофон.

— Никого. Охотники... — бреч указал на одно из летающих существ. — Они голодны и ждут... Но не нас.

Дэйн почувствовал уверенность от слов бреча, но не настолько, чтобы перестать следить за местностью.

— Тут были... — продолжал бреч.

— Кто?

— Люди.

— Где? — изумился Дэйн.

— Не здесь, ниже, там... — бреч снова указал вниз по склону.

— Откуда ты знаешь?

— Запах машины. — Дэйну показалось, что длинный нос дернулся от отвращения. — Но не сейчас... Когда-то...

— Оставайся здесь... Следи... — сказал Дэйн бречу.

Он не видел никаких следов машины, но если здесь проходил краулер, он должен был оставить след и по этому следу можно его найти. Это лучше, чем сомнительные показания прибора Тау. Спускаясь, Дэйн принимал все меры предосторожности, хотя, подумал он, с точки зрения Мешлера, он на каждом шагу делает грубые ошибки. Добравшись до указанного бречем места, Дэйн обнаружил, что бреч был прав. Виднелись глубокие следы краулера, а на скалу натебло масло, которое, должно быть, и привлекло внимание бреча.

След уходил на юг, но совсем не в том направлении, куда указывал прибор Тау. Но все же можно было полагать, что конечный пункт его пути и источник радиации находятся в одном месте. Дэйн немногo прошел по следу. Едва он вернулся к пещере, как проснулся Мешлер, и Дэйн рассказал ему об открытии. Рейнджер тут же исчез, осторожно опускаясь вниз, но вскоре вернулся.

— Это не обычная дорога, — сказал он, доставая из мешка очередной тюбик с рационом. — Машина только один раз прошла тут, да и то с трудом.

— Пятно масла? — спросил Дэйн.

— Это и еще один след с неровным краем. Машина требовала ремонта и, возможно, шла напрямик.

Мешлер снова аккуратно разделил содержимое тюбика на четыре части. Съев свою порцию, он выдавил следующую для бреча и протянул тюбик Дэйну. Тот прикончил свою часть и положил тюбик рядом с Тау.

— Больше ничего? — спросил Мешлер.

— Нет. Он согласен с этим, — указал Дэйн на бреча, облизывающего морду длинным языком.

— Пойдем с наступлением темноты. — Мешлер поднял голову, как бреч, когда тот принюхивался. — Ночь будет ясная... полная луна.

«Особой разницы нет,— подумал Дэйн,— для Мешлера самая темная ночь светла».

Дэйн еще немного подремал, а затем его разбудил Тау. Они разделили еще один тюбик рациона, и Мешлер подал сигнал к выступлению. Солнце спускалось за горы, наползли тени. Дэйн нес бреча в своем костюме, надеясь вовремя получить его предупреждение. Они пошли по следу, оставленному краулером. Прежде чем совсем стемнело, они подошли к месту, где вся поверхность земли была изрыта. Здесь машина засела и с трудом высвободилась. По затоптанным следам было трудно определить, сколько пассажиров было в машине. Прибор Тау продолжал указывать в том же направлении, однако Тау сказал, что сила радиации не увеличивается. Около полуночи они получили предупреждение от бреча.

— Существа...— прозвучало в микрофоне.— Опасность...

— Люди? — быстро спросил Дэйн.

— Нет. Там дракон.

Дэйн передал это товарищам. Мешлер шел впереди. Он снова поднял голову, и Дэйну показалось, что тот принохивается.

— Какая вонь!

Дэйн повернул голову и, подавившись, закашлялся. Страшное зловоние! Гораздо хуже, чем запах существ из эмбриобоксов или даже запах муравина... И такой густой, будто они стояли на краю выгребной ямы.

— Здесь силовое поле...— Тау протянул прибор, и они увидели мечущуюся стрелку.

Дэйн разглядел впереди слабо светящуюся стену. Перед ними находилась густая масса растительности, но между ними и растительностью находилось силовое поле, и Дэйн был необыкновенно рад этому — ему не хотелось углубляться в эту массу растительности. Поведет ли их Мешлер туда или нет? А зловоние явно доносилось с этого направления.

— Следы краулера поворачивают налево,— сказал Мешлер и пошел по ним.

Дэйн неохотно последовал за ним, а Тау шел сзади. Теперь они шли по дороге, укатанной краулерами. Они двигались параллельно свечению, которое призрачным светом озаряло дорогу. Достаточно света для... Дэйн не сдержал восклицания, а Мешлер замер. Что-то двинулось за светящейся дымкой. Они увидели нечто неясное, но разглядели достаточно, чтобы обратиться в бегство. Лишь секунду они видели его, а потом оно исчезло. Теперь Дэйн не был уверен, на самом ли деле он что-то видел. Ни звука, ни движения... Дэйн хотел спросить, что это, но Мешлер уже шел большими шагами, так что им пришлось идти за ним. Все молчали, даже бреч молчал.

Свечение поля повернуло направо. Мешлер снова остановился и протянул руку к барьеру, мимо которого они шли. Они стояли на вершине небольшого холма. Перед ними спуск делался круче, опускаясь куда-то вниз, откуда доносился шум реки. Через реку вел мост, по обе стороны которого были поставлены неяркие диффузные лампы. Сверху часовых не было видно, что, впрочем, не означало, что их нет вообще.

— Там люди? — обратился Дэйн к бречу.

— Людей нет,— быстро ответил тот.

— Придется проверить,— заметил Мешлер, когда Дэйн передал ему слова бреча.— Вероятно, это единственный путь через реку, иначе через нее не стали

бы строить мост. Краулер может преодолеть значительную водную преграду.

Дэйн чувствовал себя очень уязвимым, спускаясь по склону к мосту, и с облегчением вошел в тень.

— Мы очень близко к источнику радиации,— сказал Тау, когда они снова двинулись по дороге.— Но он слева.

И как будто его слова были приказом. Дорога свернула налево. Они по-прежнему видели свечение, хотя уже на некотором удалении, чему Дэйн был рад. Дорога теперь шла между двумя стенами кустарника, кое-где оставались корни и разбитые стволы. Пришлось идти медленнее и снова полагаться на ночное зрение Мешлера. Отсюда свечения не было видно, но воображение Дэйна продолжало рисовать, что скрывается за растительностью. Дорога снова повернула, и впереди показались диффузные лампы. Бреч снова заявил, что охраны нет, но Дэйн сомневался и Тау поддержал его в этом. Землянам хотелось знать, что ждет их впереди.

— Машина... машина — да, люди — нет.

— То, что нужно,— заметил Мешлер, когда Дэйн рассказал ему о словах бреча.— Возьмем краулер и уйдем.

Тау медленно поводил прибором из стороны в сторону.

— Если и есть какая-то сигнальная система, то радиация все забивает.

— А вдруг она есть? — настаивал Дэйн и чувство того, что они в ловушке, было таким сильным, что Дэйн сказал об этом Мешлеру.

— Я пройду вперед,— ответил рейнджер,— ждите меня здесь.

Они видели, как он тенью мелькнул впереди, потом опустился на колени и, ощупывая дорогу руками, прополз по освещенному лампами участку. Не вставая, он тем же путем вернулся назад.

— Никаких сигналов.

— Откуда вы знаете?

— Свежие следы дамара. Он здесь прошел. Если какая-то система сигнализации существует, то она рассчитана на большее, чем дамар, существо.

Дэйн не знал, что такое дамар, вероятно, какое-то животное. Но Мешлер уверен в своих наблюдениях и бреч продолжает утверждать, что людей впереди нет. Дэйну пришлось сдаться. И вот он ползет на четвереньках между двойным рядом ламп, ожидая в любой момент услышать сигнал тревоги. Он был так уверен, что это произойдет, что не поверил, что они прошли. Дэйн продолжал ползти, пока не уткнулся в стоящего Мешлера.

— Вы в безопасности.

Звучало ли в голосе рейнджера презрение? Гордость Дэйна от этого не пострадала — в незнакомом мире прежде всего безопасность, таково убеждение вольных торговцев и они не боятся обвинения в трусости. Дэйн начал вставать, держа бреча, когда то, чего он боялся, произошло. Не сигнал тревоги прозвучал в ночи, а произошло нападение из засады.

Слева блеснул свет, и когда Дэйн обернулся, готовый отступить, он увидел, как между ними и лампами, между ними и свободой встала светящаяся стена. Они стояли в узком коридоре, с обеих сторон огражденном стенками силового поля, которое начало смыкаться, заставляя их двигаться направо, как будто они находились в сети и эту сеть кто-то начал вытягивать.

БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ НЕТ...

Их теснили на восток, назад к тому месту, где они видели чудовище. И оказаться там!.. Но противиться силовому полю было невозможно. Противиться силовому полю! Бречи прошли сквозь слабое силовое поле, которое должно было удерживать драконов, но это было слабое поле. Это же, судя по интенсивности свечения, гораздо мощнее. Единственный способ избавиться от него — отключить источник энергии, а поскольку источник находится по ту сторону, от этой мысли придется отказаться. Но Дэйн не мог забыть, что бречи по желанию смогли все же преодолеть силовое поле. Они отступали очень неохотно перед безжалостным, хотя и медленным давлением светящейся стены. И вот они остановились под деревьями.

— Значит, никаких следов тревоги? — Дэйн не мог удержаться, чтобы не сказать это. — Им не нужны сигналы. Мы сами привели в движение ловушку. Она действует автоматически, так что им можно не заботиться о неожиданных посетителях. Они тут же попадают в ловушку, а подобрать их можно позже.

— Если вообще подберут, — добавил Тау.

И Дэйн почувствовал холод, особенно вспомнив о чудовище. А бреч зашевелился в руках Дэйна, освободил голову и указал на светящуюся стену. Дэйн решил испытать способности бреча и сообщил свое мнение остальным.

— Экран для драконов был слаб, — ответил Тау, — а ведь этот в полную силу...

— И все же, они вошли и выпустили драконов. — Мешлер встал на сторону Дэйна. — Думаете, он сможет это же сделать и для нас? Тогда действуйте! — Он схватил Дэйна за плечо и толкнул к полю.

— Эта штука, — заговорил Дэйн в транслятор, — она сильная, не похожа на ту, возле клетки. Можешь ты проделать в ней дыру и выпустить нас?

Бреч выпрыгнул из рук и направился к сиянию, идя нерешительно, поднимая и опуская нос, будто собираясь прорвать рогом поле. На значительном расстоянии от барьера он остановился и снова начал водить головой справа налево, должно быть, измеряя расстояние, чтобы проделать проход. Но вот он сел и произнес свой приговор:

— Сильная, очень сильная. Могу проделать небольшой проход — для себя, требуется очень большое усилие. Но вы слишком велики, я не смогу удержать проход.

Дэйн передал это остальным.

— Итак, — констатировал Мешлер, — он может выйти, а мы нет.

— Есть еще способ, — предложил Дэйн. — Он может выйти и попробовать отключить источник энергии.

— Маловероятно, — с сомнением произнес Мешлер.

— И все же... — Тау опустился на колени, и слабое свечение поля превратило его в силуэт. — Это поле включается в одном месте. Выключить его несложно. Если бреч сможет выйти... Дэйн, можно объяснить ему, что он должен найти?

— Если бы был свет, я начертил бы...

Тау взглянул на Мешлера.

— Найдется что-нибудь в вашем вещмешке?

— Есть поясной фонарик.

Дэйн склонился рядом с Тау и начал ощупывать поверхность, пока не наткнулся на обломок скалы. Он вытащил его из почвы и тот легко поддался. Значит, почва не схвачена морозом.

— Ты можешь кое-что сделать для всех нас,— обратился он к бречу.

Бреч сел между Дэйном и Тау. Рукой в перчатке Дэйн разгладил поверхность почвы. Мешлер пока рылся в вещмешке и вот он извлек фонарик. Положив его рядом с рукой Дэйна, он снял с себя накидку и накрыл ею, как палаткой, участок земли. Дэйн сидел, вспоминая, как управляется силовое поле. Как говорил Тау, их устройство очень простое и легко управляется.

— Где-то... не очень далеко...— начал Дэйн, говоря медленно и отчетливо,— есть ящичек. Он выглядит так.— Он тщательно начертил прибор управления силовым полем.— Наверху у него три выступа... вот такие...— Он начертил их на рисунке.— Один выступ повернут вверх... вот так...— Он провел короткую линию у одного выступа.— Остальные два внизу. Если один опустить, остальные два поднимутся. Это откроет для нас стенку. Я не знаю, где этот ящичек. Может быть, ты найдешь его, но, возможно, он охраняется людьми. Это наша единственная надежда на освобождение. Ты понял?

— Понял. А вы? — смысл слов бреча был неясен. Возможно, он понял это, потому что продолжил с тем же желанием произвести впечатление на Дэйна...— Я сделаю это — вы свободны. А что вы сделаете для меня?

Сделка? Дэйн изумился. Он забыл, что бречи — это груз, что у них нет причин поддерживать экипаж. Если подумать, что даже не спросил бреча, хочет ли тот помочь им. Они использовали его способности, как будто он — принадлежащее им животное. Дэйн объяснил Тау и Мешлеру, в чем дело.

— Конечно,— проговорил Тау,— почему он должен идти за нас на опасность.

— Он освободил нас в лагере,— вмешался Мешлер.— Если бы он не хотел помочь нам, зачем он тогда это сделал?

— Мы ему зачем-то нужны.— Дэйн подумал, что нашел верный ответ.— Мы защищали его в дикой местности.

— Тогда он сделает это снова,— произнес Мешлер почти с триумфом.— Мы все вместе застряли тут.

— Но условия не те же самые,— заметил Тау.— Там действительно была дикая местность, а здесь должно быть какое-то подобие лагеря. Он нуждается в нас меньше, чем мы в нем.

— Чего же вы хотите? — обратился к бречу Дэйн.

— Нет клетки... быть свободными со своими,— быстро ответил бреч.

Бречи по-прежнему оставались грузом, и Дэйн не имел права принимать такое решение. Но разумные существа не классифицируются как груз, они пассажиры. А пассажиры, если только они не совершили преступления на борту «Королевы», свободны в своих действиях. Но у него нет полномочий на заключение сделки, он не может давать обещания. Конечно, в торговых вопросах он мог самостоятельно принимать решения, но тоже в известных пределах, а наиболее сложными считались дела, связанные с контактами с чужими расами. Любое, принятое им сейчас решение, может

отразиться на его дальнейшей карьере. Возможно, Мешлер не понимает этого, но Тау должен понять, как решил Дэйн, передавая требование бреча.

— Если он разумен,— выпалил Мешлер,— то ему нечего делать в клетке. Скажите ему «да» и пусть он выпустит нас из этой ловушки.

Но так ли все просто? Предположим, Дэйн скажет «да», а потом законники будут говорить «нет». Все-таки бречи — груз. У них есть свой отправитель на Ксечо, а в порту их ждет получатель. Согласятся ли они с подобной сделкой?

— Чего вы ждете? — еще резче спросил Мешлер. — Если бреч может отключить поле, то пусть побыстрее займется этим. Вы понимаете, что может здесь произойти с нами?

Но Дэйн не собирался действовать безрассудно, в этом вопросе он был упрям.

— Я согласился бы,— начал он, тщательно подбирая слова, чтобы бреч его понял,— но есть старшие, которые могут решить, что я ошибся. Я не могу обещать, что они этого не сделают.

Тау выключил фонарик, и поэтому Дэйн видел лишь нос бреча, устремленный в его направлении. Но вот послышался ответ бреча:

— Ты за нас. Будешь говорить за нас?

— Да. И весь наш экипаж.

— Нужно больше.

— Я не могу обещать свободу, если другие этого не разрешат. Это неправильно. Но я буду говорить за вас.

— Тогда я сделаю, что смогу. Если ящичек можно найти...

Бреч подошел к свечению, ткнулся в него носом, как будто вынюхивая слабое место, потом остановился, опустил голову и застыл. Тау негромко вскрикнул и схватил Дэйна за руку, привлекая его внимание. На тускло освещенной шкале прибора стрелка поникла. Приглушенный возглас Мешлера заставил их снова посмотреть на барьер. Сияние не погасло, но бреч был наполовину в нем. Еще мгновение и он уже по ту сторону преграды. Бреч повернулся, посмотрел на них и двинулся в том направлении, куда они шли, когда ловушка захлопнулась.

— Будем держаться периметра и укроемся за этим,— кивнул Мешлер на кусты.

Что он еще хотел сказать, так и осталось непонятным — послышался резкий крик, такой безумный вой, которого Дэйн никогда не слышал. Он зажал руками уши и скорчился, как будто крик физически ударил его. Крик раздался вторично. При слабом освещении поля Дэйн увидел, что не он один защищается от акустического удара.

— Что... что это? — спросил он.

Как рейнджер, Мешлер должен был знать источник крика.

— Не знаю... — У Мешлера был вид потрясенного человека.

— Силовое поле — не только ловушка,— пояснил Тау,— но, вероятно, и клетка. Не хотел бы я встретиться с обитателями этой клетки.

«Было бы лучше,— подумал Дэйн,— чтобы хозяева клетки пришли и взяли их в плен. Нам нельзя уходить слишком далеко от барьера. Если бречу удастся отключить поле, то действовать нужно быстро. Но этого же нужно ожидать и от тех, с кем мы заключены в эту клетку. А у нас нет даже оружия».

— Огонь... факел...— сказал Тау.

Послышался треск, и Дэйн увидел, как Тау выломал из кустарника большую ветку.

— Зажигалка есть? — спросил Тау у Мешлера.

— Зеленая... не загорится,— ответил Мешлер, но все же порылся в мешке.— Держите ветку подальше от себя.

Дэйн не видел, что извлек Мешлер из мешка.

— Это пропитано протогорючим,— продолжал рейнджер.— Одна искра — и все вспыхнет. Вы правы, огонь отпугнет большинство зверей, но мы не знаем, кто тут бродит. Какое-то воздействие сможет оказать и фонарик.

— Бреч пошел туда,— указал Дэйн,— если мы пойдем вдоль поля...

— Так же хорошо, как и любое другое направление,— согласился Мешлер.

Держась под защитой кустарника, они шли медленно и осторожно. Криков больше не было слышно, но Дэйн в любое мгновение ждал встречи с ночным ужасом. Вскоре следы краулера свернули в сторону светильников. В этом месте они задержались, им не хотелось порывать последнюю связь со свободой. Тау первым нарушил молчание:

— Лагерь должен быть там.

Дэйн разглядел руку Тау. Тот указывал на изгиб дороги.

— Там источник радиации,— продолжал врач.

— Не понимаю,— медленно произнес Дэйн,— как все это существует без ведома правительства.

Он ждал ответа, может быть и резкого, и, когда Мешлер промолчал, у Дэйна возникли подозрения.

— Вы что-то знаете? — Тау облек мысли Дэйна в слова.— Тут правительственный проект? А если так...

— Если так, то вы должны вывести нас отсюда! — воскликнул Дэйн.

Они не видели лица Мешлера, но что-то в его молчании внушало им тревогу.

— Мы ждем,— сказал Тау.

Тау! Тау способен добиться правды! Личные интересы врача лежат в сфере туземной «магии», которая во многих случаях сводится к контролю за мыслями. Он знаком с телепатами, а также с шарлатанами, способными провести самых искушенных экспертов, на многих планетах. На Хатке он создал собственную иллюзию, чтобы нанести поражение человеку, верившему в собственное колдовское искусство. Дэйн не мог объяснить увиденное, но это спасло его и капитана Джелико, а, может, и всю команду, и даже всю планету. Если кто-то на «Королеве» мог заставить Мешлера заговорить, то только Тау.

— Это запретная территория.

— Но вы же привели нас сюда,— заметил Тау.— Вам приказали это сделать?

— Нет! — быстро ответил Мешлер.— Я говорю вам правду. Мы бы не добрались пешком. Единственная возможность выжить — добраться до экспериментальной станции.

— До станции Трости?

Но ведь они, по словам Мешлера, на северо-западе отсюда. Дэйн представил все вопросы задавать Тау.

— Это их вторая станция, не главная. И это совершенно секретно. Мы только знаем, что она существует.

— Но не знаете, что тут делается? — спросил Тау. — Может, вы решили заодно кое-что выяснить? Если да, то по чьему приказу?

— Совет, по-видимому, знает, но мое управление...

— Значит, ваше управление тоже решило узнать? Интересно, — задумчиво заметил Тау, — только ли в ведомственных спорах тут дело? Не удивительно, что после нашей посадки начались неприятности. Кто-то... да, кто-то важный узнал, что мы отправили тот груз, который он ждал, на шлюпке. Кто это?

— Не знаю, — хриплым голосом ответил Мешлер, либо напряженно размышляя и не желая делиться своими мыслями, либо действительно пребывая в недоумении.

— А охотничий отряд? А контрольный луч?

— Да! И об этих я знаю не больше вас. — В его взрывчатом ответе были энергия и жар. — Я только знаю, что это совершенно секретный район.

— Но все же вы позволили послать бреча выключить поле, — настаивал Тау. — Одно из двух — либо вы знаете, что это ему не удастся, либо у вас есть подозрения...

Но врач так и не закончил фразу. За ними в кустах послышался треск и донеслось то же зловоние, от которого они чуть не задохнулись раньше. Очевидно, существо, которое они видели одно мгновение, приближалось к ним.

— Назад! — Мешлер схватил Дэйна за руку и потянул.

Они снова зависели от ночного зрения Мешлера и пошли как можно быстрее, но в сторону от дороги. Свободной рукой Дэйн отводил от лица ветки кустов и деревьев. Ему царапало щеки, рвало термокостюм, но вот они вышли на открытое место, где от луны стало светлее. Поверхность земли была достаточно ровной, чтобы бежать.

— Направо! — приказал Мешлер.

Дэйн повиновался, но только потому, что тоже увидел что-то черное, высоко приподнятое над землей. Это была явно не растительность, а какая-то платформа. А за ними так близко, что у них заложило уши, послышался ужасный рев. Мешлер добежал до ближайшего столба платформы, подпрыгнул и ухватился за что-то, чего Дэйн не видел. Он быстро вскарабкался наверх и что-то упало с платформы рядом с Дэйном. Тау подхватил предмет.

— Лестница! — выкрикнул он, уже поднимаясь.

Дэйн следовал за ним по пятам. И вот Тау уже на платформе. Дейна рывком вытащили наверх, и рейнджер выдернул лестницу наверх. Дэйн подполз к краю платформы и взглянул туда, откуда они пришли, увидев большое темное пятно. С высоты было трудно его разглядеть, но оно было в несколько раз больше Дэйна. Выбравшись из растительности, оно поднялось на задние лапы, а передние нелепо свисали. Дэйн не мог разглядеть голову этого существа и был рад этому, потому что общие очертания животного свидетельствовали о том, что это ночной кошмар, а зловоние так ударило в нос, что Дэйна чуть не вырвало.

Время от времени чудовище вставало на четвереньки, будто руководствовалось не зрением, а обонянием, и вот оно подошло к столбам платформы.

Смогут ли они сопротивляться, если оно поднимется к ним навверх? Дэйн не видел когтей, либо клыков, но чувствовал, что даже для вооруженного человека это серьезный противник. Он не решался взглянуть, что делается под платформой, но чувствовал, как чудовище бьет столбы. От ударов и толчков платформа дрожала. Под ними прозвучал ужасный крик, платформа снова задрожала, но не от звука, а от тяжелых ударов о столбы основания. Удар, толчок, удар! Чудовище упорствовало. Долго ли будет выдерживать платформа? Они в ловушке, но все же платформа является хоть каким-то убежищем.

— Смотрите! — Тау слегка потянул Дэйна за руку. Врач тоже лежал, будто считал, что так безопаснее.

Смотреть? Но куда? На что? Им на выручку спускаются патрульные на гравитационных поясах? Произошло столько невероятных событий, что Дэйн ничему не удивился бы.

Но он увидел лишь бело-зеленое свечение там, откуда только что подымалось чудовище.

Глава 12

СКРЫТАЯ БАЗА

Платформа под ними дрожала, и Дэйн еще раз подумал, долго ли она выдержит. Светящееся зеленоватое пятно тем временем выплыло на открытое пространство. Плывет — так лучше всего описать его продвижение. Очертания у него были неопределенными, будто оно состояло из полужидкого вещества. Чем ближе оно подплывало, тем меньше напоминало живое существо. Другой запах, не менее отвратительный, смешался со зловонием первого пришельца.

И удары о столбы прекратились. Снова слышался крик. Чудовища внизу с платформы не было видно, но Дэйн догадался, что оно не радо появлению нового существа. Плывущая масса своим свечением слегка осветила местность. Она, как определил Дэйн, размерами превышала флиттер. Приближаясь к платформе, она начала выбрасывать длинные щупальцы, более белые и яркие, чем тело, и все они устремились к чудовищу, но ни одно не удерживалось, втягиваясь обратно в массу.

Снова чудовище закричало, но не начинало схватку с вновь прибывшим и не убегало, будто оно колебалось, не зная, что и выбрать. По открытой местности пятно перемещалось быстро и все больше и больше щупалец устремлялось вперед. Они становились тоньше, но по-прежнему надолго не удерживались. Чудовище закричало в третий раз и, по-видимому, приняло решение. Оно мгновенно прыгнуло вперед, ударив приближающуюся к нему массу. Не менее трех щупалец отлетело, задвигалось самостоятельно, образовав небольшую массу, похожую на родительскую. Чудовище не обратило на это внимания. Масса изменила курс и замедлила передвижение. Чудовище снова бросилось в атаку и оторвало часть массы, и снова оторванные части собрались в небольшую массу, которая тоже покатилась навстречу чудовищу.

Теперь перед чудовищем было три противника, хотя два маленьких не

казались опасными. Еще дважды ударялось чудовище, с яростью разрывая противника, но каждый раз создавая лишь новых, хоть и меньших по размеру врагов.

— Они его окружают! — воскликнул Мешлер. — Оно думает, что рвет противника на части, а на самом деле окружает себя.

Он был прав — вместо трех пятен сейчас стало восемнадцать. Чудовище уже не нападало с прежней скоростью, либо оно устало, либо стало осторожнее и, возможно, начало сознавать, что его усилия делают положение все более опасным. Родительская масса вдвое уменьшилась в размерах, но по мере того, как оно уменьшалось, росли ее потомки. Самые большие из них, в свою очередь, начали отращивать щупальца, и все эти щупальца устремились к чудовищу.

Но вот в этой схватке, странной схватке, наступила пауза. Чудовище присело и застыло, по-прежнему глядя на первую массу. Массы тоже остановились, но их щупальца непрерывно двигались, становясь все тоньше и тоньше. В их движении была цель, которую они вскоре обнаружили. Два щупальца различных меньших масс соприкоснулись и соединились. Вместо двух щупалец стало одно, более тонкое и близкое к поверхности. Точно так же соединились и другие щупальца. И вот кольцо вокруг чудовища сомкнулось, остался лишь один выход, где его поджидала родительская масса. Возможно, ее инертность должна была подстегнуть жертву. Дэйн не знал, что послужило сигналом к следующему этапу схватки, но два свободных конца ленты соединились с родительской массой и сама лента прильнула к спине чудовища и потащила его, упирающегося и отбивающегося, вперед, а родительская масса обрушилась на пленника. Почти полностью опутанное чудовище не сдавалось. Катящийся шар постоянно менял форму, в нем происходила смертельная борьба, но постепенно она стихала и вот остался только сплошной шар, внутри которого не было никакого движения.

— Переваривает, — нарушил молчание Тау.

— Что это? — повернулся Дэйн к Мешлеру, который должен был знать местную фауну.

— Не знаю, — ошеломленный Мешлер по-прежнему смотрел на шар. — Оно не местное.

— Значит, три, если считать и съеденного, — отметил Дэйн. — Муравин и эти два. Муравин тоже не с этой планеты, может, и эти тоже.

— Но ввозить животных без разрешения противозаконно. — Мешлер как будто с трудом поворачивал голову. — Люди Трости не стали бы...

— Кто говорит, что их ввезли? Во всяком случае, в такой форме? — спросил Тау. — Если у них есть ящичек, то это тоже, возможно, регрессировавшие формы. Конечно, у людей Трости отличная репутация. Вы-то, Мешлер, уверены, что это люди Трости?

— Это совершенно запретная территория и отданная Трости, — медленно проговорил Мешлер.

— Иногда приказы можно использовать как прикрытие, — заметил Тау, выразив то, что вольные торговцы уже давно знали.

— Зачем кому-то нужны чудовища? — Дэйн взглянул на массу и отвернулся, так как ему не хотелось вспоминать подробности схватки, хотя никакой симпатии к чудовищу он не испытывал.

— Может, не чудовища ради чудовищ,— пояснил Тау.— Возможно, это какой-то эксперимент. Подобную радиацию можно использовать и иначе. Допустим, такой ящикек скрытно поместить на территорию поселка. Долго ли продержатся переселенцы, если их скот начнет мутировать? Прекрасный способ очистить территорию. Или, если радиация так же действует на людей...

Дэйн сел — Тау выразил ему собственные страхи, но Мешлера больше интересовала не первая часть рассуждений Тау.

— Зачем им избавляться от поселенцев?

— Вы больше меня знаете о своей планете, спросите себя. А вот я думаю, сможет ли шар подняться сюда? — Тау посмотрел в сторону массы.— И скоро ли она снова проголодается?

Дэйн встал. В его родном мире существовали рептилии, которые, проглотив пищу, спали много лет. Конечно, на этом основании нельзя судить о чужой фауне, но у них есть надежда. Он обернулся, чтобы посмотреть на образующее барьер свечение. Отсюда его было видно и сразу можно было определить, добился ли бреч успеха.

— Никакой причины...— Мешлер по-прежнему не мог понять, как поселенцы стали целью такого эксперимента.— Для этого нет никакой причины. К тому же такой эксперимент должен быть известен Совету.

— Ну, хорошо. Нужно выбраться отсюда и вы можете доложить Совету,— ответил Тау.— Поле еще стоит? — спросил он у Дэйна.

— Да,— ответил тот.

Свечение не менялось. Скоро ли можно будет считать, что бреч не справился? И скоро ли масса развернется и снова проголодается? Сможет ли она подняться к ним на платформу? Догадаться он не мог, но предательское воображение подсказывало ему, что все возможно. Дэйн решил сосредоточиться на самом главном. Где ближайшая точка поля? По-видимому, на севере.

— Вопрос в том, оставаться ли нам здесь или попытаться дойти до поля раньше, чем наш посетитель очнется от послеобеденного транса,— сказал Тау.— Много ли еще сюрпризов таится в растительности?

И тут сияние силового поля мигнуло. Неужели бреч сумел? Дэйн удержался от возгласа, ибо поле еще сохранялось. И тут же оно мигнуло вторично и исчезло.

— Оно выключено!

— Быстрее! — Тау наклонился и подобрал что-то, положенное Мешлером рядом с его мешком.

Это был факел, сделанный из ветки. Тау взвесил его в руке, будто собирался использовать его как дубинку, и засунул его за пояс. Дэйн тщательно выбирал путь к свободе. местность относительно ровная и они смогут идти быстро. Он бросил последний взгляд на массу. Та лежала неподвижно, так что ее можно было принять за камень.

Дэйн пинком сбросил лестницу, услышал как ее конец ударился о землю, и начал спускаться, при этом все время поглядывая на массу. Ему не хотелось поворачиваться к ней спиной. Между ними и открытой местностью лежала густая растительность, через которую их раньше провел Мешлер. Когда они бежали через нее, Тау достал факел.

— Дерево будет гореть? — спросил он, поравнявшись с Мешлером.

— Сейчас зима и листва высохла, а весной она опадает. Что вы хотите сделать?

— Поставить преграду, чтобы нас не поджидали другие сюрпризы.

Они снова взялись за руки, и Мешлер повел их через кусты. Когда впереди показалась открытая местность, Тау достал зажигалку и поднес ее к концу факела. Вспыхнуло яркое пламя. Врач обернулся, взмахнул рукой и бросил факел в чащу, через которую они только что пробирались.

— Это же прекрасное предупреждение! — возразил Дэйн.

— Может быть, но также лучший ответ возможному преследователю. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из этого ужасного места шел по моему следу. А снова включить поле мы вряд ли сможем.

Теперь они бежали по открытой местности и вскоре наткнулись на дорогу, пробитую краулером. А позади вставала огненная стена.

— Куда теперь? — Дэйн ожидал, что Мешлер повернулся спиной к освещенному лампами проходу, но тот двинулся в противоположном направлении.

— Нам по-прежнему нужно транспортное средство, а если за нами начнется охота — то тем более. — Он указал на огонь, где отдельные деревья вспыхивали гигантскими свечками.

— Значит, пойдем и спросим... — стоял на своем Дэйн. — Это так же глупо, как и подойти и пнуть ногой массу.

— Нет. — Мешлер, по крайней мере, сохранял осторожность. — Подождем. — Он осмотрелся и поправил мешок. — Это место подойдет.

След краулера шел между высокими откосами, и складки поверхности давали укрытие. Будь у них бластер, это было бы отличное место для засады. Может, Мешлер считает, что огонь привлечет внимание? И сюда явятся на транспорте, которым они смогут завладеть? Но без оружия...

— Что вы сделаете? Выманите их? — спросил Дэйн.

Впервые он услышал хриплый звук. Неужели Мешлер смеется?

— Почти. Если нам повезет и кто-нибудь явится сюда посмотреть, что здесь случилось.

Он достал что-то из мешка, но что именно, Дэйн не видел. Похоже, Мешлер не собирался посвящать их в свои планы. Было бы разумным им с Тау убраться в укрытие и оставить Мешлера с его глупостями, но времени для принятия решения уже не было. Послышался характерный шум краулера. Дэйн и Тау быстро спрятались. Мешлер был по ту сторону дороги и так хорошо сливался с местностью, что Дэйн не представлял, где тот лежит.

Краулер приближался на большой скорости. Машина выражала протест ревом и дребезжанием, и что находилось внутри, было невозможно разглядеть. Дэйн напряженно ждал действий Мешлера, а краулер между тем пронесся мимо. Дэйн облегченно вздохнул — видимо, рейнджер отказался от своего плана. Но вот темное пятно отделилось от противоположного откоса и оказалось на дороге. Дэйн не видел, что произошло дальше. Ему показалось, что Мешлер что-то бросил в удаляющуюся машину. Еще один оборот гусениц и тут краулер погрузился в пар.

Из кабины слышался кашель и непонятные землянам крики. Дверца распахнулась, из машины вывалился человек и покатился по дороге, за ним другой. В ночи блеснул выстрел из бластера. При свете его Дэйн

увидел еще двух человек, выбрасившихся из краулера и схватившихся за лица. Бластер выпал из рук стрелявшего и лежал на земле, посылая луч вдоль дороги. Этот луч давал возможность разглядеть происходящее.

Краулер с раскрытыми дверцами кабины продолжал движение, но люди, выпавшие из него, теперь лежали неподвижно. Двое пытались достать оружие, один даже расстегнул кобуру, прежде чем затих. Мешлер догнал краулер и ухватился за открытую дверцу. Машина остановилась. Бластер продолжал источать свой заряд и поэтому земляне обошли его луч, присоединившись к Мешлеру. Тау задержался возле лежащих, но не осмотрел их, а только принюхался и тут же торопливо, быстрыми вздохами, начал очищать свои легкие.

— Сонный газ,— сказал он Дэйну.— Значит, у него тоже было оружие.

— И он использовал его великолепно! — вынужден был признать Дэйн.

Но если бы приехавшие в краулере смогли прицелиться по-настоящему? В Мешлера легко было попасть. Дэйн опустился на колено, подобрал разряжавшийся бластер и выключил его. В темноте он перебирался от тела к телу, подбирая оружие. И все же Мешлер провел операцию блестяще, хотя и безжалостно. У них теперь есть краулер и четыре бластера, хотя один из них почти разрядился,— есть транспорт и оружие. Но когда земляне приблизились к рейнджеру, тот, по-видимому, не был удовлетворен. Он лишь хмыкнул, как будто думал о чем-то другом, когда земляне поздравили его с успехом.

— Оттащите их с дороги,— попросил он и развернул краулер в обратную сторону.— Сложите их в укрытие, они еще долго проспят.

— Но что вы собираетесь делать? — спросил Дэйн.

— Вы знаете скорость краулера? — в голосе Мешлера звучала презрительная нотка.— Конечно, мы можем отправиться на нем, а они легко нагонят нас задолго до того, как мы достигнем Картла. Нам нужен флиттер.

— Думаете, мы можем просто въехать в их лагерь и просто взять то, что нам нужно? — выпалил Дэйн.

— Попробуем,— решительно ответил Мешлер, хотя его предложение было лишено здравого смысла.— Краулер вышел с их людьми и не вернулся. Кто знает, с чем он вернулся? А бластеры у нас есть.

Все это было по-своему логично. Земляне могли пригрозить Мешлеру бластерами, но тот, вероятно, знал, что они не станут этого делать. А краулер действительно не самый быстрый транспорт.

— Зажжем два молитвенных жезла перед Ксампремой,— заметил Тау.— Бей в барабаны и вызывай семь духов Альба Нута... — Он, вероятно, цитировал какое-то туземное заклинание.— Он достаточно безумен, чтобы попытаться. Придется ему помочь.

Вдвоем они оттащили спящих с дороги, а тем временем Мешлер отвел краулер от места засады. По крайней мере, теперь у них есть бластеры, напомнил себе Дэйн, садясь в машину. И... Бреч! В суматохе последних событий он совсем забыл о брече. Где же он? Краулер двигался по своему следу, достиг какого-то овального углубления. Посмотрев вниз, Дэйн замотал головой и потер глаза. Там что-то...

— Быстрее назад! — резко прозвучал приказ Тау, как будто им угрожала опасность.

Нос краулера качнулся, и Дэйна охватило странное ощущение, похожее

на переход в гиперпространство. Но ведь они не на борту звездолета... Дэйн невольно закрыл глаза, чтобы избавиться от этого ощущения. Потом он открыл их и увидел, что краулер спускается по крутому склону. Теперь они могли видеть, что лежит впереди. Стояли невысокие диффузные лампы, не выступавшие над краем углубления. Лампы стали видны, когда краулер миновал полосу абсолютной тьмы.

— Искажающее поле,— пробормотал Тау.— И это место невозможно увидеть с флиттера.

Но Дэйна интересовало то, что было впереди. В свете ламп виднелись четыре купола — обычные пузырчатые постройки полевого лагеря. За ними стояли два низких здания, как будто вкопанных в землю. И транспортный парк... Краулер, рядом с ним флиттер, а дальше... Дэйн приглушенно вскрикнул — на ровной площадке, опираясь на ребра-распорки, стоял космический корабль. При свете диффузных ламп можно было разглядеть оплавленную и спекшуюся поверхность земли. Значит, корабль садился здесь не раз. Такую площадку можно создать только многими взлетами и посадками.

— Флиттер...— кивнул Мешлер, будто был уверен, что их удивительное везение продолжается.

В лагере царило оживление, люди спешили к другому краулеру. Дэйн отчетливо разглядел и длинный ствол диспантера, хотя было удивительным, как могло оказаться здесь это совершенно запрещенное для гражданского использования оружие. Из низкого здания поднялся сверкающий стержень — антенна коммуникатора и, судя по размеру, связь можно было установить не только с портом на севере, но и с космосом. Мешлер продолжал уверенно вести краулер. Придется проехать мимо другого краулера, чтобы подобраться поближе к флиттеру. Видимо, Мешлер считал, что их обман удастся.

Вторая машина, начавшая движение, при их появлении остановилась, и люди из кабины что-то закричали. Мешлер махнул рукой надеясь, вероятно, что этот неопределенный жест даст еще какой-то выигрыш во времени. Корпус краулера еще некоторое время будет их защищать, но как только они побегут к флиттеру...

Бластер Дэйна был наготове. Он измерил оставшееся расстояние, и тут Мешлер развернул краулер, который тем самым превращался в укрытие. Крики из второй машины стали настойчивее и громче, а затем бластер предупреждающе ударил в землю перед ними. Тау распахнул дверцу.

— Пошли! — и сам побежал к флиттеру.

Глава 13

УБЕЖИЩЕ В ДИКОСТИ

Дэйн прижался губами к микрофону:

— Бреч, во флиттер! — он не знал, где тот, возможно, его совсем нет в лагере, но надо дать ему шанс.— Во флиттер, бреч!

— Быстрее! — Мешлер выталкивал Дэйна из кабины, но тот угрюмо втискивался в сидение.

— Бреч, во флиттер! — повторил он, избегая толчка Мешлера.

Рейнджер проскочил мимо Дэйна и побежал вслед за Тау. На полпути

он обернулся и провел огненным лучом бластера, оставив дымящуюся линию, чтобы задержать преследователей.

— Бреч! — дальше Дэйн ждать не мог.

Он выскочил из кабины и зигзагами устремился к флиттеру, избегая лучей бластеров. Преследователи не собирались брать пленников — они хотели их убить. Прежде чем он добрался до открытой дверцы флиттера, там что-то мелькнуло, и Дэйн с радостью понял, что это бреч. Они кое-как уместились, но на этот раз Тау, добравшийся первым, сел за управление. Должно быть, он сразу включил полную скорость, потому что они поднялись с толчком, напоминавшим взлет космического корабля, и перегрузка прижала людей и бреча к сидениям. Когда они разобрались что к чему, флиттер на огромной скорости несясь прочь от лагеря.

— Думаю, мы выбрались! — сказал Тау, продолжая по спирали поднимать машину в небо. — Другого флиттера я не видел. Разве что они смогут приземлить нас контрольным лучом.

— Возможно. Вспомните, как они захватили нас в первый раз, — напомнил Дэйн, каждую секунду ожидая, что их потащит к земле.

«Почему Мешлер решил, что они смогут уйти? — изумившись, подумал Дэйн. — Ведь рейнджер не забыл...»

— На северо-восток, — сказал Мешлер, будто им нечего было больше бояться.

Тау послушно изменил курс. Бреч сидел рядом с Дэйном и тяжело дышал от усилий своего последнего броска. Дэйн укутал его краями своего термокостюма.

— Контрольного луча нет... — Дэйн не мог понять, как им удалось уйти.

— Пока нет, — заметил Тау, и по выражению его лица было видно, что он ежесекундно ожидает мгновенной остановки полета.

Минуты проходили, а напряжение не спадало.

— Добраться до Картла, — Мешлер опять как бы разговаривал сам с собой, — а оттуда связаться по коммуникатору с портом...

— А что вы доложите? — спросил Дэйн. — И ваше начальство должно что-то знать.

— Знают ли? — задумчиво произнес Тау. — Ведь впервые посторонние оказались на запретной территории.

Мешлер покачал головой. Было ясно, что события прошедшей ночи потрясли его, и его отношение к экипажу шлюпки изменилось. Увиденное убедило его в правоте экипажа «Королевы Солнца» и в том, что в этой дикой местности кроется нечто совершенно неизвестное Патрулю.

— Это силовой барьер... — сказал он. — Можете ли вы установить, включен ли он снова?

— Нет, мой прибор улавливает радиацию, но не может установить ее источник.

— Можно попробовать узнать. — Дэйн, повернув голову, проговорил в транслятор... — Ящичек... Ты оставил рычажки так...

— Нет. Нельзя было.

— Почему?

— Люди ходили. Могли заметить. Повернул обратно — так. — Бреч повернул голову и взмахнул рогом. — Теперь снова работает.

Передав это сообщение, Дэйн услышал облегченный вздох Мешлера.

— К Картлу.— Рейнджер наклонился вперед, как будто силой воли хотел ускорить их полет.— Нужно предупредить Картл.

Земляне поняли причину его беспокойства.

— Чудовище! — воскликнул Дэйн.

— Сколько их...— добавил Тау.

Смогут ли люди из лагеря загнать их обратно за силовое поле? Смогут ли справиться с этой массой, которая поглотила чудовище? И сколько их вырвалось на свободу? А может быть, их растили здесь специально? Муравин, может быть, тоже сбежал отсюда?

— Нужно предупредить южные поселки! — угрюмо сказал Мешлер.— И у нас нет представления, с кем мы столкнулись.

— Разве что вам ответят из порта,— заметил Тау.— В Картле есть коммуникатор?

— Они есть во всех поселках,— пояснил Мешлер.

Рассветало, но день еще не наступил. Облака скрывали зимнее солнце, пошел снег, намерзавший на поверхность флиттера. Видимость сократилась, и Тау указал на альтиметр.

— Мы снижаемся.

— Но курс прежний,— ответил Мешлер.— Продолжайте полет.

Сильный ветер налетал порывами и сбивал их с курса. Тау приходилось снова и снова возвращать машину на прежнее направление, как будто погода превратилась в направленное на них оружие. Но такая погода может помешать и чудовищам уйти далеко от их загона. Тау следил за радаром и альтиметром, быстро поворачивая голову.

— Возможно, придется садиться.— предупредил он,— а иначе можно потерпеть крушение.

Дэйну никогда не приходилось встречать в воздухе такую бурю и, когда ее ярость усилилась, он поверил, что очередной удар ветра может бросить их на землю. Смогут ли они сесть? Невозможно определить, над какой местностью они пролетают. Тау боролся с порывами ветра и следил за радаром, который стал их единственным проводником. По крайней мере, они не в гористой местности и далеко уклонились от курса, указанного Мешлером. Вместо того, чтобы лететь на северо-запад, они были сильно снесены на юг. На максимальной скорости и на той высоте, которую смог набрать Тау, они летели единственным курсом, который допускала буря — на юг. Но вот мокрый снег прекратился, оставив ледяные следы на стекле кабины. Они летели вслепую, руководствуясь лишь показаниями приборов.

— Надо садиться, пока можно,— сказал Тау.— Если снова начнется буря, мы не сможем сесть. Флиттер слишком обледенел, чтобы продолжать полет.

— Хорошо, попробуйте,— неохотно согласился Мешлер.

Плечи Дэйна болели от напряжения. Ему хотелось самому сесть за управление. Тау тоже может управлять флиттером, это умеет каждый из экипажа «Королевы», но ждать вот так, доверив свою судьбу другим рукам... Пришлось напрягаться, чтобы ждать спокойно. Тау следил за радаром в поисках ровной площадки, но парить на сильном ветру было невозможно. Угрюмое выражение лица Тау свидетельствовало, что он ожидает самого худшего. Они продолжали парить, и флиттер чуть не перевернулся от порыва ветра. К счастью, второго порыва не последовало. Мешлер склонился вперед,

чуть не прижимаясь носом к экрану радара, как будто это могло изменить показания прибора.

— Давай! — выкрикнул он приказ.

Они садились. Огромным усилием воли Дэйн заставил себя не смотреть на приборы. Он пристегнулся и увидел, что Мешлер вторично за короткое время их знакомства нажал кнопку, выпускающую спасательную пену. Но пена не успела подняться на достаточную высоту, точнее, их чуть не выбросило из сидений. От удара большая часть ледяного панциря, закрывавшего стекло кабины, отвалилась.

Перед ними виднелась густая стена растительности, такая близкая, что ветви чуть не касались стекла кабины. Дэйн открыл дверь, чтобы выпустить пену, и в них ударил ледяной дождь. Он пересадил бреча на соседнее место, натянул капюшон и вышел посмотреть, куда это их занесло. Мгновение он стоял, застыв на месте не столько от ветра и дождя, сколько от сознания того, насколько близки они были к гибели. Сразу за хвостом флиттера начинался обрыв. Они сели на вершине хребта, выступавшего из густой растительности. Этот островок безопасности был таким маленьким, что Дэйн снова и снова моргал глазами, не в силах поверить, что они все-таки сели.

Мешлер и Тау тоже начали обходить флиттер, вначале перебравшись через груды пены у дверцы. Пену прибило дождем, но она не совсем растворилась, а наоборот, начала смерзаться. Лицо Тау слегка позеленело, а Мешлер медленно качал головой.

— Клянусь законами Леджестера! — воскликнул он. — Никогда не видел подобной удачи. На ширину руки по обе стороны... — Он качал головой, глядя на флиттер, как будто ожидал, что в любое мгновение тот превратится в ревущего муравья или нечто подобное.

— Говорят, если человеку суждено утонуть, то ему не страшен бластер. — Голос Тау звучал как бы издалека. — По-видимому, нам еще рано умирать. Ну, — обернулся он к Мешлеру, — у вас есть хоть какое-то представление о том, где мы?

— Далеко от курса к юго-западу. И большего сказать не могу. Придется подождать лучшей погоды, прежде чем взлетим снова. А когда это будет... — Он пожал плечами.

— Если взлетим, — поправил Дэйн.

Он осторожно присел и заглянул под днище флиттера. Тот уже примерз к груде снега, смешанного с остатками пены. Прежде чем взлететь, придется освободить машину. Он сообщил об этом, и остальные двое тоже присели.

— По крайней мере, он теперь на якоре. И чем быстрее примерзнем, тем меньше вероятности, что его снесет туда. — Тау указал на обрыв. — Переждем бурю, а потом высвободим флиттер и полетим. А сейчас лучше забраться внутрь.

Он был прав — холод проникал даже сквозь термокостюмы. Отряхнув снег, они снова забрались во флиттер, который зловеще покачивался под порывами ветра. Неужели сильный порыв может их снести с якоря? Мешлер разделил еще один тюбик рациона. Дэйн, обследовав багажник, обнаружил, что их дела не так уж плохи, даже если кончатся запасы из мешка Мешлера. В багажнике флиттера оказался ящик с Е-рационом, бинокль и несколько запасных зарядов для бластера.

— Нам повезло,— заметил он, перетаскивая найденное в кабину.— А что с коммутатором? Можно ли связаться с поселком, и, передав информацию, попросить связать нас с портом?

По возвращении в кабину, Мешлер занял кресло пилота. Отбросив капюшон, он расстегнул термокостюм.

— Буря заглушит любую передачу. Но как только она окончится... А пока можно поспать.

Разумное предложение. Как только упомянули о сне, Дэйн понял, что он смертельно хочет спать. Прошло не менее двадцати четырех часов с тех пор, как они отдыхали в убежище среди скал. Но смогут ли они заснуть? Флиттер дрожал под ударами ветра, и в любое мгновение их может сбросить с обрыва. Но он уснул, как и остальные.

Проснувшись, Дэйн в течение нескольких минут не мог сообразить, где он. Флиттер больше не дрожал на ветру и дождь больше не стучал по его корпусу. Дэйн выбрался из сонной теплоты, протиснувшись мимо бреча. Тот чуть фыркнул. Дэйн пробрался к окну, но ничего не увидел — все было затянуто морозом. Но снаружи замерзшее окно было ярко освещено солнцем. Буря закончилась, пора было действовать. Движение Дэйна качнуло переднее сидение. Тау поднял голову, закашлялся и огляделся.

— Что....— начал он, но потом, видимо, понял, где он.

— Солнце вышло... Может быть...— и Дэйн указал на окно.

Тау повернулся и взялся за ручку дверцы. Она сопротивлялась, скованная морозом, но потом поддалась. Тау открыл ее, и им в глаза ударило солнце. Снаружи было очень холодно. Тау выставил длинные ноги, ступил на землю и заскользил, отчаянно цепляясь за дверцу. Ударившись о дверцу, он все же удержался, лежа у двери. Потом он с трудом повернулся к двери, а лицо у него было такое, будто рядом выстрелили из бластера. Тау, не имея, по-видимому, возможности пользоваться ногами, подтянулся на руках и забрался в кабину, захлопнув за собой дверцу.

— Лед,— сообщил он.— Тут не только идти, но и стоять невозможно.

Мешлер распахнул дверцу со своей стороны и уставился на поверхность земли внизу.

— Здесь то же самое.

— Надо высвободить флиттер перед взлетом,— сказал Дэйн.— Может, бластер с минимальным зарядом?

— Нужно будет привязаться,— заметил Тау.— Есть какой-нибудь шнур?

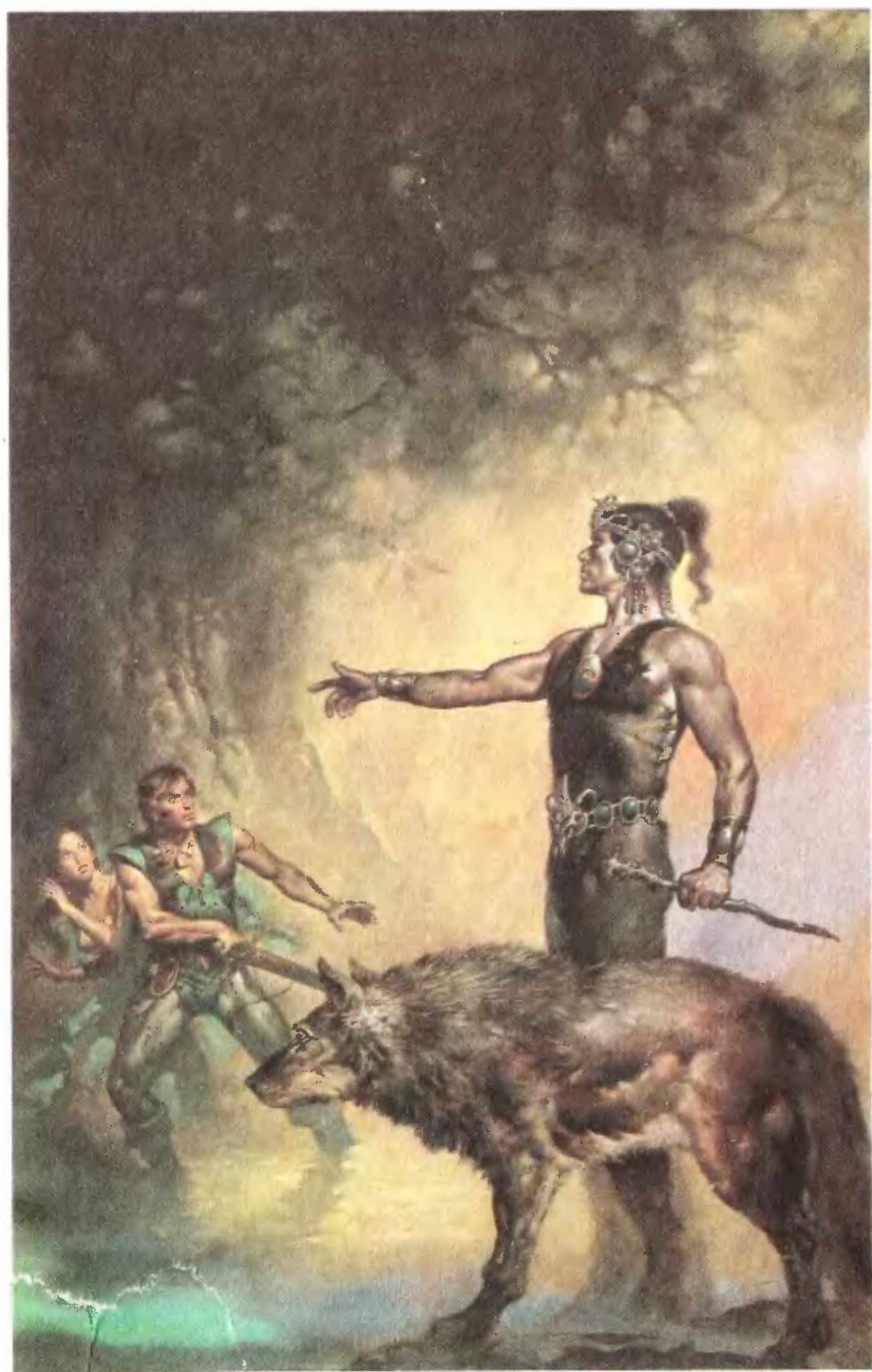
Дэйн осторожно отодвинул бреча и открыл бункер, который обследовал накануне. Он не помнил, чтобы ему попадалось что-нибудь подобное, но нужно было еще раз проверить. Ничего не было.

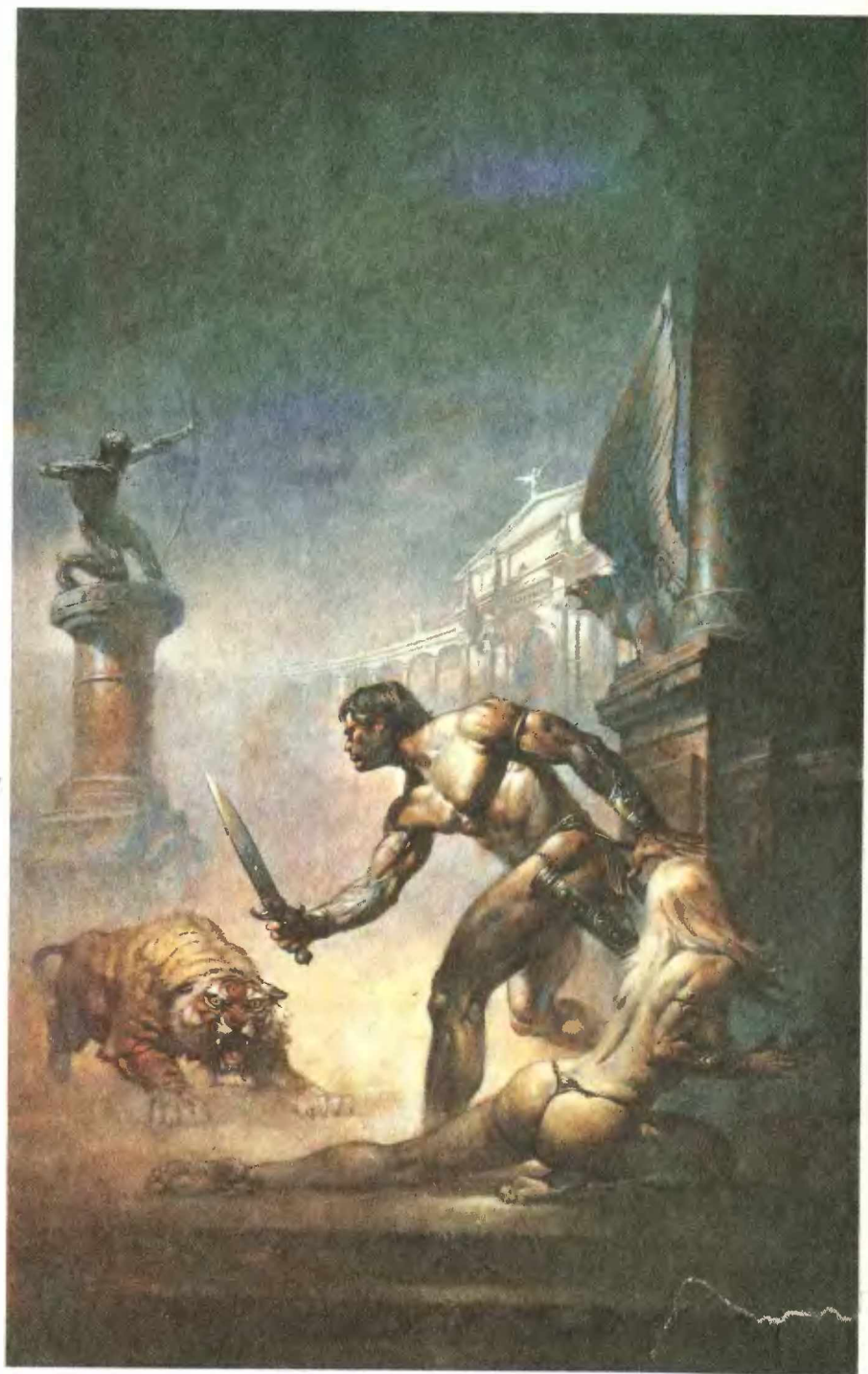
— Что это? — Мешлер повернулся на своем сидении и указал на сверток над головой Дэйна.

Дэйн потянул за конец и вытащил многократно свернутую защитную пласт-палатку. Вероятно, ею нужно было закрывать флиттер в дождь. Флиттер с «Королевы» не был оборудован таким приспособлением.

— Разрезать на полоски, связать и у нас будет веревка.— Мешлер достал длинный острый нож.

Работа оказалась трудной — пластик с трудом поддавался ножу. Мешлер терпеливо пилил, пока не получились три полоски для веревки. Он с трудом связал эти куски и получил грубую веревку. Не предлагая никому быть

добровольцем, он привязал веревку к поясу, застегнул термокостюм и попросил, чтобы Дэйн с Тау покрепче держали свободный конец веревки.

— Постараюсь не долго...— с помощью вот этого...— в руке он держал бластер.

Он снова открыл дверцу и выскользнул. Хотя он и держался одной рукой за дверь, было ясно, что он с трудом удерживает равновесие. Дэйн и Тау напряглись — веревка натянулась у них в руках. Мешлер попытался шагнуть, потерял опору и исчез из виду. Веревка дергалась и извивалась, но двое в кабине держали ее крепко. Много ли времени понадобится рейнджеру, чтобы растопить лед? У Дэйна заболели руки. Запястье побелело, и то место, где в руку врезалась веревка, онемело.

И вот, когда ему показалось, что он останется калеккой, в проеме показалась рука, ухватила за край, и Мешлер, подтянувшись, свалился в кресло, а Дэйн тем временем перегнулся через него и закрыл дверцу. Мешлер встряхнулся, сбросил перчатки и сел. Он нажал кнопку взлета, и Дэйна отбросило назад на бреча, который взвизгнул и попытался отползти. Они поднимались, хотя могли это только чувствовать — в замерзшие окна ничего не было видно.

— Нас отнесло на юг,— сказал Мешлер,— поэтому мы направимся на север, хотя я и не знаю, далеко ли мы ушли на запад.

— А коммуникатор? — спросил Тау.

Мешлер извлек микрофон.

— Вызываю Картл, Картл, Картл! — он как будто распевал название.

Они ждали ответа, но вместо него послышалась мешанина резких звуков, почти непереносимых для слуха.

— Помехи.— Мешлер снял палец с кнопки вызова.— Не пробиться.

— Это нормально? — хотел знать Тау.

— Откуда мне знать? — нетерпеливо ответил рейнджер, глаза у которого ввалились и лицо осунулось, как будто с момента их первой встречи прошли месяцы.— Для меня эта местность новая, но помехи слишком громкие и настойчивые. Я склонен считать их искусственными.

— Возможно, они ждут от нас предупреждения,— предположил Тау.— Что ж, поскольку мы не можем связаться, полетим сами.

Надо лететь на север, так как их отнесло на юг, и на восток, поскольку Мешлер считал, что они слишком забрались на запад. Но откуда он может это знать? Направляющего луча нет. Если бы удалось связаться с поселком, его передачу можно было бы использовать и для определения направления, а так у них только догадки рейнджера, и местность внизу дикая и неисследованная. И, вероятно, в ней есть и другие сюрпризы помимо лагеря. Но, по крайней мере, буря кончилась и окна кабины медленно оттаивали. Мешлер нашел небольшой видеоэкран, пригодный для такой погоды, и они смогли взглянуть на местность внизу.

Судя по солнцу, было раннее утро. Значит, они проспали всю ночь и часть предыдущего дня. Такая потеря времени беспокоила Мешлера, хотя лагерь и поселок Картл разделяло большое расстояние, и освободившиеся чудовища вряд ли сумеют так быстро преодолеть его. Не видно было никаких машин в воздухе, ни следов краулера внизу. Лесистая местность, пересеченная двумя реками, кое-где голые скальные выступы — дикая местность без всяких следов присутствия людей.

ПОСЕЛОК КАРТЛА

Время от времени Мешлер включал коммуникатор, но встречал только помехи. Неожиданно он указал на затянутую льдом реку.

— Викорокс!

— Вы видели ее раньше? — спросил Тау.

«Видимо, Тау тоже беспокоится о маршруте», — подумал Дэйн.

— В прошлом году сюда добралась экспедиция. — Мешлер облегченно откинулся в кресле пилота, — его тоже беспокоил курс. — Нам нужно только следовать вдоль реки до впадения притока — Корокса, а там развернуться на восток. Там начинается территория Картла.

Флиттер пошел вдоль реки. Внизу по-прежнему не было никаких следов людей.

— Значит, местность южнее вся дикая, — заметил Тау.

— Трудно расчищать землю, технику ввозить дорого. Мы не можем ввозить топливо, техников, обслуживающих машины, запасные части, а лошади, буокорны с Астры и другие тягловые животные здесь не приживаются. На станции пытались вывести породу, которая не нуждалась бы в постоянном присмотре. Местные насекомые — мухи торк — жалят в глаза, и пока нам не удалось выработать у ввозимых животных иммунитет. А местных животных нельзя использовать для тяжелых работ. В результате поселки сообща приобретали технику и перемещали ее с места на место. В сухие сезоны пытаются использовать огонь, но его нужно контролировать, а это требует множество людей.

— Значит, поселки не очень продвинулись со времени прибытия первого корабля, — заметил Тау.

Дэйн видел, как сжались челюсти рейнджера, будто Мешлер сдерживал себя.

— Трюкс делает достаточно, чтобы поддерживать автономию, — наконец сказал он, — но новых поселений не заводим. — Он помолчал, взглянул на Тау, и Дэйн увидел на его лице тень беспокойства. — Вы думаете, автономия под угрозой?

— Возможно, — ответил Тау. — Предположим, хотя бы часть того, что вы с трудом завоевали, будет потеряна. Сможете ли вы тогда претендовать на автономию?

Дэйн все понял. Любая планета, на которой началось заселение, должна идти вперед, ежегодно увеличивать свои поселения, начинать экспорт, иначе Отдел Иммиграции может объявить ее в продажу. Тогда, если сами поселенцы не смогут заплатить, они потеряют все завоеванное.

— Но почему? — спросил Мешлер. — Мы — сельскохозяйственная планета, любой на нашем месте встретился бы с такими же трудностями. Тут ничто не привлекает чужаков — нет минералов, достойных эксплуатации.

— А как же камень в бункере краулера? — спросил Дэйн. — Они нашли кое-что ценное, причем достаточно ценное, чтобы положить себе в багажник. Их убили, а руду забрали... Возможно, на Трюксе есть кое-что, чего вы не знаете, Мешлер.

Рейнджер покачал головой.

— Во время второго облета проводилась и геологоразведка. Обычное содержание железа, меди и других металлов, но ничего пригодного для вывоза. Мы кое-что используем сами. К тому же геологов могли убить и не из-за руды. Они кое-что увидели, а груз взяли для отвода глаз. Вы говорите, тут бродил муравин. Возможно, геологи наткнулись на отряд, охотившийся на муравина.

— Вполне вероятно,— согласился Тау.— В то же время я бы предложил тщательную геологоразведку... если у вас останется для этого время.

— Лагерь сооружен давно,— отметил Дэйн,— а давно ли здесь люди Трости?

— Восемь лет.

— А создавались ли за это время новые поселки? — Тау дал ключ Дэйну, который тот искал ощупью.

— Картл... Сейчас посмотрим. У Картла был сбор для расчистки в двадцать четвертом. А сейчас двадцать девятый. У него самый южный поселок.

— Значит, пять лет. А другие поселки на восток, на запад, на север?

— На севере слишком холодно для латмеров. Там проводились только эксперименты станцией к северу от порта,— быстро ответил Мешлер.— На востоке — Хантрон. Он расчищен в двадцать пятом, а на западе — Лансфельд, в двадцать шестом.

— Значит, три года с последней расчистки,— отметил Тау.— А сколько в предыдущие годы?

Но Мешлер, встревоженный вопросом, сам продолжал список:

— До двадцать четвертого у нас была одна, иногда три-четыре расчистки в год. В двадцать третьем пришли четыре корабля с иммигрантами. С тех пор приходил только один корабль, а его пассажиры — главным образом техники и члены их семей. Все они осели в порту. Прибытия прекратились.

— И никто этого не заметил? — спросил Дэйн.

— Если и заметили, то разговоров не было. Жители поселков замкнуты и редко приходят в порт, раз-два в году, чтобы получить груз с корабля. Жители поселков используют самовосстанавливающихся роботов для мелких полевых работ, но эти роботы не пригодны для расчистки. С началом торговли латмерами стало легче. Птиц не нужно специально кормить, им нужно предоставить расчищенный участок и засеять одно-два поля зерном смеси, чтобы иметь запас корма на зиму. Им нравятся местные насекомые и ягоды, они жиреют на местной пище. Покупатели считают, что от этого они приобретают особый вкус, и птицы поэтому высоко ценятся. Вообще латмеры почти не нуждаются в присмотре, нужно лишь огородить поля и приставить роботов. Но весной, когда их отлавливают для продажи, нужно много людей. Птиц ловят, грузят в корзины и везут в порт.

— Значит, ваша планета производит только один продукт?

Снова Мешлер проявил беспокойство, как будто раньше никогда не думал об этом.

— Нет... Впрочем, видимо, да. Все больше и больше выращивают латмеров, потому что только их и можно экспортировать. Мир, производящий один продукт и ни одного нового поселка... — Стало еще заметнее угрюмое выражение его лица.— Я — рейнджер. В мои задачи входит только

патрулирование, составление карт, охрана поселков. Но Совет... Кто-то ведь должен был понять, что происходит!

— Несомненно,— согласился Тау.— Остается проверить, не заинтересован ли кто-нибудь в том, чтобы ваша планета развивалась именно в этом направлении. Вы видели, как драконы прикончили латмеров... А ведь они развивались из зародышей современных латмеров. Представьте себе, что эти чудовища, скрывающиеся за силовым полем, или муравин, будут выпущены на поля с насестами. Или один из ящичков будет размещен в отдаленном районе и его радиация поразит там всех птиц...

— Чем скорее мы доберемся до Картла и до коммуникатора, тем лучше! — заявил Мешлер, и тревога в его голосе соответствовала тревожному выражению его лица.

Вскоре они увидели слияние реки с притоком, и Мешлер повернул флиттер вдоль притока, местами затянутого льдом. Немного позже они пролетели над расчищенным полем со столбами-насестами, но без латмеров. И снежный покров был чистым и лишенным следов. Первое поле сменилось вторым, тоже лишенным жизни. Мешлер развернул флиттер и пролетел над полем.

— Не понимаю... Здесь главное поле для выведения птенцов.

Он снова нажал кнопку вызова и попытался связаться с поселком, но помехи продолжались. Рейнджер поднял флиттер выше и повел его на максимальной скорости. Еще два поля... На втором оказалось множество птиц, черная копошащаяся масса. Когда по полю пронеслась тень флиттера, птицы, казалось, обезумели от страха и заметались, давя птенцов. Но вот они оказались позади.

— Вероятно, такое скопление птиц ненормально? — предположил Тау.

— Да,— коротко согласился Мешлер.

Еще несколько полей, тщательно расчищенных... Сквозь снег пробивались стебли какого-то растения. Река делала изгиб, и в этом месте располагался поселок. Это была группа домов, расположенных квадратом, и в середине помещена башня связи. На ней был прикреплен знак Картла, который ставился на всех произведенных здесь продуктах. Дома были сложены из каменных плит, но крыши были глиняными. Поверх плит, как было известно Дэйну из информационных лент, насыпана плодородная почва и посажены кусты. Весной они расцветают, а потом их семена тщательно собирают и затем измельчают. Полученный порошок служит жителям поселков заменителем дорогого кофе. Для планеты, лишенной естественных опасностей, поселок слишком походил на крепость. Все его дома были окружены сплошной стеной и две двери открывались только внутрь двора.

У входа в поселок виднелась ровная площадка, на которой стоял краулер и небольшой скуттер, который, по мнению Дэйна, не годился для этой малонаселенной местности. Здесь Мешлер и посадил флиттер. Не успел затихнуть двигатель, как рейнджер выскочил из машины. Сложив ладони в рупор, он громко закричал:

— Эй, в доме!

Казалось, поселок Картл также лишен жизни, как и два первых поля латмеров. Потом послышался слабый голос:

— Назовите себя!

Мешлер отбросил капюшон, чтобы стало видно его лицо.

— Вим Мешлер, рейнджер. Вы меня знаете.

Ответа не последовало. Они ждали, и Дэйн затаил дыхание. Потом тяжелая дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Идите сюда и побыстрее!

Дэйн невольно оглянулся. Похоже, что крепость в осаде. Но кто осаждает? Кроме латмеров, они не видели ничего живого, но поведение жителей свидетельствовало о том, что не все в порядке. Они протиснулись в узкую щель. Человек, ждавший здесь, захлопнул за ними дверь так быстро, как будто за ними по пятам шла смерть, и задвинул тяжелый брус.

Хозяин оказался высоким человеком в меховой куртке, наброшенной на плечи, так что пустые рукава болтались по бокам. Он не был похож на Мешлера. Смуглый, почти как Рип, с густыми кучерявыми волосами. На нем была куртка из шкуры латмера и кое-где мех вытерся от долгой носки. На широком поясе висели два обязательных ножа — один для еды и общего пользования, а другой в украшенных ножнах — знак взрослости, используемый только в редких случаях в схватках чести. Брюки и обувь тоже были меховыми, и весь он казался таким же пушистым, как и латмеры. Но было кое-что и новое. В руках он держал старое пулевое ружье. Такое оружие Дэйн видел только в музеях на Земле. Его использовали на примитивных планетах, куда слишком дорого было ввозить заряды бластеров, и поселенцы изготавливали оружие из местных материалов.

— Мешлер! — человек протянул руку и они прижали друг другу локти в обычном приветствии.

— Что происходит? — спросил Мешлер, не называя хозяина.

— Может, вы нам объясните? — резко сказал тот. — Попробуйте объяснить вдове Джейкора. Он добрался сюда вчера вечером... И смог только пробормотать что-то о чудовищах и людях. Он осматривал дальние поля, когда они изувечили его.

— Изувечили?

— Да! Никогда не видел таких ран! И мы закрылись, обнаружив, что коммуникатор не работает... Помехи! Кейси повел флиттер в порт, но это было до того, как мы поняли, что не вернулась Ангрия с детьми. Я попытался связаться с ними по коммуникатору Ванатара. Бесполезно... Индитра и Форман в большом хоппере двинулись туда.

Он говорил быстро, захлебываясь, как будто стремился выговориться, но Мешлер прервал его:

— Не все сразу. Ванатар... Он, наконец, основал свой поселок?

— Да, они позвали нас по коммуникатору на сбор для расчистки. У меня снова начался припадок, но Ангрия, Лабла, Дронер и дети, а также Сингри, Ререал, Кэри, Лантгар — все полетели в большом флиттере. Кейси должен был облететь восточные поля, Джейкор — западные, а Индитра и Форман строили мастерскую. Что я скажу Кэри? Джейкор мертв! Мы всегда слушали новости из порта. Вчера сообщили о каких-то задержанных торговцах... и вдруг бах — помехи! С тех пор мы больше не смогли связаться с портом. Кейси вернулся вовремя, а Джейкор опоздал. Потом мы увидели его краулер. Тот шел неровно, как будто им никто не управлял. Так почти что и было. Джейкор, умирающий, был в сидении водителя. Он что-то сказал о людях и чудовищах из леса ... и умер! Мы не смогли связаться, поэтому Кейси сказал, что полетит в порт, а Индитра и Форман привели в действие

хоппер и отправились к Ванатару, чтобы посмотреть, что там с женщинами и детьми. Со своими припадками я ни на что не гожусь. Вот снова! — Он начал сильно дрожать.

— Лихорадка-вол! — Тау подхватил его.

— Не совсем, — ответил Мешлер. — Похоже, но лекарство не действует. Пока еще не нашли средство. Может, вы что-нибудь сделаете?

От дрожи человек начал раскачиваться, и голова у него откинулась. Он упал бы, если бы его не поддержали.

— В постель и тепло укрыть, — сказал Тау. — Тепло поможет.

Полуведя, полунеся хозяина, они прошли в дверь, которую поторопился открыть Дэйн. Было ясно, что сам поселенец тоже лечился теплом. В соседней комнате жарко пылал огонь в камине, и перед ними стояла койка с грудой одеял. Они опустили хозяина на койку, и Тау закутал его в одеяла, а Мешлер направился к висевшему над огнем котлу. Принюхавшись, он взял со стола чашку и ложку с длинной ручкой, которой набрал в чашку горячей жидкости.

— Эзамское пиво, — объяснил он. — Это согреет ему внутренности.

Тау приподнял хозяина и с помощью Мешлера напоил его. Когда больного опустили на койку, он, видимо, потерял сознание. Дэйн опустил бреча, который свернулся у огня и испустил вздох облегчения и удовольствия. Дэйн удивился, как тот смог так долго выносить холод.

— Он здесь один? — Тау кивнул в сторону неожиданного пациента.

— По его словам, да. Это Картл. Он чуть не сошел с ума от своих припадков и оттого, что не может помочь женщинам. В таком холоде он сразу бы потерял сознание.

— Этот Ванатар... Значит, есть еще один поселок? — спросил Дэйн.

— Ванатар уже два года говорит об этом, но я не думал, что он готов. Должно быть, он поспешно принял решение. Впрочем, я здесь не был. Посмотрим...

Он подошел к левой стене. Дэйн последовал за ним и увидел карту. Расчищенные и засеянные поля были раскрашены желтой краской, нерасчищенная земля — серой. К западу виднелись районы, закрашенные лишь желтой краской и отдельными пятнами.

— Ванатар осматривал эту местность более пяти лет назад. — Мешлер указал на этот район. — Она лежит юго-восточнее отсюда. — Он выглядел смущенным. — Я не больше вас знаю, что происходит в порту. Важно то, что здесь. Надо позаботиться о людях Ванатара. Вы пробовали свой прибор?

Тау снял с плеча приборчик и нажал кнопку. Дэйн видел, как метнулась стрелка, вначале указывая на север, затем на юг и продолжала метаться, как будто ее привлекали два источника.

— Что это означает? — спросил Мешлер.

Тау выключил прибор, внимательно осмотрел его, снова включил, держа под другим углом. Стрелка продолжала двигаться в тех же направлениях, будто указывала на два источника в противоположных сторонах.

— Значит, два источника, — ответил Тау.

— Их ящичек и ящичек у шлюпки? — предположил Дэйн.

Неужели радиация на юге стимулировала радиацию ящичка у шлюпки? Как это отразится на шлюпке? Но ведь Али и Рип имели приказ доставить ящичек в порт. Так значит, они все еще там, в дикой местности?

— Может оно привлечь этих существ сюда? — спросил Мешлер и еще раз осмотрел участок Ванатара на карте.

— Кто знает? Но источник сильный, — ответил Тау.

— В этом что-то есть. — Дэйн попытался припомнить слышанный на «Королеве» разговор.

Системы связи — обязанность Тан Я, и Дэйн знал лишь общие условия приема и передачи, но однажды Тан Я говорил с Ван Райком и сказал что-то о помехах со стороны разбойничьего корабля и о том, как пробиться через помехи. Нужно пульсирующее устройство, которое может преодолеть помехи. Здесь есть коммуникатор и должен найтись кто-то, кто поймет, как это сделать.

— Что? — нетерпеливо спросил Мешлер.

— Я слышал однажды... Кто здесь занимается коммуникатором?

— Главным образом Картл. После прибытия он был в порту техником, а когда кое-что заработал, переселился сюда. Но коммуникатор не в порядке... или... Посмотрим. — Он быстро пересек комнату и направился к панели коммуникатора, почти такой же сложной, как и на «Королеве». Треск слышался по-прежнему. — Все еще помехи.

— Насколько он болен? — взглянул Дэйн на Тау. — Может он прийти в себя и начать заниматься коммуникатором?

— Если это припадок лихорадки-вол, то он придет в себя через четыре-пять часов, будет очень слаб, но с ясной головой. Но я не знаю, так ли протекают его припадки.

— Он ничего не сможет сделать с коммуникатором, — возразил Мешлер. — Думаете, он не пытался?

— Он испробовал только прямую связь, — ответил Дэйн, — но есть и пульсирующая передача. И если в порту кто-то слушает внимательно...

— Рассказ Тан Я об Эргарде! — подхватил Тау. — В этом что-то есть. Но все же придется ждать, пока он придет в себя.

Мешлер перевел взгляд с одного торговца на другого.

— Возможно, вы знаете, о чем говорите. Не вижу никакой альтернативы, даже не уверен, что смогу связаться с Ванатаром.

Глава 15

ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ

Наконец у них реальная пища. Дэйн сидел за столом перед тарелкой с мясом латмера, окруженного местными овощами и фруктами. Насколько это вкуснее Е-рациона! Уже наступила ночь, и Тау внимательно наблюдал за Картлом, который что-то неразборчиво бормотал. Ушедшие к Ванатару не вернулись. Коммуникатор был включен с уменьшенной громкостью, но оттуда доносился только треск.

— Далеко ли мы от шлюпки? — Дэйн допил горячий напиток, опустил кружку и взглянул на Мешлера.

Тот отошел от стола к карте, долго изучал ее и даже провел пальцем по линии, а потом вернулся к столу.

— В двух часах лета на нормальной скорости, — ответил он. — Но ваших

людей там нет, их должны были подобрать вскоре после нашего отлета. И они взяли с собой ящичек.

— А как же показания прибора? — спросил Тау. — Если бы ящичек забрали в порт, показания были бы другими. Что вы задумали? — спросил он у Дэйна.

— Если бы мы отнесли ящичек на юг, он, может быть, отвлек бы чудовищ? — Дэйн хватался за любую, самую слабую надежду.

Тау покачал головой.

— Мы недостаточно знаем о его действии. Дэйн, дайте еще напиток!

Картл зашевелился, стараясь избавиться от многочисленных одеял, которыми укутал его Тау. Дэйн подошел к кипящему котлу, набрал с полкружки ароматного напитка и отнес врачу.

— Спокойнее. — Тау перешел на базовый язык и поддержал Картла за плечи.

Он поднес к губам Картла, и тот жадно отпил. Потом он с помощью Тау сел, отбросив в сторону одеяла. Он уже больше не дрожал, и на его лице светился разум и целеустремленность.

— Надолго я отключался? — спросил он.

— Около трех часов, — ответил Тау.

— Ангрия, дети, все остальные? — должно быть, он прочел ответ на лице Тау и рука его потянулась к украшенному ножу. — Значит... — но закончить ему не дали.

— Слушайте, — придвинулся к нему Дэйн, не зная, на что способен Картл под воздействием тревоги за судьбу своей семьи, но чувствуя, что нужно немедленно установить, сможет ли тот что-нибудь сделать с аппаратом связи. — Все еще продолжаются помехи, но мы сможем пробиться и попросить помощи из порта.

Картл нахмурился, не смотря на Дэйна. Вытащив нож чести, он слегка провел пальцем по его лезвию, как бы проверяя его остроту.

— Помехи... — с отсутствующим видом повторил он, а потом повернулся к Мешлеру: — Вы прилетели на флиттере. Дайте его мне, у меня прошел приступ.

— Надолго ли? — спросил Тау. — Холод вызовет новый приступ. А если вы полетите и потеряете сознание? Чем вы поможете остальным? Выслушайте Торсона. Возможно, вы не слышали, что он вам сказал, но мы знаем, что в аналогичной ситуации средство помогало. Вы подготовленный связист и сможете помочь своим.

— Ну, что? — обратился Картл к Дэйну, но так нетерпеливо, будто не ожидал услышать ничего разумного.

— Я не связист и не знаю ваших терминов, но однажды за вольным торговцем погнался пират и забивал его связь. — И Дэйн передал рассказ Тан Я.

Нож, который в начале рассказа Дэйна двигался взад-вперед, застыл на месте.

— Пульсирующее противомешательство, — сказал Картл. — И какой код?

— Ничего сложного. Назвать себя и позвать на помощь.

Картл вернул нож в ножны.

— Да. И если Кейси не добрался... — Он встал, пошатнулся. Но отвел руку Тау, который хотел поддержать его, и пошел к коммуникатору.

Он прикоснулся к переключателю и треск усилился. Картл внимательно вслушивался в него, а губы его шевелились, как будто он что-то считал. Придвинув себе стул, он почти упал на него, продолжая внимательно слушать. Потом он достал из-под стола ящик с инструментами, вскрыл панель и начал работать, вначале медленно, почти осязательно, а затем все быстрее и увереннее. Но вот он откинулся назад, опустил руки и плечи, как будто работа отняла у него все силы.

— Готово. Но будет ли работать? — Казалось, он спрашивает сам у себя.

Бреч лежал на полу у камина, но вдруг он сел. Он как будто прислушивался, и Дэйн теперь следил скорее за бречем, чем за Картлом, который включил передатчик и отбивал ключом рваный ритм. Дэйн сел на койку, оставленную Картлом.

— Что? — проговорил Дэйн в микрофон.

— Идут, — ответил бреч.

— Мы должны их бояться? — быстро спросил Дэйн.

— Страх есть... Он с теми, кто идет... И там раненые...

— Далеко?

Бреч медленно повел головой справа налево, как будто его нос был локатором.

— Идут быстро, но еще не здесь. — Ответ казался уклончивым. — Страх, сильный страх. Все им охвачены.

Дэйн встал.

— Бреч говорит, что кто-то приближается. Он также сказал, что они ранены и боятся.

Картл, должно быть, услышал, несмотря на громкий треск коммуникатора, и тут же повернулся к Дэйну.

— Когда?

— Бреч говорит, что они быстро приближаются.

Картл был уже на ногах. Он не одел меховую куртку, но схватил оружие. Мешлер с бластером был уже у двери... Они побежали к воротам крепости. Впереди мчался Картл, а остальные догнали его, только когда он прислонился к стене здания, откуда была видна местность за стеной. Ярko светила луна и сверкал снег. И вот они слышали... Ветер уже не мог заглушить гудение мотора флиттера. Картл испустил крик облегчения и нажал кнопку, включающую свет. Посадочная площадка ярко светилась. Мешлер поднял руку, как будто собирался выключить огни, но не стал.

Флиттер приближался без огней. Темный и зловещий, он появился под луной. Он был больше, чем тот, который они увели из лагеря, и почти вдвое больше флиттера с «Королевы Солнца». С круглым корпусом он, очевидно, предназначался для перевозки грузов. Двери кабины и грузовой люк распахнулись и оттуда торопливо выбрались несколько человек. Одни из них падали, а другие помогали им подняться. Не закрывая дверей флиттера, они быстро побежали к воротам, будто за ними гналось одно из чудовищ.

Женщины... три, четыре, пять, шесть. Дети... причем столько, что они должны были стоять вплотную, а за ними мужчины. Двое перевязанных, которые помогали третьему, идущему с трудом.

Картл распахнул ворота и подбежал к одной из женщин, которая вела под руки еще двух женщин. Он обнял ее, а остальные окружили их и что-то

кричали на диалекте, непонятном землянам. Тау, миновав женщин, подбежал к раненым, Дэйн и Мешлер отстали от него на какое-то мгновение. С их помощью врач доставил раненых в комнату, которую они только что покинули.

Немного спустя им полностью все рассказали. Тут были женщины из поселка Картла, трое из группы Ванатара и дети из обеих групп. Двое раненых были из поселка Картла, а один — самый тяжелый — из поселка Ванатара.

...Все началось без предупреждения. Как и предполагал Картл, они разошлись по полям, присматривая за роботами, производящими расчистку, а женщины разводили костры, чтобы готовить пищу. Их рассказы об увиденном так различались, что Дэйн пришел к заключению, что на них напали разные виды чудовищ, все абсолютно незнакомые поселенцам, так что к незнакомости добавился ужас. Они сумели частично восстановить защиту и роботов защиты, которые прикрывали их отступление. Поселенцы разбились на несколько групп. Те, что добрались до Картла, оказались вблизи от стоянки машин, и сумели пробиться к нему. Но и тут им не удалось легко уйти, потому что чудовища составляли только первую волну атакующих. За ними шли люди, вооруженные бластерами. Судя по рассказам спасшихся, эти люди бластерами подгоняли чудовищ и одновременно защищались от них.

Над машинным парком повис флиттер пришельцев, а за ним, как на цепи, подтянулись и чудовища. Началась схватка. Два флиттера были безнадежно разбиты, так что план поселенцев — эвакуировать всех к Картлу — оказался невыполнимым.

— У Ванатара на краулере был смонтирован огнемёт, — рассказывал человек с рукой на перевязи, — он рассчитывал использовать его против густой растительности. Мы с Яшти добрались до краулера и достали до их флиттера. А потом появился флиттер Картла, так что мы смогли посадить женщин и детей. С раненой рукой от меня было мало толку, а Яшти получил сильный удар по голове. Но вдвоем мы сошли за одного пилота. Асмуал был тяжело ранен и его тоже уложили во флиттер. Талмор велел нам улетать, пока в воздухе чисто. Они хотели удержать парк. Может быть, под защитой огнемёта им удастся подняться выше по холму, но даже если им это удастся, они долго не продержатся. У них есть роботы и небольшой огнемёт, но это все.

— Сколько осталось в живых? — спросил Мешлер.

— Не знаю, — покачал головой человек. — Наша группа была самой большой, все женщины и дети. Я видел троих... по крайней мере, трое выбрались из этого дьявольского наваждения. А двоих сожгли в парке, прежде чем мы достали флиттер.

— Этот холм... — прервал его Мешлер. — Как он расположен относительно парка?

На мгновение человек закрыл глаза, будто пытаясь мысленно нарисовать картину, а потом ответил:

— К югу от поля и чуть на восток. Это большой скальный выступ. Ванатар хотел разместить на нем дополнительные насесты и не дал нам снести его. Там лучше всего защищаться.

— Можно посадить рядом флиттер?

Человек покачал головой.

— Только на открытой местности, а там придется сражаться с этими существами, если они не добрались до скалы...

— Смогут ли ваши люди подняться во флиттер, если мы зависнем над ними? — настаивал Мешлер.

— Не знаю.

Рейнджер предлагал очень сложную операцию. Дэйн однажды видел подобное на тренировке, но люди «Королевы» никогда не пользовались этим на практике. А подготовлены ли к этому поселенцы?

Его сомнения выразил второй раненый.

— У вас есть флиттер? Понадобятся пояса и веревки. И нужно будет низко зависнуть. К тому же у тех бластеры и, если вы зависнете недостаточно низко, они легко перережут лучами бластеров веревки.

— Можем зависнуть низко, — уверенно проговорил Мешлер.

Дэйн считал его предложение малоосуществимым. Он осмотрел комнату. Тау возился с тяжелораненым и его место было здесь. Трое прилетевших во флиттере не были в состоянии возвращаться, а у Картла снова может начаться приступ. Значит, остаются он с Мешлером.

Рейнджер не вызывал добровольцев и всем, кроме Тау, дал работу по подготовке оборудования. Им удалось приготовить пояса, веревку и неуклюжую лебедку. Все это заняло во флиттере так много места, что Дэйн не видел, как им удастся разместить за один раз больше двух-трех поселенцев. К тому же приходилось пользоваться тихоходным флиттером, иначе вообще не удалось бы поднять оборудование. А Картл предупредил, что если они перегрузят машину, то она разобьется. Но на рассвете они вылетели — Мешлер на месте пилота, Дэйн и бреч, который в последнюю минуту присоединился к их компании.

— Плохо. — Дэйн старался убедить бреча остаться. — Нас там ждет опасность.

— Пришел с вами, всегда пойду с вами и вернусь с вами, — ответил бреч, как будто только с Дэйном надеялся вернуться к своей семье.

Зная, как им помогли способности бреча в прошлом, Дэйн не стал настаивать. Руководствуясь указаниями поселенцев, Мешлер повел флиттер с максимальной для такой неуклюжей машины скоростью. Поселок Картла готовился к осаде, а сам Картл вернулся к коммуникатору, хотя, казалось, не верил в эксперимент. Бури не было, но день стоял пасмурный, и солнце лишь бледным пятном виднелось сквозь тучи. У них, кроме двух бластеров, не было оружия. Дэйн пытался не думать о том, что произойдет с ними, если врагам удастся захватить огнемет и они направят его против флиттера.

Когда они оказались над полями, которые расчищали люди Ванатара, были видны лишь следы прерванной работы. Сгоревший флиттер лежал на обломках двух краулеров. Из обломков по ним выстрелили из бластера. Был ли это друг, принявший их за врагов, или враг, определивший, что это спасательная машина поселенцев? Во всяком случае, стреляли из ручного оружия, которому не хватило мощности, чтобы достать флиттер, хотя он и снижался. Мешлер развернул машину в сторону от парка. Флиттер, не предназначенный для маневрирования, требовал его полного внимания. Но направление им указал бреч!

— Много страха... боль... там,— он указал носом.

Дэйн передал это Мешлеру, и тот повел машину в указанном направлении. Они увидели скалу, походившую на искусственное сооружение, чем на естественный выход породы, хотя никакого рисунка на камнях не просматривалось. Мешлер подвел флиттер поближе. На полпути к скале на грубо расчищенном поле виднелся перевернутый краулер. Из него торчал ствол огнемета и оттуда, где ствол касался земли, шла полоса дымящейся почвы. Очевидно, машина перевернулась с работающим огнеметом, и тот продолжал жечь землю, пока не разрядился.

Но он сделал свое дело. Перед краулером лежали три полусожженных чудовищных туловища, но гораздо больше чудовищ бродило среди скал, но они не торопились нападать и, главным образом, потому, что на скале три робота, вооруженных ножами для расчистки, яростно и угрожающе размахивали руками. Еще два робота были повреждены — один кружился на месте, волоча за собой поврежденную руку, а второй стоял неподвижно, очевидно, вследствие выхода из строя двигательных центров.

Роботы тоже внесли свой вклад, разрезав четырех чудовищ. Но роботы действуют, пока у них есть заряд. В тот момент, когда флиттер приближался к скале, два оставшихся часовых замедлили движения, а один полностью остановился с поднятой рукой. Мешлер сражался с флиттером. Как и предупреждал Картл, неуклюжий грузовик не обладал нужной маневренностью, к которой привык рейнджер, и ему приходилось бороться с незнакомой машиной, чтобы она оставалась на нужной высоте. Люди внизу узнали должно быть флиттер и замахали руками из-под камней.

Дэйн пинком распахнул дверцу и приготовился выбросить пояс, но флиттер отказывался парить, и оборудование в кабине раскачивалось. Сработает ли крюк? Дэйн старался об этом не думать, все равно нужно попытаться. Он следил, как опускается пояс, выпуская веревку. Пояс достиг цели, потому что веревку снизу дернули.

— Следи, чтобы все шло хорошо,— сказал Дэйн бречу.— Я должен заняться этим.

Бреч подошел к люку и высунул голову наружу, упираясь лапами в пол.

— Они надевают на человека... Он ранен...

Сначала отправляют раненых... Дэйн думал, что они догадаются отправить вверх хоть одного человека, способного ему помочь. А если пояс не выдержит... Он включил лебедку, наскоро сооруженную Картлом и одним из поселенцев. Веревка натянулась и мотор взвыл от напряжения. Груз начал подниматься медленно, очень медленно, но Дэйн мог только следить, чтобы мотор продолжал работать, а веревка наматывалась. Ожидание казалось бесконечным, но вот бреч доложил:

— Один здесь... Но он не может забраться сам...

— Иди сюда,— быстро принял решение Дэйн.— Следи, если веревка провиснет,— позовешь.

Он протиснулся мимо бреча, который послушно направился к лебедке. Человек, беспомощный и неподвижный, висел под самым люком. Дэйн осторожно поднял его и опустил на пол кабины, а потом вытер пот со лба, хотя было совсем не жарко, отцепив пояс, он снова выбросил его. Осматривать первого прибывшего не было времени. Мешлер даже не оглянулся — он так сосредоточенно управлял флиттером, как будто стал его частью. Снова

веревку дернули. На этот раз поднятый человек оказался в сознании и смог сам забраться в машину.

— Сколько вас еще? — спросил Дэйн, отстегивая пояс.

— Десять человек, — ответил поселенец.

Десять человек! Столько им не забрать. Значит, потребуется два полета. А есть ли у них для этого время? Дэйн снова выбросил пояс, попросил поселенца следить за лебедкой и пошел к Мешлеру.

— Их двенадцать. Мы не сможем забрать их всех сразу.

— Мы можем не успеть выполнить второй полет, — ответил Мешлер, не отрывая глаз от приборов.

Это было очевидным, но было также ясно, что с перегруженным флиттером им не удастся улететь. Пока враги проявляют себя только выстрелами из бластеров, а чудовища продолжают бродить перед роботами. Неожиданно флиттер дернулся, будто потянули за невидимую веревку. Парение прекратилось, и они двинулись над скалой.

— Контрольный луч! — неожиданно воскликнул Мешлер. — Слабый, но на этой машине с ним нельзя бороться.

Контрольный луч! Их снова тащили куда-то, как на первом флиттере. Еще одно крушение?

— Что за?.. — воскликнул второй раненый. — Мы уходим от наших.

Дэйн вернулся к люку. К счастью, пояс еще не надели на следующего.

— Смотрите!

Флиттер нырнул, свисавший пояс ударился о скалу и неожиданно зацепился за поднятую руку неподвижно стоявшего робота. Несмотря на все усилия Мешлера, нос флиттера резко пошел вниз, и они полетели к земле.

Глава 16

ПРИМАНКА ДЛЯ ЗАСАДЫ

Дэйна отбросило назад неожиданным наклоном палубы, и он ударился о лебедку. Возможно, капюшон термокостюма спас ему жизнь, но на какое-то время он все же утратил интерес к происходящему. Очнувшись он от боли, заполнившей голову и вцепившейся в шею и плечи. Боль так заполняла мир, что он лишь смутно ощутил звук, громкий и резкий, пробивающийся через красный туман боли. Его подняли и боль так усилилась, что он закричал. Дэйна тащили грубо и поспешно, но он не потерял сознания. Его не положили, а скорее бросили, чуть приподняв голову, и оставили одного. Медленно и с трудом он открыл глаза и осмотрелся. К нему устремились обломки крушения, уходя за пределы видимости, так как он не мог поднять голову. Память вернулась, и Дэйн узнал флиттер, ударившийся, очевидно, хвостом. В поле его зрения находился также машущий руками робот.

— Мешлер? — произнес он хрипло имя рейнджера.

На него глянуло совершенно незнакомое лицо. Незнакомец смотрел на Дэйна, но не делал попыток осмотреть его рану.

— Этот еще жив, — доложил он кому-то.

— Тем лучше. Если немного отползет, будет еще лучше и убедительнее. А остальные?

— Один мертв, другой еще дышит. А как пилот?

— Цел. Ноги у него связаны и он тоже производит впечатление. Вытащи его наполовину из обломков и все будет готово. А теперь позовем этих разгребателей грязи...

Дэйн временами переставал слышать, как будто отдельные слова теряли смысл.

— Эй, вы, в скалах!

Громкий выкрик больно отозвался в черепе.

— Слушайте! — прогремел тот же голос.

— Слушаем, — донеслось более слабо.

— Можем сделать предложение.

— Слушаем, — донесся первый ответ.

— Соглашайтесь, — вмешался другой голос, нетерпеливый.

— У нас нет времени, эти все спутали.

— Мы идем без бластеров к той скале...

— Согласны.

Человек, стоявший возле Дэйна, отошел. Когда он проходил возле робота, машина отклонилась. Она была запрограммирована таким образом, чтобы не принести вреда человеку. К первому человеку присоединился второй. Они стояли спиной к дереву, но он мог их видеть. Туман рассеялся, но боль оставалась. Из-за камней появились два человека в одежде поселенцев. Они шли осторожно и остановились на большом расстоянии от врагов.

— Что вам нужно? — спросил один из них.

— Всего лишь... улететь с планеты. У нас есть корабль, но до него нужно добраться. Нам нужен транспорт... флиттер...

— Да? Но у нас нет флиттера, — возразил поселенец, — а из камня мы его не сделаем.

— Нам нужно перемирие, — ответил первый. — Мы отзовем зверей и пошлем их в другом направлении. К северу есть передатчик и, если мы включим свой, они двинутся туда. Мы обратимся по коммуникатору за помощью. Прилетевшие увидят крушение и сядут рядом. Мы захватим флиттер. О, без бластеров, только с танглерами. А когда мы удалимся, вы свободны. Нам нужен только флиттер. Если бы этот не разбился, мы взяли бы его. Оставайтесь на месте тихо и мирно, не пытайтесь хитрить, пока мы не заполучим флиттер.

Посланец повернулся к товарищу. Дэйн видел, как движутся губы, но слов не слышал.

— А они? — поселенец указал на Дэйна и на обломки.

— Останутся здесь до прилета флиттера. После этого сможете забрать их. И чтобы показать наши добрые намерения, мы отзовем зверей. Вы согласны?

— Надо поговорить... — Делегаты поселенцев отступили, не поворачиваясь спинами к врагам, и исчезли за камнями.

Их противники тоже отошли, хотя и без мер предосторожности. Что-то шевельнулось в Дэйне. Он понял условия перемирия, но лично для него они мало что значали, однако смутное чувство тревоги пробудилось. Ясно, что поселенцы не верят этим людям, но согласятся ли они? Если согласятся... Приманка! Объяснение прозвучало в мозгу Дэйна как сигнал тревоги. Обрывки в разговоре приобретали смысл. Он и остальные,

выжившие в катастрофе — наживка. Флиттер сядет, чтобы оказать помощь. Если зверей отзовут и никаких признаков активности врага не будет видно, приманка может сработать. Если люди за камнями не попытаются предупредить вновь прибывших, ловушка захлопнется.

Но отступят ли враги, получив транспорт? Дэйн, борясь с головной болью, пытался думать ясно. Если поселенцы поверят, они просто глупцы. С другой стороны, они плохо вооружены, а роботы постепенно выходят из строя. Один из оставшихся сделал еще два взмаха руками и застыл с поднятыми руками, как будто пытаюсь оттолкнуть врага. Без бластеров, без роботов они станут легкой добычей чудовищ. А поселенцы в отчаянном положении могут пойти на сделку, считая, что хуже им от этого не будет. И стремление предупредить придало Дэйну силы. Он попытался шевельнуться, вначале одной рукой. Она слегка поднялась и повисла, как будто это была чужая рука. Он направил свою волю на пальцы. Они онемели и почти потеряли чувствительность, но все же шевельнулись.

Ему нужно не просто шевельнуть рукой. Он сосредоточил свои усилия на том, чтобы сесть, но когда он приподнял голову, она так закружилась, что он чуть не потерял сознание. Он пролежал, набираясь сил, а потом попробовал двинуть другой рукой и одной ногой, потом другой ногой. Похоже, кости не сломаны. И онемение прошло. Видимо, он просто сильно ударился головой.

— Думаешь, они согласятся?

Дэйн застыл, услышав совсем близкий знакомый голос.

— У них нет выбора. После того, как роботы остановятся, звери набросятся на них. Они не дураки. Пусть немного поговорят и мы предъявим им ультиматум, — теперь или никогда.

— Долго ли нам ждать флиттер?

— Что ж, первые убралась, а вторые прилетели, уже готовые подбирать оставшихся. Видимо, они знали, что их ждет, так что кто-то поднял тревогу. И Дексти получил сообщение из порта. Похоже, вольным торговцам удалось убедить командование Патруля.

— Я думал, Спьюман там справится...

— Он все делал хорошо до последнего груза. Гротлер не мог нагрузить больше, чем даже если бы и хотел. Для него хорошо, что он не пережил полет: Дексти разорвал бы его на части и скормил бы зверям. Операция еще может закончиться благополучно, но Спьюмен больше не может прикрываться Трости. Один человек, только один человек сглупил — и вся работа многих лет идет насмарку!

— Гротлер, вероятно, заболел. Ведь он умер при взлете?

— Будем надеяться, что эта часть рассказа правдива. Если ему помогли убраться из нашей вселенной, тогда дело плохо. Нет, Дексти прав — обрубить концы, убраться отсюда и пусть эти птицеводы возятся с нашими крошками. Поселенцы будут так заняты этим, что нам удастся запутать следы.

— Думаешь, это погубит всю операцию Трости?

— Кто знает, что сумеет обнаружить Патруль? Мы, может быть, справились бы с Гротлером и вольными торговцами, если бы этот рейнджер не стал бы вмешиваться и вынюхивать, если бы они не сняли силовое поле и не выпустили бы наших крошек. После этого нам ничего не оставалось, как

только контролировать их, а мы не смогли, потому что на севере действует сильный источник.

— Гротлера?

— А чей же еще? Спьюман передал, что торговцы увезли источник на шлюпке в дикую местность, чтобы там какой-нибудь специалист взглянул на него. Клянусь четырнадцатью рогами Маблана, все идет не так, как нужно! Мы пытались убрать чудовищ и что получилось? Напали на этих...

— Дексти сказал, что их нужно уничтожить. Пусть рейнджеры думают, что это сделали звери.

— Знаю, знаю. Что же произошло? Часть из них ушла. Нам пришлось задержаться и мы потеряли флиттер. Не поедешь же на краулере, если эти чудища легко растопчат его, как тубик Е-рациона...

— Значит, мы ждем другой флиттер?

— А ты можешь придумать другой выход? Эйлик убрал помехи и мы послали призыв о помощи на волне порта, специально сделав его слабым. Между нами и портом четыре или пять крупных поселков, может отозваться любой из них. Таков обычай поселенцев. Мы получим флиттер, включим источник на полную мощность и теперь, когда роботы уже остановились, желание Дексти все же исполнится — в живых никого не останется.

Хотя кое-что оставалось еще неясным, общая картина отвратительного замысла стала ясна Дэйну впервые после того, как он увидел мертвеца на своей койке. Как он опасался, эти незнакомцы не собирались выполнять условия договора. Как же предупредить людей за камнями?

— Эй... вы, там... — откликнулись на этот раз первыми поселенцы.

Дэйн попытался подчинить свое тело своей воле. Если бы только он мог крикнуть! Но когда он попытался, из горла вырвался лишь хрип. Один из незнакомцев, проходя мимо, пнул вытянутую ногу Дэйна. Боль огнем пробежала по телу, и Дэйн подумал, что потеряет сознание. Придя немного в себя, он снова увидел разговаривающих незнакомцев и поселенцев.

— Мы согласны. Отзовите зверей и мы позволим вам взять флиттер... если он придет.

— Придет... — ответил незнакомец. — Мы послали на север сигнал тревоги. Если не предупредите их, мы отзываем зверей. Ну, а если предупреждаете, мы пускаем зверей обратно, а они сначала займутся этими... — Он указал на обломки, среди которых лежал Дэйн.

Но где же бреч? Снова Дэйн почти забыл о чужаке и, поскольку незнакомцы не упоминали существо с Ксечо, бреч, вероятно, погиб в обломках флиттера. Отвратительный конец для необычного товарища в этом болезненном приключении. Капюшон лежал над головой Дэйна и, когда он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, цел ли микрофон, ему в шею впился какой-то острый предмет. Как будто коммуникатор разбит. Даже если бреч и жив, позвать его невозможно. Но когда вернулись из-за камней незнакомцы и остановились рядом с ним, у Дэйна было над чем подумать. Оба незнакомца были землянами или потомками землян-колонистов, насколько он мог судить. На них были термокостюмы, на головы наброшены капюшоны. Один из них присел рядом с Дэйн.

— Слышал наш разговор. — Это был не вопрос, а утверждение. — Ладно, не вздумай предупредить их. Мы выпустим наших крошек и, как ты думаешь, кем они займутся в первую очередь?

Дэйн не ответил, и человек казался удовлетворенным тем, что напустил страху на беспомощного пленника.

— Мы о вас позаботимся, — добавил он. — Если бы не вы, проклятые торговцы...

— Пошли, — опустил ему на плечо руку товарищ. — Бесполезно говорить ему об этом... Виноват Гротлер, а не они. Гротлер... и то, что вы не смогли всего предвидеть. Во всяком случае, с ним покончено.

Они исчезли из поля зрения Дэйна, и он остался лежать, глядя на обломки флиттера, на неподвижного робота, на камни, а в ушах продолжало звучать — «с ним покончено». Но что-то в нем среагировало так, будто его неожиданно вытянули хлыстом по спине. Итак, они считают, что с ним покончено, что все, что осталось от него, лежит тут, как приманка в ловушке, как добыча для одного из их чудовищ! Если бы только он мог оглянуться... Что они сказали раньше? Мешлер в порядке, только связан танглером и высовывается из-под обломков, играя роль другой жертвы крушения. Но на этот раз нет бреча, который освободил бы его. То, что нужно сделать. Дэйн должен сделать сам. Снова медленно, с бесконечной осторожностью, попытался он шевельнуть конечностями. На этот раз они слушались легче. Боль в голове уменьшилась, и мир в голове больше не вращался. Он попытался, взглянув на небо, определить время. Облака держались с утра. Сколько осталось до темноты, сказать было трудно. Но, конечно, бандиты осветят обломки, чтобы привлечь внимание тех, кто придет на помощь. Они не оставят свою приманку в темноте. Сколько будет света?

Дэйн внимательно прислушался. Он слышал звон оставшихся двух роботов, чьи-то голоса в отдалении, но слова были непонятны. О, Дух Космоса — вода! Как ему хочется пить! Сначала это была безымянная потребность, но когда он подумал об этом, жажда чуть не свела его с ума. Дэйн всегда считал себя выносливым — вольные торговцы славятся своей способностью выживать в особо трудных условиях. На Земле его учили особой технике — выживание не в припасах, а во внутренней силе человека. Дэйн не очень хорошо освоил эту науку и сомневался в своих способностях, но иного выхода у него не было. Он начал действовать так, как учили инструкторы, часто приходившие в отчаяние от его неспособности. Власть мозга над телом...

Жажда... Он хочет пить. Он как будто лежит в воде и впитывает ее всеми порами своего тела. Вода! На мгновение он позволил себе думать о воде, о сухости во рту, о пепельной пустоте в горле. Потом он с тщательностью применил нужную технику — или то, что инструкторы считали нужной техникой. Ладони Дэйна были прижаты к земле. Он украдкой оперся на них, немного приподнялся и обнаружил, что слабость почти исчезла. Он может встать. Сможет ли он бороться с безумием? Будут ли враги грубо обращаться с ним на виду у тех, за камнями. Ведь они заключили сделку, хотя и не намерены выполнять ее условия. Предположим, он встанет и они обрушатся на него. Те, за камнями, поймут, что с ними обойдутся не лучше. Его сознательно пнули, хотя со стороны он мог казаться лишенным сознания. Итак....

Дэйн перенес тяжесть тела на одну сторону. А куда он двинется? Если к камням — его тут же остановят. А если ближе к обломкам? Нужно попробовать... Он из всех сил оттолкнулся, перевернулся и застыл, а боль и тошнота снова обрушились на него, но теперь он снова видел обломки.

Недалеко от него лежал лицом вниз человек. Это был .тяжелораненый, который был первым поднят на борт флиттера. Он был явно мертв. немного дальше лежал Мешлер. Рейнджер смотрел на Дэйна. Вот он слегка шевельнулся, высываясь из-под двери люка, а над ним под угрожающим углом возвышалась лебедка.

— Этот двинулся!

Дэйн не видел говорящего, но тот был близко.

• — Воды!.. — Дэйн решил, что пора начинать игру. — Воды!.. — Голос у него был хриплым, почти шепот..

— Он хочет пить.

— Ну, дай ему. Те не должны догадываться.

Дэйн обрадовался — он правильно оценил положение. Рывок за плечо перевернул его на спину и он увидел горлышко бутылки. Из нее хлынула благословенная влага, полилась по щекам и подбородку. Потом горлышко засунули в рот и он начал пить. Когда горлышко выдернули, послышался приказ:

— Оттащи его отсюда! Он слишком близко к камням. Когда стемнеет, кто-нибудь захочет унести его.

Дэйна подхватили под мышки, слегка приподняли и потащили. Он прилагал страшные усилия воли, чтобы не потерять сознание от боли, которую ему причиняли толчки о землю. Когда его отпустили, он ударился о землю головой и плечами. Теперь Мешлер оказался совсем рядом.

— Прекрасно! — послышался голос.

Дэйн полуоткрыл глаза. Теперь он не играл роль, а жил в ней. Он смутно видел стоящего рядом человека. Человека? Нет, это был чужак, такой же, как и тот в лагере, если не тот же самый. Он говорил на базовом языке. По крайней мере, это слово было произнесено на базовом языке звездных линий, но с сильным акцентом.

— Да, хорошо сработано, Джулио. Такой вид разобьет сердце любому спасательному отряду. Несомненно, он попытается подползти к своему товарищу, чтобы освободить его, что он и делал, но упал. Люди в этих диких мирах слишком заняты мыслями о долге друг перед другом. Если бы не эта их слабость, нам бы не выпутаться.

Чужак поднял голову, на которой был не капюшон, а нечто, напоминающее шлем, из которого торчала антенна, и посмотрел на север. Неужели они ждут, что помощь придет так быстро? Насколько Дэйн мог судить, они на расстоянии многих часов пути от ближайшего поселка, а из Картла никто больше не появится.

— Надо зажечь лампы. Бури нет, но ночь темная.

Тьма действительно сгущалась. Теперь Дэйну была видна почти вся сцена. Другого человека, поднятого на борт вторым, он не видел. Должно быть, он лежал по ту сторону обломков. Мешлер был неподвижен, хотя время от времени бросал на Дэйна пристальные взгляды. Незнакомцы возились с двумя диффузными лампами, устанавливая их так, чтобы они бросали свет на сцену крушения, а остальное оставляли в тени. Почему они больше не используют контрольный луч? Дэйн сам тут же нашел ответ. Они уже пытались это сделать и все кончилось крушением, а им нужен исправный флиттер.

Чужак в последний раз осмотрел сцену. Остальные укрылись в те-

ни, вооружившись танглерами. Чужак снова остановился возле Дэйна и рейнджера.

— Молитесь своим богам, — сказал он, — чтобы вам не пришлось долго ждать. Мы сейчас еще сдерживаем зверей, но у нас нет нужного оборудования, и сколько мы сможем их сдерживать — неизвестно. Игра случая, в которой больше всего проиграете вы и те, за камнями. Их последний робот останавливается. Сколько времени они смогут с двумя бластерами и несколькими станнерами обороняться от тех, кто там бродит?

Чужак обвел рукой местность, и Дэйн понял все и увидел кошмарные чудовища. Большинство из них он даже не смог бы описать, но увидел он достаточно для того, чтобы понять, какое будущее их ожидает.

Глава 17

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ К КРЫСИНОЙ НОРЕ

— Мы надеемся на слабость вашего племени, — продолжал чужак. — У вас эмоции перевешивают разум. Увидев человека в беде, вы бросаетесь на помощь. А у нас подготовлено жалостливое зрелище.

Дэйн почувствовал в этом высказывании черный юмор, как будто чужак находил эту слабость забавной для своей породы. Но понимает ли он, что сцена слишком хорошо поставлена? Любой человек с нормальной подозрительностью, отвечающий на призыв о помощи, будет с осторожностью приближаться к хорошо освещенной и организованной сцене катастрофы. Предположим, Картл прорвался пульсирующей передачей сквозь помехи, но не следует слишком надеяться на это, надо думать только о предстоящем. Если те, кто ответит на призыв о помощи — если они вообще ответят — ничего не заподозрят... Чужак отошел.

— У них может получиться, — прохрипел Мешлер, будто горло у него пересохло, а слова вырывались с болью. — С воздуха все выглядит естественно. А если мы попытаемся предупредить их...

— В любом случае нам не на что надеяться, — ответил Дэйн. — Я слышал их разговор. — Дэйн не думал, что Мешлер надеялся на слова бандитов.

Диффузные лампы были зажжены таким образом, чтобы навести на мысль — по крайней мере, один человек уцелел после катастрофы и теперь пытается привлечь внимание спасателей. Свет был направлен с таким искусством, что Дэйн и Мешлер оказались четко видимыми. Любое их движение будет тотчас замечено из засады. Но ожидавшие там вооружены танглерами, а не бластерами. Может, у них не хватает зарядов для бластеров? А сколько чудовищ осталось? Роботы остановились и, когда чудовищ высвободят...

Дэйн отчаянно боролся со своим воображением и заставлял себя думать только о ближайшем будущем. Что они вдвоем смогут предпринять? И он ничего не мог придумать. Хочется пить. Вода... Не думать о воде, которая сейчас так же далека, как и «Королева», шлюпка, что там? Очевидно, ящикек на месте, где они его закопали, иначе он не мог бы привлекать чудовищ. Значит, его радиация пробивает оболочку, изготовленную Штоцем.

Дэйн так задумался, что в первое мгновение даже не заметил холодного прикосновения металла к руке, лежащей на земле. Но наконец давление металла привлекло его внимание. Он не осмеливался даже взглянуть и не только потому, что боялся возобновления головокружения. Если его догадка правильна, нельзя ни в коем случае привлечь к себе внимание врагов. Он украдкой шевельнул рукой, слегка ее приподняв. Немедленно предмет, которым толкали руку, оказался просунутым между ладонью и землей — сначала ствол, а потом и рукоятка.

Станнер! Бреч! Он, должно быть, скрывался в обломках, а теперь снабжает его оружием. Конечно, эта штука гораздо хуже бластера, но лучше танглера, которым были вооружены сидящие в засаде. А впрочем, он не знает, заряжен ли станнер. Снова толчок в руку, и Дэйн ощутил прикосновение ствола второго станнера. Но ствол легко прижали и тут же убрали, как будто бреч только хотел сообщить, что есть еще оружие. Дэйн вспомнил происшествие на «Королеве» — бреч знал, как обращаться со станнером. Если бы только связаться с бречем и велеть ему обойти флиттер и выстрелить из станнера по тем, кто в засаде. Но, к сожалению, это невозможно. Он попытался нащупать лапу, державшую оружие, но уже ничего не было. Если бы не первый станнер, он мог бы подумать, что ему все это привиделось.

Темнота быстро сгущалась, диффузные лампы горели все ярче. Чудовища, бродившие вокруг, действовали на нервы. Что толку от станнера в такой обстановке. Не надо думать об этом! Достанет ли он до сидящих в засаде? Дэйн чуть повернул голову, полужакрыв глаза и глядя из-под век. Предположим, прилетят спасатели... Уложит ли он хоть одного бандита, прежде чем те применят танглеры? И посмеет ли он это сделать? Ведь ответом может быть залп бластеров из тьмы, где скрываются другие враги. Сколько здесь бандитов? Чужак, по-видимому, их командир, и еще шестеро, как минимум, а может, и больше. Дикий, безумный план, но ничего другого Дэйн не мог придумать. Острота ожидания длится недолго, потом ожидание становится скучным. Дэйн испытывал такое состояние и раньше, но никогда не был так беспомощен.

Ночь не была тихой. Существа, бродившие вокруг, издавали зловещие звуки. Слышать их было хуже, чем видеть. Но вот сквозь рычание, фыркание пробился другой звук — равномерное гудение флиттера. Дэйн, вытянув голову, пытался разглядеть носовые огни, но флиттер приближался, должно быть, с севера, а он смотрел на юг.

— Идут, — выдохнул Мешлер, пытаясь выбраться из-под обломков, которые крепко держали его. — Вы можете что-нибудь предпринять, чтобы предупредить их?

— Вы думаете, я не сделал бы, если бы мог? — ответил Дэйн.

Не было смысла двигаться и показывать свое оружие, пока его нельзя по-настоящему пустить в ход.

К удивлению Дэйна, звук флиттера замер вдали. Он понял, что пилот осторожен и собирается перед посадкой осмотреть сцену. Удержит ли его осторожность? Со страшным чувством слушал Дэйн, как звуки удаляются и замирают. Не послужит ли это для врагов сигналом спустить зверей, поскольку их ловушка не сработала? Но, очевидно, предводитель бандитов был терпелив и уверен в своем плане и знании человеческих слабостей.

Люди в засаде не двигались. И вот в ночи вновь слышался гул мотора флиттера.

На этот раз машина приближалась с юга, и Дэйн увидел носовые огни, зеленые, как глаза ночного хищника. Машина летела низко, направляясь точно на обломки. И вот флиттер начал садиться. Дэйн посмотрел на единственного видимого ему бандита. Тот стоял с танглером в руке и напряженно выжидал. Дэйн ничего не видел за прутком света, однако не сомневался, что и остальные бандиты готовы к нападению, как только флиттер коснется земли. Но они не нападут, пока все не выйдут из флиттера, иначе пилот может взлететь, оставив их с пустыми руками.

Дальше события развивались так, будто какой-то телепат подслушал мысли Дэйна. Флиттер не коснулся земли, а распахнулся люк, и оттуда выскочил человек. Он побежал, но не прямо к обломкам, а зигзагами, как будто знал о засаде. И в тот момент Дэйн решил двинуться. Он откатился в сторону, захватив бандитов врасплох. А может, их ошеломила неожиданность — выпустив одного человека, флиттер тут же взлетел и повис над обломками.

Дэйн выстрелил, прикрывая телом свои действия, и, хотя у него не было времени прицелиться, рука человека с танглером повисла и оружие выпало. Он не убил бандита, но на несколько часов превратил его в однорукого. Бегущий добрался до Мешлера, укрылся за обломками и выстрелил из своего станнера. Он прицелился лучше — его луч ударил в голову бандита, пытавшегося достать оружие, и тот упал. Жидкие, застывающие нити танглера другого бандита взлетели в воздух. Бандит образовал в воздухе сеть. Эти нити автоматически отыщут ближайшего человека. К несчастью для бандита, в попытках добраться до вновь прибывшего, он слишком высунулся из укрытия. Дэйн и человек из флиттера одновременно выстрелили, по руке, державшей танглер, и он исчез. Танглер продолжал испускать липкие нити, но теперь они падали прямо на стрелявшего. Они быстро нашли цель и сам стрелявший оказался опутанным с ног до головы.

— Ты ранен? — голос Рипа привел Дэйна в изумление.

— Ушиб голову. Но они готовы спустить на нас чудовищ. А за камнями поселенцы.

— У них теперь другие заботы, — ответил Рип. — А что касается чудовищ... — Держа одной рукой станнер, он другой неуклюже вытащил из термокостюма ящичек, нажал кнопку на крышке и спросил: — Где чудовище?

— В последний раз я видел их в том направлении, — показал Дэйн и прислонился к обломкам, так как мир по-прежнему пытался опрокинуться и приходилось с этим бороться.

— Хорошо.

Прежде чем Дэйн успел возразить, Рип встал и, отведя руку назад, далеко забросил ящичек. Дэйн ощутил странный холодок и боль в глазах усилилась.

— Ультразвук, — коротко объяснил Рип. — Он настроен на частоту муравина. Будем надеяться, что он подействует и на остальных.

Он упал на землю рядом с Дэйном и Мешлером, и тут же на том уровне, где только что была его голова, сверкнул луч бластера, их обдало жаром. Но второго выстрела не последовало. Наоборот, в ночи началось смещение — крики, выстрелы, но не в их направлении.

— Подействовало, — слышался голос Рип. — Теперь они о нас забудут.

— Что?.. — начал Дэйн, но Рип не дал ему закончить вопрос, быстро объяснив положение дел, как будто чувствовал необходимость успокоить товарищей.

— Знаешь, мы не сразу прилетели сюда. Высадили на гравитационных поясах нескольких патрульных, двоих рейнджеров и отряд патрульных полицейских. Пока они занимали позицию, мы отвлекали внимание. Они уже начали действовать, а ультразвук заставит чудовищ убраться отсюда...

— Этот ящик с «Королевы» ... Они говорят, что он увлекает зверей на север... — сказал Дэйн.

— Да, их там встретят. Ну, а вы?

Рип приподнял обломок, под которым лежал Мешлер. Обнаружились нити танглера, связывавшие руки и ноги рейнджера. Теперь их легко можно было растворить. Мешлер выполз из-под обломков со стоном от боли в затекших руках и ногах. Флиттер, паривший вверх, сел поблизости и из него выскочило еще несколько человек.

— Капитан Джелико! — узнал первого Дэйн.

Второй оказался в мундире патрульного, но с нашивками медицинской службы. В руках у него была медицинская сумка.

— Что с вами, Торсон? — Капитан опустился на колени рядом с Дэйном.

— Осторожней, сэр! — Дэйн схватил капитана за рукав и попытался уложить его. — У них бластеры.

— Их бластеры заняты другим делом, — ответил капитан. — Посмотрим, что с вами.

Несмотря на протесты, Дэйн был вынужден лежать, пока его осматривал врач.

— Череп цел, но сотрясение сильное, — сказал врач, сделав укол. — И много порезов. Понюхайте!

Он сунул под нос Дэйну ампулу. Резкий запах ударил в нос Дэйну, прочистил голову и боль отступила. Врач отошел к камням, где были раненые, и Дэйн остался лежать, отдыхая. Капитан куда-то исчез, но Рип оставался рядом.

— Откуда появился капитан?

— Слишком долго рассказывать, — ответил Рип. — Картл пробился со своим сообщением. А мы готовы были двинуться на юг. От него мы услышали достаточно, чтобы понять, что это ловушка. Так что старик был готов.

— Картл говорил, что до них дошел слух, будто бы экипаж в тюрьме по обвинению в саботаже.

— Началось именно так, но потом добавилось слишком уж много даже для толстобрюхих чинов портовой полиции. Они начали прислушиваться к нам, задавать вопросы и на каждый было по несколько ответов. Патруль арестовал нескольких местных чиновников и подверг их допросу. Это был серьезный шаг, кое-кто из офицеров мог лишиться мундиров и космических прав, если бы подозрение не подтвердилось. Но это только начало. Дело касается не только Трюса и, если бы Патруль кое-чего не заподозрил, нас бы так легко не выслушали. Все это связано с организацией Трости.

— Торсон, — неожиданно прервал Рипа появившийся капитан. — Скольких человек вы здесь видели?

— Шесть или семь, большинство земляне или потомки землян. Но их

предводитель из чужаков. Им был нужен флиттер, чтобы вернуться в лагерь. Они собирались улететь с планеты...

Но капитан, казалось, не слушал его. Он расстегнул термокостюм и извлек микрофон, очень похожий на тот, что был у Дэйна. Бреч! Почему он все время забывает о нем, дважды спасшем их жизнь — трижды, если считать и силовое поле? Как будто это воспоминание сознательно отодвигалось в глубь памяти. И вот из-за обломков появилось существо с Ксечо. Он хромал, прижимая одну лапу к животу и держа в ней станнер. А из флиттера выпрыгнул второй бреч и побежал навстречу первому. Они коснулись носами и повернулись к землянам. Капитан Джелико оттянул перчатку, под которой оказался портативный коммуникатор, используемый разведчиками.

— Финнерстан, только что поднялся небольшой летательный аппарат. Он направляется на юг. Бречи докладывают, что на борту один из бандитов. Я считаю, что это их предводитель, он хочет добраться до своего командного поста. Перехватите его.

Ответом послужил подтверждающий щелчок. Дэйн сел, опасаясь, что голова его сейчас накажет, но, благодаря стараниям врача, оказался способным двигаться. Рип помог ему встать.

— Он направляется в лагерь...

— Лагерь? Что за лагерь? — спросил Джелико.

Дэйн рассказал об искажающем поле, покрывшем лагерь бандитов. Джелико тут же оттянул комбинезон и прикусил нижнюю губу. Его выражение — скорее, не выражение, а неподвижность лица — предшествовало, как знал Дэйн, активным действиям.

— У них флиттер, отобранный у поселенцев, — сказал Дэйн, — а нужен был еще один. Для этого они и устроили эту ловушку. В лагере у них космический корабль, готовый к старту.

Капитан Джелико неожиданно ожил.

— Финнерстон, на базе к югу ожидает готовый к старту космический корабль. У вас патрулируется этот район?

Послышался неразборчивый ответ. Капитан нахмурился, держа коммуникатор возле уха.

— Ультразвук, — прошептал Рип Дэйну. — И от него помехи. Вряд ли теперь можно связаться с портом. Если не сообщить...

— Точно! — неизвестно, отвечал ли капитан Рипу или своему собеседнику в коммуникатор.

— Мешлер знает расположение лагеря, — сказал Дэйн, но, оглянувшись, не увидел Мешлера.

— У нас есть приборы, но здесь они не работают из-за ультразвука. Идемте.

Джелико пошел к флиттеру, за ним последовали бречи, а далее шли Дэйн и Рип. Уже у люка капитан взглянул на Дэйна.

— Вы на положении больного, Торсон. Дэйн покачал головой, но тут же пожалел об этом из-за волны боли.

— Я был там...

Но эта просьба прозвучала неубедительно. Мешлер послужил бы лучшим проводником, но Дэйн до конца хотел быть свидетелем и, когда трое патрульных и один полицейский вернулись, выяснилось, что Мешлер ушел

к парку в поисках машины. Так Дэйн получил разрешение на полет. Образовалась смешанная экспедиция. Бречи втиснулись в дальний конец флиттера. Кроме того, полетели трое патрульных, их командир, Финнерстон, полицейский, два рейнджера, плюс Джелико, Рип и Дэйн. Капитан сел в кресло пилота, Финнерстон — рядом с ним, а остальные теснились сзади. Летели они не на грузовом флиттере, а в машине, предназначенной для перевозки войск, так что, по крайней мере, все сидели.

Капитан поднял машину в воздух и, не поворачивая головы, спросил:

— Куда?

— На юго-восток, сэр.

Финнерстон немного обернулся и оценивающе посмотрел на Дэйна.

— Там ничего нет... Мы прочесывали эту территорию...

— Они в углублении, накрытом искажающим полем, — ответил Дэйн. — Сверху ничего не видно.

— Искжающее поле! — голос Финнерстона звучал недоверчиво. — Но в таких размерах! Нет, это невозможно!

— Из того, что я видел и слышал, — холодно возразил Джелико, — люди Трости делают много невозможного. Ученым будет любопытно познакомиться с их идеями. Искжающее поле, а? Как же вы их нашли?

— Мы шли по следу краулера...

— Это нам кое-что дает... если бы мы подлетели днем. Но времени нет. Мне не нравится этот улетевший. Он предупредит и корабль стартует. Тогда... — обратился он к Финнерстону, — вам достанутся только обрывки. Вероятно, очень немногое. То, что они не смогут увезти с собой, они уничтожат. А этого им нельзя позволить. Как только выйдем за пределы ультразвука, нужно будет немедленно связаться с портом. Может, нам помогут оттуда. «Королева» недостаточно вооружена, чтобы перехватить корабль в космосе. А ваш катер?

— Можно попробовать, — ответил Финнерстон, но в его голосе не прозвучала уверенность.

Дэйн подумал, что с теми усовершенствованиями, которыми располагали бандиты, неуверенность Финнерстона была вполне оправдана. Финнерстон, все время проверявший коммуникатор, наконец начал кодированную передачу, повторил ее еще несколько раз и получил подтверждение приема. Опустив микрофон, он сказал:

— Катер немедленно вылетает и начинает патрулирование. Может, успеем... Там расширили зону радара и все, что взлетает с континента, теперь видно.

— Время, — сказал Джелико. — Что ж, надо постараться задержать их. Но бесполезно строить планы, пока не увидим базу.

ДОБЫЧА ПОБЕДИТЕЛЯМ

— Что происходит? — спросил Дэйн у Рипа.

— Пока еще мы не знаем всего, — объяснил тот, — но организация Трости здесь и, очевидно, на других планетах была занята двойной работой. На поверхности было все, что обычно им приписывалось и на чем и основана их репутация, а под поверхностью... Что ж, теперь Патруль уверен, что организация Трости незримо управляла, по крайней мере, четырьмя планетами в разных районах Галактики и готовила обширную сеть...

— Но кто они? И Трости... Он погиб или же нет?

— Это еще одна загадка, хотя есть два объяснения. Согласно одному, он все еще жив и по-прежнему тайно руководит организацией, вернее, ее умами, набранными из разных рас. Другое объяснение — Трости всегда был лишь маской организации, которая превратила его в романтическую фигуру, чтобы отвлечь внимание. Во всяком случае, организация Трости — это особое теневое правительство, что, впрочем, Патруль уже некоторое время подозревал. Но лишь их ошибка на «Королеве» приоткрыла их планы и позволила Закону ухватиться за конец ниточки.

— Я знаю, что у них тут незаконная станция с регрессировавшими животными, — сказал Дэйн. — Но это все?

— Это только начало. Потом они обнаружили еще кое-что.

— Камень!

— Руда, — поправил Рип. — И очень интересная руда. Она усиливает, причем очень значительно, телепатические способности. Эта руда встречается на нескольких планетах, но свойства ее они открыли только когда построили вызывающие регресс машины. Тут они и обнаружили это свойство как побочный эффект. По-видимому, здесь велась только часть экспериментов. Им был нужен Трюс. Поселки были угрозой для их деятельности. Отсюда появились чудовища, которых предполагалось выпускать постепенно, чтобы отпугнуть поселенцев.

— А Патруль знал это и ничего не предпринимал?

— Патруль только подозревал, а потом появились мы. Человек Трости в порту хотел заставить нас замолчать, но так как убить он нас не мог, замысел его не удался. Капитан обратился к Совету Торговли и, поскольку Патруль проявил заинтересованность, нас выслушали. И хотя люди Трости подчинили себе Совет, властью над Патрулем они не обладали. И когда капитан сделал свое заявление, все взорвалось прямо перед их лицами, как воздушный шарик. Это было концом для них. Вероятно, они это знали и хотели, по крайней мере, выиграть время, чтобы вывезти с планеты наиболее важное... Если бы не выпустили чудовищ...

— Это сделали мы, вернее, это сделал бреч, — и Дэйн кратко рассказал о том, как было снято защитное поле и о подслушанном разговоре бандитов. — А эти геологи... — вдруг вспомнил он. — Если они не люди Трости, как же они узнали о руде?

— Мы считаем, что у них был какой-то прибор, с помощью которого они обнаружили необычную радиацию и решили, что нашли что-то интересное. Они взяли образцы, но из жилы, которую нанесли на карту люди Трости.

Их убили, а руду отобрали. И это было сделано быстро, но неаккуратно. Должен сказать, что в последнее время люди Трости стали допускать ошибки. Например, посылка ящичка на «Королеве».

— Да, если у них уже был здесь такой прибор, зачем надо было посылать на «Королеве» второй?

— Одна из небольших загадок. Возможно, наш ящичек из другой их лаборатории и его прислали сюда для проверки. Может, в той лаборатории нельзя было провести испытания. Им не повезло, поскольку у нас на борту оказались бречи и зародыши, а их человек умер. Если бы ему удалось незамеченным добраться до порта, ему оставалось лишь только снять маску и исчезнуть. Впрочем со временем Патруль во всем этом разберется, но мы вряд ли узнаем — все станет делом абсолютно секретным.

— Трости... Трудно поверить, что Трости.

— Эти слова повторяют на многих планетах Галактики, — вмешался в разговор один из патрульных. — Беда в том, что на многих планетах они считаются благотворительными. Нам нужны твердые доказательства, что их благотворительность была лишь маской. К тому же, они привлекут лучших юристов и будут сражаться в суде. Мы надеемся, что Трюс даст нам нужные доказательства, достаточные, чтобы уничтожить их организацию здесь и подобрать ключи к остальным.

— Если мы прилетим вовремя, — заметил Дэйн. — Самые важные материалы они могут увезти, а остальные уничтожить.

У него снова начала болеть голова. По-видимому, перестало действовать средство, которое дал врач Патруля. Дэйн понимал, как необходимо выиграть время, но ведь они понятия не имели, каким оружием располагают бандиты за искажающим полем. У них есть контрольный луч, способный посадить любой вражеский флиттер. И не только посадить, но и уничтожить. Достаточно предводителю бандитов отдать приказ, и они погибнут еще до начала схватки. Есть немало других видов оружия, способных достать их в небе простым нажатием кнопки. К несчастью, память нашептывала Дэйну о множестве таких возможностей. И опять, видимо, мысли его были ясны для товарищей, как будто они были написаны на лбу.

— Если они готовятся к старту, они не смогут использовать контрольный луч, — задумчиво заметил Рип. — Это помешает им самим взлететь, собьет с курса...

— Даже без контрольного луча у них есть чем защищаться, — уныло ответил Дэйн, прислонился ноющей головой к стенке и закрыл глаза.

— Глотни...

Ему сунули что-то в руки, и он увидел, что держит тюбик с Е-рационом. Крышка была снята и доносился ароматный запах. Дэйн понял, что очень хочет есть. Слегка дрожащими руками он поднес тюбик ко рту и выдавил пасту, теплую, распространяющую внутри приятное тепло.

«Как давно мы в последний раз ели у Картла», — подумал он.

Е-рацион, хоть его и нельзя было жевать, да и вкус его мог бы быть лучше, хорошо утолял голод. И на этот раз не нужно было довольствоваться четвертью тюбика. Дэйн в одиночку прикончил весь тюбик. Вокруг него все тоже ели.

— Бречи? — вспомнил он, кончив есть.

— Получили свою порцию. — Рип кивком указал на угол кабины.

Свет был тусклым, но Дэйн различил тюбики рациона, торчащие из пастей бречей.

— Что с ними будет? — спросил он, сделав последний глоток.

— Детеныши в лаборатории, — ответил Рип, — но самка настояла на том, чтобы отправиться с нами. Вокруг них большая суeta. Если бречи представляют собой деградировавшую разумную жизнь, у 'Ксечо возникают проблемы. И похоже, что это так. Нужно будет сделать все возможное, чтобы вернуть их к разумной жизни. Уже у всех, кто с ними связан, сейчас болит голова.

— Они телепаты?

— Мы еще не знаем, кто они. Лаборатория прервала все свои эксперименты и занялась только ими. Поскольку вызывающая регресс машина каким-то образом связана с телепатической рудой, возможно, под ее действием усиливаются телепатические способности. И это только одна причина для головной боли.

— Ха! — вмешался офицер Патруля, подняв руку, на запястье которой был прибор, похожий на прибор Тау, но более компактный. — Радиация нужного типа, два градуса к западу...

— Далеко? — спросил Джелико, изменяя курс.

— Две единицы.

Дэйн видел, как капитан слегка кивнул. Чуть погодя Джелико сообщил:

— Бречи говорят, что под нами движутся две наземные машины.

— Неужели они все еще собирают людей?

«Собирают своих», — подумал Дэйн, представив себе, что флиттер должен действовать против вооруженной базы, знающей о противнике. Но, переводя взгляд от одного лица к другому, он не видел тревоги, как будто проходил обычный полет. Хотя есть больше не хотелось, голова по-прежнему болела, и Дэйн чувствовал сильную усталость. Как давно он нормально не спал... Он старался вспомнить события последних дней, которые теперь казались месяцами. Джелико не стал бы рисковать, если бы ситуация давала ему возможность выбора.

— Осталась одна единица.

— Радар ничего не показывает, — ответил Джелико. — Сильные помехи.

Дэйн повернул голову, пытаясь взглянуть в окно, но с его места невозможно было увидеть поверхность земли, даже если бы был день, а не раннее утро.

— Контактного луча нет. — Джелико то ли сообщил, то ли подумал вслух.

— Я еще кое-что уловил, возможно, ваше искажающее поле, — Финнерстон оглянулся на Дэйна.

— Торсон, что там внизу? — спросил капитан, и Дэйн оторвался от своих мыслей, так как сейчас ему нужно было оправдать его включение в отряд.

— Посадочная площадка к югу. — Он закрыл глаза, вспоминая что видел за время короткой схватки в лагере. — Три пузырчатых строения вместе — к северу, за ними два низких строения, полузакопанные в землю. За пузырями парк машин. Все.

— Возможно, они ждут своих людей в захваченном флиттере, — сказал Джелико, — а те приближались бы без колебаний. Попробуем.

Их, возможно, встретит залп бластеров, если у бандитов есть какой-то опознавательный код. Дэйн подумал, что хорошо бы забраться в какую-нибудь защитную камеру на следующие несколько минут. Но офицер Патруля не возражал против безумного плана капитана Джелико.

— Смотрите! — Финнерстон смотрел вниз в окно кабины, но другим не было видно то, что привлекло его внимание.

— Вниз! — руки Джелико устремились к приборам. — Это, должно быть, искажающее поле.

Дэйн увидел, как все вокруг зашевелились. Патрульный у люка готовился открыть его. Флиттер начал спуск. Снаружи было странно светло, причем это свечение неожиданно усилилось. Должно быть, они миновали зону искажения и теперь спускаются в ярко освещенный лагерь.

— Действуй! — отдал приказ Финнерстон за мгновение до того, как флиттер коснулся земли.

Патрульный распахнул люк и точным тренированным движением выпрыгнул. Остальные устремились за ним в заранее определенной последовательности. Портовые полицейские и рейнджеры действовали менее проворно. Финнерстон уже исчез и, прежде чем Дэйн и Рип собрались, бречи с удивительной быстротой выпрыгнули в люк. Рип прыгнул, а Дэйн со своей замедленной реакцией выбрался последним, держа в руках станнер. Джелико, по-видимому, находился по другую сторону флиттера.

Коснувшись башмаками земли, отчего боль в голове усилилась, Дэйн осмотрелся. Было светло, но, благодаря какому-то везению, они приземлились в стороне от активных действий. Космический корабль стоял на площадке, нацелившись носом к звездам. Оба его грузовых люка были открыты и работали подъемные краны. Цепочка роботов двигалась от двух заглубленных в землю зданий, и каждый из них нес ящик или канистру, на вид не тяжелые. Привычным взглядом окинув груз, Дэйн понял, что берут с собой легкое, только то, что можно легко уложить в трюм. Остальное, вероятно, намеревались уничтожить.

Поблизости от корабля стоял краулер с двумя закрытыми клетками на борту. В нем никого не было видно. Трап, ведущий в помещение команды, был опущен, но находился под охраной — наверху стояли двое в мундирах, вооруженные бластерами, и пристально смотрели вниз. Приглядевшись повнимательней, Дэйн увидел таких же караульных у грузовых люков, которые следили за роботами. А пока, как будто, никто не обратил внимания на приземлившийся флиттер и его экипаж. Они стояли с пустыми руками и смотрели на охраняемые трап и грузовые люки.

— Нет места, — негромко прокомментировал Финнерстон, — собираются оставить подчиненных. Согласны ли те?

— Они безоружны, сэр, — доложил один из патрульных.

К лязгу роботов и общему гулу погрузки добавился новый шум, однако он донесся не от группы, неподвижно стоявшей в некотором отдалении от корабля. В круг яркого света въехали еще два краулера. В первом было только три человека, держащие ящики и тюки, защищая их своими телами от толчков и неровностей на местности. Во втором краулере стоял большой ящик. Когда краулеры проезжали мимо ожидающих, из толпы слышались крики, и толпа качнулась вперед. Линия огня — выстрел из бластера — оставила на земле дымящийся след. Люди отшатнулись. Краулеры не

остановились и их пассажиры даже не взглянули на остающихся. Машины остановились: одна у трапа, а другая у грузового люка.

Роботы застыли, и только два из них еще действовали, осторожно перенося ящик из второго краулера. В это время люди из первого краулера начали подниматься по трапу, с той же осторожностью неся груз.

— Скоро старт,— сказал Джелико,— надо действовать.

Но и другим тоже пришла в голову эта же мысль. Пока люди под укрытием флиттера изучали сцену перед собой, бречи перешли к действиям. Самец у подножья трапа встал на задние лапы, держа в передних станнер, и луч скользнул вдоль трапа. Охранники так внимательно следили за людьми, что вообще не заметили бреча, а последний человек, несущий ящик, споткнулся и упал, скользя по трапу. Луч частично задел одного из охранников, и из рук того выпал бластер. Второй охранник выстрелил, но не в бреча, а в тех, от кого ждал враждебных действий. Луч бластера врезался в толпу, и там закричали.

Стражники у люков тоже начали стрелять, но тут же упали от выстрелов из станнеров бречей. Упал и второй охранник на трапе, но из его бластера по-прежнему вырывался смертоносный луч.

— Пошли! — раздалась команда, и патрульные и полицейские бросились к кораблю.

Для взлета трапы нужно убрать, а люки закрыть. Один из бречей попытался добраться до бластера, испускающего пламя, но не смог. Из люка ударил луч бластера и бреч, не пострадавший от него, был вынужден прижаться к земле. Нападающие держали под прицелом люки, не давая их закрыть. Дэйн бежал за капитаном и Рипом, которые далеко опередили его, но ни один из трех торговцев не направлялся к схватке у люков. Напротив, их целью был третий краулер, тот самый с двумя клетками. Рип первым добежал до него, вскочил в кабину и включил двигатель. Капитан вскочил за ним и приготовился защищать свою находку, а защищать было от кого. Несколько человек, переживших залп бластеров, обрушились на землян. Джелико уложил двух, а Дэйн — третьего, нажав спуск немеющими пальцами. Рип развернул краулер и дал ему направление. Теперь Дэйн понял, что тот собирается сделать. Вес краулера, если его поднять на въездную рампу, прикует корабль к поверхности. Взлета не будет — система безопасности корабля не позволит этого. Из корабля по-прежнему стреляли, и капитан был настороже, следя за люком, а Рип нацелил нос тяжелой машины прямо на люк. Дэйн видел, как Рип взмахнул рукой, используя тяжелую рукоять станнера как молот, разбил приборы управления и теперь никто не сможет свернуть машину с курса.

Рип выпрыгнул с одной стороны, Джелико — с другой, а краулер с грохотом продолжал движение. Машина поднялась на рампу и задержалась, вгрызаясь гусеницами в землю. Теперь якорь торговцев удержит корабль и, если вовремя подойдет помощь из порта, можно будет использовать газовые бомбы. Оставив корабль на «якоре», нападающие занялись людьми, рассеянными залпом бластеров, но Дэйн пошел за Джелико и Финнерстоном, осматривающих базу. Большая ее часть была основательно уничтожена. В одном из заглубленных зданий взорвали бомбу, а остальное торопливо разграбили. Хорошо оборудованная станция связи уцелела и один из полицейских уже вызвал помощь.

— Беда в том, — заметил Финнерстон, — что если они действительно заботятся о сохранении тайны, то уничтожат все в корабле. — Он взглянул на корабль. — К тому времени, как к нам подойдет помощь, там может ничего не остаться.

— Провести переговоры? — предложил Джелико.

— Тем самым только дадим им время избавиться от всего подозрительного. Если бы это была местная операция, можно было попытаться, но тут слишком многое поставлено на карту. У них на борту информация, угрожающая десяткам планет, и о многом мы, возможно, и не подозреваем. Эта информация важнее всего.

— Может, эти? — Дэйн спросил, указывая на пленных. — У них теперь нет причин поддерживать экипаж корабля. Они могут подсказать, что находится на борту.

Офицер, должно быть, уже подумал об этом и тут же начал допрос. Большинство угрюмых пленников отказалось отвечать, но пятый из допрашиваемых сообщил им важные сведения. Остальные пленники были охранниками или простыми рабочими, пятый же, которого оглушил на трапе бреч, принадлежал к более высокому рангу. Когда его проводили мимо остальных пленных, они начали дружно проклинать его. Стоя перед Финнерстоном, пленник постепенно приходил в себя. Выстрел из станнера, близкая смерть соратников, гнев остальных бандитов — все это сломило его. Офицер Патруля узнал то, что ему было нужно. По указанию пленника, в развалинах отыскивали газовые бомбы и тут же бросили их в открытые люки. Бомбы разорвались, выпуская усыпляющий газ. Солдаты в масках поднялись на борт, начали выносить пленников, связывая их танглером, и вместе с ними то, что бандиты намеревались вывезти с планеты.

Спустя три дня экипаж «Королевы Солнца» впервые после вылета шлюпки собрался вместе в порту. Правительство поселенцев было глубоко потрясено. Руководство взял на себя Патруль, были вызваны специалисты с других планет для изучения лаборатории Трости и материалов, захваченных на корабле. Дэйн сидел, держа в руке чашку с кофе. Головная боль у него прошла после того, как он проспал двадцать часов подряд, и теперь он внимательно слушал капитана.

— ... как только корабль очистят, он будет считаться контрабандой, захваченной в ходе операции, и его продадут с аукциона. Никому на планете корабль не нужен, никто не знает, что с ним делать. Мы, по-видимому, единственные претенденты, потому что Патруль вряд ли возьмет на себя хлопоты по переправке корабля на другую планету, чтобы продать его... Финнерстон заверил, что если мы предъявим претензии на него, корабль будет наш.

— У нас есть корабль — и хороший, — возразил Штоц.

— Наш корабль связан почтовым контрактом, — ответил Джелико. — Деньги за это идут, но небольшие, и нам нужно набрать кое-какую сумму до окончания контракта...

И капитан предложил сделать решающий шаг к превращению «Королевы Солнца» в компанию двух кораблей. Мало кто из вольных торговцев располагал такими возможностями.

— Нам не понадобится выходить на втором корабле в глубокий космос, будем использовать его в этой системе. Трюс — аграрная планета. Если

она сможет давать больше продукции, то вскоре она будет готова и к регулярной межзвездной торговле. Теперь посмотрите на это. Вот система Трюса. Захваченные нами карты показывают, что руды — бандиты назвали ее эсперитом — гораздо больше на Ригинии — следующей внешней планете системы. Но условия на планете не позволяют жить на ее поверхности, только под особыми куполами. А шахтеры должны есть и отправлять руду на Трюс для дальнейшей отправки во внешний космос. Торговля между этими планетами все время будет возрастать и, поскольку мы приложили руку к разоблачению Трости, мы вполне можем получить преимущественное право на торговлю. А это очень выгодно.

— А экипаж? — спросил Вилкоккс.

Джелико провел пальцем по шраму на щеке.

— Почтовые рейсы не трудны...

«Не трудны?» — подумал Дэйн, но вслух ничего не сказал.

— На некоторое время мы разделимся. В первый раз на новом корабле пойдет Вилкоккс, главным инженером — Камил, а главным механиком — Уикс. Стюардом найдем кого-нибудь. Поскольку Ван Райк скоро появится на «Королеве», Торсон пойдет суперкарго. В следующий раз штурманом пойдет Шеннон. Мы все время будем обмениваться экипажами. Конечно, людей мало, но для полетов внутри системы хватит. Согласны?

Дэйн переводил взгляд с одного лица на другое. Он ясно видел преимущества предложения капитана. О предстоящих же трудностях можно только догадываться, но, когда подошла его очередь он добавил к согласию свое «да».

Они разделили свой экипаж на два корабля, надеются на лучшее и готовятся к худшему, как обычно приходится вольным торговцам. А что может их ожидать? Бесполезно напрягать воображение. «Королева Солнца» много вынесла в прошлом, и ее новая сестра должна будет научиться тому же.

ЧУМНАЯ ПЛАНЕТА

Глава I

Капитан Джелико, как всегда в трудный момент слегка потирая шрам на щеке, окинул безразличным взором экипаж, но Дэйн Торсон, успевший за последние полтора года хорошо изучить своего капитана, понимал, что его взгляд ничего не означает. Просто капитан напряг свой мозг в поисках выхода из создавшегося положения, в которое попала команда...

После того, как они получили права Трэкота Кама на разработку алмазных копей на Сарголе, прошло полтора года. Копи истощились, да и контракт на разработку тоже заканчивался, и теперь никто не знал, что им предстоит делать дальше. Можно было, конечно, взять мелкий фрахт или небольшой контракт, которыми они перебивались ранее, но сейчас они не хотели связываться с такими мелкими делами. Плазмы Саргола дали им колоссальное состояние. Только в кассе «Королевы Солнца» было три миллиона федеральных долларов, а личные сбережения экипажа и того больше, но весь этот капитал лежал мертвым грузом.

Конечно, можно было бы покончить с этой тяжелой и опасной жизнью вольных торговцев и перейти на оседлый образ жизни где-нибудь на Земле, вложив деньги в акции какой-нибудь компании, но такая мысль никому не приходила в голову. «Королева Солнца» была для них всем, и даже Торсон, имевший не очень большой стаж службы, не мог смириться с мыслью о покое.

— Ну, так что мы решим? — короткие и толстые пальцы Ван Райка, суперкарго, забарабанили по столу. — Долго будет продолжаться это молчание? Вы вольные торговцы или нет? Что приуныли? Давайте думать!

— Что же здесь думать, — сказал Али Камил. — Скоро на Маклос должна отправиться партия мисаковского шелка, этот контракт предлагают нам. — Он взглянул на Джелико. — Но как вы знаете, это всего пять тысяч, даже не хватит на горючее...

— Но другой работы нет. — Ван Райк обвел всех тяжелым взглядом. — Так что перестанем об этом думать и поговорим лучше о другом. Наш капитал составляет три миллиона и, чтобы он не лежал мертвым грузом, его нужно куда-то вложить...

— Но куда? — спросил Карл Кости. — Насколько я знаю, на этой захолустной планете нет ни одной честной фирмы, а иметь дело с этими мерзавцами из «Интерсолара» или «Комбайна»... — он замолчал.

И тут Дэйн выложил свою мысль, которая все время вертелась у него

— А зачем нам искать такую фирму? Почему бы нам самим не организовать свою! Конечно, для этого нужны деньги, и немалые, но у нас уже

кое-что есть. И для начала много не надо, всего три-четыре корабля, оснащенных так, как и «Королева Солнца» всем необходимым, вплоть до силовых установок и гравитационных орудий, и на очередном аукционе купить хорошую планетку.

Все внимательно слушали его. У одних в глазах отразилась заинтересованность этим предложением, а у других, как, к примеру, у Камила, — насмешка. В глазах Джелико ничего не отразилось, они у него остекленели. Капитан молчал.

— Он прав. Это единственное, что мы можем сделать. Нам вообще остается одно из двух — или бросить Космос, или принять совет Торсона. Третьего не дано. Мелкий фрахт нам не нужен, он вообще вреден для нас. Теперь мы будем нести от него больше убытков, чем выгоды. Нам остается только одно — фирма. Сколько таких, как мы, шатаются по космосу, перебиваясь мелкими заработками? Много, очень много. Подумать только, нищие вольные торговцы имеют больше кораблей, чем самые мощные супркомпании и в денежном обороте не уступают им. Так давайте объединим всех в федерацию вольных торговцев. А наша фирма будет только началом. Я поддерживаю Дэйна. — Кости посмотрел на капитана.

Джелико в свою очередь взглянул на Ван Райка и его глаза, наконец, приобрели осмысленное выражение.

— Согласен со всеми. Купим еще один звездолет и отправим на него половину нашего экипажа, а остальных наберем из безработных космонавтов. Все мои помощники уже давно имеют право на повышение.

Голубой хубат, наконец, дал знать о себе, испустив душераздирающий крик. Дэйн вообще был крайне удивлен, что он столько времени молчал. Капитан, не глядя, ударил ладонью по клетке с птицей, и она, замолкнув, смачно сплюнула на рукав мундира Джелико. Тот с безразличным видом достал платок и вытер влажный плевок.

— Значит, так, — продолжал он. — Дэйн Торсон будет исполнять обязанности суперкарго, Рип Шеннон — штурман, Али Камил и Карл Кости — инженерная секция, а остальных наберем. Райк, во что это обойдется?

Немного подумав, суперкарго ответил:

— Хорошая посуда будет стоить не менее двухсот пятидесяти тысяч плюс силовые установки, гравитационные пушки, продовольствие, горючее, жалованье экипажа, — он еще немного подумал и продолжил: — что-то около четырехсот тысяч. Это кроме того, что мы должны истратить на аукционе.

— Ну, что ж, это можно вытерпеть, — потрогав шрам, сказал капитан.

— Не забывайте, что на новый корабль будет нужен надежный капитан. — Али обвел присутствующих многозначительным взглядом.

— Это не составит труда. Мой старый друг капитан Джон Сэнфорд не откажется от такого дельца, — отмахнулся Джелико.

Кар мягко притормозил и остановился. Рыночная площадь встретила их мягкой прохладой и наступающими сумерками. Возле рыночной площади можно было увидеть огороженную площадку, где проводились аукционы. На площадке вокруг возвышения толпилось внушительное количество людей, но особой давки не было. Торговцы собрались поближе к возвышению и оглядывались по сторонам. Конкурентов было много, даже слишком. Ведь с того времени, когда они приобрели Лимбо, здесь на Максосе аукционы стали проводиться систематически. Об этом заранее объявляли, и со всей Галактики съезжались искатели приключений, влекомые жадой наживы. Здесь были представители всех компаний, малых и больших, они составляли не очень большую конкуренцию вольным торговцам. Среди торговцев особую опасность представлял Кауфорт, который входил в долю с пятью марсианами, братьями Тун Ю.

Люди негромко переговаривались, слышались высказывания по поводу предстоящего торга. Офицер Службы изысканий прошел через расступившуюся толпу, неся плоский ящичек с пакетами, в которых находились микропленки с координатами и описаниями вновь открытых планетных систем.

Наступила тишина. Офицер достал первый пакет и объявил название планеты. Аукцион начался. Класс «альфа» — эти пять планет были куплены за невероятно большую цену «Интерсоларом». Класс «бета» — все четыре планеты достались «Комбайну». Класс «гамма» — была всего одна планета и цену объявили в шестьдесят тысяч. Вот тут-то Джелико решил попробовать свои силы. Это был вызов «Денеб-Галактику». Этого никто не ожидал, все считали, что это планета предназначена специально для этой кампании. А Ван Райк выкрикнул, опередив агента компании:

— Шестьдесят пять!

Агент изумленно уставился на него, заметив эмблему вольного торговца, ведь «Денеб-Галактик» никогда не имел конкурентов. «Интерсолар» и «Комбайн» не интересовались такой мелочью, а для вольных торговцев класс «гамма» был не по зубам.

— Семьдесят тысяч! — взвизгнул агент.

— Семьдесят пять! — проревел суперкарго.

Агент решил одернуть зарвавшегося торговца.

— Сто тысяч!

— Сто пять!

Толпа забурилась, а агент молчал. Экипаж «Королевы Солнца» почувствовал, что удача плывет им в руки, но тут раздался еще один голос:

— Сто двадцать тысяч!

Все обернулись и увидели, что это был Кауфорт. Он язвительно улыбался, явно бросая вызов, но Джелико чуть заметно качнул головой и отклонил вызов. Он и не собирался покупать столь дорогую планету, а лишь только пробовал силы вероятных конкурентов. Кауфорт, продолжая улыбаться, получил пакет с пленками.

— Почему мы не торговались с ним? — недоуменно спросил Дэйн. — Ведь все складывалось так удачно!

— Нет, милый, — ответил Карл, — эта планета нам не по зубам. Пред-

стоят большие расходы. Мы только прощупали почву на аукционе.

— А кроме этого,— вмешался Рип,— мы начали торг с компанией, привлекая к себе внимание. Хоть и небольшое, но все же внимание, а кроме этого, еще и реклама нашей будущей Федерации.

— Номер четыре — класс «дельта». Цена — тридцать тысяч!

— Тридцать две! — взревел Ван Райк.

— Тридцать пять! — это снова был Кауфорт.

Но теперь Джелико не уступит. Планет было всего две и уступать их было нельзя.

— Пятьдесят тысяч!

— Шестьдесят!

— Семьдесят тысяч! — резко поднял цену Ван Райк.

— Семьдесят пять! — осторожно продолжал Кауфорт.

И суперкарго оторвался от него одним махом:

— Девяносто тысяч!

Кауфорт развел руками, уступая торг, и, повернувшись, пошел прочь, не дожидаясь последней серии планет. Остальные торговцы не посмели торговаться, и Джелико получил пакет с пленками. Следующая планета такого же класса была объявлена в четырнадцать тысяч, и Ван Райк легко купил ее, подняв цену до сорока. Лишь только один вольный торговец пытался торговаться, но суперкарго оторвался от него, резко подняв цену.

— Кто это был? — поинтересовался Джелико.

Ван Райк пожал плечами.

— Наведи справки об этом человеке. Чувствую, он необычный торговец.

— Хорошо, капитан.

— И поторопись, пока он здесь на Максосе.

Они расплатились за приобретенные планеты и направились в космопорт. Там суперкарго отправился в диспетчерскую навести справки, а остальные поднялись на борт «Королевы».

Ван Райк вернулся на корабль через полчаса. Джелико вызвал его.

— Ну, что ты узнал? — спросил он. — Кто он?

— Вы никогда не поверите,— возбужденно проговорил суперкарго.— Это Морган Фостер. Вы должны помнить его, он в свое время командовал эскадрой изыскателей, а вот теперь ушел на пенсию и решил открыть свое дело. Не смог уйти из большого Космоса. Все свои сбережения он потратил на покупку звездолета и вот теперь заявился на Максос для участия в аукционе. Но с теми деньгами, которые оставались у него, он мог вообще не прилетать сюда.

— Да, я помню его. Значит, мое чутье не подвело меня. Этот человек может быть полезен для нашего дела. Райк, пошли ему приглашение.

Ван Райк нажал кнопку вызова на интеркоме.

— Дэйн Торсон!

— Да, капитан! — отозвался Торсон.

— Отыщите в порту «Жемчужину Космоса» и пригласите к нам экипаж этого корабля.

— Есть, сэр!

Дэйн, которого приказ застал в своей каюте, с большой неохотой надел мундир и отправился на поиски звездолета. Он спустился по пандусу на

взлетное поле и пошел к посту заправки, возле которого работал здоровенный парень в промасленном комбинезоне.

— Послушайте,— обратился к нему Дэйн,— вы не подскажете, где мне найти корабль «Жемчужина Космоса»?

— А вот он, перед тобой, парень,— буркнул механик, указывая грязными пальцами в сторону маленького приземистого корабля, сияющего полированной антирадиационной броней. Сигнал готовности к взлету горел на носовых отражателях.— Я его недавно заправил, и они уже запросили разрешения на вылет.

Дэйн, рискуя попасть под выхлоп раскаленных газов, ринулся к кораблю. Подбежав к амортизатору, он нажал клавиш вызова. Ответом было молчание. Было слышно, как воют компрессоры и насосы, нагнетая в камеры горючее. Через несколько секунд включится зажигание. У Торсона похолодело в груди, он с отчаянием стал нажимать клавишу вызова. Наконец в динамике щелкнуло.

— В чем дело? — рявкнул чей-то голос.

— Я — Дэйн Торсон, помощник суперкарго «Королевы Солнца».

— Что вам нужно, черт побери!?

— Капитан Джелико приглашает капитана и команду на борт «Королевы Солнца» для деловых переговоров.

Наступила тишина. Затем стало слышно, как защелкали электромагнитные клапаны, перекрывая горючее в трубопроводах.

— Хорошо! — рявкнул тот же голос.— Сейчас мы выходим.

Дэйну пришлось немного подождать и минут через пять, щелкнув замком, открылся люк и опустился трап. В проеме люка показался человек в форме вольного торговца, видимо, это и был Морган Фостер. За его спиной толпился экипаж.

— Проклятье! — взревел капитан.— Еще несколько секунд и мы бы взлетели, а от тебя не осталось бы и пепла. Что стряслось, парень?

— Джелико вам все объяснит. Прошу на борт нашего корабля.

— Где ваша посудина? Может быть, вывести кар?

— Не стоит, капитан,— ответил Дэйн.— Вон наш торговец,— и он махнул в сторону «Королевы».

За последние полтора года она претерпела кое-какие изменения. Была заменена обшивка, изъеденная космической пылью, и она ярко блестела антирадиационной полировкой. Раструбы силовых установок были втянуты вовнутрь, орудийные люки плотно закрыты. Было видно, что Фостер оценил элегантность корабля.

Оба экипажа собрались в кают-компании «Королевы» и Джелико представил свою команду Моргану, который в свою очередь представил свою. Затем они расселись, и переговоры начались. Говорить начал Джелико:

— Мы решили образовать Федерацию Вольных Торговцев. Зная вас, я решил привлечь вас к нашим планам. Мы будем владеть двумя кораблями, и я намерен купить на Земле еще один. Перед нами лежат два пакета с данными о планетных системах, купленных мной на аукционе. Их разработку я предлагаю вести вместе, прибыль пополам. Со временем, думаю, к нам присоединится еще несколько экипажей и это будет только началом, а потом мы потесним и «Интерсолар».

— Все это, конечно, заманчиво,— медленно проговорил Фостер,— но оказаться в положении младших партнеров я не хочу.

— Никаких младших партнеров,— отрезал Джелико.— Права одинаковы у всех. Ведь вы будете со своим звездолетом, а это означает для нас экономию в двести пятьдесят тысяч, которые нам пришлось бы потратить на новый корабль. Вам остается уплатить половину той суммы, которую мы заплатили за последнюю планетную систему, и дело сделано.

— Вы просмотрели микрофильмы? — спросил Сейрус Грей, суперкарго Фостера.

— Еще нет,— ответил Ван Райк.— Мы ждали вас.

— Тогда по рукам,— сказал Фостер.— Только ненормальный может отказаться от такого. Мы подписываем договор. Команда согласна? — обратился он к членам своего экипажа.

Никто не возражал. Дэйн положил на стол заранее подготовленные бланки договора и Джелико, размахисто подписав, пододвинул листы Фостеру. Тот тоже подписал бумаги и суперкарго включил проектор.

— Планета Гомара,— загрохотал в кают-компании голос чиновника,— одна из трех пригодных для обитания планет в системе звезды класса 24C153. Галактические координаты...— на экране замелькали цифры,— климат земного типа, вредных микроорганизмов не обнаружено.— Изображение планеты укрупнилось, можно было различить очертания морей и материков. Проплыл большой остров, на котором были видны следы обитания разумных существ. Ровные квадраты полей покрывали остров, как шахматную доску.— Планету населяют гуманоидные существа,— продолжал голос,— строй земледельческого типа с рабовладельческим уклоном.

Кто-то тихо присвистнул. Экипаж «Жемчужина Космоса» скромно молчал, но они жадно впились глазами в океан, но тут проектор щелкнул и остановился — пленка кончилась. Все разом заговорили.

— Вот это повезло! — сказал Дэйн.— Это вам не Лимбо.

— Давай второй ролик,— приказал Джелико.

Снова зажужжал проектор.

Планета Предтеч — единственная уцелевшая из пяти сожженных планет в системе красной звезды 88C821 в созвездии Спирали. Климат холодный, в тропиках — умеренный. Вся тропическая зона представляет собой широкую полосу джунглей, протянувшуюся по всему экватору планеты.

На теле планеты были видны огромные зоны, выжженные мощными энергетическими ударами, на которые наползали языки ледников.

— Разумных существ не обнаружено,— продолжал голос,— колонизации не подлежит из-за высокого уровня радиации. Существуют предположения, что в районе этой системы произошло сражение легендарных Предтеч.— Голос замолк и экран погас.

— О, черт! — простонал Кости.— Все та же история! Опять сожженная планета. На что мы потратили свои деньги?

Наступила тишина, и через некоторое время Ван Райк нарушил ее:

— Ребята, вы забыли, что такие планеты приносят нам удачу. Не будь у нас Лимбо, как бы мы были сейчас?

— Это может быть и пустой номер,— сказал Торсон.

— Все может быть,— улыбнулся Ван Райк.— Мы ведь искатели счастья и нам не привыкать к неудачам.

Джелико тоже улыбнулся, что было с ним редко, и сказал:

— Суперкарго прав. Мы — вольные торговцы и летим, куда захотим. А вдруг мы найдем то, что нашли на Лимбо?

Теперь уже улыбались все, только Кости мрачно пробормотал:

— Я согласен, лишь бы было выгодное дело.

— Вот это я могу тебе обещать, — ответил Джелико. — И кто знает, что скрывается в тех джунглях. А теперь летим на Землю.

Земля встретила их весной. Два вольных торговца сели рядышком в космопорту Нью-Джерси. Пока экипажи готовили корабли, возились с заправкой и с пополнением припасов, суперкарго отправился за новым кораблем на верфи, а Джелико стал разыскивать своего друга Сэнфорда. К обеду все утряслось как нельзя лучше. Райк купил новенький, только что сошедший со стапелей звездолет, а капитан разыскал в городе Сэнфорда, который снимал комнату в убогом меблированном доме. Его не пришлось долго убеждать в том, что он очень нужен, и он, собрав свои немудреные пожитки, отправился на стартовую площадку и стоял в доке, где его готовили к вылету.

— Дэйн, это твой новый капитан Джон Сэнфорд, — представил Джелико. — Ты назначаешься суперкарго и первым помощником. Твое первое задание будет состоять в том, чтобы вместе с Кости отправиться к психологу и дать заявки на недостающих членов нового экипажа.

— Есть, капитан, — козырнул Дэйн, взволнованный этим назначением и представляющий себя в мундире суперкарго с новыми нашивками.

Джелико махнул рукой и повел Сэнфорда на корабль, а Дэйн нашел Кости, и они отправились в здание космопорта. Вновь он был на Земле в том же порту, но уже не тем зеленым юнцом в необъятной форме Торгового флота, когда впервые вышел из подземки и пошел на «Королеву Солнца». Почти два года, проведенные в космосе, после приключений на Лимбо, на алмазных копиях Саргола, которые отдали им власти в обмен на право разработок на Лимбо, сильно изменили Торсона. Он возмужал, стал серьезнее и сдержаннее. У него было новое звание и перспективное будущее. Тогда два года назад психолог вытащил его счастливый жетон.

Они подошли к окошку администратора и подали заявки.

— Если хотите, можете подождать, — сказал чиновник. — Сегодня прибыла большая партия курсантов, так что сразу и примете кандидатов.

Они решили подождать и отправились к залу назначений. В зале было шумно, выпускники громкими восклицаниями сопровождали каждый вновь появившийся жетон из медного нутра машины. Электронный психолог периодически звякал, и счастливчики радостно вскрикивали, получив направление на хорошие звездолеты. Вдруг среди сидевших у стены Торсон, к своему удивлению, увидел Рики Уорена. Он был небрит, в помятой форме без нашивок, указывающих на принадлежность к кораблю. Дэйн понял, что Рики давно не видел космоса.

— Привет, Рики! — сказал Дэйн, подходя к нему.

— Господи, Дэйн, ты ли это? — Уорен изумленно оглядел его. — Ты летаешь?

— Как видишь, Рики! А почему ты здесь?

— Увы, Дэйн, мне не повезло. Как ты помнишь, при распределении я попал на линию «Марс-Земля инкорпорейтед», полетал всего полгода и в

последнем рейсе попали в метеоритный поток. Защита ни к черту, рухлядь, ну и наш «Искатель приключений» развалился. Спасатели сняли нас с обломков, и с тех пор я здесь в порту. Работы нет, перебиваюсь механиком, иногда грузчиком.

— Карл, сходи к администратору и аннулируй заявку на помощника суперкарго. Мы берем этого парня.

— Есть, Дэйн.

— Спасибо, Дэйн.— На глазах у Уорена блеснули следы благодарности.— Ты всегда был настоящим другом.

— Ладно тебе... Пойдем поближе к нашему старому другу Психологу.

Они подошли к компьютеру. В это время он щелкнул, и высокий парень с рыжими бакенбардами подхватил свой жетон.

— «Марс-Земля» инкорпорейтед»,— выдавил он из себя.

Все сочувственно посмотрели на него. Всю жизнь проболтаться в ближнем космосе и не увидеть Галактики, чужих планет — это было достойно сожаления. Рики, стоявший рядом, тяжело вздохнул, вспоминая свое назначение на эту линию. Но сделать уже ничего было нельзя — решение психолога окончательное и обжалованию не подлежит. Следующим подошел инженер-механик и опустил свой жетон в щель машины. Прошло немного времени, и Психолог, звякнул, выбросил жетон обратно. На нем было написано «Галактика», светящегося значка — символа крупной компании — не было. Парень подхватил жетон и стал расспрашивать товарищей об этом корабле, но никто не знал, что он из себя представляет. Дэйн уже знал, что новый корабль называется «Галактика» и этому парню, конечно, предстояло служить на нем.

Он протолкнулся к растерянному инженеру и сказал:

— Что, не повезло, парень? Между прочим, я тоже так думал, когда попал к вольным торговцам.

Тот взглянул на мундир Торсона и заметил нашивку с названием.

— Вы с этого корабля?

— Да, малыш. Не унывай, наша стихия — глубокий космос, а с вольными торговцами не пропадешь.

Парень скривился.

— Вольные торговцы...— протянул он.

— Тебе что-то не нравится? Ты скажешь об этом капитану и, думаю, он не станет тебя удерживать.

Парень сразу сник. Быть уволенным с корабля, еще не приступив к своим обязанностям, означало навсегда распрощаться с космосом и прозябать до конца жизни в какой-нибудь конторе.

— Ничего такого я не хотел сказать, просто я подумал о другом.

Вошел Кости и направился к ним.

— Ладно,— махнул Дэйн.— Вот твой начальник — Карл Кости.

Парень козырнул и представился:

— Боб Слун, инженер-механик.

— Отлично, Боб,— прогудел Карл.— Мы сработаемся.— И похлопал его по плечу.

Дэйн повернулся к выпускникам и сказал:

— Кто получил назначение на «Галактику», прошу подойти ко мне.

Подошли пятеро юнцов.

— Ну, что, ребята? Я суперкарго «Галактики» — Дэйн Торсон, а это, — он указал на Кости, — начальник инженерной секции Карл Кости. Рик Уорен — помощник суперкарго. Предъявите ваши жетоны.

Они показали кружки металла, и Торсон получил экипаж для нового звездолета «Галактика».

Три корабля шли на средней субсветовой скорости уже вторые сутки по корабельному времени. Командир «Галактики» сидел у себя в каюте и просматривал документы по Предтече. Где-то на половине пути от нее три корабля должны были разделиться. «Жемчужина Космоса» уйдет на Гомару, а «Королева Солнца» и «Галактика» пойдут к Предтече.

В эту минуту, когда Джон уже подумывал о том, чтобы отложить бумаги и пропустить рюмочку, включился интерком и вахтенный штурман попросил его подняться в секцию управления. Сэнфорд вышел из каюты, поднялся на лифте и через минуту был в секции. Здесь было темно, только переливались огоньки на панели управления и сверкали звездами экраны курса.

— Что стряслось? — спросил он у Вилкокса.

— Впереди по курсу в двадцати единицах неопознанное тело, предположительно корабль среднего тоннажа.

— Будем тормозить. Сообщите Джелико и Фостеру.

— Есть, капитан.

Помощник штурмана Али Уотман ввел новую программу в компьютер. Сэнфорд нажал сигнал тревоги, и по кораблю разнеслись тревожные звонки. Спустя некоторое время на обзорных экранах появился силуэт чужого корабля.

Тот набрал на компьютере шифр, и через секунду на дисплее появилась надпись:

«ТИП — Л41, КЛАССА «СТРАННИК», ПОСТРОЕН НА ЗЕМЛЕ НА ВЕРФЯХ ФЛОРИДЫ 74 ГОДА НАЗАД. ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ ТРИ ГОДА НАЗАД».

Пропал...

— Хорошо. Камил и Слоун, пойдете на боте и обследуете его.

Через пять минут «Галактика» вздрогнула, получив толчок от отходящего бота. Поисковый маячок на его носу нервно мигал красным светом. Щелкнул динамик.

— Капитан, докладывает Камил. Отход в норме, пошли к «Страннику».

— Принято, Али. Ребята, будьте осторожны. Судя по всему, он имел крупные неприятности.

На экране было видно искореженный отсек двигателя и рваные дыры в обшивке. Бот медленно плыл к кораблю, постреливая оранжевыми огоньками выхлопов.

— Капитан, мы на подходе. Это не корабль, а куча металлолома. Кто-то здорово поработал над его внешним видом.

— Хорошо, ребята.

Бот выбросил магнитные швартовы и прилепился к страшному боку корабля.

— Выходим, — слышалось в динамике.

Две крошечные фигурки показались в горловине люка.

— Стин, дайте максимальное увеличение,— сказал Сэнфорд.

— Оно на пределе, капитан.

— Черт, слишком далеко!

Фигурки исчезли в дыре, ведущей в жилой отсек.

Жуткое зрелище открылось космонавтам. Переборки искорежены, кое-где плавали в невесомости останки людей. Осмотрев несколько отсеков, они подошли к каюте капитана и распахнули дверь. За столом сидел человек в истлевшем мундире капитана Торгового флота. Часть головы, по-видимому, была снесена бластером. На столе лежала кассета, в правой руке был зажат бластер с искореженным стволом. Камил взял кассету и положил в карман скафандра.

— Возвращаемся? — спросил Слоун.

— Нет, осмотрим нижние секции.

Они опустились вниз в грузовые трюмы.

— Ты только посмотри, корабль был явно захвачен, экипаж погиб от гравитационного удара. Капитан, видимо, выстрелил себе в голову, а склады нетронуты. Все это странно.

Боб согласился с ним и сорвал пломбу с одного из грузовых люков. Автоматика не сработала, и они открыли люк вручную. Аварийное освещение давало весьма скудный свет, они зажгли свои фонари и осветили множество аккуратно сложенных ящиков, пакетов и свертков. Камил сорвал упаковку с одного из свертков и увидел край какого-то отполированного предмета.

— Что это за штуковина? — удивленно посмотрел он на Боба.— Ладно, пошли, разберемся на корабле.

Они выплыли в коридор и, открыв люк, ведущий в шлюзовую камеру, застыли от ужаса. Предшлюзовый коридор был наполнен трупами.

— Не много ли людей было в экипаже этого летающего гроба?

— Здесь все очень странно и в высшей степени загадочно.

Они попытались открыть входной люк, но он был заклинен намертво, и им пришлось возвращаться на бот старым путем.

Вернувшись на корабль, они застали там Джелико, Ван Райка и Фостера с Сайрусом Греем — суперкарго, прилетевших со своих кораблей. Весь экипаж и гости собрались в кают-компании. Кассету поставили в проектор, и на экране появился пожилой человек в знакомой Камилу каюте, который тяжело заговорил:

— Я — капитан звездолета «Королиан» класса «Странник» Рудольф Уорнали. Мы вели разработку в квадрате МХ—586...

— В этом квадрате находится система Предтечи,— заметил Вилкокс.

— ... У звезды Х8С1821 обнаружена планетная система...— Видимо, что-то услышав, капитан заторопился.— Будьте осторожны, планета принадлежит Предтечам. Бойтесь Голубой Чумы! Ледники тоже опасны, вода заражена! У меня мало времени. Весь экипаж смертельно болен, мы ушли в свободный полет и унесем смерть с собой. Вскоре встретили космических пиратов, которые атаковали наш корабль. Весь экипаж погиб, я тоже умираю. Это странная болезнь: она не убивает, но она страшнее смерти. Я видел, какими становятся люди, зараженные Чумой! Это голубые тела.

Бойтесь их! Они становятся бесплотными, но они могут убивать! Я еще не достиг этой стадии и не достигну ее. Бластер давно приготовлен для моей головы.

На планете у большого горного хребта, который своим западным окончанием выходит к джунглям, мы нашли город Предтеч, а в двухстах милях от него к югу на берегу океана подземную крепость, лабиринты из которой расходятся, вероятно, по всей планете. Восточнее города в двадцати пяти милях стоят Парни-Близнецы высотой в тысячу фунтов. Проникнуть внутрь мы не смогли, входы, видимо, существуют из подземелья. В самом городе есть склад Предтеч со всякими предметами неизвестного назначения. Все это мы погрузили на наш корабль.— Капитан замолчал, прислушиваясь к чему-то, потом встал и ушел из поля зрения. Через некоторое время он вернулся и уселся перед телекамерой. На его лице стали проступать голубые пятна.— Вот и все. Корабль мертв, пираты тоже погибли. Их командир ударил из орудий, поверив, наконец, в Голубую Чуму. Они все мертвы. О, это ужасно! Прощайте, я ухожу с ними. Заклинаю вас именем Господа, будьте благоразумны, не садитесь на эту планету. Помните об экипаже «Королиана»!

Изображение погасло.

— Жуткое дело,— нарушил молчание Дэйн.

— Ты так думаешь? — спросил ухмыляясь Кости.— Там будет еще хуже. Вот теперь Предтеча наша, и мы должны побывать на ней!

— Что будем делать? — спросил Сэнфорд, обращаясь к Джелико.— Ты командуешь нашей эскадрой.

Джелико мрачно взглянул на него. Сэнфорд был высоким и худым, с густыми черными волосами, побелевшими на висках, и с холодными, словно вырезанными из камня глазами. Со всеми, за исключением Джелико, он обращался с холодной, отчужденной вежливостью.

— Меня мучает эта Чума.— Джелико потер свой шрам.— Ребята побывали там и могли принести заразу на корабль. Что вы думаете об этом? — Он повернулся к врачу «Галактики» Ричарду Кнопсу.

Тот пожал плечами.

— По возвращении они прошли обычный цикл обеззараживания. Мы не знаем этой болезни, опасность заражения всегда будет висеть над нами. На планете нужно быть предельно осторожными и обеспечить максимальную биозащиту...

— Это и так ясно,— прервал его Джелико.— Почему им вздумалось пить там воду?

— Разные могут быть причины,— ответил за врача Дэйн.— Может быть, у них кончились запасы, а может быть, еще кое-что другое.

Джелико обратился к капитану «Жемчужины Космоса»:

— Капитан Фостер, а что вы думаете об этом?

— Нам нельзя разделяться. Считаю, что на Предтечу нужно идти тремя кораблями. Вместе мы справимся с опасностями.

Ван Райк покачал головой.

— Я не согласен с Фостером. Нам нельзя рисковать всеми кораблями сразу.

— Что же вы предлагаете, суперкарго?

— На Предтечу должен лететь один корабль, и, если через месяц от него не

будет известий, посылаем туда еще один корабль. Если и этот исчезнет, то нужно будет поставить крест на этой затее и заняться Гомарой.

— Согласен,— заявил Джелико,— рисковать нам незачем. Ставлю предложение на голосование.

Глава 3

— Двенадцать оборотов вокруг планеты,— отметил Слоун.— Не мало ли?

— Полетаешь с мое, поймешь, что это много,— ответил Кости.— Стин знает, что делает. Мы должны сесть между городом и подземельем, а для этого нужны точные координаты.

— Экипаж, внимание! — сказал Сэнфорд.— Приготовиться к посадке!

Корабль медленно опускался на столбе плазмы, поднимая тучи пыли и растопырив серебристые амортизаторы. Капитан мастерски сажал «Галактику» на небольшой пяточок ровной поверхности планеты. Легкие порывы ветра раскачивали звездолет, но Сэнфорд гасил колебания ударами боковых дюз. Толчок! Пол навалился на ступни ног, кресла продавились под тяжестью тел.

— Посадка! — сказал Сэнфорд.

Кости тотчас же уменьшил тягу двигателей.

— Грунт?

— Держит! — доложил Дэйн.

— Конец посадки! — скомандовал капитан.

Двигатели умолкли, и тишина навалилась на космонавтов. Только потрескивали дюзы, остывая от адского жара выхлопа.

— Распорядок прибытия — стандартный. Инженерной секции поставить силовые экраны, инженеру связи прощупать эфир, помощнику суперкарго приступить к выгрузке оборудования и снаряжения по категории «два». Все! — И капитан, отстегнув ремни, встал с кресла.

На экране пламенел кровавый рассвет. Горизонт был рассечен зубцами далеких гор. Небо было темно-красным и по нему быстро проносились огромные багровые облака. На всем лежал отпечаток смерти, медленного угасания и какого-то ужаса. Над планетой всходил красный карлик.

Работы продолжались несколько часов. Флиттеры были подняты грузовыми стрелами из боксов и опущены на грунт. Инженеры установили на них дополнительные установки магнитной защиты, проверили действие орудий. Дэйн вышел из корабля. Майер, Уотмен и Кости уже были возле машины.

— Капитан,— доложил Дэйн в микрофон,— мы готовы.

— По машинам, ребята! И хранит вас Господь!

Один флиттер с Майером и Уотменом направился в сторону города, а Дэйн и Кости должны были разыскать подземный лабиринт. Космонавты были одеты в скафандры биозащиты и вооружены тяжелыми бластерами. Машины бесшумно поднялись в воздух и разлетелись в разные стороны. Багровый карлик клонился к горизонту, день был на исходе. Длинные тени наползали на звездолет, как бы угрожая схватить его своими уродливыми пальцами. Джон Сэнфорд сидел у пульта, охваченный тревогой — он видел, как взлетели флиттеры, увозя своих пассажиров навстречу неизвестности.

Под флиттером расстилались заросли стройных деревьев, похожие на земные джунгли. Дэйн направил машину к отрогам хребта, видневшимся на горизонте. Джунгли кончились, потянулась унылая равнина. Среди рыжих песков кое-где виднелись развалины и заходящий карлик придавал им зловещий вид.

— Летим к горам? — спросил Карл.

— Да, — ответил Дэйн. — Помнишь, на Лимбо крепость находилась в горах? Здесь должно быть то же самое, ведь строители те же.

— Мрачное местечко, — заметил Кости.

Насколько мог охватить глаз, вокруг простиралась пустынная местность с песчаными барханами без признаков влаги. Резкая тень флиттера бежала по пескам.

— Становится жарко, — сказал Кости, — а еще эти чертовы скафандры! Похоже, будет буря.

Через десять минут духота стала невыносимой. Аппаратура скафандров гудела, как и прежде, подавая охлажденный воздух. Внезапный порыв ветра бросил флиттер к самым пескам. Дэйн выровнял машину и резко набрал высоту, обходя фронт бури. Спустя полчаса они подлетели к предгорьям и свернули, полетев вдоль хребта. Вдруг Кости хлопнул Дэйна по плечу.

— Кажется, есть! — возбужденно проговорил он.

— Где?

— Вон, в полумиле левее курса.

— А, этот светящийся купол?

У самого подножья горы стояло куполообразное здание из какого-то блестящего материала. Дэйн бросил машину влево и вниз, снижаясь к куполу. Он посадил флиттер метрах в двухстах от купола и, выключив двигатели, они прислушались к завыванию ветра. Взяв бластеры, Дэйн и Карл вышли наружу. Дверца с громким щелчком захлопнулась. Космонавты зашагали к сооружению, но не пройдя и сотни шагов, Дэйн сделал Карлу знак остановиться.

— Что-то не похоже на вход в подземелье, это что-то другое...

Он не успел договорить, как у основания купола открылся люк, и из темного провала выплеснулись сотни голубых призраков. Они двигались, постоянно меняя форму.

— Голубые призраки! — проговорил изумленный Дэйн, поднимая бластер. Космонавты попятись.

— Не успеем! — крикнул Дэйн. — Ты давай к машине, а я прикрою!

— Нет!..

— Быстрее, Карл!

Инженер рванулся к флиттеру, а Дэйн нажал на спуск. Огненная нить протянулась к голубым теням, и они немного отступили. Бластер работал без перерыва. Дэйн мечтал лишь об одном — хватило бы заряда. Сквозь толстые перчатки он чувствовал нестерпимый жар от постоянно бьющего луча. Камни начали плавиться и оплывать, как масло на раскаленной сковороде. Дэйн водил бластером как садовым шлангом, поливая огнем. Между ним и чудовищем пролег огненный барьер из блестящего луча и раскаленной лавы. Кости добежал до флиттера, рванул дверцу и, уже падая в кресло, тронул его с места, разворачивая и направляя к товарищу. Когда он поравнял-

ся с Тёрсоном, голубые призраки уже замыкали кольцо, и Дэйн едва успел вскочить в машину.

— Защиту! — прохрипел он. — На полную!

В ту же секунду кольцо призраков замкнулось, и страшный гравитационный удар потряс флиттер, но защита включилась на долю секунды раньше и хотя ослабленной мощностью, но отразила удар.

— Гони в горы! — крикнул Дэйн.

Карл рванул флиттер и резко набрал высоту. Затем он повел его в горы...

Над холмами вился мягкий туман, откуда-то с севера пришел свежий ветер. На горизонте протянулась полоса бесконечных джунглей, опоясавшая планету. Перед ними лежали развалины Города, наполовину скрытые голубым туманом.

— Здесь, кажется, этот туман — обычное явление, — заметил Майер.

— Похоже на то, — кивнул Уотмен, всматриваясь в голубое марево. — Мне кажется, что есть что-то общее между туманами Лимбо и здешними.

Они приземлились возле Города у холма, на вершине которого находилось причудливое строение — низкое, с покатым куполом. Выйдя из флиттера, они направились к проему без дверей и вошли в помещение. Оно было круглым, и стены разукрашены фресками, по всей вероятности, из жизни аборигенов планеты. На одних был изображен Город с различными машинами в воздухе и людьми на тротуарах. На одной из фресок они увидели существо, одетое в легкую голубую ткань наподобие тоги.

— Жрец? — спросил Майер.

Уотмен в ответ пожал плечами.

Под куполом «храма», как они называли это странное сооружение, медленно двигался голубой туман, наплывая на фрески и скрывая их от взгляда космонавтов. Туман все больше и больше стал заполнять «храм», и космонавты поспешили покинуть купол. Не спеша, они начали спускаться вниз. Туман стелился по поверхности, растекался между холмами, заливая город.

Красный карлик закатился за горизонт, и ночь опустилась на эту сторону планеты. Звезды висели так низко, что, казалось, их можно было брать руками.

Глава 4

Он уловил едва слышный пряный запах, быстро распространяющийся в спертom, теплом воздухе — запах разлагающихся тел — и вздрогнул от неожиданности и от нахлынувших на него воспоминаний о Лимбо, об ущелье, заваленном разлагающимися останками маленьких существ. Дэйн задумался и с трепетом остановился. Кости был уже где-то далеко, а его бластер выплевывал все новые и новые порции огня, неся все больше смертей.

Потом он надел маску, несколько раз глубоко вздохнул и пошел дальше. Он не верил в призраков и не раз видел смерть, и это жуткое продвижение по темным лабиринтам, опаленным потоками огня бластера Кости, не приводило его в тот ужас, в который должен был привести его вид всех этих расчлененных тел, которые лежали вокруг и производили жуткое впечатление. Идя впереди между трупами, он был спокоен.

На вход в подземелье они наткнулись случайно, когда обследовали одинокое полуразвалившееся здание на границе пустыни. Вход был закрыт круг-

лым люком, и Дэйн бластером вырезал замок. Сначала они спокойно шли по коридорам, пока не дошли до второго люка. Вот тогда-то и пронесся по коридорам тот жуткий вой, от которого застыла кровь. Включилась система охраны, и в коридоре появились люди, которые кинулись к космонавтам. Торсон и Кости встали спинами друг к другу и ударили из бластеров. Скоро все было кончено, и гора трупов осталась у второго люка, замок которого они вырезали так же, как и у первого. Здесь Кости пошел вперед, как он сказал, «расчистить дорогу». И в течение долгих минут Дэйн видел вспышки бластера. Кости сеял вокруг смерть. Он немного задумался и не заметил, как раздвинулись плиты и из проема в стене показались неясные фигуры. Снова яростный огонь бластера, снова крики боли и внезапный страшный удар по голове...

До него долетели звуки, напоминающие журчание ручейка по камешкам в ущелье. Они убаюкивали и уносили куда-то далеко...

Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он потерял сознание. Через некоторое время он увидел неясный свет и почувствовал, как кто-то его трясет. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Карла. Дэйн осмотрелся и увидел заваленный трупами коридор. Сам он лежал на каменном полу, навалившись боком на обугленный труп. Его тошнило и во всем теле чувствовалась слабость.

— Ну, малыш, ты и побушевал здесь, — усмехаясь, сказал Кости. — Когда я увидел вспышки твоего бластера, то поспешил на помощь, но подойти к тебе было не так-то просто. Ты лежал без сознания и продолжал нажимать на спуск. Только когда кончился заряд, я смог подойти к тебе.

Дэйн посмотрел на бластер и с трудом заменил разрядник. Затем он, пошатываясь, встал, поддерживаемый Карлом.

Площадка подземки остановилась, и они шагнули в темный коридор. Кости включил фонарь, и яркий свет выхватил из темноты серебристые приборы, отразившись от многочисленных шкал. Коридор вился вокруг какой-то гигантской установки. Они двинулись вверх по коридору. Вокруг мерцали слабые огоньки и лишь их шаги нарушали тишину в коридоре.

— Установка, видимо, работает, — сказал Кости. — Наверное, идет накопление энергии. Предтечи исчезли сотни тысяч лет назад и все это время она работает. Океан энергии запасен в этой штуке.

— Я все время думаю, что это были за люди, которых мы... — Дэйн покачал головой. — Может быть, это и есть Предтечи.

— Откуда им здесь взяться? — Кости некоторое время размышлял: — А впрочем, черт его знает...

Они прошли несколько поворотов и наткнулись на прозрачную стену, перегородившую коридор. Дэйн поднял фонарь, и их взору представило огромное помещение, набитое приборами. Матово мерцали экраны, темнели пульта и панели с рядами приборов, а перед пультом стояли ряды кресел. В одном из них сидел скелет в комбинезоне и его череп лежал в углублении пульта.

— Дальше путь закрыт, — сказал Дэйн. — Давай посмотрим, где-то здесь должна быть кнопка или что-то в этом роде.

Они осмотрелись. В углу, неподалеку, Кости заметил что-то похожее на рубильник. Он вынул из наплечного кармана скафандра моток тонкого

троса, сделал петлю и накинул на рукоятку, не касаясь ее руками. Разматывая тросик, он отошел назад, увлекая за собой Торсона. Отойдя на безопасное расстояние, Кости рванул тросик. Сверкнула яркая вспышка, тросик загорелся, и пламя побежало к рукам инженера. Карл хрипло рассмеялся и швырнул моток к двери.

— Дешевый номер! — воскликнул он. — Интересно, на чей интеллект они рассчитывали. Здесь полно таких штучек. Вот хотя бы это. — Он указал на три отверстия в стене. — Они так и просят сунуть в них палец и остаться без руки. — Нет, Дэйн, мы люди гордые, мы не станем лезть в окно, а пойдем в дверь... — С этими словами он подошел к едва заметной двери в прозрачной стене и толкнул ее. Дверь отворилась.

— Как ты догадался? — изумленно спросил Дэйн.

— Дешевая психология, — проворчал Карл. — Поработал бы ты столько времени с машинами, сколько я, то сразу бы разгадал эти хитрости.

Они пошли в зал, и Кости направился к пульту. Неясное, едва уловимое движение в дальнем углу пульта привлекло внимание Дэйна.

— Кости! — воскликнул он.

Тот резко повернулся, вскинул бластер и зажег фонарик. Луч осветил странную личность. Это был маленький, похожий на птицу человек с куполообразным черепом и крючковатым носом. У него было пугающее худое лицо, узкие запавшие ноздри, беззубый рот, а большие стереоскопические очки делали его лицо похожим на лицо мертвеца. Человек стоял смирно, не делая попыток к бегству.

— Кто ты? — спросил Кости.

Молчание.

— Ты Предтеча? — задал вопрос Дэйн.

И снова молчание. Человек поднял тощую руку и махнул ею, словно давая понять, чтобы его оставили в покое.

— Ну и черт с ним! Пусть стоит, — проворчал Карл.

Он повернулся к нему спиной и направился к пульту. Дэйн, постояв еще некоторое время, присоединился к Кости. В течение часа они возились у пульта, время от времени переговариваясь, и все это время человек не проронил ни слова, даже не пошевелился. Однако в этом бесстрастии космонавты постоянно ощущали на себе пытливый взгляд и огромное любопытство. Крючковатый нос, очки, закрывающие глаза, вся его странная физиономия производили отталкивающее впечатление. Странно было видеть его холодное, безжизненное лицо, напоминающее посмертную маску.

— Чертов урод, долго он будет так стоять? — снова проворчал Кости. — Это действует мне на нервы.

Черные очки резко повернулись в их сторону, но лицо осталось бесстрастным.

— Он, кажется, понимает, о чем мы говорим, — сказал Дэйн.

— Так и должно быть, — ответил Кости. — Как ты думаешь, зачем ему очки?

— Что-то вроде стереооптики, — пожал плечами Дэйн.

— Никогда тебе не быть инженером. Я раскусил этого типа еще когда увидел его с этими «очками». Это портативный лингвист.

— У вас очень умный друг, — проскрипел человек, поворачиваясь к изумленному Торсону. — Мы это поняли, когда он разгадал ловушку с рубиль-

ником. Логика мышления у него действительно не машинная. Все эти ловушки рассчитаны на Голубых Призраков. Они никогда не отличались умом. Но никто не мог предположить, что на планете окажется вы, земляне, и, тем более, проникните к Великому Разрушителю. Мы недооценивали вас, иначе вам бы не удалось пройти лабиринт. Когда же это случилось, была поднята охрана, но охранники были слишком обессилены после стольких лет анабиоза, и вы уничтожили их. Тогда разбудили меня, Служителя первого ранга.

— И что же дальше? — спросил Кости.

— А дальше вас уничтожат.

— Так говоришь ты, но мы думаем иначе.

Кости в упор взглянул на человечка, ожидая взрыва негодующия, но выражение его лица осталось прежним. Как ему хотелось, чтобы этот человек хоть бы чем-нибудь проявил свои чувства, но тот остался неподвижным.

— Да, это говорю я. Единственная причина, почему вы живы — это то, что мне нужно изучить ваш язык для того, чтобы в дальнейшем бороться с вами. Там, наверху, остался ваш корабль и остальные. Как только начнет работать Великий Разрушитель, от вас ничего не останется.

Строгая, бесстрастная физиономия, спокойная поза, короткие отрывистые фразы, отдававшие металлическим оттенком... На протяжении всего времени, пока длился разговор, ни Дэйн, ни Карл не заметили, чтобы он сделал лишнее движение, жест или выразил что-то похожее на эмоцию. От него веяло невообразимой скукой.

Вдруг Кости расхохотался прямо ему в лицо.

— Дэйн, ты только посмотри на него. «Великий Предтеча»! О них ходят легенды, что это могучий и воинственный народ Галактики. А на самом деле оказывается, что они, как крысы, живут под землей и дрожат от какой-то голубой нечисти.

— Зря смеешься, — отрезал Предтеча, — это, видимо, заело его. — Никто никуда не загонит. Мы сами ушли под землю. Ушли после того, как применили на планете один из видов бактериологического оружия.

— Что посеешь, то и пожнешь, — сказал Кости, и его глаза приобрели холодное выражение. — Вы, как великая раса, уже изжили себя. Теперь после вас идем мы, земляне. Мы — мирная раса, раса торговцев, а не отвратительных агрессоров.

— Так это ваша раса покорит Галактику? Нет! Мы только набрались силы и теперь готовы к бою. Ваши миры будут раздавлены и сожжены, как и множество других в Галактике, уже погибших от нашего оружия. Вы — станете первыми... — с этими словами он рванулся к пульту и его рука коснулась клавиш.

Яркая вспышка бластера озарила пространство централя. Луч ударил человечка в бок и отбросил от пульта. Запахло горелым мясом. Запах был настолько силен, что проникал через биофильтры. Какой-то предмет выпал из его рук, и он рухнул на пол. Кости перевернул его на спину. Очки слетели и остекленевшие глаза смотрели невидящим взором в глаза инженера. Он сбил пламя с одежды убитого и поднял предмет, выпавший у того из рук. Это был короткий стержень с нанесенными на нем волнистыми линиями и рукояткой на одном конце. Ни отверстия, ни каких-либо других

деталей больше не было. Возле каждого мигающего огонька было сделано углубление, в котором лежали такие же штуки.

— Ну, что же, попробуем разобраться,— сказал Кости.— ты, Дэйн, становись у входа и прикрывай меня.

Торсон кивнул и направился к двери, изготовив бластер к стрельбе.

Глава 5

Они попали в район склада и, постепенно осматривая одно здание за другим, продвигались к центру города. Это случилось тогда, когда Фрэнк Майер осматривал одно из зданий, а Али Уотмен решил выйти на улицу.

— Пойду немного пройду,— сказал он.

— Смотри не заблудись,— пробормотал Майер.

Уотмен кивнул в ответ. Он вышел из здания и, проведя рукой по лбу, вздрогнул, когда вдруг сквозь плотную завесу тумана неожиданно пронесся отчаянный, тоскливый вой, похожий на собачий. Он шагнул мимо зданий, со стен которых отваливались куски штукатурки, обнажая кирпичную кладку, почерневшую от солнца, пыли, тысячелетней сырости и времени.

Неожиданно перед ним вырос откуда-то появившийся коренастый широкоплечий мужчина в сером комбинезоне с лицом, покрытым следами оспы, который довольно бесцеремонно преградил ему путь. Али не сразу сообразил, откуда он появился — рядом за углом высокой стены виднелся узкий проход в мрачный переулок, откуда несло плесенью. Человек протянул руку и остановил его.

— Га диньо скуро,— сказал он.

Уотмен настороженно уставился на него и спросил:

— Кто ты? Что тебе надо? — И попытался обойти его.

Но незнакомец вновь преградил ему путь.

— Кто сказал, что мне что-то нужно? — грубо спросил человек.— Я только хотел сказать, что на Предтече рано темнеет, а выходить вечером на прогулку очень опасно.

Только теперь, пораженный внезапным появлением этого человека, Али вспомнил, что он вооружен бластером, и вскинул его, направляя на человека. Он не услышал, как сзади раздался легкий шорох, и ему на голову опустился небольшой стальной предмет. Перед тем, как провалиться в бездну небытия, Али успел включить микрофон у себя на запястье.

Он лежал на скрипучей койке на грязной постели. С трудом приподнявшись, он сел. Рядом с кроватью на расшатанном стуле сидел человек. На первый взгляд он казался симпатичным мужчиной, но, глядя на него более внимательно — на его рот с жесткими углами губ, на его уши без мочек — эта красота пропадала. Его глаза были особенно ужасны. Уотмен узнал его. О нем часто писали и много говорили, его разыскивали полицейские многих миров, космическая полиция, отдел по борьбе с убийствами. Это был Бруно Ферма, Черный Ферма, как его называли друзья.

Некоторое время они молчали, потом Уотмен сказал:

— Привет, Бруно...

— Ты меня знаешь? — Ферма был не очень удивлен тем, что его узнали, он был слишком известен в Галактике.

— Конечно! Помнишь «Сириус»? Изуродованные трупы, раздавленные перегородки! — воскликнул Али. — Это ведь твоя работа! Помнишь? Это многие помнят и многие хотят встретить тебя...

И снова раздался этот зловещий вой, похожий на собачий лай, отчаянный, словно истерический вопль женщины, оплакивающей покойника.

— Проклятье! Опять этот паршивый вой. Можно сойти с ума! — с отвращением пробормотал голос сзади Али.

Ферма пожал плечами и со злостью уставился на Уотмена.

— Ты слишком много говоришь, парень.

— А ты слишком нервный, Бруно! Так нельзя. На Земле тебе понадобятся железные нервы. По тебе плачет виселица, Бруно.

И снова этот ужасный вой.

— Это вой по тебе, Бруно, — усмехнулся Али.

Ферма поднялся и, подойдя не спеша к сидящему Али, замахнулся кулаком. Уотмен, не раздумывая, коротко ткнул его в нервный узел под грудью. Бруно резко остановился, начал хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Тогда Али, размахнувшись своим знаменитым свингом, свалил бандита на грязный пол, но сзади на инженера обрушился град ударов. Он согнулся, стараясь защитить лицо, но его стащили с койки и стали бить тяжелыми ботинками.

Тем временем Бруно пришел в себя. Ему помогли подняться и он, сплевывая кровь сквозь разбитые губы, знаком остановил своих парней. Они оставили Али, который тихо стонал.

— Слушай внимательно, парень. И не дури. Они, — он кивнул в сторону головорезов, — прикончат тебя так, что ты и не пикнешь. Короче, нам нужно попасть на звездолет. И ты проведешь нас туда.

И снова раздался вой. От неожиданности Бруно подпрыгнул на стуле.

— Сегодня как назло все воет и воет. Если я не выпью, — пробормотал он, — я сойду с ума. Слышишь, как он поет? И ты так запоешь, если мои ребята возьмутся за твои кости. Они могут сделать так, что ты будешь умирать, но не до конца. Я заставляю тебя бояться меня. Страх порождает самую преданную и сильную любовь. Я выдавлю тебе глаза и они будут болтаться на ниточках нервов. И тогда ты сможешь их потрогать и взвять, как этот проклятый призрак!

Майер, закончив осмотр здания, вышел наружу и огляделся, выискивая Али, но вокруг были только тонущие в тумане развалины стен.

— Али! — крикнул он в сумрак, но плотный, сырой воздух поглотил этот крик.

Он еще несколько раз позвал инженера, но безуспешно. Беспокойство за его судьбу стало тревожить Майера. Из-за стены тумана донесся пронзительный вой. Быстро темнело, небо хмурилось и становилось бурым и грязным. Фрэнк включил рацию.

— ... твоя работа. Помнишь? — раздался голос Али.

Майер настроил пеленг и двинулся в сторону источника передачи. То и дело слышался разговор Али с какими-то людьми.

— ... нам нужно попасть на звездолет. И ты проведешь нас.

Фрэнк ускорил шаги, он почти бежал. Душераздирающий вой настиг его сзади, налетел сбоку, еще больше подхлестнув. И когда пеленг на рации сошелся в одну точку, показывая, что он на месте, Фрэнк остановился и осмотрелся. Рядом с ним находилось здание, из пролома которого вырывалась жиденькая полоска света. Он вошел в сырое помещение и остановился на пороге. В грязной комнате он увидел четырех людей и окровавленного инженера, лежащего на полу. В противоположном углу на ящике сидел маленький тщедушный человек, уставившийся поблещими глазами на Уотмена.

Его давно небритый подбородок покоился на переплетенных ладонях, опертых локтями на колени. Тонкая струйка крови стекала у него по лицу из разбитых губ. Он был погружен в тягостную и, видимо, очень надоевшую ему проблему. Еще один человек сидел спиной к входному проему на старом стуле. Двое других склонились над лежавшим инженером, видимо, приводя его в сознание. Фрэнк не двигался с места, выжидая и выбирая удобный момент для нападения. Он поднял бластер и направил его в спину сидящему впереди.

— Ну, что ж, он молчит. Пожалуй, начнем...

— Лучше не стоит,— негромко сказал Майер.

Сидящий обернулся, и Фрэнк увидел его глаза, подернутые поволокой, словно эмалью. Двое, приводившие в чувство инженера, отскочили от него, хватаясь за висевшее на поясах оружие. Майер нажал кнопку, и мощный разряд прочертил воздух. Вспыхнули комбинезоны, в комнате раздался истошный вопль и резко завоняло горящим пластиком. Бандиты горящими снопами повалились на пол. В глазах сидящего застыл панический ужас. В это время в себя пришел сидящий на ящике четвертый человек из компании. Не меняя позы, он сделал неувимое движение, и в его руке оказался бластер.

Фрэнк прыгнул вперед, распластавшись над полом, словно большая черная птица, пролетел немного и головой сбил сидящего на импровизированном стуле. Раздался резкий треск и молния, пролетев над ними, ударилась в стену, которая налилась малиновым цветом и, вспучившись, лопнула ярким пузырем расплавленной материи, разбрызгиваясь вокруг огненными каплями. Повернувшись на бок, Фрэнк выстрелил в человека, и тот окутался огненным саваном.

— Значит, вы были не одни? — спросил Сэнфорд.

Бруно шумно сглотнул слюну, кадык на его жилистой шее дернулся и застыл. Он наклонил голову и уставился в пол.

— Лучше говори,— продолжал капитан.— Тебе ведь известно, что мы, вольные торговцы, мастера на все руки. Заставить тебя говорить — для нас раз плюнуть. Всего полчаса возле реактора — и ты покойник, но не сразу, а постепенно...

— Нас здесь сорок человек, десять групп... — Нет, уже девять. Я не знаю, где находятся другие. Об этом знают Ласло и Роберт Джонсоны...

— Как вы сюда попали? — резко спросил Камил.

— Случайно. У нас на сверхсвете забарахлили генераторы и мы вынырнули в этой системе. В каталогах она не значилась. Сели на подходящую планетку. Пока инженеры возились с генераторами, решили посмотреть

что к чему. Уж больно она обгорела. Через день нашли голуббббжих. Кто был снаружи во флиттерах, ушли, остальные погибли и корабль тоже. Мы разделились на группы и стали искать убежище. Через трое суток потеряли одну группу, когда нарвались на охрану подземелья в Городе...

— Подземелье в Городе? — переспросил Сэнфорд. — Ну-ка поподробнее!

— Под верхним Городом есть еще и подземный, вход в него находится в каком-то храме. Вернее, это не город, а скорее бесконечная пещера, которая, наверное, опоясывает всю планету. В ней ровными рядами идут анабиозные камеры, и в каждой камере лежат Предтечи. Их сотни миллионов, а может быть, и миллиардов. Группа, которая их обнаружила, вызвала по рации другие, которые находились рядом, но не дождалась их прихода и вскрыла одну из камер и этим положила себя в гроб. После этого все время над Городом раздается дикий вопль, который не прекращается уже вторую неделю. Вызванные группы не смогли попасть в пещеру — вход был закрыт. И что стало с этой четверкой, можно только догадываться.

Эта планета — кладбище, готовое в любую минуту ожить. Это мы поняли сразу после того, как получили сообщение о гибели четверки. Если мы не вырвемся отсюда, то все погибнем. Голубые призраки здесь в Городе нас не трогали, они почему-то боятся этого места. А когда мы увидели, как садится ваш звездолет, то попытались захватить его.

— Внимание! — крикнул Руффин. — Возвращаются Уоррес и Кноис, за ними погоня. Просят принять их по категории высшей срочности!

Автоматы силовой защиты были переведены в режим высшей готовности, и, как только флиттер приблизился к слабо мерцающему полю, включился коридор прохода и отрезал их от преследователей. Через минуту флиттер был втянут в грузовой отсек, и капитан нажал кнопку тревоги. Рывнула сирена, люди заняли места по боевому расписанию, гравитационные орудия, управляемые компьютером, настороженно шарили короткими рыльцами в поисках противника. Преследователи, отвернув от границ силового поля, пошли на снижение и скрылись за холмами.

«Молодцы! — подумал Сэнфорд. — Отличные ребята!» — Затем он указал на Бруно и распорядился: — Уберите этого парня, он нам еще пригодится.

Тот встал и поплелся, подталкиваемый стволом бластера. Сэнфорд повернулся к радисту.

— Передай Торсону, что мы подверглись атаке. И как у них дела?

Руффин настроился на их волну, и через некоторое время сквозь атмосферные помехи донесся голос суперкарго:

— Все в порядке, капитан. Кости говорит, что это установки для защиты всей планеты, и пытается установить, пригодны ли они для нас. Корабль лучше перебазировать поближе к Камням-Близнецам.

— Хорошо, Торсон, — сказал капитан. — Мы скоро будем у вас. — И, наклонившись к микрофону внутренней связи, скомандовал: — Экипажу приготовиться к старту!

Перелет прошел благополучно, и Сэнфорд посадил «Галактику» как раз между камнями. Укрепившись на грунте и настроив экраны обзора, люди молча ждали. И вскоре это пришло.

На фоне кровавого неба к кораблю начал стекаться голубой туман, превращавшийся в голубые тени, которые окружали «Галактику» со всех сторон.

— Напряжение поля падает,— встревоженно отметил Слоуан.

Капитан и Камил переглянулись, и руки Сэнфорда легли на рычаги пуска дополнительных генераторов защиты. Он сдвинул рычаги, и генераторы мягко загудели, посылая на силовые установки новые киловатты энергии. В тумане стали появляться новые дыры.

— Капитан, напряжение снова падает! — воскликнул инженер.— Дайте больше мощности.

Сэнфорд еще больше сдвинул рычаги, но туман стал еще гуще.

— Боб, генераторы на пределе,— сказал капитан.

На поверхности защитного поля забегали яркие звездочки.

— Поле! — побледнел Слоуан.— Это аннигиляция! Что же будет?

— Постараемся продержаться. Только бы Кости разобрался в этих чертовых приборах. Выключите все питание корабля, кроме генераторов, это добавит немного мощности.

Глава 6

Неясное, едва уловимое движение пробежало по завесе тумана, и он вдруг хлынул вперед, как могучий голубой вал, без единого звука, как в страшном сне.

— Капитан! Расход энергии на пределе!

Сэнфорд молчал, только окаменело лицо, а желваки вспучились буграми. Их жизнь зависела от генераторов. Если хотя бы один даст сбой...

— При дополнительной нагрузке на поле нам конец,— прошептал инженер.

«Галактику» тряхнуло с такой силой, что у космонавтов потемнело в глазах.

— Гравитационный удар! — прохрипел Сэнфорд.— Запускайте двигатели. Будем взлетать!

Удары усилились. Стали лопаться плафоны светильников и угрожающе затрещали переборки. И вдруг все стихло. Волны уплотненного пространства ринулись навстречу голубому туману и стали рвать его. Через некоторое время лишь прозрачные голубые лоскуты, бывшие некогда могущественными владыками планеты, носились вокруг корабля. Плотность излучения нарастала, постепенно расширяясь и освобождая все больше пространства вокруг Башен-Близнецов. В радиусе пятнадцати миль ревело море аннигилирующей материи. Огромные машины в основании Башен тонко пели, выдавая огромные количества энергии. Медленно шли минуты.

— Вот и все,— сказал Дэйн Торсон.— Мы успели вовремя.

— Ты прав, малыш! — Кости запрокинул голову и громко расхохотался.

— Вот что,— сказал Торсон,— мне нужно на корабль. Здесь тебе нужен кто-нибудь из твоих парней, я в этих штуках ничего не смыслю. Я вызову флиттер.

Между башнями было всего десять миль. Флиттер успел пролететь, должно быть, половину пути, когда малиновая вспышка беззвучно возникла прямо перед машиной. Дэйн с трудом поднялся и заковылял к ближайшему дереву. Он привел себя в порядок, глотнул немного тоника из фляги и почувствовал, что силы наполняют его тело. Посидев с полчаса, суперкарго встал, сориентировался и бесшумно двинулся в сторону звездолета.

«Ерунда, такое случается со мной не впервые», — подумал он вспомнив свои приключения на Хатке.

Когда он вышел из леса, на небе появились обе луны планеты, которые осветили равнину с чахлыми кустиками, одинокие деревья и холмы. Там за холмами стояла «Галактика». Внезапно из-за кустов вынырнула тень. Дэйн вскинул бластер, и яркая вспышка ослепила его. Кусты загорелись, и нападавшие с криками бросились в стороны, оставив два живых костра там, где их настигла молния бластера суперкарго.

Резкий удар выбил бластер из рук Дэйна. Он, все еще немного ослепший от вспышки бластера, опешил, но затем сделал резкий выпад и его нога соприкоснулась с чем-то плотным. Кто-то вскрикнул. Затем Торсон увидел неясные тени, которые окружили его. Он взмахнул рукой и почувствовал, как ладонь входит ребром в чье-то горло. Хруст костей... И снова выпад ногой, поворот и удар ладонью... Так он бушевал несколько минут. Перед ним осталась одна тень, которая сказала на чистейшем галактическом:

— Ну, что ж, парень, на мне ты сломаешь свои ладони.

Дэйн был поражен. Встретить здесь, на Предтече, людей? Это невероятно! Но, тем не менее, это было так.

На один из спутников надвинулась туча, и стало темнее. Дэйн успел заметить, как к незнакомцу присоединились еще двое и все молча ринулись к нему. Они дрались молча и упорно. Суперкарго почувствовал, что это опытные бойцы. С трудом увернувшись от удара справа, Дэйн, пригнувшись, прыгнул вперед, вытянув руки. Что-то хрустнуло под пальцами и истошный вопль разнесся далеко вокруг. Он почувствовал, что его рука вошла в голову противника, проломив ему переносицу.

Вновь осветилась равнина. Торсон вскочил на ноги и увидел, что оба противника заходят с боков, пытаясь зажать его. Дэйн застыл неподвижно, ожидая их нападения. Он опередил их на долю секунды, прыгнул вверх и выбросил в стороны обе ноги, обутое в тяжелые полетные ботинки. Послышался хруст ломающихся костей черепа, и оба мешками повалились на землю.

Дэйн почувствовал себя чрезвычайно уставшим, но медлить было нельзя. Он подобрал бластер и, слегка прихрамывая, пошел дальше. Через полчаса он добрался до небольших холмиков. В тени, отбрасываемой ими, что-то подозрительно шевельнулось.

«Глупцы», — подумал Торсон, поднимая бластер.

Он сжег все подножье холма, и ручейки раскаленной лавы потекли вниз. А еще через полчаса он добрался до корабля.

Рикки Уорен наблюдал за тем, как роботы выносят оборудование из грузовых люков, когда какой-то неясный шум привлек его внимание. Он обернулся и увидел человека, который, пошатываясь, брел к кораблю.

— Торсон! — выдохнул он.

— А, Рикки, — Дэйн махнул рукой и сел прямо на землю. — Дьяволы, они напали на меня, сбили флиттер.

— Да, Дэйн. Мы потеряли связь с тобой, как только ты вылетел от Башен. А твой передатчик?

— Разбит. Я сам чудом уцелел при падении.

Рикки помог ему подняться на ноги, и Дэйн, опираясь на товарища, заковылял к шлюзу.

Прошел еще один день. Было тихо, никто их не беспокоил. Казалось, будто весь мир вокруг них был насыщен красно-голубым безмолвием. Тишина была осязаемой и, если хорошо вслушаться в нее, можно было, наверное, услышать что творится в подземной цитадели Предтеч. Чувство беспомощности охватывало земли. Торжественно, с глубоким спокойствием молчало «легкое» воздушное покрывало планеты. Голубой туман, мертвый Город, бескрайняя пустыня... Где-то далеко летела на выручку «Галактике» «Королева Солнца». Внезапно мертвая тишина взорвалась диким воем, который несся от Города к кораблю.

Взметнулась к небу равнина, опустилось небо. Волны искривленного пространства изменили мир. Они рвали силовой экран звездолета. Тревожно завыл ревун.

— Капитан, они прорывают защиту! — закричал Слоуан, лихорадочно щелкая переключателями.

— Кости! Кости! — вызывал инженера Сэнфорд. — Давайте подключение к Башням!

— Да, капитан, — донесся ответ Карла. — Даю мощность.

Генераторы взвыли, захлебываясь энергией. Силовое поле стало стабилизироваться.

Глава 7

Дэйн, провалявшись несколько дней на койке в лазарете под неусыпным наблюдением Кнопса, заскучал и попросил его выписать. Ричард, немного поупрямившись, так как ему было очень скучно в своем стерильном, сверкающем белизной отсеке, в котором пациенты были редкими гостями, устроил ему очень придирчивую проверку и нашел суперкарго здоровым. Распрощавшись с врачом, Торсон отправился на поиски капитана. Разыскав его в библиотеке, он деликатно постучал, услышал негромкое «да» и вошел. Сэнфорд сидел на диванчике и листал большую книгу в старинном переплете.

— Как дела, Дэйн?

— Прекрасно, капитан. Я здоров и жажду мести.

— Для тебя есть задание. Мы наметили слетать в Город и проверить, как там обстоят дела.

— Я готов.

— Полетишь один. Ни во что не вмешивайся, только наблюдай и докладывай.

— Ясно, капитан. Когда отправляться?

— Да хоть сейчас. Флиттер ждет тебя.

Торсон козырнул и вышел из библиотеки.

За какие-то несколько дней Город преобразился. Теперь он был окружен колпаком силового поля, по улицам ходили Предтечи и проносились наземные экипажи. Дэйн устроил наблюдательный пункт неподалеку от флиттера. Рядом было прекрасное озеро в обрамлении камышей.

«До войны, — подумал Дэйн, — это была красивая планета».

Небо темнело, спутников почти не было видно. Он свернул аппаратуру и передал донесение на «Галактику», после чего направился к флиттеру.

Немного подкрепившись, он решил прогуляться к небольшому одинокому домику, стоявшему на широкой песчаной косе у озера. Подойдя ближе, Дэйн увидел, что двери домика давно рассыпались, стены выцвели, то есть домик был в полном запустении. Уже почти совсем стемнело, и он решил вернуться, но вдруг на фоне стены что-то промелькнуло. Дэйн сжался в комок и вскинул бластер, готовый в любую долю секунды открыть огонь.

— Не стреляйте! — раздался голос. — Я без оружия.

Торсон немного поколебался, раздумывая, как ему поступить, а тем временем человек подошел поближе, и он смог его разглядеть. Это был мужчина небольшого роста, приятной наружности.

— Идемте со мной, — пригласил он, — не бойтесь, мы не причиним вам вреда.

Мягкий тон успокоил Дэйна, но бластер он не опускал. Они двинулись к домику. Пройдя несколько комнат, они оказались в большом квадратном зале. Провожатый остановился и повернулся к Торсону.

— Не волнуйтесь, — повторил он еще раз. — вы у друзей, которые наделены некоторыми полномочиями в отношении этой планеты.

Дэйн задумался над тем, что могут означать эти слова, но тут у него за спиной послышались шаги, и он резко повернулся. В зал входили двое людей. Они как бы сошли с фресок Города. Легкая тень голубоватой одежды подчеркивала гармоничные формы их тел. Один из вошедших был стар, другой — совсем молодой человек. Старик посмотрел на провожатого Торсона, и тот коротко кивнул ему.

— Пройдемте на террасу, — сказал старик.

Они вышли, и Дэйн оторопело остановился. Это был не тот невзрачный домик, который он увидел у озера. Фасад этого сверкающего дворца был выложен стекловидными плитами, в которых отражались звезды. Старик уселся в стоявшее здесь кресло, а молодой человек встал у него за спиной. Видимо, это был охранник.

— Вы, наверное, этого не знаете, но нам, харрианам, это известно, — начал старик. — Среди Предтечей существует целая группа «недовольных», которые хотят совершить переворот и свергнуть власть Великого. Мы, харриане, очень древняя раса, более древняя, чем Предтечи. Когда-то очень давно мы столкнулись с ними для того, чтобы положить конец их воинственной политике в Галактике. Это была долгая и кровавая война, и мы победили их. — Старик смотрел на Торсона удивительными глазами, словно заглядывая ему в душу. — Предтечи замкнулись на своих планетах, но мы не могли оставить их в покое, зная, что тогда начнется все сначала. Мы установили на их планетах сигнализаторы, которые должны были послать сигналы, как только Предтечи начнут активно действовать. И вот недавно мы получили сигнал отсюда. Наша экспедиция три дня назад высадилась возле Города и обнаружила, что они усиленно готовятся к войне. Мы стали вести наблюдение за ними и вступили в контакт с группой «недовольных». С орбиты мы засекли ваш звездолет, но решили пока в контакт не вступать, это не было предусмотрено программой. Но члены группы «недовольных» настойчиво советовали связаться с вами и вот мы тут.

Дэйн молчал, обдумывая ситуацию, стараясь понять, чего же хотят от него харриане.

— На днях,— продолжал старик,— сюда прилетит крейсер, которым командует Торкомор, мой лучший друг. Направленные мутации, которыми мы овладели, позволяют создавать различные виды существ, управлять наследственностью. У Торкомора колоссальный мозговой потенциал. Вчера я послал сообщение в центр, в котором обрисовал обстановку на планете, и он дал согласие на прилет Торкомора. С его помощью мы легко решим проблему этой планеты. Центр наделил его полномочиями дипломата.

— Но зачем вам здесь дипломат? — выдавил из себя Дэйн.

— Понимаю, вы считаете, что сюда нужно было послать боевой флот? Но это не так. Торкомор наделен высочайшими полномочиями, ему решать, быть войне или нет.

Дэйн посмотрел на молодого охранника. Его холодное лицо было безжизненным.

«Словно робот»,— подумал Дэйн и сказал: — В первую очередь вопрос стоит о предотвращении убийств.

— Правильно,— согласился старик.— Поэтому я и просил прислать Торкомора. С этой задачей он справится быстрее, чем боевые корабли. Мы старая и мудрая раса, у нас накоплен опыт многих поколений и мы знаем, чем заканчиваются походы боевых эскадр.

Перед Дэйном пронеслась картина нападения Голубых Призраков, Предтечей и его затошнило от запаха горелого мяса. Какого разумного поведения требует от него этот старик? Нужно действовать по обстоятельствам, а они таковы, что против силы они должны противопоставлять силу, так было всегда. Дипломатам здесь нечего делать. Ему удалось немного расслабиться, но потом воспоминания нахлынули на него и волна гнева окатила его сознание. Дыхание участилось и сердце забилося быстро и жестко.

Старик внимательно посмотрел на него и сказал:

— Вы, люди — странная раса. В обычное время вы живете спокойно, ничем не отличаясь от остальных, но когда опасность застает вас врасплох, вы отвечаете с молниеносной быстротой и силой. Вами управляет не разум, а чувства, вы полностью подчинены им. Вы действуете нелогично, но, как ни странно, это приносит успех. Вы чаще всего проявляете свои чувства во время смертельной опасности. В самых тяжелых обстоятельствах вы не грубеете и не становитесь бездушными автоматами-убийцами. Конечно, у вас есть исключения, но в целом вы — удивительная цивилизация.

— Благодарю вас за столь лестное заключение,— ответил Дэйн с поклоном.— Хорошо, что вы о нас такого мнения, но вам-то что до нашей расы? Какую цель вы преследуете, установив контакт с нами?

Глубокие глаза старика блеснули.

— Верно,— согласился он,— цель у нас есть. Ваш мир перенаселен. Мы, перестраивая свою систему, так увлеклись этим, что когда зачалили ее полностью и выбрались в Галактику, то за сотни лет большинство более или менее пригодных к колонизации планет были уже заняты. И заняты преимущественно вашей расой. Нам нет смысла воевать за эти планеты, мы можем договориться мирно, определив зоны обитания наших цивилизаций.

Дэйн кивнул.

— Понятно,— сказал он и посмотрел на небо, сверкающее мириадами

далеких звезд.— Извините, но мне пора возвращаться, мои товарищи будут волноваться, если я в срок не прилечу на корабль. Если вы хотите, мы можем вместе полететь на «Галактику».

— Согласен,— ответил старик,— летим. Мы прибыли вовремя и Предтечам не выйти на «тропу» войны в космосе.

Глава 8

Беспокойная ночь подходила к концу. Впереди у пульта Дэйн видел голову Сэнфорда, возле капитана застыл Камил. Они ждали атаки, все говорило об этом. Слоуан что-то сказал капитану, тот коротко кивнул и вновь застыл в ожидании. Сидевший рядом с Дэйном старый харрианин усмехнулся, показывая свои зубы, белые и красивые, резко контрастирующие с его сморщенным лицом.

— Вот оно, подтверждение моих слов,— сказал он, повернувшись к Торсону.— Всего несколько минут назад вы были нормальными людьми, а сейчас, перед нападением, вы как живые машины.

Дэйн ничего не ответил, продолжая всматриваться в экраны. Внезапно направленная волна энергии соприкоснулась с силовым полем, выбросив веер брызг.

— Вот и началось,— сказал Дэйн.— Наши инженеры решили пустить установки Башен-Близнецов на полную мощность. Посмотрим, что из этого выйдет.

Старик молчал. Из-за горизонта появилось кровавое солнце.

— Напряжение на внешней стороне поля увеличивается,— бросил инженер, глядя на стрелки приборов.

— Подключайте Башни!

Слоуан защелкал переключателями, но результата не было.

— В чем дело? — взревел капитан.— Что там Кости думает? Он угробит нас!

— Кости не виноват, капитан, ведь это не наша техника,— сказал Руффин.— А полную мощность мы даем впервые.

— Извини, мой мальчик, я злюсь на себя. Сижу здесь как старый пенёк и ничего не могу поделать.

Дэйн посмотрел на харрианина. Тот, казалось, заснул, и Торсон был поражен, как он мог заснуть в такой момент. Охранник старика достал небольшой аппарат связи и что-то быстро затрещал на своем языке. Суперкарго вновь посмотрел вперед на пульт и услышал, как Боб сказал:

— Напряжение падает.

— Это Кости? — спросил капитан.

— Нет, установка еще не включалась.

Капитан недоуменно посмотрел на него.

— Что бы это значило?

Из аппарата раздалась ответная трескотня. Старик открыл глаза и сказал:

— У Предтеч неприятности и они прекратили атаку.

— Какие неприятности? — спросил Сэнфорд.

— С заговорщиками. Им теперь не до нас.

— Карл, я у центральной силовой линии.

— О'кей! Я удержу вас в пучке.

Сильный рывок флиттера заставил Дэйна нагнуться. «Галактика» осталась позади. Туман окутывал пространство, но машина рвалась вперед, направляемая умелой рукой. На экране то и дело появлялись какие-то пятна. Через некоторое время они проскочили полосу тумана и вырвались на простор равнины. Торсон направил флиттер к океану и через час полета они нашли то, что искали — одинокое, полуразвалившееся здание.

Посадив машину, Дэйн откинул люк и вышел, а Руффин остался во флиттере. Торсон двинулся по утоптанной тропинке к развалинам. Внезапно дорогу ему преградил человек с бластером.

— Братья здесь? — спросил его Дэйн.

На лице парня отразился страх, потом ярость и жестокость.

— Кто ты такой, чтобы так разговаривать? — резко спросил парень.

— Воспитанные люди не кричат при встрече, они сначала здороваются, — вежливо ответил Дэйн. — Посмотри туда, — и он указал на флиттер с торчащим бластером большой мощности.

Парень резко смешался и, пожав плечами, сказал:

— Проходи.

— Нет, ты пойдешь впереди, — ответил суперкарго.

Они пошли по развалинам. Пройдя несколько поворотов, парень вывел Дэйна к небольшой комнатке без крыши. В углу на самодельной табуретке сидел мужчина в темно-коричневом космическом комбинезоне, который уже давно расползался по швам. Рысьи глазки этого человека обшарили Дэйна с головы до ног.

— Кого ты привел, Берни? — спросил он.

— Это, скорее, я его привел, — возразил Дэйн.

— Что он там болтает? У тебя что, язык отсох?

— Там стоит флиттер и держит нас на прицеле, — ответил Берни.

— И что же, они начнут стрелять, если я не выпущу тебя отсюда? — спросил человек в комбинезоне.

— Разговор не об этом, — оборвал его Дэйн. — Кто ты?

— Если ты так интересуешься, то я — Ласло Джонсон.

— А где Роберт?

— Братец умер. И я скорблю о нем.

— А где остальные?

— Об этом тебе лучше знать! — Ярость захлестнула Джонсона. — Кто может здесь выжить, если ко всем чудесам начинаются еще и маленькие войны.

Торсон кивнул.

— Вы получили то, что заслужили. Но вас, видимо, осталось только трое, и я могу помочь вам выбраться отсюда.

— Мы никуда не уйдем, там нас ждет только смерть.

— Я объясню, — сказал Торсон. — Эта планета куплена на аукционе и мы наделены всей полнотой власти. Надеюсь, вы видели, как поступают с непрошенными гостями в частных владениях?

В глазах Берни вспыхнул неприкрытый страх. Ласло посмотрел на него и усмехнулся.

— Не бойся, малыш. Пока что все нормально, а там мы посмотрим.

Лицо Дэйна исказилось, он сделал неуправляемое движение рукой и в ней оказался плазменный пистолет. Берни бросил бластер на пол и поднял руки. Ему, видимо, давно надоела эта жизнь в развалинах. Джонсон окаменел.

— И все-таки я еще раз предлагаю вам помощь и предлагаю покинуть планету.

Лицо бандита ничего не выражало, но было видно, что внутри они горели ненавистью. Торсон пожал плечами и пистолет выплюнул сгусток плазмы. Затрещал комбинезон, и Джонсон, не издав ни звука, умер. Дэйн посмотрел на Берни.

— Иди к флиттеру.

Тот повернулся и бегом бросился прочь из развалин. Когда Дэйн подошел к машине, из люка показался Руффин и с довольной улыбкой сказал:

— Есть три потрясающих новости!

— Давай, выкладывай, — улыбнулся Дэйн.

— Новость первая, — прибыл Торкомор. Новость вторая — рядом с «Галактикой» села «Королева Солнца». И новость третья — Предтечи организовали переворот. Великий свергнут и нам приказано возвращаться.

Глава 9

Город преобразился. Силовой колпак был снят и дорога была свободной. Куполообразное здание дворца сверкало яркими красками стекловидных панелей. Дэйн вместе с другими прошел через вход и поднялся по широким ступеням в зал, где должен был начаться Совет. Зал был полон. В центре в глубоком кресле сидел Великий и его лицо было искажено маской ненависти. Ненависть была смыслом существования этого существа. Предтеча сидел неестественно прямо, и глаза его пылали огнем ненависти. Зал притих, и со своего места поднялся Торкомор.

Это был маленький человечек с огромным уродливым черепом и морщинистым лицом.

— Как получилось, что вы, Предтечи, посвятили всю свою жизнь разрушению? — заговорил он. — Как могла такая сильная и могущественная раса, существующая для человеколюбия и созидания, найти свое призвание в ненависти ко всему живому? Война заставила многие цивилизации выбрать пути, ведущие к нормальной жизни. И вы могли бы быть счастливыми, заключив союз с другими расами.

Лицо Великого исказилось. Торкомор поклонился и сел. Со своего места поднялся Сэнфорд.

— Может быть, тогда и жизнь землян сложилась бы по-другому. Ведь вы — более древняя, может быть, самая древняя раса в Галактике, и могли бы помочь нам, протянув руку дружбы и помощи. Не всегда у нас бывает все хорошо, но мы смогли бы объединиться. И мы боремся за сохранение мира и свободной торговли между мирами. Не приди в трудную минуту харриане, вы бы до сих пор продолжали бы воевать за призрачные цели. Но они пришли и жестоко наказали вас, загнав в подземные цитадели ваших планет. Тысячелетия анабиоза не смогли вылечить вас от милитаристских устремлений. Мы, придя случайно на эту планету, разбудили вас и вы опять стали готовиться к войне в надежде, что вы остались не-

побежденными и несломленными. Напрасно, на «большую дорогу» Галактики вышли мы, земляне, с огромным опытом ведения войн, и пролилось бы много крови, прежде чем вы бы поняли, что это бесполезная война. Но и на этот раз харриане пришли вовремя. Теперь вам предстоит сделать выбор — продолжить свою политику войн или стать добрыми друзьями и жить в мире с остальными расами.

Великий сидел так же неподвижно, сжав резко очерченные тонкие губы. Тонкие пряди волос, еле заметные брови, насупленное лицо — все говорило о его ненависти. Глядя на него, казалось, что в его жилах нет крови. Он иногда посматривал в зал, окидывал всех холодным взглядом. Дэйну уже приходилось видеть людей, которые вот так же сидели в полном спокойствии, с такой же мертвенной гримасой, а потом они впадали в бешенство. Напряжение овладело Дэйном. Он вдруг отчетливо понял, что сейчас должно что-то произойти.

Предтеча держался с холодностью, но его выдавали глаза. В них таился страх, но не страх перед Судом, а страх перед чем-то ужасным. Его лицо было напряжено, словно он прислушивался к чему-то внутри себя. Внезапно он рассмеялся, но смех его тут же оборвался. Опять встал Торкомор.

— И вот ваш Великий в припадке истерического вхождения пришел к выводу, что преследуемый войной мир мечтает о новом большом владыке и жаждет его, способного сеять смерть вокруг землян. Они, прилетевшие сюда, столкнулись с Предтечами в смертельной схватке. Мы подоспели вовремя! — его голос звучал спокойно и вежливо.

Внезапно Великий выпрямился в кресле и, прервав Торкомора, хрипло выкрикнул:

— О, да! Великая раса харриан пришла на помощь. Только где же вы были раньше, если бы я не пригласил этих ублюдков «недовольных». Я смел бы вас с планеты, как пыль мокрой тряпкой! — падали его слова в зал. — Эти глупцы свергли меня и этим добились порабощения своей расы вашей. — Теперь он говорил быстрее, и, если бы Дэйн не знал, что он на грани психического срыва, можно было бы подумать, что Великий пьян. — И если вы думаете, что можете судить меня, то вы ошибаетесь. Я для вас недосыгаем!

Дэйн понимал, что этот момент наступает, что сейчас что-то произойдет. Страх полностью овладел старым Предтечей.

— Ты будешь осужден, как и любой другой преступник, — сказал Сэнфорд.

Великий не ответил. Он смотрел прямо перед собой, но его глаза стали покрываться голубой поволокой, а кожа лица стала голубеть. И тут Дэйн все понял...

— Предтеча!!! — крикнул он.

Старик не среагировал.

— Предтеча! — еще раз крикнул Дэйн.

Все в ужасе смотрели на Великого. Внезапно его тело изогнулось в страшной судороге, голова запрокинулась и он упал с кресла. Зал ахнул.

Дэйн вскочил и закричал:

— Убейте его! Убейте, пока он не превратился в Голубого Призрака. Он болен голубой чумой!

Несколько бластеров одновременно распороли молниями бьющуюся на полу фигуру. Загорелось кресло, корчащееся тело старика замерло и мгновенно обуглилось.

— Большинство сидящих в зале удивлены тем, что произошло с Великим,— сказал Торкомор,— но нам, харрианам, стало известно, что он ввел себе штамп голубой чумы. Мы только не знали, когда вирус подействует. Он хотел стать бессмертным и неуязвимым, но землянин успел предупредить нас. Я преклоняюсь перед вами.— И он поклонился Дэйну.

Тот вспыхнул от смущения.

— Великий мертв, но Голубые Призраки существуют и представляют собой известную опасность. Предлагаю объединиться и общими усилиями уничтожить их.

Ужасы войны были позади, с Голубыми Призраками было покончено, а Предтечи готовились к вступлению в Галактический Союз.

Дэйн открыл люк, и вязкое облако тумана окутало его. Экипажи обоих звездолетов вышли наружу, прощаясь с планетой. Они возвращались к своей нелегкой жизни вольных торговцев. Планета была объявлена карантинной, Джелико получил за нее приличную компенсацию, и они готовились отправиться на далёкую Гомару, где их ждала «Жемчужина Космоса».

«Когда жизнь спокойна, у вас работает воображение, когда появляется угроза — вы начинаете действовать. Сила и инстинкт — будьте всегда такими...» — так говорил им старый харрианин прощаясь.

Его наивность немного смутила Дэйна и, что было совсем смешным, так это то, что у них никогда не будет спокойной жизни, а это означает, что они всегда будут жить инстинктом и силой. Старик об этом не подумал, но они не стали говорить ему об этом...

Пока же они стояли на холме и смотрели на заходящий красный карлик. Небо быстро темнело, за их спинами возвышались громады кораблей, а впереди были новые планеты и новые приключения.

СОДЕРЖАНИЕ

Саргассы в космосе	3
Зачумленный корабль	117
Планета колдовства	217
Проштемпелевано звездами	262
Чумная планета	368

Андре Нортон.

«Скитальцы космоса»./ «Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа.» Выпуск 5/.
Издано при содействии коопер. предприятия «Мелор».

Художественный редактор А. САЯПИН.

Технический редактор Л. ЗАИЧКИНА.

Корректор М. ДУЩЕНКОВА.

ИБ 2349

Сдано в набор 30.08.91. Подписано в печать 19.12.91. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага
офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 25. За-
каз № 3109. Тираж 100 000 экз. Заказное.

«Библиотека «Лооминг». Эстония. 200001, г. Таллинн, ул. Харью, 1.

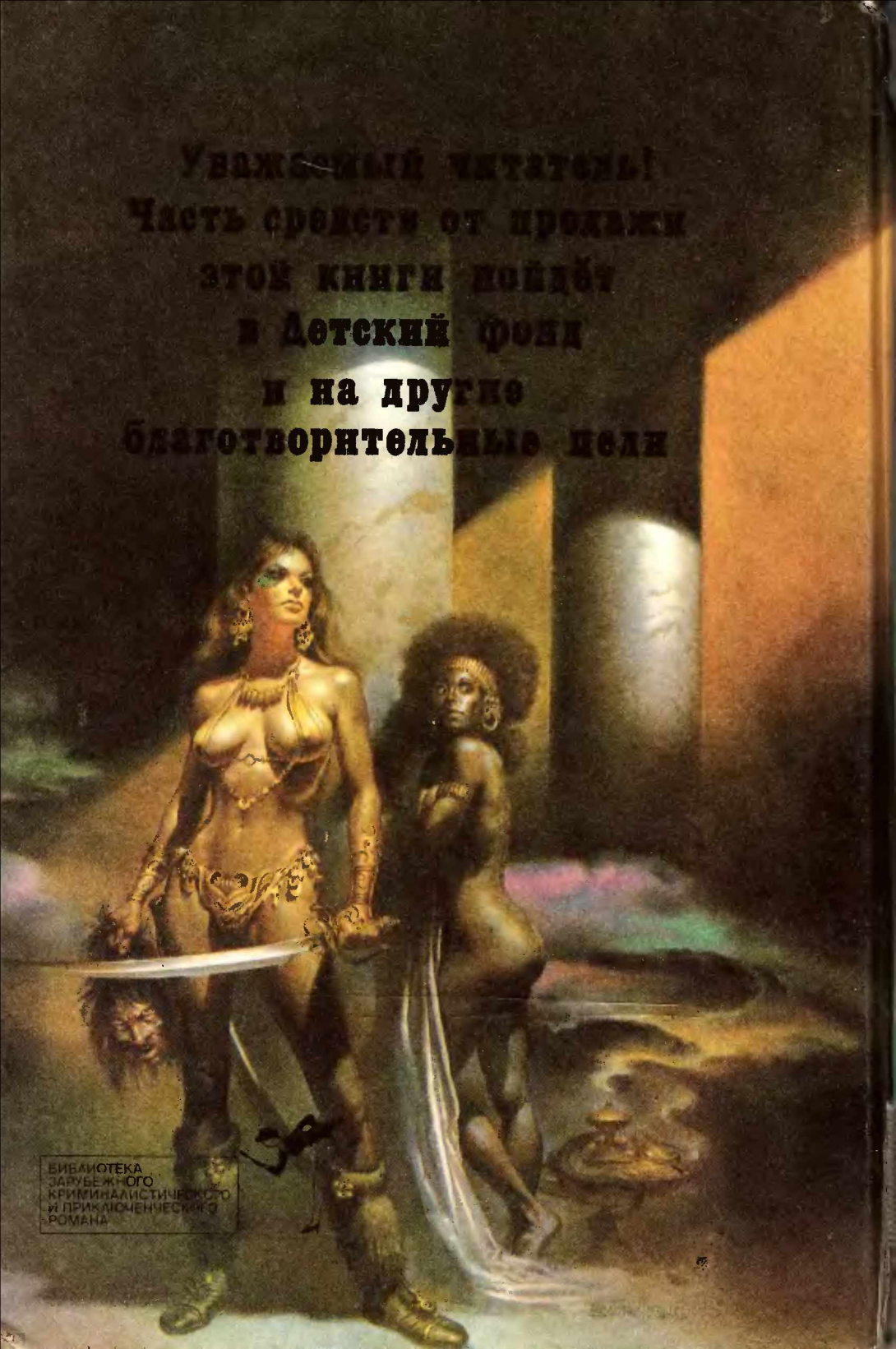
Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020, г. Смоленск, ул. Смольяни-
нова, 1.

Уважаемые читатели!

В седьмом выпуске нашей серии читайте лучшие отобранные романы знаменитого американского писателя — фантаста — ЭДМОНДА ГАМИЛЬТОНА, также сведенные в одну книгу «Звездные войны».

С уважением А. САЯПИН.

Уважаемый читатель!
Часть средств от продажи
этой книги пойдет
в Детский фонд
и на другие
благотворительные цели

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА